

Е. Н. Черных

Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира

Том 2

Е. Н. Черных

**Культуры номадов
в мегаструктуре
Евразийского мира**

Том 2

Nomadic Cultures in the Mega-structure of Eurasian World

Evgenij Chernykh

Moscow
2013

Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира

Евгений Николаевич Черных

ТОМ
2

Москва
2013

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 902/904
ББК 63.4(2)
Ч 47

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 13-01-16008

Черных Е. Н.

**Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. Т. 2. М.:
Языки славянской культуры, 2013. — 432 с.**

ISBN 978-5-9551-0675-5

Евразийский континент при его членении на основные геоэкологические зоны напоминает трехслойный «пирог», в котором различные слои последовательно накрывают друг друга с севера на юг. Середина «пирога» — это Великий Степной Пояс континента. Протянувшийся на восемь тысяч километров от Черного моря до моря Желтого этот Пояс служил в течение долгих тысячелетий доменом кочевых и полукочевых народов. Взаимоотношения номадов со своими соседями, и особенно с южными — оседло-земледельческими культурами и цивилизациями, — практически всегда отличались чрезвычайной сложностью.

Второй том книги представляет историю кочевых и полукочевых народов Евразии и их место в мегаструктуре нашего континента в более позднее время — два тысячелетия новой эры, вплоть до современности. Здесь на первый план выходят уже источники письменные, а археология играет заметно меньшую роль. Особое внимание сосредоточено также на ключевых проблемах интерпретации характера и динамики исторического развития культур.

ББК 63.4 (2)

В оформлении книги использованы фотографии творений, принадлежащих скульптору и художнику Даши Намдакову. Некоторые иллюстрации предоставлены автору книги самим скульптором из его творческой мастерской, другие — воспроизведены из каталога выставки произведений «Ностальгия по истокам. Вселенная кочевников Даши Намдакова», состоявшейся в Санкт-Петербурге, в Государственном Эрмитаже в 2010 году; фото А. А. Бронникова и В. М. Бойко (СПб.: Издательство «Чистый лист», 2010).

На переплете на передней стороне изображение скульптуры — «Воин», на задней — «Чингисхан», на контртитule — «Золотая Шория».

ISBN 978-5-9551-0675-5

© Е. Н. Черных, 2013
© Языки славянской культуры, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ 2

Предисловие	11
-------------------	----

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ КУЛЬТУРЫ СКОТОВОДОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ КАРТИНАХ

ГЛАВА 20. ПРЕОБРАЖЕНИЕ ПАСТУШЕСКИХ НАРОДОВ АРАВИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА	15
У истоков откровения.....	15
Битва при Бадре и начало великой экспансии.....	17
Первая волна завоеваний.....	19
Вторая волна завоеваний: Иберийский полуостров	21
Таласская битва и Джунгарские ворота	25
ГЛАВА 21. МИР ИСЛАМА И КАТОЛИЧЕСКАЯ ЕВРОПА	27
Сигналы с севера от пастушеских народов Степного Пояса	27
Интеллектуальный взлет в арабских халифатах	29
Географические представления европейских властителей	31
Европа двинулась на Палестину.....	34
ГЛАВА 22. ПЕРВАЯ ВОЛНА С ВОСТОКА: ГУННЫ.....	42
Обрушение столпов стабильности	42
Гунны на Западе.....	43
Аттила	47
Гунны после Атиллы.....	51
ГЛАВА 23. ГУННЫ НА ВОСТОКЕ	55
Где их корни?	55
Реалистичность китайских оценок	56
Маятник побед и поражений	59
Слабая Хань — сильные гунны	60
Переписка шаньюя и императора.....	62
Пять приманок для гуннов: советы Цзя И	64
Главное — это организация воинства: советы Чао Цо.....	67
Хань набирает силу — гунны слабеют.....	70
Победа рекомендаций Цзя И?	73

Народ юэчжи — скифы?	74
Восточные гунны и их курганы	75
ГЛАВА 24. ВТОРАЯ ВОЛНА С ВОСТОКА: ТЮРКИ	83
Хаос племен и народов — хаос в хрониках	83
Потомки гуннов на Востоке: жужани, сяньби	84
Тюркские каганаты	87
Победы — поражения: ритмы повторений	90
Мир тюркоязычных народов	92
Письменные источники и археология: как найти связку между ними?	94
ГЛАВА 25. НАСЛЕДНИКИ ЗАПАДНО-ТЮРКСКОГО КАГАНАТА	98
Булгары — кто они и откуда?	98
Хазары и их каганат	101
Огузы	106
Крестоносцы-католики и тюркоязычные кочевые половцы	108
ГЛАВА 26. ТРЕТЬЯ ВОЛНА С ВОСТОКА: МОНГОЛЫ И КИТАЙ	112
Сокровенное сказание монголов	112
Мэн-да бэй-лу: Чжао Хун	113
Китайские династийные хроники: Никита Бичурин	115
Тэмучин — детство и юность	118
Чингисхан — первые шаги властителя	121
Год Барса — 1206	123
Покоренные тангуты — царство Си Ся и кончина Чингисхана	125
Сраженные чжурчжени — царство Гинь	126
Гибель династии Сун	127
Монголы на Тибете	129
Кентавры с баллистами	129
Феномен Великой Китайской стены и его парадоксы	133
ГЛАВА 27. ТРЕТЬЯ ВОЛНА С ВОСТОКА: МОНГОЛЫ И МИР ИСЛАМА	136
Начало: первый бросок на Запад	136
Катастрофа Хорезма	138
От Самарканда до Калки и назад в Монголию	142
Мир ислама: боль и ненависть	145
Мир ислама: лесть обволакивающая	147
ГЛАВА 28. ТРЕТЬЯ ВОЛНА С ВОСТОКА: МОНГОЛЫ И ХРИСТИАНСКИЙ МИР	152
Первая фаза: нежданные пришельцы	152
Решение о покорении Вселенной и второй бросок на Запад	154
Русь и ее соседи под ударами	155

Сигнал тревоги в католическом мире.....	157
В попытках организации коллективного отпора.....	160
Католический мир: этап начального отрезвления.....	162
Де Рубрук и Марко Поло.....	167
ГЛАВА 29. АПОГЕЙ И РАСПАД ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ.....	173
Апогей Империи.....	173
Микроскопический полигон.....	175
Три поколения завоевателей.....	176
Поражения без битв.....	177
Синдромы Антея и Одиссея.....	178
Размягчение грубых душ и пороки.....	179
ГЛАВА 30. ВМЕСТО ЭПИЛОГА. ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ ВОСТОКА	184
Три волны с Востока: черты сходства и различий.....	184
Письменные источники — их плюсы и минусы.....	187
Исторические реалии и «монгольский синдром».....	189
Великий Шелковый путь и археология.....	192
Монгольские города и их судьба.....	196
 ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ РУСЬ, РОССИЯ И КУЛЬТУРЫ СТЕПНОГО ПОЯСА 	
ГЛАВА 31. ПОЧЕМУ ТОЛЬКО РУСЬ?.....	203
Причины выбора.....	203
Вновь о взаимосвязи истории с археологией.....	205
О знаменитых историках Древней Руси.....	206
Скверная экология, скверные соседи.....	209
ГЛАВА 32. ОТ АВАРОВ ДО ИВАНА ГРОЗНОГО	212
Авары, хазары, печенеги.....	213
Половцы.....	216
Калка.....	219
Четыре года и четыре волны Батыева нашествия.....	220
Монгольское иго и русские князья.....	221
Куликово поле.....	224
Золотая Орда слабеет.....	226
От стояния на Угре до Ивана Грозного.....	228
ГЛАВА 33. НОВОЕ ВРЕМЯ — ДВЕ ВОЛНЫ СЛОМА РУБЕЖЕЙ ЕВРАЗИЙСКОГО ЯДРА	231
Переломные столетия перехода в Новое Время.....	232
Прорыв Ядра на западном фланге.....	233

Испано-португальская волна — с мечтой об Индии.....	234
Америго Веспуччи и Америка.....	238
Золото Южной Америки	242
Британская волна — с мечтой о планете Земля	245
Капитан Гудзон и Новый Амстердам.....	245
Тринадцать британских колоний: у истоков независимости США	247
Британская Империя	248
ГЛАВА 34. ТРЕТЬЯ ВОЛНА СЛОМА: ПРОРЫВ К ТИХОМУ ОКЕАНУ.....	250
За столетие до Ермака.....	250
Казанский «барьер».....	252
Строгановы и Ермак Тимофеевич	253
От Урала до мыса Дежнёва.....	258
Встречи на Амуре: маньчжуры.....	259
Мирное освоение?.....	261
Начало колонизации: пушнина вместо золота	262
Степной Пояс и Китай.....	267
Колонизация Северной Евразии и блокада Степного Пояса	269
ГЛАВА 35. СЛОМ РУБЕЖЕЙ ЕВРАЗИЙСКОГО ЯДРА: КОЛОНИЗАЦИЯ И ЕЕ ПРИНЦИПЫ.....	271
«Тяжкий крест» европейских «цивилизаторов».....	271
Открытие новых земель и приобщение «дикарей» к цивилизации	273
Источник наслаждений.....	274
Специфика российской колонизации	275
Последний прорыв на восток: русские в Америке	276
Колонизация и судьбы народов.....	279
ГЛАВА 36. ШТУРМ СТЕПНОГО ПОЯСА С СЕВЕРА.....	281
Крымская крепость-заноша	281
Князь Потемкин-Таврический.....	285
Уральский плацдарм.....	286
Иван Кирилов и «окно на юго-восток»	289
Рычков — краевед, историк, «счетовод»	292
Путь в казахские степи	294
Последние дни бывшего Казахского ханства	297
У ворот Бухары.....	299
Проект «Желтороссия»	303
Конец 19 столетия: финал истории Степного Пояса?.....	304
ГЛАВА 37. СТЕПНОЙ ПОЯС И СОВЕТСКАЯ ИМПЕРИЯ.....	306
Недолгий путь к Советской империи.....	306

«Союз нерушимый республик свободных...»	307
«Очередные задачи советской власти».....	309
Успехи и достижения.....	310
Неудачи и провалы.....	311
«Дружбы народов надежный оплот»	313
Средняя Азия: столетие спустя	314
Монгольские впечатления: шесть десятилетий спустя	317
«Нива и жатва печали»	323

ЧАСТЬ ПЯТАЯ ВМЕСТО ЭПИЛОГА. ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ, СЛОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ГЛАВА 38. СЛОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В РЕТРОСПЕКТИВЕ.....	331
Генеральные задачи исследования и «ретроспективные» проблемы	331
«Тридцать лет спустя»	332
О периодизации Эпохи Раннего Металла	334
Радиоуглеродная хронология и парадигма современной археологии.....	336
Модели развития: трансформация	338
Удары по аксиоме Оскара Монтелиуса	339
Модели развития: скачок и взрыв	341
Поиск истоков технологических инноваций и проблема миграций	344
ГЛАВА 39. КУЛЬТУРА И ЕЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА	347
Нормативный фактор	347
Нормативный фактор и религиозные постулаты Запада и Востока	350
Нормативный фактор и погребальные обряды.....	356
ГЛАВА 40. САМОДОСТАТОЧНОСТЬ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУР	361
Технологические взрывы и неравномерность исторического развития.....	361
«Самодостаточные» культуры	362
Евразия и Африка: судьбы прародины человечества.....	365
Австралийские аборигены и их путь развития.....	367
Совсем странный финал: «Мы не Европа? И слава Богу!»	370

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. КАЛЕНДАРНАЯ РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ «ДОПИСЬМЕННОЙ» ЭПОХИ ЕВРАЗИИ	375
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. В ЖАЖДЕ БЕССМЕРТИЯ: ЧИНГИСХАН И МИССИЯ МОНАХА ЧАН-ЧУНЯ	380
Чингисхан: жажда вечной земной жизни	380
Чан-чунь Чингисхану	381
В путь на Запад	383
Перевал через Тянь-Шань.....	386
В другом, более привычном мире.....	388
К озеру Сайрам-нур и через Тянь-Шань восемьсот лет спустя	390
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ДРЕВНИЙ ЯРОСЛАВЛЬ И БАТУ-ХАН	394
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ЧИНГИЗИДОВ?.....	398
ПРИЛОЖЕНИЕ 5. ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И ТАЙНАЯ МИССИЯ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА	399
Мои благодарности	407
Библиография	409

Предисловие

Читатель, подробно ознакомившийся с первым томом, по всей вероятности, обратит внимание на заметную разницу в характере освещения тех материалов, что представлены в различных главах тома второго. И при этом культуры номадов Евразии по-прежнему остаются центральным объектом изучения. Одно из наиболее знаковых различий обусловлено, разумеется, более поздним возрастом затронутых во втором томе кочевых сообществ: они связаны уже полностью с двумя тысячелетиями новой эры. По этой причине наиболее действенным инструментом анализа становятся здесь отнюдь не археологические материалы, но источники письменные. Археология при этом сдвигается на задний план. Зыбкость и малая надежность археологических источников объясняется в данном случае еще одним обстоятельством. На протяжении не менее пятнадцати столетий новой эры первостепенные «персоны» — это культуры номадов Востока, тогда как в более ранние эпохи на исторической арене Евразии главные роли принадлежали кочевым сообществам евразийского Запада. Неисчислимое многообразие письменных источников позволяет различить три важнейшие восточные, устремленные на запад волны номадов — гунны, тюрки и монголы. Их непревзойденным апогеем явилась, конечно же, Великая Монгольская империя. Однако сколь удивительно бедно и тускло выглядит археология восточных кочевников на фоне их безбрежных завоеваний! Или, скажем, в сравнении с фантастическими сокровищами могил вождей курганных культур канувшего в небытие западного Скифского мира! Нет сомнений, что ключевые регуляторы столь разительных отличий таились в базовых идеологических канонах кочевых культур Востока и Запада. Представления о характере мира потустороннего, загробного и о бытии в этом воображаемом мифическом космосе оказывались у номадов двух основных частей Евразии в буквальном смысле полярными, что и отразилось предельно ярко в их археологии.

Особое внимание во втором томе привлекает удивительно сложная тысячелетняя история взаимоотношений номадов Степного Пояса с Россией, и такой аспект изысканий может, пожалуй, вызвать удивление. Вспомним однако, что покрывавший весь лесной север Евразии мир лесных охотников и рыболовов практически всегда служил для кочевых культур Великой Евразийской Степи достаточно надежным тылом. Сюда можно было откочевать и укрыться в случае неудач — ведь мир лесных народов не составлял номадам сколько-нибудь значимой конкуренции. Однако распадается Золотая Орда и на ее руинах возрастает мощь Московской Руси. Проходит не столь уж долгое время, и вот уже Российская империя подчиняет безмерные лесные просторы Сибири. И тогда для степняков арена их традиционных деяний и битв оказывается как бы перевернутой на 180 градусов — ведь именно с севера следуют теперь сотрясающие основы кочевых объединений удары... Однако новый парадокс не заставит себя ждать: минет всего лишь около полутора столетий, и государства Степного Пояса Евразии явят миру свое совершенно новое лицо.

Часть третья

КУЛЬТУРЫ СКОТОВОДОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ КАРТИНАХ

Глава 20

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ПАСТУШЕСКИХ НАРОДОВ АРАВИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Начало третьей части книги будет посвящено краткому обзору истории кочевых и полукочевых народов Аравийского полуострова. Такое предположение может показаться странным — ведь основа наших исследований связана с общностями великого Степного Пояса Евразии, в то время как культуры Аравийского анклава долгое время оставались далеко в стороне и не вступали во взаимодействие с массивами племен северных кочевников. Причиной кажущегося «арабского предпочтения» в книге явился отчетливо проявившийся контраст в коренных судьбах обеих — северного и южного — блоков скотоводческих культур Евразии. Последующие за этой главой будут целиком посвящены кочевым и полукочевым народам Степного Пояса, а отсылки к южным культурам будут проявляться лишь эпизодически. Поэтому читателю будет нетрудно удерживать в памяти проделанный прародителями ислама — арабами — путь, сопоставлять его с историей культур и судьбами пастушеских народов более северных пространств нашего континента.

У истоков откровения

История арабов изучена предельно досконально, и потому нет никакой нужды в ее подробном изложении. Но и обойтись без краткого напоминания о некоторых ключевых моментах их бытия, тесно сопряженных с нашей темой о взаимосвязи степных скотоводов с оседлыми народами, вряд ли будет возможно.

История скотоводческих племен Аравийского полуострова безусловно и четко делится на два последовательных этапа — домусульманский и мусульманский. Мухаммед — эта важнейшая фигура всей арабской истории — родился примерно в 570 году по нашему летоисчислению в Мекке в семье небогатого торговца Абдуллы. Целых сорок лет прошли в ожидании божественного откровения и мучительного хаоса в стремлении понять порядок всего сущего на этой земле. Ему довольно давно стало ясно, что поклонение идолам есть величайший и непростительный грех перед единым и истинным Всевышним...

*«Обуреваемый подобными сомнениями, блуждал он, так рассказыва-
ют, однажды в месяце Рамадане, по своему обыкновению, к северу от Мекки,
в пересеченной отрогами гор местности. В центре ландшафта воздымалась
гора Хира, а у ее подножия зияла пещера, любимое местечко искони страст-*

ного мечтателя. Терзаемый неотступными мыслями, впадает он наконец в беспокойную дрему. «Тогда охватило меня во сне, — рассказывал он позже, — смутное ощущение, будто некто приблизился ко мне и сказал: читай! Я же ему ответил: нет, не могу. Затем тот же некто сдавил меня так, что я думал, что умираю, и повторил снова: читай. И опять я отказался. И снова меня сдавило, и я услышал явственно: читай. Во имя Господа твоего, творящего — сотворившего человека из кровавого комочка, — читай. Господь твой ведь всемилосерд. Он даровал знание посредством пишущей тростинки — Он научил человека тому, чего он не знал. Тогда я прочел сие <...>. И затем видение исчезло. И я проснулся. И было мне, как бы слова сии были начертаны на моем сердце» (Мюллер: 85).

Именно с этим божественным откровением, посланцем которого стал архангел Джебраил, обычно и связывают истоки великих, изложенных в Коране истин-канонов. Полагают также, что с 614 года Мухаммед начинает свои проповеди, которые далеко не сразу пришлись по душе его соплеменникам-курейши-там. Пожалуй, даже наоборот: именно в их рядах собралось немало его самых злых противников. Именно это и заставило его согласиться на столь знаменитое в истории арабов бегство — хиджру Мухаммеда из Мекки в Медину. Во всяком случае, считается, что именно его соплеменники, вдохновляемые прикинувшимся стариком самим дьяволом, решают убить грядущего пророка. Мухаммед подозревает их в коварстве и решает бежать в Медину, где собралась немалая группа его сторонников.

«Верный Абу Бекр (Бакр) давно уже втихомолку закупил двух быстрых верблюдов и верил их одному знающему путь вожаку из соседнего племени <...>. Чтобы сбить с толку курейшитов и заставить их предполагать, что Мухаммед не покидал дома, остался в жилище его Алий с женой и двумя дочерьми пророка, накинув на себя красную его мантию. Тем временем Мухаммед вместе с Абу Бекром выскочили в сумерки из заднего окна и достигли, никем не замеченные, горы Саур, лежащей в миле к югу от города по пути в Йемен. У вершины ее находилась пещера... Там пробыли они три дня, укрываясь; родственники Абу Бекра доставляли им пищу и сообщали обо всем происходившем. Наконец пыл преследования, затеянного было тотчас же курейши-тами непосредственно после бегства, мало-помалу остыл <...>. Мухаммед сел на самого быстрого из верблюдов <...>, Абу Бекр поместился на другого. Дабы избежать опасных встреч, направились они, обогнув большую дугу, на юг...; затем продолжали путь вдоль побережья, пока не решились перейти на торный путь между Меккой и Мединой. Пересекши его благополучно, поспешили далее, по боковым тропинкам. Спустя 8 дней после того, как беглецы покинули пещеру Саур (по всем вероятностям было это 20 сентября 622 г.), достиг Мухаммед, цел и невредим <...> предместья Иас-риба, лежащего в полумиле на юг от города (Медины) <...>. Хиджра и есть то событие, которое отделяет эпоху исламо, истинной веры, от язычества —

Джахилийя («времена невежества»). В 637 г. халиф Омар признал <...> этот момент за исходный пункт всей эпохи; и поныне ведется счет времени всеми мухаммеданами с этого знаменательного дня. И действительно, с переселением пророка тесно связаны и характер ислама, и его распространение, в особенности в Аравии. В Мекке Мухаммед был только духовным главой преследуемого и гонимого меньшинства. Отныне же является он главным распорядителем в судьбе не только общины, заполонившей вскоре большинство жителей Иасриба, но и государственного устройства, в которое преобразилась эта община» (Мюллер: 137—138).

Битва при Бадре и начало великой экспансии

Мухаммед смог возвратиться в Мекку лишь в 630 году, то есть восемь лет спустя. Тогда же и произошло очищение Каабы от скверны идолов прежних арабских заблуждений. Тогда же пророк поместил в Каабу святыню святынь всех мусульман — Черный Камень (рис. 20.1).

Однако удивительной казалась скорость, с какой только что зародившийся ислам явил свои претензии окружающему его миру. Не прошло и полутора десятка лет после знаменитого бегства в Медину, а ничтожная горсть приверженцев новой религии возжелала доказать свою необоримую мощь. Для этого объектом приложения был избран большой мекканский караван, караван курайшитов — соплеменников Мухаммеда. И вот тогда «...по зову пророка <...> приблизительно в январе 624 года поднялись 83 беглеца (из Мекки в Медину) на новый хищнический набег; к ним примкнули 61 человек из племени аус и 170 хараджей <...>. Это маленькое мусульманское войско — всего 306 человек с 70 верблюдами и 2 лошадьми отправилось на запад <...>. Против мусульман выступил отряд в 950 человек с семью сотнями верблюдов и сотней лошадей» (Мюллер: 164—165).

Сама битва произошла, как полагают, 13 марта 624 года.

«Все послеобеденное время прошло для победителей в подбирании добычи, которая главным образом состояла из многих сотен верблюдов, а также оружия и всякого рода утвари. Затем вырыли наскоро яму и побросали туда убитых неприятелей» (Мюллер: 169).

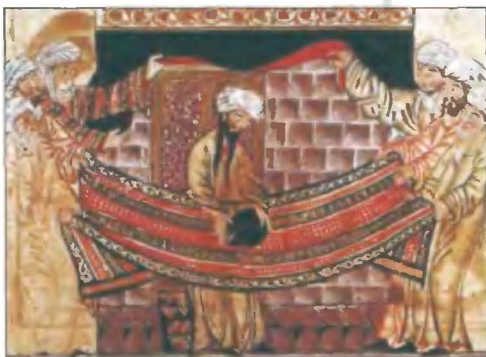

Рис. 20.1. Пророк Мухаммед поднимает с покрывала святыню святынь Черный Камень, чтобы вставить ее в восточную стену Каабы (Chronik: 237; Миниатюра из Рашид-аль-Дин Хамадани, Джами аль-таварих, с. 1315)

Рис. 20.2. Битва при Бадре: Миниатюра из Рашид-аль-Дин Хамадани, Джамии аль-таварих (Wikipedia)

* * * * *

[Вот фрагменты описания битвы у колодца Бадр, принадлежащего арабскому хронисту Ибн-Исхаку (скончался в 767 году).

«Ибн-Исхак говорил: — У сподвижников посланника Аллаха... было в тот день семьдесят верблюдов, и на одного скакуна приходилось по несколько человек».

*«В день битвы у Колодца их была тысяча, а нас
Триста, и мы были подобны белым верблюдам.
Но среди нас были воины Аллаха, когда Он с их помощью
Поддержал нас в известный момент сражения;
И, встав под наше знамя, Джибрил вместе с ними
Обрек наших врагов на верную гибель»*

(Ибн Исхак: 65, 209).

* * * * *

Силы были явно неравны, но казавшаяся невероятной победа исламского отряда при колодце Бадр оказалась стремительной и бесспорной. Всего 14 убитых мусульман против 49 из курейшитов и почти такого же числа пленных (рис. 20.2).

Эта битва способна удивить нас не только победой столь малого отряда над многократно его превосходящим. Этой победе многими придается значение бесспорного старта победоносного шествия ислама по миру последующих сто-

летий. Но — неправда ли? — сколь ничтожным представляется нам масштаб самого сражения: *«их была тысяча, а нас триста»!* Ведь в действительности это скорее всего напоминает обыкновенные внутри- или межплеменные не очень масштабные разборки, и таких стычек — порой гораздо более массовых — в тогдашнем мире случалось несравненно больше...

Наверное, в этом отношении у кочевых или полупоселных скотоводов подобного рода вспышки нередко вызывали гигантские по охвату пожары. Мы это сможем увидеть также на примере степных народов более северных пространств Степного Пояса Евразии.

Вполне возможно, что именно эта победа, в которой приверженцы новой религии узрели неколебимую волю Аллаха и побудили пророка обозначить важнейшую задачу: религия ислама должна победить все и вся!

«И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте, — поистине, Аллах не любит преступающих.

И убивайте их, где не встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они взгнали вас: ведь соблазн — хуже, чем убийство! И не сражайтесь с ними у запретной мечети, пока они не станут сражаться там с вами. Если же они будут сражаться с вами, то убивайте их: таково воздаяние неверных!

Если же они удержатся, то ведь Аллах — прощающий милосердный!

И сражайтесь с ними, пока не будет больше искушения, а вся религия будет принадлежать Аллаху. А если они удержатся, то нет вражды, кроме как к несправедным!» (Коран, Сүры 2: 186—189).

Мухаммед скончался в 632 году. Ему наследовал один из его зятьев Абу Бакр и ближайший друг, с которым он десятилетие назад бежал в Медину. Абу Бакр стал первым из четырех правоверных халифов, но его правление было очень недолгим — в августе 634 года он также скончался и был захоронен рядом с пророком. При нем пробудилось стремление воплотить идеи Мухаммеда о завоевании мира приверженцами ислама. Однако реальные достижения в этом отношении пришлось на долю второго правоверного халифа Абу Умара (Омара).

Первая волна завоеваний

«Две могучие волны арабских завоевателей, подобно громадному прибою, стали заливать соседние земли, с востока и запада. Сначала по повелению халифа была направлена с неуправляемой силой первая волна: она залила Персию до Оксуса, Сирию, Месопотамию, Армению, некоторые части Малой Азии до самого Константинополя, Египет и северный берег Африки до Карфагена включительно <...> [И позднее — уже при Омейядах второй волной стало] <...> затоплять земли и народы <...> вплоть до Атлантического океана и далее вглубь Франции» (Мюллер: 313).

С этого времени, пожалуй, начался также отсчет поистине легендарного и столь нервно обсуждаемого вплоть до сегодняшнего дня противостояния Вос-

Рис. 20.3. Динамика территориального распространения ранних исламских халифатов. Условные обозначения: 1 — до халифатов, 622—632 гг.; 2 — Праведный халифат (632—661 гг.); 3 — халифат Омейядов (661—750 гг.)

тока и Запада, однако лишь в евроцентристском, но отнюдь не в общеевразийском понимании этого противостояния. И конечно же, одним из самых примечательных сюжетов первой волны — и последовавших вслед за этим многовековых схваток — явилось взятие отрядами Абу Умара в 638 году Иерусалима, ставшего с тех пор истинным и жгучим фокусом именно такого противоборства — пылающего вплоть до наших дней.

«Давно уже страстным желанием халифа было взглянуть телесными очами на святой град иудеев и христиан, на то место, где было дано так много откровений и проявлений милостей божьих, лишь не признаваемых либо искажаемых неблагодарными людьми, на то самое место, где пророк чудом и только раз мог совершить духовно свою молитву. Въезд его свершился, как извещают мусульманские историки, с теми смиренiem и простотой, от которых старинный товарищ Мухаммеда никогда не хотел отступать, даже став властелином великого царства. В старом невзрачном плаще из верблюжьей шерсти, сидя верхом на верблюде, подобно тем оборванным бедуинам, которые толкались и прежде на сирийских ярмарках, вот в каком виде предстал новый повелитель перед изумленными жителями Иерусалима, которым до сих пор случалось видеть даже незначительного подпрефекта византийского, не говоря уже о высокочтимом патрикиосе или самом победоносном императоре Ираклии, проезжавших по улицам священного града спесиво и торжественно, в залитом золотом вооружении на богато убранном боевом коне <...>. Но византийцам, конечно, событие это показалось в ином виде: он въезжал в священный град — сообщает позднейшая хроника — в одежде из верблюжьей шерсти, покрытый с ног до головы пылью, с выражением сатанинского лицемерия на лице. Он пожелал видеть храм иудеев, построенный

Соломоном, чтобы превратить его в молельню, где бы он мог изрыгать свои богохульства. Софроний [патриарх Иерусалимский], лишь только его увидел, воскликнул: поистине вот та мерзость запустения святилища, которую предрек (пророк) Даниил. И ревнитель веры заплакал горькими слезами об участи христианского народа» (Мюллер: 367—368).

То были эпизоды победоносной войны с восточными областями огромной Византийской империи. В 642—643 годах было завешено завоевание Египта с его живительной артерией — долиной Нила. Путь на запад, в неведомые дали Северной Африки, становился открытым (рис. 20.3).

Вторая волна завоеваний: Иберийский полуостров

С этих десятилетий центр тяжести противостояния между Востоком и Западом, если, конечно, опять-таки следовать «евроцентристской» трактовке этого феномена, начинает перемещаться в католический тыл европейских культур. И это во многом определило характер истории народов Средиземноморья.

Впервые католики столкнулись напрямую с воинами Мухаммеда в июле 710 года. Тогда берберский вольноотпущенник и исламский неофит Абу Зур'а Тариф с пятью сотнями воинов пересек Гибралтар и вскоре вернулся с богатой добычей. Кстати, высадился он там, где на крайнем юге Испании и доныне расположен небольшой город его имени — Тарифа. И еще один связанный с этим событием любопытный сюжет: воинов Тарифа перевозили на кораблях византийского наместника и православного — «греческой веры» — (графа) Юлиана, что управлял этими крайне удаленными от Константинополя землями на северо-западном мысу Африканского континента. Судя по всему, Юлиану не тер-

Рис. 20.4. Воин-вестгот (слева) и мусульманские всадники: средневековые миниатюры (Chronik: 223, 283)

пелось устроить чужими руками хотя бы невеликую гадость своим соседям — враждебным католикам-вестготам. Успех первого «посещения» Иберийского полуострова воодушевил другого, также — как думают — берберского неопита Тарика ибн Зияда. Уже весной следующего года тот собрал войнство из семи тысяч своих соплеменников и пересек пролив на кораблях того же наместника Юлиана. Причем, переброска воинов совершалась челночным методом, поскольку то ли «православный» юлианов флот был не слишком многочислен, то ли «граф» начал справедливо опасаться своих вновь обретенных коварных друзей.

Успех этой организованной на скорую руку экспедиции стал столь неожиданным и ошеломляющим, что, скорее всего, именно это породило впоследствии массу легенд и трудно проверяемых повествований. Во всяком случае, как Гибралтарский пролив, так и, прежде всего, знаменитая скала с военной базой, над которой доныне реет британский флаг, носит его имя (Гибралтар — это искаженное арабское «Джебел Тарик» или же «Гора Тарика»). Позорно проигравшие, а в данном случае ими оказались вестготы, кажется, были просто обязаны рассказывать истинные небывлицы о неисчислимой мощи врага. Наверное, именно такие объяснения вошли в католическую традицию и дожили до времен сложения «Песни о Роланде», когда нагнетался ужас от появления мавританского флота:

*Языческие полчища несметны.
Гребут они, по ветру парус держат.
На мачтах и на самых верхних ряях
Карбункулы и фонари алеют.
Залито море их светящим светом...
Флот Балигана не встает на атдых,
Из моря входит разом в пресноводье,
Минует и Марбризу и Марброзу,
Па Эбра вверх плывет без остановки.*

(Песнь о Роланде: 2630—2643).

Первая и, по сути, едва ли не все решающая битва началась 19 июля 711 года у реки Саладо (ее старинное название Вади Бека). По одной из версий сражение длилось восемь дней, а по другой — три, что больше походит на истину. Вестготы проиграли (рис. 20.4), но вряд ли кто мог предположить столь трагичный и почти молниеносный развал целого большого королевства. Куда то совершенно исчез вестготский король Родерих, и его не могли сыскать. После этого до смешного малое войско Тарика устремилось на захват основных городов Иберийского полуострова, нацеливая свой бег на столицу в Толедо.

Успехи Тарика вызвали жгучую зависть и немалый гнев его непосредственного патрона Мусы, остававшегося в Африке. И уже летом следующего года

ведомое Мусой воинство из 18 тысяч человек высадилось на европейском берегу. Теперь и его отряды победоносно двинулись на север, так что уже к осени 713 года они смогли узреть предгорья Пиренеев. На полуострове, в сущности, оставался едва ли не единственный, неподвластный воинам Мухаммеда кусочек — горная Астурия и страна басков. Наверное, арабы позднее горько сожалели, что не отрядили в эту горную область больше сил, чтобы удушить последний очаг сопротивления. Ведь именно из этого очага вскоре последует старт столь знаменитой Реконксты.

После короткого затишья мусульманские отряды вновь ринулись далее на север. Они перевалили Пиренеи и вторглись в страну франков. И здесь мы вспоминаем строфы Роландовой поэмы, вновь, по всей вероятности, содержащие явные преувеличения массы врагов:

*Промолвил [франк] Оливье: «Идут враги.
Я в жизни не видал такой толпы.
Сто тысяч мавров там: при каждом щит,
Горят их брони, блещут шишаки,
Остры их копья, прочны их мечи.
Бой небывалый нынче предстоит.*

(Песнь о Роланде: 1039—1044).

Минуло еще 12 лет, и только под Пуатье, — а это было, по существу, уже в самом сердце франкских владений — 4 октября 732 года войску Карла Марте-ла удалось остановить казавшийся неодолимым бег арабских приверженцев ислама. Только через 27 лет после победы при Пуатье Пипин Короткий — первый коронованный монарх из династии Каролингов — смог вытеснить арабов за Пиренеи. Тогда как будто и установилось некоторое затишье. Но почти сразу вслед за краткой передышкой протянулось время невообразимо долгого — почти восьмисотлетнего — периода Реконксты. Эпизоды этих бесконечных и столь запутанных битв попали в знаменитую «Песню о Сиде», создание которой датируют 12-м столетием:

*Видели б вы, как там копьями колют,
Как щиты на куски разбивают с ходу,
Как с маху рубят прочные брони,
Как значки на копьях алеют от крови,
Как мчатся без всадников резвые кони!
Кличу «Аллах!» клич
«Сант-Яго!» вторит,
Бой тем жесточе, чем длится дольше.
Уж пало мавров тринадцать сотен <...>.
На добром коне Сид навстречу скачет —*

*Борода густая, заломлена шапка.
Стальное предплечье, в деснице шпага.
К вассалам своим он громко взывает:
«Царю небесному, Господу слава!
В нелегкой битве мы верх одержали».
Вражеский лагерь грабят испанцы <...>.
В большом веселии все христиане,
Хоть в битве своей потеряли пятнадцать.
Золота и серебра им досталось
Столько, что все они ныне богаты,
Доволен каждый такой удачей.*

(Песнь о Сиде: 788—800а).

И все-таки как удивительно! — за пару-тройку лет утратить едва ли не весь Пиренейский полуостров, а потом почти восемь сотен лет отвоевывать его и изгонять оттуда мавров, вплоть до знакового 1492 года — столь памятного не только для Испании, но и для всего мира.

Так католическая Европа, по существу, впервые лицом к лицу столкнулась со своим оказавшимся с тех пор почти извечным ее врагом — мусульманами. Любопытно, что в средневековой католической Европе постоянным лейтмотивом звучала уверенность, что самый жестокий и коварный враг едва ли не постоянно нависал над христианским миром с востока. И хотя эти враждебные силы обь- явились из доселе как будто сравнительно спокойного юга, все едино — его корни гнездились на враждебном Востоке. Кажется, что даже свирепые разбойные отряды норманнов тревожили католиков не столь мучительно.

Конечно, в католических государствах понимание целостного христианско- го мира было своеобразным. Восточные церкви после изгнания в 1054 году из православного Константинополя папских легатов в Римской курии вызывали вполне понятное и чрезвычайное раздражение. Великий церковный раскол при- вел к тому, что восточных «ортодоксов» позволяли, скорее всего, лишь терпеть. Братскими отношения между двумя родственными церквями с тех пор считать уже никак не приходилось. Однако мир Византийской империи еще ранее начал ощущать на себе весьма тяжкие удары исламских атак. От империи отпали обла- сти Малой Азии, а в 718 году арабское войско вместе с многочисленным флотом осадило даже имперскую столицу Константинополь. Однако долгая осада уда- чи арабам не принесла: император Лев Исаврийский проявил себя весьма способ- ным военачальником. Арабский флот понес большие потери в результате успеш- ного применения «греческого огня». Арабы от стен города откатились, а великий византийский град — вплоть до 1453 года — сумел более чем на семь столетий «продлить» свой столичный статус, пока его уже в последний раз окружили и захватили воины ислама. Однако тогда уже здесь были не арабы, но османские мусульмане-турки.

Таласская битва и Джунгарские ворота

Пусть относительно лапидарно сформулированные выше разделы явятся лишь прелюдией к сложнейшей проблеме истинного водораздела и взаимодействия между культурами и цивилизациями Запада и Востока. Мы продолжим ее обсуждение и в последующих разделах книги. Иберийский полуостров стал крайним западным регионом ранней исламской агрессии. Теперь же мы перенесем-ся на крайний восток, к той точке, куда удалось проникнуть арабским отрядам. Речь пойдет о знаменитой Таласской битве 751 года между арабами и имперскими войсками тогдашней могучей китайской династии Тан.

Таласская долина расположена на северной окраине горной системы Тянь-Шань. Получилось так, что в этой точке как бы столкнулись две «стрелы», агрессивно устремленные во встречных направлениях. Некогда всесильный арабский халифат Омейядов к этому времени доживал свои последние дни, но его воинские соединения все еще старались продолжить свой победный шаг на восток. К тому времени практически вся Средняя Азия оказалась под зеленым знаменем ислама. С востока в эти же заселенные «тюрьками-язычниками» области рвались и китайские воинства. Находившаяся тогда под властью династии Тан Поднебесная империя, переживавшая, по мнению многих историков, свой «золотой век», также начинала испытывать явные признаки весьма серьезного кризиса.

Многовековая стратегия и тактика китайцев заключалась в необходимости сохранения гибких и приемлемых отношений между центральной властью и народами варварских окраин, как правило, мобильными скотоводами, номадами или же полуседлыми аборигенами степей и полупустынь. В зону интересов и воздействий Китая на северо-западе его владений или же областей, примыкающих к его владениям, входили, как правило, тюркоязычные народы. В их ряду оказались и карлуки, чьи племена предстали как одно из важнейших составляющих системы Уйгурского каганата. Китайские военачальники решили ввести в состав своей армии в качестве наемников карлукские подвижные отряды, что было их довольно обычной практикой. Однако именно это, как утверждают, и оказалось трагической ошибкой китайских стратегов: тюркские отряды и явились важнейшей причиной тяжкого поражения китайцев в Таласской битве. Тогда конница тюрков нанесла абсолютно неожиданный и жестокий удар по тылу китайского воинства.

Для нашей темы Таласское сражение явилось, пожалуй, одним из символов той точки — или же линии — водораздела между Западом и Востоком, что мы и обсуждаем в настоящей главе. Китайцы вынужденно откатились на восток, и причина такого отступления вполне очевидна: то было следствием их весьма острого конфуза в этой схватке. Однако это может послужить лишь внешним поводом. Существенно более серьезной причиной отступления стал жесткий кризис, в который погружался могучий Танский Китай.

Абсолютно те же условия послужили причиной обратного и столь неожиданного после победы рейда арабских отрядов. Обширный халифат Омейядов также охватили вспышки внутренних борений и разного рода смут, нараставших едва ли не по всем областям огромного мусульманского объединения. Мятежи были обусловлены падением первой в истории халифатов династии Омейядов (ее финал, кстати, датируют 750 годом) и захватом власти новой династией Аббасидов.

При любых объяснениях для нас весьма ярким знаком явилось то, что Таласская долина стала на карте той самой восточной точкой, до которой сумели дойти вооруженные отряды арабов. Для китайских властителей та же самая межгорная равнина оказалась наиболее западным пунктом воцелений на глобальное господство. Именно поэтому мы и привлекли внимание читателя к этому примечательному пункту: до известной степени это место битвы стало олицетворением одной из самых важных водораздельных позиций в долгой истории народов Евразии. Повторим, однако: мы видим в этом только лишь символ.

Глава 21

МИР ИСЛАМА И КАТОЛИЧЕСКАЯ ЕВРОПА

Сигналы с севера от пастушеских народов Степного Пояса

Итак, к середине 8 века арабские владения покрыли поражающие своей громадой пространства: не менее 10—11 млн кв. км! От Пенджаба вплоть до Иберийского полуострова и Марокко в Африке и от среднеазиатских пустынь до Среднего Нила (рис. 20.2). И все это удалось совершить за сотню лет, если начать отсчет завоеваний от 632 г., когда Абу Бакр — первый халиф и наследник пророка Мухаммеда — устремил вдохновенных вновь обретенной верой мусульманских воинов против западных и северных соседей — Сирии и Ирана. Противостоящий тогда миру исламскому мир католический гнезился на пространствах несопоставимо более скромных, не превышавших, возможно, даже одного миллиона кв. км. Общества, где господствовали христианские конфессии восточной ориентации — в Армении, Сирии — были очень быстро поглощены волной неодолимых арабских нашествий.

Запад был поставлен перед необходимостью отстаивать свои идеалы, свою веру и свои земли, решительно противопоставляя себя столь ненавистному для них Востоку. Западная и Центральная Европа напрягали силы, стараясь усилить собственную мощь. К финалу X столетия территория королевств и княжеств, следующих католическим догмам, удвоилась. Возросла, конечно же, и их военная потенция. В 962 году была торжественно провозглашена Священная Римская империя и коронован ее первый германский монарх Оттон I (рис. 21.1). По мысли создателей, на плечи этой империи как бы ложилась трудная, но весьма почетная роль стать продолжательницей всех славных дел и неколебимой мощи исчезнувшей полтысячелетия назад великой Римской империи.

Мусульманский же мир после едва ли не физического уничтожения в 750 году представителей династии Омейядов и формирования халифата Аббасидов с 9 столетия постепенно, но все сильнее тонул в пучинах тяжких кризисов. Ничего нового, конечно же, в такого рода «погружениях» не было. По своей сути, принципиально сходная динамика развития сообществ, опьяненных успехами победителей, повторялась практически у всех. Их мир — надменный и гордый сокрушениями врага — раскалывался, погружался в те довольно обычные противоречия и дразги, которые оказывались густо приправленными жаждой вла-

Рис. 21.1. Оттон I — родоначальник Священной Римской империи и строитель Магдебургского собора — принимает благословение от Христа-Вседержителя. Пластина из слоновой кости. Около 970 г. (Панорама: 298)

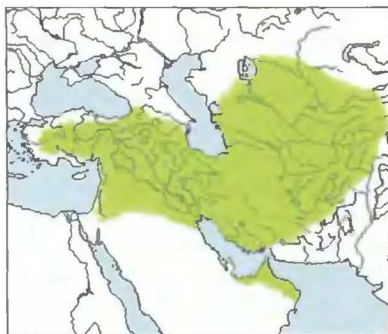

Рис. 21.2. Территория сельджукского султаната к началу крестовых походов

сти правителей различных частей некогда единых социальных организмов. И лишь жестокие кровопролития могли хоть как-то привести к разрешению такого рода проблем»

Помимо этого, в делах халифата с 10 века все более и более заметную роль начинают играть тюркоязычные, но уже втянутые в мир ислама племена огузов или сельджуков. Не так давно арабы видели в них лишь разбойные банды северных кочевников-скотоводов, скрывавшихся в моменты опасности в песках Кара-Кумов и Кызыл-Кумов. Время арабских халифатов — по крайней мере, в их восточной половине — постепенно уходило в вечность, а сменой арабскому владычеству явился обширный Сельджукский султанат, или же Великая Сельджукская империя (рис. 21.2). Так волны северных кочевников сомкнулись с южным валом завоеваний.

Истинным основателем державы сельджуков стал Тогрул-бек (Князь-сокол), начавший свои завоевания с севера, от пустынных Кара-кумов — родины этого племени тюрков-огузов. Примерно за два десятилетия 9 века Тогрул-беку удалось завоевать Хорезм, Иран, Афганистан. В 1055 году он захватил Багдад, который в глазах многих арабов был центром или «пупом» Земли, подобным Иерусалиму у христиан. Успех завоеваний продолжил племянник Тогрул-бека Алп-Арслан (Отважный лев). При нем границы султаната укрепились уже на восточном берегу Средиземного моря. Тяжелые испытания пришлось и на долю Византийской империи, которая лишь с большим трудом — сдавая многие свои территории — сдерживала натиск тюрков-мусульман. В 1071 году в бою близ восточно-анатолийского озера Ван Алп-Арслан наголову разбил войско ромеев (византийцев) и пленил византийского императора Романа IV Диогена.

С тех пор на обширных пространствах Юго-Западной Азии власть прочно перешла к вождям тюркоязычных мусульманских народов. К концу XI столетия,

то есть к началу знаменитых крестовых походов, в руках арабских властителей оставался лишь север Африки да юг Пиренейского полуострова в Европе. Стало быть, накапливающим силу и намеревающимся устремиться в решительные походы на Восток, в Святую землю, европейским христианам противостоял в те поры мир также мусульманский, но уже не арабский, а тюркоязычный с сельджукскими султанами и эмирами.

Интеллектуальный взлет в арабских халифатах

Если в военном отношении силы противостоящих систем могли показаться более или менее равноценными, то интеллектуально-научный багаж разнился весьма впечатляюще. Арабские халифаты удивили, правда, уже последующие поколения не только стремительностью своих территориальных охватов. Обыкновенно считали, что носители подобного рода завоеваний — к тому же совсем незадолго перед этим только-только вышедшие из «диковато-первобытного» состояния — фактически никогда не могут заключать в себе никакого привлекательного для иных народов — духовного или, тем более, интеллектуального — содержимого. Ведь и пророк Мухаммед происходил из совсем недавно полукочевого племени курейшитов.

В случае с только что покинувшими свой привычный образ бытия арабскими народами, все оказалось как бы вывернутым наизнанку. Духовно-мировоззренческий настрой носителей ранней исламской культуры оказался в состоянии поразительно быстро привлечь огромную массу крайне разнообразных народов со столь же разнохарактерными доисламскими верованиями, в корне несовместимыми с откровениями Корана. Именно это, пожалуй, в огромной степени определило стремительный темп распространения исламской культуры.

Арабы исламского периода оказались чрезвычайно восприимчивы к достижениям покоренных ими народов. От греков-византийцев они свободно заимствуют методы и приемы возведения монументальных и сложных в архитектурном плане сооружений. Однако их храмы — мечети вместе с тонкими «иглами» высоких минаретов (мадинетов) — посвящены уже иному божеству. Так, если в Медине мечеть Мухаммеда, как пишет А. Мюллер, *«была попросту увеличенных размеров палаткой вроде амбара»*, то совершенно иначе предстают сооружения мусульманских храмов в Иерусалиме и Дамаске.

Очень быстро была воспринята и реализована в жизнь урбанизация; в городах теперь живут не только покоренные ими подданные павшей монархии Сасанидов или восточных регионов Византийской империи, но и некогда полукочевые воины-пастухи. Аббасидский халиф Мансур в 762 году закладывает первый камень в основание своей грядущей столицы — Багдада («Богоданного»). А к 775 году это уже необычайно крупный центр, куда стекались самые разнообразные продукты из всех регионов Евразии и как будто даже из Китая эпохи Тан.

Рис. 21.3. Знаменитая обсерватория Улугбека, внука Тамерлана, построенная в Самарканде в 1428 году. Справа: сохранившаяся часть подземного квадранта обсерватории

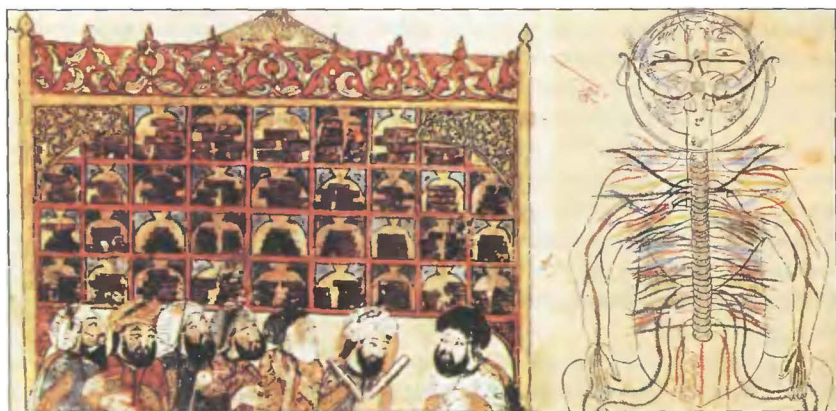

Рис. 21.4. Книжки, стопками разложенные по полкам в библиотеке Багдада (13 век, Аль-Харири «Макамат»); под ними беседующие на важные темы мусульманские ученые. Справа: рисунок со схемой нервной деятельности в книге «Канон врачебной науки» Авиценны, начало 11 века (Панорама: 240)

Пожалуй, особая забота была связана с выработкой арабской письменности на базе финикийского (сирийского) алфавита. Это было крайне необходимо для канонизации изречений пророка в сурах Корана. Параллельно вырабатывалась знаковая система арабских цифр, оказавшаяся чрезвычайно пригодной для записи чисел в десятичной системе счисления.

Развивали арабы чрезвычайно успешно едва ли не все античные науки. Не составит труда представить впечатляющий ряд поистине выдающихся и даже великих арабских ученых — светил математики, астрономии (рис. 21.3), меди-

цины (рис. 21. 4) и многих иных направлений человеческой мысли. К примеру, арабский халиф Ма'мун (818—838 гг.) побуждал интеллектуальную элиту своих подчиненных *«заниматься менее выгодным, чем медицина делом, не приносящим непосредственной пользы практическим нуждам двора, а именно математикой, астрономией и философией. Основано было властелином в Багдаде великое учреждение под названием «дом наук»; тут же помещалась библиотека и астрономическая обсерватория; все это <...> было сборным пунктом для множества ученых <...> начавших заливать арабскую почву потоком греческих познаний»* (Мюллер: 719—720).

Чем — скажите тогда — не современная академия наук?

Географические представления европейских властителей

В отличие от интеллектуальной атмосферы в элите халифатов отцы католического мира, намечавшие и формовавшие генеральные русла устремлений западноевропейского мира, являли собой убогий контраст бывшим «сарацинам» фактически по всем мировоззренческим руслам. Контраст особенно поражает на фоне, скажем, знаменитой обсерватории Улугбека (ср. рис. 21.3 и 21.5), правда, несколько более поздней, но разве это может изменить оценки? Кажется, что именно христиане и представляли в те времена истинными варварами в сравнении с вновь зародившейся и стремительно ищущей собственные формы культурой.

Вполне вероятно, что наиболее полное представление об уровне западной науки возникает при обзоре ее кардинальных постулатов о географии тогдашнего мира. При сравнении географических понятий о нашей планете, широко распространенных в среде мыслителей Античности, с теми, что спустя полтора тысячелетия получили неоспоримое господство в католическом мире, можно испытать подлинное изумление: регресс поистине удручает. Оказались, к примеру, безнадежно забытыми детальные историко-географические описания Геродота V в. до н. э.; полностью отвергались поражающие вплоть до наших дней своей точностью вычисления окружности нашей земли, проведенные Эратосфеном (III в. до н. э.); также была совершенно отринута и знаменитая система — Альмагест — Клавдия Птолемея (II в.). Да и разве только это?

В христианском мире отныне абсолютно все знания должны были полностью опираться и исходить из соответствующих текстов Библии. Земля вновь «обрела» плоскую форму, а вовсе не шаровидную, как ранее учили ушедшие в небытие античные язычники. Плоский «блин» Земли оказывался окруженным со всех сторон водами мирового океана. Земля же, или ойкумена, делилась на три части: Европу, Африку и Азию. Последняя располагалась восточнее иных частей, а Африка привлекала тогдашних людей менее всего. В целом же весьма загадочная и таинственная Азия оказывалась колыбелью, по крайней мере, двух наи-

Рис. 21.5. Сверху: схематическая карта мира в энциклопедическом трактате Исидора Севильского, 11 век. Внизу: карта мира с центром в Иерусалиме, Англия, 13 век (Панорама: 208)

более трепетных для тогдашнего христианина драгоценностей самого высшего статуса: здесь размещались как «Центр Мира», так и «Рай».

Центр мира совпадал с Иерусалимом (рис. 21.5, внизу), и это казалось вполне естественным, поскольку именно с этим почти неземным градом были связаны изначальные и важнейшие святыни христианского мира. Однако при этом даже в пределах Иерусалима некоторые пытались выявить тот «самый-самый» центр или фактически уже истинный «пуп» земли. Так, к примеру, некий паломник Сэвульф, посетивший Святую Землю в 1102 и 1103 года, сообщал о таком постижении: «Прямо перед храмом Гроба Господня, за внешней стеной, недалеко от места, называемого Голгофой, существует место под названием *Круг*, которое сам наш Господь Иисус Христос обозначил и собственноручно измерил, объявив центром мира» (Райт: 234; Wright).

Где-то очень далеко, в неведомых глубинах Азии, цвели также и райские кущи, куда Господь поместил на заре существования сотворенного им мира тогда еще не успевших впасть в непростительный грех Адама и Еву. Место это, однако, точно локализовать не удавалось. Рай окружала или высокая стена, либо его ограждал от посторонних горный хребет, на котором нередко размещали фигуры Адама и Евы, а также змия-искусителя.

«Самое знаменитое место на Востоке — это рай — сад. Известный своими прелестями, куда человек не может проникнуть, так как он окружен огненной стеной, достигающей небес. Там находится древо жизни, дающее бессмертие, там находится источник, который разветвляется на четыре потока и снабжает весь мир водою», а «вокруг рая простирается дикая, бездорожная пустыня, населенная дикими зверями и гадами» (Райт: 235).

Но вот что при этом не может не удивлять: здесь же, именно в Азии — правда, опять-таки вновь не уточнялось где — располагалось наиболее омерзительное и устрашающее место сего мира. То было обиталище человекоподобных Гога и Магога, которых в католической традиции относили к наиболее ужасным созданиям из всех сотворенных Господом (рис. 21.6). Вот какими словами характеризовались эти

пугающие нормальных людей края в «*Imagines mundi*» (Образ мира) датированной около 1100 года компиляции:

«В Верхней Скифии, простирающейся от Каспийского моря до Серского (Китайского) океана, и к югу да Кавказа многие земли обитаемы, но имеется много и безлюдных земель; в них много золота и самоцветов, но из-за грифонов люди опасаются там появляться. Нижняя Скифия прилегает к Гиркании, называемой так из-за Гирканского леса, в котором живет чудесная птица со светящимся в темноте оперением. Ирания, или Иран, находится сразу к западу от Скифии; это область кочевников, которым из-за бесплодия почвы приходится много странствовать. Они ужасны и жестоки, пожирают человеческое мясо и пьют человеческую кровь» (Райт: 252).

Видимо, по подобного рода причине едва ли не все жуткие пророчества связывались в те времена с появлением в Судный день с севера Азии этих вызывающих содрогание тварей. На большинстве карт вместилище племен Гог и Магог изображалось окруженным высокими и неодолимыми стенами. По многочисленным вариантам подобного рода версий, стены эти воздвигал когда-то сам Александр Македонский.

Древнееврейская традиция при опоре на книгу Бытия (10, 2) причисляла Магога к сынам Иафета, наделяя эту туманную и зловещую персону знаком прародителя скифских племен. Пророк Иезекииль (38, 2; 39, 2—3, 11, 12) насыщал свои речи мрачными предсказаниями о гибельных опустошениях и разрушениях, которые нахлынувший с севера со своими чудовищными ордами Гог из земли Магог навлечет смерть и разруху земле Израильской. Наконец, Иоанн в своих потрясаящих соплеменников откровениях (20, 7) предостерегал: *«Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской»*.

В целом же большинство средневековых авторов вслед за господствовавшей еврейской традицией усматривало в Гоге и Магоге северных варваров-скифов.

Первыми деяниями, где оказались задействованными основные силы вновь «сформированной» Священной Римской империи стали знаменитейшие крестовые походы. Старт им прозвучал из уст римского первосвященника Урбана II всего через 33 года после коронации Оттона I. Активные взрывы направленной на

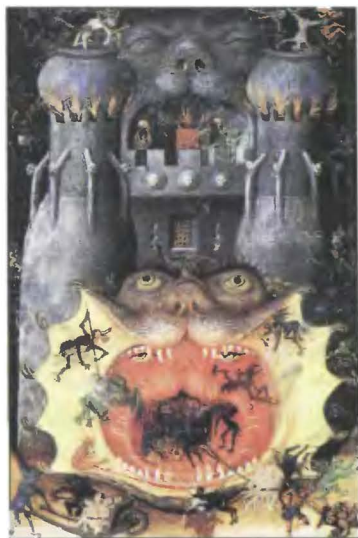

Рис. 21.6. Ворота в Ад. Миниатюра в «Часослове Катарины Клевской», Утрехт, около 1440 года

восток агрессии католического разноперого воинства длились немногим более столетия, если, конечно, не принимать во внимание их позднейшие имитации вроде крестового похода детей 1212 года или же иных сходных с ним. Прежде всего, в четырех наиболее ярких и самых известных крестовых кампаниях европейский Запад должен был продемонстрировать свое очевидное превосходство над мусульманским Востоком.

Европа двинулась на Палестину

Хотя раскол церквей уже произошел, уstraшенный сельджуками византийский — «греческой веры» — император Алексей I Комнин весной 1095 года просит Римского Папу Урбана II поспешить на помощь грекам в их тяжелой борьбе с мусульманами. Понтифик соглашается и уже в ноябре того же года немедленно по окончании Клермонского Собора перед гигантской собравшейся для встречи с ним толпой он произносит свою сразу же вошедшую в исторические анналы пламенную проповедь:

«Народ франков <...> по положению земель своих и по вере католической, а также по почитанию святой церкви выделяющийся среди всех народов; к вам обращается речь моя и к вам устремляется наше увещание <...> От пределов иерусалимских и из града Константинополя пришло к нам важное известие <...>, что народ персидского царства, иноземное племя, чуждое Богу, народ, упорный и мятежный, неустроенный сердцем и неверный Богу духом своим, вторгся в земли этих христиан, опустошил их мечом, грабежами, огнем <...>, а церкви Божьи либо срыл до основания, либо приспособил для обрядов своих <...> Кому выпадает труд отомстить за все это, вырвать у них, кому, как не вам, которых Бог превознес перед всеми силою оружия и величием духа, ловкостью и доблестью сокрушать головы врагов своих, которые вам противодействуют? <...> О могущественнейшие воины и отпрыски непобедимых предков! Не вздумайте отрекаться от их славных доблестей, — напротив, припомните отвагу своих праотцев. И если вас удерживает нежная привязанность к детям, и родителям, и женам, поразмыслите снова над тем, что говорит Господь в Евангелии: «Кто оставит дома, или братьев, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»... Иерусалим — это пуп земли, край, плодоноснейший по сравнению с другими, земля эта словно второй рай. Ее прославил Искупитель рода человеческого своим приходом, украсил ее деяниями, искупил смертью, увековечил погребением. И этот-то царственный град <...> ныне находится в полоне у врагов и уничтожается народами, не ведающими Господа <...>. Если ты прибудешь к нам и завершишь вкупе с нами поход, начатый твоим предначертанием, весь мир станет повиноваться тебе. Да внушит же тебе свершать это сам Бог, который живет и царствует во веки веков. Так хочет Бог! Аминь!» (Gesta francorum et aliorum Hierosolimitanorum; Доманин: 384—387).

Рис. 21.7. Ричард Львиное сердце в поединке с Салах-ад-дином выбивает его из седла: так и не свершившаяся мечта крестоносцев; Англия, около 1340 года (Панорама: 244)

«Так хочет Бог!» — взревели вслед за призывом Папы тысячи его слушателей. И уже в следующем месяце началось формирование многочисленных отрядов христианских воинов. Так был дан старт первому крестовому походу.

С этого времени в европейской литературе и даже в нашем уже нынешнем сознании начали отстраиваться целые галереи легендарных властителей, вождей, героев, как подлинных, так и ложных. Первый — самый романтичный и успешный — крестовый поход. В ряду этих персон граф Раймунд Тулузский, герцог Роберт Нормандский, Готфрид Бульонский — грядущий монарх Иерусалимского королевства... Здесь и легенда Третьего похода — английский король Ричард Львиное Сердце, тот, который якобы одним ударом меча разрубал мусульманского всадника от головы до седла (рис. 21.7). И далее — граф Балдуин Фландрский, император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса и многие, многие другие. Со стороны сарацин в подобной галерее почему-то оказался лишь один их прославленный полководец — Саладин (Салах-ад-Дин).

Первый Святой поход уже с самого начала ознаменовался, однако, позорными деяниями. В какой-то странной торопливости существенно ранее рыцарских ополчений двинулись через Германию к Дунаю и через Венгрию к Константинополю неорганизованные и многочисленные толпы европейской гольтыбы. Даже имена их вождей звучали символично: первый из них Петр Пустынник — нищий священник-харизматик; другой — также нищий, но уже рыцарь Вальтер Санс-Авуар, что по-французски означало «Голяк». Толпы эти стали даже именовать «Народным» крестовым походом.

Параллельно им двигавшийся вдоль Рейна отряд германских крестоносцев во главе с католическим священником Готшалком и графом Эмихом фон Лейнигеном свои первые «подвиги» обозначил погромами и грабежами еврейских общин в городах Трир и Кельн.

Очевидец этих погромов в Майнце монах-летописец Альберт из Экса сообщал: «Срывая засовы и выбивая двери, они врывались в дома, где убили до семисот человек, которые не могли оказать никакого сопротивления; кровавой резне

подверглись женщины малые дети, независимо от пола, все были изрублены мечами. Евреи, видевшие, как вооруженные христиане безжалостно истребляют их беззащитных близких и детей, тоже взяли оружие и в отчаянии стали избивать своих единоверцев, вместе с женами, детьми, матерями и сестрами. Рассказывают страшные вещи: матери, взяв меч, сначала перерезали горло ребенку, а затем пронзали свою грудь, предпочитая погибнуть от собственной руки, чем от удара необрезанного» (Рид: 99).

Свершали это зачастую не какие-то недисциплинированные толпы бродяг: ведь даже высокопоставленные крестоносцы зачастую не желали видеть каких-либо различий между мусульманами и евреями. Зверства крестоносцев не ограничивались прирейнскими областями: такое происходило также в Шпейере, Вормсе, вплоть до Руана на западе и до Праги на востоке.

Голодные и полуодетые толпы «Народных крестоносцев» подкатились к Константинополю. Им, однако, нужно было чем-то питаться, и тогда вокруг стольного града вспыхнули необузданные грабежи. Весьма обязанный римскому Понтифику за полученное от него согласие помощи император Алексей поторопился переправить всю эту бесполезную и опасную дикими инстинктами массу людей через Босфор, подставляя их тем самым под удар сельджуков. И действительно, уже 21 октября 1096 года фактически все «Народное» ополчение было истреблено мусульманскими воинскими отрядами...

Однако очень скоро и рыцарские соединения профессиональных европейских воинов подошли к стенам Иерусалима. Штурм города начался 13 июля 1099 года, и через два дня древний город пал. Резня потерпевших поражение мусульман была ужасной, и лишь немногим удалось сохранить свои жизни. Свирепостью этого побоища весьма гордились (рис. 21.8). Впечатляет уже само описание жуткого избиения мусульман, сопряженное с поклонением христианским святыням:

«В это время один из наших рыцарей по имени Летольд взобрался по лестнице на стену города. Едва только он оказался наверху, как все защитники города побежали прочь от стен, через город, а наши пустились следом за ними, убивали и обезглавливали их, преследуя вплоть до храма Соломонова, а уж здесь была такая бойня, что наши стояли по лодыжке в крови... Наши похватывали в храме множество мужчин и женщин и убивали, сколько хотели, а сколько хотели, оставляли в живых. Много язычников обоего пола пытались укрыться на кровле храма Соломонова; Танкред и Гастон Беарнский передали им свои знамена. Крестоносцы рассеялись по всему городу, хватая золото и серебро, коней и мулов, забирая (себе) дома, полные всякого добра. Потом, радуясь и плача от безмерной радости, пришли наши поклониться Гробу Спасителя Иисуса и вернуть ему свой долг (т. е. выполнить обет). На следующее утро незаметно наши влезли на крышу храма, бросились на сарацин и, обнажив мечи, стали обезглавливать мужчин и женщин; иные из них сами кидались с кровли вниз» (Доманин: 394).

Вспоминает участник этих событий духовник (!) графа Раймунда Тулузского тоже Раймунд, но Агильерский, когда на Храмовой горе Иерусалима он бродил по щиколотку в крови побежденных:

«По всем улицам и площадям, куда ни оберни взор, валялись груды отрубленных голов, рук и ног. Среди человеческих и лошадиных трупов как ни в чем не бывало разгуливали люди <...>. Какое заслуженное наказание для мусульман! И то место, где долгие годы они предавались святотатству и оскверняли имя Бога, теперь покрыто кровью самих богохульников» (Рид: 109). Но повторим еще раз: слова эти принадлежали графскому духовнику!

В том же году объявили о создании нового в тогдашнем мире королевства — Иерусалимского и коронации его первого монарха Болдуина I, бывшего до того Готфридом Бульонским (рис. 21.9). Началось торопливое сооружение христианских храмов. Однако не прошло и сотни лет, когда в 1187 году Салах-ад-дин (Саладин) поразил войско крестоносцев в битве при Хаттине, захватил в плен Иерусалимского короля Ги де Лузиньяна (рис. 21.10), отбил Иерусалим у крестоносцев, и тогда все церкви вновь приобрели облик мечетей.

В разряд позорных можно, без сомнений, включать и четвертый крестовый поход. Тогда не дошедшие до Святой Земли крестоносцы в 1204 году штурмом овладели богатейшей столицей Византии — Константинополем (рис. 21.11) и учинили там не только вселенский грабеж, но и резню. Тогда же были безвозвратно загублены многие неповторимые шедевры византийских творений. Да и после этого печально знаменитой трагедией 1212 года завершился постыдный «Детский крестовый поход» (рис. 21.12).

Пожалуй, в чем-то необычным предстал в этом ряду так называемый шестой крестовый поход 1228—1229 годов. Правда, своим примечательным характером он был обязан, прежде всего, абсолютно нетипичной для средневековой Европы фигурой императора Фридриха II Гогенштауфена. Фридриху исполнилось 28 лет, когда в 1220 году римский Папа Гонорий III возложил на него корону императора. Тогда он приобрел статус одновременного властителя сразу двух монархий: Священной Римской империи и королевства Сицилии. Почти немедленно после этого молодой монарх вместо традиционных священников и феодальных вассалов вводит в сицилийскую администрацию профессиональных юристов и открывает университет в Неаполе для подготовки новых управленческих и судебных кадров

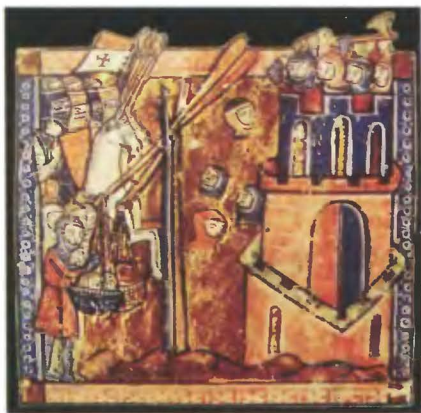

Рис. 21.8. Осада Иерусалима в 1099 году. Крестоносцы закидывают за стены города отрубленные ими головы врагов мусульман. Средневековая миниатюра (Wikipedia)

Рис. 21.9. Готфрид Бульонский — первый монарх королевства крестоносцев в Иерусалиме. Скульптура в Хохкирхе, Инсбрук (Wikipedia)

на основе древнеримского права. При коронации Папа благословил Фридриха быть вождем нового — тогда еще грядущего — шестого крестового похода. Однако сам «свежекоронованный» император вряд ли сильно трепетал за судьбу захваченного сарацинами Иерусалима. Своим победоносным походом он рассчитывал укрепить лидирующее положение в христианском мире. Фридрих, презирая христианскую добродетель смирения, явил себя приверженцем той концепции, что ниспущенная ему Богом императорская власть всеми корнями уходит к императорам Древнего Рима.

Удивительным образом различались оценки его личности. Один из очевидцев писал, что это был «хитрый, жадный, эксцентричный, злобный и раздражительный человек. Но если требовалось проявить свои лучшие качества и предстать в более выгодном свете, он становился собранным, остроумным, приветливым и прилежным» (Рид: 256).

Многие считали его законченным безбожником. Один просвещенный католический монах также полагал, что хотя в нем и не было ни капли истинной христианской веры, «но если бы он действительно стал добрым католиком и возлюбил Бога и Христову церковь, <...> то ему не нашлось бы равных среди самодержцев всего мира». Говорят, что Фридрих даже высмеивал не только обряд причастия («Как долго будут продолжаться эти фокусы с хлебом?»), но и непорочное зачатие

Богородицы («Надо быть полным идиотом, чтобы поверить, будто Христа родила непорочная Дева Мария <...>, никто не может родиться без предварительного соития мужчины и женщины»). Говорили также, что император не выказывал уважения ни к Моисею, ни к Иисусу Христу, ни к пророку Мухамеду, утверждая, что «это самые выдающиеся мошенники и самозванцы на земле» (Рид: 257—258).

Сменивший покладистого Гонория III новый Папа восьмидесятилетний Григорий IX нерушимо следовал важнейшим канонам католической веры и исполнял их. В августе 1227 года Фридрих отправляется в Святую землю возглавить Крестовый поход, но внезапно возвращается в Италию вроде бы по причине внезапной

Рис. 21.10. Салах-ад-дин и плененный им король Иерусалима в битве при Хаттине (1187 год). Сдача высших регалий сидящему на троне легендарному султану (Wikipedia)

Рис. 21.11. Штурм крестоносцами стен Константинополя в 1204 году. Картина Якопо Тинторетто, 16 век (Chronik: 307)

Рис. 21.12. Шестой крестовый поход детей; гравюра Гюстава Доре (Wikipedia)

Рис. 21.13. Фридрих II и султан аль-Камиль в дружеском рукопожатии. Средневековая миниатюра (Wikipedia)

болезни. И в это время, почти немедленно, Григорий IX отлучает императора от церкви и предаёт его проклятию как безбожника и клятвопреступника. Согласитесь, что такого рода анафемы в истории могли иметь место не столь уж часто, тем более с такой суровой выразительностью.

Любопытным было поведение Фридриха и в Святой Земле уже после папского отлучения, на которое он старался не обращать особого внимания. У него сложились весьма странные, даже близкие контакты с формально противостоящим ему сельджукским султаном аль-Камилем (рис. 21.13). У очевидцев складывалось даже впечатление, что оба никак не желали вести войну друг с другом. Так, скажем, Фридрих просил султана просветить ученых мужей из своего христианского окружения по философским проблемам устройства природы Вселенной, о бессмертии души, поведать о логических построениях Аристотеля. Являясь братом великого Саладина, султан Аль-Камиль вовсе не отличался религиозным фанатизмом знаменитого родственника. Он едва ли не дружески относился к своему столь необычному западноевропейскому скептику-интеллектуалу и частенько посылал ему богохульные, с точки зрения папской курии, подарки. Иерусалимский патриарх Герольд доносил Папе Григорию IX:

«С прискорбием, как о величайшем позоре и бесчестии, вынуждены доложить вам, что султан, узнав о любви императора к сарацинским нравам и обычаям, прислал тому певиц, фокусников и жонглеров, о развратной репутации которых среди христиан даже упоминать не принято» (Рид: 264).

В 1229 году Фридрих и аль-Камиль заключили мирный договор, по которому Иерусалим вновь переходил в руки христиан. И здесь вновь происходит такого рода событие, которое с первого взгляда объяснить крайне сложно. Насквозь пропитанный ненавистью к Фридриху II неистовый и весьма престарелый Папа Григорий IX по сути отлучает от церкви истинный, уже с позиции важнейших христианских канонов, «пуп Земли» и центр ойкумены город Иерусалим! Он накладывает на него так называемый «Interdictum», то есть строгий запрет на проведение в храмах этого священного для христиан града любых церковных обрядов. Возможно ли было явить миру более абсурдную идею, венчающую эпоху крестовых походов и «очищения от мерзких язычников» Святой Земли и Гроба Господня?

* * *

Задачей этой книги, разумеется, никак не являлось изложение истории противостояния христианского и исламского миров, равно как и крестовых походов. Цель состояла, прежде всего, в том, чтобы напомнить об основных, наиболее важных вехах этой многовековой и не стихающей до наших дней борьбы. Вполне очевидно также, что длительное противостояние и многообразные контакты между христианским и исламским мирами претерпевали порой самые неожиданные метаморфозы. Однако, по существу, с эпохой халифатов и султанатов завершилась крайне своеобразная и во многом неповторимая история семитоязычных пастушеских племен, моноэтническим ядром которых являлись арабские племена. Теперь, кажется, настало удобное время переместить внимание читателей на север, к мобильным скотоводам Степного Пояса. Ведь судьбы их культур оказались весьма и весьма отличными от кочевников южных, и краткое изложение истории арабских скотоводов в данной главе может послужить хорошим фоном для показа отчетливых контрастов в этой картине.

Глава 22

ПЕРВАЯ ВОЛНА С ВОСТОКА: ГУННЫ

Обрушение столпов стабильности

В этой главе мы не только перенесемся из крошечной Палестины на далекий север, к необъятным просторам Степного Пояса, но также опустимся вглубь времен на добрую тысячу лет. Без этих кажущихся странными перемещений во времени и пространстве нам будет очень трудно осознать истинный характер исторических процессов в первом тысячелетии новой эры. Ученые в целом достаточно согласно выделяют для этого тысячелетия в качестве одного из наиболее кардинальных и определяющих ход евразийской истории событий так называемую эпоху Великого Переселения народов. Календарные даты этого периода чаще всего ограничивают рамками от 4-го до 7-го веков. Однако думается, что истоки великих миграций можно опустить в столетие третье, а их завершение или же явное угасание — даже в век восьмой. Чаще всего, в согласии с евроцентристской парадигмой, данный период определяет грань между Античностью и Средневековьем. Но на истинном Востоке — то есть в Китае — понятие «Средние века» в исторической науке отсутствует, и потому при определении эпох там пользуются иными терминами. В согласии с той же евроцентристской парадигмой истории акцент эпохи Великого переселения почти постоянно и большей частью сфокусирован на активных передвижениях североевропейских, прежде всего, германоязычных, но также и народов иных и разнообразных лингвистических групп.

Стабильный характер мегаструктуры южного домена в последние века эры «до» и два ранних столетия эры «после» в основном обеспечивали три могучих и казавшихся незыблемыми «столпа». Древний Рим — сначала поздняя республика, а затем империя — «отвечала» за пространства от Атлантики и всего Средиземноморья, вплоть до Месопотамии и даже Закавказья. Парфянское царство «обеспечивало» устойчивость в центре домена. Владычество империи Хань покрывало обширные пространства от Джунгарских ворот вплоть до побережья морей Тихоокеанского бассейна, куда впадали Хуанхэ и Янцзы.

Третье столетие нашей эры обозначило тяжелый и на удивление едва ли синхронный кризис базовых структур всех трех некогда «всесильных столпов». С наименьшими потерями удалось, пожалуй, выстоять Риму, хотя полувековой период безликой череды «солдатских императоров» в это столетие успешным назвать

очень трудно. Властители Парфянской династии драматично завершили свой путь, и на руинах прежней монархии стали формироваться конструкции новой персидской монархии — Сасанидов. Но гораздо трагичней сложилась судьба Поднебесной — династии Хань. Разруха привела к так называемому «Троецарствию», а уже «Троецарствие» сменил крайне тяжкий и смутный период «16 варварских воюющих государств». Обрушение «столпов» стабильности послужило импульсом к резкой активизации народов Степного Пояса Евразии.

Гунны на Западе

Римская империя и в четвертом столетии продолжала свой болезненный и трагичный и распад. В 330 году Константин переносит столицу империи на восток, в «Новый Рим». Этот замечательный город на Босфоре вскоре получит наименование Константинополь, а в 395 году станет столицей Византийской империи. Выдающемуся историку Аммиану Марцеллину «повезло»: ему довелось стать активным наблюдателем едва ли не всех событий драматического финала некогда непобедимого и великого социального феномена всего крайнего запада Евразийского континента. Загнивший и ослабевший организм империи, кроме германоязычных «варваров», к тому же подвергался постоянным атакам свирепых и неукротимых степных всадников (рис. 22.1). Одни из них — сарацины, *«которых лучше было бы не иметь ни друзьями, ни врагами»*. Но эти «хищные коршуны» хотя бы более понятны и привычны для римлян — они ведь близкие соседи. Но вот другие...

Рис. 22.1. Победоносные гунны на полях сражений в Европе. Цветная гравировка на дереве, 19 в. (Chronik: 218)

Именно в этих появившихся с востока «других» очень хотелось историку разглядеть причину всех коренных бед погрязшей в несчастьях империи. Аммиана Марцеллина вряд ли возможно обвинять в избыточном мистицизме, однако в данном случае признаки иррациональных оценок у трезво мыслящего историка как будто налицо:

«Нашли как-то мертвого орла, лежавшего с перерезанным горлом, и смерть его знаменовала собой громадные и всеохватные бедствия общегосударственного значения. Наконец, когда сносили старые стены Халкедона, чтобы построить баню в Константинополе, сняв ряд камней, нашли на квадратной плите, находившейся в самой середине стены, следующую высеченную надпись, которая совершенно определенно открывала будущее:

*Но когда влажные Нимфы по граду закружатся в пляске,
В резвом веселье вдоль улиц несясь хорошо укрепленных,
И когда стены со стоном оградой станут купанья:
В эту годину толпа несметная бранных народов,
Силой прошедши Дуная прекрасно текущего волны,
Скифов обширную область и землю мизинцев погубит.
В дерзком и диком порыве вступивши в страну пеонийцев,
Там же и жизни конец обретет и жестокую гибель.*

Аммиан Марцеллин аттестует эти «неведомо откуда явившиеся бранные народы» словами несравненно более жестокими, нежели соседних сарацин. Именно они — гунны — и являются источником бедствий всего окружающего мира. Их запредельная и неодолимая мерзость очевидна буквально во всем:

«Семя и начало всего этого несчастья и многообразных бедствий, вызванных яростью Марса, который своим пожаром сотрясает мир, восходит, как выяснено, вот к какому событию. Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит своей дикостью всякую меру <...>. Они доживают до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей, или уподобить тем грубо отесанным наподобие человека чурбанам, которые ставятся на краях мостов. При столь диком безобразии человеческого облика, они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть. Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания; напротив, они избегают их, как гробниц, далеких от обычного окружения людей. У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша. Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучены переносить холод, голод и жажду <...>. Тело они прикрывают одеждой льняной или сшитой из шкурок лесных мышей <...>. Один раз одетая на

тело туника грязного цвета снимается или заменяется другой не раньше, чем она расползется в лохмотья от долговременного гниения. Голову покрывают они кривыми шапками, свои обросшие волосами ноги — козыми шкурами; обувь, которую они не выделывают ни на какой колодке, затрудняет их свободный шаг. Поэтому они не годятся для пешего сражения; зато они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и часто, сидя на них на женский манер, занимаются своими обычными занятиями. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны <...>. Не знают они над собой строгой царской власти, но, довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что попадает на пути. Иной раз, будучи чем-нибудь обижены, они вступают в битву; в бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстраиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство <...>. Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями, потому что издали ведут бой стрелами, снабженными искусно сработанными наконечниками из кости, а сойдясь врукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан, чтобы лишить его возможности усидеть на коне или уйти пешком <...>. Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткнут им их жалкие одежды, соединяются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости. Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден — вдали оттуда, вырос — еще дальше. Когда нет войны, они вероломны, непостоянны, легко поддаются всякому дуновению перепадающей новой надежды, во всем полагаются на дикую ярость. Подобно лишенным разума животным, они пребывают в совершенном неведении, что честно, что нечестно, ненадежны в слове и темны, не связаны уважением ни к какой религии или суеверию, пламенеют дикой страстью к золоту» (Ammianus Marcellinus, XXXI, 2—4).

Труды трех основных авторов обыкновенно используют историки для воссоздания картины гуннских завоеваний в Европе: Аммиана Марцеллина, Приска Панийского и Иордана. О первом из них — Аммиане Марцеллине — мы уже говорили. Добавим лишь, что он по рождению грек, жил в четвертом веке и был, пожалуй, последним из крупных римских историков, кто написал «Римскую историю», или же «Деяния в 31 книге». Именно в последней — XXXI — книге и сосредоточены все важнейшие сведения об известных ему номадах и, в частности, о деяниях гуннов — еще до появления Аттилы.

Приск Панийский — это византийский дипломат историк и писатель пятого столетия, который в 448 году был направлен в стан вождя гуннов Аттилы для пере-

говоров с этой жуткой для византийцев фигурой. По ходу своей миссии Приск вел подробный дневник, который и лег в основу его сочинения «Византийская история и деяния Аттилы». К сожалению, этот труд до нашего времени не сохранился, и потому историки пользуются цитированием обширных выдержек из этой книги у иных древних авторов^{*}. В отличие от римской истории Марцеллина в его труде гунны уже не выглядят чудищами. Это довольно обыкновенные, хотя и весьма чуждые для исконных европейцев по своему облику и нравам люди.

И наконец, Иордан — уже готский историк, автор крупного сочинения под названием «Getica»^{**} (в русском переводе — «О происхождении и деяниях гетов»), которое он завершил 551 г. В основном он ведет речь о народах Эпохи Великого Переселения и по преимуществу о гетах (готах).

Однако много разделов в этом труде автор, цитируя нередко Приска, отвел и Аттиле, вплоть до его нелепо-постыдной смерти и последовавшего вслед за кончиной вождя, по сути, стремительного исчезновения гуннов с европейских пространств. Сам Иордан жил и творил уже тогда, когда от основных связанных с гуннским нашествием деяний его отделял почти столетний отрезок времени. Тем не менее его рассказ и оценки гуннов в чем-то даже более фантастичны и жестоки на фоне их описания у Аммиана Марцеллина.

Вот «взъярилось на готов племя гуннов, самое страшное из всех своей дикостью. Из древних преданий мы узнаем, как они произошли. Король гóтов Филимер <...> пятым по порядку держал власть над гетами и <...> вступил в скифские земли. Он обнаружил среди своего племени несколько женщин-колдуний <...>. Сочтя их подозрительными, он прогнал их далеко от своего войска и <...> принудил блуждать в пустыне. Когда их, бродящих по бесплодным пространствам, увидели нечистые духи, то в их объятиях соитием смешались с ними и произвели то свирепейшее племя, которое жило сначала среди болот, — малорослое, отвратительное и сухопарое, понятное как некий род людей только лишь в том смысле, что обнаруживало подобие человеческой речи.

Вот эти-то гунны, созданные от такого корня, и подступили к границам готов. Этот свирепый род, как сообщает историк Приск, расселившись на дальнем берегу Меотийского озера [Азовского моря], не знал никакого другого дела, кроме охоты, если не считать того, что он, увеличившись до размеров племени, стал тревожить покой соседних племен коварством и грабежами.

Охотники из этого племени, выискивая однажды, как обычно, дичь на берегу внутренней Меотиды, заметили, что вдруг перед ними появился олень, вошел в озеро и, то ступая вперед, то приостанавливаясь, представлялся указующим путь. Последовав за ним, охотники пешим ходом перешли Меотийское озеро, которое считали непроходимым, как море <...>. Я полагаю, что сделали

* См. <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prisc/frametext.htm>

** См. <http://www.krotov.info/acts/06/iordan/iordano1.html>

это, из-за ненависти к скифам, те самые духи, от которых гунны ведут свое происхождение <...>.

Всех скифов, забранных еще при вступлении, они принесли в жертву победе, а остальных, покоренных, подчинили себе. Лишь только они перешли громадное озеро, то — подобные некоему урагану племен — захватили там [многих] <...>, сидевших на побережье этой самой Скифии. Аланов, хотя и равных им в бою, но отличных от них человечностью, образом жизни и наружным видом, они также подчинили себе, обессилив частыми стычками. Может быть, они побеждали их не столько войной, сколько внушая величайший ужас своим страшным видом; они обращали их в бегство, потому что их — гуннов — образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз. Их свирепая наружность выдает жестокость их духа: они зверствуют даже над потомством своим с первого дня рождения. Детям мужского пола они рассекают щеки железом, чтобы, раньше чем воспринять питание молоком, попробовали испытание раной. Поэтому они стареют безбородыми, а в юношестве лишены красоты, так как лицо, изборожденное железом, из-за рубцов теряет своевременное украшение волосами.

Ростом они невелики, но быстры проворством своих движений и чрезвычайно склонны к верховой езде; они широки в плечах, ловки в стрельбе из лука и всегда горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи. При человеческом обличье живут они в звериной дикости».

Аттила

Безусловно, что венцом повествований Иордана о ранней истории гуннов в Европе явилась у историка едва ли не легендарная фигура Аттилы (рис. 22.2). В европейской традиции средневековые хронисты именуют его королем, но согласно нормам тех социумов Востока, откуда и появились гунны в Европе, его статус звучал бы как «шаньюй» или, что точнее, «великий шаньюй» (см. следующую главу). Учет также, что гунны у Иордана, как и у многих других писателей и историков могут очень нередко именоваться скифами, поскольку все степняки зачастую принимались ими за столь привычных для грекоязычных авторов скифов. А у Прокопия Кесарийского, например, слова которого мы цитировали в третьей главе, к гуннам причислены многие пастушеские народы, которые к монголоязычным или же к тюркоязычным племенам отношения не имели. К сожалению, с этим приходится постоянно сталкиваться при оценке оседлыми народами бесконечно перемещающихся степняков. Итак, слово Иордану об Аттиле:

«Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высо-

Рис. 22.2. Медаль эпохи Ренессанса с воображаемым профилем Аттилы и латинской надписью «Атила бич Божий» (Wikipedia)

ко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здоровымыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутый сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом [кожи] он являл все признаки своего происхождения. Хотя он по природе своей всегда отличался самонадеянностью, но она возросла в нем еще от находки Марсова меча, признававшегося священным у скифских царей. Историк Приск рассказывает, что меч этот открыт при таком случае. Некий пастух, говорит он, заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины ее ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принес его Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах».

У встречавшегося с Аттилой во время своего посольства Приска характеристика вождя иная, как бы более заземленная. Весь состав посольства однажды был приглашен к вождю гуннов на обед (рис. 22.3), и когда расселись, то:

«Первым вошел слуга Аттилы с блюдом, наполненным мясом, а за ним служившие гостям поставили на столы хлеб и закуски. Для прочих варваров и для нас были приготовлены роскошные кушанья, сервированные на круглых серебряных блюдах, а Аттиле не подавалось ничего кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он выказывал умеренность: так, например, гостям подавались чаши золотые и серебряные, а его кубок был деревянный. Одежда его также была скромна и ничем не отличалась от других, кроме чистоты; ни висевший у него сбоку меч, ни перевязи варварской обуви, ни узда его коня не были украшены, как у других скифов, золотом, камнями или чем-либо другим ценным».

Чаще всего считают, что после знаменитой битвы, произошедшей в 451 году на Каталаунских полях — это современная провинция Шампань во Франции — судьба Аттилы и гуннских пришельцев в Европе была решена. Но это далеко не так. Действительно, Агтила ту битву проиграл, но не позволил врагам — визиготам — окончательно его добить. Готам же победа далась с великим трудом; их король Теодорид погиб в сражении, а его наследники сразу же умчались с поля победы, чтобы никто не посмел и не успел захватить опустевший трон после гибели монарха. Агтила же вернулся на север Апеннинского полуострова, «...истребляя

Рис. 22.3. Пир у Атилы. Художник Мор Тан, 1870 г. Картина написана по мотивам текста Приска Панийского. Сам Приск изображен в белой одежде в первой части картины с книгой *ΙΣΤΟΡΙΑ* в руках (Wikipedia). Однако картина пира мало похожа на описание обеда в описании самого Приска

Рис. 22.4. Атила побивает в Италии символы западной цивилизации. Фреска Э. Делакруа, около 1840 г. (Wikipedia)

Рис. 22.5. Римский Папа Лев I Великий прибывает в 452 г. в лагерь Атилы, чтобы отговорить его от похода гуннских отрядов на Рим. Фреска Рафаэля 1513 г. (Wikipedia). В отличие от Понтифика фигура Атилы трудно различима в густой толпе; к тому же вождь гуннов явно страшится архангелов с мечами, нависающих с небес над ним и его воинством

с яростью <...> чуть ли не всю Италию» (рис. 22.4). В какой то момент прокатился слух, что он намерен направить все свое воинство на Рим. И тогда по сведениям Иордана «с мирными предложениями <...> пришел к нему сам папа Лев на Амбуйское поле в провинции Венетий <...> Аттила прекратил тогда буйство своего войска и, повернув туда, откуда пришел, пустился в путь за Данаубий (Дунай)» (рис. 22.5).

Конфузная кончина Аттилы весьма слабо гармонировала с его образом мирового властителя. Конец жизни застиг легендарного вождя не на поле битвы, не в жестокой и героической схватке с врагом, но в постели своей молодой наложницы, а может и новой жены, о чем опять же повествует Иордан:

«Ко времени своей кончины он, как передает историк Приск, взял себе в супруги — после бесчисленных жен, как это в обычае у того народа, — девушку замечательной красоты по имени Ильдиго. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и, изливаясь по смертоносному пути через горло, задушила его. Так опьянение принесло постыдный конец прославленному в войнах королю. На следующий день, когда миновала уже большая его часть, королевские прислужники, подозревая что-то печальное, после самого громкого зова взламывают двери и обнаруживают Аттилу, умершего без какого бы то ни было ранения, но от излияния крови, а также плачущую девушку с опущенным лицом под покрывалом».

А вот как хоронили Аттилу:

«Среди степей в шелковом шатре поместили труп его, и это представляло поразительное и торжественное зрелище. Отборнейшие всадники всего гуннского племени объезжали кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где был он положен; при этом они в погребальных песнопениях так поминали его подвиги <...>: «Великий король гуннов Аттила, рожденный от отца своего Мундзука, господин сильнейших племен! Ты, который с неслыханным дотоле могуществом один овладел скифским и германским царствами, который захватом городов поверг в ужас обе империи римского мира <...>. И со счастливым исходом совершив все это, скончался не от вражеской раны, не от коварства своих, но в радости и веселии, без чувства боли... Кто же примет это за кончину, когда никто не почитает ее подлежащей отмщению?» Ночью, тайно труп предают земле, накрепко заключив его в три гроба — первый из золота, второй из серебра, третий из крепкого железа. Следующим рассуждением разъясняли они, почему все это подобает могущественнейшему королю: железо — потому что он покорил племена, золото и серебро — потому что он принял орнат (?) обеих империй. Сюда же присоединяют оружие, добытое в битвах с врагами, драгоценные фалеры, сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения, каковыми отмечается убранство дворца. Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед

столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело, отвратительно, таким образом, вознаградив их; мгновенная смерть постигла погребавших так же, как постигла она и погребенного».

Вас не удивляет — как соплеменники воспевают его смерть — вовсе «не от вражеской раны, не от коварства своих, но в радости и веселии, без чувства боли»?

Спустя несколько лет в жестокой битве погиб любимый сын Атилы Эллак и «погиб, как известно, столь мужественно, что такой славной кончины пожелал бы и отец, будь он жив». Не кажется ли вам, что в этой фразе Иордана слышен некий отзвук безразличия по отношению к недавней, но бесславной кончине его легендарного отца?

Гунны после Атилы

Великий шаньюй гуннов Атила завершил свой земной путь в 453 или же 454 году. «Голова [его последнего сына] Денгизуриха [Denzicis] была доставлена в Константинополь» уже через 15 лет, в 469 году. Однако и в это пятнадцатилетие страховидный образ этих восточных чудищ продолжает ужасать ромеев и их северных степных соседей. Хронист Феофан Византийский год за годом повторяет сведения об этом народе:

Год 473/4: во Фракию врываються гунны и причиняют «...большой вред государству, между тем как царь [Зинон] предавался неистовым удовольствиям и вообще действовал беззаконно».

Год 513/14: «Виталиан, занявши всю Фракию, Скифию и Мизию, со множеством гуннов и болгар покорил Анхиал и Одиссополь, равно как поразил Кирилла, военачальника фракийского и, опустошая все, дошел до самого Константинополя; здесь, щадя этот город, остановился в Сосфение».

Год 515/16: «гунны, называемые савирами, проникли за Каспийские врата, вторглись в Армению, опустошили Каппадокию, Галатию и Понт и остановились почти у самой Евхаиты. Святой Македоний, с большой опасностью спасая от них, прибыл в Гангру».

Год 520/21: «по случаю войны, снова возникшей между римлянами и персами, Юстин отправил послов с дарами к Зилигду, царю гуннов, который склонился на его предложение и обещал клятвенно, по обычаю отцов, воевать с ними против персов. Кавад тоже послал к нему с своей стороны послов и царь гуннов согласился и с ним. Известия об этом, Юстин сильно огорчился. Зилингд отправил в помощь персам двадцать тысяч войска против римлян. Юстин послал сказать персидскому царю Каваду [шах Кавад 488—531 гг.], что Зилингд поклялся помогать римлянам за большие подарки и готов изменить персам, и потому лучше им, помирившись, жить в дружбе, как братьям, и не дать этим псам играть собою. Тогда Кавад спросил наедине Зилингда, получил ли он дары от римлян за вспоможение им против персов? Гунн отвечал «Да». Раз-

гневанный Кавад убил его, а потом ночью послал большое войско персов для истребления его воинов, подозревая, что царь их пришел к нему с коварным намерением».

Год 527/28: «присоединилась к римлянам некоторая жена из гуннов, называемая сивирами, варварка, по имени Воарикс, вдова, под властью которой находилось сто тысяч гуннов <...>. Кавад склонил двух царей других гуннских племен, живших далее во внутренних краях <...> помогать ему в войне против римлян. Когда они проходили с двадцатью тысячами войска в Персию через владения царицы Воарикс, она напала на них и поразила наголову. Одного из них, именно Стиракса, полонила и отослала в оковах к царю в Константинополь, а другого, Глониса, убила на сражении. Таким образом сделалась она союзницей и другом царю Юстиниану.

В том же году царь гуннов, обитавших близ Воспора [Босфора], Гордас, присоединился к императору, сделался христианином и просветился, а император принял его, осыпал большими дарами и отправил в собственную его страну охранять римские пределы и город Воспор, названный так потому, что гунны ежегодно платили римлянам дань <...>. В этом городе происходила оживленная торговля между ромеями и гуннами. Царь гуннов, сделавшийся христианином, возвратясь в свою землю, пришел к брату своему, рассказал ему о любви императора и щедрости его, равно как и о том, что он крестился. Он собрал истуканы, которым гунны поклонялись и перелил их, потому что они были серебряные и янтарные. Гунны рассердились и сговорившись с братом его, убили его, а на его место поставили царем брата его, Муазера. Боясь, чтобы римляне не взыскали за него, вдруг напали на город Воспор и убили трибуна в нем Далмация с воинами его. Услышав о сем, император отправил туда консула Иоанна <...> с значительным вспомогательным войском из скифов, к которому присоединились вожди: Годилла из Одиссополя и Вадурий. Гунны, узнав о том, бежали и исчезли; таким образом в Воспоре воцарился мир, и римляне управляли им уже без всякой опасности».

Год 558/59: «появилось в Фракии великое множество гуннов и славян, и повоевали они Фракию, и многих убили и взяли в плен».

Год 571/72: «В то время гунны, которых мы обыкновенно называем турками, отправляют к Юстину посольство чрез страну аланов».

* * * * *

Досадно, но в опубликованном в 1884 году русском переводе «Хронографии» Феофана Византийского (Феофана Исповедника) хронология связанных с гуннами событий оказалась «сдвинутой» на семь лет. К примеру, смерть Агиллы датирована в русской публикации 446 годом, тогда как его кончина наступила семью годами позднее — в 453 году. Поэтому разницу в необходимые семь лет мы представили здесь уже исправленной, поскольку ориентировались на хронологический ряд, предложенный в английском переводе «Хронографии» (Chronicle of Theophanes).

Кроме того, имеются весьма существенные сомнения, что все перечисленные выше эпизоды действительно имеют прямое отношение к собственно гуннам. Вот комментарий ведущего российского специалиста по истории взаимоотношений Византии и степных народов: *«На вопрос о том, кого Феофан подразумевает под гуннами в данном случае, едва ли можно ответить однозначно. Гуннский союз племен распадается после смерти Аттилы в 453 г., часть гуннов возвращается в Северное Причерноморье, но сомнительно, чтобы эти гунны могли причинить серьезный ущерб империи, о чем пишет наш *хронист»* (Чичуров: примечание 38). Автор присоединяется к мнению комментатора, хотя речь в его заметке идет о ранней дате — 473 год. Ведь тогда еще не успели «переправить» в Константинополь голову Денгириха, сына Аттилы. Последний отрывок из хроники Феофана — уже о годе 571/572 — вообще примечателен. К этому времени до Византии докатились явные следы второй, весьма могучей и стремительной волны с Востока — конных орд тюркских каганатов (об этом пойдет речь в главе 9). Поэтому фраза Феофана «гунны, которых мы обыкновенно зовем турками» очень точно поясняет нам: посольство к Юстину отправляли не гунны, но тюрки.

Вообще же гунны в памяти европейских народов оставили о себе столь мрачные воспоминания, что они остаются неизгладимыми вплоть до наших дней. И, конечно, первый план в ряду этих воинов-кочевников всегда занимает образ Аттилы. Его изображал в 16 веке Рафаэль (рис. 22.5), а почти четырьмя столетиями позднее — Делакура (рис. 22.4). Видимо, в 17 (?) веке этот «король» гуннских орд был изображен на медали (рис. 22.2); правда, его профиль очень (!) похож на козла с бородакой и рогами (Из собрания императора Рудольфа II. Сконирование иллюстрации (рис. 22.2) из книги: Otto Zierer, Herbert Reinöf. Die großen Ereignisse der Weltgeschichte. Gütersloch: Bertelsman, Reinhard Mohn OHG. Buch-Nr. 5753'3300).

Гунны очень долго служили нарицательным образом для всех агрессивных монстров. Во время Первой мировой войны образованная публика на Британских островах гуннами крестила развязавших войну агрессоров-германцев. Адольф Гитлер нередко награждал этой кличкой своих противников-большевиков из Советского Союза. Да и вплоть до нынешнего дня в публикациях западноевропейских журналистов можно натолкнуться на подобного рода ругательства.

Для археологов, конечно же, особенно интересным является похоронный обряд вождя (опять-таки в изложении Иордана). По описанию историка он был таким пышным! Но вот беда: в археологической реальности западные гунны не отразились никак, или же почти никак! Едва ли не все, что нам известно об этом воинственном народе, доступно, по сути, в свидетельствах трех этих столь часто цитированных выше авторов. Пусть не постоянные поселения, которых у них могло и не быть, — но где-то, казалось, должны были бы сохраниться их погребения? Ведь принявших здесь свою смерть гуннов в ходе бесконечных битв было,

наверное, изрядное число... Любители ищут описанное Иорданом место захоронения Аттилы. Но тщетно!

Во времена гуннских неистовств на просторах Западной Европы никто не ведал точно: откуда же появились эти «чудища»? Вроде бы, как полагал Аммиан Марцеллин, *«обитали они за Мётийским болотом в стороне Ледовитого океана»*. На самом деле их истоки таились совсем не там, но очень-очень далеко на востоке, в монгольских горных степях, к северу от китайских цивилизаций. Прodeлали гунны этот путь — не менее чем в 12 000 километров — по не очень понятным для нас пространствам, но, конечно же, не минуя теснины Джунгарских ворот. То ли они огибали Каспий с юга по Иранским нагорьям, то ли — с севера, по их «родным» просторам Степного Пояса? Для археологов отчетливых следов они почти не оставили.

Гунны на Западе явились, безусловно, первым и весьма отчетливым свидетельством, что маятник воздействий на протяженном «мосту» Степного Пояса качнулся в сторону противоположную. Ветры Востока возобладали над ветрами с Запада. Поэтому теперь нам будет резонно обратиться к их истокам.

Глава 23

ГУННЫ НА ВОСТОКЕ

Где их корни?

Корни народа гуннов — они же хунну, либо сюнну — безусловно, таятся в необозримых просторах горных степей и полупустынь Монголии (в самом широком понимании ареала этой области). Но вот пожелаем мы разместить более строго истоки гуннов во времени и пространстве, перед нами сразу же начинают возникать труднопреодолимые преграды. Уже в некоторых предшествующих главах мы обращали внимание, что оценки кочевников с позиции их южных оседлых соседей чаще всего отличаются субъективным характером и крайней жестокостью.

В китайских источниках, как и на Западе Евразии, «...кочевников изображают в виде алчных, агрессивных орд, устраивающих страшные набеги на миролюбивых китайцев. Китайские источники полны ругательных описаний хищных варваров кочевников с севера: «птицы и звери»; «волки, не заслуживающие снисхождения»; «нелюди, жадные до наживы, у них человеческие лица, но звериные сердца». Живут они в «болотах и соляных пустынях, непригодных для людей». Вера китайцев в то, что их соседи некитайцы не лучше зверей, глубоко проникла в письменный язык: иероглифы, обозначающие племена к северу (ди) и югу (мань) от центральной лессовой равнины, содержат графемы, изображающие соответственно собак и червей» (Ловелл: 55).

Сражения с ними пожирают едва ли не львиную долю всей их общественной энергии. Победой можно гордиться и предаваться самовосхвалениям. О битве китайцев с предполагаемыми предками гуннов — сяньюнями — говорит одно из самых ранних свидетельств победного ликования воинов династии Западного Чжоу над степными ордами в 9 или 8 вв. до н. э.:

В шестом месяце кругом царили переполох и волнение.

Стояли в готовности боевые колесницы <...>

Сяньюнь (the Xianyun) были в огромном числе, Нельзя было терять времени.

Правитель приказал идти в поход, Чтобы спасти землю царства <...>

Но армия Чжоу нанесла сяньюнь решительное поражение

И снискала великий почет. Мы знали сяньюнь до самой Великой равнины <...>

Однако теперь у нас не будет времени на отдых из-за сяньюнь <...>

Да, мы всегда должны быть начеку (Ловелл: 54; Lovell).

Но даже украшенные победной эйфорией злобные определения степных варваров нам мало что дают. И кроме всего, точность и корректность их определений в наименовании тех или иных народов очень часто оставляет желать много лучшего, о чем мы кратко упоминали в предшествующей главе. Совсем нетрудно назвать примеры, когда европейские историки и бытописатели скифами крестили поголовно все степные народы вплоть до Средневековья, хотя, скажем, к скифам многообразные тюркоязычные племена того времени никакого отношения не имели. Точно так же скотоводов северокавказских регионов Прокопий Кесарийский мог именовать гуннами, когда те уже давно покинули эти области. Более того, византийский хронограф, к примеру, утверждал что *«в древности великое множество гуннов, которых тогда называли киммерийцами, занимало те места, о которых я недавно упоминал, и один царь стоял во главе их всех»* (Прокопий Кесарийский: IV, 5; <http://www.webcitation.org/61A3eOAs3>).

Киммерийцы с гуннами ни в малейшей степени и никогда связаны не были. Подобного рода поиски истины зачастую погружают исследователей в беспредельный мир самых разноречивых домыслов, беспочвенных утверждений, либо неких — традиционных для того иного общества и уходящих в далекую глубь веков — представлений. И не столь уж редко весь этот увлекательный для ведущего свои изыскания историка мир оказывается лишенным какой-либо конкретики.

Реалистичность китайских оценок

Рис. 23.1. Сыма Цянь — великий китайский историк династии Хань. Современное изображение (Wikipedia)

Если же обратиться к китайским письменным документам, то многие детали общей картины окажутся весьма сходными с западными. Да и вряд ли на основании имеющихся там крайне скупых слов и описаний удастся определить также же во времени и пространстве истоки гуннов (сюнну, хунну), обитавших на восточной половине Евразии. Базовой основой в поисках их исходных корней служит, безусловно, классический труд «Ши-цзи» — или же «Исторические записки» — созданный подданным империи Хань и знаменитым «отцом» китайской историографии Сыма Цянем (рис. 23.1), даты жизни которого колеблются в рамках 145 или 135 до 86 гг. до н. э. Пространственная глава 110 восьмого тома его труда целиком посвящена истории этого коварного и крайне

неприятного для китайцев народа.

«Родоначальником сюнну был отпрыск рода правителей Ся по имени Шунь-вэй. До Тана и Юя [племена] шаньжунов, сяньюней и хуньюев жили на [землях] северных варваров и вслед за пасущимся скотом кочевали с места на место.

Рис. 23.2. По описаниям Сама Цяня, как и других китайских хронистов, степняк становился истинным кентавром, неразлучным со своей лошадыю, уже с самых малых лет. Это сохранилось вплоть до наших дней (фото автора 1980 года)

Из домашнего скота у них больше всего лошадей, крупного рогатого скота и овец, а из редкого скота — верблюдов, ослов, мулов <...>. В поисках воды и травы [они] переходят с места на место, и хотя у них нет городов, обнесенных внутренними и наружными стенами, нет постоянного местожительства и они не занимаются обработкой полей, тем не менее каждый тоже имеет выделенный участок земли.

У них нет письменных документов, и все распоряжения делаются устно. Мальчики умеют ездить верхом на овцах, из лука стрелять птиц и мышей; постарше стреляют лисиц и зайцев, которых затем употребляют в пищу; все возмужавшие, которые в состоянии натянуть лук, становятся конными латниками*.

По существующим среди них обычаям, в мирное время они следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений. Таковы их врожденные свойства.

Из оружия дальнего действия они имеют луки и стрелы, из оружия, применяемого в ближнем бою, — мечи и короткие копья с железной рукоятью. Если сражение складывается благоприятно [для них] — наступают, а если неблагоприятно — отступают и не стыдятся бегства. Там, где видят для себя выгоду, не знают ни правил приличия, ни правил поведения».

Крайне любопытно, что даже сам великий китайский хронограф сильно сомневается в возможности верного и досконального изложения истории этих беспокойных пастухов:

* Добавим, что все это с самых юных лет горячее пристрастие к всадничеству можно наблюдать, например, в Монголии вплоть до нынешних дней (рис. 23.2).

Рис. 23.3. Великий российский ученый-востоковед Никита Яковлевич Бичурин, он же Отец Иакинф (1777—1853)

«Со времени Шунь-взя до Тоуманя [шаньюя или великого хана этих номадов в конце 3 века до н. э.] прошло более тысячи лет, в продолжение которых [сюнну] временами усиливались, временами слабели, распадалась и делились, но это было так давно, что невозможно выяснить и последовательно изложить переходы власти от одного правителя к другому».

Действительно, судя по всему, придти к каким-либо обоснованным заключениям в этом плане было очень сложно. Вот только один пример из «Шиц-зи», где упоминается о кочевавших по северным степям в 7-м столетии до н. э. племенах, в которых желают видеть предков этого народа. Их имена поразительно разнообразны:

«В это время Цинь и Цзинь были сильными царствами. После того как правитель Цзинь, Вэнь-гун, прогнал жунди, последние, поселившись к северу от Хуанхэ между реками Инь-шуй и Лошуй, стали называться чиди и байди. Правитель Цинь, Му-гун, привлёк Ююя, благодаря советам которого восемь владений западных жунов признали над собой власть Цинь, а поэтому от Лун и далее на запад жили мяньчжуские жуны, гуньжуны, ди и хуаньские жуны, а к северу от гор Ци и Ляншань, рек Цзин и Ци — ицзюйские, далиские, учжиские и сюйяньские жуны. На севере от Цзинь жили жуны, называвшиеся линьху и лоуфань, а на севере от царства Янь жили дунху и шаньжуны.

Все они были рассеяны по горным долинам, имели собственных вождей, и хотя нередко собиралось **свыше ста [племен] жунов**, они не сумели объединиться в одно целое».

Здесь автор позволит себе очень краткое отвлечение от основной темы главы. Для российской науки по существу абсолютно невозможно представить историю пастушеских народов Востока Евразийского мира без трудов Никиты Яковлевича Бичурина (рис. 23.3) или же отца Иакинфа — так значилось его имя в ипостаси православной службы — «монах Иакинф Бичурин». Именно Бичурин еще в начале 19 столетия открыл для России ту поражающую и доныне удивительную «карусель» поразительных взлетов и трагических падений культур номадов, которая была по преимуществу отражена в неисчислимой массе древних и старинных китайских письменных источников. Именно отец Иакинф заложил фундамент всех последующих — вплоть до современных — изысканий в этом направлении. В своей предыдущей книге, посвященной Степному Поясу Евразии, и в ее Приложении 1 я предпочитал едва ли не все цитируемые китайские исторические тексты давать в переводе Бичурина. В его изложении сказывалась особая прелесть древнего языка, которым пользовался

наш великий ученый. В настоящей книге я гораздо чаще прибегаю к более поздним переводам китайских текстов: ведь ныне требуется гораздо большая их совместимость со всеми теми, что используются ныне не только в российской, но и в западной исторической и археологической литературе.

Маятник побед и поражений

В целом, как можно видеть, китайская традиция отражала характер кочевников гораздо более реалистично в сравнении с западноевропейской. Объяснение этому звучит довольно просто: европейцы, то есть сначала имперский Рим, а позднее католические княжества и государства, столкнулись вплотную с воинственными кочевниками лишь в начале новой эры. Ведь у них со скотоводами Степного Пояса фактически никогда не было общей границы, она отстояла достаточно далеко к востоку. Китайские оседлые культуры, а затем и государства сосуществовали и взаимодействовали с кочевниками народами севера еще за две тысячи лет до наступления новой эры, и об этом вполне определенно свидетельствует археология. За эти тысячелетия бесконечная череда кровавых схваток сменялась замирениями, поражения следовали за победами, попытки завязать родственные отношения бывали окутаны взаимными обманами, равноправную торговлю подменяли унижительные даннические отношения... И летопись эта бесконечна, хотя и изложена в Ши-цзи едва ли не телеграфным языком. Вот только частота стычек как бы нарастает по мере приближения ко времени Хань и Сыма Цяня, однако не потому что ранние столетия были мирными, просто в руках у летописца сумма исторических свидетельств о более поздних событиях накапливалась едва ли не по экспоненте:

«После того как нравственные устои [дома] Ся пошатнулись, Гунлю, лишившийся должности начальника земледельческих работ, превратился в западного жуна, имея владение в Бинь.

Через триста с лишним лет жунди напали на Великого князя Дань-фу. Дань-фу бежал к подножью гор Ци, но все жители Бинь последовали за Дань-фу и образовали царство, так создалось Чжоу.

Более ста лет спустя чжоуский Чан, носивший титул Си-бо, напал на племена цюань.

Затем, но прошествии десяти с лишним лет, У-ван напал на Чжоу-синя, построил Лоу, снова поселился в Фын Хао, прогнал на север от рек Цзин и Ло племена жунов и которые стали своевременно являться ко двору для представления дани, носившей название «неопределенные повинности».

Через двести с лишним лет, когда нравственные устои дома Чжоу ослабли, Му-ван напал на цюаньжунов <...>.

Через шестьдесят пять лет шаньжуны прошли через царство Янь и напали на царство Ци...

Через сорок четыре года шаньжуны напали на царство Янь. Правитель Янь обратился за помощью к царству Ци. Хуань-гун, правитель Ци, выступил на север против шаньжунов, и они ушли.

По прошествии двадцати лет с лишним жунди приблизились к Лоу и напали на чжоуского Сян-вана. Сян-ван бежал в Фань в царство Чжэн <...> .

После этого некоторые жунди поселились в Лухунь и далее на восток до самого Вэй, оттуда они нападали, грабили и причиняли бедствия Срединному царству. Срединное царство так страдало от них, что стихотворцы сложили стихи:

Тысяча боевых колесниц у [нашего] князя,
В каждой из них два копьё и два лука, украшенных
ярко-красными кистями и зелеными лентами.
У него тридцать тысяч пеших солдат.
В шлемах, украшенных раковинами на красной нити.
Вот как много у него отважных солдат.
С помощью этого отражаются жуны и ди.
С помощью этого наказываются живущие в Цзин и Шу.
Никто из них не смеет противостоять нам.

[Но было приказано при этом] возвести стены в том северном краю...».

Заметим однако, что мажорно-победный стиль этого стиха совсем не созвучен страданиям Срединного царства от нападений и грабежей жунди-гуннов.

Гунны многократно — не только в 7-м веке, но и в конце 4 столетия до н. э. — оказывали сильнейшее воздействие на оценки ситуации коренными китайцами. Демонстрируя свое превосходство в тактике боевых действий, они вынуждали даже китайских властителей перенимать их навыки, и это послужило китайцам неплохим уроком:

«Улин-ван, правитель царства Чжао [325 — 299 гг. до н. э.], который, изменив существовавшие обычаи, стал носить одежду хусцев и обучаться верховой езде и стрельбе из лука, разбил на севере линьху и лоуфаней. Он построил длинную стену, которая протянулась от [царства] Дай вдоль подножья гор Иньшань до Гаоцюэ] и служила укрепленной границей <...>» между его царством и степняками.

Слабая Хань — сильные гунны

Зловещий император династии Цинь Шихуанди, уничтоживший шесть соседних царств «...приказал Мэн Тяню во главе войска численностью в сто тысяч человек напасть на севере на ху. [Мэн Тянь] отвоевал обратно все земли к югу от реки [Хуанхэ], создал вдоль Хуанхэ укрепления, построил сорок четыре уездных города у реки и заселил их преступниками, приговоренными к ссылке на границу».

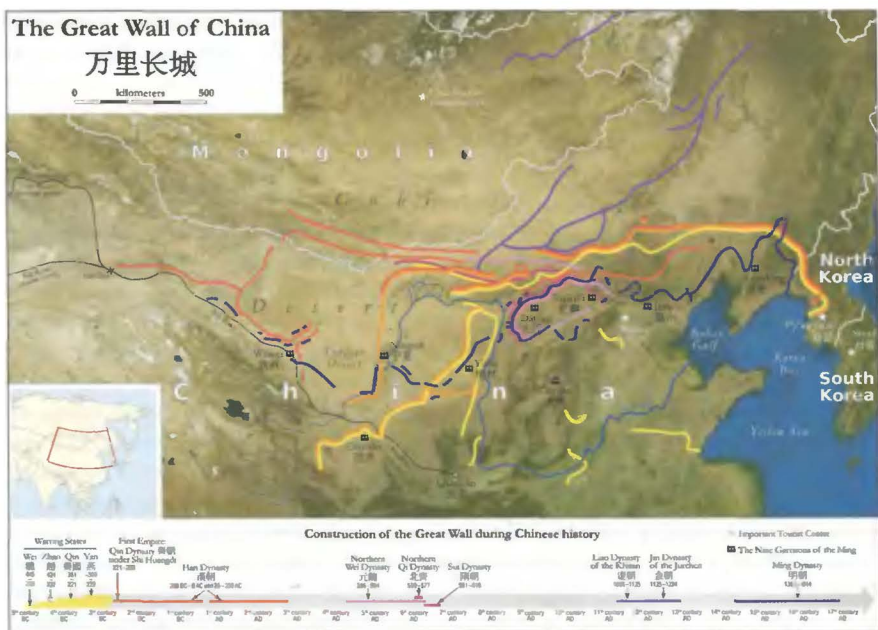

Рис. 23.4. Великая Китайская Стена. Ее причудливый лабиринт по своей выразительности превосходит все чудеса света в евроцентристских традициях исторических оценок. Согласно данным ЮНЕСКО, общая протяженность сооружений Стены равна 6350 км, хотя многие китайские специалисты полагают существенно большую длину. Главная задача Стены — оборона против воинственных кочевников. Кажется, что ее лабиринт в определенной мере отражает успехи и неудачи китайских цивилизаций в этой более чем двух тысячелетней конфронтации. Северные участки Стены говорят об удачах китайцев; южные участки — об их отступлениях (Wikipedia)

Гунны были вынуждены отступить к северу, но ненадолго. Судя по всему, Шихуан абсолютно нерасчетливо нацелил едва ли всю энергию ему подвластного народа на сооружение оборонительных стен, тем самым как бы продолжив инициативу Улин-вана. Такие оборонительные сооружения и явились подлинным началом более чем двадцати векового возведения запутанного лабиринта стен, который и именуется ныне как *«Великая Китайская стена»* (рис. 23.4). Но вот любопытная оценка ханьского полководца Янь Ю, передавшего свои соображения о борьбе с гнусными ордами императору Ван Ману. Заметим в скобках что он был единственный властитель странной династии Синь, на очень краткое время (9—23 гг.) силой прервавшей и разделившей на две последовательные части коронную линию династии Хань.

«Цинь Ши-хуан-ди, не перенося и малейшего стыда, не дорожа силами народа, построил Долгую стену на протяжении 10 000 ли. Доставка съестных припасов производилась даже морем. Но только что кончилось укрепление гра-

ницы, как *Срединное государство внутри совершенно истощилось в силах, и Дом Цинь потерял престол. Вот что значит, что Дом Цинь не имел плана*» (Бичурин 1950: 107).

При этом вполне возможно, что особое, хотя, скорее всего, и скрытое недовольство у его современников или же открытое и гневное отвержение у наследников Цинь вызвало, конечно же, обустройство собственной для Шихуана гигантской и даже доселе невиданной в мире гробницы со многими тысячами терракотовых солдат и командиров, ставшей уже в наши дни подлинным откровением. Династия Хань приняла Поднебесную в 206 году до н. э. в разрухе, и это сразу же отразилось на «гуннском фронте»:

«При Маодуне [шаньюй времени ранней Хань] сюнну небывало усилились, покорили всех северных варваров, а на юге образовали государство, равное по силе Срединному государству...

В это время многие ханьские военачальники во главе войск переходили на сторону сюнну, а поэтому Маодунь часто нападал на земли округа Дай и грабил их. Так как [государство] Хань страдало от этого, Гао-ди послал Лю Цзина пожаловать шаньюю принцессу из императорского рода в яньчжи, обещать ежегодно посылать в подарок определенное количество шелковой ваты, шелковых тканей, вина, риса и продуктов питания и условиться об установлении братских отношений двух государств. Благодаря этому был заключен договор о мире, основанном на родстве, и Маодунь несколько сократил набег» (Сыма Цянь).

Переписка шаньюя и императора

И вот шаньюй в 176 г. до н. э. посылает ханьскому императору письмо, где внешне почтительно звучащий, но очень коротенький вопрос о здоровье властителя ханьцев не может скрыть издевательский тон победителя:

«Поставленный небом великий шаньюй сюнну почтительно спрашивает о здоровье императора. В прошлом император говорил о мире, основанном на родстве, и в соответствии со смыслом посланного мне письма между нами воцарились согласие и радость. Однако ханьские пограничные чиновники стали притеснять и оскорблять правого сянь-вана. И правый сянь-ван, не испросив моего разрешения <...> вступил в борьбу с ханьскими чиновниками, расторгнул договор между двумя государями и нарушил существовавшие братские отношения <...> Ныне, поскольку из-за мелких чиновников был нарушен договор, я наказал правого сянь-вана, отправив его на запад на войну против юэцжи. Благодаря милости неба командиры и воины были в хорошем состоянии, а лошади сильны, что позволило мне уничтожить юэцжи, которые были истреблены или сдались. Я усмирил также <...> двадцать шесть других соседних с ними владений, которые все стали принадлежать сюнну. Итак, все народы, натягивающие лук, оказались объединенными в одну семью.

Поскольку северные области уже усмирены, я хотел бы прекратить войну, дать отдых воинам, откормить лошадей, забыть прошлое и возобновить старый договор, дабы успокоить пограничное население и восстановить первоначальное положение, чтобы малолетние могли достигать зрелого возраста, а старики спокойно жить на своих местах, наслаждаясь из поколения в поколение спокойствием и радостью. Так как я не знаю ваших намерений, посылаю своего телохранителя с письмом, в котором прошу высказать их, а также подношу **одного верблюда, две верховые лошади и две упряжные четверки**. Если вам нежелательно, чтобы сюнну приближались к границе, то прикажите своим чиновникам и народу селиться от границы подальше. По прибытии гонца отправьте его сразу обратно, с тем чтобы в середине 6-й луны он вернулся в земли Синьван».

Конечно, в этом письме самым глубоко оскорбительным для императора звучит даже не как бы смягченный приказ ханьцам «селиться от границ подальше» — не раздражайте сюнну! — но подарок властителю: «один верблюд, две верховые лошади и две упряжные четверки». Такой дар мог выражать одобрение и ласку какому-нибудь отличившемуся в боевой схватке, и к тому же не слишком значимому воинскому командиру.

Следует почти незамедлительный ответ императора:

«Император почтительно спрашивает о здоровье великого шаньюя сюнну. В вашем письме <...> говорится: «Правый сянь-ван, не испросив [моего] разрешения <...> расторг договор между двумя государями и нарушил установившиеся братские отношения, что послужило причиной недружелюбия Хань и недоверия соседнего с ней государства. Ныне, поскольку из-за мелких чиновников был нарушен договор, я наказал правого сянь-вана <...> и хотел бы прекратить войну, дать отдых воинам, откормить лошадей, забыть прошлое и возобновить старый договор, дабы успокоить пограничное население, чтобы малолетние могли достигать зрелого возраста, а старики спокойно жить на своих местах, наслаждаясь из поколения в поколение спокойствием и радостью <...>».

Гонец рассказал, что сам шаньюй успешно командовал войсками в походе против чужих владений и очень устал от военных действий. В связи с этим я повелел дворцовому советнику И и эжэ Лин Цзяню вручить вам в подарок одежду: нестеганный халат из шелковой ткани с вышитым цветным узором на подкладке из узорчатой тафты, нестеганный халат и длинную курму из шелковой ткани с вышитым цветным узором, стеганный халат из шелковой ткани с затканым узором — по одной штуке каждого вида; гребень — одна штука; золотой пояс, украшенный раковинами, — одна штука; золотая пряжка для пояса — одна штука; шелковая ткань с вышитым цветным узором — 10 кусков; шелковая ткань с затканым узором — 30 кусков; толстый красный и обычный гладкий зеленый шелк — по 40 кусков» (Сыма Цянь).

Не правда ли, весьма неравноценными выглядят дары императора «дикому» победоносному гунну на фоне полученных им одного верблюда и пары лошадей?

Пять приманок для гуннов: советы Цзя И

Но как же все-таки совладать с гуннами? Ведь биться с ними на равных пока что не получалось. Даже в словах самого ханьского императора Вэнь-ди (179—157 гг. до н. э.) звучала явная скорбь: *«Мы оказались не в состоянии распространить наши добродетели на далекие земли, поэтому с тревогой помышляем, что люди, живущие за пределами Срединного государства могут сотворить нам зло»*.

Тогда же и почти одновременно к императору обратились два его весьма высоких по рангу приближенных — воспитатели его сыновей. Их советы были внешне очень несходными между собой, но старались бить в одну точку — уяснить рецепты победы над гуннами.

Первый рецепт, безусловно, психологического звучания исходил от Цзя И, поэта, воспитателя младшего императорского сына. Рецепт звучал как *«Три манеры поведения и пять приманок для сюнну»* (Ермаков: 362 — 382). В нем, пожалуй, весьма примечательным было даже самое начало послания:

«Положение Поднебесной такое, как у человека, который висит вниз головой. Ведь Сын Неба — глава Поднебесной. Почему? Он наверху. Варвары от южных «мань» до восточных «и» — ноги Поднебесной. Почему? Они внизу. Ныне же сюнну выказывают к нам пренебрежение, совершают грабительские набеги. Они нисколько не чтят Сына Неба. Для Поднебесной они стали бедой, да такой, которой нет конца. Династия Хань из года в год доставляет золото, разноцветный шелк и шелковую вату им в подношение. Варвары от восточных «и» до северных «ди» призывают нас к себе и отдают приказы, а это составляет прерогативу владыки и высшего. Сын Неба подносит дань, а это подобает подчиненному и низшему. Ноги вопреки всему оказываются наверху, а голова, наоборот, внизу. Поднебесная висит вот так вниз головой, и никто не в состоянии ей помочь <...> А еще говорят, что в государстве есть достойные люди <...>».

...Ваше Величество, подобает ли Вам, носящему титул «божественный император» и «августейший», быть в удельных правителях у варваров-жунов. Ваше положение и без того униженное и постыдное, а Вы продолжаете сносить обиды! Если так пойдет и дальше, то чем же это кончится? <...> «Ныне же Вы охотитесь не на лютого врага, а на полевых кабанов, ловите не взбунтовавшихся разбойников, а поднятых псами зайцев. Вы предались ничтожному развлечению и не помышляете о великом бедствии. Не это ведет к умиротворению. Благая сила-дэ императора распространяется далеко, грозное величие-вэй императора простирается вдаль. Когда же приказы императора, облеченного грозным величием, действуют лишь на несколько сотен ли окрест, — вот из-за чего стоит лить слезы».

Введение в рецепты наставника младшего сына императора звучит, конечно же, весьма скорбно! Но при этом не может не удивить поразительная смелость чиновника при обличении предающегося «ничтожным развлечениям и нахо-

дящегося в постыдном унижении» императора. Да и скорбь послания возрастает при обращении Цзя И к демографической статистике:

«Я же, Ваш недостойный подданный, подсчитал орды сюнну. Все они не превышают населения одного большого уезда империи Хань. Я весьма стыжусь за тех, кто держит в руках дела правления! При громадности ее территории как может Поднебесная испытывать затруднения от орды, населяющей всего один только уезд?»

Правда, первый рецепт к «трем манерам поведения» прямого отношения не имеет, но все же:

«Ваше Величество, почему бы Вам не попробовать сделать меня, Вашего подданного, чиновником, управляющим зависимым государством, ведающим сюнну. Осуществите мой план, и я с Вашего дозволения приведу их (верховного) шаньюя со шнуром на шее, отдам его жизнь в Вашу власть, брошу его перед Вами ниц и стану бить его палками по спине».

Но вот теперь о главном:

«Я, Ваш подданный, установил для Вашего Величества «три манеры поведения» по отношению к сюнну и поставил «пять приманок». Если с их помощью спорить с шаньюем за обладание его народом, то подчинить сюнну будет так же легко, как стряхнуть с дерева привлеченных на яркий свет цикад».

Первая манера поведения:

«[Когда]...Ваш подданный, возвестит сюнну слово Сына Неба, то сделает так, что великая орда сюнну поверит Вашему Величеству. Если Ваше Величество уже обещали, то Ваше слово ясно, как солнце на восходе. Поэтому, когда люди слышат единое слово государя, то пусть они будут даже такими далекими, как сюнну <...> в их сердца не закрадется недоверие».

Вторая манера поведения:

«Я, Ваш подданный, сообразуясь с положением дел, возведу сюнну любовь Вашего Величества, сделаю так, что сюнну сами узрят ее воочию. Если люди, у которых лица варваров-ху и внешность варваров-жунов, сами убедятся, что они любимы Сыном Неба, то потянутся к нему, как малое дитя к любящей матери».

И наконец, третья манера поведения:

«Я, Ваш подданный, возведу сюнну, что [будет] приятно Вашему Величеству. Пусть варвары-ху сами увидят: если они в чем-то умелы и искусны, то всем этим можно прийти по вкусу Сыну Неба. А если так произойдет, то будет наконец возведено, что приятно Сыну Неба».

И в завершении своих рекомендаций о «трех манерах» следуют слова:

«Итак, Сын Неба любит наружность других людей, ему нравятся умения других людей. В Пути людей доверие является великим моральным устоем, долгом божественного императора. Если то, что он любит их внешность и ему приятны их умения, так и есть на самом деле; если можно надеяться на данные им обещания, то и в случае смертельной опасности, когда десятерых

постигает смерть и лишь один остается в живых, они непременно придут к Сыну Неба. Это и называется «тремя манерами поведения».

Бесспорно, что все эти рекомендации были высказаны человеком с высокой поэтической душой, впрочем весьма далекой от той жестокой реальности жизни, в которой пребывала ранняя Хань. Теперь о «пяти приманках», и вот первая из них — одевания и колесницы:

«Прибывшие к нам сюнну от глав кланов и выше пусть непременно будут одеты в расшитые шелковые одежды, а их жены и дети — в узорные парчовые платья. Пусть представят им пять серебряных колесниц, разукрашенных крупными резными узорами, запряженных каждая четверкой лошадей, снабженных зелеными тентами. Пусть придадут им эскорт из нескольких всадников и каждому, кроме кучера, еще и сопровождающего, сидящего на колеснице справа».

Вторая приманка — потрясающее великолепие чревоугодия:

«Если среди сюнну, будет много предавшихся нам, то при большом скоплении народа Верховный правитель непременно призовет кого-то из них и пожалует еду. Еда будет состоять из четырех — пяти превосходных блюд, великолепных кусков вареного и жареного мяса, приготовленного в маринадах. Перед каждым поставят столик в несколько чи в длину и ширину, велят сесть за каждый из них по одному человеку. Варвары-ху, исчисляемые сотнями, пожелавшие посмотреть на пир, будут стоять рядом».

Третья приманка — очарование придворных дам и артистов:

«Пусть придворные дамы напудрятя, подведут брови тушью и в расшитых шелковых одеждах в количестве двадцати-тридцати человек прислуживают им в зале. За азартными играми, за развлечениями они станут потчевать варваров-ху. Верховный правитель пошлет за артистами Музыкальной палаты, милостиво изволит воспользоваться их услугами. Пусть музыканты дудят в маленькие флейты, бьют в барабаны и барабанчики, а актеры и акробаты сменяют друг друга. Пусть время от времени выступают танцоры и плясуны, а вслед за ними под грохот барабанов исполняет свой танец человек-кукла».

Приманка четвертая — это доступность самих придворных дам для варваров:

«С начала и до конца представления их будут поддерживать придворные дамы в количестве десяти и более. Пусть те, кого Ваше Величество побудили предаться нам, время от времени получают, а Ваше Величество услаждает их этим. В целом государстве, кто это слышал и видел, широко раскроют глаза от изумления и расскажут об этом другим. Люди засуетятся, забеспокоятся только о том, как бы им не опоздать с прибытием к нам».

Пятая приманка — всего должно быть в изобилии:

«Сделайте так, чтобы здесь у них была высокая зала и отдельный флигель, превосходная кухня с большими кладовыми и конюшня с отборными лошадьми, боевая колесница в личном хранении. Рабы и рабыни, множество детишек, домашний скот — всего должно быть в достатке. Устройте так, чтобы в это время был большой пир, и пусть пригласят варваров-ху в гости, станут потчевать

послов варваров-ху.... Целое государство сюнну будет расположено к Вашему Величеству и станет уповать на Ваше Величество. Люди засуетятся, забеспокоятся только о том, как бы не опоздать с прибытием к нам. Тем самым мы наведем порчу на их желудки».

И финальный эпизод — звучащие крайне любопытно и вместе с тем в чем-то смешно и наивно — поэтические рекомендации Цзя И:

«Итак, привлечем, притянем к себе их уши, привлечем их глаза, привлечем их рты, привлечем их желудки. И они окажутся в четырех отношениях привлечены. А еще мы привлечем к себе их сердца. Так разве же мы не подчиним варваров-ху, не принудим их упасть к нашим ногам?! Это и называется «пять приманок».

Однако смешным и наивным это звучание может показаться лишь на первый взгляд. На практике эти рекомендуемые сановником *три манеры поведения и пять приманок* оказывались весьма действенными в руках мудрых властителей оседлых культур и цивилизаций, притом не только китайских. В истории кочевников мы будем сталкиваться с этим эффектом достаточно часто и потому предпочли именовать его «синдромом приманки».

Главное — это организация воинства: советы Чао Цо

Совершенно иной направленности советы Чао Цо, который являлся наставником старшего сына — наследника императора Вэнь-ди. Его советы по организации ханьской армии в битвах с гуннами уже весьма отличны от морально-этических и во многом мечтательных установок Цзя И, хотя обе рекомендации в чем-то необходимо дополняли друг друга. В своем послании к монарху Чао Цо (Торчинов: 383—409) попытался дать анализ провалов противостояния с кочевниками ушедшей в прошлое и изрядно ненавистной ханьской верхушке династии Цинь. Слова Чао Цо привел Бань Гу в своей истории империи Хань «Хань шу».

«Ваш подданный слышал, что когда при Цинь мы на севере напали на варваров ху и мо, то тогда воздвигли оборонную линию укреплений на берегу реки Хуанхэ <...>. Тогда подняли оружие и напали на ху и юэ не для того, чтобы защитить пограничные территории и спасти народ от гибели, а из-за несправедливости и желания расширить владения. Задуманный циньским императором [Цинь-ши-хуанди] подвиг еще не был совершен, а Поднебесная погрузилась в смуту. Кроме того, когда он поднял войска, то не знал тамошних местных условий. Когда наши воины воевали, то их захватывали в плен, когда становились лагерем, то солдаты-призывники массами умирали от мора. Ведь земля варваров ху и мо является местом скопления инь [скверного], кора деревьев в три цуня толщиной, а толщина льда в шесть чи. Варвары едят мясо и пьют кобылье молоко <...> По своей природе они могут переносить холод <...> Циньские солдаты-призывники, несшие пограничную службу, не могли вынести тамошние воду и почву; пограничники умирали на границах, перевозив-

шие провиант падали в пути. Циньский народ смотрел на то, чтобы пойти в поход, как смотрят на то, чтобы пойти на казнь. Император послал осужденных служить на границе, и название им было «несущие пограничную службу из осужденных». Вначале посылали чиновников, совершивших преступления, а также «приемных зятьев», потом стали часто посылать лиц, находившихся в «рыночных списках», а еще позднее — даже тех, у кого деды и бабки либо родители были когда-либо записаны в «рыночных списках». Потом стали входить в деревенские ворота и брать живущих слева от них. То, что их посылали, не соответствовало миропорядку, идущие в поход глубоко негодовали, и у них возникало желание изменить и взбунтоваться».

Смысл подобного рода оценок и последующих за ними советов вполне понятен: следует все это кардинально изменить и упорядочить. Рекомендации Чао Цо в этом блоке проблем чрезвычайно детальные и обширные, поэтому мы ограничим их изложение лишь концовкой:

«Если у народа вдоль оборонительной линии укреплений мало жалования и выгод, то нельзя заставить его долго жить в опасной и беспокойной местности. Когда варвары ху вторгаются и угоняют людей вместе с их скотом и имуществом, то тем, кто сумел задержать то, что те угоняют, хозяин должен дать половину спасенного. Если не может, то это делает из казенных денег начальник. Вот как уездный начальник выкупает свой народ. Если они будут поступать так, то население деревень будет помогать друг другу и устремляться на сюнну, не боясь смерти <...>. Ведь заслуги этих людей в десять раз превосходят заслуги солдат-призывников, несущих пограничную службу на востоке, которым не приходится приспосабливаться к местным условиям и в сердце своем бояться варваров ху.

Если во время правления Вашего Величества переселить народ, заполнить им границу и сделать так, чтобы в отдаленных землях не было таких дел, как расквартирование войск для охраны границы, то тогда у народа, живущего у пограничной линии укреплений, отцы и сыновья будут беречь друг друга и не будет опасности захвата и пленения варварами ху, польза от этого распространится на грядущие поколения, а Вас будут называть «прозорливый и совершенно-мудрый государь». Это поистине сильно отличается от того, как при династии Цинь посылали служить на границе ропщущий народ!»

Другой блок советов, которые представил императору Чао Цо, коснулся тактики ведения боев китайцев с гуннами в различных условиях местности:

«...Ваш подданный слышал <...>, что если используются войска, готовые к сражению, то у скрещающихся клинки есть три насущные потребности: первая называется «использованием рельефа местности», вторая называется «доведением до конца военной тренировки солдат-призывников», третья называется «остротой используемого оружия».

Законы военного искусства гласят: Там, где есть рвы в пять чжанов шириной, вода, замачивающая колесницы, горные леса, груды камней, реки с неизменным

течением, холмы и бугры, места, поросшие травой и деревьями, то это земля для пехоты, — здесь двое на колесницах или двое всадников не смогут противостоять одному пешему.

Там, где есть земляные пригорки, холмы и бугры, непрерывно следующие друг за другом, широкие степи, то это земля для колесниц и конников, — здесь десять пехотинцев не смогут противостоять одному конному.

Там, где есть пологие склоны, расходящиеся друг от друга, долины, разделенные между собой потоками, навстречу — высоко, вниз — низко, то это земля для лучников и арбалетчиков, — здесь сто пехотинцев с оружием ближнего боя не смогут противостоять одному лучнику.

Когда сошлись два боевых подразделения, а местность ровная и поросшая редкой травой, где можно и наступать и отступать, то это земля для длинных копий-рогатин, — там трое с мечами и щитами не смогут противостоять одному с копьем-рогатинной.

Если есть заросли густорастущего тростника, бамбука, полыни, все покрыто деревьями и травами, пышно разрослись и соприкасаются друг с другом листья, то это земля для длинных алебард и коротких копий с железными наконечниками, — там двое с длинными пиками-рогатинами не смогут противостоять одному с алебардой.

Если есть извилистые дороги, скрытые друг от друга, узкие проходы, соединяющиеся друг с другом, то это земля для мечей и щитов, — там трое лучников и арбалетчиков не смогут противостоять одному воину с мечом и щитом <...>. Ныне сюнну отличаются от «государства центра» в искусстве приспособления к рельефу местности. Кони сюнну поднимаются и спускаются по горным склонам, переправляются через горные реки, входя и выходя из горных потоков, — не то что кони «государства центра». Конники сюнну то мчатся по опасным тропам, пригибаясь к земле, то стреляют из луков — не то что конница «государства центра». Они не страдают ни от ветра и дождя, ни от усталости и утомления, ни от голода и жажды — не то что люди «государства центра».

Таковы преимущества сюнну.

На гладкой равнине, ровной земле, где удобны легкие колесницы и ударные отряды конницы, орды сюнну легко привести в замешательство. Что касается мощных арбалетов и длинных копий-рогатин, то первые из них стреляют далеко, вторые поражают цель, находящуюся на некотором удалении. Лучники сюнну не могут противостоять им.

Что касается применения крепких лат и острых клинков, то если применять и короткие, и длинные клинки, расставить повсюду арбалетчиков нерегулярных войск, наступать совместно отрядами по «пятеркам» и «десяткам», то оружие сюнну не сможет противостоять им.

Когда командир конных лучников ведет скорострельную стрельбу, стрелы летят одна за другой в одну и ту же цель, то кожаные латы и деревянные щиты сюнну не могут выдержать удара.

Когда спешиваются и вступают в бой на земле, применяют мечи и копьё-рогатины, наступают и отступают, тесня друг друга, то ноги сюнну отказывают им.

Таковы преимущества людей «государства центра».

Если взглянуть с этой точки зрения, то окажется, что у сюнну преимуществ — три, а у жителей «государства центра» преимуществ — пять».

Автор привел здесь лишь советы по тактике ведения боев. Рекомендации же Чао Цо касаются гораздо более широких и общих вопросов. Комментарий же гласит:

«Мудрый правитель выберет что-то достойное внимания даже из речей безумца». Ваш глупый и ограниченный подданный Цо дерзнул, понимая, что заслуживает за это казни, представить трону свои безумные речи. Пусть Ваше Величество выберет из них хоть малость, достойную внимания!

Император Вэнь-ди обрадовался этому докладу и пожаловал Чао Цо грамоту с императорской печатью, милостиво ответив ему: «Августейший император задал вопрос, и домоправитель наследника престола подал доклад трону, в котором в трех разделах говорится о способах применения оружия». Мы выслушали его. В докладе сказано: «Мудрый правитель выберет что-то достойное внимания даже из речей безумца»».

Советник Чао Цо пользовался большим авторитетом при дворе Вэнь-ди. Наставника старшего сына императора даже именовали «мешком мудрости», и этому, пожалуй, можно поверить после знакомства с его советами ханьским властителям.

Хань набирает силу — гунны слабеют

Но шло время, империя Хань набирала силу. Ее границы расширились на север и запад. Вполне возможно, что советы обоих советников императора Вэнь-ди помогли династии выправить положение. И вот примерно через две сотни лет после сочинения пространных рекомендаций со стороны воспитателей сыновей монарха ранней Хань, в 46 году новой эры сановники Цзи Гун и Ма У представили другому ханьскому императору Гуан-у доклад, предлагая почти немедленно стереть с лица земли северных сюнну (по Сыма Цянь):

«Сюнну склонны к наживе, не придерживаются правил приличия и не соблюдают данного слова. Испытывая трудности, они склоняют голову, в спокойное время они совершают набеги и грабежи. Пограничные земли страдают от их злодеяний, а постоянные столкновения вызывают скорбь в Срединном государстве. Сейчас у варваров люди и скот умирают от болезней, засухи и саранча оголила землю, болезни и трудности подорвали силу варваров, они стали слабее одного округа в Срединном государстве. Жизнь и смерть людей, живущих от нас на расстоянии 10 тысяч ли, в руках Вашего Величества. Счастье не приходит дважды, благоприятный момент легко упустить, поэтому

разве правильно сейчас строго соблюдать гражданские добродетели и пренебрегать военными действиями? Прикажите известным военачальникам выступить к укрепленной линии, объявите о щедрых наградах за переход на Вашу сторону, побудите гаоцзюйли, ухуаней и сяньбийцев напасть на сюнну с востока, пошлите кянов и хусцев из четырех округов <...> к западу от Хуанхэ и округов Тяньшуй и Лунси напасть на них с запада, и, если Вы поступите так, не пройдет и нескольких лет, как северные варвары будут уничтожены. Мы боимся, что Ваше Величество, проявляя гуманность и милость и слушая колеблющихся сановников, не пойдет на это, в результате подвиг, о котором будут в течение десяти поколений вырезать на камне, не свершится в Ваше мудрое правление».

Однако император не поддался на эти советы и закончил свой пространный ответ словами:

«Если бы я мог уничтожить сильных разбойников, подняв для этого половину Поднебесной, это было бы самым большим моим желанием. Если же время не благоприятствует этому, лучше дать отдых народу». После этого никто из военачальников не смел больше говорить о военных действиях.

Создавалось даже впечатление, что «морально-поэтические» рекомендации Цзя И оказывались для ханьской династии более значимыми, нежели «жестко-милитаристские» Чао Цо:

«Осенью южный шаньюй отправил своего сына прислуживать императору и лично прибыл с докладом во дворец. Император приказал пожаловать шаньюю головной убор и пояс, верхнюю и нижнюю одежду, золотую императорскую печать, зеленый шнур для нее, коляску с сиденьем и зонтом из перьев, упряжную четверку богато убранных лошадей, драгоценный меч, лук со стрелами, 3 верительных знака черного цвета, 2 заводных лошади, 10 тысяч кусков золота и разных шелковых тканей, 10 тысяч цзиней шелковой ваты, музыкальные инструменты, коляску с барабаном, алебарды в чехлах, доспехи и оружие, а также посуду для еды и питья. Кроме того, для оказания помощи шаньюю из района Хэдун было отправлено 25 тысяч ху сушеного вареного риса и 36 тыс. голов крупного рогатого скота и овец <...>. Так поступали неизменно каждый год».

Но минуло еще примерно сорок лет. На сюнну свалились всякие беды и раздоры, а засухи и тучи саранчи влекли за собой гибель стад. К ханьскому властителю обратился с униженным письмом шаньюй [великий хан] южных сюнну Туньтүхэ, некогда угнетаемых своими северными соплеменниками. Южане жаждали реванша:

«Сейчас, когда среди северных варваров происходят раздоры, следует направить против них войско, чтобы, разбив север, укрепить юг, объединить обе части в одно государство и навсегда избавить дом Хань от забот, причиняемых севером».

Кроме того, из далекой [северной] ставки варваров явились новые перебежчики, которые сообщили, что большинство кочевий северных варваров хотят покориться Срединному государству, но стыдятся явиться с выражением покорности, а поэтому никто не приходит. Если выслать войска, они несомненно окажут им содействие. Если же войска не выступят в этом году, возможно, северные варвары снова объединятся в одно целое.

Я, Ваш слуга, почтительно помню, что с тех пор как мой покойный отец изъявил покорность Хань, южные сунну пользуются покровительством, тщательно несут дозорную службу по охране пограничной линии при поддержке Ваших многочисленных войск, и так продолжается уже 40 лет. Я и другие родились и выросли в ханьских землях; стоило мне открыть рот, как я получал пищу, ежегодно каждый сезон удостаивался подарков, стоило заикнуться, как я получал все в чрезмерном количестве, и, хотя я ничего не делал, спокойно спал; мне стыдно, что я ничем не отплатил за оказанные милости.

Хочу собрать лучших воинов в своем государстве <...> и послать в поход <...> с десятью тысячами всадников <...> с тем чтобы они соединились в землях варваров <...> Я же, Ваш слуга, с остальными войсками в 10 тысяч человек буду стоять и защищать укрепленную линию в округах Уюонь и Шофан.

Я, Ваш слуга, всегда отличался неразумием я недалководностью, к тому же у меня мало войск, которых не хватает как для защиты, так и для нападения, а поэтому прошу приказать столичному воеводе <...> выступить соединенными силами на север, а начальникам округов Бэйди и Аньдин расположиться с войсками в стратегически важных местах и надеюсь, что с помощью грозного величия и мудрости Вашего Величества [северные варвары] будут усмирены одним ударом.

Существование или гибель моего государства должно решиться в этом году. Я уже приказал всем кочевьям готовить воинов и лошадей, чтобы в девятой луне во время жертвоприношений в Лунчэне все собрались на берегу Хуанхэ. Надеюсь, что Ваше Величество проявит сострадание и рассмотрит представленное письмо».

С этого времени явный перевес в бесконечных — малых и больших — битвах переходит к китайцам. И вот уже после очередного поражения униженный шаньюй «отправил посла, изъявляя желание сдаться, на что и получил согласие. Без головного убора, босиком, шаньюй совершил поклон перед Пан Сюном и другими, признав, что совершил преступление, за которое заслуживает смерти. Император простил шаньюя и стал относиться к нему, как прежде. После этого шаньюй возвратил захваченных в плен, а также захваченных цынами и перепроданных в сюннуские земли мужчин и женщин, всего более 10 тысяч человек».

Не менее чем столетняя история сюнну с конца 1-го века новой эры вряд была особенно завидной. Китайцы «неоднократно посылали охранные войска, чтобы глубоко проникнуть в походе на север, до конца преследовать шаньюя,

отбирать у него богатые земли. Потом они — сюнну поселились у Великой стены, назвались вассалами. Веками они падали и ослабевали, в годы Цзяньань (196—220 гг. н. э.) получили кличку «кухонный источник». Шаньюй явился ко двору, затем оставлен для придворной службы. Повелено правому (западному) Сяньвану <...> управлять его государством, и сюнну смиренно перешли в Китай» (Кюннер: глава IV).

Однако маятник побед и поражений медленно, но безостановочно раскачивался, перемещаясь с одного полюса на другой. И вновь «на победоносном коне» появлялся ликующий варвар-гунн. Династия Хань погибала в бесконечной борьбе со степняками. Китайский историк Фан Е, составитель подробной хроники «Хоу Ханьшу» («История династии Поздняя Хань»), писавший свой труд уже в крайне мрачном для Поднебесной пятом столетии, завершал свое сочинение горькими словами о непростительных, с его точки зрения, ошибках ушедшей в небытие династии Хань:

«Всегда, когда вспоминают события минувших лет, ничто не вызывает более глубокого возмущения, чем эти поступки. В дальнейшем, поскольку в делах управления была допущена ошибка, варвары то восставали, то покорялись, но разве можно выразить словами причинявшиеся ими бедствия. При последующих поколениях нападения превратились в обычай, и в конце концов варвары поглотили Срединное государство и разрушили жилище императора.

Увы! Огромные ошибки складываются из мелочей, а причины, вызывающие потери или приобретения, не уничтожаются и зо сто поколений».

Победа рекомендаций Цзя И?

Мы вольно или невольно сопоставляем про себя значимость и эффективность рекомендаций двух советников ханьского императора по борьбе с «хищными» степными ордами. Советы Цзя И были направлены на специфику менталитета кочевников: предлагались приемы обольщения и тем самым развращения грубых варваров. Конечно, на первый взгляд все это и производило впечатление как будто весьма наивное. Весьма четкий и рационально звучащий план Чао Цо был нацелен на стратегию и тактику воинских сражений с конными отрядами степняков. Опять же по первому впечатлению мы, скорее всего, должны были бы отдать предпочтение рациональным советам Чао Цо. Однако все оказалось далеко не столь однозначным. Во многих случаях умная реализация поэтически звучащего плана Цзя И оказывала разлагающее воздействие на степных диковатых победителей, гораздо более продуктивно, нежели хитроумный и тонкий учет особенностей той местности, на которой разыгрывались баталии. К этому сюжету еще один свидетельствования Сыма Цянь:

«Когда Лаошан Цзиюй шаньюй вступил на престол [после 174 тыс. до н. э.], император снова отправил шаньюю принцессу из императорского рода в яньчжи, приказав евнуху Чжунхан Юэ, уроженцу округа Янь, быть

при ней наставником. Юэ не хотел ехать, но император Хань принудил его к поездке. Юэ сказал: «Моя поездка непременно станет источником бедствий для Хань». Прибыв к сюнну, Чжунхан Юэ сразу же перешел на сторону шаньюя и шаньюй стал весьма благоволивать к нему.

Следует заметить, что сюнну любили ханьские шелковые ткани, шелковую вату и съестные продукты, в связи с этим Чжунхан Юэ сказал: «Численность сюнну не может сравниться с численностью населения одной ханьской области, но они сильны отличиями в одежде и пище, в которых не зависят от Хань. Ныне вы, шаньюй, изменяя обычаям, проявляете любовь к ханьским изделиям, но если только две десятых ханьских изделий попадут к сюнну, то все сюнну признают над собой власть Хань. Если в шелковых тканях и шелковой вате, которые сюнну получают от Хань, пробежать по колючей траве, то верхняя одежда и штаны порвутся: покажите этим, что такая одежда не так прочна и хороша, как шубы из войлока. Получая ханьские съестные продукты, выбрасывайте их, показывая этим, что они не так удобны и вкусны, как молоко и сыр».

Конечно, евнух Юэ стал предателем по отношению к Хань, но как поразительно точно он показал правоту силы «сладких обольщений» Цзя И. Об успехах поэтических рекомендаций этого чиновника мы сможем более подробно поговорить в следующей главе, когда на арену выступят более поздние тюркоязычные народы. Здесь же мы процитируем лишь одно яркое, даже в чем-то иступленно звучащее и даже высеченное к тому же на каменном монолите могильной стелы, заклинание одного из вождей восточного тюркского каганата:

«Но, дав себя прельстить шелками и хвалой, ты погубил себя, о тюркский мой народ!»

Народ юэцжи — скифы?

В конце этой главы коснемся очень кратко проблемы этнокультурных верификаций. Все те народы и племена, о которых шла речь в настоящей главе, как будто относились к гуннам, и иных версий мы не упоминали. По антропологическим признакам все они должны были относиться к монголоидной расе, а их язык был составной частью алтайской гигантской лингвистической мега-семьи. Иначе говоря, они должны были бы относиться к типичным представителям Евразийского Востока (см. главу 3). Но так ли это было в реальности?

И вот здесь мы попадаем в досадную сферу очень зыбкой согласованности письменных источников с археологическими данными. Так, во времена династии Восточной Чжоу (770—256 гг. до н. э.) весьма значимую роль в истории Степного Пояса, даже к востоку от Джунгарских ворот, играли представители именно скифского мира. Их присутствие вплоть до — оконтуренного гигантским меандром Желтой реки — пустынного Ордоса легко документировать, благодаря богатым коллекциям типично скифского металла, — и не заметить этого попросту невоз-

можно. Археология показывает также, что далеко не все захороненные в I тыс. до н. э. на восточной половине Степного Пояса относились к монголоидам. Скифы входили в антропологическую семью европеоидов, и говорили они на языках индоиранской — западноевразийской группы.

В исторической литературе довольно широко распространено мнение, что именно народ юэчжи относился к семье европеоидных культур скифо-сарматского круга*. Примечательно однако, что в столь часто упоминаемой в нашей книге хронике Сыма Цяня, народ юэчжи впервые и весьма скупо упоминается сравнительно поздно — только ко времени династии Цинь, то есть для конца 3-го в. до н. э.: «В это время дунху были сильны, а юэчжи достигли расцвета. Шаньюем у сюнну был Тоумань». Однако в тот период, если следовать археологическим источникам, скифские культуры явно теряют свои значимость и влияние на пространствах евразийского Степного Пояса.

Восточные гунны и их курганы

Автор коснулся примеров со скифами, чтобы напомнить о тех недоразумениях и трудностях, с которыми мы сталкивались нередко при знакомстве с текстами древних и старинных авторов. О весьма безоговорочно звучащей, но явно ошибочной этнической верификации различных народов в трудах Иордана или же Прокопия Кесарийского уже шла речь в нашей книге, и умножить подобного рода примеры не представляет труда. Финал данной главы будет посвящен относительно краткой характеристике и трактовке археологических материалов, связанных уже с гуннами Востока Евразии.

Повторим, что при отсутствии письменной документации по существу единственным источником реконструкции культуры кочевников являются могильники. Правда, в отношении гуннов (хунну) существует точка зрения, что *«именно этот народ стал насаждать в Центральной Азии и Южной Сибири городскую культуру»*. При этом ссылка следует на укрепленные поселки-городища с гуннскими материалами. Однако большинство исследователей полагает, что такие городища *«заселяли в основном иммигранты и пленники из земледельческих обществ, не принадлежавших к хуннскому этносу <...>. Отсутствие городской культуры в монгольской степи отнюдь не принижает роль и значение хунну в истории Центральной Азии и мировой истории. Иной образ жизни не значит худший»* — так формулирует свою точку зрения по этой проблеме наиболее авторитетный ныне исследователь культуры хунну Н. В. Полосьмак (2012: 114), и автор настоящей книги полностью разделяет эту точку зрения.

Предшествующую главу мы завершили упоминанием о тщетных поисках в Европе легендарной гробницы Аттилы, в которую соплеменники опустили

* С обзором этих точек зрения можно ознакомиться, например, в работе Кляшторного С. Г. — (Кляшторный, Савинов: 21—27).

Рис. 23.5. Поверхностные надмогильные насыпи гуннов (хунну) плохо различимы. Слева: следы курганов в долине Хуни-гол, Центральная Монголия. Справа: поверхностные следы 20-го кургана Ноин-Ула перед раскопками (Полосьмак и др.: 54)

Рис. 23.6. Курган в долине Хуни-гол, следы неумелых археологических раскопок или же попыток грабительской шахты (слева). Ноин-Ула, курган 20, начало раскопок (справа). Каменные обкладки всего погребального сооружения; в самом центре видна западина — след от грабительской шахты (Полосьмак и др.: 56)

его тело сразу в трех гробах — золотом, серебряном и в последнем, наверное, наружном — «из крепкого железа» — что-то типа русской матрешки. Но вот незадача: никто и никогда не был в состоянии найти эту фантастическую по богатству и неповторимости обряда могилу, хотя многие очень старались. На востоке Евразии ситуация оказалась гораздо проще. Места захоронений шаньюев — вождей хунну — неплохо известны археологам. Кажется, самым ярким примером их погребального ритуала явилась богатая гробница гуннского вождя, датированная началом 1 века н. э. и подвергшаяся в последние годы исключительным по своей тщательности раскопкам (Полосьмак и др.: 52—133). Курганная группа,

получившая название ноин-улинской — от урочища Ноин-Ула — расположена в центральной части Монголии, севернее Улан-Батора. Внимание на этот некрополь археологи обратили давно. Еще в середине 20-х годов прошлого века на том же могильнике была вскрыта другая, весьма богатая, но также ограбленная в древности усыпальница вождя с массой изделий китайского происхождения (Полосьмак и др.: 9 — 51).

Некрополи хунну являют собой как будто курганы, но курганы странные, абсолютно непохожие на величественные громады погребальных холмов князей более раннего скифского мира. Употребляя в отношении некрополей гуннской знати термины «курган» или же «курганная группа», сразу же следует учесть, что при возведении погребальных конструкций вождей-шаньюев их устроители следовали иным принципам. Одной из главнейших задач или же функций сооружавшихся уже в IV тыс. до н. э. на далеком западе курганов являлась необходимость поражать воображение наблюдателей впечатляющей горой поверхностной насыпи. На востоке же масштаб надмогильного холма подобной роли не играл. От того и саму насыпь над усыпальницей можно было различить лишь с известным трудом (рис. 23.5 и 23.6), а контуры относительно сложных по конструкции погребальных ям чаще всего обозначали невысокими каменными оградками-выкладками (рис. 23.6, справа). Поэтому в случае приложения к гуннским некрополям термин «курган» мы будем воспринимать как вполне условный.

Основные усилия архитекторов погребального комплекса были, безусловно, направлены на структуру и обустройство громадной подземной камеры-усыпальницы. Глубина погребальной ямы в случае исследованной ноин-улинской камеры поразительна — она превышает 18 метров! Сама яма имела четыре последовательно сужающихся к дну уступа; с этими уступами были связаны и четыре каменных перекрытия огромной целостной ступенчатой камеры. К центру погребального сооружения — а то был уже пятый уступ с деревянным перекрытием камеры — вел длинный наклонный ход, нередко именуемый греческим словом *дромос* (рис. 23.7 и 23.8). Погребальная камера оказалась ограбленной еще в древности, и грабители не только изъяли оттуда наиболее ценные вещи, но во многом нарушили также общую картину захоронения.

Гуннские погребальные сооружения знатных персон отличались от западных — скифских — не только своей конструкцией. Вряд ли вызовет сомнение вывод, что для мира скифских курганных громад самобытный и непохожий на иные подход к планам возведения могильных комплексов являлся достаточно очевидным. На востоке картина предстает иной. В случае степных восточных кочевников китайскую имперскую доминанту легко угадать при анализе множества деталей их могильных конструкций. Гробниц здесь раскопано не так уж много, во всяком случае, при сопоставлениях со скифскими. Однако, их структура, равно как и общие черты их облика вполне определенно повторяются. Вот например, сооружение для погребения весьма значимой персоны современника, возможно, даже приближенного ко двору императора Цинь Шихуанди (рис. 23.9).

Рис. 23.7. Курган Ноин-Ула 20. Различные фазы вскрытия погребальной камеры от второго уровня ее каменного перекрытия — «А», вплоть до перекрытия деревянного — «С и D» (Полосьмак и др.: 61—64)

Общий вид его усыпальницы, конечно же, даже в основных деталях сходен с теми, в которых погребали свою знать степные кочевники — гунны. Об этом же свидетельствует обилие вещей китайского происхождения, из каковых, конечно же, наиболее ярким свидетельством таких связей может служить колесница с зонтиком в Ноин-Уле. В камере была колесница, но отсутствовали скелеты лошадей, великое множество которых обычно связано с погребениями знатных вождей, но уже скифского мира.

Скорее всего, тело (или имитацию тела?) покойного гуннского шаньюя спустили в камеру по дромосу на колеснице. То была легкая повозка явно китайского производства 3—2 вв. до н. э., то есть того типа, что бытовали в Поднебесной империи во времена династий Цинь и Хань (рис. 23.9, сверху). Колесницы служили для транспортировки лишь весьма знатных персон. Разнообразие их конструкций достаточно хорошо распознаваемо, благодаря многочисленным живописным и даже наскальным изображениям (рис. 19.23).

Автор не оговорился, когда употребил выражение «имитация тела». Дело в том, что в погребальных сооружениях знати как в Ноин-Уле, так и в пади Царам (Миняев 2009; Миняев, Сахаровская 2010; Miniaev, Sakharovskaia 2007) практически отсутствуют явные человеческие останки. Встречены лишь какие-то

отдельные невыразительные кости типа зубов, которые мало что могут сообщить исследователям об усопшем. Вместо этого некоторые детали похоронного инвентаря говорят о возможных захоронениях закутанных в кожаные одеяния имитаций тел, либо деревянных кукол (рис. 23.10). Можно, конечно, полагать, что грабители полностью уничтожали останки тела после извлечения их на поверхность. Однако другое объяснение кажется автору более реалистичным. В захоронениях вождей хунну мы сталкиваемся с определенным отражением «монгольского синдрома», при котором тело покойного ни в коем случае не должно было завершать свою перерождение, оставаясь под землей в распоряжении мерзких земляных червей. При этом возможно предполагать некий, но разумеется, кажущийся странным симбиоз-сочетание традиционного для восточных кочевников отвержения подземной реинкарнации усопшего с непременным для шаньюев подражанием погребальным обрядам китайской знати.

Удивляет также и другое — и здесь мы должны вновь вернуться к высоте надмогильной насыпи. В Ханьском Китае нормы размеров такой насыпи были строго канонизированы. Скажем, надмогильный холм над склепом членов императорской фамилии не мог превышать 13 метров; у могил обычных чиновников насыпь должна была быть менее 5 метров и т. д. Высоту в 13 метров могли превышать лишь погребальные холмы над захоронениями императоров. Усыпальницы

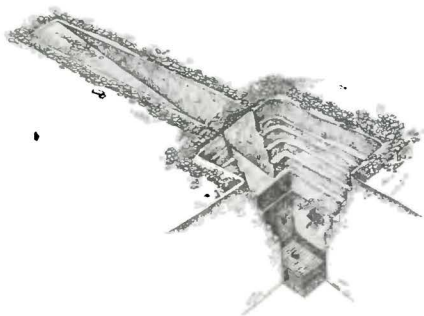

Рис. 23.8. Общая реконструкция всего погребального сооружения ноин-улинского кургана (Полосьмак и др.: 75)

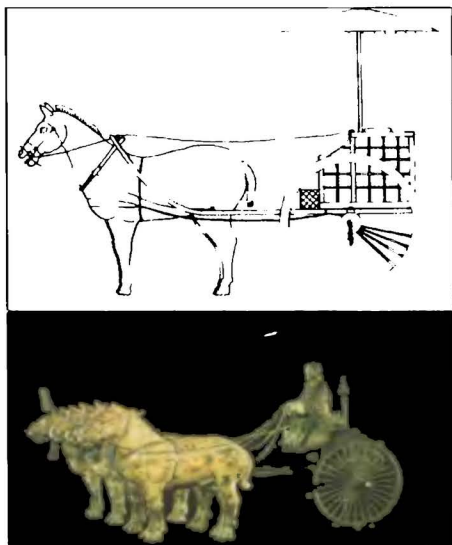

Рис. 23.9. Предполагаемая конструкция колесницы из Кургана Ноин-Ула 20 (сверху). Модель легкой и выполненной в натуральную величину колесницы из колоссального могильного комплекса императора Цинь Шихуанди (Formation: 266; Полосьмак и др.: 84)

Рис. 23.10. Кукла деревянная из погребения гуннского (?) времени в Синьцзяне (Музей Института археологии Синьцзянь-Уйгурского автономного района, Урумчи)

Рис. 23.11. Курган Ноин-Ула 20. Серебряный фалар с предполагаемым изображением Артемиды и Сатира (Полосьмак и др.: 113)

Рис. 23.12. Раскопанные гробницы высших китайских чиновников периода Сражающихся Царств (слева) и имперской династии Цинь (Formation: 238, 256).

монархов начинали сооружать еще при их земном существовании. Поэтому, можно думать, что сам великий император Цинь Шихуанди распорядился перекрыть собственную гробницу громадой 50-метрового холма, и кажется, что тут самый крупный надмогильный холм из ныне известных в древнем Китае (см. рис. 5.1). На фоне этого как-то чрезвычайно скромно выглядят курганные насыпи гуннских вождей. Трудно объяснить, по какой причине, старательно подражая китайским стандартам во многих деталях, они ограничивали их масштаб в этом отношении. Ведь порой их победный натиск на Китай, особенно в раннюю пору Ханьской династии, был столь значим, что гуннские шаньюи могли бы, кажется, запечатлеть свою мощь и свои воинские успехи также в несравненно более величественных и размещенных на поверхности деталях погребальных конструкций над собствен-

Рис. 23.13. Некрополи знати коренного Китая. Слева: в длинной двухсотметровой яме было погребено более 600 лошадей; это захоронение сопровождало могилу князя Чин — одного из владетелей царства Ци периода Сражающихся царств (после 386 г. до н. э.). Справа: захоронение лошадей и воинских колесниц в одном из могильников высшей знати эпохи Восточного Чжоу, вторая половина 7 в. до н. э. (Formation: 226, 233)

ными могилами. И в этом случае мы опять-таки склоняемся к мысли о некоем весьма странном симбиозе-сочетании мировоззренческих постулатов восточных кочевых народов с китайскими идеологическими нормами.

И наконец, последнее: о том мосте «Восток — Запад», по которому осуществляли — вольную или невольную — связь культуры кочевников Степного Пояса. В инвентаре ноин-улинского кургана на фоне безусловной китайской доминанты удалось разглядеть признаки римского круга далекого западного мира. Правда, признаки эти вряд ли можно счесть за очень значимые на фоне основных китайских материалов, но не заметить их невозможно. То были серебряные фалары (рис. 23.11) с предполагаемыми изображениями Артемиды и Сатира, что не оставляют сомнений в их истинном и весьма отдаленном от Ноин-Улы западном ареале производства (Полосьмак и др.: 110—118).

Серебряный фалар из кургана в Ноин-Уле как свидетельство связей с отдаленными многими тысячами километров культурами Запада для нас, конечно же, очень важен. Но кажется желательным еще раз обратить внимание на несравненно более красноречивые признаки китайских воздействий на обрядовую сторону жизни степных кочевников, особенно верхушки кочевников. К примеру, так выглядели погребальные конструкции (рис. 23.12) высших чиновников периода Сражающихся царств

(5—3 вв. до н. э.) и империи Цинь (221—207 гг. до н. э.). И вряд ли нужны особые доказательства принципиального сходства глубоких и ступенчатых могил шаньюев хунну с погребениями китайской знати того же времени. Пожалуй, еще более любопытным может показаться сочетание традиционных китайских некрополей со множеством боевых колесниц (рис. 23.13, справа) с практикуемым обрядом умерщвления и намеренного захоронения множества коней. Наверное, это отражено в неповторимом конском некрополе, сопровождавшем погребение одного из властителей царства Ци (Qi), где в поразительно длинной яме были выложены трупы нескольких сотен лошадей (рис. 23.13, слева). В какой-то мере для нас может быть более интересен именно «конский некрополь» — ведь его можно расценивать как явный отзвук и воздействия ритуала захоронений высшей знати скифского мира. Ведь, прежде всего, в среде скифских культур и господствовала традиция захоронений множества лошадей, сопровождавших хозяина в иную жизнь. Я подчеркиваю: именно западного скифского мира, но не хунну — ведь восточные номады такого обряда чурались.

Глава 24

ВТОРАЯ ВОЛНА С ВОСТОКА: ТЮРКИ

Хаос племен и народов — хаос в хрониках

Не менее чем на пять сотен лет — от 3—4 вплоть до 7 века — растянулась вулканически взрывчатая Эпоха Великого Переселения народов. Именно тогда один за другим следовал слом множества базовых деталей мегаструктуры Евразийского мира. Именно в те поры Евразийская история на первый план выдвигает северные кочевые скотоводческие народы Степного Пояса. Однако степняки-северяне не были одиноки в этих бурях. Вспомним, что и номады южного аравийского анклава также созрели в то же время для кардинальных перемен: ведь в конце этой драматической эпохи им предстояло «одарить» мир феноменом ислама. В такой безумной толчее и беспорядочном «броуновом» движении мечущихся по гигантским пространствам и пребывающих почти в непрерывных схватках больших и малых народов крайне трудно уловить некую внешне в какой-то мере упорядоченную систему взаимодействия различных племен, опереться на твердины неких «островов» стабильности. Да и существовали ли тогда сколько-нибудь устойчивые системы?

В западной половине Евразии, пожалуй, только два мощных социальных объединения или же две империи — Византийская и Сасанидская — могли как будто претендовать на статус «островов» относительной нерушимости. Однако зыбкость и поразительная неустойчивость границ наследницы Римской империи — Византии за ее более чем тысячелетнюю историю не могли не вызывать удивления. Византию атаковали и с севера и с юга, и не только номады, но и германоязычные остготы, вандалы, вестготы, а также славяне. В седьмом столетии к юго-восточным границам империи вплотную придвинулись грозные и сплоченные арабские отряды первых правоверных халифов. Имперские войска то наступали, то обращались в бегство, и на границах империи все эти победы или поражения отражались незамедлительно.

Наследники Парфии Сасаниды боролись как с ордами, налетавшими с севера — из Кара-Кумов, так и с южными арабскими провозвестниками ислама. Византия и Сасаниды также враждовали между собой, но гибель персидских наследников Парфии оказалась предрешенной стремительным завоеванием этого царства воинами арабских халифатов. В 642 году, всего лишь через 10 лет после начала широких завоеваний, при первом правоверном халифе Абу Бакре,

арабы одержали окончательную победу при Нахавенде. Так, по сути, бесславно, завершилась история Сасанидской империи.

Однако самое тягостное впечатление в Евразийской мегаструктуре той эпохи оставляли, пожалуй, подлинные руины китайских цивилизаций, сменивших могучую империю Хань. То был очень непростой для Китая период «Троецарствия», когда в 220—280 годах боролись друг с другом царства Вэй, Шу и У. Но, пожалуй, гораздо более драматичным явился последующий так называемый период «шестнадцати варварских царств». Калейдоскопичные формирования, где власть захватили вожди кочевых народов-победителей, бесконечно боролись друг с другом. К этому удивительному по длинной череде социальных объединений обычно добавляют дополнительный перечень еще из восьми царств, где власть удержали *ханьцы* (так с тех пор и по сегодняшний день именуют коренных китайцев). Период шестнадцати воюющих между собой, стремительно возникающих и столь же стремительно испаряющихся царств-фантомов растянулся на 135 лет — с 304 по 439 годы.

Потомки гуннов на Востоке: жуужани, сяньби

Предшествующую главу мы завершили упоминанием о тех сложностях, которые возникают перед исследователем, когда он пытается установить отчетливую связь между письменными документами и археологическими источниками. Речь шла о верификации народа *юэджун*: это гунны или же скифы? В пост-ханьский период коловращения сначала «Троецарствия», а затем и «Шестнадцати варварских государств» трудности подобного рода возрастают неизмеримо. Но как же установить в таком случае вполне точно и определенно время и, пожалуй, даже главное — ареалы взрывных, неустойчивых и постоянно передвигающихся социальных объединений *номадов*?

По всей вероятности, импульсом бешеного напора гуннов — этих первопроходцев восточной евразийской волны — послужили какие-то родственные (этнические) связи вкупе со сложными «разборками» в среде тех кочевых народов, что обитали к востоку от Джунгарских ворот. Клубящееся переплетение их племен вывело в финале того же столетия на евразийскую арену каганат жужаней.

Итак, жужани — и вот их краткая родословная. В переведенных Н. Я. Бичуриным на русский язык китайских текстах можно уяснить, что стремительное начало их истории следует, видимо, помещать в рамки последней декады четвертого века, а точнее — связывать это событие с 391 годом. Родоначальником этого процесса стал некий Мугулюй, что будто бы означало «Плешивый». В какой-то момент враги приговорили его к отсечению головы, но ему удалось скрыться. В ущелье Гуанлюци он собрал до ста беглецов, пристал к аймаку Шуньтулинь. По всей видимости, они и явились ядром будущих жужаней. Поскольку «...жужаньцы были глупы, и с виду походили на ползающих насекомых, то Тхайву-ди [их каган уже

после 424 года] дал им название жуань-жуань» (владыка выглядит странно: он что — так презирал своих подчиненных?).

Это объединение кочевых народов стало именоваться Жужаньским каганатом. Языком жужаней был либо прототюркский, либо некий вариант древнемонгольского. Каганат господствовал на обширных пространствах востока Степного Пояса — и не только. Полагают также, что западный фланг каганата жужаней выходил за пределы Джунгарских ворот, достигая, возможно, даже озера Балхаш. Но так ли это? И можно ли это аргументировать достаточно надежно на фоне бесконечных битв и пространственных перемещений?

«Шелунь [вождь жужаней] удалился за Песчаную степь на север, напал на гаогюйцев, и далеко прошел в их земли. Сим образом, покорив все гаогюйские аймаки, сделался сильным и страшным, и поселился при реке Жоло <...>. Письма не имели. Предводители и начальники овечьим пометом грубо отмечали число ратников; после выучились вырезывать деревянные жеребейки [бирки]. От жужаней на северо-запад находилось владение, принадлежавшее потомкам хуннов, довольно богатое и сильное. Жибяеги, начальник сего поколения, пошел на Шелуня с оружием, вступил в упорное сражение с ним при реке Йегынь и совершенно разбил его: но после Шелунь все покорил своей власти и принял наименование могущественного. Жужаньцы перекочевывали со скотом смотря по достатку в траве и воде. Владения их на запад простирались до Харашара, на востоке до Чаосяни, на север от песчаной степи до Байкала, на юг до великой песчаной степи. Постоянное место их орды лежало против Дунь-хуан и Чжан-йе на севере» (Бичурин 1950: 209).

В этом отрывке единственный четко определимый край — озеро Байкал. Но как наносить на карте все прочие земли — песчаные степи, реки, озера — в лучшем случае малопонятно.

Между тем возникают другие претенденты на роль потомков гуннов — сяньбийцы:

«При Хо-ди в правление Юн-юань, по распоряжению верховного вождя Дэу Хянь, западный пристав [тангут?] Гын Кхой напал на хуннов и разбил их. Северный Шаньюй бежал, и сяньбийцы, пользуясь сим обстоятельством, заняли земли его. Оставшиеся роды хуннов, простиравшиеся до 100 000 кибиток, сами приняли народное название Сяньби [393 год]. С сего времени сяньбийцы начали усиливаться» (Бичурин 1950: 206—208).

Конец четвертого века, как будто гунны-сяньбийцы только-только принимают новое для них народное название. Но как тогда быть с другими свидетельствами, говорящими о могуществе сяньби и едва не об истинной их империи в существенно более ранний период — еще во время династии Хань?

Вот слова того же Бичурина (с. 161):

«Сяньбийцы, после их рассеяния, осели в восточной Монголии на землях, ныне занимаемых небольшими аймаками Аохань, Наймань и Калка, на южной стороне Шара-мурэни<...>. Они начали усиливаться с 93 года, упали в 181 году».

Особую позицию в их истории занимал легендарный герой Таньшихай (Тань-шихуай). По существу, он был бастардом, незаконнорожденным, но уже «на четырнадцатом и пятнадцатом году [156 год] он храбростью, телесною силою и умом удивил старейшин поколения. Однажды в матернином доме пограбили розатый скот. Таньшихай погнался за грабителями на верховой лошади, рассеял их и обратно взял все пограбленное. С сего случая все поколение стало уважать его. Таньшихай положил законы для решения спорных дел, и никто не смел нарушать их. После сего избрали его старейшиною <...> Он имел многочисленную конницу. Все старейшины на востоке и западе поддались ему. Почему он на юге грабил пограничные места, на севере остановил динлинов, на востоке отразил фуэюй, на западе поразил усунь и овладел всеми землями, бывшими под державою хуннов, от востока к западу на 14 000 ли, со всеми горами, реками и соляными озерами».

Судя по всему, именно это и имеют в виду, когда заходит речь об империи сяньби. Но как тогда быть с утверждением, что сяньби «упали в 181 году»? Примечательно, конечно, что в этот год и скончался их великий вождь каган Таньшихай, который из сорока лет своей короткой жизни целых двадцать шесть провел в непрерывных битвах. Но только ли в этом основной смысл истории сяньби?

Снова недоумение с историей поздних хунну: в самом конце четвертого века они оказались поглощены жужанями, и отсюда, скорее всего, следует, что гуннов вроде бы уже не должно быть. Как будто то же самое говорят источники и про историю сяньби: гунны ведь сами и совершенно добровольно приняли это новое самоназвание. Так каким же образом гунны смогли практически в то же самое время оторваться от их священной родины и, одолев многие тысячи километров, ворваться смерчем в совершенно неведомый для них мир Европы? Возможно ли думать, что это была некая группа племен, не пожелавших превратиться ни в жужаней, ни в сяньбийцев, которая и рванулась в сторону заходящего солнца? И уже там, на далеком Западе, вместе со своим легендарным вождем Аттилой обрели гунны свою мрачную славу...

Здесь необходимо сознаться, что в своих попытках детально разобратся и разложить аккуратно, «по полочкам», даже не все, но хотя бы наиболее значимые события этой безумной карусели мечущегося по Степному Поясу калейдоскопа из больших и малых групп номадов в эпоху Великого переселения народов автора довольно постоянно ожидали досадные неудачи. Слияния племен в союзы и их очень скорые кровавые «разводы»; перемены в племенных наименованиях; бесконечные схватки, победы и следующие за ними поражения; бегство и преследования; бесчисленные и почти нераспознаваемые наименования гор, рек, озер... К этому удручающему списку нужно непременно добавить также весьма прискорбный диссонанс между сумбуром сведений в письменных документах и дешифровкой материалов из как будто синхронных им археологических памятников (подробнее об этом ниже). Поэтому автор решил

ограничить себя сказанным. В дальнейших разделах данной главы читатель столкнется с характеристиками уже более четко (?) отраженных в хрониках важнейших событий этого феноменального и в чем-то неповторимого исторического периода.

Тюрские каганаты

Чаще всего в научной литературе говорят не «тюрские каганаты», но «каганат» — в единственном числе, хотя фактически этих объединений тюркоязычных племен было несколько. Хронологические рамки «единого каганата» или же группы всех тюркоязычных каганатов ограничивают обычно 552—745 годами.

История их стремительного возвышения вполне типична для большинства преуспевающих объединений кочевых народов Степного Пояса. В 545 году союз тюркских родоплеменных образований сокрушает уйгуров, а шесть лет спустя та же судьба постигла и ослабевший Жужаньский каганат. В 552 году вождь тюрков Бумын провозглашает себя каганом, но в том же году умирает. Власть переходит к его младшему брату Истеми-кагану, правившему до своей кончины в 576 году. Однако именно с его фигурой были связаны крупнейшие успехи каганата, особенно на Западе.

Уже через три года после кончины Бумына едва ли не вся восточная половина Степного Пояса, вплоть до Западной Маньчжурии оказывается подвластной тюркам. Очень скоро в зависимость от тюрков попадают и северокитайские государства Ци и Чжоу. Но гораздо более внушительным в цепи этих событий выглядит рывок тюрков на Запад. В 576 году, когда завершается правление Истеми-кагана, тюркам удалось ворваться в Крым. На этом полуострове они столкнулись с северо-восточными форпостами далекой Византийской империи, которой тогда правили наследники великого императора Юстиниана. Фактически в это короткое время весь домен Степного Пояса оказался в распоряжении вождей Тюрского каганата. Примерно в те же десятилетия тюрки развили успех и в южном направлении. В Средней Азии к 560-м годам им удалось сокрушить в союзе с Сасанидами государство эфталитов. Однако вскоре и между победителями эфталитов разгорелась вражда.

И как это почти постоянно бывает, начало истории тех или иных народов и их фантастические успехи в прошедшее и ставшее почти мифическим время, а в грезах их потомков — поистине «золотой век», они излагают в торжественно-эпической форме:

«Когда наверху голубое Тенгри, а внизу бурая Земля возникли, сотворен был меж ними сын человеческий. Предки мои Бумын каган, Истеми каган правили родом человеческим. Они правили народом законами Тюрскими, они продвигали их.

С четырех сторон были враги. В сражениях они покорили народы всех четырех сторон, усмирили их. Головы имеющих заставили склониться, колени

Рис. 24.1. Мемориальная стела Тоньюкука (Wikipedia)

имеющих заставили преклониться! На востоке до Кадырханской черни, на западе до Железных Ворот завоевали.

Небесные Тюрки без властителей кочевали. Эти каганы были мудры. Эти каганы были велики. И служители их были мудры и велики. И беки с народом были честны и прямы. Так они правили народом. Так они царствовали над ними».

Эти возвышенные строки были высечены Йоллыг-тегином совершенно новым для восточных кочевников руническим письмом на знаменитой погребальной стеле Кюль-тегина, брата великого хана Восточного тюркского каганата Бильге-кагана, или же Могиляна. Время сооружения этого комплекса — 732 год, и лет до драматического финала обоих тюркских каганатов оставалось совсем немного. Вот это ощущение почти неминуемого конца великого народа едва ли не с надрывом можно уловить в тексте стелы. Ушло в прошлое поколение мудрых властителей, с которым в первую очередь было связано столь славное для этого народа имя тюркского принца Тоньюкука, покинувшего этот свет восемью годами раньше (рис. 24.1).

«И сын не пошел в отца. Каганами они были неразумными и дикими. И служители были несведущими и дикими. И беки, и простой народ были нечестные. Поддавшись китайцам, обманутые отцы и дети стали врагами. Беки и народ восстали друг против друга. Нарушилось единство Тюркского народа. Восстали они против своих каганов.

Китайцы сделали твоих благородных сыновей рабами, красавиц дочерей — рабынями. Бросили Тюркские беки свои титулы и взяли титулы китайские. И служили они Китайскому кагану. Пятьдесят лет они служили <...>. И все ради Китайского кагана. Был охвачен (весь) Тюркский простой народ».

И тогда спросил уже себя тюркский каган:

«У меня было государство, где оно сейчас? Какой стране служу я? У меня был правитель, где он сейчас? Какому кагану служу я?». И стали они врагом Китайскому кагану <...> и восстали против, но снова были повергнуты. Не могли они служить более. Не смогли они продолжить свой род. Тюркский народ начал вырождаться».

Вновь тюрки воспрянули духом и телом, и победы над врагами всех «четырех сторон света» не замедлили вдохновить некогда обессиленные племена:

«Мой отец каган был в сражениях сорок семь раз и сражался в двадцати боях. По милости Тенгри, он взял царство тех, кто имел царство, и захватил

каганов тех, кто имел кагана; он поработил врагов. Мощных врагов он принудил к миру. Имеющих колени заставил становиться на колени, имеющих головы заставил поклониться».

Но время неумолимо отсчитывало отпущенный тюркам срок. И хотя Йоллыгтегин, «*сидя на горе Отюкень правил китайским народом, табгачи*» — китайцы оказались хитрее:

«Слова китайских людей, которые дают нам золото, серебро, алкоголь и сокровища, всегда сладки, и шелка всегда мягки. Обманывая своими сладкими словами и мягкими шелками, они привлекают к себе людей издалека. Как люди к ним приближаются, их одурманивали. Они не позволяют мудрым и хорошим людям приблизиться к себе. Они развращают начиная от одного до его целой семьи и клана. Будучи обманутым их сладкими словами и мягким шелком, ты, тюркский народ, умирал <...>. Они обманом довели тюркский простой народ до смерти. Они обманывали их, что они дадут плохой шелк, если те будут жить вдалеке, и дали бы хороший шелк, если те жили бы близко к ним. Неблагоразумные люди следовали этим словам, приблизились, и все умерли».

И вновь строки этого текста воссоздают нам тот образ вечного и неистребимого «синдрома приманок», который почти за тысячу лет до этого столь талантливо сформулировал ханьский советник Цзя И. Заметим, что этим коварным оружием пользовались не только китайцы, но и многие оседлые цивилизации как Востока, так и Запада. А в случае со стелой Кюль-тегина, пожалуй, крайне интересным явилось то, что именно китайский император и повелел возвести этот пышный погребальный комплекс:

«От моего народа Десяти Стрел приехали потомки <...> Чанг Сенгун, племянник китайского Императора, прибыл, чтобы строить мавзолей, сделать скульптуры, красить и подготовить каменные надписи <...>. Дворцовые мастера китайского императора приняли участие. Я заставил их строить мавзолей. Они украсили внутреннюю и внешнюю сторону замечательными картинами и скульптурами. Они высекли все мои слова на камнях. Читайте это письмо и получите урок, все вы от моих потомков Десяти Стрел до рабов».

Китайские императоры нередко отдавали распоряжения после кончины своих степных врагов сооружать им на их родине — невиданные в глухой степи — изысканные мраморные мемориалы с перечислением их реальных или же мнимых заслуг и подвигов. Поэтому словам Йоллыгтегина, что именно он «заставил» китайских дворцовых мастеров строить мавзолей, верить вряд ли следует.

Потому что для этого «отправлены были военачальник Чжан Кюй-и и сановник Люй Сян с манифестом за государственную печатью утешить и принести жертву. Император приказал изсечь надпись на каменном памятнике, построить храм и поставить статую его; на всех четырех стенах написать виды сражений. Указано отправить шесть превосходных художников расписать все отличную работой, чего в тукюеском государстве еще не бывало».

Рис. 24.2. Мемориальная стела Бильге-кагана. Слева: фото автора 1979 г. Справа: стела в процессе реставрации и в музейной экспозиции (Wikipedia)

Примечательно, что зачастую даже этим нарочито милосердным актом можно было возбудить междоусобную злобу в стане кочевых властителей. Так, когда в 732 году приступили к сооружению мемориала Кюль-тегина (рис. 24.2), то «*каан Могилянъ с сокрушением смотрел на этот памятник*». А ведь Кюль-тегин был братом великого хана Тюркского каганата! Впрочем, когда через три года умер и сам великий хан Могилянъ, и его посмертно переименовали в «*Бигъ-хана [Бильге-кагана]*. Император изъявил сожаление и указал послать председателя княжеского правления князя Цуань для утешения и жертвоприношения: по сей причине построили в честь покойного храм» (Бичурин 1950: 276—277).

Величественным стелам Тоньюкука и Бильге-кагана, а также пространным текстам, выполненным на них руническим письмом, в последние годы в тюркоязычном мире придают особое значение. Так, пятого октября 2010 года при участии глав правительств Турции и Монголии Р. Т. Эрдогана и С. Баяра в монгольском аймаке Уверхангай была торжественно открыта дорога имени Бильге-хана, ведущая от Хархорина к музею Орхонской долины, построенная на средства Турции (Wikipedia).

Победы — поражения: ритмы повторений

Если бы автор решил подробно представить на страницах этой главы историю взлетов и падений тюркских каганов, то читателям наверняка наскучило бы изложение очень похожих друг на друга повторов: подвиги и успехи порождали бы в победителях гордость и слесь, поражения вели бы к унижениям. Они казались бы нам бесконечными! В смене подобных ситуаций легко было бы узнать

ту картину, которую мы, например, излагали в предшествующей главе при характеристике мира гуннов. И повторы этих перемен, и ритмика, и манеры поведения побежденных и победителей принципиально повторялись из десятилетия в десятилетие, из столетия в столетие.

Вот Кат Ильхан Багадур-шад, он же Хъели (Хйели), в 620—630 годах вождь Восточно-тюркского каганата. С самого начала правления ему сопутствуют удачи, тем более, что монархи новой Тан еще только пытаются избавиться от неприятного для них наследства царства Суй:

«Хъели ежегодно производил набеги на Китай. Впрочем, полагаясь на стяжание, собранное отцом и старшим его братом, имея многочисленную и отличную конницу, возносился гордостью. Стоя на ступени выше всех кочевых народов, он с презрением смотрел на Срединное государство, дерзко изъяснялся и на письме, и на словах; производил большие требования. Император Гаоцзу, первый правитель Танской династии, в то время занят был восстановлением порядка в империи; почему должен был унижаться пред ханом и делать большие пожертвования: но несмотря на большие дары и награды, хан еще был не доволен, и предъявил неограниченные требования... Кочевые вообще при удаче идут далее во внутренность [страны], при неудаче не стыдятся просить мира» (Бичурин 1950: 254).

Новая династия Тан набирает силу, и маятник успехов начинает склоняться в сторону китайцев. Первый император этой династии сказал:

«Тукюесцы [тюрки] многочисленны, но у них нет порядка. Когда хан стоял по западную сторону реки, то старейшины явились ко мне. Я упоил их допьяна и всех перевязал. Сделать это очень легко было <...>. Я недавно вступил на престол, и для государства спокойствие и тишина еще необходимы. Начав войну с неприятелем, мы много потеряли бы убитыми и ранеными. Неприятель был бы разбит, но не побежден, и если бы страх обратил их к порядку, и поселил ненависть к нам, тогда могли ли бы мы противостоять ему? <...>»

При первоначальном утверждении престола высочайший родитель мой для спасения подданных унизился пред тукюесцами и назвался вассалом их. Я всегда со стесненным сердцем и страждущею головою помышлял смыть это поношение в Поднебесной. Ныне само Небо ведет моих полководцев. Куда ни устремляются, всюду побеждают <...>.

Ныне, положив оружие и свернув латы, если польстим неприятелю дорогами вещами и шелковыми тканями, то они не преминут возгордиться; а высокомерие поведет их к гибели».

Вновь, как мы видим, при сложных обстоятельствах на передний план непременно выступает извечный и безотказно действенный синдром приманок. И вот уже побежденный и бесконечно униженный каган *«...Хъели не жил в комнатах, а всегда ставил для себя юрту. Он долго был задумчив и печален; пел с своими домашними заунывные песни и проливал слезы. Он похудел <...>. В восьмое лето (634 год) Хъели умер. По смерти пожалован княжеским достоинством и*

именем Хуан. Указано вельможам похоронить его. Труп Хьелиев, по кочевому обычаю, сожжен» (Бичурин 1950: 254, 257).

Мир тюркоязычных народов

Судя по всему, именно тюркским каганатам и их стремительно-победоносным броскам на запад Евразийская мегаструктура обязана формированию в ней особого мира тюркоязычных народов (рис. 24.3). Не требует особых доказательств предположение, что исходным ареалом этого весьма примечательного лингвомира явилась восточная половина Степного Пояса. Результатами первых завоеваний тюркоязычных племен стала оккупация обширных пространств западной половины Пояса и покорение восточными «конкистадорами» тамошних народов. Ясно также, что турки продвигались в сторону «захода солнца» по следам относительно недавних своих предшественников «первопроходцев» — гуннов. Нам очень трудно сказать что-либо определенное относительно языка гуннов и его лингвистического соотношения с языком пратюркским (прототюркским). Судя по всему, всю западную половину Степного Пояса заполняли племена, чьи языки входили в мега-семью языков индоевропейских и которые до появления восточных завоевателей — гуннов здесь, безусловно, доминировали.

Вполне вероятно, что восточным, но уже тюркоязычным пришельцам удалось ассимилировать, по крайней мере, заметную часть исконно местных кочевников,

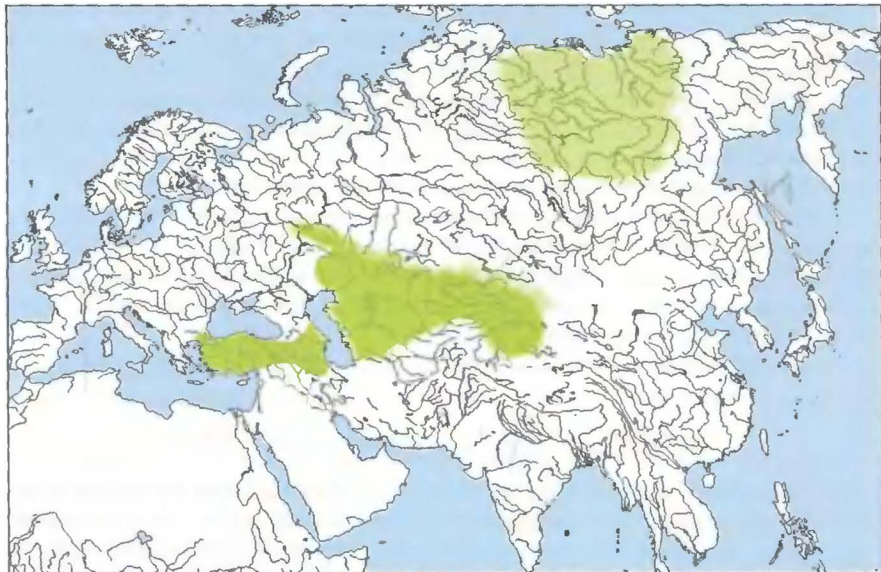

Рис. 24.3. Схематическая карта распространения в Евразии основных ареалов носителей языков тюркской лингво-семьи

и те восприняли новый язык. С того периода и в западной половине Степного Пояса — или же, по крайней мере, до Поволжья — можно думать о явном господстве не только пратюркского (прототюркского) языка, но также о доминанте среди пастушеских народов монголоидного антропологического типа.

Существенно иной вид имеет картина, среднеазиатских народов. В антропологическом отношении здесь сохраняется господство населения европеоидного облика, однако параллельно все большую силу среди этих групп набирают различные диалекты тюркского языка. По всей вероятности, это было связано с существенным отличием двух основных и охватывавших громадные территории тюркоязычных образований Евразии. *«Западнотюркский каганат <...> весьма значительно отличался от Тюркского каганата на востоке. Если там преобладала кочевая жизнь, то на западе большая часть населения была оседлой и занималась земледелием, ремеслом, торговлей. Социальная структура Западнотюркского каганата была несравненно сложнее, и его с большим правом можно считать государством со сравнительно развитыми феодальными отношениями, чем Восточнотюркский каганат»* (Кляшторный 2005: 98).

Если Восточнотюркский каганат был практически целиком сосредоточен на сложных взаимоотношениях со своим основным соседом — империей Тан, то южные связи западного каганата отличались гораздо более широким спектром. Здесь были также непростые контакты с согдийскими объединениями Средней Азии, с Сасанидами, а после их падения и с северо-восточными владениями арабского халифата Омейядов. «Открытие» тюрками Византии приводило также к быстро меняющимся отношениям с этой империей: от враждебных до кратковременно союзнических. Во всяком случае, их властитель *«Тон-ябгу-каган принял личное участие в третьем походе императора Ираклия в Закавказье (627—628 гг.). Тюрки захватили огромную добычу во взятых ими Дербенте и Тбилиси. Апофеозом успехов Тон-ябгу-кагана была его встреча с Ираклием под стенами Тбилиси, во время которой византийский император возложил на голову тюркского хана свою собственную корону и пообещал выдать за него свою дочь, принцессу Евдокию»* (Кляшторный, Султанов: 97). По всей видимости, именно эти победы обозначили старт распространения на востоке Кавказа тюркоязычных народов — кумыков и азербайджанцев.

Для Западного каганата истинным и прочным тылом в Средней Азии стали кочевые племена тюркоязычных огузов. Пройдут столетия и именно они предстанут прародителями народа знаменитых сельджуков. Из огузов выйдут знаменитые завоеватели — Тогрул-бек и его племянник Алп Арслан, с именами которых будет связано зарождение могучего сельджукского султаната. В это время можно наблюдать еще один чрезвычайно примечательный феномен: тюркоязычные завоеватели Ирана, Анатолии и Месопотамии принимают чуждую для них религию — ислам наряду с арабской письменностью. Но не только это: победители довольно быстро меняют свой образ кочевой жизни на несопоставимо более комфортный стиль покоренных ими владык оседлых цивилизаций.

И здесь — очень далеко от Китая — столь же властно заявляет о себе необоримый синдром приманок.

Вся картина распространения тюркоязычных народов в Евразии в принципиальных чертах сохранила себя вплоть до современности. Пожалуй, еще одним из комплекса феноменов этого гигантского полотна служит распространение тюркоязычных народов далеко на север, в лесную и даже лесотундровую зоны Восточной Сибири, в Якутии. Наиболее приемлемой здесь представляется гипотеза, что изначальной причиной появления народов данной южной лингво-семьи в этом столь необычном ареале стала миграция на север части племен Восточно-тюркского каганата, потерпевшего тяжелое поражение от империи Тан. Тюрки ушли на север, в среду лесных охотников и рыболовов. Исконный язык таежных аборигенов (еще до появления здесь массовых мигрантов), по всей вероятности, принадлежал древней тунгусо-маньчжурской семье. Но внедрение южан сыграло свою роль, и реальность произошедшей лингво-ассимиляции отрицать вряд ли возможно. Правда, от исконных говоров в якутском тюркском языке осталось не так уж много — примерно одно слово из десяти. В якутском языке довольно много монголизмов — до трети. В целом же тюркский язык лесных якутов значительно отличается от своих исходных степных форм.

Придерживаясь гипотезы о южных истоках якутского лингвистического анклава, мы непременно должны упомянуть и о поразительном для сурового восточносибирского севера факте: здесь ухитрились сначала сохранить, а затем и вывести особую породу «хладоустойчивой» лошади. В этом также определенно сказалось явное воздействие всего исходного уклада жизни степных скотоводов, которому они постарались сохранить верность в совершенно непривычных для себя геоэкологических условиях. И им это — хотя бы отчасти — но удалось.

Письменные источники и археология: как найти связку между ними?

Третья часть нашей книги носит общее название ***«Культуры кочевников: картины исторические»***. На ее страницах мы как бы обязываемся непременно выводить на первый план письменные документы — производное оседлых цивилизаций южного домена. Свидетельства письменные, творцами которых являются степные скотоводы, крайне редки и, без сомнения, несопоставимо проигрывают соседним по реальной информативности. Историки на базе всего комплекса доступной им документации воссоздают картины развития культур и их общностей, локализованных на некотором пространстве и в пределах некоторого хронологического отрезка. Наиболее фундированными предстают, без сомнения, исторические полотна южных оседлых культур и цивилизаций, и это кажется вполне понятным. Несравненно слабее выглядят исторические картины, касающиеся мобильных скотоводческих образований, и данное заключе-

ние также не нуждается в развернутой аргументации. Отчетливо выраженные границы «блуждающих» кочевых культур — как территориальные, так и хронологические — можно оконтурить лишь с очень большим трудом. Общеисторические полотна, где основными объектами исследований служат кочевые образования, пестрят, как правило, темными провалами и неуклюже подогнанными друг к другу связками. Да и создаются подобного рода картины нередко на базе плохо аргументированных догадок. Об этом мы вели речь в предшествующих главах, когда затрагивали историю гуннов, скифов-юэчжей и иных народов.

Параллельно историческим полотнам археологи создают уже собственные — чисто археологические — панорамы. Последние покоятся исключительно на ископаемых артефактах — на материале, конечно, несравненно более грубом в сравнении с письменным. Масса и морфологическое разнообразие подобного рода «грубых» материальных источников едва ли не бесконечны, и к тому же они постоянно возрастают. Однако соотношение и распределение упомянутого огромного разнообразия археологических источников по культурам различного склада зачастую выглядит для исследователей крайне удручающим. Здесь, как и в случае с историческими документами, огромная масса источников сопряжена с оседлыми культурами и цивилизациями южного домена. В то же время весьма многочисленные группы кочевых культур представлены крайне малым, а порой даже убогим набором признаков их материальной культуры. Либо мы сталкиваемся с еще более «прискорбным» вариантом: в некоторых культурах отсутствие упомянутых признаков выглядит почти абсолютным. Ведь все признаки материальной культуры *номадов*, как правило, характеризуются едва ли не на 99 % лишь погребальными памятниками. В следующих главах мы подробнее коснемся так называемого «*монгольского синдрома*» — может быть, наиболее яркого свидетельства поразительно резкого обеднения культуры кочевников доступными археологам материальными признаками.

Сейчас же обратим внимание на ряд важнейших обстоятельств, «воздвигающих» крайне озорчатый предел для корректной расшифровки основных деталей в облике конкретной кочевой общности. Если, к примеру, в распоряжении археолога имеется несколько десятков бедных инвентарем погребений, которые он объединяет в некую археологическую культуру, то эта зыбкая база вряд ли позволит предлагать какие-либо строго аргументированные фундаментальные реконструкции. Но, пожалуй, следующее обстоятельство кажется даже более досадным: резко обедненный материал не предоставит практической возможности для наведения надежных мостов между картинами археологическими, с одной стороны, и историческими, с другой. Поэтому подобного рода «нарисованные и параллельные» картины могут очень долгое время так и оставаться в «параллельно зависшем» состоянии, не давая возможности слить их в органическом единстве.

В этом разделе мы ограничимся единственным, но, пожалуй, достаточно ярким примером такой несовместимости исторического и археологического

эскизов. Письменные источники так представляют погребальный обряд тюркского хана или же достаточно знатного человека:

«Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обо-его пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом пред входом в палатку ножом надрезают себе лице и производят плач; кровь и слезы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают. Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают: собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу. Умершего весною и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего осенью или зимою хоронят, когда цветы начинают разворачиваться. В день похорон, так же как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезают лицо. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи» (Бичурин 1950: 230).

Но здесь нас ждет досадная неудача: подобных описанным выше погребальных памятников мы не знаем. Для этого лучше всего предоставить слово Д. Г. Савинову (Кляшторный, Савинов: 197—199), крупнейшему российскому специалисту по некрополям, рассеянным по неохватным пространствам Западно-тюркского каганата:

«Ни одного археологического памятника, полностью соответствующего этому описанию, ни в Южной Сибири, ни в Центральной Азии до сих пор не обнаружено, хотя многие его элементы встречаются на территории Саяно-Алтая уже в первой половине I тыс. н. э. Причин этого может быть несколько: 1) погребения тюрков-тузю в Центральной Азии и Южной Сибири ещё не открыты; 2) компилятивный характер самого источника, в котором разновременные сведения собраны в едином описании погребально-поминального цикла; 3) древнетюркская погребальная обрядность в том виде, как она зафиксирована письменными источниками, сложилась на основе различных компонентов, представленных в археологических памятниках предшествующего времени. Последнее объяснение представляется наиболее вероятным, хотя и не исключает возможности остальных».

И наконец: *«Достоверных тюркских сожжений с соответствующими формами предметов сопроводительного инвентаря до сих пор не обнаружено».*

Напомним также, что мы и раньше (см. главу 22) пытались указать на тщетные поиски пышных могил Аттилы и его погибших на поле брани воинов. Их просто не оказалось.

* * *

Затронутая в конце настоящей главы проблема чрезвычайно важна для нас. Заметим, однако, что попытки ее решения почти всегда упираются в досадные для исследователей барьеры несовпадения между описаниями погребальных обрядов в письменных источниках и параллельно существующими археологическими реалиями. Поэтому вольно или невольно, но при всякой необходимости мы будем возвращаться к этим вопросам при анализе древностей как других территорий, так и иных хронологических периодов. Во всяком случае, с этим мы столкнемся непосредственно уже в начале следующей главы. °

Глава 25

НАСЛЕДНИКИ ЗАПАДНО-ТЮРКСКОГО КАГАНАТА

Булгары — кто они и откуда?

Намереваясь представить сюжет о наследниках Западнотюркского каганата, необходимо будет вновь прибегнуть к смещению нашего повествования к Западу, а также углубиться на несколько столетий в древность. Уход от хаоса бесчисленных пост-ханьских кочевых царств, а также сдвиг к северу от «островов» относительной стабильности — Византии и Сасанидов, к сожалению, не влечет за собой кардинальную смену ситуации. Мы и в этом случае вновь оказываемся в трудно понимаемом, запутанном клубке групп различных степных скотоводческих народов. Нам и в этом удаленном от Востока ареале практически никогда не удастся достаточно определенно и точно установить время и место для каждого из подобного рода мобильных социумов. Эти кратковременные союзы племен не только бесконечно штурмуют южные «острова стабильности», но столь же непрестанно бьются между собой.

Знакомство с текстами теперь уже христианских раннесредневековых европейских хронистов не может не ставить нас еще перед одним неоспоримым фактом: поразительное снижение уровня представлений этих летописцев о географии и истории на фоне тех «языческих» ученых времен Античности, что создавали свои хроники ранее, к примеру, на тысячу и даже более лет. При этом добавим, что средневековые авторы рассказывали о тех народах, которые не были столь уж отдалены во времени и пространстве от составителей этих сочинений. Примеров тому великое множество, и о некоторых мы уже говорили в шестой главе.

Добавим еще пару отрывков из текстов раннесредневековых авторов. Живший в 8 веке в Северной Италии историк Павел Диакон, автор объемного сочинения «История лангобардов» (Paul de Deacon «Historia langobardorum», <http://www.webcitation.org/61A3eOAs3>), так излагал свои взгляды на взаимосвязь «геоэкологии и демографии»:

«Чем дальше северная страна удалена от жара солнца и чем холоднее она от снега и льда, тем она здоровее для человеческого тела и благоприятнее для увеличения населения; напротив, во всех полуденных странах, чем ближе они к солнечному зною, тем больше в них болезней и тем менее они способствуют развитию человека. Потому и получилось, что на севере образова-

лось такое множество народов, и по всей справедливости весь тот край, от Танаиса до самого запада, называется одним общим именем — Германия, хотя отдельные ее местности и носят свои особенные названия <...>. Из этой многолюдной Германии часто увозились бесчисленные толпы пленников и продавались южным народам. Нередко многие племена уходили из тех мест и сами, потому что людей рождалось столько, что они едва могли прокормиться; частично они переселялись в Азию, но преимущественно в близлежащую Европу» (Павел Диакон I, 1).

Из того необозримого множества разнообразных примеров, в которых отражались важные события, связанные с конкретными скотоводческими народами этой эпохи, мы обратимся к истории появления в Европе булгар, от которых и ведет свою летопись современное государство Болгария. Их беглая трактовка в раннесредневековых хрониках довольно типична в отношении многих народов того времени.

Так, из хроники Павла Диакона (I, 16, 17) следует как будто, что еще в 377 году этот народ столкнулся с германоязычными лангобардами, которые «... перешли, наконец, реку [?] <...>. Когда же они, ничего плохого более не предполагали, и из-за долгого спокойствия стали беспечными <...> на них неожиданно ночью напали болгары [булгары] и перебили многих из них, ранили еще больше, и так свирепствовали в их лагере, что утертвили даже короля Агелмунда и увели в плен его единственную дочь».

Однако лангобарды собрались с силами, сами напали на булгар и, хотя потерпели второе поражение, но уже в третьей битве все-таки сумели-таки одолеть их, отомстив «за смерть своего короля как и за свой собственный позор. И вынесли они тогда оттуда великую добычу, и с того времени они стали смелее предпринимать военные походы».

Так, видимо, еще в четвертом столетии появились первые упоминания о булгарах. При этом весьма широко распространились и даже укрепились слухи и мнения о невообразимой, почти несокрушимой мощи булгарских орд. Вот епископ Эннодий Павийский (Magnus Felix Ennodius) в 507 году в своем панегирике королю остготов Теодориху Великому постарался особо воспеть его победу над ужасным народом булгар:

«Это — племя, которому до тебя принадлежало все, чего оно хотело, в котором приобретал почет тот, кто покупал достоинство кровью противника, у которого поле битвы прославляет род, ибо тот, чье оружие больше покраснело от крови в бою, считается безусловно высшим, которому до сражения с тобой не случалось встречать сопротивления, которое долгое время кончало войны одним набегом. Их не сдерживали по закону необходимости ни горные массивы, ни реки, ни недостаток продовольствия, так как они считают достаточным для наслаждения пить кобылье молоко <...>. Раньше верили, что им открыт весь мир; теперь они считают закрытой для себя только ту часть земного круга, которую ты оберегаешь» (Сиротенко: 199).

Панегирик весьма высокопарный, торжественный, но вряд ли правдоподобный. Никакие явные следы несокрушимого величия подвигов древних болгар нам неведомы. Если появление этих племен в восточноевропейском степном ареале действительно приходится на четвертое столетие, то на фоне описанных Аммианом Марцеллином «звероподобных и непобедимых чудищ» гуннов их вероятных компаньонов-буглар заметить не так легко (см. главу 7).

Может быть, именно поэтому многие исследователи не отличают их от гуннов, предлагая считать буглар простым гуннским клоном. Другая и не столь многочисленная группа историков и лингвистов возводит буглар к неким ираноязычным племенам. Однако привести четкие аргументы в пользу подобной гипотезы им весьма сложно. Итак, вопрос «буглары — кто они и откуда?» в значительной мере повисает в воздухе, хотя автору и представляется существенно более вероятным их отношение к массиву тюркоязычных народов, появившихся тогда в Причерноморье. Ведь Западнотюркский каганат в 6—7 столетиях, по сути, оккупировал все гигантские пространства западной половины Степного Пояса^{*}.

Более реальную историю ранних буглар можно уверенно отсчитывать, пожалуй, со времени появления с восточных степей на Нижнем Дунае воинственных тюркоязычных орд, возглавляемых ханом Аспарухом или Исперихом. Византийский летописец Феофан Исповедник (760—818 гг.) свидетельствует, что в 671 году «народ болгарский вступил во Фракию. Пятеро сыновей болгарского хана Кубрата разделились, и каждый с частью своей орды разошлись по сторонам <...>. Третий по старшинству по имени Аспарух, перешедши Данаприс и Данассрис и остановившись у Ольги, реки текущей севернее Дуная, поселился между первыми реками и сею последнею, находя сию страну отовсюду безопасною и непреодолимою: впереди она болотиста, с других сторон защищена реками, итак народу ослабленному чрез разделение представляла великую безопасность от врагов <...>. [Византийский] царь Константин, услышав, что по ту сторону Дуная на Ольге реке вдруг поселился какой-то народ грязный, нечистый, и делает набеги и опустошения во всех прилежащих к Дунаю странах, т. е. тех, которыми они овладели, и где прежде жили христиане, крайне обеспокоился».

Константин придвинул к лагерю большое войско, но на приступ не пошел. Болгары же «в продолжении трех или четырех дней <...> не смели выходить из [своего] убежища, а римляне по причине болот не начинали сражения; тогда скверный народ, полагая со стороны римлян трусость, сделался смелее. Царь страдал от жестокой подагры, и принужден был возвратиться на юг для обычного пользования банями <...>.

Болгары уже приметивши это преследовали [ромеев], весьма многих истребили мечом, многих ранили, гнали за ними до самого Дуная, переправились чрез эту реку, и пришедши к Варне, так называемой близь Одиссы, увидели

* Обзор источников и мнений исследователей относительно ранней истории буглар см. например, (Сиротенко 1972).

здесь плоскую землю, со всех сторон огражденную с тылу рекою Дунаем, с боков горными теснинами и Понтийским морем, овладели живущими здесь семью коленами, славян и северян поселили на восточной стороне в теснинах береговых, а, прочих, обложивши данью, поселили к югу и к западу до самой Аварии <...>. Расширившись таким образом они возгордились и начали нападать на лагеря и местечки под властью римского находившиеся, и людей уводили в плен: почему царь принужден был заключить с ними мир, согласившись платить ежегодную дань к стыду римского народа по множеству неудач его. Странно было слышать и дальним и ближним, что подчинивший себе данниками все народы на востоке, на западе, на севере и на юге, теперь сам должен был уступить презренному вновь появившемуся народу».

Рис. 25.1. Памятник хану Аспаруху в городе Добрич на северо-востоке Болгарии (Wikipedia)

Такими представляются относимые уже к 681 году и официально признаваемые ранние шаги Первого Болгарского царства, а также деяния его основателя хана Аспаруха (рис. 25.1). И только с этого времени все основные периоды существования и развития болгарской государственности можно восстанавливать достаточно безупречно.

Обратим внимание еще на один весьма примечательный результат «огосударствления» болгар. Этот процесс протекал при активном слиянии тюркоязычных восточных воителей с местными славянскими племенами. Воинственные турки подчинили аборигенов, но в конечном итоге им проиграли. Новый этнос избрал в качестве основного славянский язык, сохранив при этом в своем словарном фонде множество тюркизмов. Вот только титул этноса — **болгары** — отчетливо указывает на исток одного из его слагаемых.

В определенном отношении ситуация с болгарами весьма напоминает вариант сложения древнерусской нации, что случилось позднее. Выходцы из Скандинавии — норманны, среди которых оказалось много «русов», первоначально захватили командные высоты в среде восточнославянских племен. Однако довольно быстро фактически полностью растворились в массе аборигенов. Остался лишь знаковый титул нового и быстро укрепляющегося этноса — **русы**.

Хазары и их каганат

Хазарский каганат формировался параллельно и почти одновременно с проникновением отрядов хана Кубрата, а вскоре и его знаменитого сына Аспаруха во Фракию: официальным началом каганата считают год 650. Так же как и болгарские орды, хазары «вылупились» из яйца Западно-тюркского каганата. Перво-

Рис. 25.2. Схематическая карта Хазарского каганата в период наибольшего территориального охвата

начально ареал их господства охватывал степи и предгорья Прикаспия, а также Северо-Восточного Кавказа. Позднее, не вполне удачные для хазаров войны с отрядами халифата Омейядов, «отодвинули» их границы к северу, в степи Дона и Волги (рис. 25.2).

Огромное большинство населения каганата составляли полукочевые мобильные скотоводы. При этом довольно часто ряд исследователей полагает, что хазарам удавалось построить впечатляющие своим величием города [«Мощные города крепости с системой оборонительных сооружений», как писала известная исследовательница хазар С. А. Плетнева (1986: 28)]. Последнее заключение звучит, однако, мало убедительно. Один из самых важных и, по существу, знаковых хазарских «городов» — Саркел на Дону. Но его площадь не превышает 2,6 га (рис. 25.3), и она ничтожно мала на фоне более южных и одновременно функционирующих реальных городов Византии или халифатов. Еще меньшая территория — примерно 1,6 га — у другой крепости Чир-юрт на реке Сулак в Дагестане, да и у других. В сущности, это небольшие, правда, хорошо укрепленные поселки.

Наиболее интересным признаком, выделяющим Хазарское объединение среди прочих наследников Западнотюркского каганата, является, без сомнения, иудаизм, воспринятый в пределах двух десятилетий (790—810 гг.) правящей верхушкой хазаров. На фоне достаточно жесткой этнической самоизоляции исконных носителей и приверженцев иудейской религии — израильтян — проникновение этой ветви исходного корня авраамической религии в среду степных пастушеских народов представляется событием почти невероятным. Безусловно также, что интерес к данному феномену подогревается перепиской между хазарским властителем Иосифом и Хасдаем ибн Шапрутом, врачом и советником Кордовского халифа Абд-ар-Рахмана III. Андалусию и бассейн Дона разделяют многие тысячи

километров, и Хасдаю даже известно как выразить эту огромную дистанцию в числе географических градусов — 47! Но его так поразило, что приверженцы иудейской религии внезапно обнаружили в совершенно невообразимом районе, что кордовский еврей жаждет узнать едва ли не все об этом удивительном анклав.

Письмо Хасдая ибн Шапрут Иосифу датируют между 954—961 годами, и весьма трудно представить лабиринт тех путей, которыми оно достигло адресата. В этом послании Хасдай сообщает, как он

Рис. 25.3. Аэрофотоснимок 1951 года исследованного археологами Саркела (Wikipedia)

услышал о Хазарии. Говорит он также и о своем невероятном изумлении, в которое его привела весть о столь отдаленном и от Палестины, и от Андалусии Хазарском царстве. Ведь об этом *«не доходило до нас (раньше) никакого известия и о котором мы (раньше) ничего не слыхали. Мы сказали (себе): «несомненно, дальность пути мешает нам слышать о великолепном царстве моего господина, царя [Иосифа]». Я, однако, слыхал, что в места моего господина, царя, попали два человека из нашей страны: один по имени ребе Иехуда, сын ребе Меира, сына ребе Нафана, человек умный, понимающий и ученый, а другой по имени ребе Иосиф Хагрис, также человек знающий. Счастливы они. Какое счастье выпало им на долю удостоиться увидеть почет, великолепие и величие моего господина, царя, (увидать) как живут его рабы и служат его служители, и покой удела господня! Для господа легко сделать чудо также для меня, по великой милости его, и удостоить меня (счастья) увидеть величие его царского престола и найти у него приветливый прием <...>»*.

Теперь, если будет угодно царю и если он видит пожелания своего раба, <...> и да прикажет он секретарям, <...> написать своему рабу [Хасдаю] полный ответ, который направится к нему из страны далекой, и да сообщит корень дела и основу всего случившегося, (а именно), как произошло появление израильтян в той местности».

Но интересует его не только сюжет о времени изначального обитания израильтян в этих поразительных и малопонятных для обитателя Андалусии степных просторах. Поэтому невероятно растянут перечень вопросов к Иосифу относительно его царства:

«И вот теперь я начертал это письмо к моему господину, царю, и обращаюсь к нему с мольбой <...>, чтобы он приказал сообщить своему рабу <...> все, что касается его страны: из какого он племени, каким путем получается царская власть и как цари наследуют славный престол царей, из известного ли они племени или рода, достойного того чтобы царствовать, или (каждый) царь — сын царя, как это было в обычае у наших предков, когда они проживали в

своей стране. Пусть сообщит мне мой господин, царь, каково протяжение его страны, длину ее и ширину, о городах со стенами и городах открытых, орошается ли она искусственным образом или дождями, докуда доходит власть его, и каково число войск и полчищ его и князей его. Пусть не гневается (на меня) мой господин за то, что я спрашиваю (его) о числе полчищ его <...> ! Я спрашиваю об этом только, чтобы ликовать вследствие многочисленности святого народа. Пусть мой господин сообщит мне число городов, которые подчинены ему, и количество дани, которое они ему доставляют, (и) дадут ли они ему десятину; всегда ли мой господин находится в известной столице царства, или же обходит все пределы подвластной ему страны; есть ли среди близких к нему прибрежных стран такие, которые приняли иудейскую веру; судит ли он свой народ (сам), или назначает им судей; как он отправляется в дом господен; с каким народом ведет он войну и с какими (царями) воюет и оттесняет ли война субботу; какие царства и народы находятся вокруг него, как они называются и как называется их страна; как называются города, ближайшие к его царству со стороны Хорасана».

Ответы Иосифа старательны и подробны:

«Ты спрашиваешь в своем письме, из какого народа, какого рода и племени мы (происходим). Знай, что мы (происходим) от сынов Иафета, от сынов его сына, Тогармы. Мы нашли в родословных книгах наших предков, что у Тогармы было десять сыновей <...>. Мы происходим от сыновей Хазара; это седьмой (из сыновей). У него записано, что в его дни предки мои были малочисленны. Но Всесвятой — благословен он — дал им силу и крепость. Они вели войну с народами, которые были многочисленнее и сильнее их, но с помощью божьей прогнали их и заняли их страну <...>. После того прошли поколения, пока не явился у них один царь, которого имя было Булан. Он был человек мудрый и богобоязненный, уповавший всем сердцем (на бога). Он устранил из страны гадателей и идолопоклонников и искал защиты и покровительства у бога».

Рис. 25.4. Аварский воин-всадник с пленником. Фрагмент рельефа с золотого кувшина, 7 век (Панорама: 55)

И тогда повторяется акт божественного откровения, подобный тем, что в свое время снизошел на библейских Аврама и Иакова, но на сей раз уже на хазарского властителя:

«Ему явился ангел во сне и сказал ему: “О, Булан! Господь послал меня к тебе сказать: я услышал молитву твою и моление твое. Вот я благословлю тебя и умножу тебя, продолжу царство твое до конца веков и предам в руку твою всех врагов твоих. Теперь встань и помолись Господу”».

Иудаизм был воспринят, но не всеми, и споры в хазарском обществе продолжались. К тому же бес-

покойство выражали соседи хазаров — исмаильтяне-исламисты, возжелавшие отвратить хазарского хакана от прискорбных заблуждений. Тогда царь Эдома и царь исмаильтян «... прислали к нему своих посланцев с великим имуществом и многочисленными дарами, вместе со своими мудрецами, чтобы склонить его перейти в их веру. Но царь [хазаров] был мудр, и приказал привести также мудреца из израильтян, хорошо разузнал, расследовал и расспросил его, а затем свел их вместе, чтобы они выяснили истину о своих верах. Они опровергали слова друг друга и не соглашались ни в чем».

В конечном итоге у исмаильтян ничего не вышло. Хазарскую верхушку исламисты не смогли отвратить от принятой ею веры. Хотя при этом канонам иудаизма и не удалось охватить все слои разнохарактерного хазарского общества. Большая часть его обитателей — простых скотоводов и воинов (рис. 25.4) — осталась верна канонам традиционной языческой религии — поклонению божественному и всеохватному Тенгри-Небу.

* * * * *

Но вот Л. Н. Гумилев, например, увидел в иудаизме верхушки хазар основную причину трагической гибели процветающего каганата. Захватившие власть коварные евреи намеренно спланировали для хазарского общества целую систему очень сложных био-социальных отношений: «*тюрки награждали хазарок детьми, которые вырастали хазарами с повышенной пассионарностью. Евреи извлекали из хазарского этноса детей, либо как полноценных евреев (мать еврейка), либо как бастардов (отец еврей), чем оскуднили этническую систему, а тем самым вели ее к упрощению*» (Гумилев 1993: 397).

Мысли Л. Н. Гумилева поразительно созвучны глубочайшей убежденности Адольфа Гитлера об исконности зла в евреях:

«*Конечно, еврейской целью является денационализация, сплошная гибридизация всех других народов, снижение расового уровня наивысших, а также покорение этого расового месаива путём истребления народной интеллигенции и замены её представителями собственного народа... Планомерно портя женщин и девушек, сам он (еврей) не останавливается и перед тем, чтобы в ещё большем масштабе разрушать кровные узы у других*».

«*Еврей — это, пожалуй, раса, но не человек. Он просто не может быть человеком в смысле образа и подобия Бога Вечного. Еврей — это образ и подобие дьявола. Еврейство означает расовый туберкулез народов*».

(Иоахим К. Фест. Адольф Гитлер. Том II, книга 3, глава 1. Электронная версия перевода с немецкого языка (<http://tululu.ru/b131d5/>)).

И возможно ли исключить, что такого рода мысли Л. Н. Гумилев не мог позаимствовать у своего знаменитого предшественника?

В ответе Иосифа Хасдаю содержится довольно подробное описание Хазарии, географии страны и основных обычаев. Но мы опускаем здесь эти разделы хазаро-еврейской переписки, поскольку они будут лишний раз уводить нас в сторону от основных проблем книги. Добавим лишь, что эти письма совпадают с финалом каганата.

Иосиф сообщает своему сановному корреспонденту из Кордовы, что несокрушимое хазарское государство окружают *«весьма многочисленные народы в бесчисленном множестве <...>. Они живут и в селах и городах и в укрепленных стенами городах. Их девять народов, которые не поддаются точному распознаванию и которым нет числа. Все они платят мне дань... Все живущие по берегу моря на протяжении одного месяца пути платят мне дань. С южной стороны живут 15 народов многочисленных и сильных, которым нет счета, до Баб-ал-Абваба. Они проживают на горах. Все жители страны Баса и Т-я-т до самого моря Кустантиниш, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань. С западной стороны живут 13 народов многочисленных и сильных, расположенных по берегу моря Кустантиниш. Оттуда граница поворачивает к северу до большой реки по имени Юз-г. Они здесь в открытых местностях, не защищенных стенами, и переходят по всей степи, доходя до границы страны Хин-диш. Они многочисленны, как песок, который на берегу моря, и платят мне дань».*

Нетрудно догадаться, что перед нами лживое хвастовство, притом беспардонное. Впрочем, его не следует считать редкостью — ведь громадному большинству заявленных в письменных источниках «авто-панегириков» присуща именно такая беспредельная ложь. Это свойство похвальбы Иосифа звучит особенно курьезно, поскольку жить каганату осталось почти ничего.

Государство разрывали на части жестокие внутренние проблемы, постоянно перераставшие в воинские схватки локальных вождей. С запада наседали печенеги, с востока — стремящиеся уйти из под владычества хазар огузы. И вот уже почти сразу с севера на «неразумных хазар» обрушились руссы. В 965 году начал свои походы великий киевский князь Святослав. Он внезапно появился на Волге, где в 968 или 969 годах сокрушил хазарскую столицу Итиль. Затем он прошел победным маршем берегами Дона, через Северный Кавказ, до Тамани и даже вплоть до Балкан. Великий хазарский каганат растворился, оставив после себя лишь не очень выразительные руины «могучих городов».

Огузы

Скотоводы тюркоязычных огузов, или же гузов, кочевали по огромным территориям, раскинувшихся восточнее Каспия вплоть до Аральского моря, а на юге — до Хорезма или же нижних бассейнов Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. О них мало что было известно, вплоть до посольства в Волжскую Булгарию Суасана ар-Раси, где в качестве секретаря принимал участие ставший впоследствии знаменитым

Рис. 25.5. На этом крупном, серебряном с позолотой блюде изображен штурм вооруженными отрядами степных конников среднеазиатской — может быть, хорезмийской — крепости. Вполне вероятно, что окружали крепостные стены конные отряды огузов. Вместе с тем поражает, что это блюдо было найдено учеными сравнительно недавно, в 1985 году в почти лесотундровой зоне Западной Сибири, в низовьях Оби у местных оленеводов, то есть за многие тысячи километров к северу от Хорезма. Интересно также, что точная копия этого блюда была обнаружена более чем сотню лет назад также в северной таежной зоне, но к западу от Урала (Бауло: 52—61)

Ахмад ибн-Фадлан. Это весьма нелегкое путешествие для посланцев аббасидского халифа состоялось в 921—923 годах. Оно являло собой ответный визит на просьбу правителя булгар мусульманина Алмуша оказать помощь волжским булгарам в их борьбе с Хазарским каганатом.

В целом записи ибн-Фадлана интересны для нас тем, как люди оседлых мусульманских цивилизаций — арабских халифатов, — еще не так уж давно сами бродившие со стадами в пустынных и полупустынных равнинах Аравии или южной Месопотамии могут удивляться кажущемуся для них диким образу жизни кочевников-огузов. Те разводят скот — овец, лошадей, верблюдов. Обитают в легких войлочных юртах. Ими руководят старейшины: главный носит титул ябгу, его «заместители» — кудер-кины. Огузы почитают божество Неба — Тенгри, как впрочем, почти все тюрки.

Добираться до них арабскому посольству стоило чрезвычайных трудов, особенно после сравнительно мягкого климата Хорезма. Плоская унылая степь и снежные заносы *«так что верблюды ступали в них по колена <...>». И так, мы ехали по этой пустыне десять дней, и нам встретились бедствия, трудности, сильный холод и последовательное выпадение снегов, при котором холод Хорезма был подобен дням лета. И мы позабыли все, что проходило мимо нас, и были близки к гибели наших душ».*

Потом еще пятнадцать дней похожей муки продвижения по студеной степи. И наконец, вот оно племя турок, известных под именем аль-Гуззия, *«вот они кочевники; у них дома волосяные (из кошмы) и они (гузы) останавливаются или уезжают. Ты видишь их дома (то) в одном месте, то такие же в другом, как делают кочевники в своих переселениях; и вот они в жалком положении. Вместе с тем они как блуждающие ослы, не изъявляют покорности Аллаху, не обращаются к разуму и не поклоняются ничему, но называют своих наибольших старцев господами <...>. Они не очищаются от экскрементов и от урины и не омываются от половой нечистоты и (не делают) другого чего-либо подобного. Они не имеют никакого дела с водой, особенно зимой. Женщины их не закрываются от их мужчин и ни от кого из них, и также женщина не закрывает ничего из своего тела от кого-либо из людей».*

В целом же такого рода впечатления цивилизованного южанина не содержат ничего необычного. Практически все, что такой путешественник встречает в непривычной для него атмосфере, вызывает его брезгливое любопытство. Для него и для отправившей его в далекий путь цивилизации кочевников следует относиться к второму или даже третьему сорту людей, и от них не стоит ждать ничего хорошего. Правда, если только не вовлечь их в объятия ислама... Но *«первый из их царей и главарей, кого мы встретили, — Янал младший. Он прежде уже принял было ислам, но ему сказали: «Если ты принял ислам, то ты уж не наш глава». Тогда он отказался от своего ислама. Когда же мы прибыли в то место, в котором он находится, он сказал: «Я не допущу, чтобы вы прошли, так как это [ислам] такая вещь, о которой мы не слыхали совершенно, и мы не представляем себе, что она такое есть»* (Ахмад ибн-Фадлан: 59—63).

Однако примерно через шесть десятилетий после путешествия ибн-Фадлана молодой военачальник-огуз Сельджук начинает свои победоносные сражения на юге, в Хорезме. А в 1040 году при Данденакане Тогрул-бек (внук Сельджука) разгромил войско султана Масуда Газневи. Вскоре ему удалось полностью завоевать Хорезм, а также большую часть Ирана, Азербайджан и Ирак. В 1049 году сельджуки начали завоевание Закавказья, тогда они уже вплотную столкнулись с Византией. В 1055 году пал священный город халифатов — Багдад. Вскоре после этого Тогрул-бек получил из рук аббасидского халифа ал-Каима сначала титул султана, а затем и «царя Востока и Запада».

Так эти не столь уж давно дикие и презренные в глазах представителей южных цивилизаций кочевники сумели довольно быстро создать знаменитый исламский Сельджукский (Конийский) султанат, сокрушивший восточные арабские халифаты и отодвинувший восточные границы Византийской империи к Эгейскому морю (см. рис. 21.2).

Крестоносцы-католики и тюркоязычные кочевые половцы

Другим краем тюркоязычные номады коснулись крестоносного воинства. И было это связано со знаменитым, но вместе с тем не менее позорным четвертым крестовым походом (мы уже вкратце вспоминали о нем ранее: см. главу 21). В 1202 году высокородная элита католического мира, сопровождаемая тяжело вооруженными рыцарями и многочисленными и также вооруженными «пилигримами», приблизилась к Венеции («пилигримами» их предпочитал называть активный участник похода Робер де Клари). Венецианское предпочтение крестоносного воинства опиралось на согласие тамошнего дожа Энрико Дандоло участвовать в походе на Восток для освобождения Святой Земли и оказывать всяческое содействие крестоносному воинству. Однако большинство главных участников этого воинства лелеяли и, кажется, даже не особенно скрывали желание — еще до Святой Земли «посетить» столицу Византии Константинополь. Ведь

именно здесь, как утверждали «некие» византийские греки, *«две трети всех земных богатств собраны в Константинополе, а треть разбросана по свету»* (Робер де Клари, LXXXI).

Однако первая попытка крестоносцев и венецианцев взять штурмом Константинополь в апреле 1204 года оказалась неудачной: *«и в тот день венецианцы и французы ни в чем не смогли достичь успеха — ни завладеть стенами, ни городом. Когда они увидели, что не могут ничего здесь сделать, они были сильно обескуражены и отошли назад; когда греки увидели, что те отступают, они принялись тогда во всю орать и вопить, и они взобрались на стены и стали снимать с себя одежду и показывать им свои голые задницы <...>»*.

Когда бароны возвратились и сошли с кораблей, то собрались вместе и в сильном смятении сказали, что это за свои грехи они ничего не смогли ни предпринять против города, ни прорваться вперед; и тогда епископы и клирики войска обсудили положение и рассудили, что битва является законной и что они вправе произвести добрый приступ, — ведь жители города издревле исповедовали веру, повинаясь римскому закону, а ныне вышли из повиновения ему и даже говорили, что римская вера ничего не стоит, и говорили, что все, кто ее исповедуют, — псы; и епископы сказали, что поэтому они вправе нападать на греков и что это не только не будет никаким грехом, но, напротив, явится великим благочестивым деянием» (Робер де Клари, LXXII).

Однако следующий штурм столицы уже привел к успеху (см. рис. 21.9), и 13 апреля 1204 года в город вступил глава крестоносного войска итальянский маркиз Бонифаций Монферратский. На месте поверженной Византийской империи почти молниеносно формировали империю Латинскую. Тогда вожди *«приказали, чтобы все захваченное добро было снесено в некое аббатство <...>. Когда добро было туда принесено, а оно было очень богатым, и столько там было богатой утвари из золота и из серебра, и столько златотканых материй, и столько богатых сокровищ, что это было настоящим чудом, все это громадное добро, которое туда было снесено; и никогда с самого сотворения мира не было видано и завоевано столь громадное количество добра, столь благородного или столь богатого — ни во времена Александра, ни во времена Карла Великого, ни до, ни после»*.

Однако кончилось все грустно. *«Те самые люди, которые должны были охранять добро, растаскивали драгоценности из золота и все, что хотели, и так разворовывали добро; и каждый из могущественных людей брал себе либо золотую утварь, либо златотканые шелка, либо то, что ему больше нравилось, и потом уносил. Таким-то вот образом начали они расхищать добро, так что ничто не было разделено к общему благу войска или ко благу бедных рыцарей или оруженосцев... Но венецианцы так или иначе получили свою половину; а драгоценные камни и великие сокровища, которые оставались, чтобы их разделить, все это ушло бесчестными путями»* (Робер де Клари, LXXXI).

Кто-то радовался, кто-то горевал в тяжелой обиде, но победа над Византией не могла не вдохновлять. Однако радость оказалась недолгой. На арене появились тюркоязычные кочевники-куманы, или же западная ветвь половцев. Они придвинулись к границам только что зародившейся Латинской империи в союзе с болгарским войском царя Калояна (Иоанниса в старофранцузском изложении).

О куманах мы опять дадим слово Роберу де Клари: *«Ну а Кумания — это земля, которая граничит с Блакией [Болгарией], и я вам сейчас скажу, что за народ эти куманы. Это дикий народ, который не пашет и не сеет, у которого нет ни хижин, ни домов, а имеют они только войлочные палатки, где они рождаются, а живут они молоком, сыром и мясом. Летом же там столько мух и всякой мошкары, что они не отваживаются выходить из своих палаток чуть ли не до самой зимы. А зимой, когда собираются отправиться в набег, то выходят из своих палаток и удаляются из своей страны. И мы сейчас скажем, что они делают. У каждого из них есть десяток или дюжина лошадей; и они так хорошо их приучили, что те следуют за ними повсюду, куда бы их ни повели, и время от времени они пересаживаются то на одну, то на другую лошадь. И у каждого коня, когда они вот так кочуют, имеется мешочек, подвешенный к морде, в котором хранится корм; и так-то лошадь кормится, следуя за своим хозяином, и они не перестают двигаться ни днем ни ночью. И передвигаются они столь быстро, что за одну ночь и за один день покрывают путь в шесть, или семь, или восемь дней перехода»* (Робер де Клари, LXV).

Не правда ли, читателю легко опознать аналогии вполне стандартному и принадлежащему «цивилизованному» французу описанию этих «диких, не пашущих и не сеющих народцев». Его оценки весьма сходны с выражениями самых различных «цивилизованных» авторов, которым мы щедро представляли слово в ряде глав нашей книги. И вот теперь эти дикие, стремительные конные кочевники сталкиваются с цветом европейского католического рыцарского воинства, только что сокрушившего византийского гиганта. Минул лишь один год, и точно того же 13-го апреля 1205 года, а также и на следующий день под Адрианополем (ныне Эдирне) разразилась кровопролитная битва, завершившаяся полным разгромом боевых отрядов крестоносцев. Даже Балдуин, их первый Латинский император, был взят в плен.

«Вдруг на землю Константинопольскую вступили однажды Иоанн Влашский [Калоян], он сам и куманы, с превеликим множеством людей <...>. Когда наши ратники увидели этих куманов, одетых в их шкуры, то они больше не устрашились их, а приняли так, словно это была всего-навсего ватага мальчишек; и эти куманы и прочие люди быстро неслись вскачь, и потом ринулись на французов и многих поубивали, и наголову разбили всех их в этом сражении. И император сгинул, так что никогда не узнали, что с ним случилось, и граф Луи, и многие другие знатные люди, и столько других людей, что числа их мы не ведаем, но наверняка там были загублены три сотни рыцарей; и те, кто смогли спастись, бежали в Константинополь. Бежал и дож Венеции, и с ним довольно много людей, и

они побросали свои палатки и свое снаряжение прямо там, где осаждали Андернополь [Адрианополь], ибо не отваживались никогда вернуться в ту сторону, столь велико было их поражение. Вот так-то господь поистине отомстил за их гордыню и за то вероломство, которое они выказали к бедному люду войска, и за ужасные прегрешения, которые они содеяли в городе после того, как захватили его» (Робер де Клари, CXII) .

Вполне вероятно, что тогда случилось первое лобовое столкновение номадов самых западных рубежей Степного Пояса с католическими крестоносными воинскими формированиями. Легковооруженные половецкие конники и лучники наголову сокрушили отряды закованных в латы и одетых в кольчуги рыцарей. Но при этом любопытно, что не минет и 17—18 лет, как те же орды половцев-победителей будут фактически уничтожены стремительным восточным налетом немногочисленных монгольских конных туменов (см. далее главу 28).

Глава 26

ТРЕТЬЯ ВОЛНА С ВОСТОКА: МОНГОЛЫ И КИТАЙ

Сокровенное сказание монголов

Третья обрушившаяся на Запад волна восточных кочевых народов оказалась, конечно же, намного более мощной и всеохватной, нежели две предшествующие. Да и знаем мы о ней, равно как и об ее особенностях, существенно больше, чем о гуннах или даже о тюркских каганатах. Все этапы развития монгольского нашествия оказались сравнительно подробно отражены в трех своеобразных блоках письменных источников — хрониках и описаниях. Датируются все эти документы 13—14 столетиями, то есть они фактически полностью синхронны отраженным в них событиям.

Первый и, пожалуй, важнейший из этого ряда документов — так называемое «Сокровенное Сказание» (далее — Сс). По существу это первый и полноценный документ, созданный в 1240 году в среде самих кочевников. Это как бы взгляд изнутри на собственную культуру и собственную историю. Автор Сказания остался нам неизвестным, но принадлежность его к монголам у специалистов сомнения как будто не вызывает. Текст был создан на монгольском языке, однако до наших дней он дошел в китайской иероглифической транскрипции. Начало Сказания упоминает былинно-мифические времена зарождения тех монгольских кланов, с которыми окажется связанной вся последующая история этого легендарного народа вплоть до 1240 года.

«Предком Чингис-хана был Борте-Чино, родившийся по изволению Вышнего Неба. Супругой его была Гоа-Марал. Явились они, переплыв Тенгис (внутреннее море). Кочевали у истоков Онон-реки, на Бурхан-халдуне, а потомком их был Бата-Чиган <...>».

У Дува-Сохора был один-единственный глаз, посреди лба, которым он мог видеть на целых три кочевки. Однажды Дува-Сохор, вместе со своим младшим братом Добун-Мерганом, взобрался на Бурхан-халдун. Наблюдая с высоты Бурхан-халдуна, Дува-Сохор усмотрел, что вниз по течению речки Тенгелик подкочевывает какая-то группа людей. И говорит: «Хороша молодица в кибитке крытой повозки среди этих подкочевывающих людей!» И он послал своего младшего брата Добун-Мергана разузнать, намереваясь сосватать ее Добун-Мергану, если окажется, что она незамужняя» (Сс: 1—6).

Затем и позднее возникают недоразумения и подозрения относительно истинного родства тех или иных отпрысков в этой славной династии (заметим,

кстати, что такое повторялось в человеческой истории весьма и весьма нередко). Вот например, одна из прародительниц грядущего чингисова клана, мать пяти-рых сыновей Алан-гоа говорит:

«Вы, двое сыновей моих, Бельгунотай да Бугунотай, осуждали меня и говорили между собой: «Родила мол, вот этих троих сыновей, а от кого эти дети?» Подозрения-то ваши основательны. Каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло), входит, бывало, ко мне светло-русый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час, когда солнце с луной сходится, процарапываясь, уходит, словно желтый пес. Что ж болтаете всякий вздор? Ведь если уразуметь все это, то выйдет, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них как о таких, которые под пару простым смертным? Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумеют все это простые люди!» (Сс: 20, 21).

Так, согласно Сказанию зачинался восходящий к Небу-Тенгри род «победители Вселенной». А завершалось это пространное Сокровенное Сказание горестными признаниями перед соплеменниками в своих тяжких прегрешениях, но уже на самом краю своего земного бытия, вторым великим ханом Монгольской империи и сыном Чингисхана Угедеем (Огодаем):

«Будучи возведен на государев родительский великий престол и восприяв на плечи свои все государственное бремя, бываю я одолеваем темным вином. Вот первая моя вина. А вторая вина моя состоит в тех упущениях, которые простекли от захватов по наущению беспутных женщин, девиц из улуса дяди Отчигина. Непристойно было императору впасть в беззаконные упущения и пороки».

Мэн-да бэй-лу: Чжао Хун

Второй источник — это хроника «Мэн-да бэй-лу», что в буквальном переводе с китайского означает «Полное описание монголо-татар»*.

Создание этого документа датируется 1221 годом, но при определении фигуры его автора не все и поныне вполне очевидно. Наиболее вероятным считают, что сочинение принадлежит Чжао Хуну. Этот посланник был отправлен в 1220 году командованием войск государства Южная Сун (Song) к монголам, пребывавшим в те годы союзниками этой династии в ее борьбе с северным царством Цзинь (Jin). При этом как будто бы сам Чжао Хун являлся гражданином «некитайского» происхождения в обществе Сун. Чингисхана он посетить не мог, поскольку тот громил в те поры государство мусульманского хорезмшаха за многие тысячи километров к западу от Пекина, в Средней Азии. Однако с его наместником в Северном Китае, го-ваном Мухали ему вроде бы удалось свидеться.

* Перевод Н. Ц. Мункьева (<http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Menda/text.phtml?id=4407>).

Описание монголов у Чжао Хуна весьма подробное и по ряду аспектов достаточно информативное. Однако, с самого начала не может не броситься в глаза, что автор практически не различает — кто есть монголы, а кто татары? И как будто самих монголов он называет татарами. Но вместе с тем текст Чжао Хуна погружает нас в трудно понимаемую путаницу этнических определений.

«Татарское государство на юге находится в соседстве с племенами цзю, а слева и справа с ша-то и другими племенами. В старину существовало государство Монгуз [монголы?]. В незаконный период правления цзиньцев <...> [1123 — 1134 годы] они, т. е. монгу, также тревожили цзиньских разбойников и причиняли им зло. Цзиньские разбойники воевали с ними. Впоследствии же цзиньские разбойники дали им много золота и шелковых тканей и помирились с ними. Как говорится в Чжэн-мэн цзи <...>, «монголы некогда переменяли период правления на Тянь-син и их владетель назвал себя радоначалником династии и первым просвещенным августейшим императором». Нынешние татары очень примитивны и дики и почти не имеют никакой системы управления. Я, Хун, часто расспрашивал их об их прошлом и узнал, что монголы уже давно истреблены и исчезли» (Мэн-да бэй-лу, раздел «Названия династии и годов правления»).

И еще весьма примечательно в Мэн-да бэй-лу: «цзиньские разбойники» у Чжао Хуна суть властители царства Цзинь (Гинь). В этой многократно повторяемой в тексте хуле отражена давняя ненависть «истинных» китайцев династии Сун к безродным северным «разбойникам-чжурчженям», некогда отхватившим у южного высокородного государства огромные территории, включая исконно китайский бассейн Желтой реки.

И все-таки татары у Чжао Хуна — это по-нашему, конечно же, монголы:

«У татар все люди отважны и воинственны. Те, которые ближе к китайским землям, называются культурными татарами. Они умеют сеять просо, варят его в глиняных котлах с плоским дном и едят. Те, которые дальше от китайских земель, называются дикими татарами. Они не имеют утвари и доспехов, а для стрел употребляют только костяные наконечники. Так называемые дикие татары еще различаются как белые и черные. Нынешний Тэмоджин есть черный татарин. Так называемые дикие татары весьма бедны да еще примитивны и не обладают никакими способностями. Они только и знают что скакать на лошадях вслед за всеми другими. Нынешний император Чингис, а также все (его) полководцы, министры и сановники являются черными татарами <...>».

Татары в большинстве случаев не очень высоки ростом <...>. Среди них нет также полных и толстых. Лица у них широкие и скулы большие. Глаза без верхних ресниц. Борода весьма редкая. Внешность довольно некрасивая. Что касается татарского владетеля Тэмоджина, то он высокого и величественного роста, с обширным лбом и длинной бородой. Личность воинственная и сильная. Это то, чем он отличается от других».

Рис. 26.1. Монгольский воин-всадник. Китайская миниатюра (Chronik: 315)

Рис. 26.2. Чингисхан-всадник. Китайское изображение (Груссс: 96—97)

Таким текстом начинается «Мэн-да бэй-лу». Но сразу же возникают недоуменные вопросы: что за основания относить Чингисхана (или Тэмоджина) в разряд *«диких черных татар, бедных, примитивных и не обладающих никакими способностями»*? И почему он и его министры суть *«черные татары»*. Как раз именно татар — видимо, тюркоязычные племена — будут с предельной жестокостью уничтожать враждебные им монгольские отряды Чингисхана (рис. 26.1).

Затем сразу же за этими не вполне лестными строками в адрес Чингисхана следует признание, что *«ныне он есть владетель, основавший государство, и, передавая его имя и титул, китайцы называют его Чэн-цзи-сы хуан-ди [император]. Он совершает карательные походы на восток и на запад, и государство его усиливается и расширяется»* (рис. 26.2). Да и в борьбе с «цзиньскими разбойниками» эти «черные примитивы» являются первыми союзниками династии Сун.

Китайские династийные хроники: Никита Бичурин

Наконец, китайские источники — хроники и описания. Они удивительно многочисленны и разнообразны. В их переводе на русский язык и системной публикации главная заслуга, безусловно, принадлежит Никите Яковлевичу Бичурину (1777—1853) или же «отцу Иакинфу», о котором мы уже говорили в главе 23

(рис. 23.3). Здесь же процитируем лишь краткое введение к его, пожалуй, важнейшей для нас и опубликованной в 1851 году книге «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»:

«Китайцы имеют историю и летопись. История называется Шу, т. е. историческое описание династии. Такая история отдельно составляется для каждой династии и потому называется династийною историею, Гошу. Летопись называется Ган-му, содержание и описание. Содержание состоит из краткого предложения, обозначающего событие чего-либо; в описании излагаются подробности события. Предлагаемые известия о древних среднеазиатских народах заимствованы из династийных историй, а пояснения на сии известия заимствованы из летописи <...>. Читая китайскую историю в подлиннике, притом без предубеждения против азиатского невежества, ясно видишь, как современные очерки среднеазиатских государств, уцелевшие на скрижалях китайской истории, оттеняют один народ от другого, и указывают их местопребывание, нередко даже с определением расстояния одних мест от других...».

Поэтому, завершает автор, все свидетельства должны быть

«1) собраны в одно целое, 2) изложены в точном переводе текста и 3) пополнены примечаниями с указанием на обычаи и установления Китая. Вот что влекло меня приступить к сему труду!» [Бичурин 1950: 10, 12]

Ему это, без всякого сомнения, удалось. Поэтому мы будем очень часто и широко пользоваться выписками из его обширного труда о среднеазиатских народах.

Кроме этого труда мы обязательно вспомним и о другой — вышедшей в свет в 1829 году — книге Н. Я. Бичурина «История первых четырех ханов из дома Чингизова» (2005). Она открывалась необходимым пояснением:

«История эта не есть перевод какой-либо особой книги, но извлечена из двух китайских сочинений, именно из собственной истории Чингизова дома, царствовавшего в Китае под названием Юань, и из Китайской всеобщей истории, называемой «Тхун-цзянь-ган-му». Первая из них служит основанием издаваемой мною книги, а из второй заимствованы некоторые подробности, относящиеся к пояснению того, что сказано уже в первой».

Первый хан из этой не очень протяженной чингизовой династии — естественно сам «Тхай-цзу Чингисхан» (Прародитель Чингисхан; ум. в 1227 г.). Второй — «Тхай-цзун Угэдей» (ум. в 1241 г.), он же третий по возрасту сын Чингисхана. Следующий хан — «Дин-цзун Куюк» (ум. в 1248 г.). И наконец, последний в изложении автора «Сянь-цзун Мункэ» (ум. в 1259 г.). Именно в книге о четырех ханах (рис. 26.3) и сосредоточены основные сведения о монголо-китайских взаимоотношениях в 13 столетии.

За пределами повествования Н. Бичурина осталась фигура Хубилая (рис. 26.3, справа), считавшегося пятым великим кааном Монгольской империи. К этому времени здание самой всеохватной сухопутной империи Евразии избороздили

Рис. 26.3. Изображения великих ханов после Чингисхана.
Слева направо: Угэдей, Гуюк, Мунке, Хубилай (Wikipedia)

опасные трещины: кааны второго ранга и их улусы уже после кончины Угэдея стали претендовать на особую и мало зависимую от верховной власти роль. Сразу после кончины Мункэ его наследник Хубилай перенес как бы «исконную» и заложенную Угэдеем столицу монголов Каракорум в Ханбалык, или Пекин. А в 1271 году он объявил о новой всекитайской династии — Юань. Единая до той поры и последовательная линия развития родовой династии чингизидов дала резкий сбой. Отстранение же персоны Хубилая от своей книги автор объясняет вполне определенно: «Четыре первых хана, <...> царствовали над монголами совокупно с покоренными землями, на престол возводимы были по монгольским установлениям, общим выбором князей и вельмож, и считались ханами монгольскими. Хубилай, вступивший на китайский престол без выбора и согласия прочих князей, вместо наименования Татань, принял своему дому название Юань и через то как бы отделил себя от общего состава Монгольской империи. С этого времени отдаленные ханы на западе один за другим объявили себя независимыми» (Бичурин 2005: 14).

Приступая к изложению весьма сложных взаимоотношений монголов с китайцами, следует иметь в виду, что то огромное число различных имен — монгольских, китайских и иных, которые будут встречаться в тексте главы и в отрывках из различных письменных документов, — может не только читаться, но и произноситься по-разному. Можно не всегда догадаться об идентичности встречающихся вариантов. Поэтому мы ограничимся здесь перечислением лишь нескольких подобного рода вариаций из числа наиболее часто приводимых в этой главе имен:

Сам Чингисхон : Тэмучин — Тэмүджин — Тэмүджин.

Его старший сын: Джучи — Чжочи — Чжоче. Второй сын: Чагатай — Чагодай — Чаадай.

Третий сын: Угэдей — Угедей — Угадай — Огодай. Четвертый сын: Толуй — Тулуй.

Внуки: Мунке — Мункэ — Менгу; Хубилай — Кубилай — Күблай.

Полководцы: Субэдей — Субеетай-Баатур — Субетей — Субедей; Чжебе — Чжеебе — Джебе.

Тэмучин — детство и юность

Центральной, ключевой и, по сути, легендарной фигурой монгольской истории, является, безусловно, Чингисхан, изначальное имя которого звучало как Тэмучин. От детства Тэмучина до титулования его Чингисханом путь оказался долгим и сложным, густо насыщенным событиями самого разного характера. Унижения сменялись возвышениями, воинские подвиги были почти всегда залиты потоками крови, клятвы в верности чередовались с предательствами... Все это предельно ярко и порой трагично сказывалось и на всех последующих этапах чингисовой истории.

Согласно «Сокровенному Сказанию» (Сс: 50—54), прямым предком Тэмучина был дед Бартан-Баатур, один из вождей монгольского племени тайчиутов, а отцом — Есугай-Баатур, третий сын Бартан-Баатура. История матримониальных отношений у предков Тэмучина, как, впрочем, и у него самого, таила в себе массу коварных ситуаций. Вот, скажем, как выглядела встреча Есугай-Баатура с Оэлун (рис. 26.4) из рода олхонутов, будущей матерью Тэмуджина: *«охотясь однажды по реке Онону за птицей, Есугай-Баатур повстречал Меркитского Эке-Чиледу, который ехал со свадьбы, взяв себе девушку из Олхонутского племени. Заглянув в возок и поразившись редкой красотой девушки, он поспешно вернулся домой»* (Сс: 54). Имя молодой жены важного меркита Эке-Чиледу было Оэлун. Ее и умыкнул будущий отец Темучина, но клан меркитов Есугай-Баатуру его коварства долго не забудет.

Прошло около десяти лет, и когда Тэмучину исполнилось девять *«Есугай-Баатур собрался сватать ему невесту у дядей по матери его Оэлун, у ее родни из Олхонутского рода, куда и отправился вместе со своим сыном Темучином»*.

Там отец нашел Тэмучину невесту по имени Борте (рис. 26.5), которая, правда, была на год старше юного жениха. Но дело не в этом различии. Она действительно оказалась первой, но самой любимой и верной женой Чингисхана. Ее спустя много лет отбили от тайчиутов мстительные меркиты, и проблема чингисова первенца, его сына Джучи — бастард он или нет? и кто отец его? — зависнет над чингисовой династией вплоть до кончины как самого Чингисхана, так и Джучи.

Скверно завершилось и предпринятое сватовство. Есугай-Баатура коварно отравили татары, пригласив его на трапезу — по крайней мере, так сам он думал в предсмертной муке, кликнув к себе своего друга: *«Дитя мое, Мунлик! Ведь у меня малые ребята. Извели меня тайно Татары, когда я заехал к ним по дороге, устроив в зятья своего Темучина. Дурно мне. Прими же ты под свое попечение всех своих: и малюток и покидаемых младших братьев, и вдову, и невестку. Дитя мое, Мунлик! Привези ты поскорей моего Темучжина!»* Тут он и скончался» (Сс: 68). Через много лет Чингисхан жестоко отомстит многим татарам за смерть своего отца.

Раздел «Нравы и обычаи» у татаро-монголов в Мэн-да бэй-лу начинается сразу же крайне сомнительным утверждением, что «в их [татаро-монгольских] обы-

Рис. 26.4. Раннее детство Чингисхана. Будущий Властитель вселенной на руках у матери Оэлун. Китайское изображение (Грусс: 96—97)

Рис. 26.5. Борте — первая и любимая жена Чингисхана. Китайское изображение (Грусс: 96—97)

чае нет взаимных драк и ссор». Драки и ссоры у степняков если не постоянны, то уж вовсе нередки. Так было в детстве Темучина, но гораздо больше их оказалось в его юности.

Годы юности у будущего великого хана оказались поразительно тяжелыми. Когда среди их племени назрел раскол, то семейство Оэлун с Тэмучином (рис. 26.4) и другими детьми оказалось брошенной родственниками. «Оэлун-учжин, покинутая народом, сама подняла знамя и выступила. Многих ей удалось воротить, однако и тот возвращенный народ не устоял и снова ушел вслед за тайчиутами» (Сс: 73).

Наверное, именно в подобного рода повседневных жестокостях и формировался недюжинный, неукротимый, но и весьма коварный нрав будущего «вла-

стител^я Вселенной». Так, однажды Тэмучин с братом Хасаром и их тайчиутскими единокровными братьями Бектером и Бельгутаем сидели и ловили рыбу на берегу Онона. *«И вот на один из закинутых крючьев попалась блестящая рыба-сохосун. Бектер с Бельгутаем отняли ее у Темучжина с Хасаром. Те пошли домой и стали жаловаться матери, Учжин-эхе: «Братья Бектер с Бельгутаем насильно отобрали у нас блестящую рыбку, которая клынула на крюк». — «Ах, что мне с вами делать? — говорит им мать Учжин-эхе. Что это так неладно живете вы со своими братьями! Ведь у нас, как говорится, нет друзей, кроме своих теней, нет хлыста, кроме скотского хвоста. Не по вкусу пришлось эти слова Темучжину с Хасаром, и стали они роптать: «Ведь совсем недавно они точно таким же образом отняли у нас жаворонка, подстреленного детской стрелой, а теперь вот опять отняли! Как же нам быть в согласии?»»*

Последовавшая за этим месть юных Тэмучина и Хасара своим родственникам не может не ужасать. Увидев сидящего на холме и стерегущего лошадей Бектера, они подошли к нему с нацеленными на него боевыми луками и в упор расстреляли его. Однако возмездие, которое даже Сокровенное Сказание посчитало справедливым, не заставило себя ждать. Родственник Тэмучина *«Таргутай-Кирилтух привез Темучина к себе в улус и там подверг его законному наказанию. На ночь при этом он должен был скитаться из юрты в юрту [с колодкой на шее]. [Однажды] тайчиуты праздновали веселым пиршеством на крутом берегу Онона и расходились, когда уже заходило солнце. На это празднество Темучина привел какой-то слабосильный парень. Выждав время, когда все праздновавшие разошлись, Темучжин бежал от этого слабосильного парня, вырвавшись у него из рук и всего раз ударив его по голове шейной своей колодкой. Он прилег было в Ононской дубраве, но, опасаясь, как бы его не заметили, скрылся в воду. Он лежал в заводи лицом вверх, а шейную колодку свою пустил плыть вниз по течению»* (Сс: 81).

Тайнд разыскав свою суженую Борте, Темучин обручился с ней, а родственники теперь уже супруги предлагают беглецу помощь, укрывая от жаждущих его смерти меркитов. И тогда на первый план выходит новый покровитель Темучина кереитский Тоорил Ван-хан, которому тот дарит доставшуюся ему от новых родственников соболью доху. С этого момента удача начинает все чаще и чаще улыбаться Тэмучину. Тогда же будущий Чингисхан обрел своего верного — до поры до времени! — друга Чжамуху, родственника Ван-хана. Чжамуха в ответ на призывы Тэмучин о помощи сказал: *«Только услышал я про Темучжина, только услышал про друга-анду, что воздух пустой — его ложе, сердце мое заскорбело. Только услышал про рану в груди, печень моя заболела. Кровную месть мы свою совершим, меркитов истребим, милую сердцу Борте возвратим. Правую местью своей отомстим, меркитов огню предадим, ханшу спасем и домой возвратим»* (Сс: 105).

Наконец, с помощью кереитского Тоорил Ван-хана им удалось наголову разбить воинство меркитов. Тогда же Тэмучин разыскал уведенную меркитами свою

жену Борте, успевшую стать наложницей одного из побежденных меркитов. Чжамуха сразу же становится его самым близким другом — андой.

Тэмучин и Чжамуха *«слышали от старших, что закон побратимства состоит в том, что анды, названные братья, — как одна душа: никогда не оставляя, спасуют друг друга в смертельной опасности. Уговорившись теперь еще раз подтвердить свое побратимство, они обменялись подарками <...>. Затем, на южном склоне Хулдахаркуна <...> под развесистым деревом они устроили пир по случаю побратимства. Плясали и веселились, а ночью по обычаю спали под одним одеялом»* (Сс: 117).

Чингисхан — первые шаги властителя

Минует не так уж много лет, но шаг за шагом лучшие друзья и спасители Тэмучина превратятся в его заклятых врагов, с которыми он сумеет жестоко расправиться. Внешне все выглядит безоблачным, но где-то внутри назревает злокачественный нарыв. Может быть, в предчувствии неизбежной грядущей драмы Тэмучин решается на второй обряд побратимства с Чжамухой, чтобы вновь заверить того в вечной и неизменной дружбе. Тогда же Тэмучин, начинающий собирать плоды успехов в разного рода сражениях, сумеет постепенно привлекать к себе различные кланы. Те и нарекут его Чингисханом. Но все это начиналось с перехода соплеменников и союзников Чжамухи в лагерь Тэмучина. И один из таких осторожных предателей-перебежчиков выступил в роли Кассандры. Свой уход от Чжамухи он объясняет пророческим сновидением. Во сне ему грезится, что некий бык ясно возвестил:

«Небо с землей сговорились, нарекли Темучжина царем царства. Пусть, говорит, возьмет в управление царство! Вот какое откровение явлено глазам моим!»

Но за это новоявленный пророк не только вопрошает, но даже требует:

«Чем же ты, Темучжин, порадуешь меня за откровение, когда станешь государем народа? — Если в самом деле мне будет вверен этот народ, — ответил Темучжин, — то поставлю тебя нойоном-темником!»

Но новоявленный пророк не слишком доволен: *«Что за счастье стать нойоном-темником для меня, который теперь предрек тебе столь высокий сан! Мало поставить нойоном-темником, ты разреши мне по своей воле набирать первых красавиц в царстве да сделай меня мужем тридцати жен. А кроме того, преклоняй ухо к моим речам»* (Сс: 121).

Таковыми словами в Сокровенном Сказании был обозначен старт истинного возвышения Тэмучина и наречения его Чингисханом:

«Посоветовались между собою Алтан, Хучар, Сача-беки и все прочие и сказали Темучжину: «Мы решили поставить тебя ханом. Когда же станет у нас ханом Темучжин, вот как будем мы поступать: на врагов передовым отрядом мчаться, для тебя всегда стараться, жен и дев прекрасных добывать. Юрт,

Рис. 26.6. Субедей-баатур — один из самых талантливых полководцев Чингисхана. Китайские изображение (Wikipedia; Груссе: 96—97)

вещей вельмож высоких, дев и жен прекраснощеких, меринов статьями знаменитых брать и тебе их доставлять... Так они высказались, такую присягу приняли. Темучжина же нарекли Чингисхаганом и поставили ханом над собою» (Сс: 123).

И сразу же, угадав в нем удачливого вождя, потянулись к нему люди иных племен и кланов. Пристающие к его лагерю клялись Чингисхану в вечной дружбе и в искреннем служении. Среди предающихся его власти оказались и те, которые своими подвигами прибавят ему славу на века. Вот как звучала клятва его будущего нойона-темника и выдающегося военачальника Субедей-баатура (рис. 26.6).

«Для тебя обернусь я мышкой — буду в дом собирать-запасать. Обернусь я черной вороной — все, что под руку, в дом загребать. Обернусь я теплой попшой — буду тело твоё согревать. Обернусь я покровной кошмой — буду юрту твою покрывать» (Сс: 124).

Прошло немного времени и наступил черед его врагам расплачиваться за прошлое. И однажды, никогда не забывавший о предательской смерти своего отравленного татарами отца Чингисхан сказал:

«Татары — наши старые враги. Они губили наших дедов и отцов. Поэтому и нам следует принять участие в настоящем кровопролитии. И он послал Тоорил-хану следующее оповещение: «По имеющимся сведениям, Алтан-ханов Вангин-чинсян гонит перед собою, вверх по Ульже, Мегучжина-Сеульту и прочих Татар. Давай присоединимся к нему и мы против Татар, этих убийц наших дедов и отцов. Поскорее приходи, хан и отец мой, Тоорил» (Сс: 133).

Они победили татар, заслужив похвалу Алтан-хана, императора северной чжурчженьской династии Цзинь. Именно с этой победы и получил Тоорил от

императора звучный титул Ван-хана. «А Чингис-хан с Ван-ханом, поделив между собою полоненных Татар, воротились домой, в свои кочевья».

Но этим не завершилось дело с татарами. «Покончив с казнями главарей и сбором пленных Татар, Чингисхан созвал в уединенной юрте Великий семейный совет, для решения вопроса о том, как поступить с полоненным Татарским народом. На совете поговорили и покончили с этим делом так: искони был Татарский народ палачом наших дедов-отцов. Отомстим же мы кровью за кровь. Всех мечом до конца истребим: Примеряя к тележной оси, Всех, кто выше, мечу предадим, Остальных же рабами навек мы по всем сторонам раздарим» (Сс: 154).

К году Свиньи (1202) отношения Ван-хана и Чжамухи с Чингисханом стали очень «прохладными», хотя Ван-хан и Чингисхан условились относительно родства «отец — сын».

«Об этом охлаждении Чингис-хана проведаль Чжамуха <...> [и он] первый повел хулительные речи [собрав своих близких]. Он говорил: «Мой анда Темучжин явно и постоянно обменивается послами с Найманским Таян-ханом. На словах Темучжин все отцом вас честит, на душе ж у него, знать, иное лежит» (Сс: 166).

Их «вечное братство» завершилось печалью. Когда Чингисхан победил найманов и меркитов «то и Чжамуха, как бывший вместе с ними, лишился своего народа. И он также стал бродить и скитаться с пятью сотоварищами. Тогда пять спутников Чжамухи, тут же за едой, наложили на него руки да и потащили к Чингис-хану <...>. [Но сказал тот] “Мыслимо ли оставить в живых тех людей, которые подняли руку на своего природного хана? И кому нужна дружба подобных людей?” И тотчас же повелел: “Аратов, поднявших руку на своего хана, истребить даже до семени их!”»

И предложил Чингисхан Чжамухе воскресить ту «вечную дружбу» или же испросить себе жизнь. Однако Чжамуха предпочел смерть. И тогда Чингисхан повелел «ему умереть без пролития крови, [без] позорища его праха, но с подобающей почестью предать погребению». Тогда предали смерти Чжамуху и погребли его прах, «подняли кости его» (Сс: 200).

Год Барса — 1206

С этого года в жизни Чингисхана и подвластных ему монголов можно вести отсчет новой жизни: монголы поднимаются на новую и еще неизведанную высоту. Впереди им под знаменем великого каана предстоят два десятка лет почти непрерывных побед над самыми разнообразными врагами. Именно тогда великий каан и «направил на путь истинный народы, живущие за войлочными стенами <...> [и] в год Барса составил сейм, и собрались у истоков реки Онона. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли ханом — Чингис-хана. Тут же и Мухалия нарекли го-ваном [наместником Чингисхана]. И

тут же повелел он Чжебею выступить в поход для преследования Найманского Кучулук-хана».

Возраст самого Чингисхана к этому времени перевалил за сорок, и он оказался преисполненным глубокой мудрости в деле управления. Поэтому он начал свои решительные реформы с организации своего кочевого Монгольского царства. Однако первым делом он сосредоточил свое внимание на формировании воинских структур:

«Чингис-хан соизволил сказать: «Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать нойонами-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мною в созидании государства» <...>. Всего, таким образом, Чингис-хан назначил девяносто пять нойонов-тысячников из Монгольского народа, не считая в этом числе таковых же из Лесных народов» (Сс: 202).

Вслед за этим Сокровенное Сказание бесконечно долго перечисляет всех одаваемых Чингисханом персон и то, что правитель решил им преподнести. Великий каан помнит абсолютно всё за долгие-долгие годы — и хорошее, и плохое. Память его, обращенная на собственную персону, представляется безупречной. Кажется однако, что наиболее тщательные и подробные разработки Чингисхана были нацелены на организацию его личной охранной гвардии — кебтеулов и кешиктенов.

«Чингис-хан повелеть соизволил: «В прежние времена наша гвардия состояла из 80 кебтеулсунов и 70 турхах-кешиктенов. Ныне, когда я, будучи умножаем, пред лицом Вечной Небесной Силы, будучи умножаем в силах небесами и землей, направил на путь истины всеязычное государство и ввел народы под единые бразды свои, ныне и вы учреждайте для меня сменную гвардию — кешиктен-турхах, образуя оную путем отбора из всех тысяч и доведя таковую до полного состава тьмы (10 000) <...>. Еще прежде было набрано 400 кешиктенов-стрельцов, хорчи-кешиктен <...>. При этом было повелено: «Вместе с дневной стражей турхаутов, в каждую очередь вступают также и стрельцы-лучники в следующем порядке: в первую очередь вступает во главе своих стрельцов — Есунтей; во вторую — Бугидай; в третью — Хорхудах, и в четвертую — Лаблаха».

Итак, численность личной гвардии возросла едва ли не с космическим показателем — почти в семьдесят раз. Поражает также четкость в очередности исполнения «гвардейцами» своих обязанностей. Однако наряду с феноменальным ростом в этой организации оказалось заложенным еще одно важнейшее условие:

«И еще повелел государь Чингис-хан: «Мой рядовой кешиктен выше любого армейского начальника-тысячника. А стремянной моего кешиктена выше армейского начальника — сотника или десятника. Пусть же не чинятся и не равняются с моими кешиктенами армейские тысячники: в возникающих по этому поводу ссорах с моими кешиктенами ответственность падет на тысячников».

Не напоминает ли все это нам тайную полицию при монархах, диктаторах или же генеральных секретарях с ее безграничными правами и особой значимостью в системе государственных структур? Однако личной охране каана предписаны также и особые обязанности, требующие предельной четкости в их исполнении:

«И еще повелел государь Чингис-хан: «Ко всеобщему сведению дежурных офицерав. Вступив в дежурство и отбыв каждый на своем пасту дневную службу, стрельцы-турхауты еще засветло сменяются кебтеулами и проводят ночь вне дворца. При нас же ночной караул несут кебтеулы, которым, при своей смене, и сдают: стрельцы — свои сайдаки, а повара-бавурчины — свою посуду. Проведя ночь вне дворца, стрельцы-турхауты и повара-бавурчины, пока мы кушаем бульон-шилун, размещаются сидя у коновязи и доготавливаются с кебтеулами. После завтрака они расходятся по своим местам: стрельцы — к своим сайдакам, турхауты — к своим помещениям, бавурчины — к своей посуде. По этому правилу и в том же порядке вступает в дежурство каждая очередь. Тех людей, которые после заката солнца будут ходить без разрешения сзади или спереди дворца, кебтеулы обязаны задерживать на ночь, а утром подвергать допросу» (Сс: 224—229).

Покоренные тангуты — царство Си Ся и кончина Чингисхана

Судя по всему, именно определенная Чингисханом строгая организация воинских подразделений и позволила сначала властителю, а затем и его наследникам планомерно и быстро сокращать всех своих противников. С того самого года Барса и со времени провозглашения Чингисхана великим кааном всех степных народов у сосредоточенных под его могучей дланью монголов не осталось сколько-нибудь значимых соперников. С тех пор наступила очередь китайских государств — Си-Ся, Цзинь (Гин) и Сун.

«Царство Ся, иначе Ся Го и Си Ся, было так называемо по-китайски, а у народов Севера-Западной Азии известно под названием Тангута. Оно находилось не в Тибете, как некоторые полагают; а на северо-западных пределах Китая <...>. При третьем короле сваем <...> ано заключало в своих пределах северную половину двух китайских провинций Шэньси и Ганьсу, Ордос, часть Хухунора и степи, лежащие от Ордоса к западу до Хами. Столиц было две <...> Царствовавший в Тангуте дом имел два прозвания: монгольское Тоба и китайское Ли. Чингисхан положил конец тому королевству в 1227 году» (Бичурин 2005: 12, 13).

Начало же разорения монголами этого тангутского царства датируется 1205 годом, и об этом в китайской хронике упомянуто очень кратко:

«В лето И-чеу Чингисхан пошел войною на Си Ся и, взяв укрепление Ла-и-ри, прошел Лосо-хото, пограбил множество людей и верблюдов и воротился» (Бичурин 2005: 35).

Потом были походы 1207 и 1208 годов. В первом — великий хан «взял город Уй-ра-ка», а во втором, для него тоже успешном, он «от жары уехал в Лун-тьхин». А в 1227 году «государь царства Ся покорился», и на этом история тангутского государства после двадцати двух летней войны с монголами пресеклась.

«Осенью того же года Чингисхан «почувствовал себя нездоровым; в день Сы-чеу (в восьмой день после болезни) преставился при Салиголе в Хараутском путевом дворце <...>. Жил 66 лет; погребен в долине Ци-нянь-гу <...>. Царствовал двадцать два года. Он обладал глубоким умом и великим рассудком. На войне был чрезвычайно быстр, по этой причине мог уничтожить сорок владений; а после покорил и Си Ся. Число блистательных его подвигов весьма велико» (Бичурин 2005: 102, 103).

Сраженные чжурчжени — царство Гинь

Теперь о царстве чжурчженей Гинь или же Цзинь (северное или южное произношение соответственно):

«Дом Гинь был из племени нынешних маньчжуров, которые в то время назывались Нючжи и Нючжень. Основатель рода князь Азуда объявил себя императором в 1115 г., чем положил конец дому Киданьскому (иначе Ляо), царствовавшему в Монголии. Преемник его покорил почти всю Монголию и Северный Китай до рек Хуай и Хань-цзян. Этот дом имел пять столиц <...>. Монголы положили конец сему царству в 1234 году» (Бичурин 2005: 12).

Победив найманей и нанеся первые удары по тангутам сразу же после своей интронизации в 1206 году, «Чингисхан начал помышлять о войне против нючжисцев. Незадолго перед сим нючженьский государь казнил Чингисханова родственника Хамбухай-хана, за которого Чингисхан и помышлял отомстить <...>, но не смел приступить к делу без особенного приготовления» (Бичурин 2005: 36).

К войне готовилась и Гинь. Весною 1210 года «нючженьский двор предполагая начать войну, построил укрепление Ву-ша-пху. Отправленный Чингисханом генерал Чжебэ, нечаянно напав на это укрепление, побил войска и пошел далее на восток». Так начиналась эта более чем двадцатилетняя ожесточенная конфронтация с могучим государством чжурчженей.

В том же году «нючженьский государь скончался, и князь Юнь-цзи, вступив на престол, послал к Чингисхану указ, при вручении коего ему сказано, чтоб учинил поклонение. Чингисхан спросил у посланника, кто такой новый государь? Князь Юнь-цзи отвечал посланник. Чингисхан тотчас обратился лицом к югу и, плюнув, сказал: «Я думал, что какой-либо необыкновенный человек сел на престол в Чжун-юань; а этот слабоумный может ли царствовать? Он не заслуживает поклонения». После того тотчас сел на лошадь и уехал» (Бичурин 2005: 40, 41).

Похоже, Чингисхан был прав в невысокой оценке умственной одаренности нючженьского властителя. Тот никак не мог поверить, что монголы решатся

напасть на его казавшееся ему несокрушимым царство. Он даже заключил в темницу собственного генерала, который настойчиво внушал ему мысль о скорой войне с этим степным народом: *«Си Ся представили ему [Чингисхану] царевну, беспрерывно куют стрелы и делают щиты. При окопах велят мужчинам возить телеги, а лошадей берегут. Что жр имеют в виду, как не нападение на нас?»* (Бичурин 2005: 43).

Вскоре гиньский монарх убедился в правоте своего генерала, но было поздно. Уже на следующий год *«войска царства Гинь, отражая монголов, совершенно разбиты на берегах Хой-хэ. После этого монголы вступили в Цзюй-юн-гуань, произвели великие грабежи и ушли»* (Бичурин 2005: 45). Теперь незадачливому властителю Гинь пришлось униженно просить Чингисхана о мире, но тот не согласился. Царство чжурчженей Гинь рухнуло после долгой, почти в четверть века, войны с монголами. Случилось это через семь лет после гибели тангутской династии Си Ся и кончины Чингисхана.

Здесь, пожалуй, привлекает внимание весьма примечательная, приводимая Бичуриным цитата или же «замечание» из Ган-му, авторы которой вспоминают о давней истории сложных взаимоотношений государств Гинь и Сун:

«Сколько разума и мужества имел Агуда, основатель государства Гинь, и сколь, напротив, несмыслен и слаб был потомок его, государь Юнь-цзи? Так угодно Небу. Нючжени просят мира у монголов и монголы не соглашаются? Так некогда дом Сун просил мира у нючженей, и они не соглашались. Кто скажет теперь, что Небо не вершит возмездия?» (Бичурин 2005: 44).

Смысл этого противопоставления станет намного яснее, если вновь обратиться к пространным описаниям в Мэн-да бэй-лу. Там «дикие, черные и примитивные татары» имеют явное нравственное превосходство над «мерзкими разбойниками» — обитателями царства Цзинь. Но об этом уже говорилось ранее при характеристике текста Чжао Хуна.

1234 год — финал Гинь выглядит ужасным: *«Весной <...> нючженьский государь, сдав престол принцу Чен-линь, сам повесился и по завещанию сожжен. Город взят приступом; Чен-линь захвачен в плен и убит. Войска царства Сун взяли обгорелый труп нючженьского государя и увезли с собою. Династия Гинь погибла»* (Бичурин 2005: 163).

Гибель династии Сун

Последним значимым противником монголов на Востоке Евразийского континента оставалось «истинно китайское» государство Сун. Этот дом «царствовал с 960 года над всем Китаем, кроме северной половины провинции Шаньси, уступленной Киданьскому дому. Нючженьцы, по ниспровержении Киданьского дома, отняли у дома Сун весь северный Китай до рек Хуай и Хань-цзян. Монголы, по ниспровержении нючженьцев, перенесли орудие в Южный Китай и, овладев им, положили конец дому Сун в 1279 г.» (Бичурин 2005: 12).

В борьбе с чжурчженями царство Сун служило многолетним союзником монголов. Однако едва ли не сразу после гибели Гинь то там, то здесь между монголами и правителями Сун начали вспыхивать сначала мелкие, а затем и более значительные конфликты. Может быть, первые серьезные неурядицы возникли немедленно из-за раздела «наследства» павшей Гинь. Сунский монарх возжелал вернуть в свое владение три «столицы» в бассейне Хуанхэ, захваченные в свое время чжурчженями. В элите Сун вспыхнул жаркий спор о реальности подобного отвоевания:

«Правда, что три столицы поглощены были варварами и, без сомнения, являлись пятном на чести сынов отечества. Обратное завоевание древних границ было долгом их, но надлежало прежде узнать свои силы, лучшее ли было наше оружие и доспехи, достаточно ли запасены магазины, довольно ли людей способных, полны ли казначейства? И после, приступив к делу, еще не можно было ручаться за успех; особенно когда монголы, этот возрастающий в силах и необузданный неприятель, еще недавно заключили мирный договор. Надлежало ли вскорости изменять ему?»

Увы, сунские генералы — «оба Чжао» — проиграли. Они «не могли сравняться с [монголом] Ли-цзянем; да и в военных потребностях был недостаток. Как же могли продолжать войну многолетнюю? [Сунский государь] через меру верил их замыслам и тем самым допустил будущие величайшие несчастья, кто же виноват в том?» (Бичурин 2005: 172, 173).

Ожесточенные и регулярные столкновения Сун с монголами были, однако, отсрочены до 1258 года. Тогда студеной зимой этого года Хуанхэ — к удаче монголов — оказалась покрытой льдом, и их отряды смогли быстро переправиться на южный берег этой коварной реки. Сам «хан [Мункэ] пошел на царство Сун и вступил в него через Шу». Поход оказался для монголов победным, и уже на следующий год Мункэ учинил великий пир. Наверное, уже тогда он почувствовал себя не очень хорошо и потому во время пиршества обратился к своим приближенным с вопросом: «Ныне скоро в пределах царства Сун наступит летняя жара; скажите мне, могу ли здесь оставаться или нет?» Но вельможи разошлись во мнениях, а великий хан решил остаться. Но удача на сей раз не очень потворствовала степнякам. Несколько месяцев монголы безуспешно осаждали один из южных сунских городов Хэ-чжоу. Затяжные и проливные дожди очень помогли осажденным: штурмовые лестницы монголов «подламывались, и задние войска не могли входить, почему и прекратили осаду».

Однако самым главным стало не это. Во время осады города Чунцин «в день Гуй-хай хан преставился на пятьдесят втором году от рождения, на девятом году [от вхождения во власть] <...>. Хан Мункэ был тверд и разумен, мужественен и постоянен, степенен и решителен, говорил мало, не любил пиршеств; не склонен был к расточительности и даже ханьшам не дозволял выходить из должных пределов <...>. Впрочем, имел страсть к звериной охоте и до безумия верил волхвам и ворожеям <...>. [Его кончина показала],

что Небу еще не угодно было прекратить царство Сун» (Бичурин 2005: 230, 233, 234).

Династия Сун получила отсрочку своей гибели еще на 20 лет. Уже в 1279 году с ней покончил отвергнутый в хронике Бичурина великий хан Хубилай, восемью годами ранее провозгласивший себя основателем новой всекитайско-всемонгольской династии Юань. Родословная мало выразительных и даже убогих наследников Хубилая была пресечена в 1368 году, и об этой династии не особенно любят вспоминать даже в современном Китае.

Монголы на Тибете

Тибет станет последней из упоминаемых в книге областей на Востоке Евразийского континента, которой овладели монголы. Завоевания этой крайне мало доступной истинной «Крыши мира» были изложены в хронике 18 века сухим, почти телеграфным стилем амдоским ученым Сумба-кханбо Елшей-Балджором «Пагсам-джонсан»:

«В год земли-свиньи IV рабч-жуна (1239 г.) Сакьяпа, Бригонба, Пагдуба и Цалпа каждый в отдельности «узрели лик» соответствующего монгольского хана, в следующем году (1240 г.), ставшем смутным, появился в Тибете монгольский Дорта, который разрушил монастыри Радэн и Чжаллхакхан, после чего в год дерева-дракона (1244 г.) Сакья-пандита отправился в Монголию и умер в год железа-свиньи (1251 г.). В следующем году монгольский Годан-хан прибыл в Тибет во главе сформированного войска, в год железа-свиньи (1251 г.) победил самого Монкхар-гонбо и убил много людей, после чего также умертвил Чжал-Чо-Жобара. В год дерева-зайца (1255 г.) Карма-бакши Манипа прибыл в Монголию и стал учителем Мункхэ-хана, а в год дерева-мыши (1264 г.) вернулся обратно. В год огня-зайца V рабджуна (1267 г.) монгольские войска убили Данма-Рибу, в год огня-коровы (1277 г.) — Зан-чэнпа, а в следующем после смерти Пагба-ламы году железа-дракона (1281 г.) — правителя Сакьяпы Гунсана и победили Джарог-цзон. Затем на пятом году — в год дерева-курицы (1285 г.) — войска Бригонбы сожгли монастырь Джа-юл, убили Цзантона, после чего снова Бригонба привел войска верхних монголов против Сакьяпы, но войска Тимур-Бхокхайя, сына Сэчэн-хана (Хубилая) и цзанская армия сакьяского Анлэна победили их. Несмотря на это, снова стянули десяти тысячное войско Сакьяпы в Гампо в восточном Двагпо, в год железа-тигра (1290 г.) предали огню монастырь Бригон и т. д. Во время разрушения монастыря Бригон было убито 10 тысяч человек» (Пагсам-джонсан: 40—41).

Кентавры с баллистами

Что же помогало монгольским ратям одерживать их бесконечные победы над самыми разнообразными врагами? Безусловно, что самым главным сред-

ством, приводившим к изумляющим мир военным успехам, у монголов являлась их неповторимая конница. Согласно Мэн-да бэй-лу, *«у них нет пеших солдат, а все — конные воины»*. По всей вероятности, монгольские всадники могли казаться чужеродным для них народам некими «кентаврами», когда всадник представлял перед ними как бы полностью слитым с конем. И это не удивляет, поскольку монгол-кочевник вплоть до нынешнего дня садится на лошадь, когда еще только-только привыкает к пешему хождению (см. рис. 23.2). Невысокие и не столь изящные по внешнему виду, но верно служившие монголам степные лошади (рис. 26.1) отличались удивительной выносливостью и неприхотливостью. Кроме всего, в реальной жизни никогда каждый, даже самый бедный конный монгол, не мог отправляться в дальний поход, не подготовив себе в запас по меньшей мере одного или двух коней, пригодных для таких нелегких странствий.

Строгая и четкая организация отличала их воинские подразделения: десяток — сотня — тысяча — тумен (десять тысяч) воинов. Дисциплина и взаимовыручка были безукоризненны: это отмечали все их враги. Трусость и бегство с поля боя карались нещадно.

У монголов были выработаны собственные и многократно проверенные тактические приемы боя. Быстро налететь, осыпать градом стрел, расстроить сомкнутые ряды противника, затем быстро умчаться, заманивая врагов в засаду. Завлекать противника бегством служило одним из самых любимых и эффективных тактических приемов. Причем порой такое притворное отступление могло длиться очень долго — несколько дней, покрывая в скачке сотни километров. Однако о монгольских конных ратях читатель, я уверен, знает достаточно много. В гораздо меньшей степени нам ведомы приемы монголов при осаде и взятии городов — а ведь им удалось взять штурмом и разрушить огромное, даже трудно учитываемое число могучих крепостей в самых разнообразных регионах Евразии.

«Всякий раз при наступлении на большие города они сперва нападают на маленькие города, захватывают в плен население, угоняют его и используют на асадных работах. Тогда они отдают приказ о том, чтобы каждый конный воин непременно захватил десять человек. Когда людей захвачено достаточно, то каждый человек обязан набрать сколько-то травы или дров, земли или камней. Татары [монголы] гонят их день и ночь; если люди отстают, то их убивают. Когда люди пригнаны, они заваливают крепостные рвы вокруг городских стен тем, что они принесли, и немедленно заравнивают рвы; некоторых используют для обслуживания баллист, напоминающих гусей, куполов для штурма, катапультных установок и других работ. При этом татары не щадят даже десятки тысяч человек. Поэтому при штурме городов и крепостей они все без исключения бывают взяты. Когда городские стены проломлены, татары [монголы] убивают всех, не разбирая старых и молодых, красивых и безобразных, бедных и богатых, сопротивляющихся и покорных, как правило, без всякой пощобы. Всякого, кто при приближении противника не подчиняется

приказу о капитуляции, непременно казнят, пусть даже он оказывается знатным» (Мэн-да бэй-лу, раздел «Военное дело»).

Но, пожалуй, в еще большей степени может поразить другое. В воинской науке об осаде и разрушении оборонительных стен городов кочевники оказались удивительно способными учениками тех оседлых народов, которые в течение долгих столетий отработывали методы взятия таких могучих крепостей. К тому же монголам удавалось вносить заметные модификации как в конструкцию осадных орудий, так и в способы их применения. Вот, к примеру, описание самими китайцами осады в 1232 году Субедей-нойоном города Лоян — столицы чжурчженского царства Цзинь:

«Баллисты, употребляемые монголами, были иного вида в сравнении с китайскими. Они разбивали жерновые камни или каменные катки на два и на три куска, и в таком виде употребляли их. Баллисты были строены из бамбука, и на каждом углу стены городской поставлено их было до ста [имеется в виду внешняя стена, уже захваченная монголами]. Стреляли из верхних и нижних попеременно, и ни днем, ни ночью не переставали. В несколько дней груды камней сравнялись со внутренней городской стеной. Отбойные машины на стене городской построены были из огромного строевого леса, взятого из старых дворцов. Как скоро деревья разможжались от ударов, то покрывали их калом лошадиным, смешанным с пшеничной мякиной, и сверх того обвивали сетями, веревками, канатами, тюфяками, висячие дощатые щиты снаружи обиты были воловьими кожами. Монгольские войска употребили огненные баллисты, и где был нанесен удар, там по горячности не можно было вдруг помогать <...>. Монгольские войска сделали за городским ровом земляной вал, который в окружности содержал 150 ли. На том валу были амбразуры и башни. Ров и в глубину и в ширину имел около 10 футов. На каждом пространстве от 30 до 40 шагов был построен пристен, в котором стояло около 100 человек караульных» (Бичурин 2005: 134).

Однако мне кажется, что наиболее неожиданным для нас явится сообщение, что в этой войне китайцами применялись пороховые бомбы или же «огненные баллисты, <...> которые поражали, подобно грому небесному. Для этого брали чугунные горшки, наполняли порохом и зажигали огнем. Сии горшки назывались чжень-тхьянь-лэй (т. е. потрясающий небо гром). Когда баллиста ударит и огонь вспыхнет, то звук уподоблялся грому и слышен был почти за 100 ли. Сии горшки сжигали на пространстве 120 футов в окружности и огненными искрами пробивали железную броню. Монголы еще делали будочки из воловьих кож и в них, подойдя к стене городской, пробивали в ней углубление, могущее вместить одного человека, которому со стены городской никак нельзя было вредить. Некоторые представили способ, чтоб спускать со стены городской на железной цепи горшки чжень-тхьянь-лэй, которые, достигши выкопанного углубления, испускали огонь, совершенно истреблявший человека и с кожей воловьей. Еще, кроме этого, употребляли летающие огненные копья [судя по

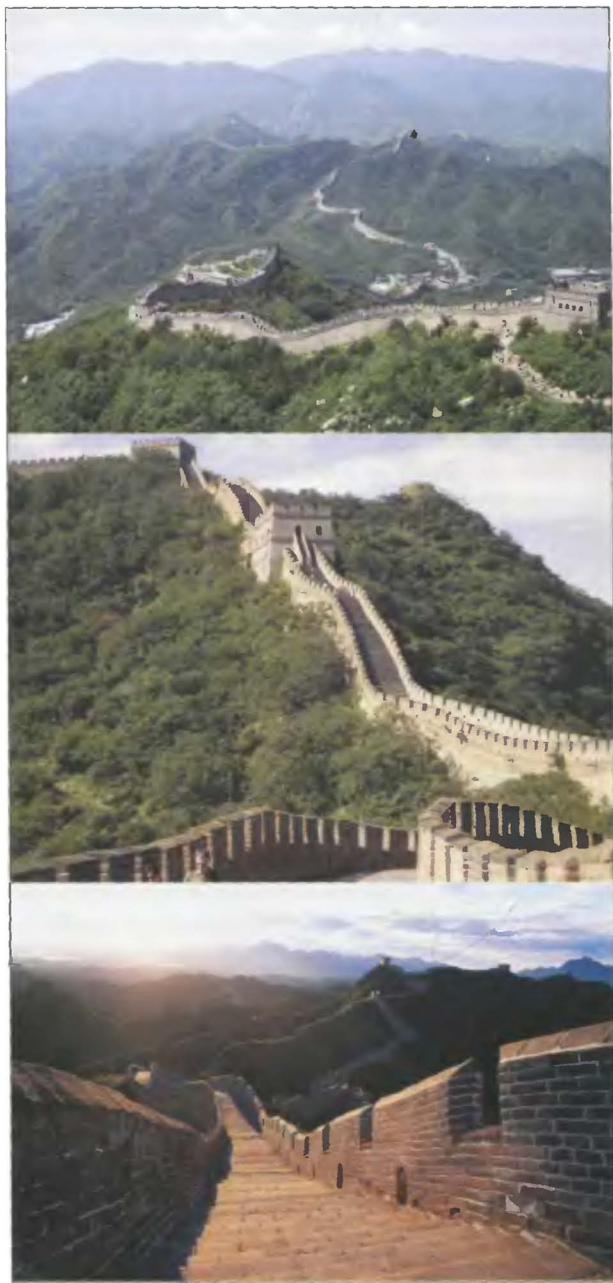

Рис. 26.7. Различные участки Великой Китайской Стены (Wikipedia)

всему, ракеты], которые пускали, воспламеняя порох, сжигали за 10 от себя шагов. Монголы только двух этих вещей боялись» (Бичурин 2005: 135).

Правда, Н. Я. Бичурин не приводит определенных сведений, что монголы также имели в своем арсенале огненные баллисты. Однако при их стремлении использовать в войнах все новшества исключать такую вероятность вряд ли возможно. И еще об одном: огненный бой с помощью громовых и все сжигающих пороховых горшков и ракет явился провозвестником огнестрельного оружия. Напомним, однако, что в католических странах Западной Европы первые огненные жерла заявили о себе лишь столетие спустя описанной здесь осады Лояна.

Таковыми приемами монголы сокрушали стены городов. Но ведь перед ними как будто возвышалась кажущаяся неодолимой мощью Великой Китайской стены. Перейдем теперь и мы к этому колоссу.

Феномен Великой Китайской стены и его парадоксы

Берусь спорить со многими: Великая Китайская Стена — это, безусловно, самое выдающееся из чудес Света. Более того, я без каких-либо сомнений поставил бы это феноменальное сооружение далеко впереди всей череды хрестоматийно известных чудес — пирамиды Хеопса, висячих садов Семирамиды, Александрийского маяка и прочих.

Поясним, однако, что титул «Великая Китайская Стена», столь привычный для нашего восприятия, не совсем точен, а скорее, даже весьма неточен. Ведь этот колосс являет собой поразительно сложный лабиринт, разнообразный и по своей архитектуре, и по стилю, и по технологии, и по времени возведения феномен. В кадастре ЮНЕСКО обозначена общая длина этого безбрежного лабиринта — 6350 километров (см. рис. 23.3 и 26.7). Однако последние замеры китайских специалистов позволяют утверждать, что ее общая протяженность была намного большей, и что она уже близка к девяти тысячам километров.

Повторим также, что основной целью тех, кто сооружал эту стену или же отдавал приказы ее возводить, служила оборона от северных соседей, агрессивных степняков-кочевников. Ведь по устойчивому мнению китайской элиты разных исторических эпох эти племена *«трудно прибрать к рукам и управлять ими, и такое положение существует уже не одно поколение. Грабеж, набеги, угон скота и пленных — вот их занятия, ибо таковы их врожденные свойства»*. «Прародителем» этого колосса обычно считают почти легендарного императора Цинь Ши-хуан-ди, хотя в реальности начало строительство похожих стен восходит к более раннему времени — к четвертому и даже к пятому столетиям до н. э. Правда, деятельность этого выдающегося тирана в памяти последующих поколений китайцев отнюдь не сохранила о нем восторженных воспоминаний. Скорее наоборот.

«В прошлом император династии Цинь, полагаясь на свою непобедимость в сражениях, постепенно, словно шелковиный червь, поедающий лист, захва-

тил Поднебесную, поглотил враждующие владения, объединил все в пределах четырех морей в одно целое и сравнился своими подвигами с тремя династиями. Не прекращая стремиться к победам, он хотел напасть на сюнну [гуннов], но Ли Сы уещивал его: «Нельзя этого делать. Сюнну не имеют для жительства городов, обнесенных внешними и внутренними стенами, у них нет заповей, чтобы защищать их; они кочуют с места на место, поднимаясь легко словно птицы, а поэтому их трудно прибрать к рукам и управлять ими. Если в их земли глубоко вторгнутся легковооруженные войска, им неизбежно будет не хватать продовольствия, а если войска прихватят с собой зерно, то обремененные грузом будут везде опаздывать» <...>.

Император Цинь, не послушав совета Ли Сы, послал против хусцев войска по главе с Мэн Тянем, который расширил территорию государства на тысячу ли и провел границу по Хуанхэ. Приобретенные земли [это был Ордос] состояли из озер и солончаков, не производили пяти видов злака, но тем не менее из Поднебесной в дальнейшем посылали рекрутов для обороны Бэйхэ. Более десяти лет солнце палило воинов, а роса увлажняла войска, погибло неисчислимое множество солдат, которым так и не удалось достичь северного берега Хуанхэ. Разве для этого не хватало людей или не было достаточного количества оружия и доспехов? Нет, не позволяли условия местности <...>.

Кроме того, Поднебесной было приказано срочно посылать солому и тянуть телеги и лодки с зерном, которые переводились в район Бэйхэ <...>, причем, как правило, из каждых 30 чжунов зерна до места доходил лишь один дань. Хотя мужчины старательно обрабатывали поля, провианта для войск не хватало, и хотя женщины пряли, полотна для палаток недоставало. Народ утомился, сироты и одинокие, старики и дети были не в состоянии содержать друг друга, на дорогах повсюду валялись трупы и, видимо, поэтому Поднебесная восстала против династии Цинь» (Сыма Цянь, глава 112).

Такова впечатляющая скорбь слов в монументальном труде великого китайского историка. Из этого со всей очевидностью встает вопрос: соответствовала ли Великая Стена заданной ей функции? Или же каждый раз повторялись эти тягостные картины гибели массы солдат, страдания одиноких сирот, нехватки продовольствия в чуждом для оседлого народа месте, где никак не желали произрастать столь необходимые этому народу «пять видов злаков»?

Великую стену возводили непомерно долгий период — более двух тысяч лет. Пики активности строительства совпадали со временем устойчивых династий. Вслед за Цинь стену возводили подданные империи Хань; затем следовала эпоха Тан. Финал приходился на государство Мин, а это уже 17 век нового времени (рис. 26.7).

И вот что самое примечательное: практически никогда в разнообразных и весьма многочисленных китайских хрониках нам не встречается свидетельств штурма отрядами кочевников Великой стены. Описаний осады городов, штурма стен и прочих городских укреплений — сколько угодно, почти бесчисленно. Но

участки Великой Стены являлись лишь разграничительным знаком между двумя противостоящими мирами. Вот довольно типичный пример попытки проведения границ, где ориентиром служила Великая стена. Просительное письмо шлет шаньюю — великому хану гуннов — император династии Хань: *«Согласно высочайшему указу покойного императора, расположенные к северу от Великой стены владения натягивающих луки повинуются приказам шаньюя; расположенные к югу от Великой стены дома, в которых живут носящие шапки и пояса чиновники, равным образом управляются мною. Для того чтобы все люди, занимающиеся обработкой земли, ткачеством и охотой, имели одежду и пищу, отцы не расставались с сыновьями, правители и подданные наслаждались спокойствием, никто не должен прибегать к насилию».*

То было время гуннов — столетия до новой эры. Спустя полторы тысячи лет, при фантастическом росте могущества Чингисхана и его потомков о Великой Стене почти не вспоминают. Во всяком случае, в книге Н. Бичурина «История первых четырех ханов из дома чингисова» мне не удалось встретить даже упоминания о Великой Стене. Но ведь Н. Бичурин писал этот труд, опираясь на базовые китайские источники. Стало быть, победоносные монгольские тумены не очень обращали внимания или могли даже вовсе не замечать этого грандиозного сооружения. И опять-таки что примечательно: после ликвидации монгольской династии Юань в 1368 году властители сменившей ее династии Мин вновь продолжили строительство этого бесконечного лабиринта.

Судя по всему, при явной и господствующей на евразийском Востоке мощи китайских государств Великая Стена для кочевников могла служить барьером, который те и не пытались штурмовать. Однако слабели династии, и тогда подвижные конные отряды степняков могли обходить стену, вторгаясь во фланги или в тыл китайских объединений. Либо преодолевать стену можно было и без штурма: в реальности тогда у китайцев редели и могли полностью исчезать те охраняемые настенные караулы, которые должны были не допускать северных агрессоров в коренные земли ханьского народа.

И вот перед нами вновь возникает трудно разрешимый вопрос: сколь необходимыми и эффективными были более чем двухтысячелетние трудно соизмеримые затраты общественной энергии на сооружение этого феноменального колосса? Но ответ на этот вопрос вряд ли может быть однозначным...

⋮

Глава 27

ТРЕТЬЯ ВОЛНА С ВОСТОКА: МОНГОЛЫ И МИР ИСЛАМА

Начало: первый бросок на Запад

Род 1218 Чингисхан внезапно решает направить свои силы в противоположном направлении — теперь уже на Запад. Решение это, наверное, многим показалось совершенно неожиданным и мало чем оправданным. Ведь еще не были полностью сокрушены два китайских царства, с которыми великий хан вел борьбу уже более десяти лет — Си Ся тангутов и Цзинь чжурчженей. Правда, к этому времени монголам удалось, проломив могучие укрепления, взять штурмом Чжунду — столицу царства Цзинь (позднее, на ее руинах Хубилай возведет столицу Юаней — Ханбалык, будущий Пекин). Но при этом отвлекаться от своих основных противников и устремлять удары своих туменов в сторону солнечного заката казалось все же рискованным.

Поводом для таких перемен стали провалы в «налаживании контактов с сартаульским народом» или же с подчиненными хорезмшаху Ала ад-дину Мухаммеду II тюркоязычными мусульманами Средней Азии. Известный французский ориенталист Рене Груссе (2007: 169—171) предпочитал видеть в попытках Чингисхана искреннее стремление *«поддерживать с хорезмийцами самые добрососедские отношения. В 1216 году, принимая в окрестностях Пекина посольство султана Мухаммеда, он заявил, что монгольское и хорезмийское царства <...> должны жить в мире и развивать взаимовыгодные торговые связи. Однако подданные хорезмшаха, богатые бухарские и самаркандские купцы, видели в монголах только дикарей и этого не скрывали».*

Следующее посольство уже направлялось от ставки Чингисхана в Хорезм, к Мухаммеду:

«Султан принял посольство в 1218 году <...>. Вручение подарков сопровождалось речью в высшей степени миролюбивой. «Я знаю о твоем могуществе и величии твоего государства, — говорил монгольский царь устами своего посла. — Я очень хочу жить с тобой в мире. Ты был бы мне самым дорогим сыном».

Теперь представьте себе хорезмшаха, который, подобно Чингисхану, мнит себя Властителем Вселенной. И вот ему, Владыке, некий «черный дикий татарин» — а это выражение из Мэн-да бэй-лу — предлагает стать его «любимым сыном». И тогда при тайной встрече с чингисовым послом султан спросил того:

«Кто же этот проклятый, чтобы обращаться ко мне как к сыну?» (ан-Насави, глава 14: 132).

Сказанное Чингисханом вряд ли можно считать оговоркой или же неосознанной ошибкой. В этом проявилось безусловное стремление к намеренному унижению мусульманского монарха и, если угодно, это отдавало отчетливой провокацией. Для Мухаммеда это оказалось достаточно очевидным, хотя через посла он и постарался лживо заверить Чингисхана в дружеских чувствах.

В том же 1218 же году великий хан поспешил направить в Хорезм огромный торговый караван, в котором правитель Хорезма и его приближенные справедливо заподозрили, что *«прибывшие в Отрар в одежде купцов, вовсе не купцы, а лазутчики, высматривающие то, что не касается их деятельности. Когда они остаются наедине с кем-либо из простонародья, они угрожают ему и говорят: «Вы в полном неведении относительно того, что творится вокруг вас; скоро к вам придет такое, против чего вы не устоите»* (ан-Насави, глава 14: 133).

Товары отобрали, а более сотни сопровождавших этот караван обезглавили. *«Чингисхан был возмущен, — пишет Груссе. — Он честно желал поддерживать мирные отношения и торговые связи с мусульманским миром, и вот как ему ответили! Негодование Есугаева сына было столь велико, что он даже не смог сдержать слезы».*

Про чингисовы слезы непонятно — проливал ли он их в реальности? Но вот истинная реакция великого хана оказалась вполне предсказуемой — провокация удалась. И это тем более, что после караванного погрома великий хан послал к султану еще послов с требованием выдать виновников злодеяний. Однако хорезмшах полагал, что *«если он в своем ответе станет потакать Чингисхану, то этим лишь усилит его жадность, поэтому он сдержался, проявил стойкость и отказал. Между тем его душой овладел страх. Он велел убить этих послов, и их убили. Но сколько крови мусульман было пролито из-за этого убийства! Поток этой чистой крови бил из каждого сосуда, и султан за свой гнев поплатился с избытком, уступив за каждого посла по стране»* (ан-Насави, глава 14: 136).

У мусульманского хрониста Шихаб ад-дин Мухаммада ан-Насави — личного секретаря Джелаль ад-Дина, сына хорезмшаха — такая осуждающая оценка собственного властителя, скорее всего, запоздалый *postscriptum* на трагические события в Хорезме. Любопытно, были ли его оценки столь же критичны при земной жизни хорезмийского властителя?

В ответ на гибель каравана и послов Чингисхан сказал: *«Пойду войною на Сартаульский народ и законною местью отомщу за сотню своих посольских людей во главе с Ухуна [послом]. Можно ли позволить Сартаульскому народу безнаказанно обрывать украшения моих златоцарственных поводьев?»* (Сс: 254).

Сентиментальная оценка Р. Груссе *«искренних поисков добросердечных отношений»* Чингисхана с мусульманским Хорезмом никак не убеждает. Ведь

для монгольского властителя главным было продемонстрировать свою неодолимую мощь. А присущей ему жестокостью он всегда гордился. Таким, например, предстает в передаче Рашид ад-дина рассказ исламского казия Вахид-ад-дин Бушенджи — очевидца придворных встреч в 1221 году с великим ханом: *«Однажды Чингисхан в кругу придворных расхвастался по поводу того, что вот он, Чингисхан, перебил такое огромное множество людей, — от этого его слава будет вечной. Казий не вытерпел: «Если хан дарует мне аман [пощаду], то я скажу об этом словцо». — «Говори!». — «Если хан и его слуги, — сказал казий, — перебьют всех людей, среди кого же будет жить его слава?» Чингисхан побагровел от злости и выронил из рук колчан со стрелами, но сдержал свое раздражение и только сказал: «Я считал тебя человеком умным и проникательным, а от этих твоих слов мне стало ясно, что настоящего ума у тебя нет, и мысли ума твоего малы. Государей в мире много. Я творил всеобщую резню и разрушение повсюду, куда ступали копыта коней войска Мухаммеда Огузского [хорезмшаха]. А остальные народы, что находятся в странах других государей, сложат рассказы во славу мою» (Рашид ад-дин II: с. 33, 34).*

Если опять-таки верить персидскому историку, свое представление об истинном счастье Чингисхан выразил в одной из бесед со своими сыновьями и внуками:

«Величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами; в том, чтобы сесть на его хорошего хода с гладкими крупами мерингов, в том, чтобы превратить животы его прекрасных супругов в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их розово-цветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать» (Рашид-ад-дин II: 265).

Не правда ли — очень выразительно, и в комментариях никакой нужды нет.

Катастрофа Хорезма

Недолгими оказались сборы, и уже в 1219 году — то есть в следующем за караванной трагедией — отряды Чингисхана столкнулись с войском хорезмшаха Ала ад-дин-Мухаммеда II. Тот момент явился своеобразным первым актом во встрече двух гигантских миров — зарождающегося монгольского и уже давно повергнутого в тяжкие кризисы междоусобиц — мира исламского. Ведь именно в эти годы хорезмшах вступил в рискованный кровопролитный спор с багдадским халифом за лидерство в мире ислама. Его битвы с монголами в последующее трехлетие описаны сравнительно скупыми строками Сокровенного Сказания:

«Вслед затем, в год Зайца [1219], Чингис-хан через Арайский перевал [Джунгарские ворота, надо полагать] пошел войною на Сартаульский народ <...>. Чжебе был послан во главе передового отряда, вслед за ним — отряд Субеетая,

Рис. 27.1. Схематическая карта Хорезмийского султаната перед его завоеванием Чингисханом

Рис. 27.2. Монгольские всадники преследуют мусульманских. Персидская миниатюра (Chronik: 315)

а за Субеетам — отряд Тохучара. Отправляя трех полководцев, он дал им такой наказ: «Идите стороною, в обход, минуя пределы Солтана [хорезмшаха], так чтобы по прибытии нашем вы вышли к нам на соединение». Чжебе так и пошел. Он обошел стороною, никак не задевая города Хан-Мелика. Вслед за ним точно так же прошел и Субеетай, никого не затронув. Но следовавший за ними Тохучар разорил пограничные Хан-Меликовы города и полонил его землепашцев. Вследствие разорения его городов, Хан-Мелик открыл военные действия и двинулся на соединение с Чжалалдин-солтаном [сыном хорезмшаха]. Соединенными силами Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик двинулись навстречу Чингис-хану. В передовом отряде Чингис-хана шел Шиги-Хутуху. Вступив с ним в бой, Чжалалдин-Солтан и Хан-Мелик потеснили отряд Шиги-Хутуху и, преследуя его, уже подошли к Чингис-хану, когда Чжебе, Субеетай и Тохучар общими силами ударили на Чжалалдин-солтана и Хан-Мелика с тыла и <...> нанесли им полное поражение, гоня их и не давая им соединиться ни в городе Бухаре, ни в Несгябе или Отраре; по пятам преследуемые до самой реки Шин, те стремительно бросились в реку, и тут в реке Шин погибло множество Сартаульцев. Спасая свою жизнь, Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик бежали вверх по течению реки Шин <...>. Затем, на обратном пути из степи Баруан-кеер Чингис-хан отправил Чжочи, Чаадаю и Огодая, приказав им переправиться через реку Амуь и, расположившись лагерем у города Урунгечи, осадить его. Толуя же он послал осаждать города Иру, Исебур и многие другие города» (Сс: 257, 258).

С Хорезмом было покончено в три года. Столь быстротечный разгром казавшейся доселе неколебимой державы мирового уровня не мог не потрясти тогдашний мир. Показательное сравнение темпов покорения иных народов и государств. Хорезмийский султанат охватывал огромную площадь до трех — трех с половиной млн кв. км (рис. 27.1). И на его сокрушение потребовалось всего три года. Три китайских государства, с которыми воевали монголы, покрывали

Рис. 27.3. Конный табун в среднеазиатской полупустыне. Для меня всегда оставалось мало-понятым: как в такой густой, абсолютно непрозрачной тонкой лессовой пыли могли ориентироваться в бешеной скачке наступавшие или же отступавшие вооруженные всадники?

площадь около 4 млн кв. км. Но на их покорение монголам понадобилось примерно 75 лет. Разница впечатляющая!

Финал династии хорезмшахов казался крайне удручающим. Мухаммед, несчастный и покинутый всеми, столь быстро утративший все что имел, как утверждают свидетели тех горьких лет, завершил свою жизнь среди прокаженных на каком-то неизвестном островке Каспийского моря. Его талантливый сын Джелаль ад-дин исчез среди Иранских нагорий, быстро двигаясь куда-то в западном направлении и стараясь с остатками своего войска оторваться от безостановочно преследовавших его чингисовых всадников (рис. 27.2; 27.3). Вслед за ним, — отчасти для поимки строптивого отпрыска хорезмийского незадачливого правителя, но главным образом, кажется, для дальней стратегической разведки — Чингисхан отрядил два тумена Субедея и Чжебе.

Тем временем великий хан опять впал во гнев, узнав о позорном поведении своих сыновей: «Царевичи Чжочи, Чаадай и Огодай, взяв город Орунгечи [Ургенч], поделили между собою, на троих, и поселения и людей, причем не выделили доли для Чингисхана. Когда эти царевичи явились в ставку, Чингисхан, будучи очень недоволен ими, не принял на аудиенцию ни Чжочи, ни Чаадаю, ни Огодая. Тогда Боорчу, Мухали и Шиги-Хутуху стали ему докладывать: «Мы ниспровергли непокорствовавшего тебе Сартаульского Солтана и взяли его города и народ. И все это ведь Чингисханово: и взятый город Орунгечи и взявшие его и делившие царевичи. Все мы, и люди твои и кони, радуемся и ликуем, ибо небеса и земля умножили силы наши, и вот мы сокрушили Сартаульский народ. Зачем же и тебе, государь, пребывать во гневе? Царевичи ведь сознали свою вину и убоялись. Пусть будет им впредь наука <...>».

Рис. 27.4. Штурм Багдада войском Хулагу-хана в 1258 году. Персидское изображение (Wikipedia)

А ведь у нас — всюду враг от заката солнца и до восхода его. Натравил бы ты лучше нас <...>, направил бы на вражеский народ, и мы, умножаемые в силах небесами и землей, мы доставили б тебе и вражеского золота с серебром и тканей с товарами, и людей с жилищами их. Ты спросишь, что это за народ такой? А есть, говорят, в западной стороне Халибо-Солтан Багдадского народа. На него бы мы и пошли!» Когда они так докладывали, государь все возражал, но при этих последних словах смягчился Чингисхан и стал отдавать им приказания. Он милостиво обошелся со всеми троими и <...> Сормахона отправил в поход на Багдадский народ, на Халибо-Солтана <...>. Затем, он отправил в поход и Дорбетца Дорбо-Докшина на город Абту, принадлежащий народу Ару-Мару-Мадасари, в земле, лежащей между двумя народами: Хиндус и Багдад». Однако Багдад удалось взять штурмом лишь внуку Чингисхана Хулагу только в феврале 1258 года (рис. 27.4).

Сам же Властитель Вселенной провел среди покоренных им хорезмийцев семь лет. И именно там, в чужих для него краях, его весьма мучительно стали навещать мысли и желания вечности в своей земной жизни. Особенно затронули каана воспоминания о словах его жены Есуй: «в мире не вечно ведь все, что родилось. Как семя, народ твой развеется, когда, упадешь ты, владыко, как падает в бурю высокое древо. Кому же ты царство свое завещаешь?» И тогда, мучимый жаждой бессмертия, отправляет он в далекий Китай специальный отряд, дабы доставили к нему на эти далекие хорезмийские земли тех прорицателей, которые, по слухам, находились среди монахов Дао (см. **Приложение 2**).

Но пока что его нойон Сормахон, «переправясь через реку Шин, преследовал Чжалалдин-Солтана и Хан-Мелика до самой Хиндусской земли. Потеряв с ними соприкосновение, в поисках беглецов он дошел даже до середины Хиндусской страны, но будучи не в силах вести дальнейшее преследование, <...> повернул назад и, разорив и полонив пограничный Хиндусский народ и набрав множество верблюдов и легченых козлов, прибыл к Чингисхану. Тогда государь Чингисхан вернулся на родину [в Монголию], проведя на пути одно лето на Эрдиши, и на седьмой год похода, в год Курицы (1225), расположился в царских дворцах; в Тульском Темном Бору — Хара-тун» (Сс: 260, 261, 264).

По возвращении на родной Восток и до кончины Чингисхану оставалось всего два года. Но за это время его отрядам удалось окончательно сокрушить государство тангутов Си Ся. Монголы же в этом удоем первом и молниеносном западном рывке сумели решить для себя две очень важные задачи, и первой стало сокрушение Хорезма. Решение второй задачи, носящей как бы вспомогательный и, по сути, разведывательный характер выпало на долю Джебе и Субедея. Последнему в этом непобедимом дуэте, судя по всему, отводилась главная роль: «А Субеетай-Баатура он отправил в поход на север, повелевая дойти до одиннадцати стран и народов — Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал (Лалат), перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти и до самого города Кивамен-кермен. С таким повелением он отправил к поход Субеетай-Баатура» (Сс: 262).

В этих смутных строках обширной программы угадывается некое сходство в наименованиях народов, городов, рек: Кибчаут — кипчаки, река Идил (Итиль) — Волга, а Кивамен-кермен — Киев. Данный приказ обозначил начало второго победоносного, но пока что пробного броска уже в мир христианский.

От Самарканда до Калки и назад в Монголию

Различные письменные источники позволяют относить начало движения двух туменов Субедея и Джебе, по всей видимости, к самому началу 1222 года. Вообще-то все это скоротечно задуманное предприятие могло представляться некой поразительной ирреальностью. Прежде всего, в великое смущение повергает сама постановка задачи невообразимой сложности перед всего лишь двумя туменами: дойти до неведомых им «одиннадцати стран и народов». Но, пожалуй, еще более поражает, что, в конечном итоге, эта задача оказалась успешно выполненной, притом в фантастически короткий срок. Современников этих событий, и в особенности персидских историков, все произошедшее воистину потрясло.

«Когда от знатных лиц, упомянутых выше, до Чингисхана дошла весть — они сообщили ему, какой страх испытал султан, и уведомили его, как он пал духом, — он снарядил в поход двух предводителей: Джэбэ-нойона и Субете-Баадура с тридцатью тысячами [воинов]. Они перешли реку, направляясь в

Хорасан, и рыскали по стране. Угроза была выполнена, и кровопролитие, грабежи и разрушения были таковы, что ремесленники разбежались в страхе, а земледельцы скитались голые. Было извлечено открытое и закрытое, выжато явное и скрытое, и не было слышно ни баяния, ни рева: лишь кричали совы и отдавалось эхо.

Люди стали свидетелями таких бедствий, о каких не слыхали в древние века, во времена исчезнувших государств. Слыхано ли, чтобы какая-то орда выступила из мест восхода солнца, прошла по земле вплоть до Брб ал-Абваба [Дербента], а оттуда перебралась в Страну кыпчаков, совершила на ее племена яростный набег и орудовала мечами наудачу? Не успевала она ступить на какую-нибудь землю, как разоряла ее, а захватив какой-нибудь город, разрушала его. Затем, после такого кругового похода, она возвратилась к своему повелителю через Хорезм невредимой и с добычей, погубив при этом пашни страны и приплод скота и поставив ее население под острия мечей. И все это менее, чем за два года!» (ан-Насави, глава 20: 54).

Молниеносный темп их похода подтверждает и Рашид ад-дин: «Они с Чингисханом постановили, что покончат эти дела в течение трех лет, а в действительности в два с половиной года пришли к удовлетворительному концу».

В том же 1222 году монгольские воины, кажется, впервые увидели увенчанные крестами каменные храмы Армении и Грузии. Тогда их победы потревожили лишь восточный край христианского мира. Для зимнего отдыха отряды завоевателей вернулись к удобствам оазисов Северо-Западного Ирана, но уже в следующем 1223 году конные соединения вновь помчались на север. В Закавказье монголы вторично нанесли поражение своим христианским противникам. Вдоль Каспия через Дербентские ворота, оставив у себя за спиной неприветливые для них горы, тумены монгольских полководцев ступили, наконец, в столь привычный и желанный их глазу и телу степной простор. Здесь против них также не смогли устоять обитатели прикаспийских и северокавказских равнин. Обогнув с востока и севера Азовское море, они накоротке «посетили» степной Крым. В степях же они быстро сокрушили отряды половцев — своих «собратьев» по кочевому образу жизни и недавних победителей крестоносцев в битве под Адрианополем (см. главу 25). Половецкие вожди помчались на запад к Днепру упрашивать русских князей о совместном выступлении против этого неведомого им врага.

Вслед за убегающими и разрозненными силами половцев монголы придвинулись к берегам нижнего Днепра, где и произошли первые стычки с воинством русских князей. Близ Днепра и наметились черты своеобразной прелюдии столь трагичной для Древней Руси битвы при невзрачной речонке Калке близ Азовского побережья. Сама драма разыгралась здесь в конце мая и в начале июня 1223 года.

«Монголы напали на страну урусов и находящихся там кипчаков. К этому времени те уже заручились помощью и собрали многочисленное войско. Когда

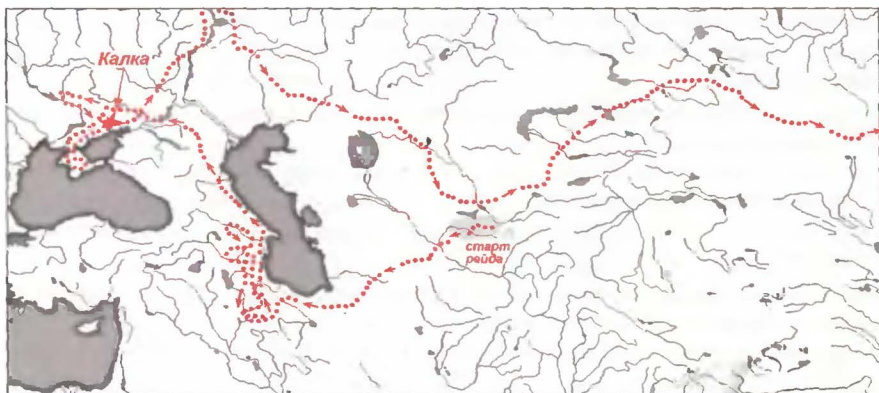

Рис. 27.5. Схематическая карта военно-разведывательных походов тугенуов Субутая и Джебе

монголы увидели их превосходство, они стали отступать. Кипчаки и урусы, полагая, что они отступили в страхе, преследовали монголов на расстоянии двенадцати дней пути. Внезапно монгольское войско обернулось назад и ударило по ним и прежде, чем они собрались вместе, успело перебить [множество] народу. Они сражались в течение одной недели, в конце концов кипчаки и урусы обратились в бегство. Монголы пустились их преследовать и разрушали города, пока не обезлюдили большинство их местностей» (Рашид ад-дин II: 229).

Выполнив фактически все заветы Чингисхана Субедей и Джебе повернули свои тугены к основным силам монголов, остававшимся до тех пор в Средней Азии. К 1225 году все чингисово воинство, нагруженное невиданными по богатству трофеями вернулось в родные края.

Конечно, досконально выверенный путь отрядов чингисовых полководцев прочертить довольно трудно. Однако тотальная протяженность этого до чрезвычайности извилистого и сложного маршрута, стартовавшего из бассейна Зеравшана в Средней Азии, вплоть до их вероятного возвращения к исходной области, вряд ли может быть короче 12—13 тысяч километров (рис. 27.5). Если же присовокупить к ним еще примерно пять тысяч километров, что проделали они в 1225 году от Средней Азии до родных берегов Онона и Керулена, то выходит, что за три или же четыре года конная рать обоих полководцев сумела преодолеть с боями — порой очень тяжелыми — до 18 тысяч километров!

Хрестоматийное восхищение, как обычно, вызывают и вызывают донныне походы Александра Македонского. Фаланги великого полководца в 4 веке до н. э. преодолели примерно двадцать тысяч километров, но за 10 лет (334—323 гг. до н. э.). Здесь же почти такой же путь, но всего лишь за промежуток времени в три раза более сжатый!

Нынешнее наше наблюдение стало любопытным отзвуком несравненно более ранних высказываний, к примеру, персидского историка Джувейни. Тот писал свои сочинения уже при дворе подвластных Монгольской империи иранских иль-ханов, отчего его труды и наполнены верноподданническими чувствами по отношению к новым хозяевам: *«Поедику Всевышний отличил Чингисхана умом и рассудком от его сотоварищей и возвысил его над царями мира по бдительности и могуществу, то он <...> единственно из страниц своей души избирал то, что известно из обычаев гордых хосроев, и что записано о порядках фараонов и кесарей, и из ума-разума своего сочинял то, что было связано с устройством завоевания стран и относилось к сокращению мощи врагов и к возвышению степени своих подвластных.*

Так что, если бы Искандер [Александр Македонский] <...> жил во времена Чингиса, он учился бы у него хитрости и мудрости и не находил бы лучших талисманов для покорения твердынь, чем повиновение и послушание ему» (Джувейни, введение: 17).

Но вот другой персидский историк ал-Асир: тот сочинял свою историю еще до окончательного покорения Персии монголами. Поэтому он также вспоминает походы Александра Македонского, но уже в совершенно ином тоне:

«Ведь Искандер, про которого историки единогласно говорят, что он покорил весь мир, не покорил его с такой быстротой, а в течение десяти лет, причем он никого не убивал, а требовал от людей лишь покорности: эти же татары покорили большую часть населенной и лучшей земли и наиболее культурной, населенной и воспитанной, менее чем в один год. В тех странах, которых татары еще не посетили, все ложатся спать в страхе: они их ждут и следят, когда они придут к ним» (аль-Асир: 136) .

Так стремительно и уже в первом рывке на Запад зарождалась Всеохватная Великая Монгольская Империя Чингисхана.

Мир ислама: боль и ненависть

Элита мусульманского мира прошла две стадии в своем отношении к степным захватчикам. И эти фазы-стадии резко различались друг от друга формами и стилем своих проявлений. На раннем этапе, завершившимся скоротечным сокращением государства хорезмшахов, возгласы боли и ненависти доминировали в писаниях исламских хронистов и очевидцев. По удивительному эмоциональному надрыву на первый план я бы выдвинул высокохудожественное произведение «Полный свод истории» (Тарих аль камил) упоминавшегося уже выше персидского историка Ибн аль-Асира:

«Несколько лет я противился сообщению этого события, считая его ужасным и чувствуя отвращение к изложению его: я приступал к нему и опять отступал. Кому же легко поведать миру о гибели ислама и мусульман, да кому приятно вспоминать об этом? О, чтобы матери моей не родить меня, чтобы

мне умереть прежде этого и быть преданным вечному забвению! Хотя многие из друзей моих побуждали меня к начертанию этого события, но я приостанавливался. Потом, однако же, я сообразил, что неисполнение этого не принесет пользы. Пересказ этого дела заключает в себе воспоминание о великом событии и огромном несчастье, подобного которому не производили дни и ночи и которое охватило все создания, в особенности же мусульман.

Если бы кто сказал, что с тех пор, как Аллах Всемогуший и Всевышний создал человека, по настоящее время мир не испытывал ничего подобного, то он был бы прав: действительно, летописи не содержат ничего сколько-нибудь сходного и подходящего. Из событий, которые они описывают, самое ужасное то, что сделал Навуходоносор с израильтянами по части избиения их и разрушения Иерусалима. Но что такое Иерусалим в сравнении с теми странами, которые опустошили эти проклятые, где каждый город вдвое больше Иерусалима? И что такое израильтяне в сравнении с теми, которые их перебили! Ведь в одном только городе жителей, которых они избили, было больше, чем всех израильтян. Может быть, род людской не увидит ничего подобного этому событию до преставления света и исчезновения мира, за исключением разве Гога и Магога. Что касается Антихриста, то он ведь сжалится над теми, которые последовали за ним, и погубит лишь тех, которые станут сопротивляться ему; эти же, татары, ни над кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародыши. По истине, мы принадлежим Аллаху и возвратимся к нему; нет мощи и нет силы, как только у Аллаха Всевышнего и Великого!» (аль-Асир: XII, 147—49: 135; www.vostlit.info/Texts/rus/Athir_3/text1.phtml?id=12570).

У персидских авторов в биологическом смысле действуют вполне реальные люди (рис. 27.6), — это совсем не человекоподобные чудища; однако они беспрдельно жестоки и безжалостны. Вот, например, после того, как на земле Хорезма

Рис. 27.6. Чингисхан на троне. Персидская миниатюра (Chronik: 311)

монголы захватили сопротивлявшийся им город Нишапур, «они отрубили головы убитых от их туловищ и сложили их в кучи, положив головы мужчин отдельно от голов женщин и детей... Мухи и волки пиروвали на груди садров; орлы на горных вершинах лакомились нежной женской плотью; грифы поедали шеи гурий». Так описывал нишапурскую трагедию мусульманин Джувейни (рис. 27.7).

Но ведь не должно быть ни малейших сомнений, что в этом и заключено тяжкое наказание людей за их непростительные грехи — именно в этом

Рис. 27.7. Справа: «Апофеоз войны» — знаменитая картина известного русского живописца В. В. Верещагина (1872 год); слева — «скорбь»

исламская элита старалась уверить и себя, и других. Рашид ад-дин, к примеру, вкладывал такие слова в уста самого Чингиз-хана, обращенные после взятия им Бухары к побежденным им народам: *«О люди, знайте, что вы совершили великие проступки, а ваши вельможи — предводители грехов. Бойтесь меня! Основываясь на чем, я говорю эти слова? Потому что я — кара Господня. Если бы с вашей [стороны] не были совершены великие грехи, великий Господь не ниспослал бы на ваши головы подобной кары!»* (Рашид ад-дин II: раздел 6; или http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin_2/kniga2/rametext9.html).

Мир ислама: лесть обволакивающая

Любопытно, однако, что именно в сочинениях этого виднейшего персидского историка и администратора четко обозначился второй этап отражения лица монгольских завоеваний в исламском мире (ведь монголы поручили Рашид ад-дину даже управление Багдадом). Поработив Персию, монголы основали государство Иль-ханов (то есть «*властителей народа*»). Отныне придворные персидские историки и публицисты должны были пластаться ниц перед владыками и при этом воспевать их. Вот например, другой персидский ученый и приближенный к престолу властителей Чагатайского улуса Джамал ал-Карши (2005: 117—118) как бы продолжает и развивает версию Рашид ад-дина:

«Может быть, они [монголы] одно из знамений конца Света? Может быть, Аллах дал им власть над людьми, заставив повиноваться им, благодаря чему смог сломать шеи персидских царей и укротил беспредельную власть румских кесарей. Они — победоносное племя Аллаха, захватывающее всё и всех на земле. Их ожидала победа везде, куда бы они ни направлялись <...>. В бою ни одна армия не могла устоять перед ними, их стрелы не знали преград и

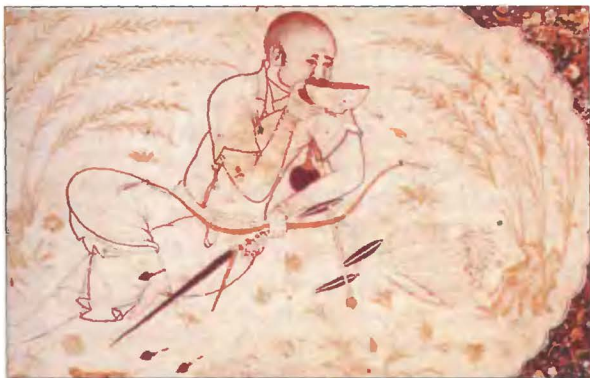

Рис. 27.8. Хулагу-хан, основатель государства Иль-ханов в Иране. Персидское изображение (Wikipedia)

точно попадали в цель <...> В сражениях с богатырями они всегда одерживали победу. Если адибы угождали, они оставляли их страны, если нет — завоевывали. Они прошли землю вдоль и поперек и завоевали все страны, на востоке и западе <...>. И не осталось во Вселенной местности или неприступной крепости, в которых они не побывали. Аллах дал им возможность одержать верх над всеми цветущими странами и известными племенами. А веление Аллаха — это судьба».

Минули скоротечные годы, и в 1256 году внук Чингис-хана Хулагу-хан (рис. 27.8) окончательно покорил Иран. С тех пор династии Иль-ханов стали носить имя хулагуидов, т. е. потомков и наследников Хулагу. Уже в 1258 году пал Багдад, который по глубочайшей вере арабов никогда не мог быть осквернен и омрачен кровью исламских властителей, — ведь там находился истинный центр мира, но не в Иерусалиме, как думали христиане.

«Багдад полон великолепиям и величием. Это купол ислама и город мира, место скопления народа. Построил его Абу Джа'фар ал-Мансур <...> когда астролог бу-Наджиб выбрал для этого подходящий момент <...>. Говорят, он привел доказательства, что в сем городе не умрет ни один халиф <...>. Пока не соберутся государи всей Вселенной, обложить Багдад невозможно. В такой огромный город не смогут ни войти без разрешения, ни выйти из него» (Юрченко: 267).

Арабский астролог трагически ошибался. Хулагу взял «центр» исламского мира, пленил последнего арабского халифа из династии Аббасидов аль-Мустасима и предал его смерти. Для мусульман падение Багдада стало великой трагедией. Христиане же, к примеру, и не желали скрывать своей радости. Багдад, как в своей хронике сообщает нам армянский историк Киракос Гандзакец, *«был построен 515 лет назад в 745 году <...> измашильтянином Джафаром и все это время был в государстве ненасытной пиявкой, высасывающей кровь всей*

вселенной. Нынче же, в 1258 году <...>, он должен был воздать за пролитую кровь и за содеянное зло, когда переполнилась мера грехов его перед всеведущим богом, который воздает воистину справедливо: нелицеприятно и праведно. Так пресеклось грозное и буйное царство мусульманское, просуществовавшее 647 лет» (Киракос Гандзакеци: глава 60).

К 1260 году фактически вся евразийская зона исламских культур оказалась под рукой монгольских ханов. Мусульмане не пропустили монгольские отряды на Африканский континент, и там от долины Нила вплоть до Атлантики они сохранили свое господство. На Пиренейском полуострове продолжались бесконечные баталии и реконкисты католических королей. Но в те же самые годы Монгольскую мировую империю в качестве единой можно было считать уже с большим сомнением. Так, Хулагу-хан лишь на словах признавал права на верховную власть кочевавшего где-то в далекой монгольской степи Менгу-хана с его столь же номинально-эфемерной имперской столицей Каракорумом (см. след главу). На самом же деле и он, и его наследники хулагуиды управлялись с громадной державой совершенно независимо от центра.

Именно с тех пор мы наблюдаем резкие перемены в стиле жизнеописаний, сочинявшихся придворными иранскими хронистами и историографами. Трудно понять, как это зародилось: то ли инстинктивно, то ли по некоторым глубоко продуманным соображениям, но персидские деятели начали буквально оболачивать неслышанной лестью не только самих ильханов, но даже всю историю дома чингизидов. Вот, к примеру, согласно Джамалу ал-Карши (2005: 121—123), воцарение Менгу привело его обширнейшие владения к невиданному ранее умиротворению и процветанию: *«Жизнь во время его правления отличалась изобилием, благополучием, достатком, спокойствием и безопасностью, она стала периодом развлечений, праздников и возрождения. Благодаря его справедливости, птицы вили гнезда в клювах соколов, домашние животные мирно паслись с волками на холмах <...>. Все люди: и взрослые, и молодежь, даже низшие слои и базарный люд, — ездили верхом. Как будто они забыли, что можно ходить пешком. Люди не знали недостатка в одежде. Его эпоха, клянусь Аллахом, отличалась от других порядком, благополучием, как серебро для перстней в возвеличивании и как сакральный текст для религии при характеристике лица моего времени, сада моей молодости»*.

Персидский придворный как будто даже не желает замечать, что текст с картинками невиданного в мире райского великолепия эпохи Менгу перемежается рассказами о том, сколь жгучей была ненависть к великому хану среди людей его клана и чем все это завершилось. Оказывается, коварные родственники имели тайное желание умертвить Менгу, но тот, *«почувствовав их хитрость, посоревновался с ними в обмане, коварстве и опередил их в убийствах. Он спешно отправил к ним буйных храбрецов и толпу грабителей — людей, которые глубококой ночью внезапно напали на спящих. Убив их, расчленили тела мечами и отдали на съедение птицам и зверям»*.

Конечно же, один из наиболее достойных претендентов на первенство в отношении выражений лести — это персидский историограф Рашид ад-дин. Будучи весьма важной персоной при иранском дворе монгольских Ильханов, он достиг в этом искусстве невероятных высот. Вот начальные строки его знаменитой и «благословенной книги», которая заключает в себе «историю государя — завоевателя мира, Чингиз-хана, его великих предков и славных его детей и рода <...>. Книга была составлена <...> по повелению счастливого государя, Газан-хана, — да озарит Аллах его гробницу! И также в его счастливую эпоху, которая была предметом зависти и восхищения эпох Дария, Ардевана, Аффридуна и Нуширвана <...>. В этих вратах рая, царственный сокол души сего справедливого государя, внемля голосу — «о, душа, уверенная в своей участи, возвратись к своему господу довольной и удовлетворенной!» — и отвечая — «слушаю!» — взлетел ввысь, покинув клетку благородного тела, и свил гнездо в чертогах рая, на высочайших райских стенах, в местопребывании олицетворенной вечности, у всемогущего повелителя. Так как его достоинство было выше достоинств мира, то его жилищем стало прибежище высочайшей святости; Каждое мгновение да изольются сотни тысяч приветствий от божественной истины на его душу!» (Рашид-ад-дин I: 41).

Но, пожалуй, еще пронзительнее звучат его почти небесные восторги в адрес вслед за упокоившимся Газан-ханом монарха-наследника. Ведь — о, счастье! — им стал «величайший султан, благороднейший каан, царь царей ислама, повелитель человеческого рода, справедливейший ильхан, совершеннейший страж вселенной, правитель всех стран счастья, вместивший подробности удачи, искусный наездник на ристалище поддержания веры, монарх царств распространения законности, установитель основ властвования, укрепляющий основы покорения стран, центр круга завоевания вселенной, центральная точка [царственного] владычества, лучшая часть прекрасных следствий творения, сущность основного содержания всех целей бытия разных видов и родов, расстилатель ковров безопасности и спокойствия, укрепитель основ ислама и веры, место проявления отличительных признаков пророческого шариата, источник чистой влаги предвечной милости, восход новолуния благоволений, всевышнего обладателя величия, отмеченный божественной поддержкой и благоволением, государь — прибежище веры, тень милости божества, — султан Мухаммед Худабандэ-хан».

Но временами даже экстастическому воспеванию царственного владыки для Рашид ад-дина рамки прозы становятся тесными, и его текст требует уже стихотворных высот:

*Тот мощный, как судьба, и распоряжающийся, как рок,
Тот, помышления которого высоки, как небо, и
Облик которого, как у ангела;
Тот, от земли и воды царства которого*

Звезды на небесном своде

Являются лишь простым лучом и пылью»

(Рашид-ад-дин I: 42).

Упоминавшийся в приводимых текстах Газан-хан являлся ключевой фигурой в истории ильханов-хулагуидов. Судя по всему, пленительная и всеоблакивающая лесть персов сыграла решающую роль: в 1295 году Газан-хан повелел всем своим подчиненным принять веру в Аллаха. Согласно Рашид ад-дину, сам Аллах избрал хана в качестве «одного из избранных божиих, ведающих верховной властью над странами и городами, отчего и предназначили ангельскую особу Газан-хана для излияния света наставления на путь истинной веры и божественного откровения...» (Рашид-ад-дин III: 162)

И вот в результате неустанных стараний некоторых особо доверенных мусульман-учителей Газан-хан «по прозорливости и проницательности ума и рассудка в короткий срок познал божественную истину <...> и сказал: Воистину ислам есть вера твердая и ясная и обнимает собою все пользы духовные и мирские. Чудеса посланника пророка Мухаммеда <...> весьма восхитительны и искусны и признаки их истинности явны и очевидны на скрижалях времен. Нет сомнения, что непрерывное наблюдение за исполнением заповедей, предписаний веры, богоугодных деяний и прекрасных дел, к которым они призывают, соединяет с Богом. Что же касается поклонения идолам, то это чистая неспособность и весьма далека от разума и знания, а преклонение головы земно пред камнем есть чистое невежество и глупость со стороны трезвого и способного человека, и человеку, обладающему духом и разумом, представляется даже отвратительным при разумном рассмотрении» (Рашид-ад-дин III: 163).

Выражаясь жестоко по поводу веры в мощь идолов, Газан-хан тем самым безжалостно топчет святыни своей молодости. Однако этот удивительный набор вдохновенных панегириков в адрес верховных властителей не смог спасти жизнь действительно исключительно талантливого придворного историографа Рашид ад-дина. В 1318 году его казнили («перерубили мечом пополам»), обвинив в отравлении столь вдохновенно воспетого им владыки Ольджайту-хана.

Не правда ли, здесь с новой силой проявил себя поразительный эффект того самого «синдрома приманки», что был столь талантливо сформулирован Цзя И — советником и приближенным ханьского императора. Тогда в империи Хань «приманки» были направлены в сторону элиты трудноодолимых гуннов (см. главу 23). Персы, пожалуй, в своем искусстве «всеоблакивающей лести» сумели во многом и далеко превзойти исходные советы жившего пятнадцать столетиями ранее китайского придворного.

Глава 28

ТРЕТЬЯ ВОЛНА С ВОСТОКА: МОНГОЛЫ И ХРИСТИАНСКИЙ МИР

Монгольское нашествие коснулось христианского мира примерно на полтора десятка лет позднее, нежели мира мусульман. То был второй и на сей раз уже пост-чингисов рывок монгольских туменов на Запад. Потомки Великого хана как бы исполняли его заповедь о покорении Вселенной. Христианская и, прежде всего, католическая элита в чем-то повторила исламский путь: здесь было также нетрудно уловить две фазы в восприятии монгольского нашествия. Однако сопоставление этих фаз в исламе и у христиан выявило их очевидное несходство.

Первая фаза: неожиданные пришельцы

Кажется, что в христианском мире — в его восточном ареале — наиболее ранним известием о появлении непонятно откуда и до тех пор совершенно неведомых и беспощадных воителей явилась запись армянского историка Киракоса Гандзакеци в «Истории Армении» (1976: 138):

«В 1220 году <...> неожиданно-негаданно появилось огромное множество войск в полном снаряжении <...> пришло в Агванк [Кавказскую Албанию], чтобы оттуда проникнуть в Армению и Грузию. И все, что встречалось им в пути, — людей, скот и вплоть до собак даже — они предавали мечу. Драгоценную одежду и иное имущество, за исключением лошадей, они ни во что не ставили. Быстро продвинувшись до Тифлиса, они повернули обратно, пришли в Агванк, к границам города Шамхор. И распространилась о них ложная молва, будто они — моги и христиане по вере, будто творят чудеса и пришли отомстить мусульманам за притеснение христиан; говорили, будто есть у них церковь походная и крест чудотворный; и, принеся меру ячменя, они бросают ее перед крестом, затем оттуда все войско берет корм для лошадей своих, и ячмень не убавляется; а когда все кончают брать, там остается ровно столько же. Точно так же и с продовольствием для людей. И эта ложная молва заполнила страну. Поэтому население страны не стало укрепляться, а какой-то светский иерей, собрав прихожан своих, с крестами и хоругвями даже вышел навстречу им. И они предали их мечу — всех перебили. Таким образом, повсюду встречая беззаботных, они истребляли население и разорили многие местности» (хроника путает время появления монголов в Закавказье: все прочие источники определяют его не ранее чем 1222 годом).

Скорбное свидетельство армянского летописца отразило молниеносный и, по сути, лишь разведывательный рейд всего двух монгольских туменов, ведомых Субедеем и Джебе. Смерчем пронесся этот рейд по неохватным пространствам Ирана, Кавказа и Восточной Европы и стал тем походом, что и по сей день поражает воображение стремительностью и фантастичными успехами (подробнее об этом уже говорилось в главе 27). Конечно же, армянские христиане тогда и не подозревали, что их опалили лишь первые вспышки той кровавой трагедии, что предстояло пережить многим народам Западной половины Евразии. К тому же здесь не может не броситься в глаза любопытное и сплетающееся в причудливой комбинации объяснение этого явления, притом с одновременной надеждой-ожиданием: а вдруг эта неистовая, всепожирающая и сметающая все и вся на своем пути сила — «моги» — впервые зрима восточными христианами, послана свыше, дабы обрушить свой карающий огненный меч Всевышнего на головы угнетателей мусульман? Ведь и спустя четверть века, когда под монголами лежала уже бо́льшая половина Евразии, включая, естественно, и Армению, бывший «главнокомандующий» растерзанными воинскими силами этой страны Смба́т Спарапет с той же затаенной мечтой писал на Кипр своему родственнику, тамошнему королю Генри Лузиняну:

«Вы должны знать, что, поскольку я пустился в это путешествие во славу божию на благо всего христианства, Иисусу Христу угодно было привести меня к городу Сантекванту (Самарканду). Миновав многие страны, оставив позади Индию, мы прошли всю землю Бодак, на что потратили около двух месяцев пути. Я увидел там несколько городов, разрушенных татарами, величие и богатство которых неоценимы. Я видел некоторые из них за три дня пути и несколько удивительных гор, состоящих из груды костей тех, кого умертвили татары. И нам казалось, что, если бы господь распорядился иначе и татары, которые таким образом уничтожили язычников, не пришли сюда, все эти народы [мусульмане] были бы способны завоевать и заселить эти земли до моря» (http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Smbat_Sparapet/frametext4.htm).

И опять теплится надежда на волю Всевышнего в отмщении мусульманам — исконным врагам и обидчикам христиан — страшными руками монголов. Странной выглядит эта надежда Смба́та: к 40-м годам 13 века из черепов многих десятков тысяч уничтоженных монголами христиан (см., например, **Приложение 3**) можно было складывать уже похожие и ужасающие посторонний взгляд пирамиды.

Киракос Гандзакеци пытается прояснить, откуда «есть пошла монгольская земля?», чему он и посвятил в своей «Истории Армении» главу 20 под названием «О том, как появились татары, чтобы опоганить весь свет».

«Все рассуждения наши до сих пор были предисловием к истории этого племени, о котором милостью божьей мы собираемся рассказать. Я думаю, что многие еще расскажут о том же и все их повествования будут беднее действительности, ибо бедствия, постигшие все страны, превосходят рассказываемое нами. Наступил конец света, и предтечи антихристовы пред-

вещают пришествие сына погибели. И нас смущают откровения святых и боговдохновенных мужей, внушенные им святым духом, предостерегавшим их от грядущего, и особенно наложные веления Спасителя нашего и Бога, который говорит: «Востанет народ на народ и царство на царство, и это, — говорит, — будет лишь началом терзаний». А также пророчество патриарха нашего святого Нерсеса, который предсказал гибель страны армян от племени стрелков [монголов]. А мы собственными глазами видели разорение и муки, постигшие все страны. И причины появления их таковы.

В стране, находящейся на дальнем северо-востоке, которую они на варварском языке своем называют Каракорум, среди множества неведомых и неисчислимых варварских племен, проживающих там, жило племя, называемое татарами, во главе царей которых стоял человек по имени Чингис-хан».

Однако вряд ли эти рассуждения армянского историка проясняют причины появления из неведомых далей этого свирепого и губительного для других татарского племени. Но вот еще одна трагичная жалоба уже русского летописца, вызванная тем же внезапным появлением летучих монгольских туменов в землях древнерусских князей:

«В лето 6731 (1223) явился на Руси народ, и никто не знает — кто они, откуда пришли, что за язык их, какого племени и какова их вера. Только один Бог ведает это. А зовут их татарами, и многие страны они уже пленили. Также побили многих безбожных и окаянных половцев, что много зла Русской земле сотворили <...>. Многие князья русские порешили, если татары подойдут к нашей земле — выступить против <...>. И разразилась битва великая, но побеждены были русские князья. Многие из них погибли, многих до смерти замучили <...>. То было в день великомученика Еремия 31 мая. И учинился тогда плач великий по русской земле». (Из Лаврентьевской летописи за 1223 год: выдержки и сокращенный перевод с церковнославянского).

Понятно, что строки эти явились далеким отзвуком знаменитой битвы при Калке 1223 года, что столь трагично завершилась для плохо спаянных единой дисциплиной русских княжеских отрядов.

Решение о покорении Вселенной и второй бросок на Запад

Разгром Армении, половецких орд и битва при Калке были связаны с первым стремительным и по существу разведывательным броском монголов на Запад. Потом — уже перед вторым мощным, генеральным броском — наступило временное затишье, примерно на 14 лет, и во многом это было связано с кончиной Великого Властителя Вселенной в 1227 году.

«В год Мыши (1228) в Келуренском Кодеу-арале [на Керулуне] собрались все полностью: Чаадай, Бату и прочие царевицы Правой руки; Отчигин-ной-он, Есунге и прочие царевицылевой руки; Талуи и прочие царевицы Центра; царевицы, зятя, нойоны-темники и тысячники. Они подняли на ханство Ого-

дай-хана, которого нарек Чингис-хан. Старший его брат Чаадай, возведя своего младшего брата Огодая на ханский престол, вместе с Толуем, передал во власть его телохранителей государя и отца своего — кебтеулов, стрельцов и турхаутов»(Сс: 269).

Чингисовы потомки во главе с Угэдеем, провозглашенным великим ханом, подхватили и развили зародившуюся в мыслях покойного Чингисхана идею подчинения монголам всего мира. Они открыто возвестили, что равных им во всем мире не сыскать и что им теперь под силу овладеть всей Вселенной. При этом вполне понятно, что представления об окружающем их мире у необоримых тогда завоевателей были самые смутные. Одновременно в рядах кочевой элиты эта идея стала приобретать каноны, присущие религиозным системам: мировое господство монголам было предопределено самим благословенным и всеохватным Небом-Тенгри. Первовоплотителем воли Неба явился, конечно же, Чингисхан (см. главу 26). Фигура и имя земного демиурга нового мира предстали с тех пор символом и опорой этой высшей воли. Прямые чингисовы наследники также должны были быть наделены почти божественной властью и, во всяком случае, выглядеть ее непосредственными выразителями. Однако для преобразования и очищения мира от великих грехов этот мир нужно было сначала подчинить.

Во исполнении этой захватывающей воображение цели завоевания всех ведомых и неведомых пространств великий каан Угэдей *«после того как в год лошади (1235) он возвратился после завоевания областей Хитая <...>, устроив собрание, сделал курултай <...>. Однако перед обозначением генеральных целей на этом курултае целый месяц непрерывно родственники в согласии пиروвали с раннего утра до звезды <...>. Когда закончили пиры и развлечения, [Угэдей] обратился к устройству важных дел государства и войска. Так как некоторые окраины государства еще не были полностью покорены, а в других областях действовали шайки бунтовщиков, он занялся исправлением этих дел. Каждого из родственников он назначил в какую-нибудь страну, а сам лично намеревался направиться в Кипчакскую степь»*.

Вспомнил Угэдей и о более западных пространствах, и тогда его *«благословенный взгляд <...> остановился на том, чтобы царевичи Бату, Менгу-каан и Гуюк-хан вместе с другими царевичами и многочисленным войском отправились в области кипчаков, русских, булар [поляков], маджар, башгирд, асов, в Судак и в те края и все их завоевали; и они занялись приготовлением к этому походу»* (Рашид ад-дин II, 2).

Русь и ее соседи под ударами

Уже в сентябре 1236 и в первой половине 1237 года удары пришлись по булгарам и лесным народам Поволжья. А осенью 1237 года *«все находившиеся там царевичи сообща устроили курилтай и, по общему соглашению, пошли войною на русских. Бату, Орда, Гуюк-хан, Менгу-каан, Кулкан, Кадан и Бури вместе оса-*

дили город Арпан [Рязань] и в три дня взяли его. После того они овладели также городом Ике [Коломна?]. Кулкану была нанесена там рана, и он умер. Один из русских эмиров, по имени Урман [Роман], выступил с ратью [против монголов], но его разбили и умертвили, потом сообщая в пять дней взяли также город Макар [Москву?] и убили князя [этого] города, по имени Улайтимур [Владимир]. Осадив город Юргия Великого [Торжок], взяли его в восемь дней. Они ожесточенно дрались. Менгу-каан лично совершал богатырские подвиги, пока не разбил их [русских]. Город Переяславль, коренную область Везислава [Всеволода], они взяли сообщая в пять дней. Эмир этой области Банке Юрку [Георгий] бежал и ушел в лес; его также поймали и убили. После того они монголы ушли оттуда, порешив на совете идти туменами облавой и всякий город, область и крепость, которые им встретятся на пути, брать и разрушать. На этом переходе Бату подошел к городу Козельску и, осаждая его в течение двух месяцев, не мог овладеть им. Потом прибыли Кадан и Бури и взяли его в три дня. Тогда они расположились в домах и отдохнули» (Рашид ад-дин II, 2).

Думается, что в нашей книге нет особого смысла сколько-нибудь подробно описывать эту волну великих монгольских завоеваний, она очень хорошо и подробно описана в великом множестве публикаций. Напомним лишь о некоторых ее этапах. Внук Чингис-хана Бату-хан возглавил поход на Запад. В 1237 году его соединения прошли истребительным валом по перечисленным у Рашид ад-дина городам Древней Руси (см. также Приложение 3). В 1240 году наступила трагичная очередь Киева.

Затем конные отряды Бату-хана выкатились в бассейн Дуная. Гибли в битвах воины венгров, поляков, хорватов. Финальный рывок, и Бату-хан уже мог любоваться голубыми далями Адриатики. Однако пышные красоты окрестностей Сплита и Дубровника монголов не увлекли; они оказались самой западной точкой монгольских нашествий. Отсюда воинство Бату-хана повернуло назад, на восток. В конце 1241 года завершил свое земное существование великий каан Угедей. В центре необъятной Монгольской империи начинаются понятные волнения и дворцовые («ордынские») интриги в связи со сменой фигуры ключевого лидера. Наступил период первого «междоусобицы», когда на первый план выдвинулась фигура Догерене-хатун, вдовы Угедея. Она долго — почти пять лет — билась за возведения на престол их сына Гуюка, и вдова победила. Впрочем, сходные ситуации вряд ли являлись редкостью в станах победителей, когда начинался раздел доставшихся им богатых трофеев. Похожую картину можно было наблюдать и в 1260 году при кончине следующего за Гуюком великого хана — Менгу. Тогда, как сообщал Рашид-ад-дин, его брат и, по сути, независимый от центральной власти Хулагу-хан «с огромной ратью устремился из Турана в Иран, и ни одна душа из халифов, султанов и меликов не нашла силы сопротивляться. Завоевав все страны, он дошел до Дамаска, и ежели бы к нему не подоспело известие о кончине брата, то и Миср [Египет] тоже был бы присоединен к прочим странам».

Сигнал тревоги в католическом мире

Итак, в 1095 году Римский Папа Урбан II призвал народ франков и всех католиков двинуться на *«мятежный, неустроенный сердцем и неверный Богу духом своим»* народ мусульман. С этого времени, а особенно с кровавого взятия крестоносцами Иерусалима в 1099 году, центр противоборства этих двух миров сместился в Святую Землю Палестины. И в последующие почти полторы сотни лет не было у католического мира более злобного и омерзительного врага, нежели ислам с его приверженцами и воинами-сарацинами. Бесконечные битвы за Иерусалим, череда успешных и безуспешных крестовых походов... Опять же вспомним, что неистово сражались друг с другом сторонники обеих родственных авраамических религий. И оказалось, что этому не будет конца. Как вдруг и совершенно внезапно в 1237 году к королю франков прибыли *«официальные послы от сарацин, сообщающие и правдиво излагающие, что с северных гор устремилось некое племя человеческое, чудовищное и бесчеловечное, и заняло обширные и плодородные земли Востока, опустошило Великую Венгрию и с грозными посольствами разослало устрашающие послания. Их предводитель утверждает, что он — посланец всевышнего бога, чтобы усмирить и подчинить народы, восставшие против него. А головы у них слишком большие и совсем не соразмерные туловищам. Питаются они сырым мясом, также и человеческим. Они отличные лучники. Через реки они переправляются в любом месте на переносных, сделанных из кожи лодках. Они сильны телом, коренасты, безбожны, безжалостны. Язык их неведом ни одному из известных нам народов. Они владеют множеством крупного и мелкого скота и табунов коней. А кони у них чрезвычайно быстрые и могут трехдневный путь совершить за один день <...>. У них очень жестокий предводитель по имени Каан. Полагают, что они, именуемые тартарами от названия реки Тар и всяма многочисленные, обитая в северных краях, то ли с Каспийских гор, то ли с соседних с ними, словно чума, обрушились на человечество, и хотя они выходили уже не раз, но в этом году буйствовали и безумствовали страшнее обыкновенного <...>. И этот сарацинский вестник, облеченный полномочиями и знатного рода, прибывший к королю Галлии, которому было поручено от имени всего Востока возвестить об этой напасти и который искал помощи у западных стран, чтобы успешнее справиться с тартарской угрозой, со своей стороны направил к королю Англии одного сарацинского вестника, который явился, чтобы все это возвестить королю, и он сказал, что если они сарацины не смогут сдержать такой натиск, то останется только одно: они татары и западные страны разорят <...>. А потребовал этот вестник помощи в такой момент нависшей над всеми ними опасности, для того чтобы сами сарацины, опираясь на помощь христиан, отразили их нападение»* (Матвей Парижский. Великая хроника. Год 1237. http://www.vostlit.info/Texts/rus/Matthew_Par/frameset1.htm).

Однако оказалось, что первоначально появление сарацинских послов породило у франкской элиты приятное удивление: это ведь так восхитительно, если ненавистный враг просит у тебя помощи. И сарацинскому послу *«остроумно ответил случайно тогда присутствовавший епископ Уинчестерский: «Предоставим собакам этим грызться между собой и полностью уничтожить друг друга. Когда же мы пойдем на оставшихся в живых врагов христовых, то уничтожим их и сметем с лица земли. Да подчинится весь мир единой католической церкви, и да будет един пастырь и едино стадо!»*

Действительно, первоначально перспектива полного сокрушения ислама стрелами и саблями монгольских воинов могла выглядеть очень заманчивой. Но уже в том же 1237 году Матвей Парижский в своей «Великой хронике» поместил крайне тревожный уже для своих единоверцев текст: *«Как тартары, собравшись с силами, вырвались из гор их и, разорив многие восточные пределы, вселили страх и в христиан».*

«Дабы не была вечной радость смертных, дабы не пребывали долго в мирском веселии без стенаний, в тот год люд сатанинский проклятый, а именно бесчисленные полчища тартар, внезапно появился из местности своей, окруженной горами; и пробившись сквозь монолитность недвижных камней, выйдя наподобие демонов, освобожденных из Тартара [почему и названы тартарами, будто [выходцы] из ада — «Тартара»], словно саранча, кишели они, покрывая поверхность земли <...>. Вторгшись в пределы сарацин, они сровняли города с землей, вырубали леса, разрушили крепости, выкорчевали виноградники, разорили сады, убили горожан и сельских жителей <...>. Чудовищами надлежит называть их, а не людьми, ибо они жадно пьют кровь, разрывают на части мясо собачье и человеческое и пожирают его <...>. Они не знают человеческих законов, не ведают жалости, свирепее львов и медведей <...>. Когда нет крови, они жадно пьют мутную и даже грязную воду. Они владеют мечами и кинжалами, отточенными с одной стороны, являются удивительными лучниками и не щадят никого <...>. Никто из них не знает иных языков, кроме своего, которого не ведают все остальные народы <...>. Стремительные, как молния, достигли они самых пределов христианских и, учиняя великое разорение и гибель, вселили во всех невыразимый страх и ужас. Вот почему сарацины возжелали заключить союз с христианами и обратились к ним, чтобы объединенными силами они смогли противостоять этим чудовищным людям. Полагают, что эти тартары, одно упоминание которых омерзительно, происходят от десяти племен, которые последовали, отвергнув закон Моисеев, за золотыми тельцами и которых сначала Александр Македонский пытался заточить среди крутых Каспийских гор смоляными камнями. Когда же он увидел, что это дело свыше человеческих сил, то призвал на помощь бога Израиля, и сошлись вершины гор друг с другом и образовалось место, неприступное и непроходимое. [И] как написано в «Ученой истории», они выйдут на краю мира, чтобы принести людям великие бедствия».

Но вот еще направленное архиепископу Бордосскому письмо 1243 года из той же «Великой хроники» Матвея Парижского. В нем горестный плач сопровождается еще более фантастическими картинами зверств, хотя прошло уже некоторое время с момента появления монголов на Дунае:

«Гиральда, милостью божией архиепископа Бордоского, приветствует Ивон <...>. Я потому сказал об этом, что некое племя огромное, люди бесчеловечные, закон которых — беззаконие, гнев — ярость, бич гнева господня, безграничные земли проходя, жестоко их разоряет, яростно снося все преграды огнем и мечом. Этим именно летом сей упомянутый народ, называемый татарами, вступив в Паннонию, которую захватил без сопротивления, бесчисленным войском жестоко осадил тот город, в котором мне тогда случилось быть. И было в нем из многих воинов всего пятьдесят человек, которых с двадцатью арбалетчиками герцог оставил для охраны. Все они, завидев войско с одного возвышенного укрепления, содрогнулись перед нечеловеческой жестокостью спутников Антихриста, и слышался им возносящийся к богу христианскому горестный плач всех тех, которые без разницы положения, состояния, пола и возраста равно погибли разною смертью, врасплох застигнутые в прилегающей к городу местности. Их трупами вожди со своими и прочими лотофагами, словно хлебом питались, и оставили они коршунам одни кости. Но что удивительно — голодные и нена сытные коршуны побрезговали тем, чтобы доесть случайно оставшиеся куски плоти. А женщин старых и безобразных они отдавали, как дневной паек, на съедение так называемым людоедам; красивых не поедали, но громко вопящих и кричащих толпами до смерти насиловали. Девушек тоже замучивали до смерти, а потом, отрезав им груди, которые оставляли как лакомство для военачальников, сами с удовольствием поедали их тела».

В 1244 году католические иерархи предоставили убежище древнерусскому архиепископу Петру, который «как можно было судить, [человек] честный, набожный и достойный доверия, изгнанный татарами, бежал из своего королевства и спасся, переправившись в области по эту сторону Альп, чтобы для архиепископства своего получить совет и помощь и от братьев своих утешение, если помогут ему, по велению божьему, Римская церковь и милостивая благосклонность здешних правителей».

Случай такого покровительства, конечно же, редчайший. Ведь с 1054 года, с момента предания анафеме и изгнания папских легатов из Константинополя и, пожалуй, особенно после 1204 года, когда Константинополь был сокрушен крестоносцами, между католиками и схизматиками-православными никаких сколько-нибудь дружельюбных контактов не замечалось вовсе. Православного же архиепископа активно расспрашивали, прежде всего, о монголах, и вот что он поведал:

«Я думаю, что они были последними из мадианитов, бежавших от лица Гедее-на до самых отдаленных областей востока и севера и осевших в месте ужасном и в пустыне необитаемой, что Этревом называется. И было у них двенадцать вождей, главного из которых звали Тартаркан. От него и они названы тартара-

ми, хотя некоторые говорят, что они названы от Тараконта. От него же произошел Чиратхан, имевший троих сыновей. Имя перворожденного — Тесиркан, второго — Чурикам, третьего — Бататаркан. Они, хотя и были возвращены в горы высочайших и почти недоступных, грубые, не признающие закона и дикие и воспитанные в пещерах и логовах львов и драконов, которых они изгнали, все же были подвержены соблазнам. И вот вышли отец и сыновья с бесчисленными полчищами, по-своему вооруженными, и некий величайший город, название которого Эрнак, осадив, захватили его и владыку этого города, которого сразу убили, а Курцевсу, его племянника, бежавшего, преследовали по многим провинциям, опустошая все провинции, которые давали ему убежище. Среди них в большей части опустошена Руссия вот уже двадцать шесть лет. По смерти же отца трое братьев отделились друг от друга. И в течение долгого времени, став пастухами стад, которые захватывали всех соседних им пастухов или убили, победив, или себе покорили. Итак, став многочисленными и более сильными, избирая из своего числа вождей, они стремительно нападали на самые отдаленные места и покоряли себе города, побеждая их жителей. Тесиркан пошел против вавилонян, Чурикан — против тюрков, Бататаркан остался в Орнаке и послал вождей своих против Руссии, Польши и Венгрии и многих других королевств <...>. И уже прошло, как говорят, тридцать четыре года с тех пор, как впервые вышли они из пустыни Этрев» (Матвей Парижский «Великая хроника»).

Что в этих текстах сразу же бросается в глаза? Прежде всего, необузданная и ничем не сдерживаемая фантазмагория в объяснении происходящего. Для элиты католического мира, как и для православного Петра, эти неведомые пришельцы с востока почти без всякого сомнения являются выходцами из ада — Тартара, отчего их и именуют **тартарами**. Господь повелел отворить это мрачное узилище и в наказание погрязшим в грехах народам выпустить этих чудищ из мрака преисподней, и им нет числа (см. также тексты из главы 21). Само собой разумеется, в настоящем случае не может не привлечь внимания резкий контраст в образе этих степняков, с одной стороны, у европейцев, а с другой, у народов южного домена Востока Евразии, да и пожалуй, даже у исламских народов Туркестана и Ирана. Для европейцев — это нелюди, чудища, посланцы преисподней. На Востоке — это все таки люди, правда, вредоносные, враждебные, ненавистные, с которыми хотя и невероятно трудно иметь дело, но как без этого обойтись? Вспомните, как укоряли китайские сановники своих императоров: стыдно быть под пятой у варваров, численность которых меньше, нежели обычный уезд Поднебесной (см. главу 26). На Западе же эти же народы-насилыники кажутся воистину бесчисленными...

В попытках организации коллективного отпора

Фридрих II Гогенштауфен, без сомнения, являлся одной из самых примечательных фигур европейской истории 13 столетия, и мы говорили о нем в главе 21

(см. также рис. 21.11). Вершиной его «приключений» на самых верхних уровнях иерархии католической Европы было его избрание императором Священной Римской империи, сопровождавшееся тягостным конфликтом с Римским первосвященником. Отлучение его от «истинной церкви» с параллельным наложением на «пуп Земли» Иерусалим запрета проведения в этом священном граде любых церковных обрядов — «Interdictum», явилось вершиной этой конфронтации. В осознании грядущих невзгод для королевств и княжеств подвластной ему Империи Фридрих рассылает письма их лидерам с призывом объединить усилия в этой тяжелой борьбе. При этом Фридрих свою вражду с римским Папой скрывать никак не хочет:

«Мы же все это, насколько могли, предвидели и часто предупредомляли в посланиях и через вестников Ваше королевское величество [Англии], равно как и других христианских правителей, серьезно советовали и требовали от Вас, чтобы процветала среди тех, кто восседает на тронах, единая воля, любовь и мир, чтобы утихли распри, которые довольно часто причиняют вред государству Христа, и чтобы они живее поднимались в согласии против той опасности, которая недавно возникла <...>. О боже! Как и сколько раз желали мы унизиться, всячески изъявляя добрую волю к этому, только чтобы Папа римский прекратил распространяемое по всему миру поношение нас по причине его неприязни к нам и обуздал свой неразумный гнев <...>. Но поскольку собственная его воля была для него законом и он не сдерживал безудержный поток своей речи и не считал нужным воздержаться от бесчисленных попыток к раздорам, то он к радости мятежников, <...> через своих легатов и нунциев приказал возгласить против меня, правой руки и защитника церкви, крестовый поход <...>. А так как наше самое неотложное дело — освободиться от внутренних врагов, то как отразить нам и варваров? Ибо через лазутчиков своих, которых они повсюду высылают вперед, они, хотя и не направляемые божественным законом, но все же сведущие в военном искусстве, узнали об общественном разногласии и о беззащитности и ослабленности земель; и услышав о раздоре королей и распрях между королевствами, они еще более воодушевляются и поднимаются <...>. Итак, имея в виду и то, и другое, мы, с божьей помощью, приложим силы и энергию, дабы отразить опасность, грозящую церкви как со стороны внутренних врагов, так и со стороны варваров. Мы решительно повелели возлюбленному сыну нашему Конраду и другим знатым людям нашей империи всеми силами препятствовать мощному вторжению врагов-варваров. Также и Вашу светлость во имя общего дела творцом веры нашей христианской, господом нашим Иисусом Христом от всей души умоляем как можно скорее подготовить действенную помощь, постоянно размышляя и заботясь о себе и своем королевстве, которое да сохранит бог в состоянии процветания. Мы требуем этого во имя пролитой крови Христа и родственного союза, связующего нас. И пусть они присоединятся к нам, чтобы стойко и мужественно

сражаться за освобождение христианского мира и в борьбе против врагов, уже готовых вторгнуться в пределы Германии, словно во врата христианского мира, совместными силами обрести заслуженную победу во славу войска господня» (Матвей Парижский «Великая хроника», 1241 год).

Католический мир: этап начального отрезвления

Готовя посольство к властителям монгольских народов, римский первосвященник Иннокентий IV обнародовал в марте 1245 года буллу под титулом «К царю и народу тартарскому». В тексте столь удивительного по своей литературной экспрессии воззвания Папа писал:

«Не только люди, но также и неразумные твари и даже земные элементы мироздания соединены и связаны друг с другом, подобно естественному союзу по образу небесных духов, так как Создатель Универсума все эти мириады отметил тем, что все разнообразие уровней охватывают вечные и нерушимые узы мира. А посему мы, по всей справедливости, удивлены тем, что вы, как мы слышали, напали на многие земли христианских и других народов и подвергли их страшному разорению. И до сих пор не иссякла ваша ярость, ибо вы все еще протягиваете жаждущие убийств руки к отдаленным странам <...>. По примеру небесного Царя миротворца мы желаем, чтобы все жили мирно и в страхе Божьем, а потому горячо просим, умоляем и призываем вас совсем отказаться от подобных вторжений, и прежде всего от преследования христиан, и искупить вину подобающим покаянием. Знайте же: если вы уверенные в силе своей, до сей поры предаетесь таким неистовствам, <...> то лишь по воле всемогущего Бога, который допустил, чтобы различные народы были повергнуты в прах пред лицом Его. И если Бог медлит некоторое время с наказанием высокомерных в этом мире, Он поступает так намеренно. Но если вы пренебрежете добровольным смирением, то Бог не забудет ваши злые дела и не только накажет вас в этом бренном мире, но и воздаст за ваши злодеяния самыми тяжкими карами в будущей жизни» (Юрченко: 82—83).

Даже ныне, спустя многие столетия, очень трудно комментировать как решения, так и текст послания римского первосвященника. Судя по всему, в папском клире уже тогда возникали некие сомнения, хотя и смутно выражаемые: а действительно ли эти орды тартареев являются выходцами из библейского логова Гога и Магога? Может быть, об этих тварях вообще нужно судить как-то иначе? Папа уверяет совершенно неведомого ему великого хана тартар, что всех обитателей мира должны охватывать «вечные и нерушимые узы мира».

Однако в то же время он сам обретаётся в таком мире, где столетиями непрерывно льется кровь. Где, например, уже с 1233 года, то есть с так называемого периода «второй инквизиции», практически все процессы над подозреваемыми в ереси сопровождались «умалением членов» (рис. 28.1). Сожжение упорных еретиков служило главным «шоу» для толпы, и это обыкновенно проводилось

Рис. 28.1. Испанская инквизиция очищает мир от еретической скверны. Западноевропейская средневековая миниатюра (Chronik: 313)

в один из важнейших христианских праздников. В означенный для такого действия день проповедь великого инквизитора могла начинаться словами: «Если Бог веками терпит наши беззакония, то люди вполне справедливо посвящают хотя бы один день, чтобы отомстить за поношение Бога. Святой трибунал являет сегодня свое усердие к славе Господа» (Барро: 45).

Римский Папа, кстати, сам инициировал кровавые акции: ведь именно понтифик за год до послания к «царю тартарскому» выпустил буллу о седьмом крестовом походе против мерзких сарацин. Папа призывает хана покаяться в своих злодействах, наивно рассчитывая, что тот устыдится деяний своих. Он верен своей мысли, что и тартары являются лишь только карающим грешников мечом в руках Господа.

Согласно распоряжению Папы, тогда же были снаряжены два посольства. Первое из них возглавил францисканский монах Джованни дель Плано Карпини, чей статус по возвращении в Рим повысился до архиепископа Антиварийского. Главной фигурой второго посольства явился доминиканец Асцелин. Однако пути их следования к ставкам монголов и результат каждого из посольств оказались весьма несходными. Так или иначе, но уже через месяц с небольшим после обнародования буллы миссия Плано Карпини направилась к монголам северным путем — в ставку Батыя в Золотой Орде на Нижней Волге — через Богемию, Польшу, Русь. Заметим при этом, что главе миссии шел тогда уже 64-й год, — возраст более чем почтенный для столь тяжкого, многотысячекилометрового опасного странствия.

«Когда направлялись мы, по поручению апостольского Престола, к Татарам и к иным народам востока и знали волю на то Господина Папы и досточ-

тимых кардиналов, мы прежде избрали путешествие к Татарам. Именно мы опасались, что от них вскоре будет грозить опасность Церкви Божией. И хотя мы опасались, что Татары или другие народы могут нас убить или подвергнуть вечному пленению, или голоду, жажде, холоду, зною, чрезмерным поношениям и трудам и, так сказать, мучить сверх сил (все это, за исключением смерти или вечного пленения, и случилось с нами многократно в гораздо большей степени, чем мы могли представить себе раньше), однако мы не щадили себя самих, чтобы иметь возможность исполнить волю Божию согласно поручению Господина Папы и чтобы принести чем-нибудь пользу христианам, или, по крайней мере, узнав их истинное желание и намерение, иметь возможность открыть это христианам, дабы Татары своим случайным и внезапным вторжением не застigli их врасплох, как это и случилось однажды по грехам людским, и не произвели большого кровопролития среди христианского народа» (Карпини: Введение, I).

Через год миссия достигла Сарая, где находилась ставка Бату-хана, и в том же 1246 году им удалось предстать перед великим Гюк-ханом. Жесткий ответ монгольского властителя римскому Папе не заставил себя ждать.

«Силою Вечного Неба, мы Далай-хан всего великого народа — наш приказ. Это приказ, посланный великому папе, чтобы он его знал и понял <...>. Силою Бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам. Кроме приказа Бога так никто не может ничего сделать. Ныне вы должны сказать чистосердечно: «мы станем вашими подданными, мы отдадим вам все свое имущество». Ты сам во главе королей, все вместе без исключения, придите предложить нам службу и покорность. С этого времени мы будем считать вас покорившимися. И если вы не последуете приказу Бога и воспротивитесь нашим приказам, то вы станете нашими врагами» (Юрченко: 84—85).

Вряд ли чтение ответного послания монгольского хана доставило Папе удовольствие. Впрочем, даже от таких нелюбезных контактов проистекала безусловная польза. Ведь францисканской миссии удалось принести папскому окружению абсолютно новые и даже, наверняка, неожиданные сведения о совершенно незнакомом римской элите реальном мире.

Чрезвычайно раздвинулись рамки ойкумены: «Итак, вышеназванная земля [монголов] расположена в той части востока, в которой, как мы полагаем, восток соединяется с севером. К востоку же от них расположена земля Китайцев, а также Солангов, к югу земля Саррацинов, к юго-западу расположена земля Гуиров, с запада область Найманов, с севера земля Татар окружена морем океаном. В одной своей части она чрезмерно гориста, в другой представляет равнину, но почти вся она смешана с хрящом, редко глиниста, по большей части песчана» (Карпини: глава первая, 1).

Монголы теперь уже не являли собой человекообразных чудищ: «Внешний вид лиц отличается от всех других людей. Именно между глазами и между

щеками они шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скул; нос у них плоский и небольшой; глаза маленькие, и ресницы приподняты до бровей. В поясе они в общем тонки, за исключением некоторых, и притом немногих, росту почти все невысокого. Борода у всех почти вырастает очень маленькая <...>. Те же волосы, которые находятся между затылком и <...> бритым местом, они оставляют расти вплоть до бровей, а с той и другой стороны лба оставляют длинные волосы, обстригая их более чем наполовину; остальным же волосам дают расти, как женщины. Из этих волос они составляют две косы и завязывают каждую за ухом. Ноги у них также небольшие» (Карпини: глава вторая, 1).

У них особая религия: «Они веруют в единого Бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также и признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений, однако они не чтут его молитвами или похвалами, или каким-либо обрядом. Тем не менее у них есть какие-то идолы из войлока, сделанные по образу человеческого, и они ставят их с обеих сторон двери ставки и вкладывают в них нечто из войлока, сделанное наподобие сосцов, и признают их за охранителей стад, дарующих им обилие молока и приплода скота. Других же идолов они делают из шелковых тканей и очень чтут их <...>. Сверх того, они набожно поклоняются солнцу, луне и огню, а также воде и земле, посвящая им начатки пищи и питья <...>. И так как они не соблюдают никакого закона о богопочитании, то никого еще, насколько мы знаем, не заставили отказаться от своей веры или закона, за исключением [русского князя] Михаила <...>. Хотя у них нет никакого закона о справедливых деяниях или предостережении от греха, тем не менее все же они имеют некоторые предания о том, что называют грехами, измышленные или ими самими, или их предшественниками» (Карпини: глава третья, I—III).

Невзирая на жестокий и надменный ответ Гуюк-хана, францисканцы свою миссию выполнили в целом успешно. Однако подобного рода выражения окажутся совершенно непригодными для оценки результатов посольства доминиканца Асцелина, направившегося к монголам через Малую Азию. Двигалась та группа монахов много медленнее францисканцев и сумела лишь в конце мая 1247 года достичь ставки Байджу-нойона. Предводитель монгольского тумена располагался лагерем на территории Армении близ Сисиана (рис. 28.2). Подробный отчет об этом визите сохранился благодаря донесению в Рим Симона де Сент-Квентина, и его текст также весьма любопытен для нас.

С самого начала может поразить абсолютное неумение налаживать дипломатические контакты. Добравшись до ставки Байджу-нойона, доминиканцы пожелали видеть князя.

«Узнав об этом, сей предводитель, который восседал в своем шатре, облаченный в золоченые одежды, причем даже окружавшие его бароны были в шелковых одеяниях, роскошных и раззолоченных, послал к упомянутым братьям своего <...> главного советника, с несколькими своими баронами и перевод-

Рис. 28.2. Татевский монастырь в районе Сисиана (Армения). В 1247 году почти наверняка его частыми «посетителями» бывали монгольские всадники туменов Байджун-нойона, с которым и вел безуспешные переговоры брат Асцелин (Google, фото А. Авагяна)

чиками. Они же, предпослав церемонию приветствия, вопрошают братьев: «Чи вы послы?» А брат Асцелин, главный посол господина Папы, отвечает за всех: «Я посол господина Папы, который у христиан по своему достоинству ставится выше любого человека, и они почитают его как отца и господина». При этих словах те, чрезвычайно возмущаясь, сказали: «Как вы заносчивы, говоря, что Папа, господин ваш, выше любого человека. Неужели он не знает, что Хан — сын Бога? А поскольку нойон Байджу и Баты поставлены им предводителями, постольку имена их известны всем и прославляются повсюду».

Брат Асцелин им отвечал: «Кто такой Хан и кто такой нойон Байджу и Баты, господин Папа не знает и никогда их имен не слышал. Только одно он слышал от многих и об этом составил себе представление, что есть некий варварский народ, который именуется тартарами, уже давно переступивший рубежи Востока, который подчинил многие страны своему владычеству и, никого не щадя, истребил бесчисленное множество людей. И если бы он слышал хотя бы звук имени Хана и его предводителей, то какое-нибудь одно из имен в своем послании, которое мы доставили, он никоим образом не преминул бы написать».

Скандалы продолжались, и накал их возрастал. На вопрос о подарках Байджун-нойону — а это являлось по тогдашним понятиям непременным атрибутом любого посольства — доминиканцы поясняли: «Ничего в особенности от имени госпо-

дина Папы мы ему не доставили, ведь Папа и не имеет обыкновения посылать кому-либо подношения, неверному и незнакомому тем более, и даже напротив, верные его сыновья, а именно христиане, а также еще очень многие неверные часто присылают ему дары и доставляют подношения».

Монголы от этого буквально свирепели: *«Как вы можете, забыв стыд, появиться перед господином нашим для вручения посланий вашего господина с пустыми руками, тогда как никто из людей, сюда прибывающих, так по отношению к нему не поступает?»*

Брат Асцелин упорствовал и — более того — убеждал монголов пройти обряд крещения; но ему в ответ: *«Вы уговариваете, чтобы мы стали христианами и стали бы собаками, как и вы. Разве Папа ваш не собака, и вы все христиане не собаки?»* На эти слова брату Асцелину никак не удавалось ответить, поелику *«они всячески мешали ему ревом и криками, резкими и буйными».*

Наконец, озлился уже сам Байджун-нойон: *«выслушав, как отвечали его приближенным и баронам с переводчиками, преисполнился негодования и, загоревшись яростью на братьев, трижды решительно приказал, чтобы их убили»* (Юрченко: 88—111).

Нет, послов не обезглавили, иначе мы бы не могли иметь в руках сей любопытный документ. Согласитесь, однако, что перед нами совершенно невозможная ситуация: монголы завоевывают мир, а им — победителям — неизвестно откуда появившаяся жалкая кучка людей предлагает покаяться в смертных грехах и принять обряд неведомого им крещения. Думается, то были прискорбные издержки старых представлений католической верхушки об окружавшем их мире.

Де Рубрук и Марко Поло

Тем не менее контакты продолжались. Монгольские завоевания — и пусть не покажется это странным — послужили весьма своеобразным и многотысячекилометровым «мостом», связующим между собой Восток и Запад. По этому гигантскому мосту устремились на Восток наиболее отважные представители Запада. Упомянем лишь наиболее знаменитых из них.

В 1252 году францисканский монах, фламандец Гийом де Рубрук «со товарищи» — братом Бартоломео из Кремоны и братом Андреем Лонжюмо — по поручению Людовика IX отправляются в дальнее восточное странствие. Первым пунктом их остановки стал Константинополь, где они провели целый год. Затем в 1253 году Рубрук вместе со спутниками попадает в Золотую Орду, а затем уже зимой достигает Каракорума (рис. 28.3), — официальной столицы властителя монголов Менгу-хана или же Мунке (заметим при этом, что в своей столице степные владыки засиживаться особо не любили). Рубрука же этот «столичный град» крайне удивил своими жалкими размерами: *«О городе Каракоруме да будет вашему величеству известно, что, за исключением дворца, он уступает даже пригороду святого Дионисия, а монастырь Святого Дионисия стоит вдесяте-*

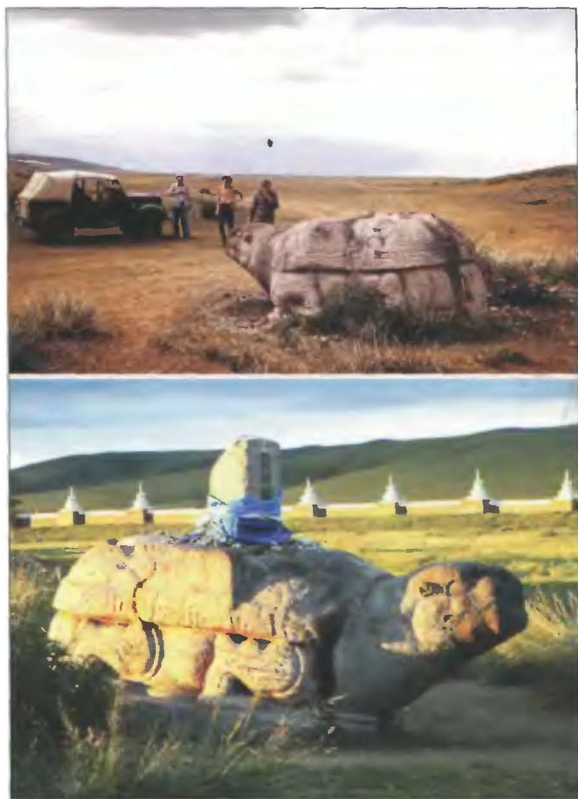

Рис. 28.3. Город каракорум (Хархорин) — провозглашенный при хане Угедее столицей Монгольской империи. Так выглядело это место в 1979 году (верхнее фото); но в 2000 году его вид заметно изменился (нижнее фото)

ро больше, чем этот дворец <...>. Там находятся двенадцать кумирен различных народов, две мечети, в которых провозглашают закон Магомета, и одна христианская церковь на краю города. Город окружен глиняной стеною и имеет четверо ворот» (Рубрук: глава 44).

Менгу-хан оказался сравнительно приветливым и не чинил никаких препятствий посланцам Запада. Да и сам Гийом де Рубрук выглядел несравненно более способным дипломатом, нежели «упертый» Асцелин. Удивляло, пожалуй, также очень большое число пленников-христиан, особенно несторианского толка, с которыми посланнику можно было довольно свободно вести разнообразные беседы. Встретил Рубрук там и того мастера, кто соорудил во дворце и донныне весьма знаменитое серебряное дерево (рис. 28.4). «Так как в этот большой дво-

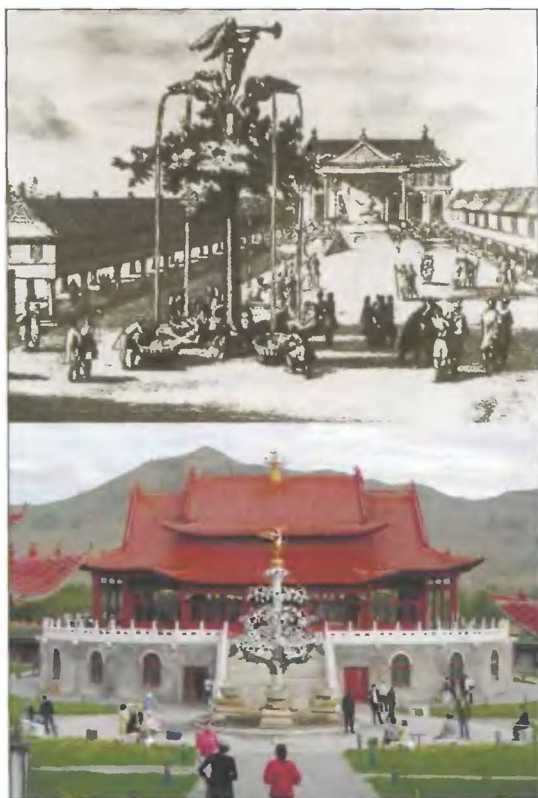

Рис. 28.4. Таким представлялся Каракорум после рассказов о нем де Рубрука; на переднем плане виден легендарный серебряный фонтан, авторство которого приписывают некоему пленнику-французу — верхний кадр (Груссе: 192—193). Так выглядит в наши дни архитектурная реконструкция Каракорума с тем же серебряным фонтаном (Wikipedia)

рец непристойно было вносить бурдюки с молоком и другими напитками, то при входе в него мастер Вильгельм парижский сделал для хана большое серебряное дерево, у корней которого находились четыре серебряных льва, имевших внутри трубу, причем все они изрыгали белое кобылье молоко. И внутри дерева проведены были четыре трубы вплоть до его верхушки; отверстия этих труб были обращены вниз, и каждое из них сделано было в виде пасти позолоченной змеи, хвосты которых обвивали ствол дерева. Из одной из этих труб лилось вино, из другой <...> — очищенное кобылье молоко, из третьей — напиток из меду, из четвертой — рисовое пиво» (Рубрук: глава 41).

Вообще же де Рубрука, равно как и других путешественников, в монгольских ставках не могло не охватывать крайнее изумление при столь явных признаках поразительной веротерпимости у степных завоевателей. Такого «надругательства» над истинной верой в католическом мире, конечно же, невозможно было бы даже представить. На фоне этой религиозной толерантности дикое впечатление производит даже сегодня кипевшая в далеком Каракоруме неистовая злоба между представителями двух соперничающих между собой главных религий Запада. Рубрук рассказывал, что христианский монах поднес брату Менгу-хану *«Арабукхе свои плоды, которые тот принял; рядом с ним сидели два вельможи из двора самого хана, сарацины <...>. Арабукха, зная про вражду, существующую между христианами и сарацинами, спросил у монаха, знает ли он упомянутых сарацин. Тот ответил: «Знаю, потому что они собаки; зачем держишь ты их возле себя?» Те возразили: «Зачем ты говоришь нам обидные речи, тогда как мы не говорим тебе никаких?» Монах сказал им: «Я говорю правду, и вы и Магомет ваш — презренные псы». Тогда они начали отвечать богохульствами на Христа, но Арабукха удержал их, говоря: «Не говорите, так как мы знаем, что Мессия — Бог» (Рубрук: глава 44).*

В 1255 году де Рубрук вернулся в родные пенаты и отправил послание королю. В сравнении с документами Плано Карпини его информация менее систематична: в его описаниях более любопытными являются, пожалуй, многочисленные этнографические картинки и зарисовки. Однако, как и у посланцев Папы, в тексте встречается изрядное число фантастических сюжетов, как, например, о покрытых волосами людях ростом всего с один локоть, у которых никогда не сгибаются ноги в коленях, отчего они не ходят, но прыгают и т. п.

Гораздо более популярной для позднейших читателей предстает фигура венецианца Марко Поло. Его отец Николо и дядя Маффео около 1260 года отправились на восток, добрались до ставки верховного хана Хубилая и прослужили там 17 лет. В 1270 году братья вернулись в Венецию; однако уже на следующий год они замыслили новое путешествие к этим манящим своей экзотикой краям, но вместе с молодым Марко. Хубилай, перенесший свою столицу в Пекин и objavивший себя основателем монголо-китайской династии Юань, якобы хорошо помнил семейство Поло и милостиво принял на службу их молодого отпрыска (рис. 28.5).

«Марко как-то очень скоро присмотрелся к татарским обычаям и научился их языку и письменам. Скажу вам по истинной правде, научился он их языку, и четырем азбукам, и письму в очень короткое время, вскоре по приходе ко двору великого хана. Был он умен и сметлив. За все хорошее в нем да за способность великий хан был к нему милостив. Как увидел великий хан, что Марко человек умный, послал он его гонцом в такую страну, куда шесть месяцев ходу; а молодчик дело сделал хорошо и толково» (Марко Поло, глава XVI). Любопытно, конечно же, — ведь этими весьма лестными словами Марко Поло характеризует собственную персону.

Рис. 28.5. Семейство отважных венецианских путешественников-купцов Маффео, Никколо Поло с их племянником Марко Поло на приеме у великого хана Хубилая в столице юаньского Китая Ханбалыке (Пекине). Иллюстрация из «Книги о Великом хане» (Chronik: 331)

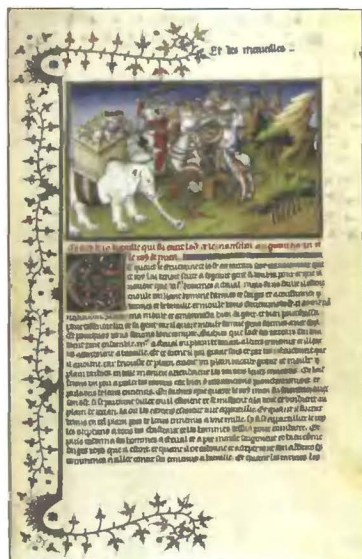

Рис. 28.6. Страницы из знаменитой книги Марко Поло «Il milione» о его путешествиях и встречах (Панорама: 296)

Рис. 28.7. Так после путешествий на Восток Марко Поло и других представляли в Европе многих тамошних обитателей. Миниатора из «Книги чудес», Франция, 15 век (Панорама: 257)

В Венецию Марко Поло вернулся уже в возрасте сорока двух лет. Вскоре в разгоревшейся войне с Генуей он угодил в плен и только в генуэзской тюрьме приступил к сочинению своей знаменитой книги «Il milione» (рис. 28.6). Сочинение это в сравнении, скажем, с более сухой, но системной информацией Плано Карпини, страдает множеством фантазий (рис. 28.7) и абсолютно непроверенных или же трудно проверяемых сведений.

Однако наиболее важной сердцевиной всех этих событий явилось то, что в непроходимых барьерах между скрытыми зонами тогдашней ойкумены обнаружались серьезные трещины и промоины, а тринадцатое столетие в этом отношении становилось переломным для воззрения католического Запада на гигантский Евразийский мир.

Глава 29

АПОГЕЙ И РАСПАД ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ

Апогей Империи

К 70-м годам 13 столетия полувековой наступательный порыв монголов иссяк, и картина евразийского мира на некоторое время стабилизировалась. Публикуемая здесь карта (рис. 29.1) отражает лишь самые общие черты целостного полотна евразийского мира, поскольку излишняя детализация вряд ли способна содействовать основным целям нашего изложения.

Под властью монгольских ханов к этому времени оказалось не менее половины пространств суши всего Евразийской материка, или же около 27—30 миллионов квадратных километров из 52 миллионов всей суши континента. Их владения охватывали, безусловно, существенно бóльшую часть всех значимых культур и социальных объединений Евразии. Правда, в лесных даях Евразии провести сколько-нибудь точную границу Великой Монгольской Империи крайне сложно. Но ведь тогда мало кто, включая и монгольских властителей, вряд ли испытывал сколько-нибудь горячий интерес к обществам таежной, северной зоны и был обуреваем желанием обладать ими.

Мусульманский мир, арабские халифаты, а затем уже и сельджукские султаны понесли в результате восточных нашествий, конечно же, самый губительный урон. Монголы овладели восточными, наиболее богатыми областями исламских сообществ — Ираном, Месопотамией и некоторыми другими, так что под их господством оказалось пространство, равное примерно пяти миллионам квадратных километров. На противоположном, западном фланге их господства — Пиренейском полуострове — католические короли и герцоги продолжали систематически вытеснять мавров к южному побережью полуострова; и под властью исламских владык на этом полуострове оставалась пока лишь его «жемчужина» — Андалусия. За пределами иберийских земель под рукою исламских властителей находились довольно малопривлекательные по своей природной скудости области полупустынной и пустынной Северной Африки да их арабская колыбель — Аравийский полуостров. Исключение в этом ряду составлял, пожалуй, лишь один богатый Египет, который монголы так и не смогли захватить. Однако власть арабских мусульман по-прежнему распространялась на пространствах до 6 млн кв. км. (рис. 29.1; сравните с картой на рис. 20.3).

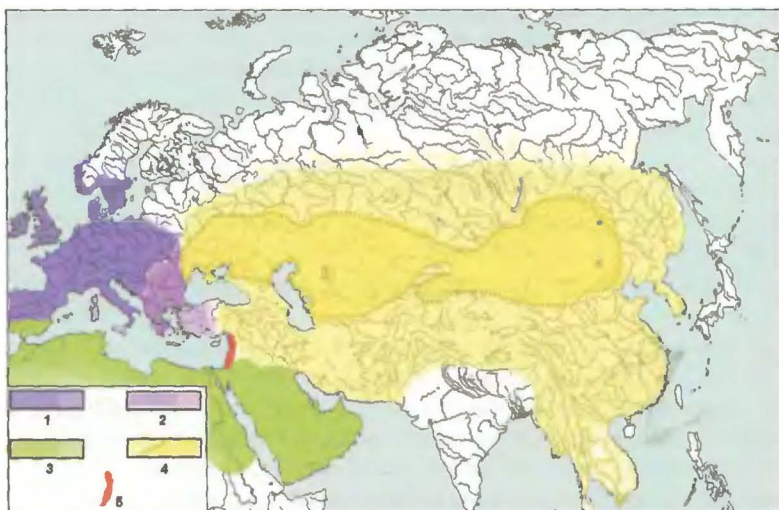

Рис. 29.1. Схематическая карта ареалов господства четырех блоков основных враждующих между собой сообществ во второй половине 13 столетия.

Условные обозначения: 1 — христианские католические государственные объединения; 2 — Византийская империя и христианские православные княжества; 3 — исламские (арабские) государственные объединения; 4 — Монгольская империя с контуром границ Степного Пояса (отмечен более темной окраской); 5 — основной полигон многовековой конфронтации католиков-крестоносцев и мусульман

Христианский мир также понес немалый урон. Однако в его границах самые тяжкие испытания ожидали те княжества, где доминировала церковь различных восточных толкований христовой веры — как католических, так и православных. Удары пришлось по преимуществу на армянские, грузинские, сирийские, а также древнерусские православные княжества. Тем не менее под рукой Византии и родственных ей по вероисповеданию княжеств оставались территории до одного миллиона квадратных километров (рис. 29.1).

Католический мир, напротив, сохранил свои позиции, а в чем-то даже сумел их заметно усилить. При этом понятно, что неизбежность католических владений в значительной мере обеспечивал весьма необычный симбиоз восточных жертв монгольского нашествия или же своеобразная «исламо-православная подушка безопасности». Разнохарактерные государственные объединения с господством католических канонных веры распространялись по ареалу примерно 3—4 млн кв. км (рис. 29.1).

Поэтому при взгляде на карту может легко показаться, что ко второй половине 13 века монгольские верховные правители до известной степени имели немалое право провозглашать себя истинными властителями всего — по крайней мере, того мира, каковой им в те поры грезился. И с какой убежденностью в своем

особом предназначении звучали слова великого хана Гуюка в ответе римскому Папе: *«Силою Бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце и, кончая теми, где заходит, пожалованы нам. Кроме приказа Бога там никто ничего не может сделать».*

Микроскопический полигон

В этом кратком разделе мы позволим себе немного отвлечься в сторону и сравнить масштабы конфронтации различных миров на огромном полотне, где отражалось стремительное зарождение и формирование структуры Великой Монгольской Империи.

В то трагичное для огромного большинства евразийских народов время весьма странно представляла в своей долгой бесконечности череда кровопролитных битв между христианами (в первую очередь, католиками) и мусульманами. Конечно, в этих бесчисленных схватках лишь длившаяся уже более пяти столетий испанская реконкиста выглядела сравнительно понятной и последовательной. Ведь там против мавров сражались потомки вестготов, в свое время столь сильно униженные мусульманами на полях брани Иберийского полуострова, и их томила вполне понятная жажда реванша. На фоне этого бесчисленные сражения на крохотном пятачке Святой земли кажутся довольно странными: ведь длились они не менее полутора столетий. Среди громад социально-религиозных объединений важнейших борющихся евразийских противников государство крестоносцев по своему территориальному охвату предстает комически ничтожным (рис. 29.1). Ведь даже в пору своего максимального успеха его площадь не превышала 80—100 тысяч кв. км.

Это довольно бесплодное, но весьма кровавое противостояние породило в европейской традиции великое число эпических — как прозаических, так и поэтических — шедевров, а также протяженную череду героических образов! Подразумеваем же мы здесь, прежде всего, те битвы, что на фоне прочих гигантских евразийских социо-тектонических сдвигов 13 столетия кажутся ныне весьма малозначимыми.

Однако что же все-таки заставляло католических вождей в таких условиях безумно долго и в общем-то, по большому счету, весьма безрезультатно биться с приверженцами Аллаха на каменистых и бесплодных холмах Палестины? И это удивляет тем более, поскольку в 1237 году ко двору Людовика IX, которого за свой беспримерный католический фанатизм папский клир посмертно объявил Святым, прибыло исламское посольство (см. предшествующую главу). Целью мусульманских легатов являлся крайне желанный для них договор о совместном отпоре *«диким ордам человекоподобных тварей»*. Однако ничего дельного из этих переговоров не последовало. Более того, уже позднее, в начале 50-х годов, удрученный обидами, нанесенными ему сарацинами в седьмом крестовом походе, Людовик IX инициировал крайне тяжкое и выглядевшее весьма сомни-

тельным по ожидавшимся результатам многотысячикилометровое путешествие монаха Гийома де Рубрука в ставку великого хана Хулагу. Королем овладел наивный расчет договориться с могущественным монгольским властителем о комбинированном, двойном — с востока и запада — ударе по мусульманам, этим извечным и столь ненавистным врагам христиан. В ответ же великий хан предложил французскому монарху признать его власть и присягнуть на верность.

В середине 13 века еще имела место цепочка весьма любопытных событий. Джелал ад-дин, сын того самого хорезмшаха, что бесславно завершил свои дни на островке Каспийского моря, сумел увернуться от свирепой гонки за ним түменов Субедея и Джебе. Блуждая в течение долгих 10 лет по Ирану, Малой Азии и даже Месопотамии, он, сильно ослабленный, с остатками хорезмийских войск оказался на Южном Кавказе. *«Султан Джалаладин [в 1231 году] возвратился с великим позором в страну Агванк—плодоносную и плодородную долину, называемую Муганской, и, устроившись там, хотел собрать войско. Тогда татары, вынудившие его к бегству с родины своей, напали на него, погнали до Амида и там нанесли жестокое поражение его войску. В этом бою и погиб тот нечестивый властитель. Другие говорят, что, когда он бежал пешком, его встретил кто-то и, узнав, убил, мстя за кровь какого-то своего родственника, которого тот когда-то убил. И так зло было уничтожено злом»* (Киракос Гандзакец: глава 19). И здесь мы опять видим, что главными врагами для восточных христиан остаются не всесокрушающие орды восточных кочевников, но мусульмане. О гибели их вождя с особым злорадным чувством в своей хронике сообщает армянский историк. Однако еще спустя 13 лет остатки носящегося по этим пространствам хорезмийского воинства внезапным ударом захватили Иерусалим. Священный град, «пуп Святой Земли», оказался в очередной раз дочиستا разграбленным. Видимо, эта скорбная весть подвигла римского Папу Иннокентия IV выпустить тогда же буллу об очередном — уже седьмом по счету — крестовом походе против сарацин. Уже упоминавшийся выше Людовик IX торжественно и смиренно возложил на себя этот нелегкий крест, однако никакой славы принятая ноша монарху не принесла.

Три поколения завоевателей

Почти непрерывный фантастический натиск монгольских завоеваний терзал Евразию в течение примерно семи десятков лет — срок не бог весть какой протяженный! В данном случае мы ведем отсчет времени от того знаменательного «года Барса» или же 1206-го, когда вожди кочевых народов, подняв у истоков Онона «девятибунчужное знамя», нарекли Темуджина-Чингисхана истинным избранником Неба-Тенгри. Результат семидесятилетней эпопеи известен: неисчислимый конгломерат самых разнообразных народов, населявших до 30 миллионов квадратных километров евразийской суши (рис. 3.1), оказался покоренным всего лишь тремя поколениями воинственных кочевников.

Причем наше удивление многократно возрастет, когда мы вспомним еще раз, что тотальная численность этих кочевников, видимо, во многие сотни, а скорее всего, даже в тысячи раз уступала массе покоренных ими племен и народов. Более того, вполне вероятно, что завоеватели могли бы даже «прирастить» к своей быстротечной империи еще добрый десяток миллионов квадратных километров: ведь к северу от протянувшейся на многие тысячи километров и ничем не маркированной тогда имперской границы простирались суровые, слабо заселенные охотниками и рыбаками лесные, а еще выше и тундровые пространства. Тратить силы на их покорение для монголов, по всей вероятности, не имело большого смысла. Тамошние лесные малочисленные и рассеянные по таежным областям народы оказывать воинственным степнякам какое-либо активное и консолидированное сопротивление были просто не в состоянии. И все, что было ценного, — а это, в первую очередь, пушнина, — монголы и так могли получать от них без каких-либо заметных усилий. Лесные охотники предпочитали, видимо, отдавать им ясак вполне добровольно, чтобы сохранить свою жизнь и покой.

Складывалось довольно определенное впечатление, что ко времени формирования Мировой монгольской империи племена гигантской лесной евразийской зоны являли собой чрезвычайно спокойный и надежный тыл воинственных союзов кочевых народов Степного Пояса. Судя по всему, дело примерно так и обстояло, однако лишь до известной поры. Именно с севера — со столь неожиданного направления — по степнякам и будет нанесен самый губительный для них удар. Но это будет существенно позднее, и об этом речь мы поведем уже в последней части нашей книги.

Поражения без битв

Однако хорошо известно, что в конечном итоге монголы проиграли; причем проиграли чуть ли не на всех «фронтах». Определенное исключение в этом «фронтальном ряду» составляла, пожалуй, Золотая Орда, обязанная своим началом внуку Чингисхана — Бату-хану (Батью), а также его уже «тюркизированным» потомкам. Ее владычество над восточноевропейскими народами — правда, шаг за шагом слабевшее — длилось едва ли не три сотни лет. Отсюда и берет свое начало не столь уж давно весьма знаменитый слоган ***«триста лет татаро-монгольского ига»***, столь непререкаемо и складно долгое время объяснявший причины российской отсталости.

По своей сути и по содержанию процесс распада татаро-монгольского «ига» некоторыми признаками походил на своеобразный второй «акт» кровавой общеевразийской драмы. Причем временная протяженность этого акта оказалась вновь не слишком затяжной. Все свершилось примерно так же — при жизни трех поколений — как и в случае предшествующего скоротечного покорения евразийских народов.

Однако поражения недавних победителей в большинстве случаев очень мало походили по своим проявлениям и по накалу битв на их прежние торжество. Владычество степных воинов-скотоводов снижало, затухало и утрачивало свое величие не столь трагично и конвульсивно, и вялый процесс умирания никак не походил на их ошеломляющие победы. В этой своеобразной по форме степенной «реконкисте» почти невозможно припомнить, к примеру, гигантских кровавых битв, которыми историографы так любят пополнять свой кадастр событий того высокого ранга, что обычно превозносят в качестве событий «всемирно-исторического звучания». Монгольское владычество шаг за шагом, но вместе с тем и достаточно быстро, — здесь для сравнения напомним хотя бы о восьмисотлетней испанской реконкисте, — растворялось в подчинившихся и сильно порушенных ими культурах. Однако темп распада и его сроки оказались для разных частей всемирной империи различными.

Синдромы Антея и Одиссея

Сын Посейдона и Геи — Антей, несокрушимый великан из мифологии древних греков: история его хорошо известна и весьма символична. Опирающийся на Мать-Землю или даже лишь касающийся ее, он был совершенно неодолим. От Земли его сумел оторвать лишь только Геракл. Именно в этот момент Антея покинули силы, и он погиб в объятиях противника.

История непобедимых монгольских конных ратей чрезвычайно — хотя бы по одному, но очень существенному разделу — соответствует смыслу этого древнегреческого мифа: мы можем именовать это синдромом Антея. Правда, их никто не отрывал от их земли, от их степного домена: они оторвались от него сами и очень быстро ослабли, утратили свою могучую силу. Золотая Орда, кстати, оставалась в зоне своего домена, и это, без сомнения, позволило ей сохранять свою значимость и величие намного дольше, нежели другим улусам бывшей мировой империи.

Противник монгольских ханов по своему характеру и мощи не был похож на Геракла. Похоже, что им оказался, скорее всего, Одиссей, покорявший неприятелей своей изощренной изворотливостью. Одиссей олицетворял своей персоной западное хитроумие, а синдром «приманки», который предложил Цзя И — сановник ханьского императора — представлял изворотливость восточную. Поэтому наиболее явно это удастся проследить на примере китайских цивилизаций: ведь ранее всего этот печальный для степных завоевателей колыбельный набат разнесся по Китаю.

Провозглашенная внуком Чингисхана Хубилаем монголо-китайская династия Юань просуществовала лишь менее сотни лет, и в 1368—1370 годах ее смели коренные обитатели Великой Китайской равнины. Тогон-Тэмур — последний монгольский правитель династии Юань был вынужден спасаться бегством из своей столицы Дайду (Даду) или же Ханбалыка — будущего Пекина. *«Тогон-Тэмур,*

покорясь судьбе, добровольно оставил престол одного и удалился в свою отчизну — Монголию <...>, переселясь из пышных чертогов Пекина в скромную хижину на песчаном берегу Дал-нора <...>. Он не мог пережить своего несчастья <...> и скончался в <...> [1370] году, оставив престол сыну своему Аюр-шири-даре, который перенес Двор свой от Дал-нора в Хара-хоринь [Каракорум]» (Бичурин: Историческое обозрение ойратов или калмыков. Электронная версия: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Oirat/frameset1.htm>)

Едва ли не молниеносный распад Великой Империи недавними «властителями Вселенной» был воспринят трагично. Поэтому на долгие столетия в монгольском эпосе сохранился надрывно-горестный «Плач Тогон-Тэмүра» (Ухагату-хагана):

*Разного рода драгоценностями, прекрасными и совершенными,
наполненный мой Дайду!*

Место летних кочевков прежних ханов, <...> Прохладный, прекрасный мой <...>!

В год красно-лысого зайца лишился я тебя, милый Дайду!

Неразумным рожден я, с моим народом и вельможами не встретился я,

*Осталось мне оплакивать их, подобна двухгадовалому бычку, оставшемуся
в кочевье...*

Преисполненный девятью драгоценностями Дайду, мой город,

где восседал я, приняв правление великим народом,

где восседал я, приняв правление сорока тумэнами моих монголов!

В то время, когда процветали религия и Учение,

Так беспечно покинул я милый Дайду, мой город! Названье маей державы! <...>

*Китайцы вмешались, захватили его и оставили мне, Ухагату-хагану, позорное и
плохое имя.*

Всем маим народом построена столица Дайду,

Дворцами наполнен был милый мой Дайду!

Все разрушено ныне китайским народом!

Осталось мне, Ухагату-хагану, только имя, противное и плохое.

Из разного пастроенный драгоценный Дайду, внезапно лишился я милого Дайду...

В час тот, как я вышел из своего дома, Я лишился драгоценной религии и Учения.

Все захватил совсем китайский народ, — милый мой Дайду!

Золотой род Чингис-хана, сына владыки Неба <...>

(Лубсан Данзан: 253—255).

Размягчение грубых душ и пороки

Эффективным, но не очень быстрым путем приручения стало приобщение монгольских ханов к миру ранее чуждых для них постулатов и высот религиозно-философских систем — ислама или буддизма. Духовное перевоспитание и в Китае, и в Иране старались проводить чрезвычайно мягко, как бы ненавязчиво.

Вот, скажем, Тоньюкук — один из самых знаковых и весьма почтенных для тогдашнего времени лидеров Восточного Тюркского каганата предупреждал

великого хана Могиляня об опасностях следования нравственным постулатам чуждых степнякам религиозно-философских систем Китая: *«Учение Будды и Лао-цзы делает людей человеколюбивыми и слабыми, а не воинственными и сильными»*.

Поэтому степным воинам следует страшиться этого таинственного яда.

«[Тюркский] народ по численности не может сравниться и с сотою долею народонаселения в Китае и что он может противостоять сему государству, этому причиною то, что [тюрки], следуя за травой и водою, занимаются звероловством, не имеют постоянного местопребывания и упражняются только в военных делах. Когда сильны, идут вперед для приобретения; когда слабы, то уклоняются и скрываются» (Бичурин 1950: 274).

Действительно, тибетские буддисты (ламаисты) старательно «окутывали» своими наставлениями монгольских властителей, и это им удавалось.

«В конце эпохи Кубилай-каана [Хубилая] было двое тибетских лам, одного звали Танба, а другого — Ламба <...>. Они жили в собственных кумирнях каана <...>. Они были родственниками и пользовались у каана большим доверием и значением. Ламы и их род происходят от государя Тибета. И хотя есть много лам из китайцев, индусов и прочих, но тибетцам больше верят <...>. Те два тибетских ламы приказывают и властвуют. Своих нукеров, которые знают искусство врачевания, они приставили к каану, чтобы те не давали каану много есть и пить. На случай, если им не удастся этому помешать, у них есть две дощечки, связанные вместе. Они ударяют одну о другую, так что получается звук удара дерева о дерево; каан начинает остерегаться и ограничивает себя в еде и питье. Их слова имеют большой вес» (Рашид-ад-дин II: 195—196)

Одним из самых постыдных и тяжких пороков, что сопровождал погружение кочевников в объятия окружавшей их цивилизации, стал алкоголизм. Может быть, самой первой из наиболее значимых персон, чья судьба драматично была предопределена пьянством, стал любимый сын Чингисхана и второй вслед за ним великий хан Монгольской империи Угедей. У того же Рашид-ад-дина мы находим:

«Каан очень любил вино и постоянно находился в опьянении и допускал в этом отношении излишества. Пьянство с каждым днем его все больше ослабляло; сколько ни старались приближенные и доброжелатели удержать его, это не удавалось. Наперекор им он пил еще больше. Чагатай (брат Угедея) назначил одного эмира в качестве блюстителя, чтобы он не позволял ему пить больше определенного количества. Так как он не мог нарушить приказ брата, то вместо маленьких чаш выпивал большие, дабы число их оставалось тем же. И тот эмир-блюститель тоже уже от себя добавлял ему вина и составлял общество, чтобы при удобном случае стать его близким человеком <...>. Однажды ночью во время сна каан от чрезмерного количества выпитого вина скончался. Стали злословить, что при содействии хатун (его жены) и эмиров ему подсыпали яду» (Рашид-ад-дин II: 42).

Однако и сам Угедей создавал этот свой порок. Финальный раздел Сокровенного сказания повествует об оценке собственного жизненного пути великим ханом. Сначала он говорит о тех достижениях, которыми он достоин гордиться: *«Я окончательно покорил Лихудский народ (Гиньское царство) — это во-первых. Во-вторых, я учредил почтовые станции для ускорения передвижения наших послов, а также и для осуществления быстрой доставки всего необходимого. В-третьих, я приказал устроить колодцы в безводных землях, чем доставлю народу воду и корма, и, наконец, учредив должности алгинчинов и танмачинов, установил полный покой и благоденствие для всего государства. Итак, я прибавил четыре своих дела к деяниям своего родителя, государя [Чингисхана]»*.

А далее Угедей буквально посылает собственную главу пеплом: *«Но вот и погрешности мои. Будучи возведен на государев родительский великий престол и восприяв на плечи свои все государственное бремя, бываю я одолевая темным вином. Вот первая моя вина. А вторая вина моя состоит в тех упущениях, которые произошли от захватов по наущению беспутных женщин, девиц из улуса дяди Отчигина. Непристойно было императору впадать в незаконные упущения и пороки. Вы спросите затем, что за вина такая извести, как я извел тайно, Дохолху. Да, это было тяжкое преступление погубить Дохолху, который всегда шел впереди всех пред очами своего государя, моего родителя-хана. Кому же теперь предвирать всех, указуя путь, на глазах мои? Признаю вину свою в том, что по неразумной мести погубил человека, который пред очами хана-родителя опережал всех в ревностном исполнении Правды»* (Сс: 281).

Примерно такую же картину можно было узреть, если перенестись на далекий восток, в столицу монгольских Юаней — Ханбалык (Даду). Великий хан Хубилай, основатель этой династии *«процарствовал тридцать пять лет и, достигнув восьмидесятилетнего возраста, преставился [в 1294 году], тленный мир оставил своему внуку, каану эпохи, знаменитому государю Тимур-каану»*.

Знаменит же Тимур-хан оказался тем, что *«был большим любителем вина. И сколько его каан [Хубилай] ни увещевал и ни взыскивал с него — пользы от этого не было. Дошло до того, что каан бил его три раза палками и приставил к нему нескольких охранников, чтобы они не давали ему пить вино. Некий ученый, по прозвищу Риза, находился постоянно при нем и претендовал на знание алхимии, белой и черной магии. Фокусами и надувательством он прельстил его сердце и постоянно тайком пил вино с Тимур-кааном, из-за этого каан Хубилай был на него сердит. И сколько ни старались, не могли отлучить его от Тимур-каана, ибо он был приятным сотоварищем и остроумным собеседником. А так как охранники и соглядатаи мешали им пить вино, то Риза научил его ходить в баню и говорить банщику, чтобы тот вместо воды тайком вливал в канал вино, которое шло по трубе в бассейн бани, а они его пили. Об этом узнали караульщики и доложили каану, [который] приказал насильно разлучить*

Рис. 29.2. Конный памятник Чингисхану. Высота статуи 40 метров. Сооружен в 2008 году (Wikipedia)

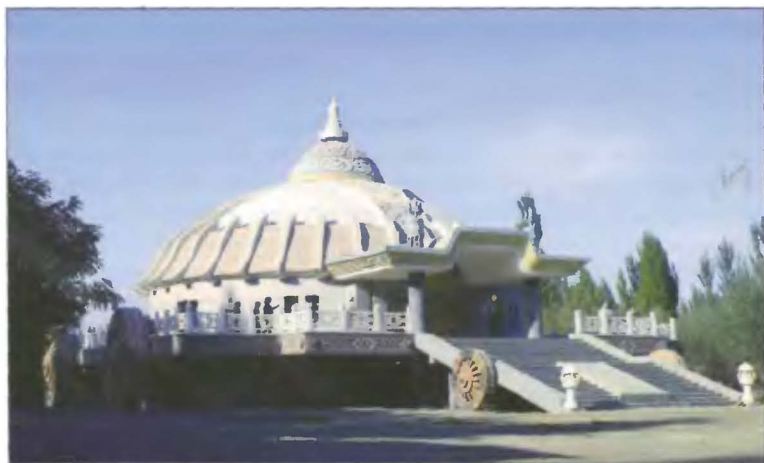

Рис. 29.3. Модель огромной тронной юрты-повозки для торжественных выездов великих монгольских ханов (город Баграш, Синьцзян; Google)

его с Риза. [Того] под каким-то предлогом послали в город и по дороге тайно убили. В настоящее время, когда Тимур стал кааном, он добровольно бросил пить и пьет редко и мало. Бог всевышний изгнал из его сердца любовь к вину <...>. Несмотря на молодость, у него в двадцать пять лет постоянно болели ноги, и он ездил в паланкине на слоне, в настоящее время он из-за ложных слухов и осторожности выезжает реже» (Рашид-ад-дин II: 196).

На слонах при выездах из дворцов восседали уже слабосильные ханы угасающей юаньской династии. Могучие же властители Империи в периоды ее великих побед и в особо торжественных случаях могли передвигаться на невообразимой по своим гигантским размерам и конструкции колесной юрте, влекомой доброй сотней могучих быков (рис. 29.2).

Так весьма прискорбно и в каких-то порой даже карикатурных проявлениях, казалось, завершалась героическая, хотя и сравнительно краткая эпоха потомков великого покорителя Евразии Чингисхана. Она как будто угасала, но не угасла совсем. Эпоха эта могла вдруг напомнить о себе даже в наши дни и также в немалой степени карикатурными сюжетами, которых мы вспоминаем в кратком **Приложении 4 «Последний из Чингизидов»**. Либо как бы совершенно внезапно взлететь ввысь неправдоподобным по своим масштабам и величию памятником Властителю Вселенной, возведенным на высоких холмах неподалеку от нынешней монгольской столицы Уланбаатора (рис. 29.3).

Но этом фоне параллельно на завоеванных кочевниками пространствах очень быстро протекала также «лингвистическая де-монголизация». Монгольский язык утрачивал свою «силу» даже в верхних слоях общества того времени; да он, видимо, никогда такой силы и не имел. Народы, заселявшие области от Каспия до Алтая, как и издавна говорили на различных диалектах тюркских языков. Последнее очень быстро отразилось и на Золотой Орде, с которой связано чрезвычайно много значимых и трагичных страниц в долгой российской истории. На нагорьях и в оазисах Ирана по-прежнему нужно было изъясняться на фарси.

Процессы эти, впрочем, были чрезвычайно сходны с теми, что имели место и раньше, — к примеру, во время покорения южных, балканских славян ордой тюркоязычных болгар, ведомых с северо-востока в придунайские страны знаменитым ханом Аспарухом. Славяне тогда были побеждены, но победители-тюрки совершенно растворились в массе побежденных. Они передали славянам лишь свое сохранившееся до наших дней имя — болгары, и об этом говорилось уже в главе 25.

Глава 30

ВМЕСТО ЭПИЛОГА. ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ВОСТОКА

Три волны с Востока: черты сходства и различий

Напомним, что в ранних разделах нашей книги (см. главу 4) мы предложили выделять в долгой истории мира скотоводческих культур две последовательные эпохи — «дописьменную», или археологическую и «письменную», или же историческую. Базовыми признаками предложенного членения стали кардинальные различия в методологии подхода и анализа тех материалов, что оставили нам кочевые и полукочевые пастушеские культуры. В третьей части книги все внимание было сосредоточено уже на культурах «письменной» эпохи. Для гигантского мира скотоводческих культур Евразии важнейшая суть этого почти полуторатысячелетнего периода и его главное «наполнение» проявилось в безусловной доминанте Востока. Наиболее яркими проявлениями такого господства стали три могучие волны, что зародились на восточной половине континента и устремились на Запад.

Элементы явного сходства в облике и характере всех трех волн легче всего уловить именно в поражающем своей скоростью охвате обширных пространств евразийского Запада. Первую и вторую волны — гуннскую и тюркскую — к примеру, роднит то, что взрыв их активности совпадает непосредственно с эпохой Великого переселения народов I тыс. новой эры. Да и порождены обе взрывные волны были, конечно же, именно этим бурлящим котлом евразийских культур. Гуннские нашествия в 4 и 5 столетиях новой эры совпали с апогеем эпохи Великого переселения. Вторая — тюркская — волна очень быстро последовала за первой, и начало тюркских завоеваний в 6 — 7 веках ознаменовало уже финал этой бурной эпохи.

Очень трудно бывает понять, когда и какие племена гуннского — восточного, монголоязычного (?) этнического массива оторвались от своих родных «пенатов» и стали пионерами рывка этих, по всей вероятности, монголоязычных кочевников на Запад. Но их символ — Аттила и его сокрушительные победоносные походы — породили легенду о формировании в Европе Великой Гуннской империи. В реальности такую империю, конечно же, резонно считать химерой; к тому же поддержку эта мысль получила, по преимуществу, в околонаучных статьях и книгах. Любое государство требует формирования более или менее стройной и упорядоченной системы базовых деталей, обеспечивающих политическую организацию самого социума. Родитель Аттилы Руги-

ла, сам Аттила и его конные орды победоносно прокатились по широким пространствам Европы и затем безвозвратно исчезли. Однако вряд ли нам удастся различить в этих метаниях гуннских отрядов отчетливо выраженные и устойчивые признаки устройства той системы, которая необходима для формирования такого сложного организма как «империя». Аттила и его устрашавшие европейцев победы остались вплоть до нынешнего дня лишь в нашей долгой памяти — и не более того.

Тюркскую волну сопровождала иная и несравненно более благоприятная судьба. Важнейшим результатом этого массированного проникновения на Запад Евразии стало формирование огромного мира тюркоязычных культур (рис. 24.3). Причем такое коснулось не только исходных носителей этих культур — антропологически ярко выраженных монголоидов, расселившихся по западной половине Степного Пояса. «Тюркизация» затронула и европеоидное население оседло-земледельческих культур Средней Азии, Ирана, а уже позднее — Малой Азии и Южного Кавказа. Кроме того и скорее всего, в результате неудач на коренном для тюрков Востоке, связанных с ростом могущества Танской империи в Китае, некоторой части восточных тюркоязычных племен пришлось мигрировать в таежную зону Восточной Сибири. Там и сформировался специфический анклав этих групп в геоэкологически чуждой им лесной среде (см. главу 24).

После быстрого — уже в шестом веке — распада раннего и огромного общеевразийского Тюркского каганата, а затем и его производных каганатов — Восточнотюркского и Западнотюркского, образовалась целая цепь их разнохарактерных наследников, подобных Хазарскому государству или же Болгарскому царству. Однако наиболее примечательным результатом таких разнообразных «слияний» и этнических состыковок явилось вхождение антропологически европеоидных тюркоязычных народов в круг приверженцев ислама. Наиболее яркими выразителями этой ветви стали, безусловно, среднеазиатские кочевые и полукочевые племена огузов. Именно им и обязана история формированием в одиннадцатом столетии обширного Сельджукского султаната, ставшего своеобразным прародителем великой Османской империи.

Третья — уже монгольская — волна с Востока отстояла от «гребня», или же первичного взлета тюркской волны, на долгие шесть столетий. Ее важнейшим результатом явилось Монгольское государство Чингизидов, и донныне сохранившее свой знаковый титул наиболее крупной сухопутной империи в истории Евразии. По стремительным темпам своего формирования и систематичности в организации жизнедеятельности этого колоссального феномена она имела явное преимущество перед прежними волнами, включая даже тюркскую. Уже второй великий хан монголов, сын Чингисхана Угедей, ставил себе в заслугу создание устойчивой системы связей по всей неохватной империи: *«Взойдя на родительский великий престол, вот что совершил я после деяний государя и родителя. Я окончательно покорил Лихудский народ (Гиньское цар-*

ство) — это во-первых. Во-вторых, я учредил почтовые станции для ускорения передвижения наших послов, а также и для осуществления быстрой доставки всего необходимого. В-третьих, я приказал устроить колодцы в безводных землях, чем доставлю народу воду и корма, и, наконец, учредив должности алгинчинов и танмачинов, установил полный покой и благоденствие для всего государства. Итак, я прибавил четыре своих дела к деяниям своего родителя, государя» (Сс: 281). И в этом Угедей не обманывал свое окружение.

Однако на Великую Монгольскую империю довольно скоро обрушилась череда тяжелых испытаний. Ее быстрый распад на составные, пусть даже очень крупные части (улусы), проявился уже во второй половине 13 столетия. Тогда бывшие в системе единой Империи улусы один за другим начали осуществлять на практике независимость от удаленной центральной власти с ее столицей-символом Каракорумом. Разрушение империи не сопровождалось, однако, поражениями в результате громоподобных кровавых битв, подобных тем, что украшали феноменальные успехи монголов времен Чингисхана, его сыновей и старших внуков. Монголам удалось заглотить столь неохватный массив чуждых им и разнохарактерных цивилизаций и культур, что они сами шаг за шагом превращались в их жертву. Губительными для их завоеваний оказались как бы слитые в единый клубок синдром Антея и сформулированный китайским сановником Цзя И синдром «приманок». Отрыв от родной матери-земли с привычным для кочевников укладом жизни в сочетании с обволакивающей их лидеров лестью и усадками оказался им не под силу. Все это разъедало и разрушало их систему, которая не столь уж давно казалась весьма стройной и неуязвимой. Кровавым оказалось лишь восстание «Красных повязок» в Китае, которое положило конец империи Юань, этому творению великого хана монголов Хубилая. И уже хан Тогон-Тэмур — последний из сколько-нибудь значимых в этой династии властителей — был вынужден в 1368 году бежать из собственной столицы, сопровождая свое отречение горестными стенаниями печально знаменитого «Плача» (см. предшествующую главу).

Таковыми предстают перед нами заключительные аккорды долгой истории трех могучих восточных волн, накрывавших в течение примерно тысячелетия большую часть западной половины Евразии. Думается, что наиболее значимую роль в этой череде следует отводить второй волне — тюркской. Ведь значение миграций носителей тюркоязычных культур наш мир ощущает и по сей день. Молниеносные монгольские завоевания, на первый взгляд явно превосходившие тюркские завоевания, не смогли даже в относительно близком времени составить им сколько-нибудь значимой конкуренции на огромных пространствах Запада. Монголизации западной половины континента не получилось. В конечном итоге, монголов насильственно «задвинули» в их родные «пенаты» Степного Пояса на Востоке Евразии, которые и по сей день служат им привычным доменом.

Письменные источники — их плюсы и минусы

Базовыми источниками для ключевых характеристик буквально всех кочевых и полукочевых народов I тыс. новой эры, равно как и описания связанных с ними событий, служили хорошо известные, достаточно многочисленные и весьма разнообразные по стилю письменные документы. Их авторы — летописцы и историки — происходили из среды совершенно несходных между собой цивилизаций: от Китая до Западной Европы — через Иран, Армению, Византию. Весьма заметное место в нашем изложении занимали также существенно важные для нас самооценки степняков, выраженные, прежде всего, в строках монгольского эпоса «Сокровенного сказания» или же «Алтан Тобчи» — монголо-китайского (?) ученого ламаистского монаха Лубсана Данзана.

При этом вольно или невольно, но думается, что у читателя нередко будет напрашиваться сопоставление значимости основных видов привлекаемых источников — исторических и археологических — для предпринятых нами исследований.

Суждения о степняках со стороны оседлых цивилизаций по своему звучанию были всегда либо резко негативными, либо «умеренно» отрицательными. Правда, вариации подобного рода мнений допускали заметные колебания. Крайними в этом ряду служили оценки типа *«чудовища, коварные нелюди, отвратительные людоеды, посланцы ада»*. Таковым их образ предстával, например, в наиболее ранних откликах католической элиты на появление в Европе воинственных восточных кочевников. Более уравновешенный вариант признавал за кочевниками право именоваться людьми, хотя мало приятными и для «нормального человека» труднопереносимыми. Такого рода оценки преобладали у китайцев, благодаря их многотысячелетнему опыту соседства и противоборства со степняками. У европейской католической верхушки похожие оценки проявились лишь после посольств и путешествий на Восток Плано Карпини, Гийома де Рубрука, Марко Поло.

Крайнюю позицию, но уже с позитивно полярным знаком, заняли персидские литературные произведения. В них вынужденная лесть по адресу монгольских владык воспаряла до высот поистине космических. Правда, думается, что подобного рода трудно вообразимым славословиям могли верить лишь только сами великие Иль-ханы династии Хулагуидов, поскольку им и посвящались столь фантастические по звучанию баллады. Но вряд ли в этом стоит подозревать самих сочинителей подобных трепетных воспеваний.

Отвлекаясь здесь вкратце от письменных источников к материалам археологическим, можно, пожалуй, с большой долей уверенности полагать, что оседлые дописьменные культуры уже с самой глубокой древности непременно должны были аттестовать своих агрессивных соседей-кочевников сходными, жестокими и нелестными оценками. Вряд ли те своими конными налетами на обитателей поселков и городов могли пробудить у них чувства, хоть в какой-то мере напо-

минающие о любви и уважении. Понятно, что прямых доказательств у нас нет, но высказанное предположение более чем вероятно.

Другой примечательной особенностью письменных источников, происходящих из среды оседлых культур и связанных с упоминаниями о взаимоотношениях их с кочевниками, является едва ли не бесконечное описание различного рода конфронтаций с номадами. В этих текстах чаще всего перечисляются бесчисленные и постоянно повторяющиеся военные походы, стычки и кровавые битвы. Или же то будет пересказ о разногласии лукавых переговоров по поводу упорядочивания чрезвычайно сложных и запутанных взаимоотношений между обществами двух соседних и крайне недружелюбных миров. Такого рода черты особенно присущи китайским летописям. Почти никогда или же крайне редко привлекают внимание хронистов мирные периоды. Последние чаще всего упоминают в текстах предельно краткими замечаниями вроде — *«тридцать лет ничего не происходило»*. Некоторое исключение в этом плане представляют эпические повествования самих номадов: там внимание к походам и битвам с соседями также весьма значительно, но кажется не столь всепоглощающим как в хрониках оседлых народов.

Еще одна важная деталь в письменных хрониках первого тысячелетия новой эры: здесь фактически никогда не встретишь описаний или хотя бы упоминаний о каких-либо технологических открытиях и достижениях, которые могли происходить не только в среде кочевых сообществ, но также и у оседлых цивилизаций и культур. Характеристика именно такого рода показателей почти всегда служила базовым фундаментом общеисторических построений при обращении к археологическим источникам. В обычных же хрониках чаще всего повествуется как неутомимая конница номадов без промаха разит противника тучами смертоносных стрел. Горожане в ответ строят гигантские оборонительные стены (в основном в Китае) и стараются уничтожить противника орудиями типа камнеметов и даже огненных баллист (последние опять-таки в Китае). Для победы над коварным степным врагом желательно дожидаться тех времен, когда либо разноплеменные кочевники сцепятся между собой в смертельных схватках, либо капризы суровой природы центральной Евразии выкосят не только весь их скот, но и самих варваров.

При ориентации на письменные документы нам бывает крайне сложно или даже невозможно очертить вполне определенно географические границы господства тех или иных упоминаемых в хрониках социальных сообществ. Названия мест путаются, произносятся и повторяются бессистемно: к примеру, *«варвары ху ушли за песчаную степь»*. Но число таких разного масштаба песчаных степей на монгольском взгорье выглядело изрядным, и какую степь имели в виду китайские летописцы, почти всегда остается загадкой. Нетрудно также догадаться, что большинство авторов хроник никогда в описываемых ими местах не были, а картины эти воспроизводили лишь по рассказам тех, кто в этих местах действительно бывал и сражался с ненавистными варварами.

Исторические реалии и «монгольский синдром»

Решение проблемы «стыковки» и надежной взаимосвязи картин, создаваемых на базе письменной документации, с одной стороны, а с другой — на основании археологических материалов, — процесс совсем непростой. Так, например, археологические источники, в отличие от письменных, вполне четко и непременно должны быть привязаны к конкретным географическим регионам и местам. О «размытости» и неопределенных очертаниях географических картин во многих письменных описаниях, а также о трудностях их увязки с конкретными ареалами мы уже много раз вели речь. Или же, скажем, описание в хрониках бесконечных битв и сражений, наступлений и отступлений. Что мы можем сказать по этому поводу на базе археологических источников? Как наметить и в этом случае связующие линии? Ведь в археологической документации исключительно редко можно найти ясное отражение каких-либо давних битв и военных стычек.

Пожалуй, длительные и, по сути, безнадёжные поиски знаменитого Куликова поля, где в сентябре 1380 года войско Дмитрия Донского и орда Мамайская скрестили оружие в знаменитой и, безусловно, одной из самых знаковых для российской истории Куликовской битве может явиться наиболее ярким примером решения таких вопросов. Мы столкнулись с трудно объяснимым парадоксом: само Куликово поле и его местоположение как будто хорошо известно, но вот материальных следов гигантского сражения, где положили свои жизни десятки тысяч воинов, практически найти не удастся, хотя при этом и применялись самые современные методы поиска.

По этой причине на фоне исторической документации весьма бледно и скупо выглядит та информация, которую мы в состоянии почерпнуть из археологических источников о номадах сравнительно позднего времени, а эти данные исключительно важны. Такого рода досадный пробел относится фактически ко всем трем восточным волнам нашествий. Повторим еще раз, что важнейший фонд археологического «банка» данных о кочевых народах всегда скрыт в некрополях.

Сложные вопросы сопряженности письменных и археологических источников имеют прямой выход на так называемый **монгольский синдром**. Напомним, что под этим синдромом мы понимаем погребальный обряд, не связанный с погружением останков покойника под землю. Подобного рода похоронные церемонии могут ограничиваться операциями прощания с покойным исключительно на земной поверхности. Череда подобных обрядов может включать в себя и трупосожжения; или размещение тела покойного на местах, максимально удобных для пожирания его плоти хищными зверями и птицами; или же отправление усопшего в последний путь по водной поверхности; либо подвешивание трупа на вершинах деревьев и т. п. В результате лишенные какой-либо информации археологи бывают вынуждены предлагать лишь малообоснованные предположения о характере и судьбах тех или иных куль-

тур (об этом довольно подробно говорилось в главе 4, где мы и обосновывали само понятие этого весьма примечательного для нас феномена).

Особая важность корректного понимания монгольского синдрома для реконструкции характера и истории многих кочевых сообществ вряд ли может подлежать сомнению. Обратимся к краткому сравнению номадов западных волн-инвазий, сопряженных в основном с археологической древностью (см. главы 8—13 второй части книги), с волнами с Востока, которые служили предметом нашего разбирательства в третьей части монографии. Восточные завоевательные волны номадов, покрывшие многие миллионы квадратных километров западной половины Евразии, фактически невозможно сравнивать по материалам из некрополей с их западными антиподами. Максимум материально выраженной экспрессии в погребальных церемониях при проводах знатного соплеменника в иную жизнь мы демонстрировали не только материалами майкопской культуры IV тыс. до н. э., относящейся к раннему бронзовому веку. Гораздо более выразительно это являет себя в фантастическом богатстве и многообразии многочисленных и огромных «царских» курганов скифского мира I тыс. до н. э., распространенных в Евразии по гигантским пространствам — едва ли не от Центральной Европы вплоть до Ордоса на знаменитой излучине Хуанхэ, и еще далее на восток — едва ли не до границ Маньчжурии.

Возможно ли сопоставить с этими примерами западных культур нечто из материалов восточных «волн»? Нет, совершенно невозможно, и подмеченный контраст выглядит здесь предельным. Причем это касается не только монголов. Даже тюрки, до тех пор пока они не попали под «обаяние» ислама, не оставляли могил, столь привычных для нас в западных моделях культур. Очень любопытны уникальные захоронения гуннских шаньюев (князей) в ямах поразительной глубины и устройства, но под плоскими поверхностными насыпями, столь непохожими на западные и громадные скифские курганы (о них достаточно подробно шла речь в главе 23). Эти некрополи на территории коренной Монголии в Ноин-Уле или в пади Царам демонстрируют в устройстве могил очевидное подражание китайским образцам. Однако — что выглядит очень странным — останков «главного» покойника в этих богатых погребальных сооружениях для знати пока что не обнаружено.

Еще об одной весьма яркой «нестыковке» письменных и археологических данных — о погребениях легендарных вождей Аттилы и Чингисхана. Гуннского вождя хоронили где-то в Подунавье, чрезвычайно пышно, с невообразимыми по богатству посмертными дарами, как, наверное, и полагалось такой личности. Однако *«для того, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они [его родственники] убили всех, кому поручено было это дело, отвратительно, таким образом, вознаградив их; мгновенная смерть постигла погребавших так же, как постигла она и погребенного»* (см. главу 22). Но вот где эта могила? И где захоронения многих уже не столь выдающихся соплеменников Аттилы?...

Теперь о кончине и путешествии в иной мир другого властителя: «Чингисхан, после окончательного разгрома Тангутов, возвратился и восшел на небеса в год Свиньи — 1227» (Сс: 268). Существенно более подробно кончина и обряд захоронения «властителя Вселенной» описана в «Алтан Тобчи» у Лубсан Данзана: «На шестьдесят шестом году жизни в двадцать второй год правления, в год красной свиньи, в двенадцатый день седьмого месяца он стал **тэнгри** [божеством]. Впрягли аргамаков в большую повозку, на нее возложили золотые останки владыки хагана».

Затем совершенно неожиданно повозка отказалась двигаться, и никто, как ни старались, не смог столкнуть ее с места. Тогда «великий народ забеспокоился, и сунитский Кулугэтэй-багатур, сотворив поклонение, произнес: «Хотя и покинула тебя милостивая душа, все же мы вернем твой прах, подобный драгоценной яшме, покажем его твоей Бортэ-хатун, доставим его твоему народу <...>. И [тогда] шевельнулась, скрипя, большая повозка. И возрадовался весь народ! <...> Погребли в этом месте его одежду и чулки и поставили над ними юрту <...>».

Подлинный труп его, как говорят некоторые, был похоронен на Бурхан-халдуне. Другие же говорят, что похоронили его на северном склоне Алтай-хана, или на южном склоне Кэнтэй-хана, или в местности, называемой Йэхэ-Утэк» (Глава XIII, 102 — 105).

С тех пор безуспешно ищут захоронения Чингисхана и Аттилы бесконечные экспедиции и разного рода любители. Но если погребли отдельно лишь «одежду и чулки» императора, то могут ли искатели надеяться на желанную удачу?..

Отвлечемся однако от легендарных монархов и обратимся к рядовым, хотя и не очень понятным по культурно-антропологической принадлежности захоронениям, которые были встречены у так называемых монгольских городов Золотой Орды. Большую часть погребений отличают явные признаки мусульманских погребальных канонов. Однако встречены и могилы, относящиеся к кочевым обитателям степей Нижнего Поволжья, но их не так много, да и погребальный инвентарь в этих захоронениях весьма невыразителен.

В целом же почти нет сомнения, что и здесь, в западной дали от исходных монгольских рубежей, на изученных небогатых кладбищах с относительно редкими могилами, отразились исходные каноны погребальных обрядов, господствовавшие на отдаленной родине монгольских завоевателей: покойник должен был расстаться со своей плотью не под землей, но на ее поверхности.

Неприменно вспомним также и о самой ранней волне с Востока — стремительном броске на Запад носителей великолепного бронзового оружия сейминско-турбинского транскультурного феномена, проявлявшего себя в рамках конца III или начала II тыс. до н. э. (см. главу 15). Ведь уникальные металлические сейминско-турбинские типы изделий, рассеянные гигантской полосой от Синьцзяна вплоть до Восточной Балтики, только крайне редко или же почти никогда не были сопряжены с регулярными захоронениями людей в некрополях. Эти оружие и орудия были связаны в огромном большинстве с жертвенниками-мемо-

риалами, где отсутствовали явные признаки человеческих останков. Уже отсюда вытекает вполне вероятное предположение, что на Евразийском Востоке даже в бронзовом веке проводы покойника в потусторонний мир совсем не обязательно были связаны с захоронением под землю его останков в «угоду омерзительным червям».

Опять же повторим звучавший ранее вопрос: если бы не многочисленные письменные источники, где подробно описаны кровавые события 13 и 14 столетий, что бы мы знали об этом трагическом периоде евразийской истории? И еще: когда мы сталкиваемся с труднопонимаемым хиатусом в больших сериях календарных радиоуглеродных дат на Западе Евразии для V — IV тыс. до н. э. — то нельзя ли предположить и здесь проявление неких вариантов «монгольского синдрома»? О так называемых «провальных» в хронологическом отношении столетиях мы уже говорили специально (см., например, главу 11).

Великий Шелковый путь и археология

Автор рискнул затронуть (лишь затронуть!) тему так называемого «Великого Шелкового пути», поскольку в ряде ее сюжетов нетрудно проследить вполне очевидные параллели с «монгольским синдромом». О «шелке» и об этом «кросс-евразийском пути» — более чем на 10 тысяч километров! — в современной литературе ныне можно прочитать чрезвычайно много слов. Однако все эти бесконечные и довольно беспорядочные разговоры неизменно порождают один коварный вопрос: так где же сам шелк, рулоны которого якобы транспортировали в течение многих сотен лет торговые караваны из Китая на Запад Евразии, вплоть до Римской империи? При этом легче всего сослаться на то, что шелк — это нестойкая органика, и что ее в этом отношении нельзя сравнивать с металлом, о котором мы знаем так много из археологии. Все это так, но ведь в основе археологических доказательств лежат несколько не слишком выразительных кусков шелковой материи, обнаруженных западнее Джунгарских ворот: на них постоянно и ссылаются разноязычные авторы. То, чем мы обладаем в археологической реальности, позволяет говорить, пожалуй, лишь о слабых контактах, но не об активной торговле шелком между Востоком и Западом. Но, впрочем, давайте коснемся этой проблемы более детально.

Формулировка самого термина «Великий Шелковый путь» чисто русская. В мировой литературе и в его англоязычном исполнении она звучит короче — «Шелковая дорога» или же «Шелковый путь». Однако еще в 1877 году первым выразил этот термин видный германский ученый Фердинанд фон Рихтхофен, много лет проведший в Китае, изучая его геологию и географию. По-немецки его определение изначально звучало как «Seidenstraße». В последние десятилетия тема Шелкового пути стала поразительно популярной и приобрела зачастую воистину спекулятивный характер. Ей посвящено чрезвычайно множество статей и заметок, но, к сожалению, характер многих из них далек от требований к

научным произведениям. Выходит даже журнал с характерным названием "The Silk Road" (редактор D. C. Waugh), где как раз и можно столкнуться с самым разнообразным набором — как серьезных, так и не очень — научных публикаций. Все музеи провинциальных городов китайской провинции Синьцзян обязательно открывают свои экспозиции с обозначения того места, которое занимал этот город на одном из трех основных — южном, северном или же «среднем» — каналов Шелкового пути. В последние десятилетия в разных странах довольно часто организуют псевдо-научные экспедиции, почти непременно увенчанные знаковым титулом типа «По Великому Шелковому пути» или чем-то похожим. Остается интересным: какие же научные задачи ставят перед собой инициаторы подобных экспедиций? Похоже, что это просто туристические экскурсии под удобным пиар-девизом. При этом все акции подобного толка во многом напоминают неустанные поиски столь желанной могилы Чингисхана.

Стартовой точкой темы «Великого Шелкового пути» обычно считают 138 год до новой эры и связывают это с яркой персоной знаменитого китайского путешественника Чжан Цяня. Тому довелось жить во времена возрастающей мощи империи Хань. По велению ханьского императора У-ди Чжан Цянь должен был отправиться на запад, по всей видимости, к пастушеским народам скифского мира — юэцзям (см. главу 23). Империя желала обрести в них союзников против гуннов — этих постоянно вероломных и опасных недругов Поднебесной. Однако гунны перехватили Чжан Цяня и продержали его в плену 10 лет. Правда, там он успел жениться, завести сына и даже занять заметное положение в пленившем его гуннском обществе. После расставания с гуннами, ему все же удалось достичь Бактрии и повидать этот новый и непривычный для ханьцев мир. В Китай он вернулся спустя 13 лет, где и смог поведать императору о своих впечатлениях и о том, как сильно отличается тот западный мир от китайского. Сыма Цянь в «Ши цзи» (глава 123) повествует, что император услышал от этого удивительного путешественника о различных народах неведомого мира, о тех необычных растениях, которые они выращивают, но делают их жизнь похожей на китайскую. Чжан Цянь уверял императора, что в военном отношении эти государства очень слабы и что там очень ценят товары и богатства империи Хань.

Он всячески рекомендовал императору наладить торговлю с этими народами разными товарами, в том числе и шелком, хотя шелк в этих беседах и советах на первый план как будто никогда и не выходил. Скорее всего, именно с этого знаменательного странствия Чжан Цяня и началось отражение в исторических документах интереса Китая к чуждой ему культуре Запада. Шелк же с тех пор приобретает роль своеобразного символа взаимодействия между столь несходными цивилизациями Востока и Запада.

Но мы должны здесь вновь озвучить прежний вопрос: где же тот самый шелк, в честь которого и был окрещен поразительный многотысячекилометровый кросс-евразийский путь? Вопрос, конечно же, звучит провокационно — ведь

мы уже знаем на него ответ. Этот путь, пересекавший чуть не весь Евразийский континент, существовал задолго до блужданий Чжан Цяня, и о нем говорилось едва ли не в каждой главе нашей книги. Ведь еще в III тыс. до н. э. западные волны мигрантов-европеоидов легко преодолевали теснины Джунгарских ворот, и археологи встречают их следы по всему Синьцзяну. Напомним еще раз о яркой встречной, но уже восточной волне, которая на рубеже III и II тысячелетий запечатлелась в памятниках сейминско-турбинского транскультурного феномена. Его великолепные бронзовые орудия и оружие покрыли собой многотысячекилометровую полосу, растянувшуюся от Синьцзяна до Балтики. Вершиной «дописьменной» эпохи явился, безусловно, гигантский мир скифских древностей с его поразительными курганами. Затем, уже в «письменный» период, накатывались волны восточные, которые заносили завоевателей-монголоидов вплоть до Западной Европы. Именно в этих чередующихся маятниковых движениях и формировался тот кросс-евразийский мост, которым, по преимуществу, и «ведали» культуры мобильных скотоводов.

Караваны с рулонами шелка? Наверное и они могли порой пересекать тысячи километров степей, пустынь и горных массивов. Но, во-первых, вряд ли шелк был тем самым супер-товаром, что так интересовал иноземцев и который только и перевозили купцы. И, во-вторых, крайне сомнительно, чтобы подобные торговые процессии с груженными товарами верблюдами и верховыми лошадьми могли регулярно преодолевать тысячи километров с Востока на Запад и с Запада на Восток. Ведь им в таком случае приходилось бы пересекать владения малознакомых или же вовсе незнакомых им местных властителей. Занятие это было не только крайне опасным, но и весьма ненадежным. Все — или почти все — зависело от стабильности политических организаций в степных объединениях. Прочную «крышу» караванам для столь далеких переходов с драгоценными товарами могла обеспечить лишь сильная центральная власть вроде чингизовой. Но напомним, что в 1218 году, даже при Чингисхане, тогда уже мнившем себя едва ли не «Властителем Вселенной», посланный на запад многочисленный и богатый торговый караван был полностью разграблен хорезмийцами, а все сопровождавшие его люди истреблены.

Спустя 650 лет так называемый Восточный Туркестан — а в нынешнем понимании Средняя Азия и Синьцзян — стал ареной не весьма дружелюбных попыток установить взаимоприемлемую границу между Российской империей и Китаем династии Цин. Для обеих империй весь этот обширный регион был чужероден и непривычен: аборигены говорили здесь на разновидностях большой лингвистической семьи тюркских языков, а каноны Ислама господствовали безусловно. Казах Чокан Валиханов (по рождению Мухаммед-Ханafia) был послан в 1858 году российскими властями секретным разведчиком в приграничные и подвластные тогдашнему Китаю северо-западные области. Его задачей было пересечь Тянь-Шань и проникнуть в бассейн Тарима вплоть до Кашгара. Поставленные перед разведчиком задачи оказались предельно

широкими. Однако главное в них заключалось в описании наиболее вероятных путей проникновения в Синьцзян через страшные горы и дикие пустыни. Очень интересовались российские власти также конкретными и значимыми этнополитическими группировками среди местного населения, да и вообще, по существу, всем, что можно было увидеть на пути. Чокан Валиханов показал себя не только классным разведчиком: его яркие и подробные отчеты к тому же фактически мало чем отличались от квалифицированных этнографических описаний середины 19 столетия. Двенадцатью годами позднее свои — уже гораздо более масштабные — путешествия в том же обширном регионе начал Н. М. Пржевальский, и его работы во многом оказались созвучными отчетам Валиханова.

Однако для нас будут крайне любопытны реальности того путешествия, которое Чокан Валиханов под именем кокандского (не российского!) подданного Алимбая проделал в 1858—1859 гг. в составе большого торгового каравана (см. Приложение 5, рис. Пр5.1). Путь от впадающих в Балхаш рек, с пересечением так называемого Илийского клина Тянь-Шаня, а затем и других хребтов этой великой горной системы, был не весьма протяженным — всего около шести сотен километров. Мы говорим «всего» — поскольку это, конечно же, лишь малый кусочек предполагаемого Великого Шелкового пути. В начале похода купцы — «семипалатинские азиатцы» — плотно загрузили товарами 101 вьючного верблюда. До Кашгара же с трудом добрались лишь 36 совершенно истощенных двугорбых животных. Рассказы Валиханова и купца Исаева пестрят рассказами о бесконечных поборах, которыми облагали купцов официальные (китайские) и неофициальные (местные) власти, с которыми караваны сталкивались. Ужас нагоняли многочисленные разбойничьи шайки. Вот, например, до Кашгара всего 135 верст, а «... на таком близком расстоянии от цели путешествия предстояла нам новая и серьезная опасность. В [горном] проходе Теректы кочевал в это время известный грабитель, киргиз Атеке, гроза кашгарских караванов, разбивший только что перед нами на большой дороге из Аксу в Кашгар, в виду китайского пикета [пограничного поста] казенный их обоз» (Валиханов: 237). Весь маршрут каравана занял ровно три летне-осенних месяца: с 1 июля по 1 октября 1858 года. Зимой этот путь вообще невозможен. Поэтому туркестанские торговцы и тайный российский агент Чокан Валиханов ожидали в Кашгаре весны, чтобы отправиться обратно.

Подробности путешествия Валиханова и других лишний раз заставляют усомниться в широко распространенных реконструкциях многотысячекилометрового кросс-евразийского Великого пути. Даже относительно краткие торговые походы, как мы видим, были реальны и относительно успешны лишь под «крышей» властей. Но вполне очевидно, что эти российские и китайские «зонтики» оказывались порой совсем малонадежными. А если даже и такая «дырявая крыша» отсутствовала?... Поэтому можно, конечно, воображать и рисовать всю бесконечную протяженность Шелкового пути в виде последовательной эстафеты чередующихся и следующих друг за другом относительно кратких

маршрутов от Китая вплоть до Рима. Но автор должен сознаться, что для таких построений у него не хватает фантазии...

Поэтому вместо термина «Великий Шелковый путь» намного более реально звучит понятие сухопутного Моста между Востоком и Западом. По этому Мосту можно было передвигаться более или¹ менее успешно и безопасно лишь под «крышей» воинственных номадов, неизменным доменом которых и служил Великий Степной Пояс Евразии.

Монгольские города и их судьба

Одним из вестников скорого распада Монгольской империи и подчинения ее тюркоязычным народам стало появление в их среде многочисленных проповедников учения Мухаммеда. В степях возводились «города-временки», а в них началось строительство мечетей. Любопытно однако, что на центральных сооружениях этих городков или же простых поселков практически никак, или же крайне малозаметно, отражалась главенствующая роль исконных монголов-кочевников. Скорее всего, во вновь обретенных улусах в чем-то повторялась ситуация с официальной столицей монголов Каракорумом, сооруженной китайцами по приказу Угедея в самом центре монгольской прародины, в сердцевине монгольского нагорья-плато. Монголы-скотоводы не имели ни привычки, ни желания привязывать себя к постоянному месту обитания, к поселку или же к городу. Их традиционно устойчивая модель жизнеобеспечения властно диктовала верность кочевому образу жизни по степям, в тесном единении со своим великим ханом и его близким окружением. От этой модели многие монгольские племена так и не смогли отказаться едва ли не до самого последнего времени. Столица же — Каракорум — использовалась монгольской элитой в основном для различных церемоний — прежде всего, для приема иностранных важных гостей или же тому подобных акций.

Еще одна весьма важная функция таких монгольских городов заключалась в том, что именно здесь отводилось специальное место для обитания и труда ремесленников, насильственно доставленных из самых разнообразных мест. Ремесленники трудились вовсе не для себя, но, в основном, для своих поработителей. Именно об этом достаточно подробно повествовал Гийом де Рубрук в его ярких картинах Каракорума. Поражающая многих религиозная толерантность монголов приводила к более или менее терпимому сосуществованию в одном пункте разноэтничных групп и приверженцев разных идеологических систем. Поэтому по велению монголов-завоевателей и закладывали подобные городские поселения, где и могли размещаться группы людей, совершенно не связанных с монгольским этносом. Когда власть монголов слабела и умалаялась до ничтожного предела, то умирали и эти города, а из них стремились быстро исчезнуть многие — если не все — его подневольные обитатели.

Очень похожей на представленную здесь картину оказалась ситуация и в улу-се Джучи, более известном нам как Золотая Орда. Столицей улуса считался Сарай Берке или же Сарай Бату на Ахтубе, в бассейне Нижней Волги. Арабский путешественник и торговец Ибн-Баттута посетил этот город в 1334 году, и его описание Сарая весьма впечатляет многих:

«Город Сарай — один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы выехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объём его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня. Совершили там молитву полуденную, поели и добрались до нашего жилища не раньше, как при закате. Однажды мы прошли его в ширину, пошли и вернулись через полдня, и все это сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожних мест, ни садов» (Ибн-Баттута. Путешествие. Золотая Орда. <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Battuta/text4.phtml?id=6756>)

Но вот незадача: многие исследователи обвиняют Ибн-Баттуту в склонности к привиранию и непомерным преувеличениям. Например, восемью десятилетиями до Ибн-Баттуты в Сарайе побывал де Рубрук, но ограничился об этом посещении лишь парой почти ничего не значащих слов. Судя по этому, никаких позитивных восторгов посещение Сарая у Рубрука не вызвало. Склонность же Ибн-Баттуты к малым или масштабным выдумкам вполне способен подтвердить и автор собственного «Путешествия», где он делится с читателями совершенно нелепыми сведениями о личности и истории Чингисхана:

«Говорят, что Чингис-Хан, пришедший с Татарами в земли исламизма и опустошивший их, был кузнец в Хоте. Он был умен, силен и дороден; любил собирать и угощать народ, и через то сделался его главою. С помощью своего войска завоевал он Хоту, Китай, Хашак, Кашгар и Малик. После жестоких битв с Джалал-Оддином Санжаром, сыном Шаха Ховарезмского и сильным владыкою Ховарезма, Хорасана и Мавара-эль-Нагара, завладел он его землями, разорил Бухару, Самарканд и эль-Тармид, перерезал в них жителей, забравши в плен только молодых, и совершенно опустошил всю страну. Он перешел потом Гигон, завладел Хорасаном и Ираком, всюду разоряя города и убивая жителей, и наконец погиб, оставя наследство сыну своему, Гулаку <...>. Говорят, что при нападении Татар на Ирак, погибло там не менее 24 000 ученых людей, и остались только один из ученейших мужей иракских, Нур-Оддин Ибн-эль-Заджай и его племянник» (Ибн-Баттута. Там же).

Добавим еще немного к истории городов и поселков Золотой Орды. Все они возникают либо в конце 13 столетия, либо — что кажется более надежным — лишь в начале 14 века. Их обитатели по преимуществу являлись приверженцами ислама, и многие из них были, по всей вероятности, насильственно переселены из Средней Азии (Хорезма). Генеральная ситуация с городскими поселения-

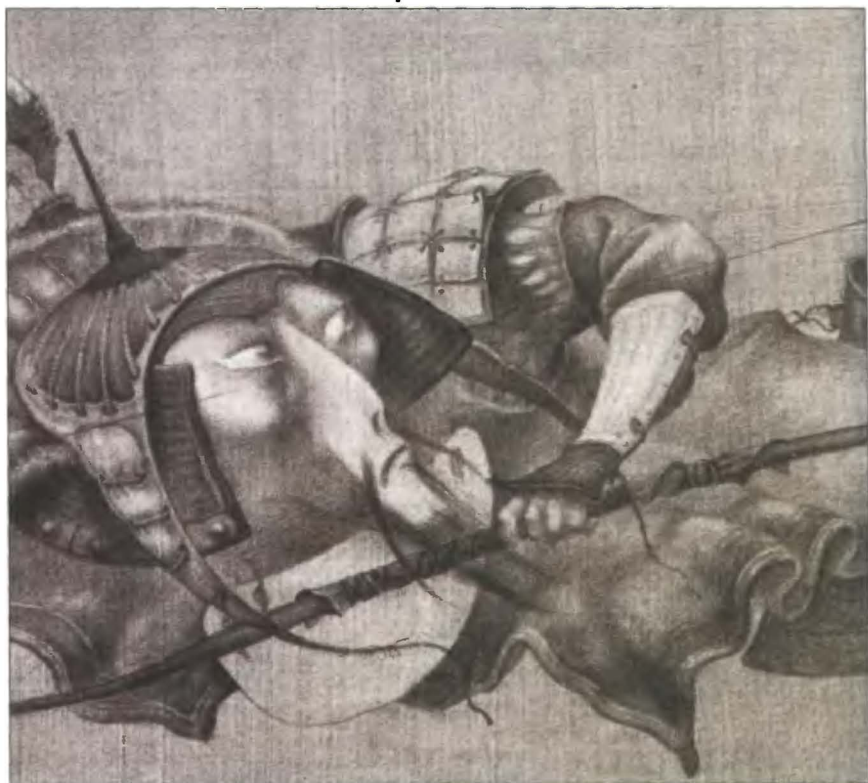
ми этого улуса отражается и в антропологии погребенных на многих кладбищах: монголоиды имеют место, но доминируют захоронения людей европеоидного облика. На ряде золотоордынских поселений археологи различают даже участки, где предположительно обретались в землянках русские невольники. В самом конце 14 столетия Тамерлан нанес Золотой Орде тяжелейшие, почти смертельные удары. На структуре городов-«временок» улуса Джучи упадок Золотой Орды отразился чрезвычайно ярко и быстро. Через несколько десятков лет жители этих городов исчезли вовсе, а городские руины застывают в ожидании грядущих археологов.

Так завершилась история Золотой Орды, так оказались утраченными даже те не очень надежные связи между письменными документами и археологической реальностью. Исчезновение золотоордынских городов невозможно объяснить лишь их разрушением воинами Тимура. Древнерусские города также были очень жестоко разгромлены отрядами Бату-хана. Но их восстановление не заставило себя долго ждать. Возрождение началось почти сразу — ведь без этих городов русским даже в трагичном 13 веке было крайне трудно представить свою грядущую нормальную жизнь. Стремительное и безвозвратное умирание монгольских городов могло быть сопряжено лишь с искусственно создаваемыми объектами, не имевшими прочных корней в прошлом и не вызывавшими желания у коренных степняков подчиняться законам оседлой жизни. Сходная картина наблюдалась, кстати, и для городов хазарского каганата, где, например, после разгрома столь же быстро исчезла с карты столица хазаров Итиль, оставив потомкам лишь развалины.

История монгольских и, в частности, золотоордынских городов (да и не только монгольских) может невольно натолкнуть на внешне весьма странную мысль — разглядеть в них пусть очень грубую, пусть не вполне ясно выраженную, но все же параллель с огромными и многочисленными поселками ГУЛАГа сталинской эпохи. Главное управление лагерей строило поселки для заключенных в тундре или лесотундре в совершенно непригодных для сооружения долговременных поселений и сколько-нибудь приспособленных для обитания там людей зонах. Сюда для каторжных работ насильственно перемещались огромные массы заключенных. Мощь и расцвет центральной репрессивной власти отражались на непрерывном росте и совершенствовании структуры гулаговских «городов». Потом центральная власть слабела, меняла свое лицо — и это сразу же становилось заметным на характере и облике «городов». В конечном итоге подобные жуткие творения исчезли совершенно. Однако история «городов» ГУЛАГа явилась как будто бы утраченной ремейком очень отдаленного прошлого, но уже на дальнем севере и в причудливо-уродливом варианте.

Обратим при этом внимание и на еще одно весьма существенное отличие: правда, имеется в виду не сравнение гулаговской тундры с несо-

поставимо более мягкой степной, южной природой. Монголы не требовали от обитателей подвластных им городов-«временок» непрямого идеологического единения. К взглядам переселенцев на устройство высшего мира они относились с полным безразличием. Именно поэтому обитатели в них могли свободно возводить мечети или христианские часовни, устраивать языческие молельни. В гулаговских же «городах» все подчинялось совершенно иным принципам...

Часть четвертая

Русь, Россия и культуры Степного Пояса

Глава 31

Почему только Русь?

Причины выбора

Наименование четвертой части книги «Русь, Россия и кочевой мир» вполне может удивить некоторых читателей. Отчего вдруг только Россия? — Может быть, потому что автор книги русский? Или какие-то иные причины обусловили появление этой особой «русской» части?

Первая из такого рода причин — более чем тысячелетнее тесное, почти нераздельное и очень сложное сосуществование двух контрастных миров: русского и кочевого. И взаимодействие это растянулось фактически едва ли не до самого последнего времени. Однако и тут нетрудно предвидеть упрек: но Китай или хотя бы Иран пребывали в этом «тесном и нераздельном» сосуществовании несравненно более протяженное время — так почему же все-таки Россия?

Перед обсуждением вопроса заметим, но как бы в скобках: Россия во всей своей истории всегда вела активные сражения на двух фронтах — западном, или европейском, а также на восточном и южном, или же степном. В громадном большинстве общеисторических трудов по русской истории количественно явно доминируют страницы, посвященные западному — европейскому направлению. А со времени прорубившего «окно» в Европу Петра Великого пропорция становится для степного фокуса вообще униженно малой. Наверное, здесь мы сталкиваемся с некой странной абберацией: затраченная Русью и Россией на формирование взаимоотношений с культурами обоих флангов общественная энергия была, по крайней мере, равной, а на древних этапах в отношении подобного рода «затрат» степной канал явно преобладал.

Вторая причина намного более значима. Она связана с революционным переходом в Новое Время, во многом сопряженным и обусловленным так называемой эпохой Великих географических открытий. По существу, весь этот блок грандиозных и охвативших всю Землю открытий гораздо резоннее считать эпохой Великой Европейской Колонизации нашей Планеты. Ведь организаторов, как и участников, множества заокеанских экспедиций и походов интересовали, прежде всего, не столько географические открытия, сколько захват и колонизация до тех пор совершенно неведомых им земель Америки, Африки и Австралии (об этом кратко уже шла речь ранее: см. финал главы 6). Фиксация местоположения и координат новых земель являлась при этом акцией безусловно при-

кладной. Вот, к примеру, слова легендарного Христофора Колумба из дневника о его первом плавании 1492 года, когда победоносные короли Кастилии и Арагона Изабелла и Фердинанд II «...даровали мне великие милости, возвысив мой род и позволив отныне и впредь именоваться «доном» и быть главным адмиралом моря-океана, а также бессменным вице-королем и правителем всех островов и материковых земель, которые я открою и обрету и которые отныне и впредь будут открыты и обретены в море-океане, и положили, что преемником моим будет мой старший сын, и так из поколения в поколение во веки веков» (<http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Kolumb/text1.phtml?id=718>).

Вся эпоха Колонизации растянулась на четыре столетия — с 16-го по 19-е и характеризовалась несколькими последовательными, но разнонаправленными волнами. Инициаторами колонизации явились сообщества крайнего западного — европейского — фланга Ядра Евразийских высокотехнологичных культур (см. главу 12). Очень давние, устойчивые и казавшиеся неколебимыми границы этого Ядра оказались прорванными сразу здесь и очень быстро.

Россия также приняла активное участие в процессе планетарной Колонизации, но основные черты российских устремлений и их пространственная направленность существенно отличались от западноевропейских. Последние всегда имели в виду земли заокеанские, и старт их экспедиций был нацелен, главным образом, на западное и юго-западное направления. Основные цели освоения новых земель лежали в пределах трех упоминавшихся выше материков, а также южных (Индийский субконтинент) и юго-восточных окраин Азии. Российская же колонизация велась по путям сухопутных завоеваний в восточном направлении. Русских привлекала, прежде всего, Сибирь, да и далее к востоку — все гигантские пространства лесного Севера Евразийского континента. Даже то, что русские первыми появились на крайнем северо-западе Америки — на Аляске, добрались и до Калифорнии, не изменило господствующих сухопутных приемов освоения ими неведомых пространств.

В связи с глобальной Европейской колонизацией для темы нашей книги выявляется значимость двух обстоятельств, теснейшим образом связанных с российским проникновением на восток. Во-первых, воинственные степные мобильные скотоводы за долгие тысячелетия, по всей видимости, привыкли воспринимать общности охотников и рыболовов всей лесной евразийской зоны как малосильный и потому сравнительно безопасный для них тыл. Но именно в этот тыл шаг за шагом стали проникать, завоевывать его и укреплять свои позиции носители той культуры, которую кочевники никак не могли причислять к слабым, или хотя бы по отношению к ним самим, нейтральным. Во-вторых, после того, как Сибирь вплоть до Чукотки и Охотского моря к рубежу 17-го и 18-го веков попала под реальную власть России, претерпела кардинальные перемены геоэкологическая картина того «трехслойного пирога» Евразии, о чем мы уже говорили ранее. Напомним также, что в определении геоэкологии мы придерживаемся того аспекта, который нацелен на «пространственно-временные закономер-

ности взаимодействия *природы и общества*». Стало быть, перекрывающий с севера верхний слой «пирога» с того времени уже не очень походит на ранний. С отмеченного нами хронологического рубежа 17—18 столетий скотоводческие общности Степного Пояса нашего материка попадают в непривычные и весьма неприятные для них «тиски». Отныне не только с Юга, но уже и с Севера на пастушеские культуры будет неотвратимо нарастать тяжесть двойного пресса по всему гигантскому восьмистычекилометровому пространству — от Черного моря до моря Желтого.

Вновь о взаимосвязи истории с археологией

В предыдущей части книги при разборе восточных миграционных волн мобильных скотоводов мы говорили о неожиданно слабым отражении этих волн в археологических древностях и существенный перевес в значимости письменных документов при дешифровке истории кочевых сообществ. Именно по этой причине далеко не всегда мы смогли обеспечить историческую документацию убедительной базой археологических материалов. К сожалению, при переходе к характеристикам наиболее ранних славянских культур, скажем, антов или венедов, с которыми связывают истоки Руси (см., например, Седов 2003), ситуация кажется весьма похожей. Крайне зыбкими предстают результаты попыток выявления однозначной связи между этносами, упомянутыми в работах историков 6—7 веков (к примеру — Иордана), с материалами той или иной археологической культуры. При переходе ранних восточных славян к государственности (Киевская Русь) и началу широкого строительства городов положение меняется. Культурные слои городских поселений дают изобильные материалы: достаточно вспомнить, в первую очередь, Великий Новгород, а также Старую Ладугу, Псков, Ярославль, Старую Рязань да и множество других памятников того же ряда.

Однако, как и в третьей части нашей книги, главы части четвертой будут вновь опираться по преимуществу на исторические источники. Археологические памятники Древней Руси — при всем их очевидном богатстве, а также все построения на основе их исследований окажутся отодвинутыми на дальний план: о них мы будем вспоминать, но лишь изредка. Такое перераспределение ролей продиктовано тем, что основные сюжеты окажутся связанными с политическими аспектами российской истории, и в этом отношении археология никакой весомой конкуренции историческим хроникам — тем более приближенным к нашему времени — составить, конечно же, не может.

В главах заключительной части, как и в предшествующих, я предпочту цитировать либо первичную (изначальную) документацию (летописи, хроники, письма), либо давать слово тем авторам, которые, по моему мнению, наиболее выразительно сумели изложить на бумаге характер тех или иных отдаленных от нас событий или же общественных представлений. Вполне понятно также, что друго-

му исследователю могут показаться более привлекательными соображения уже иных авторов и с иными оценками.

О знаменитых историках Древней Руси

Получилось так, что практически все основные исторические документы, откуда были извлечены сведения относительно древнейших этапов истории Руси — летописи, хроники и иные — стали известны довольно узкому кругу образованных россиян к концу 18 или же к самому началу 19 веков. В первой четверти 19 столетия их активно использовал Николай Михайлович Карамзин (1766—1826) в своей 12-томной «Истории Государства Российского», увидевшей свет в 1816—1829 годах. Безусловно, что его труд стал первой и весьма ценной системной публикацией по отечественной истории.

Вскоре появились и первые выпуски 29-томной и, к сожалению, оставшейся незавершенной автором, «Истории России с древнейших времен». Она принадлежала перу нашего выдающегося историка Сергея Михайловича Соловьева (1820—1879). В своем детстве, как говорил историк, «Историю» Карамзина «до тринадцати лет, т. е. до поступления в гимназию я прочел <...> не менее двенадцати раз» (рис. 31.1 и 31.2).

Однако мы были бы неправы, не упомянув здесь о, пожалуй, наиболее ярком предшественнике как Карамзина, так и Соловьева — Федоре Ивановиче Миллере (1705—1783), а в исходном немецком варианте Герарде Фридрихе Мюллере. Двадцатилетним студентом он прибыл в Санкт-Петербург из Вестфалии и к 26 годам заслужил звание профессора. С 1733 по 1744 год Миллер работал в так называемой «Второй Камчатской экспедиции». До Камчатки он не добрался, но зато ему удалось объехать большое число городов и городков Сибири, где он и собрал поистине уникальный архив записей. Все это позволило Миллеру создать и опубликовать фундаментальный труд (рис. 31.3) по истории «Сибирского царства». В истории российской науки он также весьма знаменит своим смело высказанным предположением о норманно-варяжском происхождении российской государственности, а также оставленными им 258 «портфелями Миллера», в которых были сосредоточены его бесчисленные выписки из множества архивных документов.

Мы возвращаемся вновь к творчеству С. М. Соловьева, поскольку чаще всего в дальнейшем мы будем цитировать отрывки из его «Истории». Само это удивительное произведение, многолет-

Рис. 31.1. Николай Михайлович Карамзин. Слева: скульптурное изображение выдающегося российского историка на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде

нию публикацию которого он начал спустя всего два с небольшим десятилетия после карамзинской, оказалась уже очень несходной со своим карамзинским «первоисточником». «История» весьма заметно отличалась от предшествующей как по характеру и основному содержанию, так и по стилю изложения. Труд Соловьева предстает поистине феноменальным по той поразительно неохватной и разнообразной массе исторической документации, которую удалось привлечь историку. Все его 29 томов насыщены выдержками из летописей, хроник, писем, государственных документов... Вряд ли я ошибусь, заявив, что и донныне никто из историков не смог превзойти Соловьева в этом отношении. Поэтому обращаясь к более поздним произведениям по отечественной истории, ловишь себя на невольной возникающей мысли, что новых открытий в сфере документации не появилось; что источниковедческая база по ранней российской истории уже вся полностью исчерпана и вряд ли в этом отношении стоит ожидать чего-то принципиально нового.

Именно поэтому историки последующих десятилетий все свои усилия сосредоточили не на бесперспективных поисках новых источников, но на истолковании исторических событий, опираясь на все те же — уже очень давно известные специалистам летописи, хроники, переписку... В скобках заметим, что находки

Рис. 31.2. Сергей Михайлович Соловьев

ОПИСАНИЕ СИБИРСКАГО ЦАРСТВА

и всѣхъ
проишшедшихъ въ немъ дѣлъ,
отъ начѣта

а основано отъ поколения его
РОССІЙСКОИ ДЕРЖАВѢ
по сии времена,

сочинено
Герардомъ Фридрихомъ Миллеромъ,
Историкографомъ и Профессоромъ Учености
Академіи Наукъ въ С.-Петербурѣ
Александромъ Чичиринымъ
КНИГА ПЕРВАЯ

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ 1750. года.

Рис. 31.3. Обложка книги Герарда-Фридриха Миллера «Описание Сибирского царства...», изданной Санкт-Петербургской академией наук в 1750 году. Портретов Миллера, кажется, не сохранилось, поэтому мы воспроизводим здесь лишь его профиль (Wikipedia)

довольно многочисленных берестяных грамот, к примеру, в Новгороде не меняют нашего заключения: все они касаются бытовых подробностей, но не политических аспектов тогдашней жизни.

Яростные споры и ожесточенные диспуты весьма долгие годы ведутся, например, по жгучему вопросу «так откуда же все-таки пошла Русская земля (хотя бы в смысле ее наименования)? Было ли это обусловлено названием какого-то варяжского племени из числа приглашенных славянами, что согласуется с текстом «Повести временных лет»? Или же это исконно русское имя, к примеру, от речки Рось?.. А «Слово о полку Игореве» — это истинное творение XII века? Или же это имитация XVIII века, принадлежащая, скажем, архимандриту Иоилу Быковскому?.. А как все-таки следует оценивать личность Ивана Грозного — в образе кровавого деспота-параноика или же облаченного в белые одежды бесстрашного рыцаря в борьбе с гнусным боярством за обновление и единение Руси?..

В советское время всем историкам было велено распределять культуры и сообщества в согласии с марксистско-ленинской «пятичленкой» последовательно меняющих друг друга социальных формаций и с концепцией в духе исторического материализма. Тогда был обозначен генеральный путь постепенного восхождения человечества от первобытно-общинного строя через отвратительные рабовладельческий строй, феодализм и капитализм к светлым вершинам социализма и коммунизма. Подобные и кажущиеся ныне диковинными инновации ни к чему, однако, не привели. И в те годы все, как и в старину, по-прежнему опирались на тексты летописей, хроник и прочих документов, не забывая, правда, обязательно поминать про гениальные провидения «основоположников» нового абсолютного учения о судьбах человечества.

Во второй части книги, где все изложение исторических процессов строилось на основе археологических источников, автор не мог себе позволить излагать те заключения, что были сформулированы и предложены в этой науке даже десять или же, скажем, двадцать лет назад. В крайнем случае, все те выводы общего порядка, что были сделаны в более ранние годы, должны были найти свое подтверждение в изысканиях археологов разных стран, состоявшихся в последние два десятка лет. В противном случае — я уверен — мои коллеги могли бы встретить такие устаревшие страницы вполне недвусмысленной усмешкой. Я мог описывать и описывал во второй части книги результаты раскопок, имевших место еще в конце 19 века, но их интерпретация всегда обязана была соответствовать современному состоянию археологической науки.

В истории меня ожидала несравненно большая свобода. Читатели убедятся, что я с охотой и очень часто буду предоставлять слово С. М. Соловьеву, хотя труд его и создавался около полутора столетий назад. Я попросту не смог найти в позднейших и мне известных произведениях ничего более выразительного (может быть, плохо искал?). Конечно, автор настоящей книги — археолог, и его могут упрекнуть в пристрастии к близкой и «родной» ему науке. Только вряд ли я смогу согласиться с подобным упреком, если он вдруг прозвучит. Тем не менее как в

последующих разделах этой главы, так и в дальнейших главах книги я перейду к изложению собственных взглядов на сформулированные задачи, ориентируясь, как уже говорилось, по преимуществу на источники исторические.

Скверная экология, скверные соседи

В настоящее время по отношению прародины славян в кругах специалистов чаще всего звучит мнение, что она — то ли в конце I тыс. до н. э. или же в самом начале I тыс. уже новой эры — локализовалась, по преимуществу, в обширной области Дунайского бассейна, а также прямо или косвенно связанных с этим бассейном реками южного и северного склонов Карпат. Из упомянутой области наиболее активные славянские группы двинулись на восток и на северо-восток. Эти же — ставшие именоваться позднее восточными славянами — мигранты и породили тот знаменитый этнос, который получил позднее имя *русский*. Подобные взгляды в немалой степени отражают текст, может быть, самой почитаемой и древнейшей в российской истории летописи — «Повесть временных лет»:

«Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались моравы, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи — лутичи, иные — мазовшане, иные — поморяне.

Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и назвались полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, назывались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась славянской» (см. перевод Д. С. Лихачева «Повесть...»).

Пусть не покажется странным, что позднейшим исследователям каким-то образом удалось догадаться, что поспешившие на восток Европы славяне не вполне удачно выбрали места своего нового расселения. Так, например, в середине 19 века С. М. Соловьев начинал свой 29-томный труд такими словами:

«Однообразна природа Великой восточной равнины, не поразит она путешественника чудесами... Составляя восточную часть Европы, отличаясь климатом суровым, представляя на юго-востоке степь, населенную кочевыми племенами, сменявшими друг друга в постоянном стремлении из Азии, на северо-западе — страну, покрытую девственными лесами, наполненную

реками, озерами, болотами, среди которых кое-где блуждали орды звероловов, Великая равнина не могла получить скоро многочисленного народонаселения <...>. На огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чем резких переходов. Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразие занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения» (Соловьев-1: 56—59).

Однако гораздо худшим на фоне этой унылой экологии оказалось для русских окружение — скверные соседи, особенно с юга, со стороны степи:

«Русское государство основалось в той стране, которая до него не знала истории, в стране, где господствовали дикие кочевые орды, в стране, которая служила широкою открытою дорогой для бичей Божиих, для диких народов Средней Азии, стремившихся на опустошение Европы. Основанное в такой стране, русское государство изначала осуждалось на постоянную черную работу, на постоянную тяжкую изнурительную борьбу с жителями степей. Вскоре после основания государства четвертый русский князь, самый храбрый, познбает от кочевых хищников, из черепа Святославова пьет вино печенежский князь, и только в конце 17 века, в конце нашей древней истории, русское государство успело выговорить освобождение от посылки постоянных обязательных даров крымскому хану, т. е. попросту дани <...>.

Долгое время все внимание русского человека было обращено на Восток, к миру степных, хищных варваров, народов кочевых, нехристианских, стоявших на низшей ступени развития, чем народ русский. Русский человек сознал свое резкое отличие от этих народов и, находясь в том возрасте, когда преобладает чувство, сознал свое резкое отличие от степного варвара в религии; не русский и татарин, но христианин и бусурманин, или поганый, вот какие представления были наперед; здесь прошла резкая нравственная граница между русской народностью и азиатским миром» (Соловьев-18: 18—19, 27).

В этих звонких пассажах было, пожалуй, заложено то оправдание отсталости российского общества и той неразвитости, что, по своей сути, были предопределены скверной экологией и «дикими» соседями. Такое объяснение в последующие периоды нашей истории и станет воистину базовым. Варианты подобного оправдания будут звучать постоянно, в разные годы из уст и писаний самых различных по политической ориентации авторов. Объяснение это вошло, к примеру, даже в изданные еще до Октябрьской революции учебные руководства типа, скажем, «Истории русской словесности»:

«Сравнительно с другими родственными племенами, русский народ был поставлен в гораздо менее благоприятные условия культурного развития. Жизнь на открытой со всех сторон равнине делала его постоянной жертвой азиатских кочевников; отдаленность от морей и наиболее просвещенных цен-

тров Европы задерживала рост материального благосостояния, образования и государственности; жизнь о-бок с хищными кочевниками и среди полудиких финнов отвлекала слишком много народных сил и понижала культурный уровень; борьба за существование осложнялась суровым климатом севера, разбросанностью и разобщенностью населения, сравнительно бедностью природы» (Саводник: 139).

Еще позднее, уже в советское время самым расхожим объяснением отсталости царской России от западных стран служило выражение «триста лет татаро-монгольского ига». Тяжкое ярмо оказалось столь невыносимым, что отставание от «передовых народов» сказывалось вплоть до 20 века. Лишь только сравнительно недавно в «Краткой истории СССР» срок ига был «сокращен» до 240 лет (Краткая история: 63).

Вообще-то в высказываниях С. М. Соловьева, как и в приведенном выше «расхожем» объяснении советского времени таятся два труднообъяснимых противоречия. Ну, скажем, у историка фраза «одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения» абсолютно не согласуется с весьма длительным периодом феодальной раздробленности Древней Руси. Ведь хрестоматийно известно, что русские князья в течение многих столетий не могли выбраться из клоаки кровавых споров и междоусобиц. Также хорошо известно, что факт этих бесконечных драк служил для историков дежурным аргументом при объяснении стремительного поражения Руси от монголов в 13 веке.

Весьма нередко победу на Куликовском поле в 1380 году желали утвердить в качестве реальной даты свержения ненавистного ига. Однако параллельно с таким стремлением в исторических установках нашей литературы бытовал непреложный факт «трехсотлетнего ига», то есть до времени Ивана Грозного или же XVI века. Как можно было объяснить все это?..

Действительно, вся более чем тысячелетняя протяженность истории русско-го этноса густо окрашена сложными, зачастую весьма кровавыми взаимоотношениями с культурами кочевых скотоводов Степного Пояса. Но при сравнении с другими странами удивить этим довольно трудно. Ведь мы знаем, что, к примеру, китайские государства находились никак не менее трех тысячелетий в подобных и, думается, совсем не менее тяжелых контактах со степняками-номадами — и мы об этом достаточно подробно говорили в ряде глав третьей части. Те разъяснения, о которых только что шла речь, звучат, конечно же, как-то весьма ограниченно, даже иллюзорно. Следует, наверное, попытаться рассмотреть эти проблемы на более широких историческом и пространственном полотнах.

Глава 32

ОТ АВАРОВ ДО ИВАНА ГРОЗНОГО

За более чем тысячелетний период сосуществования Руси и России с миром кочевников их взаимоотношения прошли несколько последовательных фаз. Самым тяжелым и кризисным в этом ряду оказался, без всякого сомнения, монгольский период, связанный с монгольскими завоеваниями чингизидов и господством Золотой Орды с 13 по 15 столетия. Поэтому весь последовательный ряд этих этапов — с начала появления в бассейнах от Днестра до Днепра восточных славян и формирования княжеств Киевской Руси вплоть до покорения севера Евразии — очень часто так и делят на *домонгольский* и *собственно монгольский*. Среди последующих периодов уже «постмонгольского» времени можно наметить до трех этапов: а) до сокрушения Иваном Грозным Казанского ханства и появления за Уралом казачьего войска атамана Ермака, б) завоевание и колонизация всей Сибири до Тихоокеанского побережья, в) имперский период — со времени Петра Великого вплоть до покорения в 19 столетии Российской империей культур скотоводов на всей западной половине Степного Пояса.

Рис. 32.1. Нестор-летописец. Традиционно историки и лингвисты относят его к числу самых почитаемых авторов «Повести временных лет». Скульптура П. Антокольского

Наверное, многих читателей может смутить тот предлагаемый в настоящей и относительно краткой главе крайне протяженный — в целое тысячелетие — хронологический охват, включающий периоды домонгольский, собственно монгольский и даже начало постмонгольского. Однако объяснение звучит достаточно просто: вряд ли в нашей книге имеет смысл ставить перед собой недостижимую и ненужную здесь цель изложения всех насыщенных весьма разнообразными событиями тысячи лет Древней Руси и России. Ведь подробное описание этих долгих столетий содержится в сотнях книг разного калибра, качества и исследовательского уровня, а также в поистине бесчисленном количестве статей и заметок. Их популярное отражение можно найти даже в пособиях для начальной школы.

В первых разделах настоящей главы мы последует за хронологической канвой древнейшей на

Руси и, пожалуй, самой знаменитой летописи российской истории — «Повести временных лет» (рис. 32.1) в переводе академика Д. С. Лихачева, сопровождая ее достаточно лапидарными выдержками из основного текста и необходимыми, но также краткими комментариями.

Авары, хазары, печенеги

Вслед за западными гуннами, характеристикой которых мы занимали главу 22 третьей части книги, в 6 веке на земли Северного Причерноморья навалились авары или же «обры», как их именует летопись.

«Когда же славянский народ, как мы говорили, жил на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были поселенцами на земле славян. Затем пришли белые угры и заселили землю Славянскую. Угры эти появились при царе Ираклии, и они воевали с Хосровом, персидским царем. В те времена существовали и обры, воевали они против царя Ираклия и чуть было его не захватили. Эти обры воевали и против славян и притесняли дулебов — также славян, и творили насилие женам дулебским: бывало, когда поедет обрин, то не позволяя запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жен и везти его — обрина, — и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, и умом горды, и Бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и донине: «Погибли, как обры», — их же нет ни племени, ни потомства. После обров пришли печенеги, а затем прошли черные угры мимо Киева, но было это после — уже при Олеге».

Кочевья аваров появились в степях Причерноморья прежде восточнославянских племен: сведения о славянах Поднепровья ранее 8—9 столетий туманны и малонадежны. Гораздо чаще обров в «Повести» упоминаются тюркоязычные печенеги, что очевидно уже из приведенного выше отрывка. Печенеги прибыли в эти края позднее аваров, кочевали здесь с 9 по 11 вв., и у славян от этих номадов сохранились малоприятные впечатления. На крайней западной половине Степного Пояса народ кочевых печенегов был не одинок: здесь пасли свои стада и иные группы тюркоязычных степняков.

В истории более знатными и, разумеется, более могущественными в сравнении с печенегами являлись, конечно же, хазары. Многие исследователи полагают, что первоначально хазары представляли крайний западный фланг необъятного Тюркского каганата, раскинувшего свое влияние от Китая до Византии. Во всяком случае, тюркские конные отряды в 570—580 гг. появились в Крыму, атакуя византийские поселения и крепости. Однако уже в 603 г. этот рыхлый гигант распался на враждующие между собой Восточный и Западный каганаты. О тюрках Восточного каганата мы упоминали ранее в связи с их вождями Бильге-каганом и Кюль-тегином, оставивших о себе память в степях центральной Монголии (см. главу 24). Примерно к 745 г. завершил свою историю и Западный кага-

нат, распространявший свое влияние на всю западную половину Степного Пояса. В ведении собственно Хазарского каганата находились степные земли от Северного Причерноморья вплоть до Северного Прикаспия, охватывая бассейны рек Кубани и Терека в Предкавказье, а также Днепра, Дона, Волги и Урала. О хазарах в «Повести» появляется краткая запись:

«По прошествии времени <...> стали притеснять полян древляне и иные окрестные люди. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах и сказали: "Платите нам дань". Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам, и сказали им: "Вот, новую дань нашли мы"».

Долгая борьба с хазарами, о которых уже шла речь в главе 25, уподобляется в «Повести» одному из главных событий древнейшей истории еврейского народа, когда Моисей увел свой народ из египетского плена, что приравнивалось комментаторами к победе. Похожей кажется летописцам и история с этими степняками.

«Так же и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так и есть: владеют русские князья хазарами и по нынешний день».

При этом, конечно же, почти непременно едва ли не у каждого должны всплыть в памяти строки А. С. Пушкина: *«Как ныне собирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам: // Их села и нивы за буйный набег // Обрек он мечам и пожарам».*

Заметим, однако, что «вещий» (то есть мудрый) князь Олег, «прибывший свой щит на врата Царьграда», если исходить из текста «Повести», особых хлопот хазарам не доставлял. Его стрелы были направлены, по преимуществу, в сторону соседних родственных по языку славянских племен, а также Византии (рис. 32.2). Разгром хазаров пришелся на долю киевского князя Святослава, но это случилось уже существенно позднее:

«В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и столицу их и Белую Вежу взял».

Но мы вернемся на столетие назад — к Рюрику и Олегу. Годом 862-м в «Повести» отмечен, пожалуй, один из самых примечательных и вызывающих донныне яростные дискуссии отрывок:

«В год 6370 (862). Изгнали [славяне] варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: "Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву". И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами" <...> И от тех варягов прозвалась Русская земля».

Рис. 32.2. Князь Олег наблюдает, как его воины прибивают щит к воротам Царьграда в знак победы над Византией. Рисунок Ф. А. Бруни (Wikipedia)

С этих пор и начинается многовековая история восточнославянских народов, объединенных именем Русь. Отсюда восходят истоки первой русской династии Рюриковичей.

«Вещий» Олег стал вторым после легендарного Рюрика князем новой династии. Многие же и доныне почитают Олега истинным основателем древнерусского государства.

«В год 6387 (879). Умер Рюрик и передал княжение свое Олегу — родичу своему, отдав ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал».

По всей вероятности, в ходе бесчисленных боев и стычек со степными отрядами древнерусское военное дело не могло не испытать воздействия тактических приемов и уловок кочевников. Это можно заметить хотя бы по описанию также чрезвычайно знаменитого в истории Древней Руси князя Святослава Игоревича, внука Олега.

«Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и быстрым был, словно пардус [леопард], и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, — такими же были и все остальные его воины».

Князь вообще явно предпочитал жизнь воина-кочевника:

«Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мёд и рабы».

Однако в 972 г. по возвращении из Болгарии князя подкараулили его недавние союзники печенеги: *«Когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него <...>. А всех лет княжения Святослава было 28».*

Н. М. Карамзин комментировал его гибель скорбными словами: *«Таким образом скончал жизнь сей Александр [Македонский] нашей древней Истории».*

Половцы

Эти тюркоязычные племена в жизни древнерусских княжеств играли роль совершенно особую. Именно поэтому половецким кочевым племенам «Повесть» уделяет намного больше внимания, нежели всем прочим. Вот, к примеру, как впервые Русь узнает об этом новом для нее народе:

«В (году 1054) приходил Болуш с половецами, и заключил мир с ними Всеволод, и возвратились половцы назад, откуда пришли...».

Однако тот краткий визит оказался лишь разведкой, но уже через семь лет:

В год 6569 (1061) впервые пришли половцы войною на Русскую землю; Всеволод же вышел против них месяца февраля во 2-й день. И в битве победили Всеволода и, повоював землю, ушли. То было первое зло от поганых и безбожных врагов».

И с тех пор, вплоть до битвы с монголами на Калке, до 1223 года — то есть более 160 лет — крутился непрерывный хоровод мелких и крупных стычек, сражений, битв русских князей с половецкими конными отрядами. Мелькал бесконечный калейдоскоп княжеских имен, бесчисленных противостояний между княжествами, непрочных и почти незамедлительно распадающихся союзов, ближних и дальних рейдов вооруженных групп — именно это мы постоянно встречаем на страницах «Повести временных лет».

Или, скажем, еще единожды, но также через семь лет после победы степняков над Всеволодом:

«В год 6576 (1068). Пришли иноплеменники на Русскую землю, половецкое множество. Изяслав же, и Святослав, и Всеволод вышли против них на Альту. И ночью пошли друг на друга. Навел на нас Бог поганых за грехи наши, и побежали русские князья, и победили половцы».

Но совсем вскоре последовал реванш Святослава: *«когда половцы воевали по земле Русской, а Святослав был в Чернигове, и когда половцы стали воевать около Чернигова, Святослав, собрав небольшую дружину, вышел против них к Сновску. И увидели половцы идущий полк, и приготовились встретить его».*

Рис. 32.3. Знаменитое полотно В. Васнецова «После побоища Игоря Святославича с половцами». На нем, к сожалению, мало сходства с реалиями: все избыточно «картинно». По всем описаниям очевидцев такого рода битв — картины после кровопролитных сражений выглядели, как правило, несравненно более пугающими и жуткими

И Святослав, увидев, что их множество, сказал дружине своей: “Сразимся, некуда нам уже деться”. И стегнули коней, и одолел Святослав с тремя тысячами, а половцев было 12 тысяч; и так их побили, а другие утонули в Снови, а князя их взяли в 1-й день ноября. И возвратился с победою в город свой Святослав.

В 1078 году невеселая для русичей новость: уже сами русские князья привели половцев на Русь и пошли на Всеволода:

«В год 6587 (1079). Пришел Роман с половцами к Воию. Всеволод же стал у Переяславля и сотворил мир с половцами. И возвратился Роман с половцами назад, и убили его половцы, месяца августа во 2-й день. И доселе еще лежат кости его там, сына Святослава, внука Ярослава».

Одно из самых тяжелых поражений русское воинство потерпело в 1093 г. в битве под Трипольем в Среднем Поднепровье (рис. 32.3) и при осаде половцами города Торческ:

«Половцы же между тем осаждали Торческ, а торки противились и крепко бились из города, убивая многих врагов. Половцы же стали налегать и отве-ли воду, и начали изнемогать люди в городе от жажды и голода. И прислали торки к Святополку, говоря: «Если не пришлешь еды, сдадимся». Святополк же послал им, но нельзя было пробраться в город из-за множества воинов неприятельских. И стояли около города 9 недель <...>. Святополк же вышел на Желань, и пошли друг против друга, и сошлись, и началась битва. И побежали наши от иноплемеников, и падали, раненные, перед врагами нашими, и многие погибли, и было мертвых больше, чем у Треполя. Святополк же пришел в Киев сам-третей, а половцы возвратились к Торческу. Случилась эта беда месяца июля в 23-й день. Наутро же 24-го, в день святых мучеников Бориса и

Глеба, был плач великий в городе, а не радость, за грехи наши великие и неправды, за умножение беззаконий наших <...>. Это Бог напустил на нас поганых, не их милуя, а нас наказывая, чтобы мы воздержались от злых дел. Наказывает он нас нашествием поганых; это ведь бич его, чтобы мы, опомнившись, воздержались от злого пути своего. И был плач велик в земле нашей, опустели села наши и города наши, и бегали мы перед врагами нашими».

В этом отрывке мы сталкиваемся с весьма стандартным объяснением поражений: «за грехи наши великие и неправды». Не прошло и года, как повторяется печальная история уже с предательством:

«Сотворил мир Святополк с половцами и взял себе в жены дочь Тугоркана, князя половецкого. В тот же год пришел Олег с половцами из Тмутаракани и подошел к Чернигову, Владимир же затворился в городе. Олег же, подступив к городу, пожег вокруг города и монастыри пожег. Владимир же сотворил мир с Олегом и пошел из города на стол отцовский в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего. Половцы же стали воевать около Чернигова, а Олег не препятствовал им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз навел он поганых на землю Русскую, его же грех да простит ему Бог, ибо много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рассеяны по разным землям».

Но не один Олег водил половцев на русские княжества. Вот и столь почитаемый в нашей древней истории Владимир Мономах в своем «Поучении» повествует о таких деяниях совершенно спокойно, видимо, за грехи их не считая:

«И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород: весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов <...>. На ту осень ходили с черниговцами и с половцами-читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины».

Но, как известно, счастье переменчиво, и наконец, в 1103 году Всевышний повернул свой лик к русским князьям:

«Вложил Бог в сердце князьям русским, Святополку и Владимиру <...>. И стала совещаться дружина Святополкова и говорить, что “не годится ныне, весной, идти, погубим смердов и пашню их”. И сказал Владимир: “Дивно мне, дружина, что лошадей жалеете, которыми пашут; а почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд и, приехав, половчанин застрелит его стрелою, а лошадь его заберет, а в село его приехав, возьмет жену его, и детей его, и все его имущество? Лошади вам жаль, а самого не жаль ли?” И ничего не смогла ответить дружина Святополка... И пошли на конях и в лабях, и пришли пониже порогов, и стали в порогах у острова Хортицы <...>. Половцы же, услышав, что идет русь, собрались в бесчисленном множестве и столи совещаться. И сказал Урусоба: “Попросим мира у руси, так как крепко они будут биться с нами, ибо много зла сотворили мы Русской зем-

ле". И сказали Урусобе молодые: "Ты боишься руси, но мы не боимся. Перебив этих, пойдем в землю их и завладеем городами их, и кто избавит их от нас?" Русские же князья и воины все молились Богу и обеты давали Богу и матери его... И пошли полки, как лес, и не окинуть их было взором, и русь пошла против них. И великий Бог вложил ужас великий в половцев, и страх напал на них и трепет перед лицом русских воинов, и оцепенели сами, и у коней их не было быстроты в ногах. Наши же с весельем на конях и пешие пошли к ним. Половцы же, увидев, как устремились на них русские, не дойдя, побежали перед русскими полками. Наши же погнались, рубя их. В день 4 апреля свершил Бог великое спасение, а на врагов наших дал нам победу великую. И убили тут в бою 20 князей, <...> а Белдюзя захватили. После того сели братья совещаться, победив врагов своих, и привели Белдюзя к Святополку, и стал Белдюзь предлагать за себя золото, и серебро, и коней, и скот, Святополк же послал его к Владимиру <...>. И повелел [князь] убить его, и так разрубили его на части. И затем собрались братья все, и сказал Владимир: "Вот день, который даровал Господь, возрадуемся и возвеселимся в этот день, ибо Бог избавил нас от врагов наших, и покорил врагов наших, и «сокрушил головы змеиные и передал достояние их людям русским». Ибо взяли тогда скот, и овец, и коней, и верблюдов, и вежи с добычей и с челядью, и захватили печенегов и торков с вежами. И вернулись на Русь с полоном великим, и со славою, и с победою великою».

И в случае победы как обычно следовало в «Повести» стандартное объяснение: «даровал нам Господь победу за наше благочестие».

Завершив раздел о половцах упоминанием о хрестоматийно известном — я абсолютно уверен в этом — всем читателям нашей книги «Слове о полку Игореве». Основной пафос этого поразительного сочинения, конечно же, в горечи от неистребимых склок, интриг и сражений, в которых виноваты сами русские князья. Автор этого произведения вспоминает и давние страницы русской истории:

«И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильная течет среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали, а неверные сами, с победами набегая на Русскую землю, брали дань по серебряной монете со двора <...>. Ярославичи и все внуки Всеславовы! Опустите стяги свои, вонзите в землю свои мечи, покрытые позором, ведь уже выпали вы из дедовской славы. Ведь своими раздорами вы начали наводить неверных на землю Русскую, на богатства Всеслава, из-за раздоров случилось насилие от земли Половецкой!» (157—162; 277—280).

Калка

Наверное, в последний раз мы слышали в русских хрониках рассказ о половцах, когда весной 1223 года подвергшаяся тяжелым монгольским ударам половецкая орда, ведомая ханом Котяном, возникла под стенами Киева. Половец-

кий вождь запросил помощи у своего зятя галицкого князя Мстислава Удалого: *«Сегодня татары взяли нашу землю, а завтра и вашу полонят, если мы все дружно не встанем против них»*. Русские князья согласились, и тогда союзное русско-половецкое войско двинулось на общего врага.

От Киева до речки Калки, что недалеко от Азовского моря, по прямой линии примерно 650 км. Стало быть, по реальной — не прямой — линии продвижения конных отрядов к юго-востоку не менее 800 или 900 км. Монголы заманивали союзников до Калки 12 дней, и проходить они должны были в таком случае ежедневно по 65—75 км. Напряжение немалое!

Нет смысла описывать эту трагичную для двух десятков русских князей битву: исход ее также широко известен. Монголы после своего триумфа двинулись, однако, не на Киев, но на восток, к своим далеким кочевьям. Ведь фантастичный по достигнутым результатам поход туменов Джебе и Субутая (Субедея) являлся лишь разведывательной операцией завоевателей (см. главу 27).

Четыре года и четыре волны Батыева нашествия

Спустя 14 лет после Калки монгольские отряды Бату-хана (или же Батия, как его принято называть в русской транскрипции) вновь надвинулись на восточные рубежи Руси. Странно, конечно, — а может и совсем не странно — но русские князья никаких уроков из трагичной Калки не извлекли. Может быть, именно тогда во всю свою мощь заявил о себе знаменитый русский «авось»: авось пронесет, авось как-нибудь выкрутимся...

Так или иначе, но в ноябре 1237 года первыми, кто ощутил на себе непростительный промах своих лидеров оказались обитатели Рязанского княжества: именно по ним пронесся испепеляющий огонь нового нашествия. Пять дней осады — 16 по 21 декабря того года — решили дело: (Старая) Рязань оказалась стертой с лица земли. Через несколько дней вслед за Рязанью наступила очередь Коломны (1 января 1238 года).

Первые три исключительно жестоких месяца 1238 года явились неповторимо трагичными для Древней Руси. Удары следовали с поразительной быстротой: Москва пала 20 января, а за ней та же участь постигла Владимир (7 февраля). Лишь за один февраль месяц этого мрачного года монгольским отрядам удалось захватить и разорить 14 городов, не считая мелких поселений: Суздаль, Юрьев-Польской, Ростов Великий, Городец, Галич, Кострому, Вологду, Ярославль, Углич и ряд других (трагедии Ярославля мы коснулись в **Приложении 3**).

Всегда и особым образом историки отмечают в этом ряду семинедельную осаду Козельска — небольшого городка на востоке Черниговского княжества: «сидение» монголов под Козельском заняло у победителей едва не половину времени всей их первой волны завоеваний.

Вторая волна нашествия пришла на Русь через несколько месяцев — осенью 1238 года и завершилась в начале 1239 года. Были захвачены и разорены горо-

да бассейна Среднего Поволжья и Оки: Нижний Новгород, Гороховец, Городец, Муром.

Третья волна (конец 1239 — начало 1240 г.) ударила по Черниговскому княжеству, когда были взяты столица княжества Чернигов, а также Путивль и другие городки.

Четвертая волна оказалась последней. Она вздыбилась опять же во второй половине того же 1240 года и прокатилась с чрезвычайной суровостью по южным княжествам Руси. Наиболее значимым эпизодом этой бойни предстала, безусловно, гибель Киева. В начале сентября батыева орда окружила «мать городов русских», а после осады — либо в конце ноября или же в самом начале декабря — рухнула Десятинная церковь, этот последний оплот сопротивлявшихся киевлян.

На этом, собственно, и завершилось покорение Руси. Бату-хан отправился далее на запад, по областям Польши и Венгрии, достигнув в 1241 году берегов Адриатики, после чего повернул назад. Тогда до ушей наследников Чингисхана донеслись первые звуки начавшихся опасных внутренних борений в еще недавно казавшемся столь монолитным организме необъятной монгольской кочевой империи.

С этих пор начинали отсчитывать советские историки знаменитые «триста лет татаро-монгольского ига».

Монгольское иго и русские князья

Нет слов: те мрачные столетия, безусловно, относились к наиболее драматическим в российской истории. И что же сказать относительно уроков истории для древнерусской элиты? Мы говорили, что князей ничему не научила Калка. Им не пошла впрок также наука тяжких междоусобиц половецкого периода. Вот слова С. М. Соловьева, которые, пожалуй, могут явиться едва ли не эпиграфом и выразительной картинкой для Руси 13—14 веков. И выражает эту картинку наш выдающийся историк в безумно длинном предложении, которое своей растянутостью как нельзя полнее отражает всю тягостную ситуацию с междоусобицами:

«По смерти [Александра] Невского Ярославу тверскому помешал усилиться Василий костромской, но сам умер скоро и беспотомственно, очистив таким образом старший стол для сыновей Невского; здесь повторяется то же явление: Димитрию переяславскому мешает усилиться Андрей городецкий; начинается продолжительная усобица, во время которой старшие Александровичи истощают свои силы, не могут сделать ничего для своего потомства, притом же сын Димитрия умирает бездетным; а между тем во время усобицы князей переяславского и городецкого в тиши усиливаются два княжества: Тверское <...> и Московское — при младшем сыне Невского, Данииле. Соперничество между ними по этому самому необходимо; но будет ли это соперничество последним?» (Соловьев 4: 441).

Соловьев задает этот вопрос, конечно же, риторически, — ведь он точно знает на него ответ: *еще очень долго!*

Есть, конечно, принципиальное отличие между усобицами в половецкий период и время под монгольской пятой. При половцах князь интриговали друг против друга, сражались между собой и с половцами на равных, обращаясь к «мерзким язычникам» половцам за помощью, когда им очень хотелось скинуть с престола своего соседа — соплеменника и единоверца. Теперь же, чтобы свершить то же самое в отношении нелюбезного тебе русского князя, нужно было отправляться в дальний и не всегда надежный путь, в Нижнее Заволжье, в Орду, с богатыми подарками и даже с аманатами-родичами. Нужно было унижаться, чтобы снискать ханское расположение. Как же будем оценивать все это позорное мельтешение князей вокруг ханского престола для получения заветного ярлыка?

Мы не будем прибегать к перечислению всего хоровода княжеских заискиваний. Упомянем лишь два примера в отношении персон, наиболее значимых в нашей истории. То будут канонизированный церковью Александр Невский и собиратель Московского княжества Иван Калита.

Александр Ярославич (Невский) стал княжить в Новгороде с 1236 г. В 1240 г. нанес известное поражение шведам на Неве.

«Новгородцы любили видеть Александра в челе дружин своих; но недолго могли ужиться с ним как с правителем, ибо Александр шел по следам отцовским и дедовским: в самый год Невской победы он выехал из Новгорода, рассорившись с жителями <...>. Жалобы граждан на самовластие [Александра] остались в договорах их с братом Александровым» (Соловьев 3: 149).

В 1242 году (видимо, зимой) он мчит в Орду, поскольку Батый прислал ему недвусмысленное предупреждение: *«Мне покорил бог многие народы, неужели ты один не хочешь покориться моей державе? Если хочешь сберечь землю свою, то приходи поклониться мне и увидишь честь и славу царства моего»* (Соловьев 3: 151).

После этого визита он поспевает на свою вторую столь же славную победу: пятого апреля состоялось знаменитое Ледовое побоище немцев на Чудском озере.

После этого, однако, начались неприятности с братьями и великие споры между ними за право княжения в том или ином городе. Уже в самой Орде, во время ее очередного посещения *«Александр с Андреем имели <...> большой спор, кому быть во Владимире, кому — в Киеве, и хан отдал Киев Александру [Невскому], а Владимир — [его брату] Андрею <...> Но Александр, как старший не мог быть доволен таким решением, ибо давно уже Владимир получил первенство перед Киевом, <...> давно уже киевские князья не могли быть без владимирских <...>. Киев представлял одни развалины, владение им не могло быть лестным <...>». В 1252 году Александр отправился на Дон к сыну Батыеву Сартаку с жалобой на брата, который отнял у него старшинство и не исполняет своих обязанностей относительно татар. Александр получил старшинство, и толпы*

татар <...> вторгнулись в землю Суздальскую. Андрей при этом сказал: «Что это, Господи! Покуда нам между собою ссориться и наводить друг на друга татар; лучше мне бежать в чужую землю, чем дружить с татарами и служить им» (Соловьев 3: 152).

Потом началась вражда Невского с другим братом Ярославом, который княжил в Твери. Александр вместо себя посадил княжить в Новгороде своего сына Василия. Однако новгородцы в 1255 году выгнали Василия и призвали другого князя. Тогда Невский подступил с войском к Новгороду. После долгих скандальных переговоров ему удалось вновь усадить своего сына на княжеский стол.

Однако уже в 1257 году он приводит в Новгород татарских послов с их требованием ясачной переписи всех дворов, а также «десятины и тамги». Не согласились с этим новгородцы, оказался против и его сын Василий. Тогда Александр изгоняет сына из Новгорода. В 1259 году в Новгороде вспыхнул мятеж, и татарские баскаки испугались, упрасивая Александра: «Дай нам сторожей, а то убьют нас» (Соловьев 3: 155). Невский велел стеречь их по ночам. Когда послам все-таки удалось провести перепись населения, то Александр уехал вслед за ними, оставив вместо себя на княжение в Новгороде другого сына Димитрия.

И все-таки весьма любопытно — вот, удачливый полководец, победитель шведов и тевтонов: отчего ж он так оробел против Орды, сделался ей таким послушным, враждовал с братьями и сыном?

Теперь другой видный деятель русской истории — собиратель будущего Московского царства Иван Калита.

«Против прежнего для князей прибавилась теперь новая, важная и тяжкая обязанность — это поездки в Орду; Иоанн Калита ездил туда девять раз; сын его Симеон Гордый в кратковременное княжение свое был там пять раз. Иногда князья отправлялись в Орду и с женами и с детьми, иногда собиралось по несколько князей и ехали туда вместе; <...> иногда князья должны были отправляться с ханом в поход» (Соловьев 4: 487).

Но самым тяжким деянием Калиты в этом ряду явилось безжалостное и кровавое сокрушение Твери вкупе с татарами. Московское и тверское княжество соперничали друг с другом и обращались все время к ордынским властителям за ярлыками.

«Борьба сначала решилась было в пользу Твери; но мы уже видели, что все великие князья стремятся примыслить к своей отчине Новгород <...>; предприятие против богатого Новгорода было для [тверского] князя довольно затруднительно: и теперь, стесненные Михаилом, новгородцы обращаются к Юрию московскому, и нет сомнения, что деньги их всего более помогли последнему успеть в Орде и сблизиться, породниться с семейством ханским, что и было причиною гибели Михайловой. Но Тверь не пала вместе с Михаилом; Юрий, хлопотавший так много для примыслов, не разбиравший средств для них, проводивший всю жизнь в беспокойствах, странствованиях, не воспользовался плодами своих тяжких и непривлекательных трудов, погиб беспотом-

ственно в Орде от руки сына Михайлова. Но ему наследовал брат его Иоанн Калита, и если Александр Михайлович тверской получил от хана великое княжение Владимирское, то Калита перезвал к себе в Москву митрополита, что было важнее всяких ярлыков ханских. Борьба, следовательно, не кончилась; Калита ждал удобного случая, и вот в Твери вспыхнуло восстание, вырезали татар; Калита с татарским войском опустошил, обессилил вконец Тверское княжество и погубил потом Александра в Орде. Москва восторжествовала и, не имея более соперников, стала собирать Русскую землю» (Соловьев 4: 442).

Наша книга не может ставить своей основной целью разбор причин столь яростных многовековых борений русских князей друг с другом, но отнюдь не против тех, кто душил мрачным покрывалом своего владычества всю Русь. Причем даже победа на поле Куликовом не выправила в корне этой тяжелой картины. Проблема, как представляется, крылась в ином: понятие Руси в обществе уже имелось, но отсутствовало чувство единой родины. К сожалению, это чувство созреет на Руси существенно позднее.

Куликово поле

Рис. 32.4. Фигура Дмитрия Донского, попирающего поверженного татарского мурзу на памятнике «Тысячелетие России» в кремле Великого Новгорода. Герой Куликовской битвы помещен здесь в ряду представленных на монументе самых значимых деятелей тысячелетней российской истории

С событиями начала сентября 1380 года и также хрестоматийно известной победы Дмитрия Ивановича Донского (рис. 32.4) над войском Мамаю многие связывают начало освобождения от ига и возрождения Руси. Весьма трудно хотя бы очень грубо прикинуть — какая же масса высокопарных слов была произнесена по поводу этой схватки. Более того, роль этой битвы приравнивалась к таким вершинам мировой истории, что ее причисляли к событиям, определяющим судьбы цивилизаций целых континентов.

«[Вначале] Западная Европа была спасена от азиятцев [монголов], но восточная ее половина надолго еще осталась открытою для их нашествия; здесь с половины 9 века образовалось государство, которое должно было служить оплотом для Европы против Азии; в 13 веке этот оплот был, по-видимому, разрушен; но основы европейского государства спаслись на отдаленном северо-востоке; благодаря сохранению этих основ, государство в полтораста лет успело объединиться, окрепнуть, — и Куликов-

ская победа послужила доказательством этой крепости; она была знаком торжества Европы над Азией; <...> она имеет характер страшного, кровавого побоища, отчаянного столкновения Европы с Азией, долженствовавшего решить великий в истории вопрос — которой из этих частей света восторжествовать над другою?» (Соловьев 3: 278).

Выдающегося российского историка С. М. Соловьева, слова которого вы только что смогли прочесть, следует ценить и уважать за очень многое. Я же хочу обратить внимание специально на одну также весьма примечательную особенность его творчества. Вот, скажем, ученый глубоко уверен в справедливости какой-либо своей мысли или собственного заключения; он горячо и искренне воспекает столь значимые для него события. Однако почти тут же вы можете увидеть в его тексте то, что или противоречит его истовой увлеченности, или, по меньшей мере, заставляет корректировать высказанные им восторги и сомневаться в их победном звучании. Это же относится и к тем звучным, но явно избыточным фанфарам мировой славы, адресованным историком к Куликовской битве. Итак, он продолжает:

«Но Куликовская победа была из числа тех побед, которые близко граничат с тяжким поражением. Когда, говорит предание, великий князь велел счесть сколько осталось в живых после битвы, то боярин Михаила Александрович донес ему, что осталось всего сорок тысяч человек, тогда как в битву вступило больше четырехсот тысяч <...>. Вот почему в украшенных сказаниях о мамеевом побоище мы видим, что событие это, представляясь, с одной стороны, как великое торжество, с другой — представляется как событие плачевное, жалость <...>. Говорит летописец: оскудела совершенно вся земля Русская воеводами, и слугами, и всяким воинством, и от этого был страх большой по всей земле Русской» (Соловьев 3: 278).

«Страх большой по всей земле Русской» оказался вполне обоснованным. Потерпевший поражение Мамай отправился собирать новое войско, собрал его, но на его беду и на удачу россиян из-за Яика появился новый антигерой русской истории — хан Тохтамыш. И опять же на берегах Калки — какая странная и столь привлекательная для битв речонка! — Тохтамыш наголову разбил Мамая и воцарился в Орде. Незамедлительно посылает он в Москву послов известить московские власти о переменах в ставке. *«Князья приняли послов с честью и отправили своих послов в Орду с дарами для нового хана»*. Правда, и сами ордынцы наполнились немалым страхом от Куликовского поражения. Тохтамыш *«решил разогнать этот страх»* и отправился уже в 1382 году с большим войском к Москве. Нижегородский и рязанский князья в сильном испуге. Нижегородский князь посылает к хану двух своих сыновей, а рязанский — показывает Тохтамышу, как удобнее всего подобраться к Москве.

У победителя Мамая Дмитрия Донского нет сил защищать Москву, и он отбывает в Переяславль и Кострому собирать полки. В Москве начинается *«сильное волнение»*. Многие желают бежать. Начинаются распри, разбой и грабеж. *«Кто*

хотел бежать вон из города, тех не пускали, били и грабили». В число таких беглецов попал митрополит, великая княгиня и «большие» бояре. Татары сожгли город и осадили Кремль. После трехдневного штурма, уже хитростью, Тохтамыш врывается в это сердце Москвы и учиняет обычный для завоевателей полный погром с массовым истреблением ее обитателей. После московского поражения многие князья поспешили, как и в прежние годы, отправляясь в ставку хана засвидетельствовать свою преданность ордынской власти...

По моему мнению, основное значение Куликовской победы заключалось в зарождении у русских уверенности, что монголы могут быть побеждены, что не все так безнадежно. Тогда проявились очевидные признаки духовной свободы; забрезжили пока еще не вполне ясные проблески света в конце мрачной и долгой пещеры; начала колыхаться и распадаться доселе плотная и всепоглощающая тень «ига». Но это были лишь первые, хотя и явные признаки начала раскрепощения русского этноса и российской культуры.

Золотая Орда слабеет

Рис. 32.5. «Повелитель Вселенной», он же «Железный хромец», Тамерлан (Тимурленг). Персидская миниатюра (Ру: 192)

На исходе 14 столетия силы Орды уже не походили на те, чем они славились при Батые или же при его ближайших наследниках. Безусловно, что Куликовское поражение также сыграло в этом свою роль. Однако намного более сильное воздействие имели три проигранные Тохтамышем войны легендарному Тамерлану (рис. 32.5). Тохтамыш помнит и кичится тем, что в его жилах течет кровь Чингисхана. Это подвигает его на нелепую веру в то, что именно он истинный властитель Вселенной. Фигура выскочки Тимура, или же Тамерлана, его раздражает; он желает окоротить этого наглого — даже не султана! — простого эмира. В 1387 году вдохновленный победой над москвитями Тохтамыш отправляется через Дербентские ворота в Закавказье, где уже побывало тамерланово воинство; но там его ждет неудача. Тогда зимой следующего года он отправляется в еще более сложный и трудный поход по закаспийским степям и пустыням, к тамерлановой столице Самарканду. Однако и здесь его кампания терпит крах. Побежден-

ный Тохтамыш отправляет к эмиру посольство с лукавым и, как его определяют придворные Тимура, двусмысленным письмом и пожеланием мира. Тамерлан отвечает послам предельно жестко: «[ваш хан] переступил рубеж Трансоксианы, поднял против меня мои же народы <...>. Да будет он удушен своим желанием

мира <...>. Горе ему! Он разбудил богов войны, роковым оружием войны которых я являюсь <...>. [И не будет мне покоя] пока не угаснут Тохтамышевы очи от зренья моей мести» (Ру: 84).

В 1395 году Тохтамыш вновь пробует одолеть Тамерлана в Закавказье. Однако в испуге через Дербентские ворота вновь отходит в Предкавказье, на Терек. Туда же устремляется Тимур. Битва на Тереке оказалась весьма жестокой, и непреломное счастье едва не изменило Тамерлану. Но Тохтамыш внезапно дрогнул, и его воинство ударило в бегство. На том завершилось тохтамышево царство, а Тимур отправился в неизвестные ему северные края, на Волгу. Он не дошел до Булгара, повернул на юго-запад, захватив Елец. Затем по Дону он спустился до Азовского моря, уничтожая христианские центры. Вышел на Кубань, победив черкесов. Затем суровой зимой 1395/1396 гг. его воины штурмовали в самых низовьях Волги Хаджитархан (Астрахань). После Хаджитархана Тамерлан, конечно же, не смог удержаться от того, чтобы подняться вдоль волжской долины на север и мстительно стереть с лица земли столицу Золотой Орды Сарай-ал-Джадид (Сарай-Берке).

Тамерлановы победы повергли Орду в такое состояние, что она надолго перестала быть пугалом для формирующегося Московского царства. Русские князья не навешали ставку степных вождей, даже после похода хана Эдигея под Москву, когда город вновь оказался окруженным краткой блокадой ордынских отрядов. Лишь только в 1412 году, «когда новый хан Зелени-Салтан (Джелаледдин Султан), сын Тохтамыша, дал изгнанным нижегородским князьям ярлык на их отчину, Василий Димитриевич поехал в Орду с большим богатством и со всеми своими вельможами» (Соловьев 3: 288).

Но даже после всех ордынских несчастий невозможно было сказать, что степняки ослабели настолько, что московиты могли не обращать на их внимания. Так в 1445 году хан Улу-Махмет победил в одной из битв Василия II (Темного) — внука Дмитрия Донского — и захватил его в плен. По некоторым сведениям за свободу великого князя пришлось заплатить «великий окуп» в 200 000 рублей. Из известных мне «поклонных» поездок в Орду за ярлыками последняя датируется 1431—1432 годами, когда молодой и к тому времени еще не ослепленный коварным Шемякой Василий в споре со своим сановным дядей получил право на московское княжение.

Следует заметить, что к 15 веку ситуация с кочевыми сообществами в Степном Поясе заметно изменилась в целом. Ислам все сильнее и сильнее проник в жизнь степняков. Это сказалось на той роли, которую начали играть южные мусульманские центры. Во многих случаях они стали опорными и базовыми регионами для продолжавших вести кочевую жизнь тех племен, что обретались на более северных территориях. Так, например, складывалась судьба зависимых от Тамерлана кочевых племен Средней Азии и казахских степей (см. главу 30).

К 1440-м годам под властью клана Гиреев (Гираев) набирает силу и приобретает самостоятельность Крымское ханство (вскользь о довольно странных и позд-

нейших потомках Гиреев мы вспомним в **Приложении 4**). С 1478 года крымские ханы официально признают себя вассалом Османской империи. В последующие долгие четыре столетия это ханство будет играть весьма важную роль в сложной динамике взаимоотношений Российского государства со своими южными и даже западными соседями.

От стояния на Угре до Ивана Грозного

На фоне кровавой и громкой — хотя и крайне тяжелой — победы на Куликовом поле многомесячное стояние в конце 1480 года на притоке Оки реке Угра армии московского князя Ивана III против воинства ордынского хана Ахмата выглядит деянием скромным и отнюдь не героическим (рис. 32.6 и 32.7). Тем более, что русский — и по номинации великий — князь трусил чрезвычайно. Он бросил свое войско и даже велел оставленному во главе отрядов своему наследнику Ивану Молодому покинуть позиции и отойти к Москве. Отважный наследник отказался подчиниться указанию державного отца, а высшее духовенство и даже обыкновенные горожане-москвичи нещадно и прилюдно срамили великого князя за трусость и бегство от татар. Тем не менее, когда выпал снег и лед сковал реки, противники разошлись, так и не вступив в сражение. Историки же вполне справедливо сочли стояние на Угре победой русских.

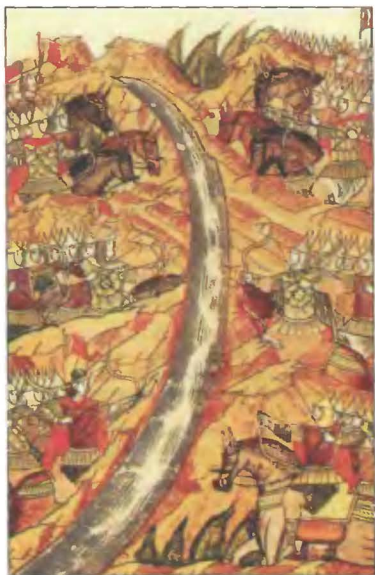

Рис. 32.6. Противостояние на Угре. Миниатюра из летописного свода XVI века (Wikipedia)

Ровно сто лет прошло с момента Куликовской битвы. За это время консолидированная Московская Русь возмужала и окрепла, а некогда единая Золотая Орда утратила свою мощь. Во время стояния на Угре все это проявилось весьма контрастно. Правда, Иван III весьма страшился в одном сражении потерять все то, что Москва смогла приобрести за последние полтора столетия.

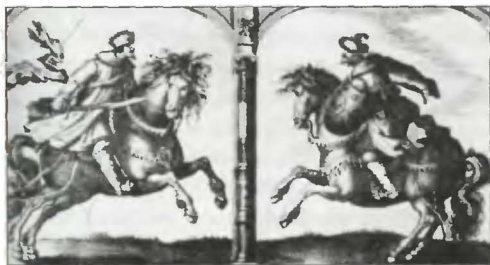

Рис. 32.7. Иван III (слева) и хан Ахмат. Так западные хроники изображали борьбу Московского княжества с Золотой Ордой. Скорее всего, в этом рисунке нашло отражение знаменитое противостояние на Угре (Chronik: 367)

Ахмат-хан справедливо опасался, что поражение его войска повлечет за собой печальные похороны Орды. С этого момента можно говорить о финале «ига», хотя от русских дань (так называемые подарки) к степным ханам и поступала вплоть до времен раннего Петра I. Однако с этих пор окончательно завершились столь унижительные для русской высшей аристократии процедуры вымаливания ярлыков на княжение.

С конца 15 века роли меняются. Русские все чаще и настойчивее проявляют себя в роли инициаторов «передела мира и влияния» в своем противостоянии со степью и ее северными сателлитами. Однако должно пройти еще семь десятилетий, пока Иван Васильевич Грозный не сумел нанести, пожалуй, самый болезненный, из числа первых, удар по одному из северных центров некогда монолитного, но к тому времени существенно изменившегося мира степных культур — по Казанскому ханству. Произошло это в 1552 году, когда, наконец, после трудных подступов пала столица ханства — Казань.

Вслед за этим стал гораздо более свободным и безопасным речной путь по великой Волге. И уже четырьмя годами позднее слабое Астраханское ханство также оказалось под властью Москвы. В 1586 и 1589 гг. с целью укрепления пути на Каспий начинают строиться у Волги городки-крепости Самара и Царицын. Длинный волжский путь, как бы разрезал весьма узким — и потому выглядывшим не вполне надежным — клином степной мир западной половины евразийского пояса.

В 16 столетии обозначились еще два «славянских клина», вонзившихся в тюркоязычное тело массива степных скотоводов. Оба клина также оказались привязанными к речным путям — к Дону и Днепру. Именно на этих просторах зарождалась история донского и запорожского казачества. Донские казаки в эпоху Ивана Грозного, пусть не жестко, но все же были подчинены московской власти. Судьбы же Запорожской сечи на ранних этапах своего относительно вольного существования гораздо теснее были связаны, конечно же, не с Москвой, но с Польшей.

Вряд ли можно сомневаться, что в 16 веке инициатива перешла в руки Москвы, и даже вроде бы удалось вбить «клинья» в чужеродный мир. Но заблуждением было бы думать, что юг решил тогда уйти в тень и запросил пощады. Отнюдь! Важнейшей целью, терзавшей Ивана Васильевича после сокрушения им Казани, стал не Юг, но Запад, хотелось завоевать Ливонию и выйти к Балтийскому морю. Долгая и неудачная Ливонская война Ивана Грозного вкупе с опричной буквально пожирала всю его энергию. Судя по всему, это не прошло мимо внимания его врагов. И вот сразу же после наиболее кровавых и массовых «опричных» неистовств царя в Новгороде в 1570 году, крымский хан Девлет I Герей во главе своих отрядов в мае 1571 подступил к Москве и сжег ее. Уцелел лишь один Кремль. Во время этого краткого, но крайне жестокого нашествия погибло, как утверждают некоторые источники, несколько сотен тысяч сбежавших к Москве людей, да и татары полонили до 150 тысяч. Иван Грозный в ту страшную годину из Москвы постыдно исчез и в защите столицы участия не

Рис. 32.8. Казачье войско перед походом. Рисунок художника И. А. Владимиrowa (Wikipedia)

принимал. Хан Герей поэтому и отправил ему письмо, наполненное презрительными выражениями вроде: *«Были б в тебе стыд и дородство так ты б пришел против нас и стоял»*.

Помимо всего, и те донские и запорожские «казачьи клинья» зачастую могли внезапно и коварно обращаться своим острием в сторону совершенно противоположную (рис. 32.8). В. С. Соловьев, например, всегда крайне скептически относился к роли казачества в российской истории. Поэтому мы завершим эту главу краткой цитатой из его лекции, затронувшей историю великой смуты на Руси в самом начале 17 века:

«...степи снова всколыхались, явились оттуда казаки с самозванцами и выполнили степную работу опустошения, уравниения, т. е. уравниали все с землею получше татар; долго Россия должна была отдыхать, оправляться после посещения этих проповедников протеста. Путешественники рассказывают, что когда они проезжали местами, где гостили казаки, то, чтобы остановиться и погреться в избах, прежде нужно было очистить эти избы от трупов их прежних обитателей» (Соловьев 18: 29).

Однако уже совсем близко придвинулось время решительных перемен в истории народов и их культур не только в Евразии, но и на других континентах нашей планеты.

Глава 33

НОВОЕ ВРЕМЯ — ДВЕ ВОЛНЫ СЛОМА РУБЕЖЕЙ ЕВРАЗИЙСКОГО ЯДРА

В начале четвертой части книги мы говорили, что растянувшийся на несколько столетий переход в Новое Время затронул все человеческие сообщества Земного шара, включая, конечно же, и сообщества евразийских кочевников, которые являются главным объектом нашего внимания. По внешним признакам материалы этой главы будут очень сильно отличаться от глав предыдущих: о кочевниках речи здесь идти не будет. Но в нашем мире все взаимосвязано — и это не просто слова. В конечном итоге кочевые популяции нашего материка окажутся втянутыми в могучий турбулентный водоворот событий переломных столетий Нового Времени, что вскоре и отразится на их жизни и на их судьбах.

В процессах происходивших революционных сдвигов совсем нетрудно было выделить культуры-инициаторы глобальных перемен и — как бы за разделительным барьером — оказались рассеянными их бесчисленные «жертвы», или же культуры-«страдальцы». Культуры-инициаторы обретались в пределах Ядра евразийских высокотехнологичных культур, а их «жертвы» — уже за его рамками. Автор предпочел воспользоваться здесь не вполне употребительными в научной литературе терминами — «страдальцы», «жертвы», поскольку они полнее отражают суть событий того сложного времени. Именно на эти культуры-жертвы и оказались направлены могучие потоки энергии носителей всех инноваций. Воздействие такого рода энергетических лучей оказалось чрезвычайно действенным: в лучшем случае культура-жертва должна была резко менять свой облик, в худшем — свершалось биологическое истребление носителей этой культуры, и последняя попросту исчезала вместе с этносом.

Изначальные признаки активности культур-инициаторов грядущего прорыва проявляют себя на западном фланге Ядра. Россия в этом движении по достаточно понятным причинам запаздывает примерно на сотню лет. Однако уже эпоха Ивана Грозного, которой мы завершили предшествующую главу, обнаруживает очевидные признаки стремления к участию в этих процессах. В исторической канве очень трудно сыскать абсолютно изолированные друг от друга явления, особенно если речь идет о событиях крупного масштаба. Россия была достаточно отдалена от западных центров Ядра, и могло показаться, что западноевропейские рывки и российские устремления никак не сопряжены между собой и что они совершенно несходны друг с другом. Но конечно же, это не так или же не совсем так, хотя своеобразие каждого из течений отрицать невозможно. Поэтому

мы предпочли предвосхитить российские броски на восток краткой характеристикой взрывов западных — ведь за ними остается хронологический приоритет.

Переломные столетия перехода в Новое Время

Нередко в качестве своеобразно переломного «Рубикона» для вступления человечества в эпоху Нового Времени называют год 1500. Спору нет, дата эта символична, «округла» и потому весьма удобна для запоминания. Однако из этого никак не следует, что люди проснувшиеся утром 1 января 1500 года сразу же должны были ощутить себя в желанном (либо совсем нежеланном для них) Новом Времени. Переход — или же трансформация — потребовал весьма протяженного времени: по меньшей мере, за сотню лет до этой даты-символа и не менее двух или даже трех столетий после нее. Обязательно добавим, что подобная периодизация признается лишь историками Запада, а на Востоке Евразии предпочитают иные принципы определения исторических периодов.

Новое Время — это, прежде всего, прорыв в интеллектуальной сфере и в представлениях людей об окружающем их мире — как видимом, так и невидимом. Эпиграфом при определении эпохи Нового Времени можно было бы выбрать, пожалуй, афористично звучащие высказывания великого английского ученого Фрэнсиса Бэкона (1561—1626) с его столь знаменитым и максимально кратким в русской интерпретации выражением «Знание — Сила».

На латинском этот афоризм звучит как «Scientia potentia est». Но принадлежит он не Ф. Бэкону, а другому английскому ученому Томасу Гоббсу. Выражение это — по существу, парафраз более ранних изречений Бэкона вроде «знание и могущество человека суть синонимы» («knowledge and human power are synonymous») или же «природой можно управлять, лишь повинаясь ей». Мысли эти Ф. Бэкон изложил в философском труде «Novum organum». И в этой мудрой книге весьма характерны даже названия двух ее основных частей: «On the Interpretation of Nature and the Empire of Man» и «On the Interpretation of Nature, or the Reign of Man». («Об истолковании природы и империи человека», «Об истолковании природы или о царстве человека»).

Мы же начнем с краткого перечисления некоторых, но кажущихся важнейшими революционных технологических сдвигов — они ведь тоже явились результатом интеллектуальных прозрений. Прежде всего, они выразились в открытии в 14 веке огнестрельного оружия, а в последующие столетия — его широким распространением и постоянным усовершенствованием (вновь, как и в главе 5, мы не затрагиваем моральных аспектов такого постижения). Затем с конца 17 по 19 века шаг за шагом, но стремительно нарастают взлеты так называемой Промышленной революции, начиная с инноваций в горно-металлургическом производстве, в использовании энергии пара, а позднее и электричества.

Стартовые шаги подобных сдвигов протекали в рамках западноевропейского Ренессанса — так называемых периодов Раннего и Высокого Возрождения, или же в пределах 14 и 15 веков, когда шаг за шагом ставились под сомнение или даже отвергались каноны Темных веков Средневековья. Книга Николая Коперника *De revolutionibus orbium coelestium* («О вращении небесных сфер») вышла в свет в Нюрнберге в 1543 году. Но до сих пор неясно, сумел ли великий ученый перед своей кончиной увидеть свой труд опубликованным, — ведь в нем он обожновал свое понимание гелиоцентрической системы мира. В 1600 году Джордано Бруно, приверженца коперниканских взглядов, за это по приговору святейшей инквизиции сжигают в Риме на площади Цветов — каков парадокс даже в названии места казни!

Галилео Галилей изучает небесный свод через линзы своих телескопов, и ему становится ясным, что мир небесный не гео-, но гелиоцентричен. Церковь в гневе, и в 1616 году гелиоцентрическая теория объявляется ересью и предается анафеме. Галилей лицемерно отрекается от собственных открытий... В 70-х годах 17 столетия Антони ван Левенгук в Нидерландах сквозь линзы сконструированного и сооруженного им микроскопа открывает уже иной — невидимый мир совершенно непонятных и никому до тех пор неведомых организмов...

Но сколь долгие столетия христианская церковь не желает отречься от своих казавшихся тогда незыблемыми канонov! Вот и в Российской империи времен Петра I, весьма отдаленной в начале 18 века от «умствований» западноевропейского мира, местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский — получивший перед тем престижное образование в Киеве и Риме и знаменитый в России своими блестящими проповедями — спустя примерно 170 лет после открытий Коперника изрекает: *«Одному некоему астроному Копернику приснилось, будто солнце, луна, звезды стоят, а земля оборачивается против священным писаниям. Смеются с него богослови»* (Саводник 1915: 292).

Лишь в октябре 1992 года Римский Папа Иоанн-Павел II публично приносит покаяния покойному Галилео Галилею, объявив решение инквизиции ошибочным и вернув ему «право быть законным сыном церкви». Затем как бы стыдливо реабилитируют Джордано Бруно, Савонаролу, Яна Гуса и Мартина Лютера...

Однако в рамках нашей темы мы должны гораздо большее внимание уделить первым шагам по открытию мира земного, находящегося за пределами Ядра евразийских высокотехнологичных сообществ.

Прорыв Ядра на западном фланге

Напомним весьма сжато о том, что существенно более подробно излагалось ранее, в главе 12. Конец III и начало II тысячелетий до новой эры: начало позднебронзового века, гигантский пространственный скачок технологически передовых металлоносных культур. Формирование Ядра евразийских высокотехнологичных культур. Ареал Ядра оказался равным приблизительно 40—43 млн

кв. км. Разумеется, весь этот громадный мир включал в себя общности весьма разнообразные как по характеру, так и по уровню технологического развития. Однако все они относились к так называемым металлоносным культурам. В ведении этих общностей находился либо полный комплекс горно-металлургического производства, либо в них могли заниматься лишь обработкой металлов — меди и ее сплавов, а позднее и железа. За пределами Ядра располагались культуры, не сумевшие преодолеть планку технологического рубежа каменного века. Если же в их руках и оказывались не слишком выразительные металлические изделия, то никакого особого значения в их повседневной жизни те не имели.

Территориальный рывок по своей мощи и охвату многократно превосходил аналогичные события предшествующих веков — медного, раннебронзового и среднебронзового. Однако рывок внезапно пресекся, и за ним последовало неожиданное, труднообъяснимое торможение и резкая остановка в пространственном расширении ареала высокотехнологичных культур. Не позднее середины II тыс. до н. э. наступает весьма длительная — трехтысячелетняя — эпоха, которую я предпочитаю именовать Великой Пространственной Стагнацией.

Все важнейшие события исторического характера, поступательная динамика как социополитического, так и технологического свойств у огромного большинства общностей концентрировались в течение долгих приблизительно 30—35 столетий лишь внутри рамок Евразийского Ядра. Эти события практически не выходили за его пределы или же не воздействовали сколько-нибудь явно за его рубежами. Зыбкий и нечеткий характер северных границ Ядра был обусловлен, по преимуществу, расплывчатыми и не вполне ясными его контурами в лесной зоне Евразийского континента.

Стартовый прорыв казавшихся за долгие тысячелетия незыблемыми рубежей Ядра свершился на самом крайнем западном — европейском — фланге, и время прорыва оказалось близким дате-символу — 1500.

Испано-португальская волна — с мечтой об Индии

Пионерами в этом великом трансокеанском продвижении выступили португальцы, и это, на первый взгляд, выглядело довольно странным: ведь королевство Португалия не значилось в числе наиболее продвинутых в технологическом плане на фоне иных западноевропейских государств. Ключевой фигурой в организации португальских морских экспедиций явился, без сомнения, Энрике-мореплаватель (рис. 33.1) — сын португальского короля Жуана I и поэтому принц. *«Добраться до Индии <...> стало мечтой принца Энрике Португальского, известного в истории под именем Генриха Мореплавателя, хоть сам он никогда не бывал в дальних океанских плаваниях. Но вся жизнь и стремление Энрике подчинены этой единственной мечте — достичь индийских островов, достичь Молукков, где растут драгоценные пряности: корица, и перец,*

Рис. 33.1. Ключевые персоны португальских морских путешествий XV—XVI вв. Слева направо: принц Энрике-Мореполаватель, Васко да Гама, Педро Альварес Кабрал

и инбирь, которые ценятся итальянскими и фландрскими купцами на вес золота» (Zweig 2001; <http://mesoamerica.narod.ru/Nonmeso/amerigo2.html>).

После кончины Энрике в 1460 году продвижение португальцев на юг вдоль африканского материка продолжалось. В 1488 году — Бартоломеу Диаш достиг мыса Доброй Надежды на крайнем юге Африки (первоначально Диаш назвал его мысом Бурь). Десять лет спустя, в апреле 1498 года самый знаменитый из португальских навигаторов — адмирал Васко да Гама огибает этот мыс и достигает на своем корабле «Сан-Габриель» многовековой мечты европейцев — Индии. Свою жизнь он завершает в 1524 г. в этой стране в качестве пожалованного ему в 1499 году португальским монархом титула индийского вице-короля (рис. 33.1 и 33.2).

Испания, могущественная соседка Португалии, но тогда еще не консолидированная в единое государство, завершает поразительно долгую и кровавую, почти 800-летнюю реконкисту Иберийского полуострова против мусульманских властителей. Знаковым в истории Испании стал год 1492, когда в его первый день признал себя побежденным католическим войском Изабеллы Кастильской и Жуана II Арагонского последний на Пиренейском полуострове исламский эмират Гранада. Успешный старт португальцев — этого не очень знатного и не очень могучего соседа по полуострову — вызывает у испанских монархов понятное чувство зависти, что и сыграло на руку Христофору Колумбу (рис. 33.3). Не прошло и пяти месяцев с момента завершения войны, как с ним королевская чета подписывает договор, где ему дозволяется быть вице-королем всех открытых им земель (см. главу 31). Энергия и порыв Колумба в организации грядущего плавания поразительны. Уже 3 августа того же года три небольших корабля — флагман «Санта-Мария» в сопровождении «Пинто» и «Нинья» — отплыли из гавани Палос де ла Фронтера — а это совсем недалеко от южной границы с Португалией — на никому не ведомый запад.

Рис. 33.2. Мраморное надгробье великому португальскому мореплавателю Васко да Гама в кафедральном соборе Лиссабона. Вверху: немецкая гравюра 1527 года показывает высадку Васко да Гама в Калькутте в 1498 году (Панорама: 261)

Рис. 33.3. Портрет Христофора Колумба работы Ридольфо Гирландайо (?), ок. 1525 г. (Панорама: 268)

Не прошло и двух с половиной месяцев как флотилия Колумба, согласно дневнику его плавания (рис. 33.4), «в пятницу 12 октября достигла одного из Лукайских [Багамских] островков, а на языке индейцев он называется Гуанахани. Тут же увидели нагих людей». Итак, первый бросок испанцев на запад, — и вот она Индия! «Португалию опередили! Произошло нечто невероятное. Некий Колон, или Колом, или Коломбо, «*Christophorus quidam Colonus vir Ligurus*», как сообщает Петр Мартир, по другому же сообщению, «совершенно неизвестный человек» — «*und persona qui nunguna persona conoscia*» — отправился под испанским флагом в открытый океан — на запад, вместо того чтобы идти восточным путем вокруг Африки, и — чудо из чудес! — «этим кратчайшим путем» — «*brevissimo cammino*» — достиг, по его свидетельству, Индии» (Zweig 2001; <http://mesoamerica.parod.ru/Nonmeso/amerigo2.html>).

Рис. 33.4. Высадка Христофора Колумба на острове Гуанахани (Сан-Сальвадор) в столь знаменательный для мировой истории день: пятница 12 октября 1492 года (Chronik: 372)

Хорошо известно, что во всех четырех своих удачных плаваниях, даже вплоть до последнего путешествия в 1502 году, когда Колумбу удалось достичь уже не островов, но берега материкового перешейка между Южной и Северной частями Америки, великий мореплаватель не сомневался в своем открытии окраин желанной Индии. Парал-

лельно свершившаяся удача достигнувшего реальной Индии Васко да Гамы его не смущали: собственные открытия он ценил много выше.

Испания и Португалия оказались в этой океанской гонке весьма недружелюбно настроенными друг к другу конкурентами. Поэтому они постоянно апеллируют к Римскому Первосвященнику, чтобы тот благословил предлагаемый обеими сторонами раздел того мира, что, казалось, с каждым новым плаванием как будто возникал из океанских пучин и с невероятной скоростью разрастался. Еще в 1481 году, до первых колумбовых открытий, линия папской буллы «Aeterni Regis» подразделяла мир по широтному принципу. К югу от широты Канарских островов все земли принадлежали португальцам, а те что к северу — испанцам.

Сразу же после возвращения Колумба из своего первого плавания Жуан II объявил, что открытые Адмиралом острова должны принадлежать Португалии. Колумб же утверждал, что Багамы лежат севернее раздела «Aeterni Regis», но, видимо, лукавил. Теперь уже Понтифик Александра VI Борджа в 1493 году подписал новую буллу «Inter caetera» (в переводе с латинского звучит как «Между прочим»), где вместо широтного принципа раздела мир провозглашался долготный. Однако и этот вариант буллы не устранил противоречий. В конце концов, все же победа осталась за испанскими королями, и в кастильском городке Тордесильяс было подписано испано-португальское соглашение, вошедшее в историю как «Тордесильяский договор между королями Испании и Португалии о разделе мира 7 июня 1494 года» (рис. 33.5).

«Высокие договаривающиеся стороны <...> условились и согласились во избежание сомнений и споров относительно островов и земель, уже открытых, или тех, которые будут открыты в море-океане, чтобы была проведена прямая линия от полюса до полюса, то есть от полюса арктического до полюса антарктического с севера на юг, в 370 лигах к западу от островов Зеленого Мыса, на расстоянии, определенном в градусах или иными способами, каковые будут признаны наиболее приемлемыми и удобными, и измеренном без излишка или недохватки, и чтобы все, что уже открыто или будет открыто королем Португалии или его кораблями, будь то острова или материи к востоку от этой линии и внутри ее на севере и на юге, принадлежало названному сеньору — королю Португалии и его преемникам на веки вечные и чтобы все острова и материи как открытые, так и те, что будут открыты королем и королевой Кастилии и Арагона или их кораблями к западу от названной линии, на севере и на юге, принадлежали означенным сеньорам — королю и королеве и их преемникам на веки вечные <...>. Если же, по счастью, таковая линия пересечет остров или материк, да будет установлен столб или знак, и да будет он разделять ту часть, что принадлежит Португалии, от той, что отведена Кастилии» (www.vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/).

С тех пор вся Южная Америка, Мезоамерика, а также часть Америки Северной оказались в конечном итоге подчиненными провозглашенному в Тордесильясе принципу. Бразилия с ее крупным восточным выступом материка стала порту-

Рис. 33.5. Карта Земного шара, известная как Cantino planisphaera. Сам Альберто Кантино — шпион герцога из Феррары — к ее созданию не имел ни малейшего отношения. Чертили ее в 1501 или 1502 гг. португальские картографы на базе сведений, добытых не только португальскими, но и испанскими мореплавателями конца XV столетия (Wikipedia). На карте нанесена линия раздела мира, согласно папской булле 1494 года (помечена стрелками)

галяязычной, а все прочие страны Америки — испаноязычными. Однако португальцы стараются не только осваивать южные пути в Индию. Пример Колумба побуждает их искать западный путь в Азию, через Атлантику. Так, в 1498 г. Жоао Фернандес Лаврадор первым увидел берега Гренландии. Затем Гаспар Корте-Реаль в 1500 году достигает Лаврадора (название этому полуострову он предложил в честь своего предшественника Лаврадора). Он открывает тогда и остров «Новая Земля», который позднее переименовуют на английский манер в Ньюфаундленд. Любопытно при этом, что португальцы действуют близ северных берегов Америки вкупе с английскими мореплавателями. И наконец, Педро Альварес Кабрал (рис. 33.1) 22 апреля 1500 года привел свои суда к берегам Бразилии. К достижениям португальского не только мореходного, но и картографического искусства следует отнести, без сомнения, и составленную португальцами карту известной им поверхности Земли на базе сведений добытых не только португальскими путешественниками (рис. 33.5). Правда, эта карта сохранилась лишь благодаря изворотливости секретного агента герцога Феррары с Апеннинского полуострова по имени Альберто Кантино. Этот ловкий разведчик в 1502 году сумел добыть очень ценную, секретную карту и доставить ее своему хозяину.

Америго Веспуччи и Америка

Отметим специально ту удивительно спорую и энергичную реакцию европейцев на открытия новых земель. Еще за десять лет до украденной Альберто Кантино секретной карты немецкий картограф Мартин Бехайм представил образованной публике большой глобус нашей планеты (рис. 33.6). А в 1507 году дру-

Рис. 33.6. Созданный в 1492 году немецким картографом Мартином Бехаймом глобус Земли (Chronik: 383)

Рис. 33.7. Изображение знаменитого флорентийца Америго Веспуччи на странице изданной в 1513 г. немецким картографом Мартином Вальдзеемюллером карте мира. С этого времени и благодаря появившемуся изданию атласа колумбову Индию стали именовать Америкой. Сам же Америго такой чести никогда не домогался и никакого отношения к инициативе переименования материка не имел. Все решила случайность (Chronik: 387)

гой немец, Мартин Вальдзеемюллер, преподнес, безусловно, самый важный и значимый сюрприз. Им стала карта мира, созданная им и приложенная к его труду «*Universalis cosmografia Ptholomaei traditionem et Americi Vesputii aliorumque lustrationes*» («Универсальная Космография согласно традиции Птолемея, а также на взгляд Америго Веспуччи и других»). Карта получилась огромной — 233 на 128 см, а ее общий макет составляли 12 взаимосвязанных листов (рис. 33.7). На карте вместо трех традиционных в сознании европейцев за последние два тысячелетия материков — Европы, Азии и Африки, появился четвертый, названный картографом Америкой. И предложенное им наименование нового континента тот обосновывал в Космографии крайне любопытно: «Поскольку и Европа, и Азия получили женские имена, я не вижу резона почему бы не поименовать эту часть Земли как Америке, то есть страной Америго, или же Америкой, поскольку это открытие принадлежит Америго — человеку великой удачи» (рис. 33.8).

Появление на карте мира нового континента и его название сразу же пробудило большой, хотя порой и скандальный интерес. Многие хотели верить и продолжали верить, что открытые Колумбом земли суть Индия. Другие, воспринявшие идею неведомого, но уже весьма заманчивого Нового Света (*Mundus Novus*), решились — хотя это произошло уже позднее — на грозные обвинения по адресу Америго Веспуччи (1454—1512), нагло присвоившего себе, как полага- ли, не только открытие Нового Света, но и предложившего свое имя этому кон-

Рис. 33.8. Скульптура Америго Веспуччи во Флоренции (Wikipedia)

тиненту. И вот уже едва ли не пять сотен лет ведутся горячие споры по вопросу — почему же Америка не названа Колумбией? И в чем здесь вина Америго Веспуччи?

Даже знаменитый австрийский писатель Стефан Цвейг посвятил этому запутанному сюжету свою специальную и эмоционально окрашенную книгу «Америго: история одного заблуждения». Вряд ли в наименовании континента был повинен Веспуччи. *«В самых различных городах — в Париже, во Флоренции, неизвестно где раньше, но почти повсюду одновременно в 1503 году — замелькало пять-шесть отпечатанных листов, озаглавленных: «Mundus Novus». Автором этого трактата, написанного по-латыни, называют некоего Альберика Веспучия, или Веспутия, который в форме письма к Лаврентию Петру Франциску Медичи сообщает об одном путешествии, предпринятом им по поручению короля Португалии в дотоле неизвестные страны»* (Zweig; <http://mesoamerica.narod.ru/Nonmeso/amerigo2.html>).

Имя Америго Веспуччи бывало удивительно искажено, что впрочем никакой редкостью для тогдашней Европы не являлось. В тех письмах, о которых упоминает С. Цвейг, действительно речь идет о том, что те земли, на которые ступал в своих четырех тяжелых плаваниях Америго, путешественник довольно быстро угадывал особый, а вовсе не азиатский континент. Вот лишь один коротенький отрывок из весьма пространного сентябрьского письма 1504 года Америго к его покровителю гонфалоньеру Содерини:

«В седьмой день августа 1500 года на берегах этих самых стран мы бросили якоря и, воздавая торжественным молебствием благодарения Господу нашему, отслужили мессу с пением. На месте мы поняли, что эта земля — не остров, но континент, ибо длиннейшие берега не замыкаются, превращая ее в остров. Она заполнена несметным числом обитателей, ибо на ней мы нашли бесчисленные племена и народы и виды всех лесных животных, которые находятся в наших странах, и многое другое, никогда нами ранее не виденное, о чем по отдельности долго будет рассказывать...»

Много племен пришло посмотреть на нас. Они удивлялись, глядя на наши лица и белую кожу, и спрашивали, откуда мы пришли. Мы дали им понять, что

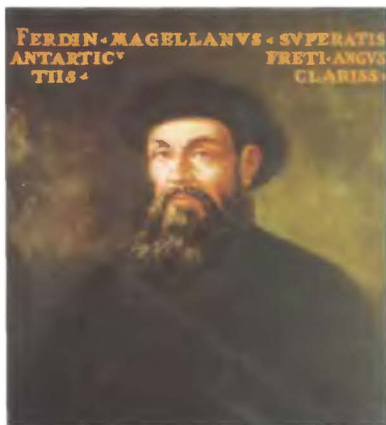

Рис. 33.9. Портрет Фердинанда Магеллана (Wikipedia)

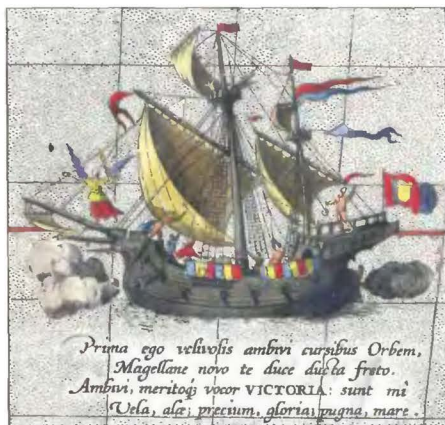

Рис. 33.10. Испанский морской парусник типа карраки. Современная копия-реконструкция Nao Victoria — одного из кораблей флотилии Магеллана (Wikipedia)

пришли с небес и собираемся посмотреть мир, и они поверили этому. В этой стране мы установили купель для крещения, где бесчисленное количество народа было окрещено. Они называли нас на своем языке караибам, что означало — люди большой мудрости» (<http://kuprienko.info/vespuccio-amerigo-al-ruso/>; перевод с латинского и итальянского М. Н. Цетлина).

В отрывке из этого письма два занятых сюжета могут вызвать недоуменную улыбку. Первый — это обряд крещения в купели: для туземцев все это выглядело забавным, но не более того. Второй — на каком все-таки языке испанцы объяснялись с только что появившимися аборигенами?

Но так или иначе и уже после того, как новый огромный континент превратил для европейцев в реальность, состоялось еще одно путешествие, которое, без сомнения, относят в разряд наиболее выдающихся в мировой истории. То было кругосветное плавание находящегося на испанской службе португальца Фердинанда Магеллана (рис. 33.9). Правда, в изначальной задумке кругосветного плавания не мыслилось — оно случилось как бы само собой, ненароком.

20 сентября 1519 года из небольшого порта Санлукар де Баррамед, что в устье Гвадалquivира, под командованием Магеллана вышли пять кораблей. Через год с небольшим трудных поисков команде удалось, наконец, выйти к тому самому желанному и соединявшему Атлантический и Тихий океаны проливу, который получит имя адмирала. Этот запутанный лабиринтом фиордов пролив эскадра одолевала больше месяца, а по выходе из него в течение трех месяцев моряки едва не завершили свои жизни в тяжких муках без пресной воды и пропитания на необъятных просторах Тихого океана. Наконец, им удалось достичь Филиппин,

но 27 апреля 1521 года их адмирал погибает в бессмысленной схватке с туземцами на одном из островов архипелага. И лишь спустя полтора года после кончины Магеллана последний и с трудом державшийся на воде корабль-каракка «Виктория» (рис. 33.10) с оставшимися в живых и истощенными 18 моряками достиг родины. Это неповторимое по героизму плавание длилось три года.

Золото Южной Америки

К середине 16 столетия Испания и Португалия в основном завершили завоевания Южной Америки и Мезоамерики. Менее чем за полвека их колонии превосходили по площади метрополию — Пиренейский полуостров — примерно в 20 раз! Да и населяли эти пространства гораздо более многочисленные народы. Испанцам к тому же удалось разгромить и полностью подчинить три империи — Майя, Ацтеков и Инков.

И вот едва ли не очень часто возникал и возникает недоуменный вопрос, который постоянно воспроизводят исследователи этих цивилизаций: *«Как же удалось пяти сотням испанцев разрушить империю Ацтеков с ее десятками тысяч воинов?»* При этом пытаются объяснить, что этим немногочисленным испанским отрядам во главе с Фернандо Кортесом удалось привлечь на свою сторону десятков тысяч ацтекских врагов. Да и кроме всего на аборигенов обрушились эпидемии неведомых для них и занесенных из Европы болезней (Smith: 283).

И еще одно соображение, кажущееся чрезвычайно значимым для объяснения невероятно легких побед испанцев: *«Древний миф расчистил путь конкистадорам при их вторжении в ацтекский мир в 1519 году. Появление Фернандо Кортеса и его отряда было сочтено ацтеками за возвращение благожелательного Кетсалькоатля тольтекских времен — белого бородатого бога, создателя искусств и ремесел. Это возвращение было предсказано пиктограммами и рисунками в доколумбовых времен, рассказывавшими, что в один прекрасный день Кетсалькоатль возвратится с востока, куда обращено побережье Мексиканского залива...»*

Ни одно свидетельство такого уважения, с каким древние мексиканцы относились к своим религиозным учениям, не является столь красноречивым, как ответ, данный несколькими науатльскими мудрецами первым испанским миссионерам во время знаменитой беседы, состоявшейся между ними в 1524 г.:

«Вы говорите, что мы не знаем Владыку всего, Творца небес и земли. Вы говорите, что наши боги ложные боги. Таковы странные слова, что вы говорите. Мы взволнованы ими, мы обеспокоены ими. Ибо наши предки, те, что были здесь, те, что жили на этой земле, не говорили так. Они давали нам свои жизненные заповеди, они содержали нас в правде. Они воздавали почести и поклонялись богам. Они внушали нам все формы благоговения, все пути почитания богов... Но если, как вы говорите нам, наши боги теперь мертвы, пусть мы

теперь умрем, пусть мы теперь погибнем, ибо теперь наши боги мертвы» (Леон-Портилья 1977: 432, 453—454).

В определенном смысле стали мрач-но-впечатляющими «подвиги» Франсиско Писарро — завоевателя государства инков (рис. 33.11). Завоевания сопровождались массовыми убийствами индейцев, и этих зверств и собственных коварств ни в малейшей степени не скрывали сами конкистадоры. Оправданием служило одно: поганные язычники должны были или принять христову веру, или же им не должно быть места на Земле. Франсиско Писарро был уже совсем немолод, когда ему довелось подступиться к расположенной в Андах столице государства Куско: в 1532—1533 годах его возраст приближался к шестидесятилетию. Войско его казалось совсем малочисленным даже на фоне пятисот воинов Кортеса — всего 168 солдат и 37 лошадей (число воинов Кортеса в разных источниках колеблется, но несущественно). Однако впереди обладавших грозным огнестрельным оружием конных испанских отрядов катилась весть, буквально парализовавшая аборигенов: страшные пришельцы суть нерушимые божества. Правда, даже при таком мифе сражение с десятками тысяч туземцев испанцам казалось неразумным.

За право обладать престолом тогда боролись два инкских брата-принца — Атауальпа и Туаскар. Писарро, узнав об этом, решил воспользоваться распрей и, не встречая какого либо сопротивления, продвинулся со своим отрядом вглубь державы инков, подойдя к городу Кахамарка, где располагался со своим войском принц Атауальпа.

«Предательски приглашенный в испанский лагерь Атауальпа, явился туда безоружный в сопровождении лишь телохранителя. В тот же момент на его ничего не подозревающую свиту набросились конные испанцы и поголовно истребили всех. Сосредоточенная в окрестностях Кахамарки многочисленная, но лишенная своего вождя армия в растерянности отступила. За освобождение Атауальпы инки предложили испанцам невообразимый по ценности выкуп. Должна была полностью [под потолок в 2,4 метра] быть заполненной золотом комната площадью 35 кв. м, в которой содержался пленный принц» (Catholic Encyclopedia; www.newadvent.org/cathen).

Инки собирали это золото несколько месяцев. Общий вес переплавленного в слитки золота оценивался примерно в 6 тонн, а цена в пересчете на испанские

Рис. 33.11. Испания, город Трухильо: здесь родился знаменитый конкистадор Франсиско Писарро. Конный памятник в его честь на центральной площади города

деньги в 15 миллионов песо. Однако вопреки договору 29 августа 1533 года испанские конкистадоры удушили Атауальпу на гарроте (даты казни в разных источниках различаются). Фантастический масштаб такой невообразимой «добычи» поразил многих. И здесь «золотой телец» явился высочайшим символом удачи колонизаторов.

Зверства завоевателей поражали даже соплеменников. Достаточно широко известны в литературе весьма показательные свидетельства главы францисканского ордена Юкатана и Гватемалы с 1553 по 1579 г. Диэго де Ланда. Сам иерарх был чрезвычайно жестким приверженцем инквизиции и относился к числу ярых фанатиков католической церкви. Но вот что неожиданно: в его завершенной в 1566 году книге особую главу заняли описания жестокостей завоевателей:

«Индейцы тяжело переносили ярмо рабства. Но испанцы держали разделенными их поселения, находившиеся в стране. Однако не было недостатка в индейцах, восстававших против них, на что они отвечали очень жестокими карами, которые вызвали уменьшение населения. Они сожгли живыми несколько знатных лиц в провинции Купуль, других повесили... Испанцы схватили знатных лиц, заперли в одном доме в оковах и подожгли дом. Их сожгли живыми, с наибольшей в мире бесчеловечностью. И говорит это Диэго де Ланда, что он видел большое дерево около селения, на ветвях которого капитан повесил многих индейских женщин, а на их ногах [повесил] их собственных детей...

Индейцы провинций Кочвах и Чектемаль возмущались, и испанцы их усмирили таким образом, что две провинции, бывшие наиболее населенными и наполненными людьми, остались наиболее жалкими во всей стране. Там совершали неслыханные жестокости, отрубая носы, кисти, руки и ноги, груди у женщин, бросая их в глубокие лагуны с тыквами, привязанными к ногам, нанося удары шпагой детям, которые не шли так же [быстро], как их матери. Если те, которых вели на шейной цепи, ослабевали и не шли, как другие, им отрубали голову посреди других, чтобы не задерживаться, развязывая их. Они вели большое количество пленных мужчин и женщин для обслуживания, обращаясь с ними подобным образом...

Испанцы оправдываются, говоря, что их было мало и они не смогли бы подчинить столько людей, если бы не внушили страх ужасными карами. Они приводят примеры из истории и приход евреев в землю обетованную с большими жестокостями по повелению Божию. С другой стороны, индейцы имели основание защищать свою свободу и доверять мужественным капитанам, которые были среди них, надеясь таким образом освободиться от испанцев» (Диэго де Ланда: 131—133).

И это слова де Ланда, который именно за творимые им собственные жестокости в 1564 г. был даже отозван для церковного следствия в Испанию. Однако высшие богословы оправдали его, и он — «окруженный ореолом святости» — умер в Юкатане уже в сане епископа в 1579 г.

Британская волна — с мечтой о планете Земля

С испано-португальскими завоеваниями и колонизацией Южной Америки была связана первая волна слома западных границ Евразийского Ядра. Британская волна олицетворяла вторую волну этого слома. Хотя мы и предпочитаем добавлять к наименованию второй волны прилагательное *британская*, вполне очевидно, что в ней участвовали весьма разнообразные группы западноевропейского населения: не только англичане, но также ирландцы, голландцы, французы, немцы и другие. Наряду с полиэтническим составом ранних мигрантов столь же пестрым оказался и состав представителей различных религиозных конфессий. В числе переселенцев находились приверженцы англиканской церкви, протестанты, католики, пуритане-кальвинисты, равно как и различные сектанты типа мормонов и других. Вскоре сюда из Африки стали завозить и чернокожих рабов, чьи религиозные представления совершенно не совпадали с христианскими канонами. Вся эта «этно-конфессиональная» пестрота второй волны переселенцев выглядела особенно контрастной на фоне едва ли не однородного, во всяком случае, весьма близкого испано-португальского состава конкистадоров, со строгой их принадлежностью к католической ветви Христовой веры. Да и во многих своих иных чертах вторая волна слома рубежей Ядра оказалась непохожей на более раннюю.

Наверное, в значительной мере вторую волну слома подготовили творения великих фламандских картографов 16 столетия (рис. 33.12) — Герарда Меркатора (1512—1594) и Абрахама Ортелиуса (1527—1589). Их детальные карты и атласы (см., к примеру, рис. 33.13.) уже существенно отличались от более ранних представлений о нашей планете, представленных на упоминавшейся ранее карте Вальдзеемюллера (см. рис. 33.7).

Капитан Гудзон и Новый Амстердам

Чаще всего историю колониального освоения Северной Америки начинают с упоминания первой британской колонии — Джеймстаун, возникшей в 1607 году. Но в целом ряде отношений более любопытной и примечательной является история освоения того места, где позднее возник город Нью-Йорк. Ведь фундаментом Нью-Йорка стал основанный голландскими колонистами также Новый, но Амстердам. Красочную историю зарождения этих поселений изложил в своей книге «История Нью-Йорка» известный американский писатель Вашингтон Ирвинг. Акт первый начинается с того, что «в навеки памятный год от рождения Христова 1609, марта 25 дня, в прекрасное субботнее утро <...> этот достойный и безвозвратно исчезнувший исследователь, капитан Генри [Хендрик] Гудзон пустился [из Амстердама] в путь на прочном корабле, называвшемся «Полумесяц», имея от голландской «Ост-индской компании» предписание отыскать Северо-Западной проход в Китай» (Ирвинг: 43).

Рис. 33.12. Портреты Абрахама Ортелиуса — работа Питера Пауля Рубенса 1633 г. и Герарда Меркатора — гравюра на меди Ф. Хогенберга 1574 г. (Wikipedia)

Рис. 33.13. Созданный и опубликованный в 1570 году атлас Абрахама Ортелиуса (Wikipedia)

...Удивительно устойчивая, уже более столетия манившая мореплавателей разных стран мечта: пробраться сквозь Американский материк к берегам Восточной Азии, к Китаю...

«Находясь под особым покровительством providения, корабль благополучно достиг берегов Америки; <...> [судно] 4-го сентября вошло, наконец, в величественную бухту, которая и сегодня расстилает свою широкую гладь перед городом Нью-Йорком и которую до тех пор не посещал ни один европеец <...>. Когда [голландцы] <...> с восторженным вниманием вглядывались в представшее их взору зрелище, из одной долины появился краснокожий мужчина; над его головой развевались перья. В молчаливом изумлении он некоторое время созерцал прекрасный корабль, державшийся на воде, как стройный лебедь, плывущий по серебряному озеру, затем испустил военный клич и, подобно дикому оленю, стремительно бросился в лес, к крайнему изумлению флегматичных голландцев, которые за всю свою жизнь ни разу не слышали такого крика и не видели таких прыжков» (Ирвинг: 45, 46).

Ликование в Амстердаме по поводу открытий Гудзона было полным, и уже через четыре года весьма многочисленная группа голландцев на большом паруснике «Гуде вроу» («Добрая женщина») отправилась в качестве добровольных переселенцев на запад по пути Хендрика Гудзона. Немедленно в устье Гудзона торжественно обустроили базу Новых Нидерландов — первой голландской колонии в Америке — в виде форта Новый Амстердам. Однако уже на следующий год «спокойствию голландских колонистов суждено было оказаться временно нарушенным. В 1614 году капитан сэр Сэмюэл Аргол <...> посетил голландские поселения на реке Гудзон и потребовал, чтобы они подчинились английской короне» [Ирвинг: 53]. Так вышли на поверхность ранние признаки британского стремления подчинить себе весь североамериканский материк. В 1664 году англичане сумели ликвидировать колонию Новые Нидерланды, и с этого времени началась собственно история Нью-Йорка, равно как и новый этап в развитии британских североамериканских колоний.

Тринадцать британских колоний: у истоков независимости США

С только что упомянутого 1664 года территория, примыкавшая к бывшему Новому Амстердаму, стала, как и сам город, именоваться штатом Нью-Йорк. Так на карте появился 11-ый из тех 13 штатов-колоний, которые примерно через столетие громко заявят о своем праве на самостоятельность и о желании освободиться от тягот британской короны. Все 13 штатов пристроились довольно узкой полосой к побережью Атлантики. Общая площадь суши всех этих колоний была сравнительно невелика — не более 800 тысяч кв. км. Уже с самых первых этапов их формирования в штатах-колониях начали довольно быстро, а с каждым десятилетием все более и более энергично развиваться производство как сель-

скохозяйственной продукции, так и — что, пожалуй, было гораздо более существенным — производство промышленное. Именно в эти заокеанские края устремился и постоянно нарастал поток мигрантов, которым становились все более неуютными традиционные «оковы» устройства королевств «старушки» Европы. Настроения этих переселенцев, а также явные успехи послужили очевидным залогом вызревания в среде активных американских колонистов идеи независимости от Британии.

Стремительная динамика заморских удач будила в элите метрополии весьма ревнивые чувства. Вскоре последовала и соответствующая реакция: в 1750 году Британия наложила запрет на строительство в колониях предприятий, связанных с черной металлургией. С 1763 года для колонистов оказалось возможным перевозить свои товары лишь на тех судах, что плавали под британским флагом. Выпустили еще немалое число законов, которые должны были удушать нео-американцев нарастающим прессом налогов. Однако роль стартового запала для освободительной войны сыграло знаменитое «Бостонское чаепитие». Тогда в декабре 1773 года жители Бостона, центра штата Массачусетс, возмущенные несправедливым налоговым законодательством, сбросили в море 45 тонн чая...

Затем в течении восьми лет с 1775 по 1783 год мигранты и новопоселенцы отвоевывают у британского короля право на независимость. И наконец 3 сентября 1783 Англия признала право Соединенных Штатов Америки на независимость...

•

Британская Империя

В долгих сражениях с новыми американцами тринадцати штатов Британия проиграла, но при этом никак не желала отречься от жажды приобретения новых земель, разбросанных по необъятным океанским просторам. Легендарный английский мореплаватель Джеймс Кук в свое трагическое третье кругосветное путешествие отправился в 1776 году, когда уже вовсю кипела война английской метрополии с американскими колонистами. До своего трагического и финального в своей жизни 1779 года капитану Куку удалось в очередной раз избороздить на своем паруснике едва ли не все океаны нашей планеты (рис. 33.14), присоединяя к Британии все новые и новые территории. Неведомых для европейцев земель на нашей планете к концу XVIII столетия оставалось все меньше и меньше. Шаг за шагом и весьма упорно Англия наращивала свои территориально-колониальные приращения. Очень долго в течение более двух столетий британские силы Ост-Индской компании одолевали многочисленные княжества Индии, Бенгалии, Кашмира. К середине 19 столетия практически весь Индийский субконтинент оказался под властью английских резидентов.

Британская империя, над которой никогда не заходило солнце, к началу 20 столетия охватывала на всех континентах Земли почти 35 миллионов кв. км.

•

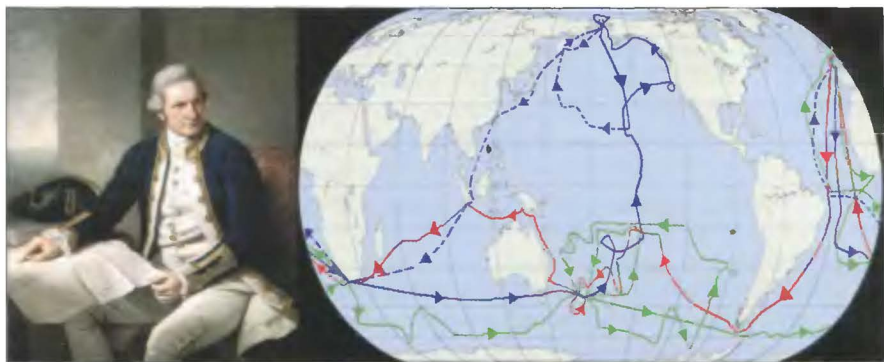

Рис. 33.14. Портрет легендарного английского мореплавателя капитана Джеймса Кука (1728—1779) и три его путешествия: первое (1768—1771) — красный цвет; второе (1772—1775) — зеленый цвет; третье и последнее (1776—1779) — синий цвет (Wikipedia)

Ее площадь перекрывала территорию островной метрополии в сотню раз! Наверное, это был мировой рекорд, ведь испано-португальские колонии перекрывали домен только в два десятка раз.

Может быть, лишь Великая Монгольская империя чингизидов до сих пор остается непревзойденным сухопутным рекордсменом? Но кто и когда сумеет точно определить площадь исходной метрополии для их грядущей империи, где кочевали кланы рода *борджигин* — по отцу и племени *олхонут* — по матери, откуда и явился миру Чингисхан?..

Глава 34

ТРЕТЬЯ ВОЛНА СЛОМА: ПРОРЫВ К ТИХОМУ ОКЕАНУ

Третья волна, сокрушившая рубежи Евразийского ядра культур, была связана уже с энергичными устремлениями подданных Российского государства на восток, через Урал, в Сибирь, к Тихому океану. Самым существенным отличием этого движения от первых двух явился его почти исключительно сухопутный характер (если не считать, конечно, плаваний по речным магистралям), а также фактическая моноэтничность прорыва: русский этнос в движении на восток безусловно главенствовал. Мы говорили также, что третья волна оказалась синхронной со второй — или же той, что была направлена на колонизацию Северной Америки. Относительно сходной оказалась и та геоэкологическая ниша, по которой следовали оба этих прорыва. Однако по всем прочим аспектам и деталям характер этих колонизаций различался весьма существенно.

За столетие до Ермака

Отсчет времени российского броска за Урал, в Сибирь, традиционно ведут от того момента, когда то ли 1 сентября 1581 года, то ли того же сентября, но уже следующего 1582 года (для нас это не суть важно) Ермак Тимофеев «со товарищи» отправился через Урал воевать «*Татарское царство нечестивых Агарян*». Однако такой взгляд грешил забвением более ранних попыток проникновения отрядов Московского царства за «Камень», как тогда именовали Уральскую горную цепь. Эти попытки предпринимались как до, так и после покорения русскими Пермской земли, охватывавшей бассейн Камы. В 1483 г. Иван III распорядился об организации большого — и уже второго в его царствование — похода. Восемнадцатью годами раньше устюжанин Василий Скрыба ходил в «Югрскую землю» и полонил некоторых ее князей. Однако гораздо более результативной явилась зауральская экспедиция, когда во главе большого войска стояли князь Курбский Черный и Салтык Травин. Они «пришли в Сибирскую землю», завоевали множество «городов», взяли на Иртыше и Оби изрядное число пленных, а также местных югорских князьков.

В изданном в 1838 г. весьма объемистом сочинении «Историческое обозрение Сибири», принадлежащем перу изрядно подзабытого ныне автора П. А. Слоцова, этот «пред-ермаковский» поход за Урал воспевается в словах кратких, но до изумления возвышенных:

«Не замечательно ли, что в конце 15 века, в то же время, когда Эммануил Португальский снарядил Васко де Гаму для обхода Африки на восток, Иоанн III послал также на восток, за Югорский камень, своего сухопутного Васко де Гаму, в Обдорию или низовую Обскую страну?.. Промышленность Вычегодская еще прежде спознала пути за Камень, но не промышленность указала их, а государственная гордость за покушения Закаменных звероловов на безопасность Великой Перми. Меч Московский около 1501 года омылся в крови дерзких» (Словцов: XV).

С этих торжественных слов начиналась пухлая книга Словцова, однако при этом он, как ни странно, забыл указать имя русского «сухопутного Васко де Гамы» — ведь гордость всегда должна быть персонифицированной.

Согласитесь, однако, что в конце 15 века и в непосредственной близости к дате-символу «1500 год» весьма четкая синхронность в стремлении слома границ Ядра на западе и востоке не может не удивлять и даже ставить в тупик. Я очень сомневаюсь, что об этих разно-полюсных попытках штурма некогда неколебимых рубежей Ядра имели хотя бы малейшее представление не только на Иберийском полуострове, но и в Москве. Вот, например, упоминавшиеся нами в предыдущей главе знаменитые карта Мартина Вальдземюллера (рис.33.7) или же атлас Абрахама Ортелиуса (рис. 33.13). На них даже нет упоминания Руси, России или же Московии. Вместо этого на месте реально существовавшей тогда Московии значится **Sarmatia Asiatica, или же Тартария**. А за непонятно каким образом и внезапно оказавшимися далеко на западе Рифейскими (они же Уральские) горами пребывала где-то в бассейне Немана **Sarmatia Europe**. Обозначения Московии на сочинениях европейских картографов появятся четырьмя-пятью десятилетиями позже (Герберштейн: 139, рис. 14). Кажется даже, что великие князья Московские Иван III и его наследник Василий III имели некое представление о смутном для них лабиринте королевств и княжеств Священной Римской империи. Однако вряд ли они слышали что-то внятное о Пиренеях и о том, какие страны за этими горами располагались?.. Наверное, синхронность разнонаправленных и внешне никак друг с другом не связанных движений бывает обусловлена тем, чего мы пока что не в состоянии точно понять и уловить с помощью доступных нам методов. По крайней мере, это касается попыток слома границ Ядра в те десятилетия, что предшествовали почти «сакральной» дате 1500.

Вся информация о приуральской стране Пермь, об Урале и Зауралье сохранялась в неких государственных архивах, и с нею удалось ознакомиться Сигизмунду Герберштейну — посланнику австрийского дома Габсбургов в Москву ко двору Василия III в 1517 и 1526 гг. Его быстро ставшая знаменитой и выдержавшая несколько изданий книга «Записки о Московии», кроме разнообразных сведений о далекой и таинственной стране «Московия», содержала также добытую им информацию о восточных рубежах этого государства. Посланник именует оказавшиеся доступными ему документы «русским дорожником». Приводимые им сведения любопытны сочетанием в описании вполне реальных мест

Рис. 34.1. Таковым представлено расположение морей, рек, городов и стран в пределах Восточной Европы на карте 1549 года Сигизмунда Герберштейна; гравюра базельского издания 1556 года (Герберштейн: 139)

и маршрутов с заведомо сказочными и фантастическими сюжетами и небылицами, о чем сам Герберштейн догадывается:

«Все, что я сообщил доселе, дословно переведено мной из доставленного мне русского дорожника. Хотя в нем, кажется, и есть кое-что фантастическое и едва вероятное, как например, сведения о людях немых, умирающих и оживающих, о Золотой Старухе, о людях чудовищного вида и о рыбе с человеческим образом» (Герберштейн: 160).

В любом случае вся собранная им информация представляет большую ценность. Кроме того в изданной в 1549 году австрийским посланником книге опубликована также и карта Московии (рис. 34.1). Имя автора этого творения, к сожалению, осталось для нас неизвестным, но сама карта, безусловно, не лишена интереса как памятник картографической науки первой половины 16 века в приложении к плохо изученным пространствам Московского государства.

Казанский «барьер»

Столетний разрыв между первыми попытками Ивана III пробиться за «Уральский камень» мог объясняться главным образом казанским «барьером». Москве необходимо было сломить и подчинить Казанское ханство для того, чтобы открылся достаточно надежный и безопасный путь на восток. В 1552 году это удалось молодому внуку Ивана III Ивану IV. После удачного штурма второго октября

Казань пала; четвертого октября приступили к очистке города от бесчисленных трупов, а шестого октября уже поторопились заложить церковь Благовещения.

Однако ж сразу *«надобно было распорядиться насчет дикого, воинственно-го народонаселения, жившего в ее области <...>. Около Казани сосредоточивались и укрепляли ее разные дикие народы, жившие в привольных для первобытного человека местах по обеим сторонам Волги, западной и восточной, горной и луговой: черемисы, мордва, чувашы, вотяки, башкиры <...>. Мы видели также, что первым делом Иоанна по взятии Казани была посылка к этим народам с приглашением вступить в подданство московское, войти к Москве в те же отношения, в каких находились они к Казани. Они согласились, и дело казалось конченным»* (Соловьев-6: 458, 462).

Но это только казалось. Кто-то откликнулся на приглашение-повеление царя, кто-то сделал вид, что никаких приглашений не получал. Степной Пояс даже в его периферийно-северном варианте не спешил отдаваться на милость московскому владыке. Мы говорим сейчас об относительно слабой окраине Степного Пояса. Южная же степь оставалась и до тех пор почти неодолимым и намного более мощным по сравнению с Казанью барьером для набирающего силу Российского государства.

«Московское государство могло с успехом вступить в окончательную борьбу с магометанским Востоком, с Турцией не прежде, как по прошествии двухсот лет, когда уже оно явилось Российской империей и обладало всеми средствами европейского государства. Теперь, следовательно, в 16 веке, внимание правительства его должно было обращаться главным образом на приобретение этих средств, должно было для этого обращаться к Западу, где могло найти их; и вот Иоанн, как скоро успокоил свои восточные границы взятием Казани, обращает внимание на Запад» (Соловьев-6: 481).

Иван Грозный обратил свои взоры на запад и ввязался в долгую Ливонскую войну. Вначале война эта сулила немалые успехи, но завершилась невеселым финалом. Лишь под занавес своей жизни царь дал добро на восточное движение. Однако инициатором в этом порыве выступил отнюдь не царь, но семейство Строгановых.

Строгановы и Ермак Тимофеевич

Со знаменитым в российской истории кланом Строгановых и атаманом Ермаком (рис. 34.2), безусловно, оказалось связанным реальное начало колонизации неохватных сибирских земель. Чтобы добиться царского благоволения на продвижение в восточном направлении, нужно было убедить царя, что, с одной стороны, как будто земли здесь совершенно «пустынные», а с другой — из этих пустошей неведомо откуда постоянно налетают орды нехристей, грозя разрушить строгановские и к тому же весьма полезные царю начинания. И для этого им — Строгановым — нужны, конечно же, особые привилегии. Вот, к примеру,

Рис. 34.2. Атаман Ермак Тимофеевич (художник неизвестен) (Wikipedia). Крайне сомнительно, что это изображение самого Ермака: вряд ли с него когда-либо и кто-либо мог писать портрет. Скорее всего, здесь представлен собирательный образ знатного казака 16–17 веков. Нередко спорят о происхождении имени Ермак — что оно означает и какого оно происхождения? По всей вероятности, это уже кличка, и восходит она к тюркскому — ирмак (irmak), что означает «река» или же «большая река». Так, в Турции есть река Kizilirmak (Красная большая река), впадающая в Черное море. Может быть, за этой кличкой кроется нечто вроде «Казак с большой реки» (Волги) и тогда отсюда — «волские казаки»?

еще задолго до Ермака, в 1558 году, Григорий Строганов «бил царю челом и сказывал: <...> что ниже Великой Перми, по реке Каме, по обе ее стороны, до реки Чусовой, лежат места пустые, леса черные, речки и озера дикие, острова и наволоки пустые, и всего пустого места здесь сто сорок шесть верст; до сих пор на этом месте пашни не паханы, дворы не ставили и в царскую казну пошлина никакая не бывала, и теперь эти земли не отданы никому <...>. Григорий Строганов бил челом, что хочет на этом месте городок поставить, город пушками и пищальми снабдить, пушкарей, пищальников и воротников прибрать для береженья от ногайских людей и от иных орд» (Соловьев-6: 666).

Истинные владельцы огромной Пермской страны (легендарной Биармии), Строгановы имели желание и немалые возможности преумножить свои богатства. В. С. Соловьев, как это он часто делал, постарался придать их банальным желаниям высокий патриотический смысл:

«Понятно также, что Строгановы могли совершить этот подвиг на пользу России и гражданственности не вследствие только своих обширных материальных средств; нужна была необыкновенная смелость, энергия, ловкость, чтоб завести поселения в пустынной стране, подверженной нападениям дикарей, пахать пашни и рассол искать с ружьем в руке, сделать вызов дикарю, раздражить его, положивши пред его глазами основы гражданственности мирными промыслами» (Соловьев-6: 667).

Загадочный путь приобщения дикарей к цивилизации путем раскладывания «пред его глазами основ гражданственности» должен был выпасть, судя по нарастающим событиям, атаману Ермаку Тимофееву (рис. 34.2) с казаками. Вот что гласят летописи по этому поводу:

«О призвании Волских [Волжских?] атаманов и казаков Ермака Тимофеева с товарищи, с великия реки Волги в Чусовские городки на спомогание против неверных.

В лето 1579 году Апреля в 6 день, слышаху бо сия Семен и Максим и Никита Строгановы от доверенных людей, о буйстве и храбрости Поволских казаков и атаманов Ермака Тимофеева с товарищи, како на Волге, на перевозех, Нагайцов побивают и Ардобазарцов грабят и побивают; и тии людие, слышав то про их буйство и храбрость, и людей своих с писанцем и с дары многими послаша к ним, дабы шли к ним в вотчины их в Чусовские городки и в острожки, на спомогание им. И они де вельми сему возрадовашася, яко послании приидоша к ним от честных людей и зваху их к себе на помощь; тогда атаманы и казаки, Ермак Тимофеев с товарищи: Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан, Матфей Мещеряк, собрався со единомысленною и предоброю дружиною, число же их 500 и 40 человек, вскоре шествие учиниша к ним <...>.

Тогож года Июня в 28 день <...> приидоша с Волги атаманы и казаки, Ермак Тимофеев Поволской с товарищи, в Чусовские городки; они же Семен и Максим и Никита Строгановы прияша их с честью и даяха им дары многи, и брашны и питии изобильно их наслаждаху. Атаманы же и казаки стояху против безбожных Агарян буйственно и единомысленно, с живущими ту людьми в городках, и бияху с безбожными Агаряны сурово и немилостиво, и твердо стояху, и на неверных поощряхуся: пожисша же они атаманы и казаки в городках их два лета и месяцы два» (Спасский: 13—15).

Крайне сомнительно, чтобы Строгановы не лелеяли мечту о дальнем походе Ермака за Урал, где грезились изобилие столь ценимой на Руси разнообразной пушнины. Именно поэтому Строгановы, спустя «два месяца и два года», призвав атамана еще три сотни людей и снабдив его всем необходимым, отправили Ермакову дружину в столь знаменитый поход через «Уральский Камень» вверх по Чусовой, — и случилось это 1 сентября 1581 года.

«Волские» казаки, известные своими храбростью, буйством и разбоями не очень-то были в чести у Грозного царя. Правой руке Ермака Ивану Кольцо за его «былые подвиги», случись ему оказаться в руках царских властей, грозила бы верная смертная казнь. Однако явных возражений царя тогда на этот поход вроде бы не последовало, или же Строгановы монарха не запрашивали. Правда, ситуация вскоре сильно изменилась. Пелымские «нехристи» напали на российские пермские владения и «оставиши люди в городках и в острожках своих от окаянных и безбожных Татар, от их злаго притужания, едва смерти избыша».

Об этом Чердынский воевода донес Ивану IV с жалобой на то, что Строгановы никакой помощи ему не оказали. Царь в гневе великом велел отписать Строгановым: вместо того, чтобы оборонять Чердынь и биться с ворогом, вот что «сделалось вашей изменою: вы Вогуличь, и Вотяков и Пелымцов от нашего жолованья отвели, и их задрали и войною на них приходили; за тем задором с Сибирским Салтаном ссорили нас; а Волских атаманов, к себе призвав, воров наняли в свои остроги, без нашего указа; а те атаманы с казаки, преж того ссорили нас с Нагайскою ордою, послов Нагайских на Волге на перевозех побивали, и Ардобазарцев грабили и побивали, и нашим людем многие грабежи и убытки

Рис. 34.3. «Покорение Сибири Ермаком». Картина выдающегося русского художника Василия Сурикова 1895 г.

чинились <...>. За эти вины царь якобы повелел им Пермскую землю от врага оберегать, а вместо этого в тот же день, когда вогуличи напали на Пермь, то «Ермак с товарищи» пошли воевать Вогуличь и Остяков и Татар, а Перми ничем не пособили <...>. А ведь велено было им стоять на определенных местах и за врагами зорко наблюдать. И если этого сразу же исполнено не будет и не вышлете из острогов своих Волских казаков, Ермака Тимофеева с товарищи, а учнете их держати у себя, и Пермских мест не учнете оберегати, и такую вашей изменю <...> в том опала на вас своя положити большая; а атаманов и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешать» (Спасский: 24—25).

Такой суровой угрозой и завершился первый тур знаменитого похода. Однако царский гнев пропал втуне. Ермак «с товарищи» оказались уже далеко за Уралом, где они вступили в сражения с воинством Сибирского хана Кучума (рис.34.3). После побед на Кучумом, сбора пушного ясака, отсылки ясака к царскому двору вместе с известием о покорении Сибири, Иван Грозный сменил гнев на милость. Владыка даже повелел отправить на подмогу Ермаку три сотни стрельцов. Отряд двинулся на восток на зиму глядя, без достаточных припасов и надежной аммуниции. Но летописец с прискорбием записал, что «<...> которые люди присланы были с воеводою со князем Семеном Болховский и с головами казанские да свияжские стрельцы да пермичи и вятченя, а запасу у них не было никакого, и те все присыльные люди <...> померли в старой Сибири з голоду» (Скрынников: 193—194).

Примечательно, но сложные коллизии на тему «Иван Грозный и Ермак» нашли отражение и в фольклоре. Вот, например, в одной из песен атаман обращается к своим сподвижникам:

*Да пора нам, ребятушки, во поход идти,
Во поход идти да Сибирь покорять.
А и вот нам, ребятушки, быть повешенным.
А когда же мы, ребятушки, да Сибирь покорим,
То за это нас, ребятушки, царь простит, помиловает,
Царь простит нас, ребятушки, всех пожаловат.*

Невзирая на большое превосходство огнестрельной пищали над луком, даже не забывая о многих победах «волских» казаков над нестройными отрядами Кучума, Ермак и его соратники были обречены. Таяла в постоянных стычках дружина атамана. Погиб со своим отрядом Никита Пан. Смерть настигла и Ивана Кольцо — знаменитого разбойника и сподвижника Ермака. Наконец, наступила пора и самого атамана. Почти через четыре года после появления его отрядов за Уралом, в начале августа 1585 года, он оказался вновь со своей тогда уже немногочисленной дружиной на Иртыше. Его главный и неукротимый враг Кучум *«подсмотри их, и разосла многих Татар, и повеле твердо стрещи; тое же нощи бысть дождь велик, погани же, аки ехидна некая, дышуще на Ермака с дружиною, и мечи свои свои готовляху на отомщение <...>. Ермак же с дружиною спяху в станех в полгах, погани же яко неистово дышуще готовляшеся на пролитие крови»* (Спасский: 56—57).

В ту ночь погибла практически вся дружина Ермака, и вряд ли кто мог видеть, как очнувшийся от сна Ермак пытался доплыть до своего струга, но утонул в Иртыше. Это может быть поздней легендой, как и текст той знаменитой песни, как в предсмертную ночь *«на диком бреге Иртыша сидел Ермак, обьятый думой»*. А во время ночных атамановых раздумий *«товарищи его трудов беспечно спали средь дубравы»*. Ермак же, согласно песне, был совершенно уверен, что

*Нам смерть не может быть страшна, своё мы дело совершили,
Сибирь Царю покорена, не праздну мы на свете жили!*

Такого рода мифы и легенды почти непременно окутывают память знаковых фигур, к каковому, безусловно, относился и Ермак Тимофеевич.

Завершить же этот раздел главы мне хочется странным и отчасти двусмысленным, насыщенным диковинными словосочетаниями курьезным панегириком, который сочинил сибирскому завоевателю спустя полтора века после его гибели уже упоминавшийся ранее автор весьма объемистого «Исторического обозрения Сибири» П. А. Словцов:

«История, редко не краснея за своих героев, с откровенностью отвечает за козака, превзошедшего свое имя, свое намерение, и ныне идущего среди потомства вровень с историческою пирамидою, — отвечает, повторяем, что Ермак принадлежит к особливому разряду людей необразованных, которым, как говорится, на роду написана большая игра желаний и надежд, поочередная смена удач и опасностей <...>. Завоеватель Кучумова юрта действи-

тельно схватил венок свой, покорил страну, собирал дани, и в очаровании самоудовольствия с месяц принимал подданство уstraшенных аулов на свое имя, а не на имя своего природного Государя, которого столица за десять лет (1572) была превращена в пепел от Крымцев» (Словцов: XXV—XVI).

Надо полагать, что во времена П. Словцова немалое число образованных людей размышляло о Ермаке примерно так же, что и автор этого «Исторического обозрения».

От Урала до мыса Дежнёва

Последователей пути Ермака насчитывается весьма изрядное число, и — самое главное — многие из них отличались поистине безудержной энергией, характерной вообще для завоевателей-конкистадоров. Даже простое перечисление их имен может занять слишком много места: в этом списке будут Василий Власьев, Василий Колесников, Петр Головин, Никита Савельев, Семен Шелковник и многие другие. Да и нет смысла упоминать в книге всех участников этого покорения восточных земель — это не наша задача. Лучше будет остановиться хотя бы вкратце на тех ключевых фигурах, с которыми связаны наиболее значимые достижения колонизации севера Евразии.

Знаковое имя этой эпопеи, конечно же, Семен Дежнёв (1605?—1673?), родом из Великого Устюга (рис. 34.4). По крайней мере с середины 1630-х годов он служил в Сибири, где принуждал непокорных якутов к подчинению и «объясачивал диких нехристей» различных национальностей. В 1641 и 1642 активность его группы была заметна в приполярных бассейнах Яны и Индигирки. Потом — Колыма (1647 год), и наконец, включенный в отряд Федота Попова в качестве сборщика ясака уже с чукчей, он и Попов летом 1648 года сумели достичь самой восточной точки Евразийского континента или же мыса, получившего позднее имя Дежнёва. Руководителю отряда Федоту Попову не повезло: его настигла смерть то ли в морской буре, то ли во время стычки с аборигенами.

Был еще один претендент на роль первооткрывателя — Михаил Стадухин. Как будто с 1642 года он вместе Дежнёвым года собирал ясак с «дикарей» по многим урочищам Якутии. Затем они оба появляются и на Чукотке. Отношения между ними складываются совсем не блестяще. На «Анадыр-реке <...> Дежнёв встретился с Семеном Моторою, который сухим путем достиг Анадыря, и пошли вместе. Но Стадухин идет следом за Дежневым и Моторою и громит тех дикарей,

Рис. 34.4. Семен Иванович Дежнёв. Скульптор Б. Н. Бродский (гипс). Заметим также, что реальных портретов этого землепроходца, конечно же, не сохранилось; таким его облик представлялся скульптору (БРЭ-8: 422)

которые уже дали ясак Дежнёву. Однажды в виду дикарей, сидевших в своем острожке, произошла любопытная сцена: между Дежнёвым и Стадухиным началась перебранка. «Ты делаешь негораздо, — говорил Дежнёв Стадухину, — побиваешь иноземцев без разбора». «Это люди неясачные, — отвечал тот, — а если они ясачные, то ты ступай к ним, зови их вон из острожка и возьми с них государев ясак». Дежнёв начал говорить дикарям, чтобы они выходили без боязни и дали ясак, и один из дикарей стал подавать из юрты соболи. У Стадухина разгорелись глаза на соболи, которые брал Дежнёв, он бросился на него, вырвал из рук меха и стал бить по щекам. Дежнёв после того почел за лучшее уйти как можно подальше от Стадухина» (Соловьев-12: 566, 567).

Крайне любопытно: концентрация русских на этой окраине Евразии не более, чем один «первопроходец» на неохватную тысячу квадратных километров. Но «первопроходцам» этого мало, и они лупят друг друга «по щекам», отнимая ясак. Впрочем, такого рода выражения «дружбы» и сотрудничества не являлись особой новостью не только на севере Евразии; вряд ли где-либо торопливые колонизаторы обожали друг друга.

Встречи на Амуре: маньчжурсы

Морские побережья Ледовитого океана и Берингии обозначили к середине 17 столетия северные и северо-восточные границы российского стремительно-го проникновения. Южные рубежи пока что плотно перекрывались культурами Степного Пояса, хотя в глубинах Сибири и Дальнего Востока о Степном Поясе вряд ли помнили. Около 1641 года якутскому воеводе стало известно, что где-то «на реке Шилке сидят многие пахотные хлебные люди и живет князек Лавкай, у которого на устье реки Уры в двух местах серебряная руда: одна в утесе, а другая в воде, да на той же реке Шилке внизу медная и свинцовая руда, а хлеба всякого много». Тогда в 1643 году воевода повелел Василию Пояркову во главе отряда из 133 человек отправиться на поиски этой желанной реки.

«Плыли они из Якутска Леною вниз, потом Алданом вверх и из притоков Алдана волоком в притоки Зии (Зеи), впадающей в Амур. От устья Зии Поярков поплыл вниз по Амуру, представляя себе, что плывет по Шилке <...>. Поярков достиг устья Амура и тут зимовал, а летом пошел на судах морем к устью Ульи-реки, из Ульи волоком переправился в Маю, приток Алдана, которым и Леною возвратился в Якутск, привезши богатый ясак соболями, но потерявши человек 80 из своего отряда» (Соловьев-12: 569—570).

Правда, в большей степени Василий Поярков прославился не этим, но своими неоправданными жестокостями, направленными к тому же на собственных спутников.

«Вместе с пышными рассказами Пояркова о Пегой Орде (как называли приамурские страны) слышались страшные рассказы спутников его о поведении самого Пояркова во время похода. «Служилых людей он бил и мучил напрасно

и, пограбя у них хлебные запасы, из острожка их вон выбил, а велел им идти есть убитых иноземцев, и служилые люди, не желая напрасною смертью помереть, съели многих мертвых иноземцев и служилых людей, которые с голоду померли, приели человек с пятьдесят; иных Поярков своими руками прибил до смерти, приговаривая: «Не дороги они, служилые люди! Десятнику цена десять денег, а рядовому два гроша». Когда он плыл по реке Зие, то жители тамошние его к берегу не припускали, называя русских людей погаными людоедами. Когда весною в устье Амура снег с лугов сошел и трава обтаяла, то остальные служилые люди начали корень травной копать и тем кормиться, но Поярков велел своему человеку выжечь луга, чтобы служилые люди покупали у него запас дороною ценою» (Соловьев-12: 570).

Слава российского первооткрывателя Амура Василия Пояркова сохранилась в памяти поколений, безусловно, с жутковатым оттенком. Его затмила, конечно же, фигура Ерофея Хабарова. В 1649 году от Якутска тот уже иным путем добрался до Амура и попытался вступить там в торговые переговоры с местными старшинами. К его удивлению немногочисленный отряд натолкнулся на пять совершенно пустых поселений (Хабаров именовал их городами). Местный князь Лявкой встретил его и объяснил, что местный народ скрылся от страха перед обещанным неким русским пришествием казачьих разбойных банд. Предусмотрительный Хабаров на следующий год воротился в Якутск и поведал воеводе о крае, где «по славной великой реке Амуру живут даурские люди, пахотные и скотные, и в той великой реке всякой рыбы много против Волги, по берегам луга великие и пашни, леса темные большие, соболя и всякого зверя много, государю казна будет великая. Хлеб в поле родится, ячмень и овес, просо, горох, гречиха и семя конопляное; если даурские князьки государю покорятся, то прибыль будет большая, в Якутский острог хлеба присылать будет ненужно, потому что из Лавкаева города с Амура-реки через волок на Тузирь-реку в новый острожек, что поставил он, Хабаров, переходу только со сто верст, а из Тузирского острожка вниз Тузирем, Олекмою и Леною до Якутска поплаву только две недели. Даурская земля будет прибыльнее Лены, да и против всей Сибири будет место украшено и изобильно» (Соловьев-12: 571).

Рассказы произвели желаемое впечатление, и уже в тот же самый год Ерофеем Хабаровом во главе более многочисленного отряда с довольно значительным огнестрельным вооружением (три пушки) вновь устремился на Амур. На сей раз местные жители (дауры) из своих городков не ушли, но приготовились защищаться. На требование Хабарова сдаться и выдать ясак они отвечали: «Даем мы ясак богдойскому (китайскому) царю, а вам какой ясак у нас? Хотите ясака, что мы бросаем последним своим ребятам?» «И настреляли дауры, — пишет Хабаров, — из города к нам на поле стрел, как нива стоит насеяна. И те свирепые дауры не могли стоять против государственной угрозы и нашего боя». Хабаров взял городок, положивши на месте больше 600 неприятелей» (Соловьев-12: 571—572).

Однако жизненные принципы дауров оказались непохожи на те, с которыми русские успели свыкнуться при столкновении с коренными народами евразийского севера. Там при захвате в качестве заложников родовых или племенных старшин-князьков, весь род или даже племя немедленно подчинялись пришельцам. Здесь же о групповом повиновении даже после пленения властных фигур клана речи не шло: сопротивление продолжалось не менее ожесточенно.

Вообще русские в Приамурье неожиданно для себя столкнулись впервые уже с иным и совершенно незнакомым для себя миром. В 1652 году против Хабарова на Амур выступило маньчжурское войско, осадившее построенный наспех Хабаровым Ачанский городок. Защитникам городка удалось отбиться, но Хабаров создавал, что это ненадолго, и что лучше уйти — иначе жди скорого появления гораздо более мощного войска, да еще с огнестрельным оружием. Необходимо было продумать новый план закрепления на Амуре, показавшемся сразу столь желанным. Но об этом повороте в процессе колонизации мы поговорим немного ниже.

Мирное освоение?

В годы господства идеологических принципов советской исторической науки в отношении завоевания Сибири и Дальнего Востока в литературе вообще отсутствовали термины «колонизация» или «завоевание». В ходу были лишь «освоение», «мирное вхождение» и тому подобные выражения. Увы, дело обстояло совсем не столь благостно. Методы колонизации оказывались вполне сходными с теми, что применяли западные европейцы на Южной и Северной половинах огромного Американского континента. Об этом говорит множество разнообразных рапортчиков самих авторов проведенных захватов и казней: завоеватели ни чуточки не сомневались, что подобные действия вполне законны, ничего аморального они не содержат и достойны наград.

С. В. Соловьев, который постоянно стремился своим высоким слогом обосновать подобные действия возвышенными целями, писал: *«Так, отодвигаемые от образованного Запада, русские люди на востоке, в пустынях Северной Азии прокладывали пути для европейской гражданственности <...>. [И] чтоб иметь понятие о том, как происходило это распространение русских владений, как отыскивались новые земли, взглянем на донесения некоторых из вождей отдельных предприятий. В 1641 году Василий Власьев доносил, что он с отрядом своим ходил на брацких людей (бурят), Чупчугуев улус погромили, побили людей человек с 30, а живком взять не могли ни одного человека, потому что тунгусы сели в юртах в осаду; Власьев велел толмачу говорить братьям и Чепчугую, чтоб они в осаде не сидели, а сдались бы на государево имя, но Чепчугуй стал говорить толмачу с бранью: «Али вы не знаете Чепчугуя, каков Чепчугуй своею головою?» — и стал из юрта стрелять, крича: «Жив я вам, козаки, в руки не дамся». Ранил одного человека; на ком были куяки и панцири, и он куяки про-*

бывал насквозь; русские стреляли по юртам и в юртах, но стрельбою ничего взять не могли, и зажгли юрту. Чепчузуй сгорел с сыном, а жену с другими двоими детьми выкинул верхом» (Соловьев-9: 297, 298).

В 17 веке похожие сцены повторялись многократно. Сцены отвратительного насилия имели также место не только в отношении коренного населения, но этой участи подвергались и колонисты. Так, с реки Лены в 1665 году вынуждена была бежать на Амур большая группа казаков и крестьян из-за злодейств илимского воеводы Лаврентия Обухова. Их *«невозможное терпение»* иссякло, и они прикончили воеводу, потому что *«он, Лаврентей, приезжая к нам в Усть-Киренскую волость, жен их насильничал, а животы их вымучивал»* (Артемьев: 104).

Отчеты о разного рода кровавых акциях отправлялись и в последующее столетие не только в адреса местных властей, но и в Петербург. В 1731 году армейский офицер Павлуцкий, возглавлявший карательный отряд для наказания непокорных чукчей писал в своем отчете: *«И 9 мая дошел до первой сидячих около того моря чюкоч юрты, в коей бывших чюкоч побили <...>. Усмотрели от того места в недалеком разстоянии <...> сидячих одна юрта и бывших в ней чюкоч побили <...>. И дошел до их чюкоцкого острожку <...> и в том остроге было юрт до осьми, кои разорили и сожгли»*. Но и позднее, уже в 1742 году правительственный Сенат издал указ: *«на оных немирных чюкч военною оружейною рукою наступить, искоренить вовсе»*.

Однако спустя 5 лет после сенатского указа Павлуцкий со своим отрядом гибнет в одном из сражений с чукчами, и это приводит к тому, что власти начинают сознавать необходимость перемен в бессмысленной — и, добавим, бесчеловечной — практике подавления аборигенов. Сенатский доклад Екатерине II гласил: *«В разсуждении лехкомысленного и зверского (туземцев) состояния, також и крайней неспособности положения мест, где они жительство имеют, никакой России надобности и пользы нет и в подданство их приводить нужды не было»*. Признание хотя и запоздалое, но тяжкое, и с 1764 года начинается отвод вооруженных гарнизонов с Чукотки на «материк» (Зуев).

Начало колонизации: пушнина вместо золота

В предшествующих разделах мы говорили о завоевательных походах различных российских групп «землепроходцев». Однако уже к самому концу ермаковских подвигов у московских властей могла, кажется, пробиваться смутная мысль, что одними наскоками даже с помощью весьма боеспособных казачьих отрядов Сибирь не одолеть. Ее громада одновременно и привлекала, и пугала — а ведь тогда Российскому царству удалось прикоснуться лишь к западному флангу этой безбрежной страны. Об истинных масштабах Сибири не имели в те поры ни малейшего представления. Нужно было методично обустроить здесь укрепленные места поселений. И вот появляются царские указы о необходимости строительства городов и острожков, и будет тогда *«распространяться право-*

славная вера, и церкви Божия воздвигнутся, и проповедь Евангельского учения обтече во вся конца Сибирския земли, и псаломский гром огласи на мнозех местах» (Спасский: 65—66).

Но ведь для всего этого нужно было переправить за Урал множество приверженцев и носителей православной веры, которые и производили бы *«на мнозех местах тот псаломский гром»*, что побудил бы *«диких и неверных»* сибирских аборигенов принять *«основы гражданственности»* и заняться *«мирными промыслами»*. Но откуда же было взять такое количество людей? Охотников было совсем немного. Просторы Российского государства ни в какие времена избытком населения не страдали. Опять же вспомним слова С. М. Соловьева о той «Великой восточной равнине», какими он начинал свой знаменитый 29-томный труд: *«не могла эта равнина получить скоро многочисленного народонаселения»*. В таком случае, как это постоянно имело место в российской практике, необходимо было загонять людей за Урал приказами и насильственным переселением.

«Земли было много, рук мало; служилым людям была тощета, что крестьяне уходили от них, а между тем пространство земель требовавших населения, увеличивалось все более и более, колонии вытягивались и на юг, в степи, и на северо-восток, за Уральские горы, в бесконечную Сибирь. Россия же в 16 веке должна была непрестанно отправлять людей в новые и новые колонии. И какое следствие должен был иметь для государства этот вывод колоний? Флетчер говорил, что на дороге между Вологдою и Ярославлем он видел до 50 обширных деревень, совершенно пустых. Легко понять, как эта редкость населения должна была замедлять общественное развитие, затруднять все государственные отправления».

И далее: *«В 1590 году велено было в Сольвычегодске на посаде и во всем уезде выбрать в Сибирь на житье тридцать человек пашенных людей, с женами и детьми и со всем имением, а у всякого человека было бы по три мерина добрых да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по пяти овец, да по двое гусей, да по пяти кур, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телега, да сани и всякая рухлядь, а на подмогу сольвычегодские посадские и уездные люди должны были им дать по 25 рублей человеку»* (Соловьев-7: 290, 291).

Скорее всего, такие указы оказывались попросту благими намерениями. Трудно было представить, как крестьянская семья *«со всем имением, да еще с двумя козами, пятью курами, парой утят»* бредет через Урал в совершенно необжитые и лишенные дорог бесконечные лесные дебри. Тем не менее колонизация началась, и шаг за шагом, прижимаясь к долинам больших и малых рек, на всех эти неохватных просторах стали строиться обнесенные деревянными стенами городки, острожки, зимовья (рис. 34.5). К концу 18 века их общее число должно было, кажется, перевалить за сотню. Правда, картина заселения представляла в целом в виде крайне и редкой сетки с неровными и зыбкими ячейками (рис. 34.6). Однако эта — пусть даже не очень надежная — сеть невеликих

Рис. 34.5. Реконструкция Илимского острога, заложенного на притоке Ангары реке Илеме в 1630 году. Музейный комплекс «Тальцы» близ истока Ангары, недалеко от Байкала (близ села Никола Иркутской области). Такие небольшие, обнесенные деревянными стенами и башнями крепости («крепостицы») являлись совершенно неотъемлемым элементом всего двухвекового процесса колонизации Сибири

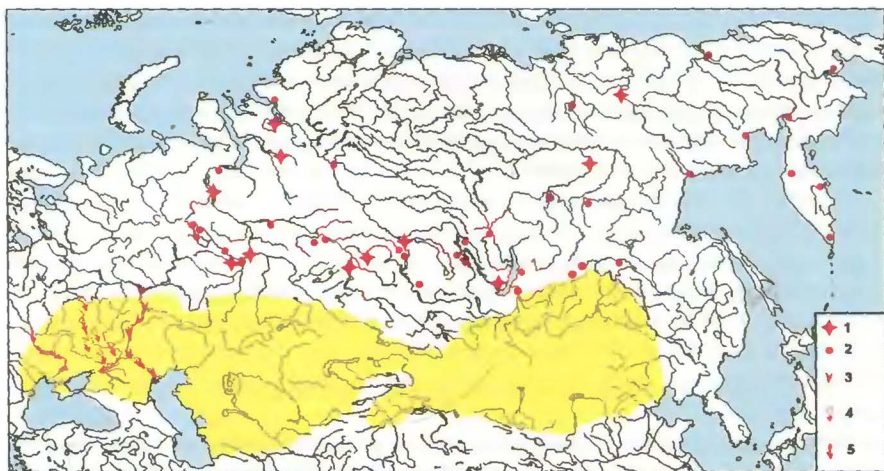

Рис. 34.6. Распространение основных центров и опорных пунктов российской колонизации с 1585 по 1700 гг. в Северной Евразии. Желтый цвет окрашивает уже хорошо известный читателям ареал Степного Пояса. Красным цветом обозначены: 1 — основанные русскими «первопроходцами» города (городки), 2 — также обустроенные русскими небольшие остроги-крепостицы, 3 — направление российского продвижения в пределах Степного Пояса вдоль Волги к Каспию, 4 — направление продвижения и зона обитания донского казачества, 5 — направление продвижения групп запорожского казачества.

Карта отчетливо показывает, что российская колонизация Северной Евразии не смогла пробиться в пределы Степного Пояса, а в Забайкалье и Приамурье ей удалось лишь «коснуться» северного края его ареала

укреплений ухитрилась накрыть все пространства от Урала до Тихого океана, и от океана Ледовитого до Амура и северной кромки Степного Пояса.

Основной и важнейшей целью колонизации явилось регулярное получение дани с коренных сибирских туземцев. Пушнина — вот что в данном случае и в первую очередь интересовало московскую власть: *«для прибыли государственной, понеже в тех местах соболь и протчей зверь родитца»*. Меха уже давно стали одним из основных видов своеобразной «валюты» при получении совершенно необходимых для России товаров с Запада.

Блестящий знаток Сибири, а также времени и процессов ее колонизации, Г. Н. Потанин (1835—1920) писал: *«Так как соболиный промысел тотчас же был оценен Москвой по достоинству, то Московское государство приняло на себя заботу о снабжении промышленников провизией и снарядами <...>. Вся добыча зверовишников была обращена в государственную казну. Соболиный промысел, как впоследствии золото, был признан государственной регалией; велено было, чтоб весь соболь, уловленный в Сибири, сдавался в казну. Часть соболей поступала в нее, как ясак; но и те соболи, которые поступали от инородцев в продажу или были изловлены русскими промышленниками и потом куплены скупщиками, не могли миновать казны. Скупщики, под строгим наказанием, обязаны были привезти их в Москву и сдать в Сибирский приказ, из которого им выдавали по оценке деньги, как теперь выдают их золото-промышленнику, когда он ссыпает добытое им золото в плавильную печь в Барнаул или Иркутск. В своих наказах или инструкциях сибирским воеводам, московское правительство настаивало — всеми мерами стараться, «чтоб во всей Сибири соболи были в одной его Великого Государя казне». В Китай был дозволен вывоз только худых мехов; бухарским купцам было вовсе запрещено вывозить меха в Туркестан; самим воеводам было строго настрого запрещено носить собольи шубы и собольи шапки. Как невыделанные шкуры, так и сшитые меха воеводы должны были выбрать из края и отправить в Москву. Для этого им из Москвы присылали товар, который они должны были выдавать Остякам, Якутам и Тунгусам под добычу; им было разрешено также торговать от казны водкой по улусам, чтоб выменивать на нее пушнину»* (Потанин: 40)

Заботило власть и другое: очень хотелось сыскать руду, и не просто руду, но такую, которая к тому же содержала много золота и серебра. Такого рода наказания следовали еще со времени Ивана III, но толку было мало. Руда — это не пушной зверь. Здесь требовался огромный опыт мастеров-рудознатцев, а их на Руси не водилось. Ведь российское государство охватывало ту обширную Восточно-Европейскую равнину, которая была лишена сколько-нибудь богатых месторождений минералов, из которых можно было выплавлять, скажем, медь и свинец, восстанавливать железо и т. п. Без этих сырьевых ресурсов Россия оказывалась в полной зависимости от избыточного подобными дарами Запада. Лишь богатство этими металлами позволяло в те поры успешно развивать собственную промышленность и поднимать армию до современного в тогдашних условиях уров-

ны. Поэтому именно пушнина явилась со времени колонизации весьма и весьма весомой прибавкой к традиционным и дорогим продуктам российского экспорта (едва ли не наши нефть и газ 20 и 21 веков).

Возникала и еще одна головомолная забота государственного уровня: распространение православия среди туземцев. И нельзя было однозначно сказать, что же являлось первичным и важнейшим в этой нужде? Ставилось ли в качестве основы внедрение христианских канонов в головы и психику туземцев — то есть преобладал ли здесь чисто идеологический мотив? Или же религия должна была служить одним из основных рычагов приведения аборигенов к столь заветной подчиненности московскому центру? Но и здесь властей ожидали весьма немалые трудности.

«С распространением границ государства, с переселением русских людей в новые страны распространялись, разумеется, и пределы церкви. Но, приобретая новых членов между инородцами, церковь должна была принимать меры, чтоб не отпадали от нее старые. В 1593 году казанский владыка Гермоген писал царю, что в Казани и в уездах Казанском и Свияжском живут новокрещенные вместе с татарами, чувашами, черемисами и вотяками, едят и пьют с ними, к церквам божиим не приходят, крестов на себе не носят, в домах образок и крестов не держат, попов не призывают и отцов духовных не имеют; обвенчавшись в церкви, перевенчиваются у попов татарских, едят скоромное в посты, живут мимо своих жен с немецкими пленницами. Он, владыка, призывал их и поучал, но они ученья не принимают и от татарских обычаев не отстают и совершенно от христианской веры отстали, о том сильно скорбят, что от своей веры отстали и в православной вере не утвердились, потому что живут с неверными вместе, от церквей далеко; и видя такое неверье в новокрещеных, иные татары не только не крестятся в православную веру, но и ругаются ей; да прежде, в сорок лет от казанского взятия, не бывали в татарской слободе мечети, а теперь стали мечети ставить близ посада, на лучшей выстрел» (Соловьев-7: 291).

Однако сами распространители и приверженцы веры могли чрезвычайно способствовать отвращению местного населения от христианства. Одна из летописей, к примеру, кратко, но весьма выразительно представляет приемы христианизации коренного населения: *«пятидесятник положил на стол окровавленную саблю и велел <...> целовати за государя царя, чтобы им (татарам) служить и ясак платити по вся годы, а не изменить»* (Скрынников: 187). Наверное, «первопроходцы» не всегда и повсюду в Сибири заставляли целовать не крест, но окровавленную саблю, однако же.

Новые гигантские колонии приносили московскому центру не только обильную пушную «валюту», но порождали в стране огромное число малопредсказуемых и труднорешаемых проблем. К их числу относились не только подчинение туземцев или же поиски металлоносных руд. Возникала и крайне болезненная проблема коммуникаций в этих столь сложных для обитания и передвижения

регионах. Однако на этой теме мы останавливаться не будем: мы лишь напомним о ней, чтобы яснее выглядели кардинальные различия между обустройством сибирских и североамериканских колоний.

Степной Пояс и Китай

Сначала отряд Пояркова, а затем и Хабарова, добравшись до богатых земель Приамурья, столкнулись с неожиданным и малоприятным для них сопротивлением. Местные жители то совершенно исчезали из мест привычного их обитания, то возвращались с явным намерением биться с агрессивными пришельцами. Внезапно откуда то с юга могли подтягиваться к долине Амура «богдойские» регулярные отряды уже с огнестрельным оружием. Понять все это сразу было крайне трудно, и осмотрительный Хабаров решил не искушать судьбу авантюры порывами, в чем, безусловно, был прав.

Дело в том, что Даурия, до которой добрались русские, являлась северной периферией Маньчжурии, которая составляла восточный край («четверть») великого Степного Пояса Евразии. К началу 17 века занятия местного тунгусо-язычного населения уже не характеризовались полным господством кочевников, как это было, скажем, в чингизовы времена. Очень большая часть родов и кланов вела тогда уже комплексное и оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство.

Вместе с тем почти всегда и с очень давних времен народы Маньчжурии представляли в большей или меньшей степени домен враждебных центру Поднебесной империи групп. В 1609 году правители маньчжуров отказываются платить дань имперскому правительству. Отношения накаляются, дело доходит до военных действий, и в 1644 году маньчжуры захватывают Пекин. Повторяется очень старая история: китайская традиционная культура подчиняет завоевателей. И хотя с 1645 года победители-маньчжуры провозглашают новую династию Цин, традиции прежнего — «старокитайского» — будут доминировать, хотя, безусловно, появятся некие новые нюансы. «Китаизированные» маньчжуры Цин удержат власть до 1911 года, когда на смену имперской форме правления появится республика.

Произойдет то, чего очень хотелось бы наследникам Чингис-хана, сформировавших в 1280 году монголо-китайскую династию Юань. Однако просуществовала та недолго — менее десяти десятилетий. При монголах также Степной Пояс одержал безоговорочную военную победу, но, как мы знаем, кочевники проиграли, погрузившись в непривычную для них обстановку и роли: синдром Антея здесь оказался неодолимым. Степной Пояс с «китаизированными» маньчжурами оказался удачливее: завоеватели продержались у власти 266 лет. Стало быть, можно считать, что восток Степного Пояса остался за Китаем. Русским пока что не удалось пробиться сквозь рубежи пояса и на далеком Востоке.

Российские колонизаторы придвинулись к северным границам управлявшейся маньчжурскими князьями Поднебесной именно в тот момент, когда власть

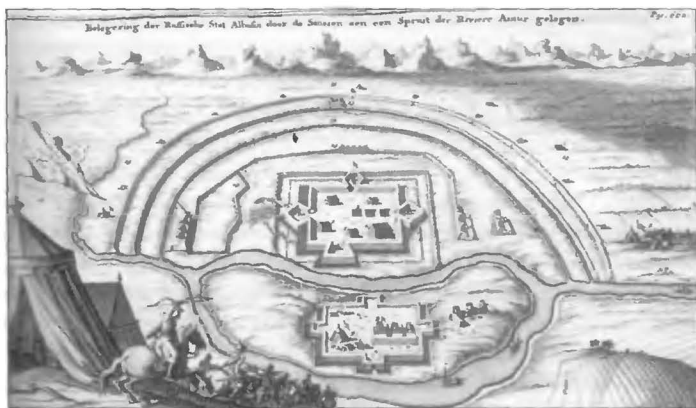

Рис. 34.7. Изображение одного из штурмов и осад маньчжуро-китайскими войсками крепости Албазин на Амуре в периоды 1685—1687 гг. Рисунок-топограмма Николааса Витсена, конец 18 века (Google). См. также (Артемьев: 275)

Цин над всей империей только формировалась. Однако вряд ли даже до объявления маньчжурского владычества немногочисленным русским отрядам удалось бы добиться каких-то ощутимых успехов, ведь маньчжурские правители обрели достаточную мощь и силу еще раньше, а Даурия была под их рукой. Именно поэтому местное население оказалось столь послушным: оно по приказам покидало свои селища, то возвращалось на защиту своих угодий. Пожалуй, самым знаменитым городком, который 1651 году удалось построить на Амуре Ерофею Хабарову явился Албазин (рис. 34.7). Именно в отношении его возникали многократные российско-китайские распри; городок несколько раз разрушали и отстраивали вновь. Для России он сделался своеобразным символом выхода к Амуру и обладания теми краями.

Известно, что вскоре вслед за появлением здесь отрядов Хабарова начинается новый этап взаимоотношений России со столь неясным тогда для нее Китаем: в решении проблем начинают преобладать дипломатические приемы. Правда, отношения эти налаживались с большим трудом. Сначала Федор Байков пытался в 1654—1657 годах пробить стену той изоляции, в которую погружал сам себя цинский Китай. Более результативной оказалась миссия Николая Спафария (1675—1678 гг.). Любопытно, что в этих переговорах активную роль играли западноевропейские католики-иезуиты, миссия которых начинала свою деятельность в Пекине еще в 16 веке. С этого времени граница между Россией и Китаем в бассейне Амура приобрела относительно стабильный характер.

Цинский Китай, хотя и придерживался жесткой линии самоизоляции, активнейшим образом продвигал свое влияние на запад и северо-запад. Уже к 60-м годам 18 века границы империи охватили всю Монголию, Синьцзян и пере-

валили Джунгарские ворота. В те поры китайская империя Цин намного энергичнее России «осваивала» восточную половину традиционно враждебного ему Степного Пояса.

Колонизация Северной Евразии и блокада Степного Пояса

Причина, по которой мы относительно подробно говорили о российской колонизации Северной Евразии, кажется достаточно очевидной. Русским — сначала «волским» казакам, а затем и «служивым людям» — удалось полностью «объять» воистину необъятные гигантские лесные и даже тундровые пространства материка, что в течение тысячелетий служили прочным и надежным тылом для кочевых культур и общностей Степного Пояса (ведь с севера для степняков никогда и никаких угроз не следовало). Однако не может быть ни малейших сомнений, что подобные стратегические цели ни перед Ермаком, ни перед Дежнёвым, или, скажем, перед Поярковым с Хабаровым, конечно же, не ставились, да и не могли ставиться. Все получалось как бы «само собой», ведь формулировка задач перед этими землепроходцами звучала крайне заземленно и просто: сыскивать для казны новые земли и собирать богатый ясак. Реплики же С. Соловьева о высоких целях «распространения принципов гражданственности и мирных промыслов среди диких народцев» никакого отношения к реальному течению процессов «освоения», конечно же, не имели.

Тем не менее нельзя, конечно же, не поражаться неистовой энергии и стремительному темпу колонизации. В 1581 году Ермак отправляется за Урал, а в 1648 году — то есть, не прошло и семи десятков лет — Семен Дежнёв достигает восточного мыса Евразии. В этом заключены хронологические грани того изумительно короткого отрезка времени, когда весьма немногочисленные русские группы и воинские отряды появились во всех совершенно им неведомых регионах Северной Евразии (рис. 34.6). И эта активность малых — особенно на фоне необъятных пространств — групп и отрядов охватила в те поры примерно 13 млн кв. км!

Здесь мы буквально на минутку отвлечемся от темы «Русь и Степной Пояс» для того, чтобы вспомнить о той ярчайшей истории, что была связана с продвижением на рубеже III—II тысячелетий до н. э. воинственных сейминско-турбинских групп (см. главу 15) — по существу самой ранней волны евразийских восточных мигрантов. Эти «первопроходцы» бронзового века двигались по абсолютно тем же самым просторам, что и русские, огибая с севера Степной Пояс, но 35 столетиями ранее и — в отличие от россиян — с востока на запад. Их основные средства передвижения были, конечно, все те же: конь, лодка, лыжи. Наверное, и скорость их продвижения на запад была примерно такой же: вряд ли более столетия.

Я совершенно уверен, что на страницах настоящей главы нет абсолютно никакой необходимости вдаваться в тему о том, сколь сложные и непривычные для россиян области приходилось преодолевать их отрядам. Да, все покрывала глухая тайга с тучами неистового гнуса летом и 40—50-градусными морозами зимой; тянулись тысячекилометровые болотистые плоские равнины Западной Сибири и громоздились запутанные системы горных массивов Восточной Сибири; простирались бескрайние тундры, соседствуя с полюсом холода на всей нашей планете... Но все это лежит уже за пределами основных целей нашей книги. Кроме того, в этом разделе главы автор хотел бы избежать обсуждения вопросов моральной трактовки и комментариев по поводу непростых взаимоотношений российских завоевателей с коренным населением этих просторов.

Важнейшим же результатом колонизации Северной Евразии в 17 веке мы будем считать то, что от бассейна Днепра, почти от восточного побережья Балтики вплоть до Тихого океана над кочевым миром Степного Пояса нависла с севера нарастающая год от года мощь России и грядущей Российской империи. С тех пор именно этот расклад сил и станет определять динамику очень многих кардинальных событий в истории народов Евразийского материка.

Глава 35

СЛОМ РУБЕЖЕЙ ЕВРАЗИЙСКОГО ЯДРА: КОЛОНИЗАЦИЯ И ЕЕ ПРИНЦИПЫ

«Тяжкий крест» европейских «цивилизаторов»

Овокупная площадь обитаемой суши нашей планеты на всех материках и островах близка 134 млн кв. км. Следовательно, Евразийское Ядро занимало примерно 30—31 % от этого значения. Разрыв уровней технологического развития между культурами Ядра и всеми иными, разбросанными за его пределами, достиг к 16 столетию, видимо, своего критического значения, что в очень большой степени и обеспечило быстрый эффект в сломе дотоле невообразимо устойчивых границ самого Ядра. Стало быть, культурам, занимавшим примерно 30 % земной обитаемой суши, предстояло «цивилизовать» остальные 70 %, где вплоть до 16 века обретались лишь «дикие народцы». Но на самом деле это не так: нести «тяжкий» крест приобщения к благам «цивилизации» обитателей почти трех четвертей земных пространств выпало на долю культур-трегеров Европы — как Западной, так и Восточной. Культуры последних занимали площадь около 6—7 млн кв. км., то есть не более 5 % от обитаемой суши, и именно им предстояло взять на себя ответственную «заботу» о развитии в «истинном» русле культуры народов, населявших примерно 92—93 млн кв. км. Согласитесь: задача не из простых.

Порой весьма склонный к громким фразам и восклицаниям С. М. Соловьев писал: *«Всем племенам Европы завещано историею высылать поселения в другие части света, распространять в них христианство и гражданственность; западным европейским племенам суждено завершить это дело морским, восточному племени, славянскому, — сухим путем»* (Соловьев-1: 58). То есть именно они были обязаны взвалить на себя нелегкую долю добровольных вождей и наставников погрязших в заблуждении и дикости народов, в их долгом шествии к истокам подлинных истин бытия. Эти слова историка украшают вводный раздел его знаменитой «Истории России» и, пожалуй, достойны служить едва ли не эпиграфом к большинству из 29 томов его гигантского труда.

Впрочем, в этом отношении наш российский историк в известной мере явился наследником взглядов западноевропейских философов и правоведов 17—18 веков — «мудрецов», как аттестовал их крайне язвительный американец Вашингтон Ирвинг в своей вышедшей в 1809 году книге «История Нью Йорка». Вот его комментарий, который, правда, увидел свет на четыре десятилетия ранее соловьевского «эпиграфа»:

Рис. 35.1. Фронтиспис и титульный лист книги Эмера де Ваттеля с изображением автора (слева). Справа: портрет Вашингтона Ирвинга — язвительного оппонента швейцарского правоведа (Wikipedia)

«Всеми миру известно, в каком плачевном состоянии застали этих бедных дикарей: они не только испытывали недостаток в жизненных благах, но, что еще хуже, были самым жалким и злополучным образом слепы к своей несчастной участи. Стоило, однако, милосердным жителям Европы узреть их печальное положение, как они немедленно взялись за работу, чтобы изменить и улучшить его» (Ирвинг: 36).

При этом весьма нередко «мудрецы» (по Ирвингу) выражали свои мысли несравненно более жестко, нежели С. Соловьев. Так, скажем, видный швейцарский правовед Эмер де Ваттель (1714—1767) в своей объемистой и изданной в Лейдене в 1758 году книге «Право наций или естественное право в приложении к деяниям государств и их правителей» утверждал:

«Возделывание земли, — говорят нам, — это обязанность, возложенная природой на человечество. Весь мир предназначен для пропитания его жителей; но это было бы невозможно, если бы он оставался невозделанным. Каждый народ, стало быть, обязан по закону природы возделывать землю, доставшуюся на его долю. Такие народы, которые, подобно древним германцам и современным татарам, владеют плодородными землями, но гнушаются их возделыванием и предпочитают жить грабежами, не выполняют своего долга и заслуживают, чтобы их истребили, как диких и вредных зверей» (Ирвинг: 34).

Любопытно: середина 18 века, вполне цивилизованная западноевропейская страна, и автор книги — отнюдь не конкистадор, но ученый правовед (рис. 35.1).

«Следовательно, — комментирует де Ваттеля Вашингтон Ирвинг, — по прибытии во вновь открытую невозделанную страну пришельцам оставалось лишь вступить во владение тем, что, согласно упомянутой выше доктрине, являлось их собственностью; следовательно, сопротивляясь им, дикари посягали на их бесспорные права, нарушали непреложные законы природы и про-

тиводествовали воле небес: следовательно, они были повинны в нечестии, воровстве и злоупотреблении обстоятельствами; следовательно, они были закоренелыми преступниками, нарушителями божеских и человеческих законов; следовательно, их надлежало истребить».

И далее: «Но, несмотря на все многообразные труды, направленные к их благу, упорство этих упрямых, жалких тварей было столь необычайным, что они, неблагодарные, отказывались признать чужеземцев своими благодетелями и решительно отвергали учение, которое им старались вдолбить в голову; при этом они самым наглым образом утверждали, что проповедники христианства, судя по их поведению, сами в него не верят» (Ирвинг: 35—36).

Открытие новых земель и приобщение «дикарей» к цивилизации

Обратим внимание еще на одно весьма важное обстоятельство: мягкое понятие «цивилизовать» скрывало за собой несравненно более грубое — «колонизовать». После 1500 года, который приобрел ныне почти «сакральное» звучание, в стремительно развернувшихся тогда процессах приобщения к «цивилизации», мы в состоянии различить три основные разновидности познания и освоения Нового мира.

Разновидность первая: открытие новых земель — для себя и для правителей тех стран, что сумели отрядить целые флотилии на поиски новых земель с абсолютно непредсказуемым результатом. Этот вариант наиболее торжественный, даже благостный, поскольку он почти никогда не был связан с массовыми кровопролитиями и жестокими деяниями мореплавателей. Примеры: Колумб, Васко да Гама, Магеллан, Америго Веспуччи...

Разновидность вторая: процесс приобщения «диких» народов к «цивилизации» группами конкистадоров-землепроходцев или — выражаясь иными словами — европейская колонизация вновь открытых земель. В отличие от первого варианта, связанные с ними акции, как правило, густо залиты кровью и, с позиции нравственных оценок, крайне непривлекательны. Процессы колонизации чаще всего незамедлительно следовали за открытием новых земель. Колонии тогда рассматривались лишь как источник богатств, а сама добыча такого рода сокровищ базировалась исключительно на насилии и принуждении «диких народцев». Та форма колонизации, о которой мы ведем здесь речь, предусматривает полное военное и политическое господство над попавшими под ярмо завоевателей народов. Примеры: золото инков для испанских конкистадоров, пушнина для русских землепроходцев.

Разновидность третья: появление на вновь открытых и колонизованных землях европейских поселенцев и формирование там новых культур — своеобразных европейских «клонов». Однако, в той или иной мере, последние часто противостояли своим европейским метрополиям, и эта конфронтация принима-

ла нередко весьма жестокую и непримиримую форму. Почти всегда процессы отвержения власти метрополий базировались на зарождении и активизации собственных производств. С этим связан, пожалуй, истинный смысл понятия — «освоение новых земель». Эта разновидность непременно сопряжена с широким внедрением и развитием новых форм технологии и социальных организаций. Самый яркий пример — это Соединенные Штаты Америки, и уже менее выразительные — Мексика, Бразилия и другие государства Латинской Америки.

Источник наслаждений^а

Цели колонизации, цели завоеваний и захватов всегда и всюду — касалось ли это монгольских нашествий, или же более древних, «археологических» эпох — имели своей целью обогащение победителей. Конечно, полученные в награду за такие подвиги богатства обильно оплачивались собственной кровью, но в несравненно большей степени то была кровь поверженного противника. Цели подобного «материального» рода никогда не скрывались, а результаты побед обязательно демонстрировались живущим на земле либо таинственным потусторонним силам. Непременным становилось появление победителей на родине с караванами бесчисленных трофеев, триумфы и триумфальные арки, набитые золотом курганы. Все это служило бесспорным свидетельством величия и их необоримой мощи.

В гораздо меньшей степени в качестве целей завоеваний провозглашался источник совсем иного рода — не материальный, но духовный. То был источник безмерного наслаждения властью победителя над покоренными народами. Мне кажется, что достижение подобного рода целей, по существу, и являлось тем истинным венцом, к которому так влекло победоносных воителей. Подобные желания редко обсуждались в открытую. Чаще всего истинные цели скрывались под пышными волнами словесных накидок — либо о необходимости распространения в окружающем мире единственно верного учения о сущности бытия, либо о приведении заблудших стад к истокам истин, или же, в крайнем случае, о возмездии соседям за совершенные теми реальные или же придуманные злодеяния. И даже самые изысканные и захваченные у поверженных народов сокровища служили лишь символами этой власти, свидетельствами неоспоримого превосходства над униженными.

Наверное, в какой-то момент даже эти — кажущиеся вечными — символы утрачивали свою роль. Изобилие сокровищ становилось явно избыточным, и тогда персоны уровня Александра Македонского или Чингис-хана начинали предаваться мечтам о мировом господстве и бессмертии. Вспомним, как Чингис-хан понимал собственное счастье: *«Величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами; в том, чтобы сесть на его*

хорошего хода с гладкими крупами меринов, в том, чтобы превратить животы его прекрасных супругов в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их розово-цветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать» (см. главу 26).

Вспомним также о демонстративном, показном пренебрежении к роскоши победоносного гуннского вождя Аттилы: *«Для прочих варваров <...> были приготовлены роскошные кушанья, сервированные на круглых серебряных блюдах, а Аттиле не подавалось ничего кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он выказывал умеренность: так, например, гостям подавались чаши золотые и серебряные, а его кубок был деревянный. Одежда его также была скромна и ничем не отличалась от других, кроме чистоты; ни висевший у него сбоку меч, ни перевязи варварской обуви, ни узда его коня не были украшены, как у других скифов, золотом, камнями или чем-либо другим ценным»* (см. главу 22).

Меня могут упрекнуть, что я подозреваю стремление к этой мечте у людей, отстоящих безмерно далеко от уровня этих властителей-героев. Увы, эти желания могут быть закодированы в психике большинства; стремления такого рода способны пробудиться и заявить о себе с особой силой именно в результате победных акций. Конечно, власть монголов над китайцами или же гуннов Аттилы над потомками некогда несокрушимых римлян внушала победителям чувства особого восторга. Но, готов спорить, что и власть над *«дикими народцами»* где-нибудь в джунглях Южной Америки либо в таежных дебрях Сибири способна была пробуждать даже в простых колонизаторах восторги аналогичного накала. Вот ведь не Чингис-хан, а всего лишь Ермак Тимофеевич *«...собирал дани, и в очаровании самоудовольствия с месяц принимал подданство устрашенных аулов на свое имя, а не на имя своего природного Государя»*. Так отчето же и прочим удачливым воителям было не предаться мечтам о подобном самоудовольствии?

Специфика российской колонизации

В российском варианте освоения Северной Евразии первая и вторая разновидности, о чем шла речь несколько выше, оказались совмещенными во времени и в пространстве. Выражаясь иначе, открытия новых земель полностью совпали с процессом их колонизации. Перед устремившимися в конце 16 и в 17 веках на восток казаками и служивыми людьми верховная власть как будто не ставила особых задач по описанию «новых» земель. Во всяком случае, следы подобных исследований либо малозаметны или же не заметны вовсе. Говорили все время лишь о необходимости ясных поборов и о приведении в покорность «нехристей и агарян». Правда, в какой-то момент власти стали сознавать, что для успеха всего процесса «освоения» в отношении дикарей необходима ласка:

«Правительство беспрестанно твердило воеводам, чтоб они обращались кротко с покорившимися туземцами: «Служилым людям приказывать

накрепко, чтоб они, ходя за ясаком, ясачным людям напрасных обид и налогов отнюдь никому не чинили, собирали бы с них государев ясак ласкою и приветом, а не жесточью и не правежом, чтоб с них собирать государев ясак с прибылью, брать с них ясак сколько будет можно, по одному разу в год, а по два и по три ясака на один год не брать. Которые новых земель люди станут непослушны, таких прежде уговаривать ласкою, а если никакими мерами уговорить будет нельзя, то смирять их войною, небольшим разореньем, чтоб их смирить слегка» (Соловьев-9: 298).

Однако в лучшем случае все это оставалось лишь благими намерениями. У того же С. Соловьева тексты его «Истории» насыщены описаниями случаев «объясачивания», протекавшего в совершенно противоположной манере, о чем уже говорилось в предшествующей главе. Да и вряд ли кто-либо из «диких народцев» пожелал бы отдавать добытую в трудном охотничьем промысле пушнину «за ласку». Наиболее эффективным средством сбора дани всегда служило насилие, хотя финалом таких жестоких акций становилось, как правило, истинное разорение земель.

Последний прорыв на восток: русские в Америке

Рис. 35.2. Фронтиспис книги Григория Шелехова о его морском путешествии в Северную Америку. Изображена сцена обмена товарами «мореходца»-автора с «дикими туземцами» на Алеутских островах

Вполне вероятно, что русские сумели побывать на Аляске еще во второй половине 17 века, хотя сведения об этом крайне туманны и ненадежны. Вместе с тем предположение о столь раннем посещении американских берегов поданными российскому царю вряд ли прозвучит уж столь невероятно: ведь ширина Берингова пролива не достигает и сотни километров, да к тому же между Чукоткой и Аляской располагается еще пара островов. Для чукчей во времена появления там российских «землепроходцев», думается, не составляло тайны близкое расположение Аляски и гряды Алеутских островов. Семен Дежнёв обогнул Чукотку в 1648 г. Выдающийся русский мореплавател и датчанин по происхождению Витус Йонассен Беринг, именем которого Джеймс Кук предложил позднее назвать этот знаменитый пролив, сумел преодолеть его в 1728 году. Однако открытие материковой американской Аляски и многих островов Алеутского архипелага случилось лишь в драматическом 1741 году, когда тяжкие условия плавания и губительная цинга привели эту экс-

педицию Беринга к печальному концу. Тот год стал также последним в жизни мореплавателя.

Новый рывок на восток, приведший уже к появлению в Западном полушарии нашей планеты первых российских поселений, случился сорока двумя годами позднее, когда «рыльский гражданин» Григорий Шелехов (Шелихов) организовал экспедицию к крайним западным берегам Американского континента (рис. 35.2). Его вышедшая в 1793 году в Санкт-Петербурге весьма примечательная книга имела по старинной традиции крайне длинное, донельзя развернутое, но вместе с тем чрезвычайно выразительное заглавие:

«Российского купца именитого Рыльского гражданина Григорья Шелехова первое странствование с 1783 по 1787 из Охотского по Восточному океану к Американским берегам, и возвращение его в Россию, с обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов Кыктака и Афазнака, до коих не достигал и славный Аглинский мореходец Капитан Кук, и с приобщением описания образа жизни, нравов, обрядов, жилищ и одежд обитающих там народов, покорившихся под Российскую державу: также климат, годовые перемены, звери, домашние животные, рыбы, птицы, земные произрастения и многие другие любопытные предметы там находящиеся, что все верно и точно описано им самим. С Географическим чертежем, со изображением самого мореходца и найденных им диких людей. Во граде Святого Петра 1793 года».

Любопытным оказалось и «изображение самого мореходца» (рис. 35.2) в сцене его меновых контактов с туземцем; при этом сама сценка сопровождалась весьма курьезным четверостишьем:

*Колумбы Россия презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша достигнет в Америку держава,
И во все концы достигнет Россов слава.*

Объявленные цели экспедиции Шелехова оригинальностью не блистали: все те же поиски «новых земель», покорение «диких народцев», пушнина. Относительно новым сюжетом в этом перечне традиционных задач стал промысел крупного морского зверя — моржей, тюленей и, в частности, каланов. Неоднократные стычки с местным населением также были до чрезвычайности сходны с теми, что постоянно случались на соседней Чукотке:

«12 числа августа в самую полночь, во время производимой работными людьми на карауле пересмены, сии Дикие (туземцы) в превеликой толпе, сошед с камня, на нас напали с такою жестокостию, что можно было помыслить, что совершенно достигнут они своего намерения, что и действительно бы им то было не трудно, ежели бы мы менее были осторожны, и больше боязлив. Очевидная смерть подала нам бодрость; и мы с оною защищаясь нашими ружьями, насили могли обратить их в бегство; сражение продолжалось с четверть часа. С восхождением солнца не увидели уже мы никого из них близ себя,

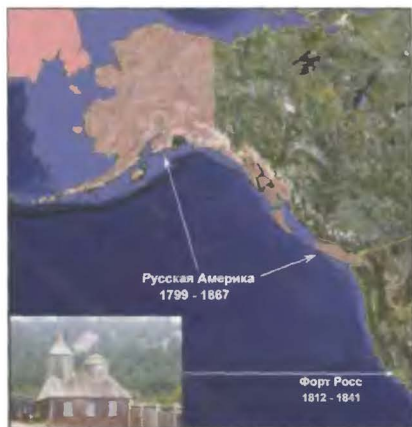

Рис. 35.3. «Русская Америка» — обозначена коричневым цветом, а также наиболее южный пункт российского проникновения — Форт Росс

ной Калифорнии, российские колонисты основали Форт Росс. Ныне этот весьма знаменитый памятник старины на крайнем западе США охраняется федеральными властями (рис. 35.3). При попытках пройти еще южнее русские «землепроходцы» столкнулись уже с испанцами и мексиканцами и были вынуждены поэтому остановить свой «бег».

В своем неистовом рывке на восток и в возможности достойным образом надежно опекать и развивать коммуникации и производства на этих необъятных землях к первым десятилетиям 19 века Россия явно исчерпала свои силы. Ведь совокупно с Русской Америкой общее пространство колонизируемых территорий возросло примерно до 15 млн кв. км (!). Между центром российской метрополии и тихоокеанскими азиатскими берегами пролегли тысячи и тысячи километров с крайне ненадежными путями сообщения, без чего налаживать регулярный характер связей на этих пространствах становилось попросту нереально. А ведь добраться до Аляски через беспокойный и коварный в этих широтах океан было совсем непросто. Да и строить корабли для таких плаваний приходилось на Камчатке или же в немногочисленных городках-портах Охотского побережья, а с умелым народом здесь всегда были особые сложности.

К этому времени американцы уже вплотную придвинули к Тихоокеанскому побережью границы своих западных штатов, и безнадежное положение наших колоний на этом континенте становилось очевидным. Поэтому сначала в 1841 г. Форт Росс продали калифорнийскому предпринимателю Джону Саттеру. А в 1867 году царское правительство решилось на вполне разумный шаг, согласившись продать правительству США все территории Русской Америки, включая земли Аляски и Алеутского архипелага (рис. 35.3). Правда, сум-

да и убитых ни одного человека, ибо они таковых носили с собою. Мы же напротив того были столько счастливы, что ни кто из наших ни убит, ниже ранен был, что одному я особому Божию промыслу приписываю» (Шелехов: 13—14).

Самым примечательным результатом этой экспедиции явилась, безусловно, организация торгово-промысловой Русско-Американской Компании, устав которой был утвержден императором Павлом в 1799 году. С этих пор территории, на которые заявила права Компания стали именоваться «Русской Америкой», официально вошедшей в состав Российской империи. Несколько позднее — в 1812 году, продвинувшись очень далеко на юг, вплоть до территории современ-

ма выручки оказалась смехотворной — всего 7,2 миллиона долларов. Однако к этому времени Российская империя полностью исчерпала те силы, которые были потребны не только для развития, но даже для регулярного надзора за этим столь отдаленным и пустынным краем-колонией. Так что вряд ли имелся основательный резон в суровых упреках, звучавших порой в адрес центральной власти, когда утверждали едва ли не преступный, коррупционный характер заключенной сделки.

Колонизация и судьбы народов

Прорыв за рамки Евразийского Ядра привел к колоссальным изменениям в этно-демографической картине на ряде материков Земного шара. Многие народы с их самобытной культурой попросту исчезли с исторической арены. Культура и демография других оказалась донельзя искаженной в тяжких для них процессах «приобщения к благам цивилизации».

Стремление многих историков и публицистов возложить основную вину за распространение подобной человеконенавистнической политики на монгольские завоевания 13 столетия, конечно же, несправедлива. Для монголов времени чингизидов их завоевания представляли по своей важнейшей, ключевой сути абсолютно то же, что и для колонизаторов 16—18 веков. Степняков, подчинявших на гигантских пространствах множество культур, интересовал главный результат: регулярное поступление обильного ясака. Добровольная доставка дани поощрялась, неповиновение каралось смертью.

В истории победоносной монгольской империи имел место один крайне любопытный сюжет. Около 1230 года, когда была покорена подавляющая часть китайских земель, монгольские нойоны (князья) обратились к великому хану Угедю: *«вот мы — непобедимые в этом мире всадники — хотя и приобрели китайский народ, но никакой пользы от него не видно; что лучше убить до единого человека, а земли, которые могут покрыться лесом и травой, превратить в пастбища»*. Однако приближенный к великому хану и весьма влиятельный в его окружении мудрый китайский советник Елюй-чуцай ответил Угедю: *«При обширности Поднебесной, при богатстве четырех морей, неужели возможно остаться без выгод <...> ? Поистине, если положить умеренную подать с земель, <...> пошлину с купцов, обоброчить вино, уксус, соль, железо, горы и воды, то можно ежегодно получать по пятьсот тысяч ланов серебра, по восемьдесят тысяч кусков шелковых тканей и около четырехсот тысяч мешков хлеба. Как же можно сказать, что нет никакой пользы?»* (Бичурин-2005: 113—114).

В этом сюжете легко вычленяются две примечательные параллели. Первая параллель ведет к процессам поздней европейской колонизации, о которой мы достаточно подробно говорили в двух предшествующих главах. И, не правда ли, с этим кровавым желанием монгольских нойонов поразительно перекликают-

ся уже цитированные нами слова швейцарского правоведа и — наверняка, приверженца христианских догматов — Эмера де Ваттеля о необходимости истребления «как диких зверей» всех непохожих на европейцев народов.

Вторая параллель уводит нас к священной книге христиан — Библии:

«И сказал Самуил Саулу: Господь послал помазать тебя царем над народом Его, над Израилем; теперь послушай гласа Господа. Так говорит Господь Саваоф: вспомнил я, что сделал Амалик Израилю, как он противостоял ему на пути, когда он шел из Египта; теперь иди и порази Амалика, и Иерима и истреби все, что у него; не бери себе ничего у них, но уничтожь и предай заклятию все, что у него; и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла <...>. И порази Саул Амалика от Хавилы до окрестностей Сура, что пред Египтом; и Агага, царя Амаликова, захватил живого, а народ весь истребил мечом» (1 Царств: 15, 1—8).

Но подобный по циничной жестокости текст в Ветхом Завете отнюдь не единичен. Стало быть, сходные каноны были освящены религиями — вряд ли только иудаизмом и христианством — за много тысячелетий до монгольских или европейских покорений непохожих на них народов.

И опять слова язвительного Вашингтона Ирвинга по поводу подобного рода сюжетов: *«...Милосердные отцы, постаравшиеся путем рассуждений превратить этих несчастных дикарей в бессловесных животных, выдвигают еще более веские доводы; ибо, как утверждают некоторые богословы шестнадцатого века <...>, американцы ходят голые и у них не растет борода!.. В них нет ничего от разумного животного, если не считать внешнего обличия. Но даже это обличие мало могло помочь им, так как вскоре обнаружили, что кожа у них отвратительного медного цвета; а обладать кожей медного цвета — это все равно, что быть негром; а негры — черные, «а черный цвет,— говорили благочестивые отцы, набожно осеняя себя крестным знамением,— это цвет дьявола!». Следовательно, они не только неспособны были владеть собственностью, но не имели даже права на личную свободу — ибо вольность слишком лучезарное божество, чтобы поселиться в столь мрачных храмах. Все изложенные обстоятельства полностью убеждали добродетельных спутников Кортеса и Писарро, что эти нехристи не имели права на страну, которую они заповолонили; что они порочные, невежественные, бессловесные, безбородые, голозадые, настоящее черное семя, просто дикие лесные звери и, подобно им, должны быть либо покорены, либо истреблены» (Ирвинг: 34).*

Таковым, пожалуй, мы можем предложить читателям наш своеобразный эпилוג к этой столь драматической эпохе слома границ Евразийского Ядра культур и «приобщения диких народов» к благам цивилизации. После этого нам уже можно будет перейти к более детальному знакомству с этапами борения Российского государства с культурами плотно блокированной с севера западной половины Степного Пояса.

Глава 36

ШТУРМ СТЕПНОГО ПОЯСА С СЕВЕРА

Итак, к середине 17 столетия русские в безудержном и воистину молниеносном броске достигли крайних пределов Азиатского материка. На Северную Азию удалось набросить обширную сеть опорных пунктов начавшейся колонизации. Сеть эта никак не выглядела плотной, но вместе с тем — хотя и с огромными прорехами — она накрывала все эти гигантские пространства (рис. 34.6). Совсем иначе в тот же период представляли дела на «фронтах» Степного Пояса. Здесь постоянно кровоточили и гноились раны от вечно ноющей занозы Крыма с его будто бы бесконечно плодящимися ханами династии Гере-ев, от которых время от времени на север устремлялись неприятные волны. Восточнее Волги раскинулись пугающие своей бескрайностью «киргиз-кайсацкие» (казахские) степи с кочевыми тюркоязычными группами племен (жузами).

Правда, к этому времени в самом Степном Поясе произошли весьма заметные перемены. Россия отрезала от степняков столь спокойный и дотоле мало их беспокоивший северный тыл. Теперь за спиной кочевых народов, но уже с юга располагались мусульманские государства. Для тюркоязычного мира скотоводов западной половины Степного Пояса гораздо более естественной явилась ориентация на также во многом родственные им тюркоязычные государства — Оттоманскую Порту или же среднеазиатские Бухарское, Хивинское или же Кокандское ханства. И это тем более, что ислам шаг за шагом все плотнее и настойчивее определял многие идеологические позиции у знати кочевых народов. Во всяком случае, именно это во многом стало определяющим в борьбе России с народами Степного Пояса, и временная протяженность этой финальной конфронтации оказалась равной примерно двум сотням лет.

Крымская крепость-заноза

Крымчаки у государей Московского царства вызывали самые малоприятные ассоциации и обидные воспоминания. Наконец, власти решились пойти еще на одну попытку придушить этот мерзкий очаг, и *«осенью 1686 года был сказан ратным людям поход на Крым. В царской грамоте говорилось, что поход предпринимается для избавления Русской земли от нестерпимых обид и унижения; ниоткуда татары не выводят столько пленных, как из нее, продают христиан как скот, ругаются над верою православною. Но этого мало: Русское царство платит бусурманам ежегодную дань, за что терпит стыд и укориз-*

Рис. 36.1. Князь Василий Васильевич Голицын (1643—1714). Предводитель двух русских походов на Крым в 1687 и 1689 гг. (Wikipedia)

ны от соседних государей, а границ своих этой данью все же не охраняет; хан берет деньги и бесчестит русских гонцов, разоряет русские города» (Соловьев-14: 379—380).

Во главе похода правительница Софья поставила своего «душевного друга» князя Василия Васильевича Голицына (рис. 36.1). полководца, впрочем, талантами не блиставшего. В мае 1687 года войско двинулось в путь, а вскоре к сотысячному русскому войску присоединились еще 50 тысяч казаков гетмана Войска Запорожского Ивана Самойловича.

Перо Алексея Толстого выразительно коснулось и этого нелепого похода: *«Медленно двигалось войско, таща за собой бесчисленные обозы. Кончились городки и сторожи, вошли в степи Дикого поля <...>. Степь была пуста — ни дорог, ни троп. Передовые полки уходили далеко вперед, не встречая ни живой души. Видимо, татары заманивали русские полчища в пески и безводье <...>».*

Люди ослабели от зноя и бескормицы. Потом полыхнула степь. Наверное, подожгли ее татары, но тогда некоторые думали, что к этому приложили руку и казаки, которым этот поход был совсем не люб.

«На заре стало видно, что идти дальше нельзя, — степь лежала черная, мертвая. Только, завиваясь, бродили по ней столбы. Усиливался ветер с юга, погнал тучами золу <...>. Так без славы окончился крымский поход. Войска с большой поспешностью двинулись назад, теряя людей, бросая обозы, и остановились только близ Полтавы» (Толстой: 97—100).

Обратите внимание на «бесчисленные обозы войска» и медленное его движение. Об этом будут говорить еще добрые полсотни лет, усматривая здесь одну из самых болезненных причин частых неудач русской армии в битвах со степняками..

В Москве Василия Голицына, однако, царевна Софья встречала как победителя <...>. Князь, желая доказать, что очевидный для большинства провал был вызван какими-то досадными недоразумениями и изменой гетмана Самойловича, организует второй поход на Крым. Уже менее чем через два года, в феврале 1689 года 112-тысячное войско вновь двинулось на юг. На сей раз ему удалось преодолеть степные дали и выйти к Перекопу. И здесь — у ворот Крыма — Голицын внезапно для себя понял, что он совершенно не ведает — что же это «...такое Крым и как его завоевывать? Думали, что стоит только вторгнуться в Крым с большим войском, татары испугаются и отдадутся на волю победите-

ля <...>. [Но и за] Перекопью та же безводная степь <...>, что татары могут истребить все и заморить врага голодом и жаждою». Перекоп нужно было штурмовать, но войско буквально гибло без пресной воды. Спасаясь от катастрофы, опять нужно было спешно уходить, и утешением служило лишь то, что татары не слишком наседали на измученное, отступавшее воинство. Но вновь, как и в финале первого похода, *«ослепленная страстию Софья была в восторге <...> Голицын казался ей Моисеем проводившем людей своих по дну морскому <...> она видела действительно великий подвиг, великую победу»* (Соловьев-14: 396).

Так на фоне совершенно невообразимых успехов на гигантской североазиатской арене 17 столетие завершалось безнадежным штурмом степных бастионов крымской мелкой «занозы».

Прошло более двух тысячелетий с того времени, когда персидский владыка Дарий со своим огромным войском — по тем же самым степям Причерноморья — безнадежно пытался нагнать и сокрушить ускользавших от его царского гнева кочевых обидчиков-скифов. За этот кажущийся бесконечным отрезок времени очень многое изменилось: теперь в арсенале воинства было огнестрельное оружие, артиллерия. Да и татары не кочевали по степи, но выходили в эту привычную для себя область из Крыма. Однако — и как это ни обидно — все столь же бесславно завершались попытки нагнать и наказать неуловимых степных агрессоров.

Прошли еще 22 года, и вдохновленный победой над Карлом XII под Полтавой, Петр Первый устремляется к Днестру, чтобы сразу наказать и Османов, и крымских Гиреев. Тяжкая и общеизвестная неудача и этого похода 1711 года привела к тому, что Россия потеряла все свои прошлые завоевания в Северном Причерноморье и Приазовье. Империи нужно было вновь накапливать силы для решительного штурма.

Равно как и во времена Софьи, в правление императрицы Анны Иоанновны последовали в 1736 и 1738 гг. также как бы «сдвоенные» — один за другим — походы на Крым. Первым походом руководил весьма известный в нашей истории фельдмаршал Христофор Антонович Миних (рис. 36.2). Вторым — тоже фельдмаршал, но уже несравненно менее именитый и способный к воинским доблестям Петр Петрович Ласси (его в исходном ирландском варианте могут называть и как Пидер Ласа или Питер Лэйси и т. п.).

По своим конечным результатам оба рейда производят весьма странное впечатление. Вот первый поход на Крым под водительством Миниха в 1736 году. С ходу взят Перекоп. Татары бегут, оставляя весь фураж и продовольствие. Ликование. Миних доносит в Петербург: *«Татары вышли из города так торопливо: свинцу досталось на всю армию да еще немало побросали в море; хлебом армия запаслась на 24 дня; казаки из близлежащих деревень нахватили до 10 000 баранов; получено было также медной посуды, жемчугу, парчей и прочего добра. «Ныне армия, — писал Миних, — ни в чем недостатка не имеет и вся на коште неприятельском содержаться будет»* (Соловьев-20: 398).

Рис. 36.2. Христофор Антонович Миних или же Иоганн Буркхарт Христофор Мюних (1683—1767). (Wikipedia). Видный российский военачальник

17 июня взяли и порушили Бахчисарай, однако уже 25 июня, то есть буквально через неделю, внезапно отступили к Перекопу. Вдруг выясняется, что надо уходить, поскольку нет воды, нет провианта. Начались повальные болезни. Вспыхнули безобразные склоки в командной верхушке армии, понеслись доносы в Петербург.

Да и второй поход производил впечатление не менее странное. Сам рейд в Петербурге задумали, чтобы исправить впечатление от явной и досадно нелепой неудачи похода Миниха. Вначале вроде бы опять удача: возглавляемая Ласси русская армия перешла Сиваш и подошла к укреплениям Перекопа. И как выражался журнал военных действий — «русские начали посещать крепость бомбами». Крымчаки сдались, но через несколько дней появилось из глубин Крыма другое войско и «начало беспокоить русских». Поэтому на военном совете было решено: «так как армия терпит недостаток в воде и конских

кормах, а неприятель прежде изнурения нашего войска не намерен вступить в сражение», то Крым следует покинуть (Соловьев-20: 432).

Вместе с тем, в Петербурге это решили объявить победой, и императрица благодарилась за нее не слишком удачливого полководца. Официальный, но малоизвестный нам историк Д. Н. Бантыш-Каменский буквально воспедал подвиг Ласси: «В году 1738 фельдмаршал Ласси покрыл себя новою славой: вступил в Крым с тридцатипяти тысячною армией, не потеряв ни одного человека. Хан стоял у Перекопской линии с сорока тысячным корпусом для защиты оной <...> Перекоп сдался 26 июня с двух тысячным гарнизоном янычар. В нем найдено до ста пушек. Ласси пошел далее в Крым, который оказался почти пустым. Взорвав все укрепления Перекопской линии, он возвратился в октябре месяце в Украину».

Пытаясь проанализировать безусловно нелепые финальные провалы после очевидных стартовых побед, С. Соловьев приводит впечатления о характере тогдашней русской армии ее постороннего наблюдателя — австрийского офицера Парадиса: «Русские пренебрегают порядочным походом и затрудняют себя огромным и лишним обозом: майор имеет до 30 телег, кроме заводных лошадей; брат фаворита генерал Бирон рассказывал <...>, что при нем 300 быков и лошадей, 7 ослов, 3 верблюда и что есть такие сержанты в гвардии, у которых было по 16 возов. “Может быть, — пишет Парадис, — что они хотели тем

выставить богатство своего народа, но я думаю, что они тем показали слабость свою в войне, ибо такой неслыханно большой обоз эту знатную армию сделал неподвижной. Я не видал, чтоб когда-нибудь армия прежде двух, трех, а часто и четырех часов по восхождению солнца выступала в поход; причина тому громадность обоза и несколько застарелое нерадение в русских офицерах <...>. При беспорядке обоза возы так между собой перепутываются и сцепляются, что армия должна по два и по три часа на одном месте стоять <...>. Русская армия употребляет более 30 часов на такой переход, на какой другая армия употребляет 4 часа” (Соловьев-20: 432—433).

Наверное, и здесь также повторялась похожая ошибка, которую внезапно при подходе к Крыму осознал князь Василий Голицын. Что же это такое Крым? И как его можно одолеть? Только наскоком? Но это не выход — требовалась несравненно более серьезная подготовка.

Князь Потемкин-Таврический

Пройдет еще полсотни лет, и безусловный талант организатора, который открыла в своем фаворите Екатерина Великая, смог удалить, наконец, эту столь скверную «занозу». Оказалось, что Крым можно будет присоединить без единого выстрела. Нужно просто умение дожидаться, когда полностью созревший плод сам упадет тебе в руки. Однако столь долгожданный плод Крыма упал в руки Российской империи лишь после победоносной русско-турецкой войны 1774—1778 гг. Тогда же русская армия под водительством князя В. М. Долгорукова вошла на полуостров и полностью разорила его. Но по букве знаменитого Кучук-Кайнарджийского мира Крымское ханство объявлялось независимым от Османской Порты, а к России этот злополучный полуостров тогда присоединить не удалось. Сразу же после заключения мира выяснилось, что крымские власти и не думают отказываться от союза с Портой. То тут то там вспыхивали вооруженные столкновения с русскими войсками.

Самый влиятельный после Екатерины человек тогдашней России — Григорий Александрович Потемкин (рис. 36.3) довольно быстро понял, что Крым должен войти в состав империи, но следовало бы дожидаться более удобного момента. Императрица соглашалась, но торопилась и настойчиво, едва ли не каждую неделю напоминала ему об этом. Например, 30 мая 1783 года она писала князю: *«Дай Боже, чтоб татарское или, лучше сказать, крымское дело скорее кончилось»*; 9 июня: *«Не мешкай с занятием Крыма»*; 13 июня: *«Желательно, чтоб ты скорее занял Крым, дабы супротивники как-нибудь в чем излишнее препятствие не учинили»*.

Но у Потемкина были веские мотивы не спешить — он считал более выгодным для России, чтобы *“бородавка на носу”*, как он называл Крым, была ликвидирована неоперационным путем, то есть без применения оружия. Императрицу он извещал: *“Я сторонник, чтобы они сами просили подданства, думаю,*

Рис. 36.3. Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический (1739—1791). (Wikipedia)

что тебе то удобнее будет”. На этот раз Потемкин оказался прозорливее Екатерины, вероятно, потому, что имел возможность наблюдать события в Крыму с близкого расстояния.

Наконец, 10 июля императрица получила от Потемкина долгожданную депешу: “Я через три дня поздравляю вас с Крымом. Все знатные уже присягнули, теперь за ними последуют и все”.

Одновременно с крымскими татарами присягнули на верность России ногайские. Церемония состоялась в небольшой крепости в устье реки Еу — Ейском укреплении, являвшемся ставкой Суворова. Там собралось около шести тысяч крымских и ногайских татар. Началось празднество, продолжавшееся три дня. Было съедено сто быков, восемьсот овец. Выпито пятьсот ведер простой водки. Шагин-Герей объявил, что он добровольно слагает с себя ханское достоинство, дает право избрать себе преемника, а сам решил вести частную жизнь» (Павленко: 248—249).

Так завершилась многовековая борьба с крымской «занозой». Вместе с тем в руках Российской империи оказался весь западный фланг Степного Пояса. Наступила очередь битв за гораздо более обширные и неясные для россиян пространства, лежавшие к востоку от Волги.

Уральский плацдарм

Урал явился надежной базой для технологического рывка России лишь с эпохи Петра Первого. В 1702 году напутствуемый царем Никита Демидов отправился на Урал и стал истинным зачинателем здесь металлургической промышленности (рис. 36.4). Те имевшиеся производства под Тулой или в Карелии никак не могли обеспечить нужды России в металле. Дефицит не только в железе, но в меди и свинце стал особенно болезненным в ходе тяжелой двадцатилетней Северной войны. Вскоре обозначились контуры еще одной достаточно парадоксальной картины. По лесной Евразийской зоне русские предприниматели смогли проникнуть далеко на восток. Скажем, Акинфий Демидов (рис. 36.5), даже более знаменитый, нежели его отец Никита — и в качестве организатора заводской сети, и в особенности как беспримерно жестокий хозяин — уже в 1728—1729 гг. проводил добычу медных руд, пытался наладить выплавку меди на Алтае. Но сам Рудный Алтай был очень далеко — за несколько тысяч верст на востоке, а распо-

ложенный совсем рядом Южный Урал продолжал оставаться недоступным для русских. Населявшие этот полупустынный или полустепной край башкиры пока что успешно держали оборону. Не правда ли, очень странно: ведь тогда формально считалось, что эти полуоседлые и/или кочевые народы суть подданные Российской империи, и это было провозглашено еще Иваном Грозным сразу же по сокрушении им Казанского ханства (см. главу 32). Но социально-политическая реальность тех времен порой плохо отвечала декларациям.

Вообще-то, о минеральных богатствах Южного Урала догадывались, и мысли о необходимости их освоения время от времени мелькали в головах российских ответственных лиц. Однако еще в 1726 году даже сам Вилим Иванович де-Геннин — «генерал-маеор» голландского или же саксонского происхождения Георг Вильгельм де-Геннин (рис. 36.6), назначенный еще Петром I генеральным Берг-директором Урала, организатор металлургического производства в стране, первый строитель и основатель Екатеринбурга, к тому же наиболее информированный в этом отношении человек — практически ничего не ведал о южной и весьма обширной области Уральской горной системы. В зимние месяцы 1725—1726 годов в эти поч-

Рис. 36.4. Петр I и Никита Демидов. Памятник в Невьянске (Средний Урал)

Рис. 36.5. Никита Демидович Антуфьев или же Никита Демидов (1656—1725) и его сын Акинфий Никитич Демидов (1678—1745) — основатели российской металлургической промышленности на Урале и Алтае (Wikipedia)

Рис. 36.6. Вилим Иванович или же Георг Вильгельм де-Геннин (1676—1750). Основатель металлургической промышленности в России

ти наглухо закрытые для россиян южноуральские области под видом вольного торговца по заданию де-Геннина отправляется разведчик, он же бургомистр Кунгура некто Юхнев. В задачи разведчика-бургомистра входит сбор сведений о числе «деревень» и количестве населения во всех четырех основных областях («дорогах») Башкирии, а также о характере занятий местного населения. В некоторые из районов Южного Урала Юхневу попасть не удалось — его попросту не пустили туда башкирские старшины.

Повторим — действительно, крайне любопытно: ведь к тому времени башкиры уже более 170 лет как значатся подданными Российской империи, они платят государству ясак, а властям о них, по сути, ничего неизвестно, да и пускают они к себе кого и когда захотят.

Юхневу удалось собрать кое-какие сведения, Впрочем, не очень завидные и он немедленно переслал их де-Геннину. «Генерал-маеор», однако, счел эти юхневские записи столь серьезными и секретными, что не доверил сочинение своего письма в Санкт-Петербург своим русскоязычным секретарям. Писал сам и очень старался. Но поскольку русский язык де-Геннина за 30 лет пребывания в России остался, скажем так, весьма своеобразным, если не диловатым, то нам придется прибегнуть к вольному переводу заключительного раздела его отчета. Впрочем, думается, что для украшения данного раздела лучше будет привести и сам оригинал:

«1726 году марта 16 дня.

Секретное уведомление о башкирском деле, которое начато ведать чрез кунгурского бургомистра Юхнева прошлого 1725 году с ноября месяца, а окончилось марта 13 дня 1726 году по инструкции от генерал-маеора Геннина».

Так начиналось его длинное письмо, а следующими фразами оно завершалось:

«Ежели случится, что война имет против пашкир время сметтение, от чего Бог храни, отнако прежде сего от их был, то в оной земля свободен с арме ступат. Для того причина — посаде они не задержит, но скоре покинут. А летом таке летуче народ в степ не поймаш, разве жен и дете их. И симой способне для того, что они в домах живут и лошаде их то время плох, токмо надлежит зарание учинит в удобних местах магасины с провиантом, тако же де и сена. Я мну без кровилитие, ежели кака намера впред будет для сбасения, чтоб они впред не бунтовал, то надлежит их сколке возможно вывест в Руси и разделит. От того в Руси луде множитца и бусроман примут христианске

вере. И по тому Пашкир будет от них пуст и така хороше добро земля будет вперед руским селит.

Генерал-маеор Вилм Геннин» (Геннин: 339—346).

И наконец, здесь необходим перевод послания:

«В случае войны против башкир, от крковой пусть сохранит нас Бог, хотя она и прежде случалась, в их землю можно будет свободно ввести войска. Посады свои (башкиры) скоро оставляют. Летом же этот летучий народ в степи не поймаете, разве только их жен и детей. Лучше всего делать это зимой, когда они обитают в домах, а их лошади плохи; только тогда заранее следует организовать магазины с провиантом, а также запасы сена. Лучше же всего без кровопролития, и чтоб они впредь не бунтовали — башкир надлежит — сколько будет возможно — вывести в Россию и разделить. От этого в России возрастет народонаселение, а бусурмане примут христианскую веру. И поскольку Башкирия будет от них свободна, добрую эту землю можно будет заселить русскими».

Наверное, наш читатель легко может угадать в этих строках подоснову несравненно более четко выраженной и едва ли не философской максимы швейцарского правоведа де Ваттеля (см. главу 20). Вот только предложения де-Геннина, касающиеся башкирской «помехи», представлены не в виде абстрактных рассуждений, но в предельно заземленной форме.

Однако по прошествии более полутора столетий вновь мы смогли прочесть о башкирах еще более жестокие и непримиримые строки:

«Столько забот, трудов и лишений стоило для русских удерживать в повиновении этот «самый плюгавый и неоружейный народ», по выражению виновника их возмущения Кириллова, доведшего себя до чахотки и умершего в великой бедности. С виду башкирец, действительно, кажется тихим, скрытным, бестолковым, вялым, или, по выражению Кириллова [см. ниже], «плюгавым существом»; но в душе он хитрейший человек, каких мало на белом свете. Лень, праздность и отвращение к труду, составляя отличительные свойства башкирца, сделали его отъявленным вором и мошенником, хотя находились и находятся панигиристы и у башкирцев. Хитрость, находчивость, уклончивость и изворотливость, вошедшие в плоть и кровь башкирца, развиты в нем во всем блеске совершенства».

Слова эти были опубликованы в книге 1889 года, принадлежавшей В. Н. Витевскому — статскому советнику — почти генералу (!) от просвещения, то есть в Российской империи лицу официальному.

Иван Кирилов и «окно на юго-восток»

«Птенцы гнезда Петрова» еще долгие годы питались идеями императора и даже пытались как-то развивать их. Основная идея Петра Великого, как известно, была связана с «окном» на запад, в Европу; на это он положил фактически всю

свою жизнь. Не менее грандиозная мысль овладела и одним из его последователей Иваном Кирилловичем Кириловым: прорубить для России окно на юго-восток, вплоть до Индийского океана. Правда, и его фигура была, разумеется, совсем не того калибра: Кирилов во времена Анны Иоанновны значился обер-секретарем правительствующего сената. К тому же этому неистовому фанатику собственной идеи явно не хватало конкретных знаний о том, что же придется преодолеть для реализации столь захватывающей и желанной эпопеи.

Сначала требовалось сломить южноуральских башкир. Обер-секретарю удалось убедить императрицу, и он сумел, получив звание статского советника, сделаться главой так называемой Оренбургской экспедиции. Кирилову была придана солидная воинская команда вместе с *«Ынструкцией, данной стацкому советнику Ивану Кирилову 1743 году мая 18 дня за подписанием <...> государыни императрицы Анны Иоанновны собственные руки»*.

Судя по всему, толчком к инициативе Кирилова по организации Оренбургской экспедиции явилось прибытие в Петербург делегации Малой киргиз-кайсацкой Орды или же Младшего западного жуза кочевой знати. В самом начале 1734 г. их приняла императрица, а вскоре *«бывший тогда правительствующего сената обер-секретарь Иван Кирилов <...> сочинил и подал в кабинет е.и.в. два проекта <...>, [в которых говорилось] какая великая польза от содержания оных народов в подданстве российском происходить может, и что то от удержания многих авантажей в Азии, особливо же для умножения комерции, служить будет; так же и об чаемой им великой прибыли от руд и минералов, кои как внутри башкирии, так и вне оной — в киргизском и прочих тамошних владениях находятся»* (Рычков: 8).

Кирилову данная *«Ынструкция»* предписывала особое внимание уделять поиску *«металлов и минералов кои найдися могут в ближних местах в башкирском и киргиз-кайсацком владениях в том поступать надлежащим образом ища интересы ея Императорского Величества пользы и приводя к тому тамошние народы лаской и награждением чтоб нетто известное скрывали и таили но и вновь сыскивая объявляли и для того сделать в городе лабораторию <...>»*. При том же позволяется такие фабрики и заводы строить и иметь около города [Оренбурга] разстоянием до ста верст в ведомстве и призрении городского магистрата, токмо кои земли башкирского народа, о тех прежде иметь с владельцами письменные договоры, а без владельческого письменно-го договору отнюдь не допускать» (Рычков: 13; Черных-1997: 89).

Нет слов, *«Ынструкция»* производит, конечно, крайне нелепое впечатление. Ведь еще никто и, по сути, ничего толком не знает о том крае, куда собирается экспедиция; совершенно неизвестно удастся ли заложить город, да и что это за устье реки Орь, куда должен устремиться Кирилов? Пригодно ли это место вообще для сооружения города-крепости? Но уже высочайше предписано строительство в этом городе фабрик и заводов *«разстоянием до ста верст в ведомстве и призрении городского магистрата»*.

В поход Кирилов отправился летом следующего 1735 года. Как только воинская команда Оренбургской экспедиции вступила в земли башкир, то немедленно вспыхнули вооруженные мятежи. С большим трудом пробившись сквозь налеты башкирских конных отрядов Кирилов, действительно, с безумной скоростью закладывает Оренбург — *«город о девяти бастионах по ситуации места регулярно, при выстреле трижды из тридцати одной пушки»*. Эта скоротечная церемония имела место 31 августа, а уже 7 сентября Кирилов поспешил в Уфу, оставив здесь многочисленный гарнизон совершенно без питания.

Участь русских воинов оказалась трагичной. Уже осенью подступили жестокие морозы, а провианта не было. Голод заставил командующего гарнизоном полковника Чемодурова принять меры, и он *«более 800 человек отобрав, 24 числа ноября отправил [из «города»] под командованием премьер-майора Рагинского, но он отошел от Оренбурга через три дня верст до 30, за бывшими тогда великими морозами близ полутораста человек познобил, а пять человек до смерти померзло, яко были весьма безодежны. Чего ради принужден был к упомянутому Чемодурову возвратиться. Но провиантская крайняя нужда никак не позволяла, чтоб всех оных людей содержать, и надежды не было, отколь бы провиант получить, яко вся башкирь находилась в замешаниии <...>. Того ради рассуждено им, переменя ознобленных людей, отправить их Ячком рекою в Сакмарский казачий городок, от Оренбурга в 300 верстах отстоящий, куда оный Рагинский 27 числа ноября из Оренбурга в 773 чело- веках и выступил, взяв провианта токмо декабря по 13 число. И понеже он по зимнему и едва проходимому там пути долгое время шел, и провиант, не перешед половины, весь изошел и в команде его крайний голод учинился, то от того, также и от бывших тогда морозов, будучи на половине пути и переправлясь с Яику на Сакмару реку, более 500 человек из команды его, Рагинско- го, на степи померзло и померло, а остальные 223 человека едва живы, и кто как мог на Сакмару вышли, да из тех 80 человек руки и ноги познобили»* (Рычков: 22—23).

Однако через несколько лет и заложенный Кириловым город за Оренбург не признают, а позднее переименовуют в Орск. Оренбург же еще дважды будут «перетаскивать» вдоль реки Урал на запад, пока он не займет то место, где город расположен и поныне.

Однако Кирилов прибывает в Петербург, и его победным отчетом императрица оказывается вполне довольной. Он снова мчит на Урал, к основанному им Оренбургу, и в самом конце июня 1736 года вновь оказывается на уральской реке Белой, — но это пока очень далеко от желанного «города». Его безумно торопливые акции производят воистину фантастическое впечатление. Вот, к приме- ру, 10 июля Кирилов прибывает в Табынск, что на Белой, а уже 14 июля там, на этом старом местечке Табынск, Кирилов *«заложил настоящий земляной город о пяти бастионах <...>. При том же и медный завод строить определил, назнача, чтоб на оном девять плавильных печей построить, и посланным в кабинетт*

от 15 июля доношением обнадежил, что в каждый год имеет выплавленным быть от десяти до тридцати тысяч пудов чистой меди» (Рычков: 25). Увы, не нашел Кирилов ни руд, ни минералов. Ему даже удалось не заметить находившихся буквально под его носом фантастических богатств гигантского меднорудного поля Каргалов (см. главу 13); а он посылал регулярно в Петербург фиктивные реляции об открытии им невероятно богатых месторождений. Странной и скоротечной фигурой в российской истории оказался обер-секретарь правительственного Сената, статский советник Иван Кириллович Кирилов. «Случившаяся ему головная болезнь все его государству полезная и сущее безпристрастныя намерения в действо произвести не допустила <...>. Оная болезнь в нем умножилась, что он 14 апреля 1737 года жизнь свою христиански окончил» (Рычков: 28).

Рычков — краевед, историк, «счетовод»

В истории колонизации Южного Урала фигура Петра Ивановича Рычкова (1712—1777) также представляет для нас немалый интерес (рис. 36.7). В определенном смысле он являлся живым свидетелем едва ли не всех начальных шагов «освоения» этого богатейшего края. Когда Рычкову в 1734 году исполнилось всего 22 года, он был зачислен на службу в качестве бухгалтера в ту Оренбургскую экспедицию И. Кирилова, о которой мы только что вели рассказ. Его любознательность и наблюдательность для нас ценны и бесспорны. Как историк Рычков очень систематичен, что и позволило ему создать столь важные для всех историков и географов «Оренбургскую историю» (1759), а также «Топографию Оренбургскую губернии» (1762). Он привержен достаточно точной публикации разнообразных документов, что заставляет с большой уверенностью опираться на его труды. Рычков вел переписку с В. Н. Татищевым, М. И. Ломоносовым, Г. Ф. Миллером. И, пожалуй, самое примечательное: он стал первым членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук, что для провинциального ученого явилось, безусловно, высочайшим признанием заслуг (Рычков 2010). Житель Оренбурга — не того, который заложил Кирилов, но реального — он пережил тяжкие месяцы осады города Емельяном Пугачевым в 1773—1774 гг. Дневниковые записи Рычкова об этом драматическом времени использовал А. С. Пушкин в своей «Истории Пугачева».

Вместе с тем, конечно, он, прежде всего, краевед широкого профиля. Рычков описывает все известные и кажущиеся ему важными события. Все они касаются преимущественно Южного Урала, и лишь крайне редко историк рискует выходить за его границы. Любовь к официальным документам и присущая ему тщательность в их воспроизведении порой насыщает его труды теми курьезными страницами, что придают, пожалуй, особый и специфический интерес его сочинениям. За этими разделами рычковских трудов как бы невзначай, но весьма отчетливо проглядывают занимательные контуры идеологических и обязательных для всех

чиновников установок того времени, направленных на «освоение» Российской империей новых пространств.

Вот, к примеру, одно из описаний относительно стандартных экзекуций, применявшихся правительственными отрядами, пытавшими-ся погасить башкирские восстания 1735—1740 гг. Захваченных в плен повстанцев — «возрастных и главных от башкирцев людей» — привели в лагерь правительственных войск, и они «...все пали на землю при явлении им грозного военачальника Урусова и старшины их плача с немалым воплем в винах своих у ея и. в-ва [Ее императорского величества] просили все-милостивейшего прощения <...>. Урусов начал свою речь так: “Отчаянные воры башкирцы, разорители своего покоя и отечества! <...> Нынешнее ваше воровское собрание <...> приводит меня в великое удивление”».

Затем 25 августа учинилась экзекуция, и Рычков перечисляет многочисленные имена казненных: «пять человек посажены на столбах каменных, нарочно для того сделанных, на колья: оным же подобные 11 человек, в том числе семь есаулов помянутого Карасакала повешены за ребра; 85 человек повешены; 21 человеку отсечены головы и взоткнуты на колья, в том числе и у самого главнейшего возмутителя башкирского Аландзиангула, который частопмянутого Карасакала вымыслил, голова отсечена у мертвого, ибо он, будучи под караулом и везен в Оренбург, сам себя умертвил тем, что не пил и не ел более десяти дней. А прочим оставшимся злодеям экзекуция была 17 сентября по прибытии его, генерал-лейтенанта, в Сакмарск: 120 человекам отсечены головы, 50 человек повешены, 301 человек штрафованы отрезанием носов и ушей» (Рычков 1896: 48—50).

Любопытно также, что все эти данные о проведенных наказаниях ученый историк счел необходимым даже свести в специальную суммарную таблицу (наверное, он был неплохим и усердным бухгалтером в Оренбургской экспедиции Кирилова).

Но Рычков ведет учет не только отрубленным головам повстанцев, ему представляется не менее важным подсчет тостов и орудийных залпов в честь императрицы, ее гостей, а также иных персон. «Между вышеописанными действиями [т. е. казнями] 19 августа, — пишет историк, — Нурали и Ерали салтаны, боль-

Рычков

Рис. 36.7. Петр Иванович Рычков (1712—1777). Оренбургский историк и краевед широкого профиля. Первый член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук

шие Абулхаир-хановы дети, прибыли в разстояние от Оренбурга семь верст», где и состоялся их торжественный прием. Для чего были посланы «капитан, поручик, гренадеров 24, мушкетеров 60 человек с трубами, 6 лошадей заводских <...>. Была учинена им салютация из 7 пушек». После этой встречи высокие гости «трактированы были обедом <...>. За первым столом посредине сидел генерал-лейтенант, от него по правую — Нурали и Хотжеармет салтаны, а по левую сторону — Ералы салтан и Джанбек батырь, — тут же обедали и штаб-офицеры; а за другим столом сидело старшин киргиз-кайсацких 74 человека; а прочим поставлено было по их мануру рубленное мясо и пиво за воротами. Во время обеда пили за здоровье с пушечной пальбою.

- 1) Ея и. в-ва.....17
 - 2) Ея и. в-ва фамилии.....13
 - 3) Счастливого оружия.....9
 - 4) Ханское и всей орды.....7
- Напротив того Нурали салтан зачал:
- 5) Всех ея и.в-ва верных подданных.....7
 - 6) За здоровье ханши и салтанов.....7
 - 7) Всех желающих подданства ея и.в-ва.....5»

(Рычков 1896: 50—51).

Любопытно, не правда ли? Ведь именно такими довольно нехитрыми по своему разнообразию приемами и проводили истинную, а не увенчанную героическим флером эпопею колонизации. Судя по всему, приемы эти вряд ли принципиально отличались от тех, что имели место где-нибудь в Южной Америке или же Африке.

Однако довольно быстро после этих пиршеств и казней наступило время реального освоения южноуральских богатств. Пришло время промышленников типа братьев Твердышевых, быстро и надежно осваивавших богатства Каргалов или Магнитной горы (см. главу 13). Деяния Твердышевых были уже совсем не похожи на истерически победные, но малореалистичные депеши Ивана Кирилова. За счет этих вновь открытых рудников и построенных заводов Россия действительно совершила впечатляюще мощный рывок в металлургическом производстве.

Путь в казахские степи

Южный Урал разными способами и постепенно, но был приведен хотя бы к относительному желанному покою. Правда, регион этот примерно через три десятка лет ждали намного более трагичные испытания: именно здесь вспыхнула потрясшая всю громадную империю кровавая пугачевская эпопея. Но пока, пока, наконец, удалось на месте слияния Яика с Сакмарой построить Оренбург — и не тот, который с пушечным салютом в мгновение ока заложил в свое время

И. Кирилов, а настоящий административный центр до невероятия огромной провинции с неясно-расплывчатыми рубежами. Город этот приобрел тогда роль своеобразного плацдарма, с которого было удобнее всего продолжить покорение Степного Пояса. К началу 19 столетия созревало время для старта колонизации Средней Азии. Однако ее ханства — Бухарское, Хивинское, Кокандское — были отделены от российских рубежей трудноодолеваемыми и бескрайними казахскими — или как тогда они именовались *киргиз-кайсацкими* — степями. В 1820 году правительство Александра I решает направить в Бухару посольство. Его должен был возглавить действительный статский советник А. Ф. Негри, а Егор Казимирович Мейендорф исполнял при нем особые роли, будучи на службе в гвардейском генеральном штабе в чине капитана. Ему было вручено специальное «Наставление <...> касательно обозрения Киргизской степи во время следования с посольством в Бухару». Мейендорф должен был «назначить места, удобные для крепостей вдоль по дорогам от крепостей Орской и Троицкой <...> до реки Сырдарьи, на коей равномерно назначить место, удобное для крепости». Ему также следовало провести астрономические наблюдения с определением географических координат и подготовить «Общую генеральную карту». Кроме Е. Мейендорфа, в состав экспедиции был включен также ученый натуралист Эдуард Эверсманн (Халфин: 7).

В каком-то отношении это посольство больше походило на вооруженный поход в среде полувраждебных кочевых народов, хотя еще почти девяносто лет назад казахи (киргиз-кайсаки) клялись в верности российскому престолу. Однако объявленная верность была, разумеется, чистой фикцией. Ситуация эта оказывалась пригодной для кочевых ханов, чтобы иногда прикрыться авторитетом северного соседа и пострадать других. России же такая «присяга» внушала — пусть не очень реальную — но уверенность в территориальной громаде империи, а также манила возможным «освоением» в будущем киргиз-кайсацких степей. Так, спустя три года после принесения присяги — в 1734 году — российская императрица вынуждена была снова сочинять послание хану так называемого Среднего казахского жуза, кочевавшего по степям Центрального Казахстана: «Божиею милостию мы, Анна, императрица и самодержица всероссийская, и проч. и проч. Нашему подданному Шемяки-хану, старшинам и всему киргиз-кайсацкому Средней орды войска нашего и. в-ва милость. Нам великой государыне, нашему и. в-ву, известно, как в 1731 году ты Шемяки-хан, в бытность посланного нашего в киргиз-кайсацкую орду мурзы Тевкелева, в подданство наше вступил и в верности нам присягу учинил» (Рычков 1896: 15). Однако затем императрица с укоризною напоминает, как часто хан коварно нарушал свою присягу и устраивал непотребные разорения башкирам — российским подданным. Заметим, однако, что с этими «верными подданными», то есть башкирами, Анне Иоанновне придется бороться до конца своего царствования.

Е. Мейендорф выполнил данные ему поручения и постарался собрать по максимуму все сведения, столь желательные центральному правительству. Вна-

чале своего отчета он пояснял: *«Так как нам предстояло пересечь необъятные степи, посещаемые только кочевыми ордами, правительство снабдило нас конвоем из двух сотен казаков и двухсот пехотинцев, к которым затем присоединились двадцать пять всадников-башкир. Мы взяли с собой 2 артиллерийских орудия; 358 верблюдов везли наш багаж. Кроме того, у нас было 400 лошадей <...>. Чтобы преодолеть за два месяца пустыню, требовалось по 150 фунтов сухарей на каждого солдата и по 4 центнера овса на каждую лошадь, кроме того, крупы для отряда, двойного запаса снарядов для наших двух пушек, 15 кибиток, или войлочных палаток, 200 бочек для воды, наконец, немалое количество бочек водки».*

Перед самым отправлением из Оренбурга Е. Мейендорф вспоминает о сравнительно недавних печалях, которые испытало такое же российское посольство в попытках пересечь эти населенные «союзниками» Империи степи и полупустыни (рис. 36.8), чтобы достичь южных ханств: *«Киргизы [казахи], недовольные тем, что русские исследуют их пустыни, нередко совершают нападения на проходящие караваны. Так, в 1803 году недалеко от Сырдарьи подверглось нападению киргизов посольство поручика Гавердовского. Благодаря упорной обороне ему едва удалось спастись самому, но его жена, врач и большая часть отряда остались во власти степных кочевников...»*

Опасности подстерегают вас и в самой Бухарии, стране подвластной варварскому и воинственному народу. Как я узнал впоследствии, перед нашим приездом в Оренбург бухарские купцы доверительно говорили своим знакомым: «Может статься, что никто из путешественников-христиан не вернется домой. Если даже хивинский хан разрешит им пройти, то уж наш хан не совершит ошибки, дозволит им отправиться обратно. Мы не хотим, чтобы христиане знакомились с нашей страной» (Мейендорф: 22—24).

Посольство отбыло из Оренбурга 10 октября, а в Бухару прибыло 20 декабря, то есть на 72 день. За это время было пройдено только по прямой линии примерно 1700 км, а по реальной — ломаной — не менее 2,5 тыс. км. То есть в среднем в день караван проходил по 33—35 км. Однако путешественникам повезло: все время стояла прекрасная погода, и на караван никто не рискнул нападать. Сами же переговоры с бухарскими властями ни к каким положительным результатам не привели. Преобладали протяженные дискуссии относительно церемониала приемов у хана. Сама аудиенция у хана продолжалась всего 20 минут. Посольство провело в Бухарском ханстве три месяца, после чего отправилось на родину. Из пределов Бухарского ханства сотрудники посольства отбыли 25 марта 1821 года, *«довольные тем, что познакомились с этой страной, но еще более довольные тем, что покинули ее».*

Невзирая на вполне очевидные помехи, Мейендорф сумел собрать довольно обширные сведения об этой почти незнакомой для русских и европейцев стране. Все это он описал в книжке, которая, как это нередко бывало в российской реальной жизни, впервые вышла во Франции в 1826 г. Только через 150 лет ее перевели

Рис. 36.8. Перекочевки казахских семей позапрошлого века: сверху — зажиточная, внизу — бедная (Wikipedia). Из «Туркестанской серии» картин известного русского художника-баталиста В. В. Верещагина 1871—1872 гг.

и опубликовали в России. Другой сотрудник посольства — натуралист Э. Эверсманн — об этом путешествии также сумел написать на немецком языке книжку «Reise von Orenburg nach Buchara». И поскольку ее автор — натуралист, в большей степени книга касалась природных особенностей края. Но и этот труд также увидел свет за пределами России: его опубликовали на немецком языке в Берлине, но очень быстро — даже на три года раньше книги Мейендорфа — еще в 1823 г.

У Мейендорфа наверняка может привлечь внимание весьма примечательная заключительная фраза его книги: «*Это путешествие все же удовлетворило мое любопытство, не оставив, однако, никакого приятного впечатления и никаких утешительных воспоминаний*» (Мейендорф: 154).

Последние дни бывшего Казахского ханства

Некогда единое казахское ханство распалось в 1729 году на три уже упоминавшихся в данной главе жуза — племенных союза: Младший (западный), Сред-

Рис. 36.9. Сражение казачьего отряда с казаками (Wikipedia)

Рис. 36.10. Бухарский солдат. Из «Туркестанской серии» картин В. В. Верещагина

ний (центральный и северо-восточный) и Старший (семиреченский, или юго-восточный). В борьбе друг с другом Младший и отчасти Средний жузы пожелали получить хотя бы фиктивную «крышу» Российской империи, объявив себя ее подданными. Однако, как мы видели, все это подданство оказалось слишком далеким от реалий. К петербургскому правительству пришло сознание, что без оккупации этой обширной страны начертанные на картах — но в значительной мере воображаемые — южные границы Российской империи будут абсолютно выдуманными. Поэтому уже где-то через 10—15 лет после описанного Е. Мейендорфом посольства А. Негри в степи Младшего и Среднего жузов вторглись русские воинские отряды. И опять-таки весьма заметную роль в процессах колонизации стали играть подразделения казачьих войск — Уральского, Сибирского и Астраханского.

Волнения и бунты казахских племен не замедлили отозваться на захват их степей. Может быть, первым из таких восстаний явилась попытка некоторых родов Младшего жуза отстоять свою землю и волю (рис. 36.9 и 36.10). В 1836—1837 годах это движение возглавили старшины ряда заволжских кланов Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов. Однако в 1838 году с инсургентами было покончено. В 1846 году в стремлении остановить русскую оккупацию возглавил восстание сам Кенесары — хан Среднего жуза. Однако он стал крайним в ряду

относительно независимых казахских правителей. Кажется, что последним или же одним из последних в этом ряду в этом ряду явился бунт Батыра Жанкожа в 1856—1857 гг., но и здесь повстанцев постигла неудача.

После подавления восстаний кочевников перед русскими открылся путь к желанным рубежам Бухарского эмирата, а также Хивинского и Кокандского ханств.

У ворот Бухары

В процессах колонизации Казахстана и Средней Азии вполне очевидно возобладавала военная составляющая. Дипломатия здесь отступала на второй план. Однако путешествие А. Негри с Е. Мейендорфом в Бухару не было последним. По существу, вся политика Петербурга, нацеленная на абсолютное подчинение среднеазиатских государств, была уже четко определена, но дипломатические игры все еще должны были иметь место. Тем более что после окончательного подавления в казахских степях сколько-нибудь опасных мятежей путь в Хиву, Бухару, Самарканд стал несравненно безопасней. Последней игрой такого рода стал обмен посольствами в 1857—1858 годах. Характер и стиль словоизлияний этой переписки между бухарским эмиром и императором Александром II может также показаться любопытным.

«Письмо Бухарского эмира к Государю Императору.

Известие о переселении из тленного мира в вечный могущественного государя и о восшествии на императорский престол Великого Монарха дошло до высокого нашего слуха в то время когда высоко священное существо наше было занято завоеванием владения Шагар-Киш, благодаря Всевышнего и благости Его, при молении святых знаменитого царства, повеял зефир победы и славы, и по неисчерпаемой милости и щедротам Создателя, владения Шагар-Киш, Китаб, Утракирган и Шаматан, со всеми подведомственными округами, покорены и подпали под власть всепобеждающего государства. Вследствие сих причин поставлено в обязанность отправить посольство для того, чтобы помолиться об успокоении души доблестного государя, принести поздравление с восшествием на престол Монарха по достоинствам равного Джемшиду, и доставить радостное известие о завоевании названных владений. Вместе с тем оно отправлено для большего скрепления уз существующих еще со времен предков, и для упрочения взаимных отношений предшествовавших великих царей. Почему повелено нами ехать в качестве посланника почтенному и уважаемому искреннему доброжелателю нашего могущества мир-ахуру Мулладжану, который известен правотой и справедливостью между нашими вельможами. Когда он удостоится благосклонного царского приема, то мы надеемся, что будут оказаны ему разные царские ласки, и уверения его милостиво выслушаны, а затем будет ему даровано позволение возвратиться. Потом да обратят драгоценный и светлый ум на отправление из той страны посольства.

Кроме сего других желаний не будет. Итак, да будет открыта дорога к дружбе и взаимным отношениям между обоими высокими государствами, дабы караваны и купцы двух держав приходили и уходили спокойно. В память посланы: один ковер кошмирской ткани, две шали резан-мешкин, пара вороных и пара чубарых лошадей. Да сияет вечно солнце Могуущества в пределах государства. Затем приветствие тому, который последует истине».

В отличие от витиеватого и скрывающего истинный смысл письма эмира, послание императора Александра II эмиру звучит достаточно вежливо, но его тональность уже определенно иная.

«Высочайший ответ эмиру

Обладателю Бухары эмиру Наф-Улле-Бегадур-Хану нашего Императорского Величества дружеское приветствие:

Посланец ваш мир-ахур Мулладжан, по прибытии сюда, был Нам, Великому Государю, представлен и вручил грамоту вашего высокостепенства. Выраженные в оной намерения ваши сохранять дружественные связи с Россией приняты Нами с благоволением. Со своей стороны можем уверить вас в Нашем миролюбивом расположении, желаем только чтобы вы устраняли поводы к неудовольствию, оказывали у себя Нашим подданным то же покровительство каким пользуются ваши купцы приезжающие по торговым делам в Россию, и возвратили всех русских пленных находящихся в неволе в вашем ханстве. Согласно просьбе изъявленной вами, Мы в скором времени отправим к вам, для лучших переговоров о всех делах, Нашего посланца, надлежащим образом уполномоченного. Надеемся что вы его примете с тою честью которая подобает доверенному лицу от Высокой Особы Нашей.

За сим желаем вам успеха в добрых ваших начинаниях.

Дано в престольном Нашем граде С.-Петербурге, 24-го декабря 1857, царствования же Нашего в третье лето» (<http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de>).

Тон, конечно, вежливый, но война не за горами, она уже вплотную у ворот всех этих слабых среднеазиатских ханств и эмирата (рис. 36.11). К ней готовятся войска, тыловые службы, журналисты и художники. Воинству нужно будет побеждать не очень-то могучего и способного к обороне противника. Тылам следует налаживать коммуникации для снабжения войск всем необходимым через тысячекилометровые безводные степи. Журналисты призваны воспевать подвиги солдат в этой чужой и «проклятой стороне».

Широко известный тогда иллюстрированный журнал «Нива» взял на себя обязанность прославления российского воинства. Среди печатавшихся в «Ниве» журналистов и художников на первый план выдвинулся, пожалуй, Н. Каразин:

«Продолжительная, почти непрерывная война, которую мы ведем в Средней Азии, — богата разными кровавыми эпизодами, крупными и мелкими, так и просящимися под перо и карандаш художника. Наши рисунки — эпизоды из этой военной драмы — выхвачены прямо из тревожной, полной опасностей и лишений военной жизни русского солдата, оторванного силою обстоятельств

Рис. 36.11. Бухарская пехота. Старинная фотография с гравировкой из иллюстрированного журнала «Нива» (Wikipedia)

от родины, от всего, что было близко его простому сердцу и заброшенного в страну ему чуждую, неприветливую, встретившую его не с поклоном, а с коварным ножом, с предательскою петлею, — с разными бедами и лихами, со всем тем — с чем умеет бороться наш солдат, а если и не умеет сначала, то скоро научивается — благодаря своей сметливости и находчивости, или же гарькому опыту. Не всегда опасность грозит в открытом бою, чаще она таится где-нибудь по близости во время относительной тишины, в минуту спокойствия и отдыха» (Каразин: 4—5).

Репортер постоянно сетует на нелюбезный нрав аборигенов, встречающих «освободителей» не низкими поклонами, но коварным, спрятанным за спину ножом. Наверное, у многих читателей сразу же должны всплыть в памяти язвительные слова Вашингтона Ирвинга по поводу тупости туземцев, погрязших в невежестве и чуждых прелестям той новой жизни, что несут на своих штыках новые культур-трегеры (см. главу 35).

А вот что еще мы могли бы узнать из репортажей тех лет в писаниях других авторов:

«Еще пройдет немного времени — и мы узнаем в подробности о всем, что встретили русские отряды на пути в Хиву любопытного, занимательного и притом совершенно отличного от нашей обыденной жизни; получатся обстоятельные и точные известия о чрезвычайных затруднениях при переходе зыбучих безводных песков, о встречах с хивинскими и туркменскими войсками, о самой Хиве, о ее народонаселении и о тамошнем образе жизни. Литература, статистика, история, география — обогатятся новыми, неизвестными еще сведениями о Средней Азии; а для администрации представится новое обширное поле деятельности к обобщению неприязненных пока разнородных, покоренных русским оружием, азиатских племен с подданными России. Отдаленность Хивы от России, а более всего безжизненность степей, отсутствие

Рис. 36.12. Русские казаки на верблюдах. Старинная фотография с гравировкой из иллюстрированного журнала «Нива» (Wikipedia)

Рис. 36.13. Русские войска входят в Самарканд 8 июня 1868 г. Картина русского художника-баталиста Н. Н. Каразина (Государственный Русский музей)

цивилизации, своеобразные нравы и обычаи кочующих магометанского вероисповедания обитателей степей, отсутствие рек и дорог, — все это до сих пор препятствовало не только с научными целями пускаться по песчаному морю в Хиву, но и замедляло всегда торговое движение в Среднюю Азию. Теперь малопомалу все эти преграды должны устраниться; постепенно будет водводиться колонизация и промышленность, проведутся каналы, пророятся на проложенных путях в достаточном количестве искусственно и удобно примененные к употреблению воды колодцы, — и степные народы, теперь уклончивые и недоверчивые, увидя в русских мирное обращение и доброту сердечную, нечувствительно будут с ними сходиться в случае колонизации, свыкаться и обобщаться в равной трудной доле посреди степей, в жизни и в торговых сношениях; а затем легко будут прививаться к их неприязненным сердцам наши нравы, понятия и убеждения — и водворится правильный сельский образ жизни и промышленность по мере производительности почвы и по качеству климата» (Михайлов: 465).

Расчет такого рода писаний состоял, как видно, в том, что обыватели центральной России непременно получают заряд уверенности, что уже вскоре, невзирая на упорство некоторых аборигенов, вся обширная картина новых земель покроет-

ся — в свете сердечной доброты колонизаторов — прелестью розовых цветов всеобщей любви, благолепия и дружеского взаимопонимания (рис. 36.12 и 36.13).

К 1868 году завоеванный Бухарский эмират получит в рамках Российской империи статус протектората. С самостоятельностью Хивинского ханства будет покончено пятью годами позднее. В 1867 году указом Александра II было специально организовано Туркестанское генерал-губернаторство, под эгидой которого находились все завоеванные к тому времени области. А с 1886 года вся подчиненная России Средняя Азия и ряд областей южного Казахстана стали именоваться обширным Туркестанским краем. Так, почти в самом конце 19 столетия подошло к своему финалу оформление неохватных границ гигантской Российской империи.

Проект «Желтороссия»

Хорошо известно, что аппетит приходит во время еды. Завидный результат среднеазиатской компании привлек внимание российских военных и правительственных кругов к крайне восточному флангу Степного Пояса — к Маньчжурии. Цинский Китай слабел буквально на глазах. Глаза на его богатства разгорелись не только у России; в эту «Большую игру» включились европейские страны, а также США и Япония (рис.36.14). В 1896 г. Россия заключила контракт с Китаем на строительство через Харбин на Владивосток Китайско-Восточной железной дороги — знаменитой КВЖД. Возник удивительный проект создания в Маньчжурии особой «Желтороссии».

Многим казалось, что все идет прекрасно и строго по плану. Поэтому, к примеру, вдохновленный явными признаками успехов Приамурский генерал-губернатор, Н. И. Гродеков, — кстати, незадолго перед этим участник Хивинского похода и военный губернатор Сырдарьинской области — обратился к Николаю II с предложениями:

«Оккупированные территории Маньчжурии постепенно, де-факто, переводить под контроль российской администрации. Основным плацдармом проникновения в Китай должна стать полоса отчуждения КВЖД и особенно Харбин, стоявший не только на железной дороге, но и на судоходной реке Сунгари. Переселение в полосу КВЖД активизировать поелику возможно, для чего отобрать желающих в Забайкальском казачьем войске, которым предстояло создать новое Казачье войско: Сунгарийское <...>. В отношении мест-

Рис. 36.14. Четыре европейские державы и Япония делят Цинский Китай. Французская карикатура начала 20 века (Wikipedia)

Рис. 36.15. Плакат самого начала Русско-Японской войны 1904—1905 гг. Под этим удивительным по своей выразительности «художественным» полотном помещен почти стихотворный текст: «Посидим у моря, подождем погоды! Вишь, — какие страшные уроды виднеются из-за Японской спины: должно быть его опекуны?... Заморские покровители!.. Покурить, господа, не хотите ли — нашей русской махорочки, что виднеется на горочке! А это тебе, Японец, игрушка — наша Российская пушка...». К сожалению, автор этого «мегапатриотического» творения остался неизвестным

ного населения предполагалось предпринять меры по русификации, в первую очередь — к увеличению числа православных. Николай II инициативу одобрил и «Желтороссия» вполне могла стать последней военной колонией России на восточном направлении» (Кутузов: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/far-east/project/).

Эти блистательные и, казалось, уже почти свершенные планы рухнули в результате русско-японской войны, может быть, самой постыдной из войн в протяженной отечественной истории (рис. 36.15). Россиян же в Маньчжурии скопилось довольно много. Именно здесь после поражения адмирала Колчака возник один из самых значительных центров белой эмиграции. Однако степная Маньчжурия русской колонией так и не стала.

Конец 19 столетия: финал истории Степного Пояса?

К концу 70-х годов 19 века с карты Евразии исчезли все самостоятельные или же полусамостоятельные государственные объединения Степного Пояса. Культуры его западной половины оказались полностью под властью стремительно набравшей мощь Российской империи. Маньчжуры — порождение исконных степных скотоводов — сначала покорили Китай, а затем весьма быстро подчинились основным канонам традиционной культуры Поднебесной империи. Цинская китайско-маньчжурская династия предстала в 18 веке госпожой восточной половины Степного Пояса (рис. 36.16). Столетие назад можно было подумать, что с историей неповторимых культур этой удивительной — и столь непохожей на иные — зоной Евразии покончено; что память о сообществах кочевых скотоводов останется лишь в исторических документах; и сами редееющие своим числом потомки канувшей в далеких веках громкой славы будут тешить себя лишь туманными воспоминаниями о героических подвигах далеких предков.

Рис. 36.16. Степной Пояс и границы Российской империи, Цинского Китая к 80-м годам 19 столетия. Территории: 1 — России; 2 — Китая; 3 — границы Степного Пояса

Однако не будем торопиться с подобными заключениями. Пожалуй, стоит свершить еще один временной — столетний — прыжок к рубежам нашего времени, но мы сделаем это уже в следующей, заключительной, главе четвертой части нашей книги.

Глава 37

СТЕПНОЙ ПОЯС И СОВЕТСКАЯ ИМПЕРИЯ

Настоящая глава завершает четвертую часть книги, и своими планом и содержанием не вполне сходна с главами предшествующими. Ее своеобразие заключается в практическом отсутствии или же крайней редкости ссылок — пространных или кратких — на письменные документы, либо на мнения тех или иных авторов, касавшихся истории СССР в ее причастии к пастушескому миру Евразии. В разделах главы, особенно заключительных, значительное место займут личные впечатления автора — ведь большая часть его многотысячелометровых путешествий и долгой археологической практики оказались связанными, прежде всего, с самыми разнообразными культурами необъятных пространств Степного Пояса.

Недолгий путь к Советской империи

Досадную крымскую «занозу» из своего южного подбрюшья России удалось извлечь к 1783 году. Туркестанские же дела стали «налаживаться» и принимать угодный царской империи порядок спустя почти столетие. В 1867 году указом Александра II на завоеванных в Закаспии землях было сформировано особое Туркестанское генерал-губернаторство. А в 1886 году, когда в какой-то степени удалось разобратся с приобретенными в боях «сокровищами», генерал-губернаторство преобразовали или же просто переименовали в Туркестанский край.

Историческое развитие и судьбы двух крупных завоеванных Россией частей западной половины Степного Пояса — меньшей по своей площади — Причерноморской и гораздо более обширной Закаспийской — оказались весьма несходными. Северное Причерноморье активно начало заселяться с севера представителями славянских этносов, приверженцев христианства. Поэтому уже с самого начала 19 века вряд ли было справедливым считать данный регион неким вариантом российской колонии. Причерноморские степи довольно быстро и прочно обрели статус органической части Российской империи. К тому же здесь, и ранее всего в Донбассе, стало активно развиваться промышленное производство. Именно в этих областях формировалось ядро будущей Украины.

Совершенно иная ситуация наблюдалась в Закаспии и в Казахстане. Мы уже говорили, что завоевание этих территорий запоздало по сравнению с Причерноморьем почти на столетие. Однако главное не в этом. В Туркестанском крае занимавший верховные позиции славяно-христианский элемент в долевой пропорции никак не мог соперничать с различными тюркоязычными народами, при-

верженными исламу и издавна враждебными христианскому славянству, равно как и иным элементам, восходящим своими корнями к базовым основам европейской цивилизации. Поэтому в Казахстане и Средней Азии сформировавшаяся там социальная структура гораздо полнее соответствовала обычному пониманию колонии.

Динамика исторического развития закаспийских областей при взгляде на стремительный темп ее трансформаций от одного состояния к другому представляется перед нами как бы в крайне «спрессованном» виде. Судите сами. В 1886 году царское правительство формирует здесь Туркестанский край, и жизнь в Средней Азии хотя бы внешне успокаивается. Проходит совсем короткий отрезок времени, и в 1918 году — сразу после падения царизма — у бывших властителей «туркестанских» народов вновь просыпается понятное желание самостоятельности, возрождаются вполне естественные попытки учредить некую независимость, установить тем самым более или менее привычный для этих народов порядок бытия.

Но почти сразу же в 1919—1920 гг. подразделение Туркестанского фронта Красной Армии во главе с неутомимым командармом Михаилом Фрунзе тяжелым железным катком очень быстро и решительно покончили со всеми этими надеждами и иллюзиями бывших ханств. Уже тогда в пределах границ скоротечно распавшейся гигантской Российской империи возрождается ее прямая наследница — Империя Советская — с гораздо более суровым нравом и стремлением к жесткому порядку.

«Союз нерушимый республик свободных...»

Это первая строчка знаменитого стиха Сергея Михалкова из Гимна Советского Союза. Его вторая строчка звучала так: «сплотила навеки Великая Русь». Увы, тот порядок, который в разнообразных и порой весьма странных вариациях распространился на двадцати двух миллионах квадратных километров, господствовал лишь около семи десятилетий. А потом вдруг вся система недавно созданной империи рухнула. Обрушение ее произошло как бы совершенно неожиданно, подобно карточному домику, и было оно даже более стремительным, нежели у прежней — империи Российской. Но ныне именно этот кажущийся почти невероятным коллапс позволил народам Казахстана и Средней Азии устремиться к желанным высотам той самостоятельности, что была утрачена более столетия назад.

Даже беглый взгляд на карту (рис. 37.1), где обозначены все инновации, произошедшие с социальными объединениями на территории Степного Пояса и Северной Евразии, может повергнуть нас в удивление поистине чрезвычайное. Страна как будто в некоем акробатическом, подлинно фантастическом прыжке возвратилась к географическим рубежам 17 столетия! От Российской Федерации почти в мгновение ока — и ока, разумеется, исторического — отпали буквально все (!) бывшие республики — и именно все страны, локализованные в огромной

полосе Степного Пояса, причем как западной, так и даже восточной (Монголия) его половин. Сказали нет Союзу даже абсолютно и по самым разнообразным признакам несходные между собой — на западе Украина, а на востоке Монголия (последняя, правда, формально не входила в состав Советского Союза, но в реальности являлась его сателлитом-колонией).

И вот что странно: характер культур едва ли не всех этих отпавших стран очень сильно — по меньшей мере, в технологическом отношении — отличался от того, который в столетней давности присоединила к себе Российская империя. Ушла в прошлое важнейшая компонента их экономики — кочевое скотоводство. Исключение составляла только Монголия, где мало что изменилось за истекшие периоды. Как же все-таки можно понять и объяснить эту кажущуюся столь странной

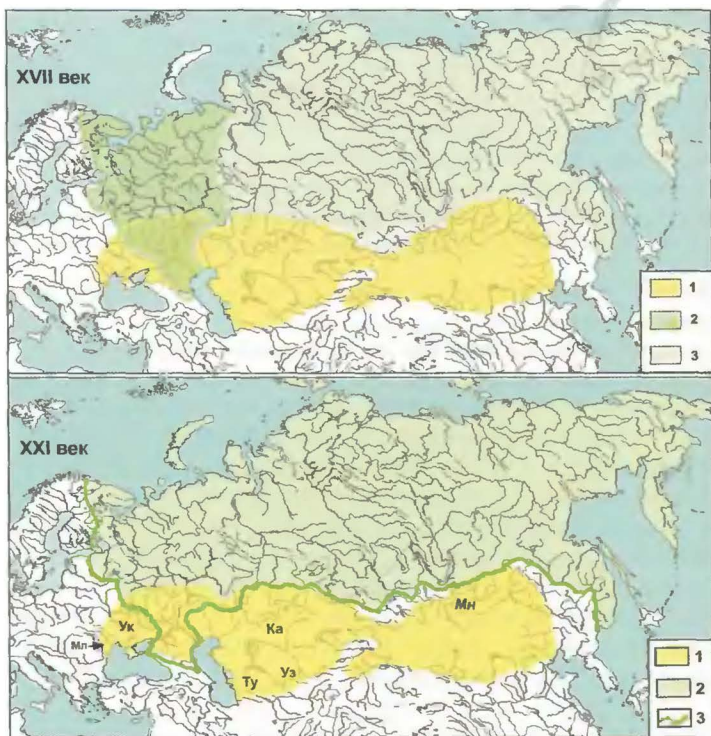

Рис. 37.1. Россия на рубеже 17 и 18 столетий (вверху) и в начале 21 века (внизу). Обозначения территорий — на верхнем рисунке: 1 — Степного Пояса, 2 — Московского царства, 3 — североазиатских колоний Московского царства; на нижнем рисунке: 1 — Степного Пояса, 2 — Российской Федерации, 3 — границы Российской Федерации.

Условные обозначения для стран Степного Пояса: Мл — Молдова, Ук — Украина, Ту — Туркменистан, Уз — Узбекистан, Ка — Казахстан, Мн — Монголия

метаморфозу? Видимо, должны были существовать какие-то общие глубинные причины, которые вырвали из некогда стальных советских «объятий» эти разные страны. Выяснить суть этих причин — задача увлекательная, но совсем непростая. Ниже мы постараемся хотя бы в некоторой степени приблизиться к пониманию данной проблемы. При этом хочу напомнить, что еще в первой части нашей книги — в главе 14 — были попытки осознать причины быстрого падения Юаньской монголо-китайской династии чингизидов: она ведь также, как и Советская империя, просуществовала немногим более семидесяти лет. Тогда обсуждалась гипотеза о своеобразных и губительных для завоевателей-монголов синдромах Антея и Нарцисса. Увы, думается, в нашем случае корни распада коренятся уже в иной сфере. По всей вероятности, их сущность таится в неких кардинальных стратегических просчетах обеих империй — как Российской, так и Советской. Проблемы Советской империи нам кажутся более близкими хотя бы по временному признаку. Поэтому попробуем более пристально взглянуть в первые шаги власти Советов — в основные цели партии большевиков, в их успехи и провалы.

«Очередные задачи советской власти»

Заглавие данного раздела буквально повторяет титул тезисов В. И. Ленина, которые ЦК ВКП(б) обсуждал на своем заседании 18 апреля 1918 года и решил опубликовать в виде специальной брошюры. Полгода спустя после Октябрьского переворота победителям-большевикам предстояло осознать: какие же базовые направления должны будут определять основы политики в этой гигантской стране?..

...Нет, никакого подробного анализа брошюры «вождя мирового пролетариата» здесь не планируется: автор просто позаимствовал для данного раздела название ленинских тезисов. Мне хочется максимально сжато сформулировать те основные стратегические направления, по которым сразу после переворота началось и развивалось в дальнейшем строительство новой системы.

Кажется, что большевики в рамках зарождающейся, а в последующие десятилетия уже активно функционирующей Советской империи были нацелены на решение четырех важнейших задач.

Во-первых — и это было изначальной и наиболее главной из задач, — установить военно-политическое господство над всеми областями гигантской Российской империи и преобразовать ее в империю Советскую. Без этого реализация всех прочих начинаний была бы полноразмерно невозможной.

Во-вторых, в новой империи следовало по возможности максимально быстро внедрить в головы и психику всей необъятной и разноликой массы наций и этносов единые и господствующие каноны новой идеологии. Выражаясь иначе, осуществить на практике принцип единомыслия миллионов. Естественно, что основой единомыслия должны были послужить азы марксистско-ленинской философии, которые для «широких трудящихся масс» излагались, как правило,

в самом грубо-примитивном варианте. Единомыслие также представлялось для большевиков совершенно необходимым условием для грядущих успехов. Строительство сначала социализма, а вслед за этим и коммунизма объявлялось высшей целью человечества и, в первую очередь, обитателей Советской империи. Данная высокая цель должна была вытеснить из людских голов многомиллионной Советской империи различные «вредные и дикарские» религиозные представления — этот омерзительный «опиум для народа» — о счастливой загробной жизни и прочих заблуждениях.

В-третьих, необходимо было связать различные отрасли сельского хозяйства и промышленности всех разнородных областей империи в некую единую и достаточно надежную экономическую структуру, хотя бы приближенно соответствующую мировому уровню технологического развития 20 столетия.

В-четвертых, нужно было в конце концов убедить всех граждан Советской империи в необходимости отказа — пусть даже постепенного — от старых и «замшелых» представлений о национальной принадлежности каждой персоны: узбек, татарин, якут... Всем им следовало уступить место одной единственной национальности — советской. Должно было всегда и гордо произносить: я советский человек. Это почти как у Маяковского: «читайте, завидуйте — я гражданин Советского Союза».

В конце раздела и в скобках должен заметить, что формулировки этих задач могут совершенно не совпадать с официальными документами ВКП(Б) и КПСС; приведенные здесь пункты полностью лежат на совести изложившего их автора.

Успехи и достижения

Военно-политическая и экономическая сферы: именно в них советской власти удалось добиться очевидных успехов. Задачи военно-политического характера удалось выполнить в очень короткий срок и — по крайней мере вначале — даже в ходе тяжелейшей гражданской войны. Потери, конечно, были и весьма досадные: отпали западные куски империи — Финляндия и Польша. Однако — как бы в утешение за утраты — вскоре удалось присоединить к обширному «телу» новой империи дополнительные полтора миллиона квадратных километров в виде Монголии (об этой стране мы несколько подробнее поговорим ниже). В этой изначальной акции страны Советов ничего принципиально нового не содержалось. Каждая из империй любых тысячелетий прошлого должна была на завоеванных пространствах устанавливать свое военно-политическое господство.

При всем том также довольно быстро жесткие нормы нового военно-полицейского государства удалось распространить буквально по всем регионам СССР. Центр всех властных структур находился в Москве, в Кремле, откуда и исходили основные и обязательные к исполнению указы. Развитая сеть функционеров ВКП(Б), а позднее КПСС обеспечивала их безусловное исполнение.

Бесспорно также, что вполне заметные подвижки были сделаны в сфере экономики и создания разветвленной инфраструктуры экономических связей внутри всего государства. Наиболее отчетливые успехи касались тяжелой промышленности: металлургии, машиностроения, горнодобывающих отраслей (период знаменитой индустриализации страны). Очень заметно начинал меняться и менялся облик многих крупных городских центров, связанных либо с промышленным производством, либо с административными функциями (столиц республик, в первую очередь).

Неудачи и провалы

В экономической сфере самое досадное положение наблюдалось в сельском хозяйстве. Именно поэтому деревни, села, кишлаки, аулы чаще всего представляли перед наблюдателем практически в том же состоянии, что сто, двести и даже более лет назад. По ним порой весьма нетрудно оказывалось представлять прошлую жизнь аборигенов. Разрыв между обликом сельских поселений и городов (особенно административных центров) характеризовался весьма удручающим контрастом. Поэтому время от времени из центра раздавались бестолковые пропагандистские призывы о необходимости «стирания граней между городом и деревней». Все эти лозунги к позитиву никогда не приводили; положение со временем, пожалуй, даже ухудшалось.

Однако наиболее тяжкие провалы гнездились в различных областях идеологической сферы. Коснемся вначале крайне болезненной для большевиков проблемы «необходимого единомыслия». Жестокие гонения на религии и религиозные организации стали первым отчетливо выраженным шагом по внедрению единомыслия в сознание обитателей империи. Разрушались христианские церкви и мечети, храмы превращались в складские помещения либо скотные дворы. После Второй мировой войны коммунисты несколько ослабили гнет подобного рода, а центр тяжести идеологической пропаганды перенесли на обязательное изучение основ марксистско-ленинской философии. Однако еще до войны всем многочисленным членам правящей партии предписывалось едва ли не вызубрить «Краткий курс истории ВКП(б)», одобренный И. В. Сталиным и Центральным комитетом этой партии в 1938 году, ставший катехизисом тогдашнего СССР. Людям с высшим образованием, особенно гуманитариям, нужно было чуть ли не дословно помнить текст раздела «О диалектическом и историческом материализме» из знаменитой и написанной едва ли не лично вождем советского народа IV главы этого великого учебника жизни для советских людей.

Учение Маркса—Энгельса—Ленина объявлялось истиной, достигшей абсолюта. Не допускалось даже малейших сомнений в ее идеальном совершенстве. При подобном подходе к марксистско-ленинскому учению его философские постулаты ничем от прокламируемых партией религий уже не отличались. От каждого

требовалось лишь углублять и совершенствовать собственные знания в этом направлении. Ученым же предписывалось разрешать все самые высокие и спорные проблемы их наук лишь путем приложения к обсуждаемым темам набора утвержденных свыше «лекал» марксистско-ленинской философии.

Сколько-нибудь реального успеха политика большевиков в этом направлении, однако, не имела. В стране подготовили огромное число проповедников этой философии, но уже тогда невозможно было отрешиться от впечатления, что преобладающая часть служителей этого культа и агитпропа в проповедуемые истины совершенно не веруют. Такие подозрения и подтвердились уже в самом начале коллапса Советской империи, когда обрушился буквальный шквал массовых отречений от глубинных основ этого учения.

Религиозные же верования огромных масс населения оказались загнанными глубоко в подполье — в материальном и духовном смысле. Все это время огромная масса людей была вынуждена тщательно скрывать свои убеждения и верования.

Здесь также Советская империя не могла предложить ничего нового. Все завоеватели старались до конца уничтожить старую идеологию и внедрить собственные каноны единомыслия. Аналогии этому можно увидеть, к примеру, в обязательном для всех обитателей Римской империи I века нашей эры поклонении скульптурным изображениям обожествленных императоров. Можно вспомнить, скажем, и о зверствах конкистадоров и следовавших за ними по пятам проповедников христианской веры... Впрочем, сходных сюжетов здесь будет недостаточно.

И наконец, об утверждении единой для всех национальности — «советский человек». Данная идея стала, пожалуй, витать в воздухе уже сравнительно поздно, в послевоенный период. Внедрение в 70-х годах данной мысли в народные массы почему-то, наряду с этим, не привело к отмене обязательного и так называемого пресловутого «пятого пункта», который обозначал истинную национальность человека. Именно «пятый пункт» весьма нередко строго определял: может ли данный человек занимать определенное место в социальной иерархии ряда учреждений империи, дозволено ли ему проходить курс обучения, к примеру, в Московском Университете или же, скажем, лишь в Институте рыбного хозяйства... Эта идея оказалась полностью провальной, и редко кто шел на забвение своей исходной национальности.

Любопытные параллели напрашиваются здесь опять же с упоминавшейся только что Римской империей, правда, как бы в обратном ключе. Там высоким статусом «римского гражданина», то есть правоспособной персоны, могли обладать далеко не все жители империи. Правда, со временем коррупция в Риме разъела и этот священный принцип: статус можно было легко купить. Однако никогда так не носилась идея поголовного признания всех гражданами Римской империи.

«Дружбы народов надежный оплот»

Продолжим анализ причин коллапса СССР. У автора сложилось впечатление, что Советская империя в сравнении с ее предшественницей — империей Российской — социальных иллюзий и мифов порождала существенно больше, и они к тому же впечатление производили более масштабное и величественное. Естественно, что в культуре последней империи в полной мере, буквально на нотах предельной высоты, звучал охарактеризованный нами еще в начале книги синдром «Нарцисса»: в этом мире мы самые лучшие, и «нам нет преград ни в море, ни на суше». А в 1961 году, когда стали всплывать на поверхность очевидные признаки кризиса системы, XXII съезд КПСС объявил в нашей стране программу форсированного построения коммунизма. Были повсюду расклеены плакаты: «Партия торжественно заявляет: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Правда, автору никогда не удавалось в те поры встречать людей, кто бы верил в эту нелепость.

Вот, наконец, и еще один миф, который мы вынесли также цитатой из уже упоминавшегося ранее михалковского гимна Советского Союза: «Славься отечество наше свободное // Дружбы народов надежный оплот». В гимне надежный оплот вечной дружбы народов утверждался безоговорочно. Однако все упомянутые здесь, а также и иные мифы, мгновенно испарились без заметного следа сразу после распада СССР.

Как известно, империей может становиться та страна, которая в состоянии подчинить и покорить более слабых путем победоносных воинских акций или же демонстрации устрашения. Поверженный всегда испытывает отвратное чувство униженности, и оно поселяется в нем надолго. Победенный этнос, если он не распался, а остался консолидированным, таит в себе это чувство долгими десятилетиями и даже столетиями, стараясь не обнаруживать его раньше времени. Поколения сменяют друг друга, но в памяти народа никогда не умирает жажда мщения за прошлые обиды. Подчиненный всегда упорно поджидает слабости хозяина, чтобы нанести ему тяжелый удар мщения.

Империя, безраздельно расширяясь за счет слабых соседей и пребывая в постоянном победном ликовании, сама не ведая того, впускает в свое тело те болезнетворные бактерии, что будут грозить ей тяжелой болезнью или же гибелью. В сложной имперской структуре оказывается невольно внедренным чудовищной силы динамит, взрыв которого в некий момент способен разметать до основания все имперское здание. Это не догадки — это история фактически всех исчезнувших империй прошлого.

Поэтому весьма смешно читать про обиду завоевателя, оказавшегося вдалеке *«от всего, что было близко его простому сердцу и брошенного в страну ему чуждую, неприветливую, встретившую его не с поклоном, а с коварным ножом, с предательскою петлею, — с разными бедами и лихами»* (я вновь

цитирую слова патриота позапрошлого века Н. Каразина, о котором шла речь в прошлой главе).

Огорчения от обид от неприветливости аборигенов сменяют розовые мечтания либеральных колонизаторов также позапрошлого столетия. Вот свершились, наконец, столь необходимые и закономерные завоевания Туркестана Россией, наступают благодатные времена дружбы и взаимопонимания между народами: *«...Теперь мало-помалу все (прежние и досадные) преграды должны устраниваться; постепенно будет водворяться колонизация и промышленность, проведутся каналы, пророятся на проложенных путях в достаточном количестве искусственно и удобно примененные к употреблению воды колодцы, — и степные народы, теперь уклончивые и недоверчивые, увидя в русских мирное обращение и доброту сердечную, нечувствительно будут с ними сходиться в случае колонизации, свыкаться и обобщаться в равной трудной доле посреди степей, в жизни и в торговых сношениях; а затем легко будут прививаться к их неприязненным сердцам наши нравы, понятия и убеждения — и водворится правильный сельский образ жизни и промышленность по мере производительности почвы и по качеству климата»* (некоторые из этих слов мы также приводили в предшествующей главе).

Я должен заметить, что мне и сегодня очень трудно понимать полностью высокоумные авторские словосочетания типа — *«степные народы <...> нечувствительно будут с ними сходиться в случае колонизации»*, или же — *«легко будут прививаться к их неприязненным сердцам наши нравы, понятия и убеждения — и водворится правильный сельский образ жизни»*. Равно мне и сегодня столь же трудно без горькой усмешки воспринимать слова о вечной и нерушимой дружбе, что украшали Гимн Советского Союза или же доньше красуются на гранитных стенах некоторых городов.

Некогда покоренные народы берут реванш за свои горькие поражения и унижения более чем столетней давности. А метрополия своей неуклюжей и нелепой идеологической политикой активно помогает им в этом.

Средняя Азия: столетие спустя

В связи с умилительными строками из статьи либерала-колонизатора XIX века я хотел бы предложить просмотр нескольких слайдов, что сохранились у автора от этих — теперь уже давних — путешествий. Картинки эти, а также комментарии к ним, может быть, поведают гораздо лучше о той Средней Азии, что предстала перед наблюдателем спустя столетие после ее колонизации (1977 год). Слов нет, Советская власть вложила изрядную массу усилий, чтобы облик страны предстал преобразенным. Здесь были стройки века или даже тысячелетия типа Главного Туркменского канала, от которого остались лишь сухие русла. В этом ряду оказался и великий Каракумский канал, протянувшийся почти на 1300 км от Аму-Дарьи на запад; правда, русло его предстало тогда перед моими глазами затанутой

кустарником и камышом глубокой ложбиной. Здесь и отстроенный после чудовищного землетрясения 1948 года Ашхабад или же «столица мира и тепла» — как пелось в одной песне советских времен — Ташкент. Всего этого нельзя вычеркнуть.

Однако меня никогда не покидало ощущение, что все эти социалистические новостройки не слишком трогают чувства узбеков, туркмен или таджиков; что для их исконной культуры гораздо ближе, понятнее и роднее, например, не столичный Ташкент, похожий на иные города Союза, но Самарканд времен Тимура с величественной гробницей великого полководца (см. рис. 21.18) или же с поразительным по великолепию многовековым погребальным мемориалом Шахи-Зинда. Здесь вы непременно попадаете в мир глубоко традиционный, к примеру, тех кишлаков, что носят имена, оставленные им повелением того же легендарного Тамерлана. Говорят,

что сам эмир, уверовав наконец в то, что весь мир лежит у его ног, распорядился обозначить в рамках своей империи подобия столиц известных ему стран — Багдада и Парижа. Только Париж произносится здесь как Фариж, и мы можем на минутку взглянуть на него — ведь он не столь отдален от Самарканда (рис. 37.2). Все те же окружающие семейные очаги глинобитные стены, все та же архитектура, наверняка уходящая во времена до-тимуровы, даже к бронзовому веку. И если бы не столбы и не провода электропроводки, то легко было бы перепутать эпохи. Здесь и кавалькада очаровательных «фарижанок» на ослах (рис. 37.2, нижнее фото). На среднеазиатских базарах все те же неподвижно сидящие, неведомо о чем беседующие и неведомо что продающие старцы; или же дервиши с величественным видом принимающие подаяние (рис. 37.3).

Хотя, пожалуй, тогда в еще большей мере меня поразил Ташкент: и не демонстрацией в своих архитектурных монументальных творениях приверженности идеалам социализма, но тем скрытым, что можно было почти случайно узреть в предрассветные часы во время массовых молений на празднике Ураза-байрам, завершении священного месяца Рамадан. Вокруг мечетей десятки и десят-

Рис. 37.2. Кишлак Фариж, расположенный сравнительно недалеко от Самарканда (вверху). Наименование поселка обязано повелению Тамерлана об организации на территории его империи столиц тех государств, о которых ему довелось слышать — то есть Парижа. Внизу: «фарижанки» с детьми на ослах отправляются в гости в соседний кишлак

Рис. 37.3. Три старца в многочасовом задумчивом сидении на базаре в городе Карши (слева). Если бы не мотоцикл и велосипед, можно было бы решить, что это, скажем, век двенадцатый или тринадцатый. Справа — дервиш на базаре обычно пользуется большим уважением среднеазиатских торговцев; его с охотой снабжают фруктами

Рис. 37.4. Ташкент, Ураза-байрам, октябрь 1977 г. Многие тысячи верующих и склоненных в молитве мужчин. Буквально через несколько минут после завершения молитвы они преобразятся в идеологически послушных власти советских чиновников

ки тысяч коленопреклоненных или по команде муллы гнущихся к земле людей (рис. 37.4). Все они в похожих темных одеяниях, и у всех одинаково сосредоточенное молитвенное выражение лиц. Моя фигура с фотоаппаратом до ненависти чужая в этом людском море; я это ощущаю, но прекратить съемку не в силах. Однако пройдет буквально несколько минут, мулла произнесет заключительные слова молитвы об окончании Саума — месяца воздержания от многих видов пищи, — и все эти десятки тысяч мужчин буквально в минуту преобразятся. Они спрячут свои тюрбеты и тюбаны в портфели, и их облик приобретет вполне стандартный вид спешащих к местам своей работы «совслужащих».

Именно в такие моменты наступает ясное понимание, что словесные и архитектурные покрывала официальных постулатов Советской империи в Средней

Азии являются именно поверхностным флером и что этот флер люди используют для сокрытия своих истинных идеалов. Тогда и начинаешь догадываться, что именно в этом и таится тот динамит, что рано или поздно разнесет на куски всю имперскую конструкцию.

Монгольские впечатления: шесть десятилетий спустя

Монголия, как мы знаем, никогда не входила в состав СССР и, по нашей официальной версии, относилась к разряду совершенно независимых государств. Однако фиктивный характер этой декларации никого и никогда обмануть не мог. Монгольская Народная Республика — так именовалась эта страна — полностью зависела от Советского Союза, и большинство процессов ее внутренней жизни определялось директивами из Кремля.

Автору в пятилетие 1979—1983 гг. довелось исколесить со своим другом Виталием Васильевичем Волковым многие десятки тысяч километров в экспедиционных разведках по обширным пространствам этой страны. Мне и моим спутникам удавалось разглядеть в жизни монголов то, что вряд ли смогут разглядеть кратковременные посетители-туристы или даже те советские специалисты, что были прочно привязаны к одному месту по характеру своей службы. Здесь также хотелось бы продемонстрировать собственные впечатления с десятком слайдов и с комментариями к ним. При этом хочу прибавить, что довольно большое число монгольских иллюстраций было включено в различные главы первой и второй частей нашей книги. Кроме того, будет не лишним, думается, предварить этот раздел главы несколькими словами о монгольской истории в XX веке — той страны, что столь непохожа на другие.

Под нынешней Монголией китайцы понимают так называемую Внешнюю Монголию, отличая ее от более южной Монголии Внутренней, являющейся автономной частью Китая. Сразу же после свержения в 1911 году китайско-маньчжурской династии Цин и объявления Китая республикой Внешняя Монголия успела провозгласить собственную независимость под сенью Богдо-гэгэна (Священного хана), то есть признавая себя теократическим государством. Независимость эта оказалась весьма скоротечной. Уже в 1921 году ее столицу — полукочевой город Ургу (нынешний Улан-Батор) — оккупировал своей дивизией «белый» барон фон Унгерн. Однако уже через четыре месяца в Ургу вошли подразделения Красной армии, и вскоре плененный ими белый генерал был расстрелян в ЧК. Красной Армии помогал тогда со своими конниками Сухэ-Батор, и ему большевики разрешили в те поры сделаться основателем Монгольской Народно-Революционной партии и занять все верховные посты в Монголии. Однако молодой вождь монголов в 1923 году скорострительно скончался: ему тогда исполнилось лишь тридцать лет.

В ноябре 1924 года объявили о создании «независимой» Монгольской Народной Республики, в которой руководящую роль осуществляла Монгольская Народ-

но-Революционная партия. Ни для кого не составляло секрета, что Монголия явилась сателлитом СССР, и по этой причине все иные государства не желали ее признавать вплоть до окончания Второй мировой войны. Наиболее непримиримую позицию занимал, естественно, Китай, который считал Внешнюю Монголию насильственно изъятой у него территорией. Монголия, пожалуй, явилась своеобразным призом для новой империи за неудачу в попытках отторжения от Китая в начале XX века Маньчжурии — крайнего фланга восточной половины Степного Пояса.

Из стран советского блока Монголия оставалась почти или же крайне мало-затронутой признаками современной цивилизации. Как и много веков назад господствовало все то же кочевое скотоводство. Легко разбираемая и собираемая войлочная юрта продолжала оставаться всесезонным обиталищем монгольской семьи. Вы могли натолкнуться на целые группы юрт (рис. 37.5), либо остановиться у юрты одиночной, отделенной от ближайших соседей доброй сотней километров (рис. 37.6). Все так же, как и в незапамятные времена, родовые группы или же отдельные семьи ежегодно свершали свои две или четыре сезонные перекочевки (рис. 37.7). Лошадь использовалась только под верховую езду; в телеги впрягали быков или яков, а верблюды предназначались в основном под вьюк (рис. 37.8). Монгольские перекочевки были очень похожи, скажем, на картины В. Верещагина (см. рис. 36.8), эскизы которых набрасывал в своих блокнотах художник во время туркестанских баталий XIX века. Форма и конструкция тележных колес (рис. 37.9) до удивления близки тем, что находят археологи в подкурганных могилах III тысячелетия до новой эры.

Наши долгие путешествия по разным местам всей этой необъятной страны могли порой внушать иллюзию, что ты переместился в иной, совершенно непривычный для тебя мир. Тот факт, что этот мир существует в конце II тысячелетия, но уже новой эры, угадывался по присутствию мотоциклов старых советских моделей, стоявших у некоторых юрт. Мир этот довольно равнодушен к тебе. Интерес просыпался лишь тогда, когда кочевники желали выменять что-либо полезное для себя — скажем, боеприпасы и оружие у советских воинских частей, рассеянных тогда по многим областям страны. Им не важно знать, как ты живешь, о чем думаешь и что тебя занимает. Тот свой мир для них абсолютно самодостаточен.

Но есть еще город Улан-Батор. По существу, это единственное место в Монголии, на котором скопилось и обитает не менее четверти населения страны. В Улан-Баторе вы попадаете в странное и причудливым образом слитое смешение традиционной архаики и модернистских веяний. Во время наших скитаний центральная часть города весьма походила на областной центр России с его обкомами и административными зданиями. Ныне в нем появились очевидные, но простейшие знаки победной западной цивилизации типа кафе, казино, диск-клубов и т.п. Но самое интересное не это. Центр города доньше плотно окружен — буквально сдавлен — тысячами и тысячами юрт. Их бесконечные кусты чрезвычайно напоминают пчелиные соты (рис. 37.10). Сходного с Улан-Батором

Рис. 37.5. Типичный пейзаж Центральной Монголии. Группа юрт, в которых, по всей вероятности, обитают родственные семьи монголов-кочевников. На переднем плане древний каменный курган — керексур, — дата сооружения которого может уходить в начальные столетия новой эры. Наверное, примерно так выглядела монгольская степь полтора или даже два тысячелетия назад

Рис. 37.6. Пустыня Южная Гоби. Здесь чаще всего встречаются одиночные юрты и столь же одиноко произрастающие странные деревья

Рис. 37.7. Сезонная перекочевка монгольской семьи. Лошадь служит только для верховой езды. Верблюды же всегда только вьючные животные

Рис. 37.8. Пустыня Южная Гоби. Верблюды в долгом ожидании воды у артезианской скважины

города вы вряд ли сможете сыскать в какой-либо из стран нашей планеты.

Советская власть принялась почти немедленно приобщать монголов к нормам собственного понимания прогресса и цивилизации. Сначала были уничтожены все противники Сүхэ-Батора. В эпоху маршала Чойбалсана особое удовольствие доставляло созерцание огромных броских плакатов, на которых монгольский конник из зеленоватой среды, обозначавшей эпоху феодализма, через мрачно-черную полосу капитализма перескакивал непосредственно в солнечную полосу социализма. Почти сразу было объявлено о формировании колхозов, что в условиях кочевого образа жизни выглядело особой нелепостью. Позднее, уже в 70-е годы начались попытки активного внедрения зернового земледелия в ту геоэкологическую зону, где никогда не знали этого вида занятий, да и не могли знать. Из СССР была доставлена масса тракторов и комбайнов. Они недвижно высились на холмах своеобразным памятником идиотическому волюнтаризму. В те же годы сооружались уродливые монументы, прославлявшие почетный труд колхозника-землепашца (рис. 37.11).

Параллельно с политико-экономическими новшествами нужно было решить чрезвычайно болезненную для властей проблему ламаизма. В начале 20-х годов в стране насчитывалось не более 700 тысяч жителей. Из них около 120—130 тысяч — или же примерно половина мужского дееспособного населения —

Рис. 37.9. Упряжными животными являются чаще всего бык или yak. Колесо повозки как своей формой, так и конструкцией чрезвычайно сходно с образцами эпохи бронзы. Фото слева — 1980 год; справа — 20-е годы прошлого столетия (Пржевальский 1946: 96, 97). Подобную технологию, скорее всего, мог наблюдать в Монголии и сам Н. М. Пржевальский полтора века назад

Рис. 37.10. Улан-Батор — вид из космоса. Отчетливо видна разница двух неравнозначных частей города: сооруженный по подобию провинциальных городов Советского Союза центр столицы и окружающие его бесконечные «пчелиные соты» юрт, избегающие по горным склонам. Овал в правом углу снимка дает более детальное представление о типичном расположении огороженных заборами групп юрт (Google)

Рис. 37.11. Уродливые пропагандистские монументы, служившие в 70-е годы воспеанию труда землепашцев, почти не типичных для Монголии. Рядом с трактором поместили фигуру предполагаемого «колхозника» со снопом сжатой пшеницы

Рис. 37.12. Гандан — единственный разрешенный и действовавший в Монголии в 70-е годы монастырь в Улан-Баторе

Рис. 37.13. Руины разрушенного частями Красной армией в 30-е годы ламаистского монастыря Ульгий-хийд в пустыне Южная Гоби недалеко от китайской границы. В 1983 году мы на нашей экспедиционной машине лишь с большим трудом смогли пробраться к этому месту и осмотреть развалины. Как все-таки находила сюда путь наша армия?

обреталось в приблизительно 750 монастырях в качестве ламаистских монахов. К началу 30-х годов число монастырей возросло еще примерно на сотню. Терпеть такое безобразие власть, конечно же, не собиралась. Как всегда, проблему эту решали быстро и сурово с помощью Красной Армии. Ламы, естественно, взволновались и пытались сопротивляться. К концу 30-х годов практически все монастыри Внешней Монголии были уничтожены. Непокорные монахи без суда и следствия были постреляны или же сумели раствориться в затерянных по монгольским просторам мирных юртах. От всех памятников вредоносных религиозных заблуждений оставили лишь пару-тройку монастырей. В Улан-Баторе один из специально сохранных комплексов предназначался для демонстрации иностранцам свободы религиозных убеждений в стране (рис. 37.12), а другой — для обучения партийной номенклатуры эффективной антирелигиозной пропаганде. Поскольку мы забирались в самые малодоступные урочища Монголии, то приходилось поражаться той старательной системности, с которой наши войска ухитрялись добираться до самых глухих и труднодоступных мест монастырского уединения (рис. 37.13).

Ныне приверженцами ламаизма считает себя не менее трех четвертей монгольского населения. Но, по всей вероятности, параллельно важнейшим культом современных монголов служит образ Чингис-хана — повелителя вселенной. Именно ему воздвигают ныне поистине грандиозные и величественные памятники как в Улан-Баторе, так и в его окрестностях (см. рис. 29.2).

Завершить этот раздел мне хотелось коротким рассказом об одной курьезной ситуации, связанной с подражательным заимствованием из СССР неких обрядов идеологического свойства. Молодой вождь монгольской революции Сухэ-Батор ушел из жизни в 1923 году. Вождь мирового пролетариата В. И. Ленин скончался чуть позже — в начале 1924 года, — и большевики решили нетленное его тело поместить в Мавзолей. Монгольская Народно-Революционная партия также решила не отставать от старшего брата и соорудить для Сухэ-Батора мавзолей в столице. Трудность заключалась лишь в одном: как найти останки тела вождя? Ведь его провожали в потусторонний мир по буддийскому обряду — оставляя тело на поверхности земли, чтобы благородные звери и птицы поскорее расправились с его плотью для снятия телесных пут с его рвущейся к обновлению души. Тела знатных персон могли даже расчленять и раскладывать по разным местам для ускорения процедуры очищения плоти хищниками. Говорят, что именно так и поступили в свое время с телом Сухэ-Батора. Власть же обязала найти остатки скелета. Те кости, что были доставлены в столицу, как уверяли антропологи, относились к останкам разных людей. Да и были ли в этой куче кости самого вождя? Тем не менее, собранные части некоего скелета поместили в мавзолей...

Много десятилетий спустя появилось сообщение, что в 2004 году «тело Сухэ-Батора было извлечено из мавзолея и по буддийскому обряду предано огню». Интересно все-таки: что же сжигали в этом ритуальном огне?

Монголию прилепили к телу Советской империи поспешно и неуклюже. Все последующие семь десятилетий масса диктуемых с севера нелепостей лишь нарастала. Так следует ли удивляться, что эта столь чужеродная для нашего менталитета страна предпочла немедленно отколоться от своего огромного северного соседа?

«Нива и жатва печали»

Более тысячи лет длились бесчисленные — то затихавшие, то вспыхивавшие со свирепой силой — сражения Руси и России со степным миром. Всю эту более чем тысячелетнюю эпопею отразили писания многих ученых историков, писателей, поэтов, публицистов. По степи к нам «с Востока попадали на Запад перелетные птицы, саранча, кочевые племена, монгольские армии и чума <...>. По словам одного поэта, на «этой ниве, вспаханной лошадиными копытами, унавоженной человеческими трупами, усеянной белыми костями, орошенной горячим дождем крови, выросла жатва печали» (Валишевский-3: 217).

За эти долгие века в российской ментальности, наверное, невольно укоренилось ощущение, что степь и ее народы служат постоянным источником чего-то очень чужого и страшного, непредсказуемого и коварного. Все эти тревоги надрывно звучат и в поэзии, и в фольклоре, и в прозе. «Сколько в тех

краях битв отгремело, сколько народу полегло — ни счесть, ни упомнить... На людей в травах охотились, словно на волков или сайгаков. Охотился кто хотел. Преступник в дикой степи спасался от закона, вооруженный пастырь стерег стада, рыцарь искал приключений, лихой человек — добычи. Казак — татарина, татарин — казака <...>, Степь, хоть и пустовавшая, вместе с тем была не пустая; тихая, но зловещая; безмятежная, но полная опасностей; дикая Диким Полем, но еще и дикостью душ» (Генрик Сенкевич «Огнем и мечом»).

Даже сама по себе степь, когда она уже свободна от коренных обитателей, одним своим обликом могла вселять в русскую душу беспокойство и уныние своими неясными и безграничными просторами, безумством стихий.

«Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Все покрыто было снегом. Кибитка ехала по узкой дороге, или, точнее, по следу, проложенному крестьянскими санями <...>. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело поднималась, росла и постепенно облегла небо <...>. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло... Я выглянул из кибитки; все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным...»

Это слова пушкинского, знакомого для многих, героя Петруши Гринёва из «Капитанской дочки». И далее он же:

«Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Река еще не замерзла, и ее свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские степи. Я погрузился в размышления, большей частью печальные».

Иван Северьяныч в «Очарованном страннике» Николая Лескова (глава седьмая его повести) ведет неторопливый рассказ о многолетнем пребывании в своеобразном полуплену среди кочевников Прикаспия. Над ним не издеваются, его даже обеспечили женой... Персонаж автором, конечно, выдуманный, но для русского человека кажущийся вполне реальным:

«Очень домой в Россию хотелось <...>. Тоска делалась. Особенно по вечерам, или даже когда среди дня стоит погода хорошая, жарынь, в стану тихо, вся татарва от зною попадает по шатрам и спит, а я подниму у своего шатра полочку и гляжу на степи <...>, в одну сторону и в другую — все одинаково <...>. Знойный вид, жестокий; простор — краю нет; а солнце обливает, жжёт, и степи, словно жизни тягостной, нигде конца не предвидится <...>. Или еще того хуже было на солончаках над самым над Каспием: солнце рдеет, печет, и солончак блестит, и море блестит <...>. Одурение от этого блеску даже хуже чем от ковыля делается, и не знаешь тогда, где себя, в какой части света числить, то есть жив ты или умер и в безнадежном аду за грехи мучишь»

ся. <...> На солончаке не приведи господи никому долго побывать. Конь там одно время бывает доволен: он соль лижет и с нее много пьет и жиреет, но человеку там — погибель. А еще и этого тошнее зимой <...>. Снег малый, только чуть траву укроет и залубенит <...>. Тогда выйдешь, и глянуть не на что: кони нахохлятся и ходят свернувшись, худые такие, что только хвосты да гривы развеваются. Насилу ноги волочат и копытом снежный наст разгребают и мерзлую травку гложут, тем и питаются. Несносно. Только и рассеяния, что если замечают, что какой конь очень ослабел, снегу копытом не пробивает и мерзлого корня зубом не достает, то такого сейчас в горло ножом колют и шкуру снимают, а мясо едят. Препоганое, однако, мясо: сладкое, все равно вроде как коровье вымя, но жесткое; от нужды, разумеется, ешь, а самого мутит».

Поэты вступают своими строфами в эту унылую череду. Вот знакомый всем фольклор:

*Степь да степь кругом,
Путь далек лежит.
В той степи глухой
Замерзал ямщик.*

А теперь «Колодники» А. К. Толстого:

*Спускается солнце за степи, // Вдали золотится ковыль,
Колодников звонкие цепи // Взметают дорожную пыль.*

*И вот повели, затянули, // Поют, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье, // Про даром минувшие дни,
Поют про свободные степи, // Про дикую волю поют,
День меркнет все боле, — а цепи // Дорогу метут да метут...*

В годы тяжелого кризиса России, в два первых десятилетия XX века, некоторые наши выдающиеся поэты стали мечтать о некоем очистительном огне, который должны породить степи с их гуннами или скифами.

*Где вы, грядущие гунны, // Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугунный // По еще не открытым Памирам.
На нас ордой опьянелой // Рухните с темных становий —
Оживить одряхлевшее тело // Волной пылающей крови.
Поставьте, невольники воли, // Шалаши у дворцов, как бывало,
Всколосите высакое поле // На месте тронного зала.
Сложите книги кострами, // Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме, // Вы во всем неповинны, как дети!*

К гуннам обращал свой призыв Валерий Брюсов. Но Александр Блок в самом начале 1918 года желал видеть в победившем пролетариате скифов:

*Мильяны вас. Нас — тьмы, и тьмы и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да азиаты — мы,
С раскосыми и жадными ачами!*

.....
*Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ардою!*

.....
*Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..*

*В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз — на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!*

Весьма неожиданный образ борющихся за высокую идею скифов Блока, чья «варварская лира» сзывает всех «на братский пир труда и мира», пробуждает в памяти удивительно курьезную параллель. Оказывается, наша императрица Екатерина Великая еще задолго до Блока также увлекалась этими легендарными степными воинами. Образ скифов у Екатерины невероятно восхитителен:

«Никогда еще мир не производил существа более мужественного, степенного, открытого, человеческого, милосердного, великодушного и услужливого, нежели скиф. Ни один народ не сравнится с ним ни в правильности и красоте черт лица, в яркости румянца, в осанке, сложении и росте, так как тело у него очень дородное, или нервное и мускулистое, борода густая, волосы длинные и пушистые; он по природе своей далек от всяких хитростей и обмана; его прямота и честность гнушаются темных дел. Нет на свете наездника, пешехода, моряка, а также хозяина, равного ему. Ни у кого нет такой нежности к детям и близким. У него врожденное чувство почитания к родителям и начальникам. Он быстро, точно повинуется и верен» (Валишевский-7: 257). Интересно, из каких неведомых нам источников почти всегда отличавшаяся трезвым умом российская императрица подхватила это?

Прошли многие годы. Навалились ужасы Великой Отечественной войны. И вновь в песнях и прозе зазвучал образ степи — для русской души тревожный, неродной, с которым почти всегда связаны тяжкие ощущения.

*Вот солдаты идут // По степи опаленной,
Тихо песни поют // Про березки да клены,
Про задумчивый сад // И плакучую иву,
Про родные леса, // Да широкую ниву.*

(Слова М. Львовского к песне К. Молчанова).

Или же:

*Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах.
Тускло звезды мерцают...
Тёмная ночь разделяет, любимая, нас
И тревожная чёрная степь пролегла между нами.*

(Слова В. Агатова к знаменитой песне Н. Богословского).

Но вот отрывок из последнего романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Перед прорывом на сталинградском направлении в калмыцкой степи на «пустынной песчаной равнине обосновались тысячи людей, привыкших к влажному воздуху, к росе на зорьке, к шороху сена. Песок сечет их по коже, лезет в уши, скрипит в пшене и в хлебе, песок в соли и в винтовочном затворе, в механизме часов, песок в солдатских сновидениях... Телу человеческому, ноздрям, гортани, икрам ног здесь трудно. Тело живет здесь, как живет телега, сошедшая с накатанной колеи и со скрипом ползущая по бездорожью».

И в самом конце главы мы упомянем об одном поразительном по своему контрасту сопоставлении: райское величие степи и неистребимое отвращение от всего остального, особенно от горных видов. Именно так выражал свои чувства молодой казах и российский тайный разведчик Чокан Валиханов в 1856 году в своем дневнике. Его полный и откровенный текст мы полностью приводим в **Приложении 5**.

В процессе работы над книгой я нередко пытался понять логику наших властных верхов, пытавшихся на таком предельно зыбком фундаменте тысячелетнего взаимного — не только духовного, но даже физического — неприятия двух миров возвести величественный дворец вечной дружбы между народами или по крайней мере убедить себя и окружающих в осуществлении этой мечты... И это после жестоких завоеваний, связанных с национальным унижением проигравших те битвы. Ну что ж, тогда будем считать, что и в стремительном распаде нашей империи также не было ничего неожиданного. Ведь все в мире повторяется...

Часть пятая

Вместо эпилога. Трудные вопросы, сложные проблемы

Глава 38

СЛОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

Генеральные задачи исследования и «ретроспективные» проблемы

Три генеральные задачи ставил перед собой автор настоящей книги. *Задача первая:* наметить границы основных геоэкологических доменов Евразии по вертикали Север — Юг и связать с этими доменами блоки культур трех различных моделей жизнеобеспечения; центральное внимание в этом ряду уделялось мобильным скотоводческим культурам Степного Пояса.

Задача вторая: наметить евразийский «водораздел» между блоками основных общностей по горизонтали Запад — Восток и распределить по обе стороны намеченного «водораздела» блоки культур по господствующим антропологическим, лингвистическим, идеологическим признакам.

Задача третья: попытаться понять и объяснить сложный характер взаимодействия мира номадов с их соседями в рамках многотысячелетнего отрезка времени на всем пространстве Евразийского континента.

Из перечисленных задач последняя — третья — оказалась, конечно же, наиболее сложной. Ведь перед нами по огромным — не менее чем в семь тысяч лет — отрезкам времени и неохватным пространствам проходили картины причудливо меняющегося, чрезвычайно многообразного калейдоскопа культур. Динамику их развития отличал во многом неровный, похожий на рваный, зачастую взрывчатый характер. Чередовались маятниковые наплывы миграционных волн с Запада на Восток и обратно. И все это далеко не всегда отвечало давним традиционным представлениям о плавном поступательном, линейном течении исторического процесса.

Решение этой задачи потребовало обращения и дискуссии по достаточно протяженному ряду весьма сложных и запутанных проблем. На некоторых из них автор сосредоточил внимание в настоящей книге впервые; других — он касался существенно раньше. Именно к обзору и анализу проблем последнего ряда мы и обратимся в настоящей главе. В таком случае более отчетливо предстанет динамика взглядов автора на характер и процесс исторического развития евразийских культур под воздействием новых методов исследований и новых подходов к оценкам самого процесса. Отсюда и вытекает название главы «Сложные проблемы в ретроспективе».

Среди «ретроспективных» проблем наметим три:

1. Периодизация Эпохи Раннего Металла в Евразии
2. Абсолютная хронология культур
3. Основные модели развития культур

Однако с самого начала следует пояснить, что имеется в виду в данной главе под понятием «ретроспектива».

«Тридцать лет спустя»

Автор довольно часто касался дискуссионных общих проблем и сложных вопросов во многих своих публикациях. Назову такие книги как «Металл — человек — время» (Черных 1972), «Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии» (Черных 1978), а также другие. Эти же направления изысканий затрагивались в статьях, касавшихся вопросов всеобщей и региональной периодизации ЭРМ в Евразии (Черных 1978а; Černýkh 1982) или же проблем рационального и иррационального в культурах (Черных 1982; Chernýkh 1982). Однако в настоящей главе мы коснемся книги, в которой все эти сюжеты были обсуждены с наибольшей полнотой и системностью. Речь пойдет о книге автора «Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age», опубликованной двадцать один год назад в 1992 году в Cambridge University Press (CUP) (мы обозначим ее ниже в сокращенном варианте как АМ-92). Однако основные разделы книги были написаны существенно раньше.

История и судьба этой монографии не лишены любопытных поворотов. Так, по договору с CUP рукопись была завершена передана издательству в конце 1983 года (отчего я и обозначил данный раздел как «Тридцать лет спустя»). Получилось так, что перевод ее на английский язык и подготовка к изданию затянулись на трудно вообразимый срок — целых девять лет! В какой-то момент у меня совершенно пропала уверенность увидеть книгу в печатном виде. Однако с некоторого времени пессимизм начал отступать и пробивалась надежда, что публикация все же состоится. Тогда я и постарался с максимальной скоростью добавить в рукопись ряд материалов из моих последних исследований. В частности, удалось быстро написать своеобразный эпилог — он же глава 10 — к разделам которого мы и будем более подробно обращаться в этой главе.

Примечательный характер АМ-92 оказался обусловлен еще двумя обстоятельствами. Во-первых, ее сильно задержавшийся выход как будто намеренно — но, разумеется, совершенно произвольно — оказался приуроченным к распаду Советского Союза. В декабре 1991 года «кончина» СССР была объявлена уже официально, а моя — посвященная древней металлургии на пространствах СССР — книга появилась в свет совсем вскоре за этим. Так, без какого либо желания автора, его печатный труд явился — пусть микроскопическим — но все же памятником исчезнувшей гигантской Советской империи.

Во-вторых, получилось так, что содержание книги и по сей день остается мало кому доступным и ведомым из специалистов на просторах бывшего Советского Союза, включая Российскую Федерацию. Если же исходить из числа ссылок и цитирования ее различных разделов, то следует признать, что АМ-92, безусловно, стала гораздо более известной за рубежами России, нежели на родине автора. Попытки публикации ее исходного и полного русского содержания первоначально в издательствах распадающегося СССР, а затем и в Российской Федерации, показали их полную недостижимость: глубокий и казавшийся безнадежно мрачным кризис конца 80-х и начала 90-х годов отбросил всю советско-российскую науку в трудновообразимый провал. Затем шаг за шагом положение улучшалось, но тогда перед автором выросли уже иные задачи и проявились новые возможности. Стала очевидной нужда отнюдь не в повторении старого текста, но возникла необходимость в анализе новых материалов более широкого хронологического и пространственного охвата. В какой-то мере инновации представлений о картине древнейшей металлургии в Северной Евразии оказались отраженными в ряде глав книги «Степной Пояс Евразии: феномен кочевых культур» (2009 год). Однако выразить это удалось лишь до некоторой степени, поскольку основные задачи монографии о Степном Поясе лежали все-таки в иной плоскости.

Вместе с тем в уже упоминавшейся главе 10 — этом своеобразном Эпилоче АМ-92 — был сформулирован целый ряд методологических положений, которые, думается, не потеряли своего значения и по нынешний день. В последующих разделах настоящей книги, благодаря сохранившейся машинописной рукописи тех лет, я процитирую отрывки из этой главы с полным повторением текста того времени. И тогда станет ясно, какие из положений автор разделяет по нынешний день, а какие требуют той или иной корректировки. При этом следует обязательно учесть, что книга настоящая и АМ-92 сильно различаются по своим генеральным задачам и целям. Действительно, металл и металлургия — эта основная сфера изложения в АМ-92 — может входить в настоящий труд лишь одним из направлений, правда, чрезвычайно важным. По этой причине в археологической (второй) части данной книги металлургическая проблематика зачастую и закономерно выходит на первый план. При этом не подлежит сомнению, что методологические принципы подхода к историческим процессам касаются не только истории производств — они в значительной мере всеохватны и универсальны.

И наконец, еще об одном аспекте АМ-92 — об ее пространственном охвате. Советская империя покрывала собой более 22 миллионов квадратных километров, что соответствовало примерно 2/5 всей площади Евразийского материка. Почти целиком были охвачены культуры и общности Эпохи Раннего Металла (ЭРМ) лесной зоны, а также всей западной половины Степного Пояса. Там были представлены материалы культур ЭРМ не только с территории СССР, но также тех, что выходили порой за его административные пределы — на Балканы, в Монголию, и такой охват приближался уже к истинной половине территории

Евразии. Приходится при этом сожалеть, но в гораздо меньшем объеме удалось проанализировать тогда археологические материалы южного домена оседло-земледельческих культур. Разумеется, и пространственные, и хронологические рамки настоящей книги много шире, но в любом случае, сопоставление прежних и нынешних методологических заключений в представлениях одного и того же автора, но с разрывом в три десятилетия, представляет известный интерес.

О периодизации Эпохи Раннего Металла

С изложения той периодизации исторических процессов, которой придерживается автор, начинается (или должна начинаться) любая книга. В ряду обозначенных нами выше проблем она была обозначена первым номером. Археологическая наука фактически в течение едва ли не двух последних столетий и доныне пользуется установками знаменитой триады веков датчанина Христиана Томсена (1788—1865) — **«каменный — бронзовый — железный»**. Около 150 лет назад идеи относительной хронологии продолжил развивать великий французский химик Марселен Бертло (1827—1907). Прделанные им анализы различных по археологическому возрасту металлических изделий выявили немалое число не только бронз (сплавов меди), но также чисто медных изделий. В согласии с традиционной аксиомой, что все развитие проходит путь от простого к сложному, М. Бертло решил, что эпохе бронзы предшествовал век меди, когда технология сплавов на медной основе была еще неведома людям. Тогда родилась и повсеместно укрепилась идея медного века — предтечи века бронзы. Однако позднее выяснилось, что реальная картина выглядит много сложнее.

«При безоговорочном использовании принципа М. Бертло практически не удастся выделить единого периода медного века для всей зоны культуры ЭРМ. Этот принцип позволяет строить региональные периодизации фактически лишь для каждого более или менее крупного региона. Однако вряд ли локальные периодизации смогут ныне удовлетворить археологическую науку. По всей вероятности, принцип подразделения ЭРМ на крупные хронологическо-стадиальные периоды или же века может быть определенным образом изменен. При этом историко-металлургические признаки, составляющие фундамент такой периодизации, должны иметь, по возможности, самое общее значение, а смена комплексов этих признаков иными — носить скачкообразный характер.

В настоящее время, например, для пространств Центральной и Западной Европы, с одной стороны, и для стран Восточного Средиземноморья, включая Западную Азию и Южно-балканские территории, с другой, чаще всего используют две трудно сопоставимые системы периодизации. В основе каждой из них лежит постулат, что древнейшие периоды использования металла на каждой территории необходимо обозначать периодами медного века (энеолита, халколита), невзирая на истинный характер использованного металла (медь или бронза) <...>.

Стремление преодолеть пестрый калейдоскоп локальных периодизаций и выработать принципы для возможного создания общей периодизации ЭРМ заставило нас вновь обратиться к феномену металлургических провинций как наиболее крупных историко-производственных систем древности, как обширнейших объединений мощных родственных металлургических и металлообрабатывающих центров. Возникновение и распад многих металлургических систем такого рода практически всегда знаменовали кардинальные рубежи в истории ЭРМ, равно как и финал самой ЭРМ. Специально подчеркнем, что формирование и распад провинций обозначали не только чисто металлургические перемены. Они никогда не были изолированными, но всегда и везде совпадали и были тесно связаны с другими важнейшими историческими событиями <...>.

После всего сказанного мы можем сформулировать основной принцип отличия медного века от века бронзового. К медному веку относятся археологические культуры и связанные с ними очаги металлургии и металлообработки, входившие в металлургическую провинцию, все очаги которой производили орудия и оружие из металлургически «чистой» меди или же сплавов естественного характера. К бронзовому веку относятся культуры и соответствующие очаги, входившие в систему металлургической провинции, центральные и основные очаги которой производили исключительно или же преимущественно орудия и оружие из бронз или же искусственных сплавов меди с оловом и другими элементами...

Я являюсь сторонником всеобщей периодизации ЭРМ, попытка создания которой для Северной Евразии и представлена в настоящей книге. Такая периодизация должна повести, например, к признанию, что самым общим периодом для всей зоны ЭРМ — времени ее территориального апогея — является поздний бронзовый век» (АМ-92: 11, 12, 15).

С такими мыслями мне приходилось обращаться к своим читателям и тридцать, и двадцать лет назад. В настоящей книге я подкрепил предложенную схему членения общей периодизации Эпохи Раннего Металла в Евразии множеством новых наблюдений и заключений. Однако очень важная и болезненная проблема соотношения двух основных подходов к периодизации — генеральной или региональной? — сохранилась почти в непоколебленном состоянии вплоть до настоящего времени. Понятно, что в случае признания генеральной периодизации ЭРМ в качестве исходной, региональные периодизации должны подчиняться первой и создавать собственные локальные схемы, исходя из ее основных установок. По крайней мере, именно таким правилам подчинена, скажем, периодизация палеолитических культур эпохи плейстоцена. Там ведь никто не пытается определить относительно хронологическую позицию древнейшего в том или ином регионе палеолитического поселения как относящегося к периоду олдова-на или хотя бы ашеля. Вот, к примеру, стоянки Сунгирь или Зарайская: в бассейне верхневолжских рек они древнейшие, но все исследователи согласно относят их к позднему (верхнему) палеолиту. Археологи-палеолитчики лишь стараются как

можно более четко наметить место этих памятников в регионально-хронологической свите культур. Однако в бесконечных пластах культур ЭРМ поразительно часто древнейшие в том или ином регионе и маловыразительные находки меди будут относить к медному веку, хотя их абсолютная дата может относиться, скажем, к рубежу II—I тыс. до н. э. Стало быть, те вопросы, что поднимались еще три десятилетия назад, можно ставить по-прежнему, хотя вряд ли надеясь на быстрый успех.

Радиоуглеродная хронология и парадигма современной археологии

Теперь мы перейдем ко второй из обозначенных выше проблем — к абсолютной хронологии на базе методов ^{14}C . Сходные вопросы кратко затрагивались и тридцать лет назад:

«На страницах этой книги читатель сравнительно редко встретится с развернутым обоснованием датировок: это специальные вопросы, требующие привлечения специфической аргументации. Сравнительно мало места будет уделено выделению дробных хронологических горизонтов для материалов тех или иных археологических культур, что так часто можно встретить во многих археологических статьях и монографиях. Эти дробные членения, как правило, чрезвычайно дискуссионны, и я опирался на них лишь в случае достаточной уверенности в их надежности. Чаще всего мне приходилось оперировать более крупными хронологическими подразделениями, которые представлялись мне гораздо более аргументированными для большинства североевразийских археологических культур. При определении абсолютных дат для памятников и культур медного, раннего и среднего бронзовых веков была положена система калиброванных радиоуглеродных определений возраста. Для эпохи поздней бронзы в большинстве случаев более надежными казались уже иные хронологические реперы, опирающиеся на традиционные методы археологического исследования, хотя нередко удавалось привлечь и радиоуглеродные даты» (АМ-92: xxii).

Не подлежит сомнению, что за три десятилетия чрезвычайно много изменилось в приемах и заключениях при построении временных шкал на базе калиброванных радиоуглеродных датировок. Правда, и до сих пор многие предпочитают опираться на единичные некалиброванные даты, но такие работы встречаются в литературе все реже и реже. Без сомнения, следует признать, что за это время наиболее жестокий удар прежней археологической парадигме нанесла именно целостная система радиоуглеродного абсолютного датирования. За прошедшее время метод определения календарного возраста анализируемых образцов на базе анализа изотопа ^{14}C стал, безусловно, доминирующим в современной археологии. Чрезвычайно широким кажется теперь и хронологический охват доступного для этого метода материала: от позднего

палеолита вплоть до железного века и даже средневековья, то есть в пределах примерно 50 тысяч лет. Ныне во всем мире произведены и опубликованы уже многие десятки тысяч определений возраста различных объектов, и не только археологических. При этом большая часть произведенных анализов ^{14}C связана по преимуществу с древностями Евразии. Едва ли не обязательной явилась компьютерная калибровка каждого определения возраста с применением методов конкретных программ.

Во время написания АМ-92 все эти приемы, по существу, только-только входили в повседневную практику археологических изысканий. Серии датировок для большинства археологических культур и общностей казались тогда весьма малочисленными. Были слабо разработаны математические методы обработки серий дат для выявления сумм вероятностей (sum probabilities) хронологических диапазонов того или иного комплекса. Однако даже при всех этих недостатках попытки применения всего комплекса этих ставших обычными для нынешнего времени методов уже имели место. Во всяком случае, картина хронологического соотношения основных металлургических провинций на пространствах Советского Союза в прошлой книге строилась на базе радиоуглеродных датировок и даже с попытками учета данных калибровки определений возраста (АМ-92: 10—16, fig. 5).

Предложенное читателям в настоящей книге генеральное хронологическое полотно весьма существенно отличается от опубликованного двадцать лет назад. Ныне в нашей базе данных по определениям возраста для множества евразийских культур — от эпохи Прото-металла вплоть до раннего железного века Евразии — около пяти тысяч датировок. Все составленные для каждой из культур или же комплексов серии датировок подверглись тщательной системной математической обработке. Львиная доля результатов проведенной обработки отражена в хронологических вероятностных диаграммах, представленных в **Приложении 1**.

Появление системно обработанных огромных серий датировок выявило совершенно неожиданные для нас парадоксы. К примеру: появление на широком хронологическом евразийском полотне так называемых «провальных» или же свободных от радиоуглеродных дат столетий (см. главу 11). Или же резкая несогласованность новых хронологических схем с привычными старыми, традиционными. И многочисленные парадоксы подобного рода мы можем объяснить ныне лишь с большим трудом. К парадоксам, но пожалуй, даже большей значимости, относится очевидная возможность заметной корректировки или даже отрицания, столь же традиционной, прежней уверенности в плавном поступательном и, по сути, линейном ходе исторического развития народов и их культур. При обращении к новой календарной шкале гораздо более реальным рисуется ныне как бы «рваный», взрывчатый характер ломаного ритма исторического восхождения культур от простых к сложным. Но ритмы исторического развития мы выделили уже в третью крупную проблему из числа тех, что мы описали в начале этой главы.

Модели развития: трансформация

В предлагаемых здесь относительно кратких разделах мы уделим некоторое внимание наиболее популярному в традиционной археолого-исторической науке взгляду на модель исторического развития — трансформацию. В книге АМ-92 оценки разновидностей в моделях звучали так:

*«Развитие металлургии подчиняется в принципе тем же закономерностям, что и иные элементы культуры, если рассматривать проблему внутренних изменений культуры с методологических позиций. Модели этого развития можно описать тремя основными позициями: **трансформация, скачок, взрыв**. Границы между упомянутыми моделями расплывчаты и условны, однако даже их приближенное определение имеет достаточный резон. При этом само развитие производства и его модель возможно изучать по двум основным каналам: во-первых, рост технологических усовершенствований; во-вторых, территориальное расширение зоны культур, относящихся к Эпохе Раннего Металла.*

Трансформация — наиболее популярная модель для описания процессов развития археологических культур. Такого рода объяснения преобладают в самых разнообразных работах, изучающих общие или частные проблемы археологии. Действительно, трансформация или же постепенное, медленное изменение каких-то стереотипов производства, либо территориального распространения культуры является одной из основных моделей» (АМ-92: 296).

Перед тем как приступить к характеристикам и примерам намеченных моделей развития, обязательно заметим, что именно археологические материалы, отражающие по преимуществу сферу технологии, предоставляют нам возможности наиболее четкой верификации искомых моделей технологических подвижек. Начнем с трансформации или же плавно-эволюционной модели. Исследователи прежних и ныне уже достаточно отдаленных от нас десятилетий именно эту модель считали базовой — если не единственной — при обосновании, например, некогда столь широко распространенной и традиционной теории *«Свет с Востока»* или *«Ex Oriente Lux»* (см. главу 7). Живительный «Свет» проникал с месопотамского юга к соседям-варварам, и тогда они — если, конечно, были в состоянии — осваивали отблеск «Света» и налаживали, как могли, собственное подражательное производство. Так «варвары» демонстрировали нам на сериях конкретных предметов не только исходную модель производства, но и последовательные ступени в трансформации ее развития.

В повседневной практике археологических изысканий и при объяснении характера развития исходят, как правило, именно из модели трансформации. Чаще всего такие заключения сопровождают результаты обработки массового материала:

«Легче всего процессы трансформации проследить, скажем, при статистическом изучении единокультурных типов керамики на многослойных тел-

лях. Трансформация металлических форм в пределах одной культуры или же хронологического горизонта далеко не всегда столь же очевидна. К примеру, она не вызывает сомнений при подробном изучении предметов в громадном числе Карпатских кладов, датированных второй половиной II тыс. до н. э. Уловить же ее на металлических материалах подавляющего большинства культур Северной Евразии существенно труднее» (АМ-92: 297).

Действительно, гигантское число кладов бронзовых изделий в системе производственных центров Европейской металлургической провинции (см. главу 14) с давних пор представляло и представляет донныне для западноевропейских археологов своеобразный и весьма удобный полигон для отработки модели трансформации в сфере металлообработки. Эта модель в археологической среде вплоть до сегодняшнего времени считается наиболее действенной и эффективной.

Удары по аксиоме Оскара Монтелиуса

С моделью трансформации самым тесным образом была связана знаменитая аксиома шведского археолога Оскара Монтелиуса (1843—1921), постулаты которой по существу зиждились на этой модели. В основу аксиомы был заложен принцип перманентной биологической эволюции, который ученый переносил на археологические объекты. В исходной позиции практически любого и связанного с материальной сферой деятельности людей явления лежали, по его мнению, формы простейших вещей, то есть наиболее ранние, а завершали их эволюционный ряд изделия гораздо более сложные и уже по этой причине позднейшие (в этом подходе нетрудно уловить параллель даже с принципом Марселена Бертело). Данная максима шведского ученого оказалась столь привлекательной, что ею безоговорочно пользовались, да пользуются и поныне многие археологи, при воссоздании протяженных линий непрерывного развития каких либо категорий артефактов.

Наиболее ярко это отразилось на воссозданных археологами типолого-эволюционных рядах воображаемого развития в производстве медных и бронзовых предметов. Ведь именно на материалах бесчисленных и богатых вещами европейских кладов эпохи поздней бронзы и строил свои впечатляющие и весьма привлекательные для многих картины О. Монтелиус (к почитателям этого постулата относился в начале своей научной карьеры и автор настоящей книги). В сочетании с аксиомой «Свет с Востока» для очень многих археологов оказалось чрезвычайно удобным вычерчивать эти линии развития от исходных и древнейших форм, прежде всего, в культурах Двуречья или Египта вплоть до весьма развитых типов, локализованных, скажем, уже на юге Скандинавии. Так воссоздавались базы для локальных систем релятивной хронологии многих культур Западной Евразии.

По всей вероятности, с характеристикой общего тренда в развитии человеческой культуры — от простого к сложному, выраженного, прежде всего, в мате-

риальной сфере бытия, спорить не приходится. Возражения возникают лишь относительно строго линейного характера этой тенденции. В реальности и в этой сфере можно было наблюдать крайне неровный, рваный ритм, когда взлеты сменялись падениями или стагнацией, а внезапные смены технологий могли отражать как бы «обратный порядок» развития — от сложного к простому, но гораздо более рациональному. Восходящая линия развития, например, могла — и это не было столь уже редким фактом — непредсказуемо оборваться, и на смену высокоразвитым формам являлись порой упрощенные, иногда даже кажущиеся примитивными типы орудий. На керамических формах это удавалось проследить нагляднее всего. Например, противники прямолинейной трактовки метода Монтелиуса любят до сих пор выставять великолепие форм и выделки глиняных сосудов неолита и медного века в общностях Балканского полуострова на фоне явной примитивизации в керамике культур сменяющих их по времени общностей бронзового века. Более того, могут, пожалуй, продемонстрировать даже существенно более броский пример, когда выставляют, скажем, в один ряд с ранней — изысканной, зачастую расписной — керамикой раннеславянскую посуду — с ее очевидной грубостью форм и отделки, к тому же отдаленную от этой пышности многими тысячелетиями.

Да и в металле нетрудно уловить аналогичные парадоксы. Например, после коллапса скифского мира с его золотым и серебряным великолепием украшений и сакральных предметов мы вряд ли сможем сыскать в степном мире нечто им равное и сопоставимое. Или, скажем, синхронные, но разнонаправленные потоки мигрантов — абашево-синташтинской общности и сейминско-турбинского транскультурного феномена (см. главы 13 и 15). И по формам оружия, и по технологии тонкостенной отливки кельтов и наконечников копий сейминско-турбинские мастера определенно превосходили своих соперников. Но мигранты западной волны по не вполне понятной для нас причине не склонны были воспринимать чуждые им и более высокие приемы металлообработки. Поэтому две модели разных технологических уровней существовали параллельно в течение нескольких столетий.

Пожалуй, в каком-то отношении для нас более важным оказался пример одновременного существования на огромном пространстве культур степных общностей — ямной и катакомбной (см. главу 11). В течение едва ли не сотни лет российские археологи вслед за В. А. Городцовым (1860—1945) фактически без каких-либо сомнений считали катакомбную общность более поздней, сменяющей ямную. Но вот впечатляющие крупные серии радиоуглеродных датировок начинают весьма безжалостно править эту традиционную картину. Оказалось, что примерно в течение шести или даже семи столетий культуры ямной и катакомбной общностей сосуществовали на одном и том же пространстве. Вот только наборы бронзовых орудий у них заметно различались, и при этом технологический уровень катакомбной металлообработки являл себя, безусловно, более развитым на фоне синхронной коллекции медных и бронзовых орудий из комплексов ямной общности.

Принцип О. Монтелиуса и последовавшего за ним В. А. Городцова составлял, к стати, фундамент наших прежних заключений по отношению к периодизации культур времени ЭРМ. Традиционная шкала последовательности культур и общностей была, например, положена также автором в основу английской книги. В ней явная общность связывалась с ранним бронзовым веком, а катакомбная — олицетворяла уже эпоху средней бронзы (АМ-92, главы 3 и 4). В настоящей книге основы прежней периодизации претерпели изменения принципиального характера. Радиоуглеродная хронология, базирующаяся на системно обработанных многочисленных сериях определения возраста, стала наносить тяжелые удары привычным постулатам о линейном пути плавного развития и трансформации древних культур и технологий.

Модели развития: скачок и взрыв

Модель скачка или же рывка занимает промежуточную позицию между моделями трансформации и взрыва. Ее можно распознавать, во-первых, по признакам быстрого развития технологий на базе уже распространенных в конкретном обществе. Судя по всему, эта модель была характерна, например, для производственных центров «истинной» Циркумпонтийской металлургической провинции, сформировавшихся на базе предшествующей системы прото-ЦМП, при переходе от раннего бронзового века к среднему, то есть ко второй и заключительной фазе ЦМП (см. главы 9 и 10). Во-вторых, модель рывка более отчетливо проявляет себя при резком пространственном расширении металлоносных культур, что хорошо можно проследить в процессах распада Циркумпонтийской системы и стремительного охвата новых пространств Евразии зарождающимися центрами Западноазиатской провинции (см. главу 13). Правда, при этом гораздо менее выразительными выглядят черты технологических инноваций в развитии горно-металлургического производства данной гигантской провинции — они, пожалуй, в чем-то ближе к эволюционной модели трансформации. Вместе с тем *«в результате этих наблюдений появляется довольно твердая уверенность, что модель скачка является, в сущности, основной на каждом этапе пространственного расширения зоны культур Эпохи Раннего Металла. А иногда пространственные «прыжки» столь выразительны, что хочется даже говорить о них как уже о настоящих взрывах»* (АМ-92: 297). Однако «взрывы» занимают в иерархии наших моделей место совершенно особое.

Модель взрыва надежнее всего обнаруживает себя в сфере резких технологических сдвигов. Последние возникают весьма неожиданно, как бы с отметки **«zero»**. Предшествующие по времени горизонты культурных блоков достаточно определенно контрастируют с их сменяющимися. Либо признаки сходства с предшествующими материалами носят мнимый, легко оспариваемый характер. Пожалуй, наиболее выразительными примерами древнейших «взрывов» — именно с условного рубежа **«zero»** — явились, безусловно, яркие поселения

и сакральные центры эпохи Прото-металла Восточной и Центральной Анатолии, Северной Месопотамии, Леванта в IX—VII тыс. до н. э. (см. главу 7). То же самое можно связывать с формированием в V тыс. до н. э. Балкано-Карпатской металлургической провинции (см. главу 8).

Древнейшие «взрывы» эпохи Прото-Металла отличал так называемый точечный характер. Феноменальные по своей выразительности признаки новых технологий проявляли себя чаще всего в единственном и неповторимом по выразительности памятнике — либо как поселения вроде Чайоню-тепеси, Иерихона, Кёртик-тепе, Чатал-хёйюка, либо в потрясающем воображение круге каменных стел неповторимого святилища Гёбекли-тепе. Все эти «взрывные» памятники совершенно непохожи друг на друга. Однако всех их роднят между собой яркие вспышки принципиально новых технологий производства и архитектуры. За этими достижениями нетрудно угадать новые идеологические каноны культур. Однако — и это также весьма существенно — спустя несколько столетий их неповторимая культура едва ли не совершенно угасала, не порождая более поздних и отчетливо выраженных клонов.

Истоки Балкано-Карпатской провинции берут свое начало также, по существу, от условного рубежа «зего». Эта провинция отличалась от памятников эпохи Прото-металла не только своим более поздним возрастом. Ей предшествовали культуры до-металлические, по сути неолитические, с очень малым числом медных примитивных изделий. Однако по всем прочим проявлениям их комплекса они оказывались весьма близкими к последующим по возрасту культурам металлоносным. Связанная с этой провинцией металлургическая революция охватывала пространства до полутора миллионов квадратных километров, на которых были сосредоточены поселения и некрополи разнообразных культур. Моделью взрыва автор объяснял формирование этой системы производственных центров и ранее (АМ-92: 297—298). Однако и эта провинция угасла, не оставив явно выраженных наследников. Через некоторое время на ее территории появились производственные центры поздней фазы Циркум-понтийской металлургической провинции (ЦМП), но их продукция не имела в Балкано-Карпатье явных связующих нитей с культурами и производственными очагами предшествующей системы.

Сама же ЦМП также формировалась по модели взрыва. Вернее, это касается ее ранней фазы или же прото-ЦМП (см. главу 9). Внезапное появление на Кавказе и в Анатолии весьма развитой бронзовой индустрии IV тыс. до н. э. явило собой резкий контраст с крайне маловыразительной металлической местной продукцией предшествующего V тысячелетия. Контраст орудий и оружия из бронзы весьма усиливается великолепием украшений и сакральных изделий из драгоценных металлов. Но при этом обратим внимание на бесспорный парадокс: наиболее яркие свидетельства модели «прото-циркумпонтийского» взрыва сосредоточены отнюдь не в регионах их производства, не в горнорудных регионах Анатолии. По большей части они сосредоточены в курганах знати майкопской

культуры, памятники которой не обнаруживают явных свидетельств местного изготовления этих орудий и украшений.

Странный отблеск этого великолепия мы застаем на Арслантепе — в бронзовом оружии знаменитых «Царской могилы» и «Зала оружия» (см. главу 10). Но ведь именно на Арслантепе и располагались некоторые мастерские, где местные мастера отливали и отковывали эти мечи и наконечники копий. Однако и здесь нас ждет парадоксальное объяснение: скорее всего, металл из «Царской могилы» и из «Оружейного зала» был напрямую связан с «визитами непрошенных гостей» на Арслантепе из отдаленной области Северного Кавказа, оккупированной агрессивными скотоводами майкопской культуры, которые приемов этой металлообработки совершенно не знали.

Стандарты производства в центрах Циркумпонтийской провинции оказались несравненно более устойчивыми в хронологическом отношении по сравнению с провинцией Балкано-Карпатской. Трансформация технологических приемов и форм изделий стандартов ЦМП протекала в течении трех тысячелетий — то есть IV, III и II тыс. до н. э. И вся эта неторопливая эволюция относительно плавно отражалась на металлургических и металлообрабатывающих центрах Западноазиатской провинции.

К модели взрыва следует отнести также процессы зарождения и формирования Древнекитайской (Шан) металлургической провинции (см. главу 16). И в этом случае, равно как и для прото-ЦМП, примитивная технология предшествующих периодов выглядела резко контрастной с величием бронзовых отливок сакральных предметов и оружия. Возникнув в первой половине II тыс. до н. э., весьма характерные для провинции Шан технологические стандарты продолжали свое непрерывное развитие в последующий трехтысячелетний период.

Модель взрыва лежала в основе зарождения сейминско-турбинского транскультурного феномена, и к этой мысли автор склонялся уже в своей ранней книге (АМ-92: 297—298). Формированию феномена предшествовали производственные, хотя и не очень выразительные металлургические центры афанасьевской культуры. Сейминско-турбинские бронзы с более ранним афанасьевским металлом не имели ничего общего, и взрыв здесь происходил как бы совершенно внезапно и изолированно от предшественников (см. главу 15). Стремительный бросок мигрантов на запад отчетливо маркирован находками их неповторимого бронзового оружия. Однако сколько-нибудь отчетливых импульсов для грядущего развития сейминско-турбинских стандартов на всем многотысячекилометровом западном маршруте этих групп заметить не удастся. Исключение составлял так называемый самусь-кижировский тип культуры, рассеянной в болотистых лесах Западной Сибири, но и она довольно быстро затухла. В предполагаемом же исходном ареале этого феномена — в Синьцзяне, на Алтае и Восточном Тянь-Шане — наблюдался странный временной перерыв, после которого в более поздней культуре карасукского типа начинается производство ряда форм бронзового оружия, восходящих к сейминско-турбинским стандартам.

Западную же череду феноменов сходного порядка венчал фантастический по мощности и разнообразию проявлений взрыв при формировании неохватного скифского мира (см. главы 18 и 19). Не только большинство новых технологий этого мира, но фактически все его идеологические каноны оказались нацеленными на едва ли не полное отрицание господствующих установок мира предшествующего, связанного с Западноазиатской металлургической провинцией.

И наконец, еще раз подчеркнем особую специфику вспышек во множестве перечисленных случаев. Резкий взлет сменяется более или менее протяженной во времени стабилизацией, после которой очень часто следует распад или же довольно быстрое угасание культур — носителей этого феномена.

Поиск истоков технологических инноваций и проблема миграций

Технологические взрывы, поиск их истоков, равно как и судеб, складываются в стужку одних из самых трудных, но вместе с тем и увлекательных вопросов. Зачастую розыски этих изначальных и ведущих к «вспышкам» импульсов стараются связывать с миграционными волнами. Сходные процессы переселения популяций стремятся считать базовыми уже при сокрушении исходного характера культуры. Поэтому хотя бы очень кратко обратим внимание на достаточно запутанную проблему переселений племен и народов, о чем шла речь и в нашей ранней книге.

«Переходя к теме взаимосвязи массовых переселений и распада систем, я хотел бы оговориться, что миграции далеко не всегда являются базовой причиной деформации и разрушения культуры. Может быть, существенно чаще, передвижения популяций вызываются причинами внутреннего состояния обществ, нарастания каких-то глубинных, но скрытых от глаз процессов, требующих изменения ряда социальных структур <...>. Хотулишь подчеркнуть, что миграция — это такое состояние культуры, при котором создаются условия, чтобы ее внутренние изменения протекали наиболее динамично <...>. Миграции в мире свершаются постоянно. Однако здесь пойдет речь о периодах массовых передвижений, когда последние свиваются в тесно сплетенные «пучки», когда популяции как бы сталкивают друг друга с привычных мест обитания. Такие периоды чаще всего именуются эпохами «Великих переселений народов».

В мировой историографии обычно обсуждают два великих переселения и связанные с ними последствия. Первое и раннее приходится на конец II и начало I тыс. до н. э. Оно хорошо известно по материалам письменных источников из Восточного Средиземноморья. Более позднее великое переселение, относящееся к средним столетиям I тыс. н. э. еще более оживленно дискутируется в исторической, а также в археологической литературе» (АМ-92: 302).

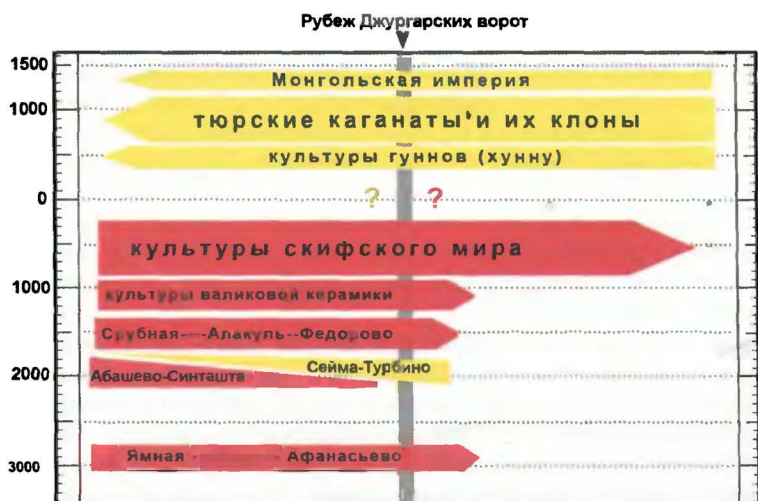

Рис. 38.1. Ритмы массовых миграций в Западной Азии на Восток и с Востока на Запад вплоть до начала Нового Времени: схематическая диаграмма

Каковы же те сдвиги, что наметились в оценках этих процессов за минувшие десятилетия? При этом ниже мы будем упоминать лишь о самых крупных, действительно массовых и многотысячекилометровых переселениях. Так, наиболее динамичными культурами в миграционной активности, конечно же, и почти непременно являлись мобильные скотоводы Степного Пояса. На их фоне энергия передвижений оседло-земледельческих культур выглядит маловыразительной. Инициация массированных передвижений пастушеских народов чаще всего могла быть сопряженной с нарастающим могуществом некой культуры и осознанием ее носителями собственной мощи. Вот, например, близкие к истинным слова Тоньюкука, одного из лидеров Восточного Тюркского каганата о своих соплеменниках-кочевниках: *«Когда сильны — идут вперед, когда слабы — уклоняются и скрываются»*. Так может звучать своеобразный эпиграф при объяснении подобного рода явлений.

По-видимому, массовых переселений было гораздо больше, нежели считалось ранее. Мы говорим теперь о последовательно накатывавшихся встречных волнах массовых миграций с Запада на Восток и обратно. Первоначально — в так называемом «археологическом периоде» — доминировали четыре западные волны, и самая могучая, по сути, финальная в этом ряду, оказалась связанной со скифским миром. Но перед этим лишь одна, но весьма яркая волна последовала с Востока на Запад: с ней был связан знаменитый сейминско-турбинский транскультурный феномен. Однако уже в «историческом периоде» возобладала

до господство трех последовательных волн с Востока: гунны, тюрки, монголы (рис. 38.1).

Наиболее впечатляющие сгустки миграционных волн, признаваемые обычно за «Великие переселения», почти всегда могут быть скорее всего связаны с тяжелыми кризисами базовых социальных систем, служивших до тех пор своеобразными и надежными якорями стабильности на гигантских пространствах Евразии. Так, губительный кризис ранних веков I тысячелетия новой эры подорвал фундамент трех важнейших опор устойчивого статуса того мира — Римской империи, Парфянской державы и империи Хань. Судя по всему, великое переселение народов середины первого тысячелетия и явилось во многом следствием этих кризисных столетий.

Стремительные миграции пастушеских народов практически никогда не приводили к вспышкам и взрывам новых технологий в производствах, — и я хотел бы подчеркнуть это особо. Кроме широкого распространения всадничества они могли наиболее выразительно отражаться и отражались, прежде всего, на идеологической сфере: к примеру, в стремительном распространении ислама, или же при возведении могучих надмогильных сооружений и др. (см. главу 5).

К технологическим взрывам за пределами Ядра привели лишь массовые переселения Нового Времени — уже за пределы Евразии. События сходного плана затронули также обитателей северного, лесного домена культур охотников и рыболовов этого материка вслед за появлением здесь российских «первопроходцев» — казаков, купцов и, позднее, промышленников. Однако процессы европейской колонизации уже не имели ничего общего с переселениями мобильных кочевых культур предшествующих периодов. Европейские устремления к заокеанским пространствам иных континентов, а российская колонизация к сибирским просторам, привели к кардинальным переменам в характере общностей практически всего обитаемого мира нашей планеты. Для множества тех культур, что обретались за пределами евразийского Ядра, появление в их жизненной сфере носителей принципиально новых технологий и идеологических постулатов действительно было сходно с эффектом взрыва, но взрыва жестокого и губительного. Ведь первым делом и практически всегда завоеватели требовали от аборигенов отнюдь не освоения непонятных для них производственных технологий, но, прежде всего, дани, а также принятия абсолютно новых и чуждых туземцам идеологических постулатов.

Однако в любом случае — и я хочу подчеркнуть это особо — миграции каких-либо популяций всегда были отражением особого состояния общества, решившегося на эти зачастую неведомые пространственные броски. Дальние миграции — это всегда риск оказаться в мало или же совершенно незнакомом экологическом и социальном окружениях, которые вряд ли испытывали к переселенцам дружелюбные чувства.

Глава 39

КУЛЬТУРА И ЕЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА

Нормативный фактор

Перед обсуждением ряда позиций относительно идеологической базы древних сообществ, напомним вкратце о тех формулировках понятия культуры, которые были представлены уже в первой главе монографии. Формула культуры охватывает практически все аспекты бытия любого социального организма. Ее структура включает в себя как социальное устройство общества, так генеральную направленность и технологию материального производства. К ее узловым деталям относится также и средство общения между людьми — язык. В базовых основах культуры заложено доминирующее в обществе мировоззрение, представляющее собой систему взаимосвязанных постулатов, равно как и формы выражения последних.

Идеология — феномен всеохватный и всепроникающий. Именно в ней заключено понимание обществом устройства окружающего мира. Отражение идеологических позиций на всех проявлениях культуры, включая, конечно же, ее материальную сторону, не может вызывать сомнений. Однако уловить это воздействие и корректно разгадать степень его отражения на всем бесконечном разнообразии археологических древностей совсем непросто. Именно в сфере этих реконструкций зачастую и зарождаются в научной среде археологов и историков наиболее жаркие диспуты.

Начало кардинальных сдвигов в понимании человеком окружающего мира следует возводить, скорее всего, уже к эпохе верхнего палеолита (рис. 39.1). По всей вероятности, уже тогда люди начинали догадываться, что их земная жизнь кратковременна; что существует также и жизнь внеземная, возможно, вечная; что, может быть, обе эти жизни — со всеми их удачами и бедами — полностью зависимы от некоей и все определяющей в окружающем их мире Высшей Силы. Этой воистину необоримой Силе подчинено всё сущее на Земле — земля и скалы, горы и леса, вода и ледовые покровы, да и вообще все живое... Ее обитель может таиться не только в земной тверди, но и возноситься вплоть до недостижимых земным тварям небесных высей. Загадочная Сила многообразна и трудно познаваема. Ее необходимо страшиться и чтить — чтить превыше всего. Она требует постоянных жертв и неустанного преклонения. Понимать Высшую Силу дано не каждому. Это дар особый, также загадочный, и им наделены лишь

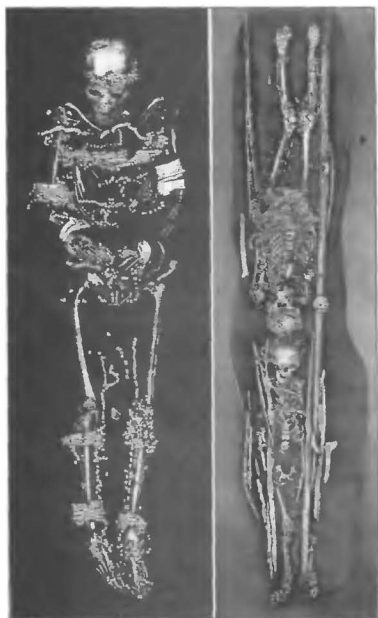

Рис. 39.1. Захоронения людей на палеолитическом поселении Сунгирь близ Владимира в бассейне Клязьмы. Слева: погребение взрослого мужчины. Справа: останки детей, положенных головой друг к другу в узкой и длинной могильной яме; мальчику — примерно 10—14 лет, девочке — около 9—10. Все погребенные были буквально окутаны ожерельями из многих тысяч костяных бусин. Однако, пожалуй, самым интересным оказалось оружие в захоронениях детей: наиболее примечательным здесь было костяное копье длиной около 240 см!

особые избранные — шаманы, жрецы, священники. Они медиаторы между земным, низменным и Всеохватной Силой. Только им дозволено вступать в сношения с Верховной Властью и угадывать ее волю. Но даже эти посредники далеко не всегда в силах понять и осознать желания Всевышнего. Однако при этом именно медиаторы должны определять и определяют в реальности распорядок земной жизни людей, а также весь ритуал их переселения в мир вечный. Так звучало и воспринималось «повеление» Высшей Силы — Демиурга всего сущего. «Ибо мы — Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять», — такими обязательными и доньше звучат для многих заповеди апостола Павла (Гал. 2: 10).

Подобного рода идеологический феномен определяют обыкновенно как религию, независимо от того к какой категории верований ее относят: к шаманизму или анимизму, или даже к вершине всех известных нам верований — монотеизму. В идеологической структуре любой религии обязательно заключен так называемый **нормативный фактор***, и без него никакая культура успешно функционировать и продолжать свой долгий земной путь не в состоянии. Именно нормативный фактор и содержит ответы на вопросы для каждого из членов сообщества: **что обязан делать каждый и что позволено делать каждому?** В этом заключен

более или менее строгий распорядок земной жизни творцов и участников любой культуры. Поэтому возможно расширить общую формулировку этого феномена: культура — это также система **запретов и предписаний**. И скорее всего, именно это составляет важнейшую сущность структуры нормативного фактора. В книге настоящей автор говорил о нормативном факторе в приложении к характеру металлопроизводства, что было в той или иной мере характерным для большин-

* О нормативном эндогенном факторе автор писал и раньше. См. например (Черных 1982; Черных, Венгеров 1984; Chernykh 1982; 1992: 298).

ства культур. Так, в шестой главе некоторое внимание было уделено разительному контрасту между генеральными целями металлургии в Евразии, с одной стороны, а с другой — в Южной Америке. Идеологическое и едва ли не всепоглощающее воздействие на характер металлопроизводства в американских Андах сказывалось на удивление ярко.

Нормативный фактор может передаваться из поколения в поколение изустно — и тогда его обычно именуют «обычным правом» (или правом по обычаю). В знакомых с письменностью обществах он чаще всего представлен уже в кодифицированном виде. Люди конкретной культуры обязаны полностью воспринимать обозначенный порядок вещей и соответствующее понимание окружающего их мира. В таком случае их не должна покидать уверенность в полном постижении ими всех желаний и предписаний Высшей Силы. Тогда лицо Всевышнего будет обращено к ним своей светлой стороной; оно отвратит от них все беды и несчастья, обеспечит успехи во всех их деяниях. Неверие в мощь этой Силы и нарушение ее предписаний грозит отступникам местью ужасной и беспощадной. Вот, скажем, какие грозные слова знаменитый персидский историк и высокородный чиновник Рашид-ад-дин вкладывал в уста Чингисхана по адресу его поверженных противников: *«Потому что я — кара Господня. Если бы с вашей стороны не были совершены великие грехи, великий Господь не ниспослал бы на ваши головы подобной кары!»* (см. главу 27).

По всей вероятности, с одной из самых своеобразных и трудно постижимых «вершин» нормативного фактора можно относить иудаизм. Постулаты этой религии не могут не поражать удивительной системной упорядоченностью. В ней 13 кардинальных принципов веры, а также подробный перечень «613 мицвот», разделяющихся на 365 запретов — по числу дней солнечного года — и 248 предписаний, что соответствует уже числу органов человеческого тела (см. главу 19). Соблюдение этого сложнейшего кадастра запретов и предписаний, как верили и верят его последователи, и должно было обеспечивать иудеям как народу богоизбранному особое расположение Яхве.

В реальности культура любого этнического объединения содержит некий обязательный перечень такого рода запретов и предписаний. Но при этом лишь очень немногие этнические группы в состоянии «похвастаться», подобно иудаизму, столь же четко систематизированной и упорядоченной палитрой. Кажется, что именно в этой системе запретов и предписаний и заключен важнейший смысл нормативного фактора существования любого социума и его культуры. Фактор и его требования могут быть предельно жесткими и даже жестокими, а могут быть относительно мягкими, где их предписания кажутся уже размытыми и даже не вполне обязательными к исполнению. Мы можем угадывать характер данного фактора в той или иной археологической культуре по степени унифицированности, скажем, погребальных сооружений в ее некрополях.

Однако люди конкретного социума обязаны сознавать, что их культура, равно как и их понимание мира, являются истинной вершиной постижений, чего

безусловно недостойны прочие общности. Все постулаты иных толкований суть заблуждения, и от них следует отречься незамедлительно и бесповоротно. Подобного рода максима оказалась характерной не только для обществ — приверженцев различных религиозных конфессий. Ее старались неуклонно соблюдать даже внешне антирелигиозные государственные объединения типа Советской империи, где полностью доминировали упрощенно трактуемые постулаты марксистской доктрины. По существу, то же самое можно наблюдать в ряде тоталитарных современных государств планеты, хотя наша жизнь протекает уже в третьем тысячелетии новой эры. Именно в этом, пожалуй, кроются исходные и наиболее загадочные корни того синдрома Нарцисса, или же самолюбования, без которого культура существовать не в состоянии, но который тогда же таит в себе для нее огромную опасность (см. главу 5).

Нормативный фактор и религиозные постулаты Запада и Востока

В этом разделе автор также не склонен отстраняться от воистину вечной темы резких различий в господствующих идеологических системах Запада и Востока Евразийского мира, а также проявлений их толерантности. Об этом шла речь еще в первой части книги (см. главу 3), а в более детализированном виде это было представлено при анализе культур в третьей части книги.

Жесткость и даже вполне очевидная жестокость идеологических систем Запада, воплощенная в трех родственных по своим истокам, но демонстративно враждебных друг другу **авраамических** религий не требует сколько-нибудь пространных доказательств: в таком случае автор будет вынужден повторять тексты многочисленных хрестоматий. Христианская ересь — а именно так воспринимали ее приверженцы иудаизма — сразу же обратила свои мощные и агрессивные стрелы против своей идеологической прародительницы. Зарождение ислама в седьмом столетии стремительно привело к яростной конфронтации этой религии против своих обеих «старших сестер» — иудаизма и христианства. Эта ожесточенная «битва трех» длится уже более 1300 лет, и конца ей не предвидится.

Но не только сражения между собой «трех сестер» привлекают внимание научного сообщества, а также самой широкой публики. Каждая из них в глубине своего внешне монолитного организма таит родственные, но поразительно враждебные компоненты, столь же свирепо сражающиеся друг с другом. Порой даже кажется, что сокрушение ересей объявляется важнейшей задачей и целью каждого из религиозных направлений. К примеру, только в христианстве исследователи насчитывают до четырех десятков еретических течений. Некоторые из них отличались незаурядной мощностью, организованностью и впечатляющим числом сторонников. С ними приходилось бороться даже империям, пуская в ход всю имеющуюся у них силу. К таковым относилась, например, ересь павликиан, то есть приверженцев учения апостола Павла в той трактовке, что была отличной

Рис. 39.2. Резня Варфоломеевской ночи, 24 августа 1572 года. Художник Франсуа Дюбуа, 16 век (Wikipedia)

от официальной — византийской. Борьба Византии с ними в 9 столетии отличалась упорством и исключительной жестокостью. Лишь при императрице Феодоре в 872 году империя смогла отпраздновать победу, когда удалось физически уничтожить до сотни тысяч этих еретиков. Есть ли смысл напоминать в этом бесконечном списке о трагической Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 года, когда было перебито до 30 тысяч гугенотов? Или о Гуситских войнах первой половины 15 века (см. рис. 39.2 и 39.3)? Либо о знаменитом кровавом штурме и взятии Константинополя католиками-крестоносцами в 1204 году? Вряд ли стоит вспоминать и о свирепой неумолимости инквизиции, особенно в ее испанском варианте...

Безграничным предстает на евразийском Западе перечень религиозных войн и битв. Их губительная жестокость трудно объяснима. Сражения под религиозными стягами начинаются почти немедленно вслед за появлением уже первых апостолов веры. Каждый из провозвестников, а также его ближайшие ученики полагают, что только им удалось постигнуть высшую истину. Все остальные — заблудшие по скорбному невежеству и преклонением перед телесными искушениями. *«Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны), ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют»*, — таковы строки из послания апостола Павла галатам (Гал. 5: 19—21). Грехи плоти виновны еще и в том, что не дремлющая дьявольская сила увлекает в свои объятия слабых духом...

Рис. 39.3. Сожжение Яна Гуса 6 июня 1415 года, обманным путем приглашенного на Констанцкий собор с обещанием не чинить ему никакого зла; рисунок в рукописи, первая половина 15 века (Панорама: 91)

Один из самых памятных дней для христианской церкви совпадает с июлем 1054 года, когда была поставлена точка в долгое время назревавшем расколе западной (католической) и восточной (ортодоксальной) церквей. Тогда взаимная ненависть обеих конфессий достигла своего предела, и легатам римского Понтифика — едва не лишенным жизни разгневанной толпой — с трудом удалось скрыться из Константинополя. Глава римской делегации кардинал Гумберт, объясняя прискорбный исход встречи, перечислил римскому Папе десяток ужасных ересей, в которых прочно погрязла восточная византийская церковь: *«Подобно Симонианам, они продают дар Божий; подобно Валезианам, оскоряют пришельцев и производят их не только в клириков, но даже и в епископов; подобно Арианам, перекрещивают тех, кто уже был крещен во имя Святой Троицы, в особенности Латинян; подобно Донатистам, утверждают, что за исключением лишь Церкви Греческой, Церковь Христова и подлинные Жертва и Крещение исчезли из всего мира; подобно Николаитам, позволяют и защищают плотские браки служителей священного алтаря; подобно Северианам, называют зловещим закон Моисеев; подобно Пневматомахам или Феумахам, отсекают в Символе Веры исхождение Духа Святого от Сына; подобно Манихеям, кроме прочего, утверждают, что хлебная закваска одушевлена; подобно Назореям, соблюдают телесную чистоту Иудейскую до такой степени, что отказывают умирающим новорожденным детям в крещении ранее восьми дней по рождении и не подают Причастия женщинам, которым угрожает смерть»* (<http://www.unavoce.ru/library/excommunication/caerularius.html>)

Но вот, спустя более четырех столетий другая страна — уже Россия при Иване III, который после вдовства пожелал обрести новую жену. Она гречанка, но не из Константинополя, ведь уже почти два десятилетия древней столицей Византии владеют неверные. В 1472 году после предварительных брачных церемоний в Риме к Ивану III направилась его невеста Софья Палеолог. Возглавлял высокородную процессию римский легат, который *«... желая иметь более важности в глазах Россиян, во всю дорогу ехал с Латинским крестом: то есть пред ним в особенных санях везли серебряное распятие <...>. Великий Князь не хотел оскорбить Легата, но опасался, чтобы Москвитяне, увидев сей торжественный обряд иноверия, не соблазнились, и желал знать мнение*

Бояр <...>. Иоанн отнесся и к Митрополиту Филиппу, и сей старец с жаром отвечал: «Буде ты позволишь в благоверной Москве нести крест перед Латинским Епископом, то он внидет в единые врата, а я, отец твой, изыду другими вон из града. Чтить Веру чуждую есть унижать собственную» (Карамзин VI: глава 2).

Брак, как известно, состоялся, но сюжет с недопущением в Москву «латинского крыжа» запомнился надолго.

Мы снова в Москве, но в 1610 году. Там царит Великая Смута, чудовищный развал и разруха всего Российского государства. Правящая московская Семибоярщина ведет переговоры с коронным гетманом Станиславом Жолкевским, представителем Польской Речи Посполитой и короля Сигизмунда III, относительно передачи российского престола его сыну католику Владиславу. Представители московского боярства однако требуют: «1) Владиславу не сноситься с Папою о Законе; 2) утвердить в России смертную казнь для всякого, кто оставит Греческую Веру для Латинской; 3) не иметь при себе более пятисот Ляхов; 4) жениться на Россиянке» (Карамзин XII: глава 4). Особенно привлекает в этом странном перечне, конечно же, требование смерти тем, кто оставляет греческую веру в угоду католической. И ведь именно это более всего заботит бояр на фоне катастрофического распада государства и их полной зависимости от польского воинства.

Теперь перенесемся на Восток, в 13 столетие, на многие тысячи километров от Москвы, в другую столицу, но уже необъятной Монгольской империи — в Каракорум. Здесь в 1253—1254 годах удалось побывать посланцу римского Папы монаху-францисканцу Гильому де Рубруку. Его отчет об этом путешествии французскому королю Людовику IX выглядит удивительно детальным и важным для историков. Вот строки о создаваемой в основном побежденными китайцами столице Монгольской Империи:

«О городе Каракоруме да будет Вашему Величеству известно, что, за исключением дворца, он уступает даже пригороду святого Дионисия, а монастырь Святого Дионисия стоит вдесятеро больше, чем этот дворец. Там имеются два квартала: один — сарацин, в котором бывает базар, и многие купцы стекаются туда из-за двора, который постоянно находится вблизи него, и из-за обилия послов; другой квартал катайев [китайцев], которые все ремесленники. Вне этих кварталов находятся большие дворцы, принадлежащие придворным секретарям. Там находятся двенадцать кумирен различных народов, две мечети, в которых провозглашают закон Магомета, и одна христианская церковь на краю города. Город окружен глиняной стеною и имеет 4 ворот» (Рубрук: глава 44).

«В Вербное воскресенье мы были вблизи Каракорума. Как только стало рассветать, мы благословили вербы, на которых еще не было заметно никаких почек. Около девяти часов мы въехали в упомянутый город, воздвигнув крест и развернув хоругвь; через середину квартала сарацин, где находится рынок и

базар, мы добрались до церкви. Несториане вышли нам навстречу с крестным ходом» (Рубрук: глава 41).

Все народы, которых завоевали монголы, могли свободно сооружать свои храмы и кумирни в их символической столице. Весьма примечательно, что религиозные церемонии различных конфессий протекают здесь почти нераздельно. Возможно ли было такое на Западе?...

И вот наступает совершенно непохожий на западные праздничный день. Тогда «...монах со священниками возвращался от двора со своим крестом, а священники — с кадилами и Евангелием. Именно в этот день Мангу-хан [Мунке] устроил пиршество, и у него существует такой обычай, что в те дни, которые его прорицатели называют ему праздничными или какие-нибудь священники-несториане — священными, он устраивает при дворе торжественное собрание, и в такие дни прежде всего приходят в своем облачении христианские священники, молятся за него и благословляют его чашу. Когда уходят они, являются сарацинские священники и поступают так же. После них приходят жрецы идолов, поступая так же. И монах говорил мне, что хан верит одним только христианам, но хочет, чтобы все молились за него. Но он лгал, потому что <...> хан не верит никому, хотя все следуют за его двором, как мухи за медом, и он всем дарит, все считают себя его любимцами, и все предвещают ему благополучие» (Рубрук: глава 36).

Весьма примечательное откровение Рубрука. Вряд ли он позволил бы себе, например, в Риме публично заявить, что хан не верит даже христианскому и священному для монаха ритуалу, как бы приравнивая и этот обряд ко всем прочим — мусульманским или шаманским.

В религиозных церемониях христиан-несториан принимала участие и жена великого хана:

«В день по Богоявлению все священники-несториане собрались до рассвета в часовне, ударили в доску, торжественно пропели утрению, оделись в свои облачения и приготовили курильницу и благовоние. И в то время как они ожидали на церковной паперти первая супруга по имени Котота Катен вошла в часовню с очень многими другими госпожами, со своим первородным сыном по имени Балту и другими своими малютками, и они распростерлись на землю, касаясь ее лбом, по обычаю несториан, а после этого дотронулись правой рукой до всех образов, постоянно целуя руку после прикосновения; после этого они подали руки всем стоящим кругом в церкви. Это — обычай несториан, входящих в церковь» (Рубрук: глава 36).

И наконец, еще один любопытный сюжет. Арабукха — младший брат Менгу-хана, осведомленный о вражде христиан с мусульманами, вопрошает подошедшего к нему христианского монаха, знает ли он сидевших рядом с ними двух вельмож-сарацин? Монах: «Знаю, потому что они собаки; зачем держишь ты их возле себя?» Те возразили: «Зачем ты говоришь нам обидные речи, тогда как мы не говорим тебе никаких?» Монах сказал им: «Я говорю правду, и вы, и

Магомет ваш — презренные псы». Тогда они начали отвечать богохульствами на Христа, но Арабукха удержал их, говоря: «Не говорите, так как мы знаем, что Мессия — Бог» (Рубрук: глава 44).

Любопытно, что чужеродный иноверец, один из элиты завоевателей-номадов, абсолютно безразличный к верованиям иных, вдруг пожелал пригасить ненависть между представителями двух чуждых ему религий — хотя вряд ли преуспел.

Резких различий в идеологических системах Востока и Запада мы достаточно подробно касались в третьей главе. На Востоке также массы людей гибли в различных войнах, зачастую гражданских. И вряд ли их было меньше, нежели на Западе Евразии. Но кажется, что там над сходящимися в битвах армиями никогда не развевались знамена религиозной ненависти. В этом отношении Запад оказывался вне конкуренции.

Жесткость и непримиримость западных мировоззренческих парадигм стала обнаруживаться задолго до оформления трех важнейших авраамических «сестер». Геродот описывает трагическую судьбу весьма видных фигур в обществе скифов Анахарсиса и Скила, в поведении которых их соплеменники увидели измену их идеологическим нормам (см. главу 18). Еще более непреклонными и даже безжалостными выглядели постулаты раннего иудаизма. Вот текст Иосифа Флавия из его «Иудейских древностей» (книга 14, гл. 4, 2), при описании им осады Иерусалима Помпеем в 63 г. до н. э. «В сколь высокой мере у нас развито богопочитание и соблюдение законов, видно из того, что священнослужителей не удерживал от отправления своих обязанностей страх перед осадой <...>. [И даже] когда город был взят <...>, в то время как враги ворвались в храм и стали избивать всех там находившихся, священнослужители <...> не прерывали своего священнодействия и их не могли принудить к бегству ни страх за свою жизнь, ни множество убитых уже товарищей, потому что они были убеждены, что лучше подвергнуться своей участи, оставаясь у жертвенников, чем в чем бы то ни было нарушить предписания законов».

Когда римские власти возвели в государственный и, по сути, обязательный для всей Империи культ обожествления Августа Цезаря, то это вызвало взрыв волнений в Иудее. Тем более, что Ирод Великий всячески потворствовал отступничеству от вековых традиций древних евреев. Особенно ненавистным казалось идолопоклонничество, отчего иудеи все воздвигавшиеся имперские статуи считали мерзкими идолами.

«Ирод все более и более уклонялся от соблюдения древних установлений и обычаев и введением иноземных начинаний подтачивал издревле сложившийся и собственно ненарушимый строй жизни. Так как все то, что раньше поддерживало в народной массе прежнее благочестие, теперь подвергалось презрению, то мы в результате от этого немало пострадали в позднейшее время <...>. Все в негодовании на его беспутство единогласно закричали, что, если они пока сносили многое, теперь они никак не допустят в городе идолов

<...>. При этом они ссылались на то, что это возбранено им их законом» (Флавий 15: гл. 8, 1—2).

Неистовая непримиримость укрепилась и в поздних авраамических «клонах». В 2001 году исламские боевики взорвали и уничтожили в Афганистане две колоссальные и высеченные в скалах статуи Будд, почитавшиеся не только приверженцами этой идеологии и внесенные в перечень ЮНЕСКО. На это последовала примечательная реакция мусульманских авторитетов:

«Спросили шейха Салиха аль-Фаузана: *“Уважаемый шейх, каково ваше мнение относительно поступка джама’ата талибан, которые разрушили статуи? Является ли их решение правильным? Дело в том, что мы слышим от некоторых людей, что они ошиблись в своем решении”*. Шейх ответил: *“Разрушение идолов и статуй — дело требуемое! И так поступал пророк Ибрахим (мир ему) и так поступил Мухаммад (мир им и благословение Аллаха), когда завоевал Мекку. Разрушение статуй для того, кто в состоянии это сделать из числа обладающих властью — является необходимым. Однако, перед этим следует уничтожить места поклонений на могилах! Уничтожил ли талибан места поклонения на могилах?! Если они сделали это и разрушили статуи, то это дело прекрасное. Но если они только разрушили статуи и оставили поклонение на могилах, то они совершили одно благо и оставили то, что намного хуже!”*» (<http://salaf-forum.com/viewtopic.php?f=79&t=4310>)

Шейх как бы выносит порицание бойцам талибана за возможное невнимание к местам поклонения на могилах: их непременно следует разорить. Но у буддистов кладбищ может и не быть вовсе. Вообще же тесная сопряженность нормативного фактора и погребальных ритуалов относится к одной из самых примечательных тем в историко-археологической и этнологической науках.

Нормативный фактор и погребальные обряды

Привлекая внимание читателя к обозначенным в заголовке раздела сюжетам автор как бы намеренно понижает статус затронутой проблематики, делаем его заметно более заземленным. Однако это совершенно не умаляет его значимости. Вопросы сопряженности нормативного фактора с погребальными ритуалами исключительно важны в приложении именно к кочевым и полукочевым популяциям, ставшим важнейшим объектом нашего исследования. Ведь зачастую, а иногда и почти исключительно, наши знания о культуре того или иного кочевого народа исходят только лишь из анализа их погребальных памятников. Именно захоронения, а также около- и надмогильные сооружения могут приблизить нас к догадкам о господствующей в том или ином обществе идеологии. Поэтому для примера обратимся к двум контрастным сюжетам — ведь такого рода сопоставления несходных феноменов помогают, как правило, глубже проникать в суть явлений. И опять-таки даже в этой сфере мы не сможем удалиться от буквально

преследующего нас постоянства в сопоставлениях идеологических постулатов культур Востока и Запада.

Первый пример — обращение к доминанте погребальных подкурганных захоронений скотоводов западноазиатского мира. Наиболее ярко понимание загробного мира оказалось выраженным здесь в ранних курганных культурах Предкавказья и Закавказья IV—III тыс. до н. э. типа майкопской или же марткопидбени. В экстремальном выражении идеология степных народов нашла отзвук в некрополях скифского мира I тыс. до н. э. Судя по всему, не столь уж трудно угадать, что в их представлении потусторонний мир сугубо материален; что он является достаточно точной копией мира земного; что переход в него следует сопровождать обязательной и надежной ритуальной «визитной карточкой», свидетельствующей о мощи и значимости переселяющейся персоны...

Второй и предельно контрастный пример — это идеологическая доминанта кочевников восточноазиатского мира. Мы тщетно будем искать могилы тех, кто стремительно завоевывал гигантские пространства, покрывавшие большую часть Евразии. Нам не найти захоронения тех — вождей или же рядовых всадников, — кто победным многотысячекилометровым маршем во время знаменитого «тысячелетия Востока» от степей и полупустынь Монголии и Синьцзяна проник на Запад вплоть до Балкан и даже до Галлии (см. главу 30). Не раскроются также наши недоумения над загадкой жертвенников-мемориалов сейминско-турбинского транскультурного феномена, где в большинстве случаев отсутствуют кости покойных. Ведь не только в металле, но и в подобного рода мемориалах, но уже двумя или тремя тысячелетиями ранее — еще на рубеже III и II тыс. до н. э. — явила нам свои загадочные черты культура сейминско-турбинских пришельцев на Запад. Скорее всего, именно в этом предстает перед нами столь знаменитый для пастушеских культур Евразии «монгольский синдром» (см. главу 4).

Приведенный восточноазиатский пример со всей очевидностью обнажает перед нами черты полярного различия в понимании на Западе и Востоке посюстороннего и потустороннего миров. Мир земной сугубо материален, а мир другой — уже его полное отрицание. После кончины «восточную» персону ожидает более или менее быстрое освобождение от греховной телесной оболочки и перевоплощение души покойного в нечто загадочно новое, но материально-плотское — человеческое или животное. Поэтому кажется безусловным, что среди этнических ранних групп восточных кочевников господствовали идеологические догмы реинкарнации.

Продолжая размышления относительно идеологии древних культур можно обратиться и к иным примерам. Они будут также отражать странные, труднообъяснимые перемены и трансформации важнейших идеологических постулатов в обширной среде кажущихся более или менее родственными в антропологическом и лингвистическом отношениях крупных групп скотоводческих народов.

Вот, скажем, перед нами хорошо иллюстрируемая, постепенная трансформация взглядов на переход из земной реальности в загробную на западной половине Степного Пояса Евразии. Четвертое тысячелетие: зарождение курганных общностей, надмогильные громады курганов знати майкопской культуры с массой драгоценных предметов в могилах. Третье тысячелетие: постепенное снижение внимания в социумах к масштабам и величию курганных насыпей, равно как и к богатству инвентаря в захоронениях лидеров степных скотоводов Степного Пояса. Второе тысячелетие — курганная традиция в обширном ареале Западно-азиатской металлургической провинции шаг за шагом сходит на нет; воцаряется полукочевой образ бытия; ему вторит унифицированный «демократизм» облика и характера маловыразительных, бедных инвентарем захоронений, равно как и бесчисленных тонкослойных поселений. Археологов начинает заботить полная невозможность выделения из всей массы захоронений могил вождей. Но вот означают ли все эти перемены реальный «демократизм» того общества в тогдашнем степном мире?.. Вряд ли...

К концу второго тысячелетия в западноазиатских степях нарастает очевидная тенденция возврата к кочевому образу жизни; мы начинаем замечать первые, но пока что редкие могилы вождей. И вот связанный с первым тысячелетием до новой эры финал: полное и абсолютное отвержение прежних постулатов, столь ярко проявившееся в буквально всех важнейших инновациях Скифского мира; возвращение к традициям громадных курганов с захоронениями вождей, сопровождаемыми невиданными по богатству и многообразию наборами сокровищ; отказ от прежних традиций в производстве, начало принципиально новых форм металла...

Теперь последнее, о чем пойдет речь и что будет увязано в главе с интерпретацией общего характера культуры социума на базе анализа господствующего погребального обряда. Благодаря тесным идеологическим путам, строго лимитирующим облик и порядок самих ритуалов, этот базовый источник представляется весьма коварным для предлагаемых реконструкций. Отсутствие в захоронениях покойного каких-либо артефактов или же, например, останков животных вовсе не означает их отсутствия в земной жизни. Помещение тех в могилы может вообще находиться под строжайшим запретом. Священной может быть и корова, как в индуизме, но вы никогда не сможете найти костей этого животного ни в захоронениях, ни в кухонных отбросах в ареале господства этой идеологии. Понятно, что подобного рода ограничения могут быть связаны не только с коровой, но и с иными животными. Например, совершенно невозможно встретить костей свиньи в поселениях либо в некрополях, оставленных приверженцами иудаизма или ислама. Но причина данного табу прямо противоположна запрету с коровой в индуизме. Однако идеологический базис всех этих странных явлений останется полной загадкой, если за исключением археологических источников в руках исследователей не окажется никаких иных свидетельств и, прежде всего, письменных документов.

Удивительно странными звучат причины запрета в иудаизме свиньи и ее мяса. «И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря им: скажите сынам Израилевым: вот животные, которые можно вам есть из всего скота на земле: всякий скот, у которого раздвоены копыта и на копытах глубокий разрез, и который жует жвачку, ешьте; только сих не ешьте из жующих жвачку, и имеющих раздвоенные копыта: верблюда, <...>, тушканчика <...>, зайца <...>; и свиньи, потому что копыта у нее раздвоены и на копытах разрез глубокий, но она не жует жвачки, нечиста она для вас; мяса их не ешьте и к трупам их не прикасайтесь» (Левит 11, 1—8). Согласно текстам Талмуда, свинью по ее мерзости мудрецы иудаизма приравнивают даже к «греческой хитрости», то бишь к эллинской мудрости или философии. Такова, например, история конца 2 века до н. э. «о временах, когда воевали друг с другом два принца из рода Хасмонеев. Аристобулос управлял тогда Иерусалимом. И вот армия Ёрканоса окружили город. Ежедневно защитники города спускали со стены державшим осаду войскам сосуд с золотыми динарами. А снизу, взамен, поднимали им животных для приношений в Храме. Так продолжалось до тех пар, пока некий старец не объяснил Ёрканосу, что приношения в Храме обеспечивают противнику способность выстоять. На следующий день, жители осажденного Иерусалима, как обычно, спустили со стены сосуд с золотыми динарами. А взамен враги отправили им свинью. Когда свинья преодолела половину пути вверх, она зацепилась когтями за камни городской стены. И задрожала земля Израиля. И сказали мудрецы: **«Будет проклят тот, кто выращивает свиней и учит сына греческой хитрости»** (Менахот, 64; Wikipedia). Для многих правоверных иудеев обитавшие по соседству самаритяне слыли нечистыми, так что для них **«кусок хлеба самаритянина то же, что свиное мясо»** (Ренан 1: 171). Императив запрета на свинью и свинину в исламе звучит уже намного более жестко и без каких либо пояснений (Коран 5.3).

С культурами мобильных кочевников обычно наиболее остро связан вопрос зарождения и начала всадничества. Надежнее всего решаются вопросы связи культуры с конным скотоводством, если в могилах людей находят скелеты одомашненной лошади, — а ее археологи надежнее всего опознают по характерной упряжной узде. Но если останков лошади нет, а письменные документы о таком способе существования социума не оставляют сомнений? И здесь мы вновь склонны прибегнуть к сопоставлению материалов Запада и Востока. Курганные насыпи скифского мира, и особенно его князей, в горных системах Саяно-Алтая перекрывают, как правило, множество скелетов умерщвленных коней (рис. 19.6). В том же ареале Саяно-Алтая, но уже в «царских захоронениях более позднего времени вождей кочевых народов хунну (сюнну или же гуннов) не встречены останки людей (Полосьмак и др.; Миняев, Сахаровская 2007; см. также <http://xiongnu.atSPACE.com/TsaraamR.htm>). Отмечены лишь фрагменты человеческих скелетов, да чрезвычайно странные человекоподобные куклы (рис. 23.10). Нет

также и костных останков domesticированной лошади — лишь упряжная узда. Кроме того, содержится огромная масса различного и богатого инвентаря в поразительных по своей глубине могильных ямах (рис. 23.7).

Обладание одомашненной и приспособленной под езду верхом лошадьёю могло быть удостоверено не только прямыми, но также яркими косвенными признаками. Так, скажем, в могилах культуры больших майкопских курганов нет захоронений лошади. Но поставим перед собой вопросы: смогли бы без конницы отряды майкопских скотоводов IV тыс. до н. э. обогнуть Главный Кавказский хребет и проделать почти две тысячи километров, заселенных отнюдь не дружественными племенами, достигнув центра ярких культур оседлых земледельцев Восточной Анатолии? А проникнув туда, разрушить, скажем, храм и дворец на Арслантепе? Помимо всего, обложить аборигенов-«фермеров» тяжелой данью, а затем на руинах дворца и храма, на вершине этого огромного холма соорудить могилу своего вождя? И кроме того, снабдить своего вождя в последний путь богатым набором бронзового оружия, но отлитого отнюдь не завоевателями? А потом еще и вернуться назад к предгорьям Северного Кавказа с богатыми трофеями? (см. главы 9 и 10). Мне кажется, что для малоподвижных — без конных отрядов — скотоводов такие «подвиги» были бы попросту невозможны.

В завершении данной главы я хотел бы еще раз подчеркнуть мысль о коварстве и зыбком характере реконструкций общего характера культуры и важных исторических процессов, возводимых лишь на базе простых наблюдений за погребальными ритуалами и церемониями, скованными плотным кольцом зачистую весьма трудно понимаемых идеологических фильтров.

Глава 40

САМОДОСТАТОЧНОСТЬ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУР

Технологические взрывы и неравномерность исторического развития

Финал Великого оледенения Северного полушария нашей планеты означал переход в новую геологическую эпоху — голоцен, совпадавшую с концом эпохи палеолита. Чрезвычайно трудно определить: была ли присущей неравномерность исторического развития различных культур уже в эпоху палеолита? Теоретически это вполне возможно, но как ее доказать и как ее показать? Ведь вариабельность основных деталей материальной культуры палеолитических популяций — особенно на фоне последующих исторических эпох — кажется маловыразительной.

Наиболее яркой демонстрацией начала резких перемен в пост-палеолитический период евразийского голоцена явились, без сомнения, технологические взрывы эпохи Прото-металла в 9—7 тыс. до н. э. Пожалуй, именно они и выявили с очевидной наглядностью начавшуюся и стремительно нараставшую неравномерность исторического развития культур в различных ареалах континента. Это сразу же бросалось в глаза при сравнении материалов с поселений и сакральных центров Восточной Анатолии, с одной стороны, и синхронных им культур Степного Пояса Евразии, с другой. Еще более впечатляющим выглядел этот контраст при обращении к культурам охотников, все еще гонявшихся за последними особями мамонтов в лесотундровой зоне Евразии.

Каждый новый технологический взрыв приводил к расширению ареала металлоносных культур, население которых знало приемы металлургии или хотя бы методы обработки меди и бронз. Своеобразной вершиной этого многотысячелетнего процесса стало формирование так называемого Ядра высокотехнологичных культур Евразии, о чем мы достаточно подробно говорили в ряде глав книги (см., например, главы 12, также 6 и др.). Сложение Ядра привело к пространственной стагнации: в течение около трех тысяч лет его границы слабо пульсировали, а территориальный прирост Ядра выглядел незначительным. Однако именно в его пределах и сконцентрировались наиболее активные и эффективные центры различных инноваций: от открытия металлургии железа, вплоть до развитых социальных структур, информационных систем и т. д.

Не следует понимать, однако, что в пределах Ядра все культуры выглядели вполне равноценными в отношении творческих потенций — это во-первых.

А во-вторых, никакая культура не была в состоянии выдержать постоянного и напряженного ритма в генерировании импульсов, порождавших бесконечный ряд новых и новых идей. Как раз наоборот: именно после взрыва, после участия во «взрывах», культуры как будто теряли свою казавшуюся еще недавно незаурядной энергию, выглядели гораздо менее подвижными, как бы усталыми. Во всяком случае, не столь уж сложно разглядеть как на обширном полотне Ядра загораются, а затем надолго гаснут центры активности. Спустя какое то время мы видим новые вспышки, но их ждет та же судьба. Все это абсолютно закономерно: ведь только приверженность старой историко-археологической парадигме «Свет с Востока» вселяла уверенность, что в Месопотамии находился единый, постоянный и негасимый источник всех истин. Увы, это оказалось не так!

Генерирование новых идей, их волнообразный качающийся ритм, угасание и неспособность к порождению и восприятию инноваций, вероятнее всего, были обусловлены в основном генетическими структурами каждой популяции в конкретный отрезок времени. Эта чрезвычайно волнующая многих тема породила энергичную дискуссию на Конференции «Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования», проходившей в декабре 2012 года в Москве, в стенах Института археологии. В дискуссии, кроме археологов и антропологов, активное участие принимали также генетики. К сожалению, в опубликованных материалах Конференции (см. Мегаструктура Евразийского мира) эту интереснейшую дискуссию удалось отразить очень слабо.

К стартовым столетиям Нового Времени контраст между высокотехнологичными культурами в пределах Ядра и теми — продолжавшими свой традиционный путь бытия — социальными организмами достиг своего апогея. Все они либо не желали воспринимать почти никаких новшеств, либо отвергали их полностью. Так в чем же коренились причины такого неприятия? Ответов на этот вопрос, как правило, не звучало. Чаще всего в научной литературе ограничивались лишь краткой фиксацией либо просто имеющей место неравномерности, либо указанием на ее рост. Подобного рода отказы от инноваций пытались почти без особой аргументации объяснять чисто физическими причинами, — скажем, неготовностью восприятия новшеств в связи с несоответствием геоэкологических условий обитания социума требованиям новых технологий. Признавая пусть частичную справедливость объяснений такого рода, привлечем внимание к иным — уже по преимуществу идеологическим — аспектам данного феномена.

«Самодостаточные» культуры

Вопрос о культурах подобного рода кажется чрезвычайно важным в сфере археолого-исторических древностей. Но сначала уточним понятие «самодостаточной культуры». К этой категории автор склонен относить те сообщества,

которые вообще не воспринимают инноваций или же допускают их в практику повседневной жизни крайне слабо. Они считают свой способ существования либо вполне удовлетворительным, не требующим никаких перемен, либо вообще самым лучшим из всех возможных. Они старательно обособляются от чуждого им окружения — ведь оно враждебное, и от него может последовать непоправимый урон...

По всей видимости, в любом случае основа подобного мировосприятия покоится на синдроме Нарцисса, то есть на самолюбовании, на признании избранного культурой жизненного пути верхом совершенства. Конечно, такая формулировка может показаться очень странной в приложении к весьма отсталым в технологическом отношении социумам. Но тем не менее даже те культуры, что сторонним наблюдателям представляются предельно косными, будут стойко держаться именно своих вековых заповедно-традиционных постулатов.

Феномен синдрома Нарцисса может проявляться в разной форме, вплоть до абсолютно иррациональной. В частности, предельно жесткую, непримиримую позицию он демонстрирует, как правило, именно в идеологической, религиозной сфере. Своеобразным эпиграфом в подтверждении этого могли бы послужить горестные слова наутальских мудрецов (см. главу 33) во время их беседы с католическими проповедниками после испанского завоевания Мексики:

«Вы говорите, что наши боги — ложные боги. Таковы странные слова, что вы говорите. Мы взволнованы ими, мы обеспокоены ими. Ибо наши предки, те, что были здесь, те, что жили на этой земле, не говорили так. <...> Но если, как вы говорите нам, наши боги мертвы, пусть мы теперь умрем».

Самый «богатый» и многочисленный набор самодостаточных культур заселял, безусловно, северные лесные пространства евразийского домена общностей охотников, рыболовов и собирателей. Эти социумы очень мало или же совершенно не интересовались технологическими достижениями своих южных соседей. При этом любопытно, что эти популяции могли достаточно рано быть знакомы со свойствами металла. Они даже умели сами выплавлять из минералов медь — и об этом, к примеру, свидетельствуют материалы лесных культур, раскинувшихся от Финляндии до Среднего и Северного Урала (см. например: Черных и др. 2011: 24—62; и другие работы). Однако и у них трудно заметить сколько-нибудь отчетливо выраженной динамики развития или же стремления к заимствованию каких-либо явно продвинутых в техническом отношении приемов производства.

Повторим, что подобного рода явления можно было объяснять малочисленностью населения таежных зон Евразии, разобщенностью скудных людьми и мастерами групп населения на широких, трудно преодолимых пространствах и т. п. Наверное, эти аргументы справедливы, но насколько?.. Во всяком случае, при появлении в 17—18 столетиях в Сибири и на севере Евразии — уже близ Тихоокеанского бассейна — российских казаков, а затем даже промышленников

и ученых отмечалось, что подавляющее большинство племенных групп этих краев еще не вышло за рамки каменного века.

Еще один пример: чрезвычайно яркие черты металлопроизводства у мигрантов сейминско-турбинского облика, продвигавшихся близ южной границы таежной зоны Евразии, почти никак не заинтересовали обитателей лесных групп. Так называемые «самусь-кижировские» таежные клоны сейминско-турбинских групп представлены как будто довольно похожими комплексами, но и они довольно быстро угасают, не давая отчетливо выраженного продолжения. В связи с историей сейминско-турбинских воинственных отрядов любопытно напомнить еще об одной детали. В сейминско-турбинских жертвенниках-мемориалах мы видим вполне отчетливые следы и свидетельства инкорпорантов встречной западной абашево-синташтинской общности. Восточные всадники-воины вполне толерантны к включению в их ряды своих западных противников. Правда, для нас остается не вполне ясным, использовали ли они формы орудий западных культур в собственной металлообработке. Но довольно определенно можно утверждать, что в противоположность сейминско-турбинским мигрантам абашево-синташтинские металлурги не обнаружили никакого желания воспринимать существенно более высокотехнологичные примеры и образцы сейминско-турбинских бронзовых орудий и оружия (см. главу 15).

Как правило, степные пастушеские популяции, по сравнению с лесными народами, несравненно более активно реагируют на инновации и их воспринимают. Правда, это относится по преимуществу к металлургии, к металлу и металлическому оружию. В противоположном случае они не смогли бы вести непрестанную многовековую конфронтацию с развитыми культурами соседнего южного домена.

Наряду с большой массой северных самодостаточных культур можно привести среди них примеры противоположного характера. Далекие предки венгров, оторвавшиеся от своих финно-угорских лесных истоков, воспринимают сначала полукочевую или даже кочевую модели жизнеобеспечения. Затем после проникновения в бассейн Дуная, в Паннонию, венгры кардинально меняют облик кочевника на оседлого «фермера», сливаясь в этом отношении с массой их окружавших европейских народов.

Укажем также и на очень далекие от Евразии — североамериканские — параллели сходных с угорскими восприятий принципиально новых и кардинальных перемен в стратегии жизнеобеспечения. «Появление в Северной Америке вместе с колонизаторами лошадей обусловило переход ряда индейских племен к кочевому коневодству, что коренным образом изменило весь ход общественного развития», — полагала крупный российский знаток американской литературы по культурам индейцев Ю. П. Аверкиева (1970: 3).

И далее она же: «Современные исследователи степных индейцев не без основания пишут о революции в социально-экономической жизни этих племен, вызванной их переходом к коневодству. В истории этих племен различаются три больших исторических периода: 1) долошадный — до 1600 г.; 2) лошад-

ный* — до 1800 г. и 3) резервационный — длящийся до сих пор <...>. Сначала школу коневодства прошли племена кайова, юта, команчи, благодаря их близости к поселениям испанцев и мексиканцев. У них заимствовали индейцы опыт верховой езды. Это обусловило их быстрое превращение из пеших охотников на бизонов. Кайова, команчи и юта стали затем наставниками в коневодстве более северных племен» (Аверкиева 1974: 257—258).

Доместикация лошади довольно быстро захватила практически все культуры южного домена оседлых земледельцев Евразии. Однако использовалась лошадь по преимуществу в формировании воинских кавалерийских отрядов. В качестве же тяглового животного в обыкновенном, будничном хозяйстве населения ее роль была несравненно меньшей. Автору оказались неизвестными примеры перехода евразийских популяций оседлых «фермеров» к кочевому коневодству.

Евразия и Африка: судьбы прародины человечества

Африка — прародина человека, и, кажется, с этим утверждением согласны ныне все специалисты по древнейшим культурам эпохи плейстоцена в Старом Свете (Деревянко 2009). Появление на Африканском континенте первого пра-человека датируют в пределах 2,6—2,5 миллионов лет назад. Первая волна переселения наших двуногих предков вида *Homo erectus* (человека прямоходящего или же прямоходящего), *Homo habilis* (человека умелого), а также *Homo ergaster* (человек способного к творчеству) из регионов Восточной Африки на юг евразийского материка произошла примерно 2 или 1,5 млн лет (мы об этом кратко уже вели речь в главе 1). Вторую волну переселенцев датируют в рамках около 0,8 млн лет назад. За ней последовала волна третья, которая произошла двумя сотнями тысяч лет позже. Впрочем, некоторые специалисты по палеолиту считают, что таких миграционных волн было не три, а две. Однако к тематике нашей книги подобные сюжеты имеют отношение чрезвычайно отдаленное, и потому мы ограничимся лишь упоминанием о них.

Несколько ближе к нашим задачам проблема возникновения человека современного анатомического облика *Homo sapiens sapiens*. Наиболее ранние датировки его появления в Восточной Африке относят к хронологическому отрезку в 200—150 тысяч лет назад. Вот именно определение этого порога и связанных с ним судеб позднепалеолитического населения и возбуждает наиболее жаркие диспуты в отношении реального или же нереального переселения в Евразию зародившегося там вида современного *Homo*. Моноцентристы уверяют, что именно из Африки, со своей прародины, этот вид и появился в Евразии, и тогда все евразийские *Homo sapiens sapiens* могут считать его своим пращуром. В отличие от них полицентристы — и прежде всего, А. П. Деревянко (2009, 2012) —

* Замечу в скобках, что в русском языке такие определения исторических периодов как «долошадный» и «лошадный» могут вызывать улыбку.

отстаивают точку зрения вполне независимого формирования этого «человека разумного, разумного» в различных регионах южной половины Евразии — от Иберийского полуострова вплоть до Китая. Но опять-таки и эта важная проблема также не вполне созвучна с основной тематикой книги: наш интерес касается более поздних периодов. По этой причине мы обратимся к загадкам культур, возникавших на ранних стадиях голоцена.

Чрезвычайно любопытно, хотя и труднообъяснимо, резкое снижение в эти тысячелетия — уже пост-палеолитической эпохи — активности глобальных тысячекилометровых переселений *Homo sapiens sapiens*. Похоже, что важнейшую роль в этом отношении сыграло обособление четырех материковых анклавов (см. главу 1). По всей вероятности, основной фокус общественной энергии с этого времени оказался, прежде всего, направленным на освоение тех областей, где различные группы новоселов уже успели обосноваться и ощутить себя их хозяевами. Ведь еще совсем недавно в эти регионы никогда не ступала нога человека, а животный мир в них полностью доминировал. То было время, когда люди начинали осваивать новые модели жизнеобеспечения, пригодные для оккупированных пришлыми популяциями регионов.

Итак, Африка — прародина двуногих. С ее пространств на север устремляются последовательные волны мигрантов. Именно они являются пращурами наших далеких предков... Но как же случилось, что совершенно внезапно все эти демографические вливания и инвазии с африканского юга затухают, прерываются, а по сути, и совсем прекращаются? Как понять и объяснить проблему четко выраженного распада или расчленения Африки на две неравные части: южную, что южнее Сахары — примерно 20 миллионов кв. км, и северную — около 10 миллионов кв. км, охватывающую долину Нила и примыкавшую к Средиземноморью (об этом мы также говорили в главе 1). Ведь северная и намного меньшая половина Африканского материка оказалась включенной — пусть периферийно — в ареал закономерностей развития культур Евразии. В противоположность северу континента с этого времени произошло явное обособление и даже изоляция африканских культур, располагавшихся к югу от Сахары, в тропических джунглях и безбрежных саванах. Южноафриканские культуры развивались здесь по закономерностям, весьма непохожим на евразийские мерки. И это продолжалось вплоть появления здесь в 16—18 столетиях европейских колонизаторов, резко искаживших вековые устои этих сообществ.

Африканские представители *Homo sapiens sapiens* с началом голоцена укрылись в областях южнее раскаленных песков и каменистых россыпей Сахары, как бы не желая с тех пор снабжать своими демографическими излишками северные области. Если моноцентристы хотя бы отчасти правы, и последняя миграционная волна из Африки имела место, скажем, 60 тысяч лет назад — то что в таком случае явилось неодолимым и как будто совершенно неожиданным препятствием для более поздних переселений? Почему столь активная в глубочайшей древности прародина человечества вдруг как бы сникла, едва ли полностью утратила свою

былую энергию. Иногда полагают, что в более теплом голоцене Сахара превратилась в особенно знойную и потому неодолимую для переселенцев зону. Однако подобный довод вряд ли можно принимать безоговорочно: люди могли продвигаться и вдоль океанских побережий. Во всяком случае ледовые тундровые и тогда еще никому не ведомые пространства Чукотки и Аляски встречали мигрантов несравненно более сурово. В тех областях популяции подвижных и также весьма «продвинутых» в анатомическом смысле евразийцев успешно штурмовали север континентов, выходя вплотную к побережью Северного Ледовитого океана и даже передвигались вдоль его материковых берегов. Тогдашние евразийские *Ното* заселяли и осваивали всю гигантскую и совсем недавно скованную ледяным панцирем Евразию, а на гораздо более комфортный и как будто внезапно отделившийся от них юг этих первопроходцев северян почему то не тянуло.

Может быть, эту загадку нежданной и многотысячелетней инертности помогут разгадать отдаленные потомки африканских переселенцев, достигших через юг Евразии последнего анклава Восточного Полушария — Австралии. Или же все-таки причины коренятся в пока что совершенно загадочных для нас структурах геномов этих популяций? Но эти сложные сюжеты обсуждать мы пока что не готовы. Однако африканская история вновь заставляет нас обращаться к примерам синдрома самодостаточности в различных культурах.

Австралийские аборигены и их путь развития

Примерно 60 или 50 тысяч лет назад на Австралийском континенте появились первые двуногие мигранты. Их анатомический облик соответствовал виду *Ното sapiens sapiens*, а материальная культура отвечала стандартам верхнего (позднего) палеолита (Деревянко 2011: 6, 228—243). Они прибыли сюда с юго-восточных окраин Евразии, осваивая шаг за шагом острова Малайского архипелага. С обширного острова Новая Гвинея им удалось пересечь примерно полторы сотни километров мелководного и усыпанного россыпью из двух или трех сотен мелких островков Торрессова пролива и добраться до желанной обширной суши, ставшей их родиной. На ней они и провели всю свою долгую жизнь вплоть до прибытия сюда из различных стран европейских мореплавателей-колонизаторов в 16—18 столетиях. Автору представляется безусловным, что такой сложный и опасный путь не могли свершать инертные, лишенные творческой энергии популяции. Ведь сам долгий путь был сопряжен с немалым риском освоения новых пространств, куда до них никогда не ступала нога человека и где до их появления полностью доминировал животный мир. Уже после освоения австралийских территорий мигрантам удалось также перебраться через пролив и овладеть островом Тасмания. Такие переходы по неведомым берегам были возможны тогда в условиях частично обмелевшего океана — ведь гигантские ледниковые щиты Северного полушария требовали и отсасывали огромную массу океанских вод (см. главу 1).

Однако же открывали Австралию в качестве континента в Новое Время на удивление долго. Сначала эти земли материком никто не считал, а именовали их Новой Голландией, поскольку голландские мореходы были первыми, кто составил относительно подробные описания тогда еще неопознанного массива суши. И лишь только в самом начале 19 столетия Австралия обрела свое настоящее имя.

Мореплаватели 16—18 веков ничего не ведали о периодизации культур каменного века, которой в те поры еще не было и в помине. Однако большинство современных этнографов, уже хорошо осведомленных о господствующих периодизациях древнекаменной эпохи, пришли к трудно оспариваемому ныне заключению, что материальная культура аборигенов в момент прибытия кораблей колонизаторов по технологическому уровню в целом вполне соответствовала позднему палеолиту. Хотя при этом некоторые и старались отмечать, что каменная индустрия австралийцев и тасманийцев «на протяжении тысячелетий непрерывно развивалась» (Кабо 1973: 8). Из этого следовал весьма примечательный вывод: на протяжении 60 или же 50 тысяч лет австралийцы так и не сдвинулись принципиально в своем технологическом развитии от момента их героического и рискованного броска через Торресов пролив и появления их на суше нового материка.

Кажется, что первые и наиболее подробные описания облика австралийских аборигенов принадлежат великому британскому мореплавателю Джеймсу Куку, который на корабле «Индевор» в 1770 году обследовал восточные берега Австралии. В отчете о своем первом кругосветном путешествии он много повествует также и о туземцах. Капитан Кук и его спутники стараются вступать в контакты с обитателями Австралии, наладить с ними хотя бы какие-нибудь отношения. Однако почти всегда те противились этому и чаще всего исчезали в густых зарослях на суше или же в мелководных заливах. Их совершенно не интересовали подарки, которые раскладывали британцы в старании привлечь внимание аборигенов. Тем самым они оказывались совершенно непохожими на тихоокеанских островитян иных архипелагов, которые до того посетил «Индевор»: аборигены тех земель с изрядной жадностью тянулись к неведомым предметам. Поэтому крайне любопытным предстает для нас заключительный рассказ Джеймса Кука:

«Судя по тому, что я сказал, кое у кого может сложиться впечатление, что туземцы Новой Голландии самые несчастные существа на земле. В действительности они намного счастливее нас, европейцев: не имея понятия не только об излишествах, но и о необходимых удобствах, за которые так борются в Европе, они живут в блаженном неведении. Среди туземцев царит мир и спокойствие, которое не нарушается неравенством. Земля и море по воле самой природы снабжают население всем нужным для жизни. Жители Новой Голландии не домогаются великолепных дворцов, челяди и прочего; живя в хорошем мягком климате, наслаждаясь свежим здоровым воздухом, они почти не нуждаются в одежде и мало заботятся о ней. Все, кому мы дарили что-нибудь из платья, оставляли его на берегу или в лесу, поскольку не имели представления

о том, как его использовать. Короче говоря, они не ценили ничего, что бы мы им ни предлагали, и не хотели обменивать свои вещи на наши. По-моему, это свидетельствует об их убежденности в том, что у них есть все необходимое, а ничего лишнего им не нужно» (Кук 1960: 370).

Наверное, можно согласиться с мореплавателем, но лишь с одним серьезным исключением. Австралийские аборигены твердо верят, что все посторонние вещи, если их даже потрогать, нарушат их священную договоренность с той Высшей Силой, что опекает их бытие в бесконечной глубине прошедших лет. И тогда эта Сила отвернет от них свое лицо, и в последующих бедах будут виновны, прежде всего, они сами. Скорее всего, именно в этом нашел кристальное отражение важнейший идеологический принцип самодостаточности культур: не нарушайте многовекового устойчивого порядка, иначе на вас обрушатся страшные несчастья... Да и кроме того: вряд ли их бытие даже в их собственном восприятии походило на райское, как думал знаменитый капитан.

Однако в этой связи очень хочется привлечь внимание читателей к чрезвычайно любопытной заочной полемике «двух капитанов» — Джеймса Кука и Уильяма Дж.Л. Уортона. В 1893 году спустя 120 лет после гибели Кука в Лондоне в рамках проекта Гутенберга вышел полный журнал знаменитого мореплавателя о его первом кругосветном путешествии на корабле «Индевор». Редактировал эту объемистую публикацию известный в Британии капитан и адмирал У. Дж. Л. Уортон — гидрограф адмиралтейства. Его же перу принадлежали введение и заметки к тексту книги. В самом конце цитируемого нами выше отрывка из журнала Кука о райской жизни австралийских аборигенов Уортон поместил собственное примечание:

«Возможно, что австралийские аборигены и счастливы в привычных для них условиях, но, без сомнения, их следует относить к самым низам человеческой породы. Убежденные каннибалы, они никогда не желают отказывать себе в удовольствии отведать вкус человеческой плоти. Матери будут убивать и поедать собственных детей, но уже к этим женщинам будут беспощадны их хозяева-мужчины. У них нет руководителей, и земля подразделяется на участки, захваченные различными семьями, которые те считают данные участки своей собственностью. Эти мелкие кланы находятся между собой в постоянной вражде. Их коварное предательство непревзойденно и обусловлено их собственными дикими идеями о независимости: ведь это ИХ земля, это ИХ животный мир и это ИХ генеральное право на все. В их первобытном обществе принято считать допустимым абсолютно любой метод избавления от пришельцев. Джеймс Кук наблюдал их — и мужчин, и женщин — абсолютно нагими, ведущими кочевую жизнь без признаков постоянных жилищ, существующих за счет собирательства фруктов и корней растений или же добытых (разными способами) животных. И хотя весьма распространен жестокий взгляд колонистов, желающих причислить абориге-

нов к подлежащим истреблению диким животным, — те, кому довелось их изучать, позитивно оценивают их умственные способности».

Судя по всему, капитан-адмирал Уортон относился к приверженцам жестокого взгляда колонистов на австралийских аборигенов.

Совсем странный финал: «Мы не Европа? И слава Богу!»

Таким — «Мы не Европа? И слава Богу!» — оказался заголовок недавней статьи известного российского журналиста Максима Шевченко в газете «МК — Московский комсомолец» от 11 февраля 2013 года. Впрочем, подзаголовок статьи выглядел еще более выразительным: «Россия — один из последних оплотов человека и человечества».

Вот лишь три взаимосвязанные цитаты из статьи: «Между Россией и Западом идет война. За человека и то, каким ему быть <...> Россия сопротивляется Западу и тому, что там происходит пока по инерции. Наши начальники всех мастей инстинктивно чувствуют — что-то не так. Сомневаются и не верят глазам и ушам своим. Понимают спинным мозгом, что, имея дело с Западом, они имеют дело с чем-то страшным, что уже никогда не отпустит <...>. Ведь Запад же зачинает, рождает и пестует у нас своих неолиберальных «пост-человеков». Они появляются не от союза мужчины и женщины — от мощной медийной машины пропаганды отсутствия греха и культа потребления вкупе с требованием «общественных прав» и ненависти к православию, исламу, иудаизму».

Здесь приходит на память еще один весьма созвучный отрывок из «Бесов» Ф. М. Достоевского, когда в ночной нервической беседе Иван Шатов — самая трагичная фигура романа — излагает Николаю Ставрогину свои убеждения:

«Если великий народ не верует, что в нем одном истина (именно в одном и именно исключительно), если не верует, что он один способен и призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас же обращается в этнографический материал, а не в великий народ. Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве, или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою. Кто теряет эту веру, тот уже не народ. Но истина одна, а стало быть, только единый из народов и может иметь бога истинного, хотя бы остальные народы и имели своих особых и великих богов. Единый народ «богоносец» — это русский народ».

Современники уверяли, что слова Шатова это и есть убеждения самого Ф. М. Достоевского. Стало быть, по созвучию высказанных мыслей М. Шевченко вполне может претендовать на величие никак не меньшее, нежели у классика...

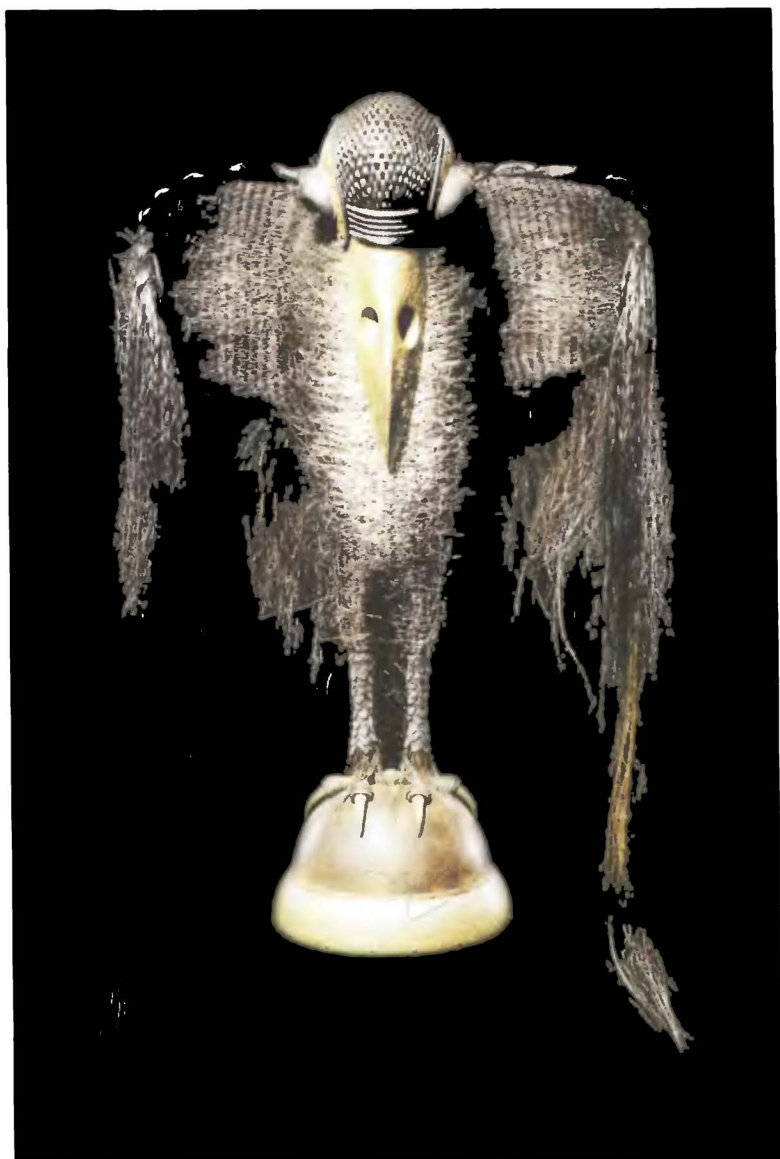
Со столь же неистовым гневом почти тысячу лет назад обличал уже с западных позиций легат римского Папы кардинал Гумберт «погрязшую в клоаке гнусных пороков ортодоксальную восточную церковь Византии». Наверное, имен-

но сходная логика руководила и австралийскими аборигенами, отвергавшими подарки Джеймса Кука; вот только их выражения звучали, надо думать, иначе. Та же логика, но совсем недавно вела к полному запрету в СССР грозящих нам *«буржуазных и враждебных наук — генетики и кибернетики...»*

Синдром Нарцисса вечен, как неизменной кажется вечность опирающихся на него идеологических нормативов... Самодостаточная культура сопротивляется. Ее страшат любые инородные вливания. Такие проникновения суть смертельный яд, — ведь он разрушит все самое дорогое, что культура пестовала в течение веков. Не позволим — никогда и ни за что! Лучше уж глухой и неодолимый железный занавес, тем более что богатый и незабвенный опыт у нас имеется...

И чтобы тексты Максима Шевченко не омрачали финала нашей книги, завершим ее вечными в своей мудрости афоризмами Екклесиаста:

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем».

Приложения

Р

Приложение 1

КАЛЕНДАРНАЯ РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ «ДОПИСЬМЕННОЙ» ЭПОХИ ЕВРАЗИИ

Абсолютная хронология основных периодов так называемой «дописьменной/археологической» эпохи Евразии в настоящее время строится на системном анализе крупных серий калиброванных радиоуглеродных датировок. Об этом шла краткая речь в начале второй и в пятой частях книги (см. главы 4 и 38). Временной «костяк» настоящей монографии опирается на генеральную базу данных датировок по ^{14}C , которая формируется в течение последних двух десятилетий в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН. Общий массив этой базы превышает ныне пять тысяч определений возраста археологических объектов; однако процесс ее наполнения датировками продолжается постоянно. Основная направленность базы устремлена на археологические общности, культуры или отдельные значимые комплексы Эпохи Раннего Металла Евразии (ЭРМ). Однако помимо этого внимание уделяется также сопряженным с этой эпохой по времени и пространству культурам и комплексам эпохи Прото-Металла, неолитическим общностям северных, лесных ареалов, а также степным общностям раннего железного века.

Цель настоящего Приложения, по сути, единственная: дать читателям представление о важнейших, узловых сериях и совокупностях радиоуглеродных датировок, которые явились истинным фундаментом в процессе распределения большинства затронутых в книге общностей и культур по абсолютной календарной шкале. При этом основное внимание уделялось датировкам древностей, входивших в системы трех крупных металлургических провинций — Балкано-Карпатской, Циркумпонтийской и Западноазиатской. Кроме того были привлечены данные по предшествующей этим системам эпохе Прото-Металла, а также последующим по времени степным культурам раннего железного века. Всего в Приложении приведены сведения о распределении 3219 радиоуглеродных калиброванных датировок по 57 различным совокупностям, составленным на материалах упомянутой выше генеральной базы данных.

Вся необходимая информация отражена на диаграммах шести комплексных рисунков (Пр1.1 — Пр1.6). Каждый из рисунков соответствует конкретному и крупному историческому периоду евразийской истории: 1 — Прото-металл; 2 — медный век, Балкано-Карпатская металлургическая провинция; 3 — ранний бронзовый век, Прото-Циркумпонтийская металлургическая провинция; 4 — средний бронзовый век, Циркумпонтийская металлургическая провинция; 5 — поздний бронзовый век, Западноазиатская металлургическая провинция; 6 — ранний железный век, Скифский мир.

На указанных рисунках-диаграммах не могут не броситься в глаза резкие различия в количественных характеристиках демонстрируемых совокупностей: от минимальных — в 7 или 8 — определений возраста (рис. Пр1.3 и Пр1.5) вплоть до чрезвычайно представительных — до 318 и 426 датировок соответственно (рис. Пр1.4). Автор полагает, что специальное упоминание здесь столь малочисленных совокупностей кажется совершенно необходимым для корректной оценки реальности и надежности в определении возраста конкретного археологического комплекса или же культуры.

Распределение сумм вероятностей для каждой из баз отражено на диаграммах следующим образом. Основной прямоугольник, околтуренный прямыми линиями означает диапазон сумм вероятностей определения возраста конкретной совокупности в две сигмы, или же в 95,4 %. Внутри основного прямоугольника всегда располагается один залитый либо черным, либо серым цветом прямоугольник, означающий диапазон сумм вероятностей абсолютного возраста в одну сигму, или же в 68,2 %. В случае единичного окрашенного прямоугольника можно полагать, что распределение сумм вероятностей внутри каждой анализируемой совокупности соответствует нормальному характеру или же близко к нормальному.

Порой внутри основного большого прямоугольника в две сигмы можно видеть две или даже три залитых черным или серым малых фигуры. Это свидетельствует уже о наличии аномалий в распределении вероятностей и их отклонениях от нормального характера. Поэтому в такого рода случаях вероятность в одну сигму, или же в 68,2 %, распадается на две или даже три составляющих компоненты.

Заполнение внутреннего малого треугольника серым цветом ставит цель привлечь внимание к недостаточному — менее 25 — количеству датировок для каждой из совокупностей. Тем самым как бы возникает сигнал относительной ненадежности определения возраста совокупностей подобного рода — ведь малое число анализов очень часто отражается на нестабильном характере распределения вероятностей. Во всех базах, где число датировок превышало 24, малые внутренние прямоугольники заливались черным цветом.

Наши исследования показывают, что в условиях работы с блоками крупных баз данных или же их совокупностей, а также при сопоставлении их друг с другом наиболее рациональным подходом при оценках возраста конкретной археологической культуры или же комплекса можно считать вероятность в одну сигму. Вероятность же возрастного диапазона в две сигмы во многих случаях представляет картину чрезвычайно расплывчатую, что сразу же понижает интерес к подобного рода хронологическим определениям — и в этом можно убедиться, к примеру, при анализе сравнительных диаграмм на рис. Пр1.1:1; Пр1.2: 13, 17; Пр1.5: 6; Пр1.6: 6.

Все аналитические процедуры, связанные с калибровкой всех представленных здесь радиоуглеродных датировок, а также хронологических диапазонов для каждой из 54 совокупностей дат, произведены на базе программы Research Laboratory for Archaeology & the History of Art, University of Oxford (Version 3.10).

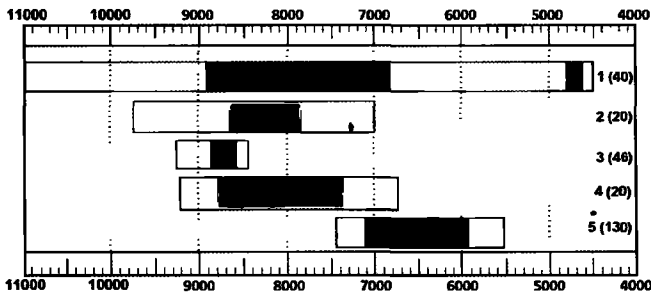

Рис. Пр1.1. Распределение радиоуглеродных датировок по комплексам поселений и сакральных центров эпохи Прото-металла (см. главу 7).

Условные обозначения: 1 — Чайонку-тепеси; 2 — Невали Чори; 3 — Ашикли-хейюк; 4 — Телль Халула; 5 — Чатал-хейюк.

Примечание: в скобках после номера базы обозначено число включенных в нее датировок; это же условие относится и ко всем последующим иллюстрациям настоящего Приложения

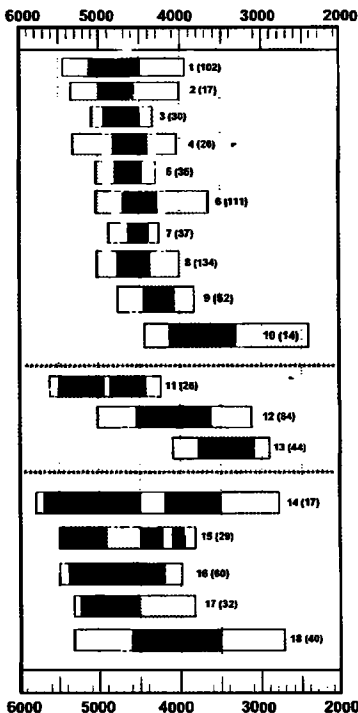

Рис. Пр1.2. Распределение радиоуглеродных датировок по археологическим культурам медного века. Балкано-Карпатская металлургическая провинция (см. главу 8).

Условные обозначения:

Центральный блок: 1 — Винча C-D; 2 — Бутмир; 3 — Тиса; 4 — Караново V; 5 — Херпаи-Чоскалом; 6 — Караново VI—Гумельница; 7 — Варна; 8 — Лендьел; 9 — Тисаполгар; 10 — Бодрокрестур.

Периферийный блок: 11 — Триполье А; 12 — Триполье В; 13 — Триполье С.

Степной блок: 14 — Ракушечный Яр; 15 — Азово-Днепровская; 16 — Днепро-Донецкая; 17 — Хвалынская; 18 — Средний Стог.

Примечание: Не могут не броситься в глаза чрезвычайно заметные различия в характере распространения сумм вероятностей между культурами центрального блока провинции и блока степных культур. На фоне компактных и строго околнуренных диаграмм (и в одну и в две сигмы) распределения вероятностей в культурах центрального блока — диаграммы степных общностей выглядят плохо отвечающим признакам нормального распределения сумм вероятностей возрастных определений. По всей видимости, в этом сказывается чрезвычайно сильное воздействие так называемого синдрома культурной непрерывности. В восьмой главе мы говорили о том, что феномен этого синдрома крайне затрудняет корректную культурную верификацию датированных образцов, что и отразилось на результатах датировок

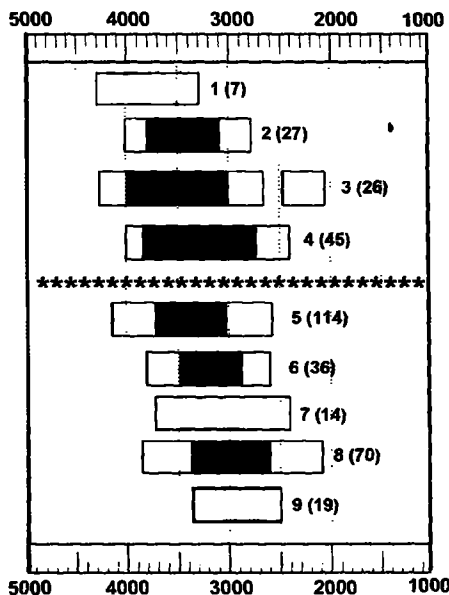

Рис. Пр1.3. Распределение радиоуглеродных датировок по археологическим культурам и отдельным поселениям раннего бронзового века. Прото-Циркумпонтийская металлургическая провинция (см. главы 9 и 10).

Условные обозначения:

Северная зона провинции, блок культур и отдельных поселений майкопской общности —

1 — поселение Мешоко; 2 — прочие поселения; 3 — т.н. степные курганы; 4 — «большие» курганы предгорий.

Блок культур и культурных комплексов в южной зоне провинции: 5 — Поздний Урук (культура); 6 — Арслантепе VIA; 7 — Годин-тепе; 8 — куро-араксинская культура; 9 — Гегарот.

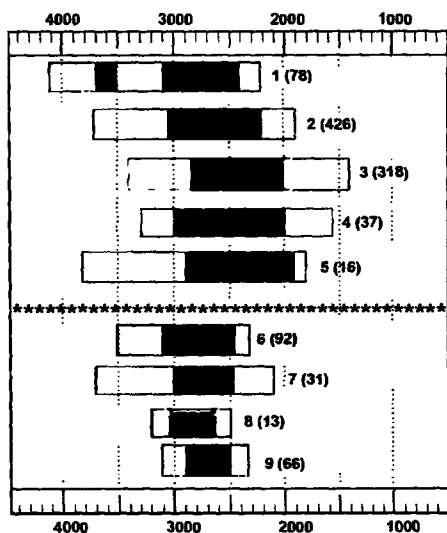
Примечание: Нередко слои отдельных поселений типа Арслантепе в Восточной Анатолии или же Годин-тепе в Западном Иране могут быть включены в систему культуры позднего Урука, а к примеру, Гегарот (Армения) — в куро-араксинскую культуру. Однако это принципиально не влияет на общую картину хронологии в южной зоне провинции

Рис. Пр1.4. Распределение радиоуглеродных датировок по археологическим культурам и отдельным поселениям среднего бронзового века. Циркумпонтийская металлургическая провинция (см. главу 11).

Условные обозначения:

Блок курганных, преимущественно северных скотоводческих культур и общностей: 1 — афанасьевская; 2 — ямная; 3 — катакомбная; 4 — северокавказская; 5 — мартикопи-бедени.

Напластования многослойных поселений южного, оседло-земледельческого домена: 6 — Эзеро-Караново VII; 7 — Троя I; 8 — Арслантепе VI/B2; 9 — Демирджи-хейюк

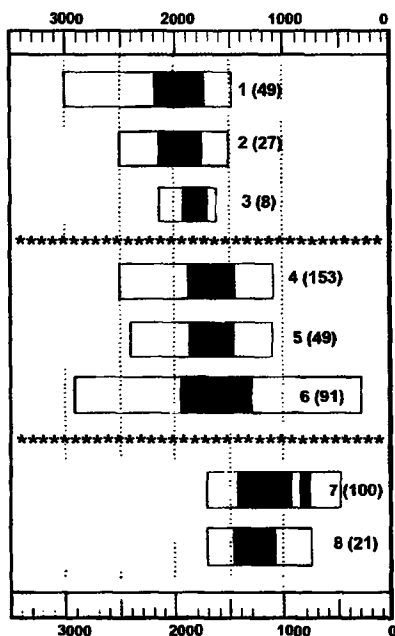

Рис. Пр1.5. Распределение радиоуглеродных датировок по археологическим культурам и общностям позднего бронзового века. Западноазиатская металлургическая провинция (см. главы 13 и 15).

Условные обозначения:

Первая (ранняя) фаза провинции: 1 — синташтинская; 2 — абашевская; 3 — сейминско-турбинская.

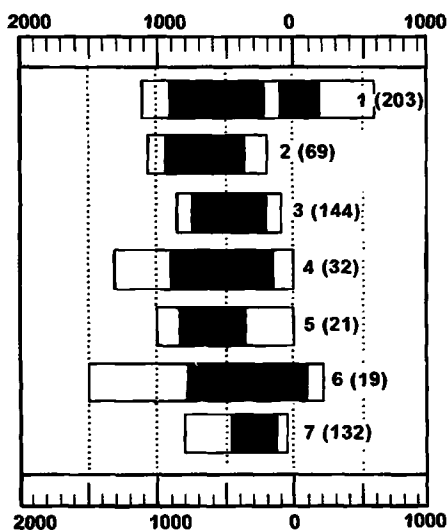
Вторая (средняя) фаза провинции: 4 — срубная; 5 — алакульская; 6 — федоровская.

Третья (финальная) фаза провинции: 7 — западный блок культур общности «валиковой» керамики; 8 — восточный блок культур общности «валиковой» керамики

Рис. Пр1.6. Распределение радиоуглеродных датировок по курганным археологическим культурам и группам некрополей раннего железного века. Скифский мир Евразии (см. главу 19).

Условные обозначения:

1 — тагарская (Саяны); 2 — Аржан и другие (Саяны); 3 — пазырыкская (Алтай); 4 — Южный Урал, савроматская культура; 5 — Северный Кавказ; 6 — Южный-Казахстан (Семиречье); 7 — Северное Причерноморье

Приложение 2

В ЖАЖДЕ БЕССМЕРТИЯ: ЧИНГИСХАН И МИССИЯ МОНАХА ЧАН-ЧУНЯ

Чингисхан: жажда вечной земной жизни

В 1218 году Чингисхан принимает решение перенести свои смертоносные удары с Китайских рубежей на далекий Запад и поразить там «коварных мухаммедан-сартаульцев». И тогда его жена «второго набора», встревоженная Есуй, постаралась напомнить Властителю о главном: *«в мире не вечно ведь все, что родилось. Как семья, народ твой развееется, когда, упадешь ты, владыко, как падает в бурю высокое древо. Кому же ты царство свое завещаешь?»*

Словами своей супруги Чингисхан был немало поражен и «соизволил сказать: «Даром что Есуй — женщина, а слово ее справедливее справедливого. И никто-то ведь, ни братья, ни сыновья, ни вы, Боорчу с Мухалием, подобного мне не доложили! Сам же я видно забылся. **Будто за предками мне не идти! Сам же я видно заспался. Будто бы смерть и меня не возьмет!**» (Сс: 254)

Во всяком случае, мысль о неминуемом конце земной жизни начала мучительно преследовать Чингисхана. Тогда ему поведали, что праведные последователи учения Дао, отшельники, могут достичь фантастических пределов долголетия — вплоть до тысячи лет, а порой и абсолютного бессмертия. Поэтому сразу же вслед за первыми победами над отрядами Хорезм-шаха он распорядился сочинить и отправить на свою далекую родину чрезвычайно любопытное письмо, датированное 15 мая 1219 года. Оно предназначалось 70-летнему даосскому монаху Чан-чуню*.

«Небо отвергло Китай за его чрезмерную гордость и роскошь. Я же, обитая в северных степях, не имею в себе распутных наклонностей; люблю простоту и чистоту нравов; отвергаю роскошь и следую умеренности; у меня одно платье, одна пища; я в тех же лохмотьях и то же ем, что коровы и конские пастухи; я смотрю на народ, как на детей; забочусь о талантливых, как о братьях; мы в начинаниях согласны, взаимная любовь у нас издавна; в обучении тем я напередо других; в ратных боях не думаю о заде. В семь лет я совершил великое дело и во всех странах света утвердил единодержавие. Не от того, что у меня есть какие-либо доблести, а от того, что у гиньцев правление непостоянно, я полу-

* «Путешествие даосского монаха Чан-чуня на Запад» в переводе с китайского П. И. Кафарова (архимандрита Палладия). Труды пекинской духовной миссии», том IV. СПб, 1866.

чил от Небо помощь и достиг престола. На юге Суны, на севере Хой хэ, на востоке Ся, на западе варвары, — все признали мою власть. Такого царства еще не было с давних времен наших — Шаньюй. Но звание велико, обязанности важны, и я боюсь, что в правлении моем чего-нибудь не достает; при том строят судно и готовят весла для того, чтобы можно было переплыть через реки; подобно тому, приглашают мудрецов и избирают помощников для успокоения вселенной. Я со времени наследования престола усердно занимаюсь делами правления, но не видел еще достойных людей для занятия санов 3-х гунов и 9-ти цинов [династия Чжао]. В сих обстоятельствах я наведалься, что ты, учитель, сроднился с истиною и шествуешь по правилам; многоученный и опытный, ты глубоко изведаль законы; твоя святость прославилась и доблести проявились; ты хранишь строгие обычаи древних мудрецов и обладаешь прекрасными талантами высших людей; издавна привитаешь в скалах и ущельях и скрыл себя (от мира); ты прославляешь просвещение предков; ты привлекаешь к себе людей, обладающих святостию, которые, как облака, шествуют к тебе стезей бессмертных в неисчислимом множестве. Узнав, что после войны ты все еще обитаешь в прежнем жилище, в Шань дуне, я беспрестанно думал о тебе. Я знаю пример возвращения от реки Вэй в одной колеснице и троекратной просьбы в хижине. Но что мне делать? За обширностию гор и долин, я не могу сам встретить тебя. Я только схожу со своего места и стою подле; постился и омылся, избрал своего приближенного Лю чжун лу, приготовил легких всадников и простой экипаж, и, не страшась тысяч ли, прошу тебя подвинуть святые стопы твои; не думай о дали песчаных степей; или пожалей о народе, по современному состоянию дел, или из милости ко мне, сообщи мне средства сохранения жизни. Я сам буду прислуживать тебе. Я мечтаю, что ты оторгнешь мне хоть остатки и скажешь мне хоть одно слово; но и этого довольно. Теперь я несколько выразил мои задушевные мысли, надеясь, что они сколько-нибудь ясны в настоящей грамоте. Надеюсь, что ты, проявив сущность великого Дао, сочувствуешь всему доброму и конечно не поперечишь желаниям существ. Посему настоящее повеление должно быть вполне ведаемо, 5-й луны 1-го числа».

Не правда ли — абсолютно удивительное для Чингисхана по своей приниженности письмо, где даже есть фраза: « Я сам буду прислуживать тебе ». Кто и когда в том мире мог похвастать таким? Возможно, что владыка и впрямь надеялся, что далекому и неизвестному монаху ведомы тайны вечной земной жизни?

Чан-чунь Чингисхану

Кто же он — этот даосский монах Чан-чунь? Родился он в 1148 году и прожил большую часть своей жизни в центре «классического» Китая, в Шаньдуне, там где Хуанхэ впадает в Бохайский залив Желтого моря. Он основал даосский монастырь в Пекине и числился среди единоверцев святым и мудрейшим ученым. По стилю творчества его можно относить к мыслителям-поэтам.

Чингисхан из под далекого Самарканда отправил для розыска мудрого монаха — вплоть до предполагаемого места обитания святого старца «своего приближенного

Лю чжун лу с тигроголовой золотой дощечкой, на которой написано было [от имени Чингисхана]: «Предоставляется полновластно распоряжаться, как бы я сам путешествовал»; с ним было 20 человек монголов». Этому приближенному к властителю, кстати, китайцу, предписывалось непременно сыскать монаха и вручить ему послание великого хана.

Нашел он Чан-чуня с трудом, поскольку ему «Даосские монахи говорили, что нельзя сказать, жив ли [он], или нет». Верные сведения он получил лишь от неких чиновников, и тогда он сообщает монаху: «Я хотел встретить тебя с 5 000 солдат, но те чиновники говорили: «Жители страны, от столицы на восток, по получении известия, что оба государства трактуют о мире, несколько успокоились; теперь, если вдруг явиться с войском, то все тамошние жители укрепятся в неприступных местах, да и учитель может уехать в море. Если ты хочешь достигнуть своей цели, то не делай так». — Я послушался их совета и, набрав 20 человек охотников-вершников, отправился [к тебе]».

На послание Чингисхана Чан-чунь ответил своим, но случилось это почти через год после письма великого хана — в апреле 1220 года. Ответ также весьма примечателен:

«Дэн чжоуский из Сися сян, стремящийся к Дао, Цю чу цзи [ток сам себя именуется Чун-чонь], получил недавно Высочайшее повеление издалека. Весь бездорный приморский народ неразумен. Представляя себе, что в делах жизни я туп, в деле изучения Дао не успел, трудился всевозможным образом, состарился и не умер, что, хотя слава обо мне распространялась по государством, но по святости я не лучше обыкновенных людей, внутренне я мучаюсь стыдом; тайные мысли кто ведает? Прежде, из южной столицы и от Сунов несколько раз были ко мне приглашения, но не пошел туда, а ныне, по первому зову Дроконово двора, я иду, почему же? Я слышал, что Цорь одарен от Небо мужеством и мудростью, превосходящею древность и нынешние времена; правота в нем помогает чудесному величию; китайцы и варвары покоряются ему; посему, я хотел было сначала скрыться в горах или уйти в море, но не решился противиться повелению и счел необходимым бороться со снегами и инеями, намереваясь единожды представиться. Я слышал, что ваша колесница только на севере от Хуань чжоу и Фу чжоу; но прибывши в Пекин, услышал, что колесница отправляется далеко, неизвестно за сколько-тысяч ли. Ветер и пыль непрерывны, небо помрачено; а я слаб, не могу выносить трудов и весьма боюсь, что по такому пути не дойду. Если же и буду к Царю, то дела военные и государственные не в моих силах. По духу Дао да надобно обуздывать страсти, а это дело весьма трудное; поэтому я совещался с полномочным Лю чжун лу и говорил, что лучше мне остановиться и обождохть в Пекине, или Дэ син фу, и наперед отправить человека донести о том; но Лю чжун лу не согласился; поэтому я сам вынужден был писать особое донесение. Представляя себе, что я решился исполнить волю вашу и отправился вдаль, на ветры и иней, я прошу Царя зоблаговременно ниспослать милостивое повеление и решить, должно или нет мне ехать. Мы вчетвером поступили в монашество; трое достигли святости; только я попусту слышу за святого. Вид мой высохший, тело истощенное. Ожидаю святого решения. В год Дракона, 3-й луны».

Рис. Пр2.1. Таким представляется многотысячекилометровый маршрут Чан Чуня от заливов Желтого моря до западных отрогов Тянь-Шаня и обратно

В путь на Запад

В 1221 году началось «Путешествие на Запад монаха Чан Чуня, [которое] описано учеником его Чжень Чан Цзы по имени Ли Чжи Чан». Путь до расположившейся где-то близ Самарканда ставки Чингисхана в Средней Азии — не менее пяти с половиной или даже шести тысяч километров (рис. Пр2.1). На родину Чан-чунь вернется тем же путем только в 1224 году. Подобное в двенадцать тысяч (!) километров передвижение по «малокомфортным» пространствам — без дорог, через горы и безводные пустыни — нелегким было бы и для молодого человека. Ну а по отношению к весьма пожилому 72—75-летнему человеку такое путешествие может вызвать только истинное восхищение. Везли его в основном на запряженных быками телегах в сопровождении многочисленного отряда монгольских телохранителей. С монахом двигались также 19 учеников, среди которых находился и Ли Чжи Чан — автор и составитель настоящего описания. По существу, то был относительно подробный дневник всего этого долгого и опасного путешествия. В текст описания составитель очень часто включал также философско-поэтические размышления своего Учителя.

Для нас это сочинение чрезвычайно интересно, пожалуй, несколькими аспектами. Начну с того, что в нем изложены впечатления людей, не имеющих никакого отношения к воинскому сословию. В дневнике отражены их впечатления о тех путях, которыми прорывались на Запад тумены Чингисхана. Прибавлю также, что наши странники никогда и нигде не бывали и ничего не видели кроме своей далекой родины на крайнем востоке Китая. Вот еще одна из причин — почему весь комплекс ощущений от приоткрывающегося для них нового мира кажется нам исключительно любопытным. Здесь очень примечательным окажется сопоставление ожиданий от встречи с новым миром и впечатлений этих восточных путников с комплексом тех умозрительных представлений, которые господствовали на дальнем Западе о Востоке — этом обиталище человекоподобных и омерзительных Гога и Магога, о вместилище мрачной преисподней, набитой человекоподобны-

ми чудищами, пожирающими человеческое мясо и пьющими человеческую кровь (см. главу 21). Контраст предстает весьма разительным.

И наконец, в несколько иных и, пожалуй, более человеческих красках предстает портрет беспощадного Властителя Вселенной Чингисхана. Владыка постоянно заботится об удобствах путешествия и шлет Чан-чуню удивительные своей трепетной заботой письма:

«Во время прогулки в северные горы Ван-шань, возвратился посланец Хэла, отправленный к Чингису с адресом. Он привез учителю повеление, со следующим надписанием: «Чингиса императора повеление даосу, святому учителю Цю»; в повелении сказано еще: «Ты превзошел своей святостью трех мужей; доблести твои чтут во многих странах». Под конец сказано: «Как скоро облачная колесница твоя тронулась из Пын лая, то теперь можно тебе лететь на журавле в Индию. Дарма пришел на восток, запечатлеть истины преданием духа, Лао ши путешествовал на запад просветить и варваров и возвести их на степень святости. Надеюсь, что хотя просторны равнины разделяющие нас, но недалеко время, когда я узрю стол и посох твой. Поэтому я отвечаю на твое письмо, для выражения тебе моих мыслей. Не стану распространяться; надеюсь, ты в дороге спокоен и здоров».

Чан-чунь же взволнован новыми ощущениями от невиданной им ранее природы: *«Настоящее путешествие истинно нелегко, в эту разлуку многое сказал бы; на север я переступлю за хребет Ехулин; на запад дойду до страны чудесных коней; в северных горах нет морских торжищ; там блеклые растения и полосы белого песка; ах, для чего я уже не святой! Как пройти по великим степям!»*

Но вот они достигли северной границы истинного Китая, и монах ее сразу же чувствует:

«Но другой день перешли на север, хребет Ехулин. С вершины хребта мы смотрели на юг и внизу видели Тайханские и другие горы; горный воздух был чудный. На севере был только холод, и виднелись пески да сухая трава. Здесь граница Китайскому духу. Но для души даоса везде хорошо, где бы ни пришлось ему. Сун дэ фан, указывая на белые кости, рассеянные на поле сражения, сказал: «На возвратном пути, я совершу золотой обряд за умерших; это будет доброе дело, которым я обязан путешествию на север, между прочим».

I *Спустя шестьсот пятьдесят лет, судя по всему, именно на этот хребет поднялся российский путешественник Н. М. Пржевальский и немедленно угадал в нем «резкую границу между высоким, холодным нагорьем Монголии и теплыми равнинами собственно Китая» (см. главу 2). Какое любопытное созвучие впечатлений через шесть столетий!*

И вот наши путники передвигаются по просторам до тех пор невиданной ими Монголии: *«Дорога шла по холмистой полосе, извилинами, среди перемежных кочек; куда ни приезжали, повсюду были соленые полосы и лужи стоячей воды; целый день не встретил ни одного путника; в целый год, разве изредка, пробежит возвратный конь; на земле не растет дерево, а только дикая трава; небо*

произвело здесь только холмы, а не высокие горы; хлеба здесь не растут; питаются же молоком; одеваются в меховое платье, живут в войлочных юртах и тоже веселы <...>. Жители переходят с места на место, смотря по тому, где есть вода и трава для пастбища, по возвышенностям и низменностям, не было более ни одного дерева; во все стороны виднелись трелько желтоватые облака и блеклое растение; не переменив дороги, через двадцать с лишком дней, мы, наконец, увидели одну песчаную речку, текущую на северо-запад и впадающую в реку Лу гуй. Вода в речке по брюхо лошади; по берегам ее растут густо ивы. Перешед речку, мы три дня ехали на север и вошли в небольшую песчаную полосу <...>. Далее мы путешествовали десять дней <...>. Мало-помалу показались пики высоких гор. Отселе на запад постепенно были горы и холмы; обитателей весьма много; все они тоже живут в черных телегах и белых юртах. Обычные занятия их суть скотоводство и звероловство. Одеваются в кожаное и меховое платье, питаются мясом и молоком. Мужчины и девушки связывают волосы и опускают их на уши. Замужние женщины надевают на голову бересту, фута в два вышины и весьма часто накрываются сверху черной шерстяной фатой, а богатые женщины — красной сырцовою тафтой; хвосты этих шапок походят видом на гуся или утку и называются гузу; они весьма боятся, чтобы кто-нибудь неосторожно не наткнулся на эти шапки, и входят в юрты или выходят из них, нагнувшись вниз, и задом. Народ этот не знает письменности; договариваются только на словах и заключают контракты нарезыванием меток на дереве. Встретив обед, они без церемонии садятся вместе с хозяевами; во время бедствий, бегут наперерыв; приказаний никогда не слушиваются и, давши слово, не изменяют ему; у них остались следы нровов глубокой древности».

Путники описывают всех этих неизвестных для них кочевников едва ли не в духе и стиле первых полевых этнографов, без какого-либо видимого осуждения их занятий и обрядов. Перед ними обычные люди, хотя и очень непохожие на исконных китайцев. А учитель Чан-чунь выразил как всегда свои впечатления в философских стихах:

«Куда бы взор ни достигал, не видно конца горам и рекам; ветер и туман беспрерывны, и реки вечно текут. Для чего Творец, образуя вселенную, в этих странах повелел людям пасти коней и коров? Они пьют кровь, жрут шерсть, как в глубокой древности; носят высокие шапки и связывают волосы различно от Китая. Святые мудрецы не могли завещать им письменного образования, и они целые века живут беспечно, довольствуясь сами собой».

Во всяком случае, весьма примечательно, что выдающийся российский путешественник Н. М. Пржевальский, посетивший почти те же самые места через шесть с половиной столетий (его имя мы уже упоминали), с гораздо большим негодованием осуждает многие из обычаев аборигенов, которые он мог наблюдать воочию (см. главу 4).

Наконец, перед нашими путешественниками Алтай («Золотые горы») с его параллельно протянувшимися высокими хребтами (рис. Пр2.2). Здесь дорога трудна и опасна:

Рис. Пр2.2. Перевалы через параллельные и протянувшиеся на многие сотни километров хребты Монгольского Алтая крайне трудны и для современных видов транспорта (фото автора 1982 года)

коней».

Скорее всего, рекой, подле которой остановились путники, был Иртыш, его самые верховья. Отсюда Иртыш устремлялся в Джунгарские ворота (см. главы 2 и 3).

Стих же учителя об Алтае как всегда возвышен: «Под холодным ветром, воздух прохладен и чист; как можно описать вид вечернего прозрачного неба? Хочу воспеть величественные красоты здешние, но нет даро; и я напрасно стою перед золотыми горами, освещенными луною».

Перевал через Тянь-Шань

Следующий серьезный барьер это небесные высоты Тянь-Шаня, но до них еще нужно добраться через мало приветливую полупустыню Северного Синьцзяна — Джунгарию. Проводники предупреждают: «Здешние места самые трудные для проезда <...>. Впереди урочище белых костей; все пространство усеяно черными камнями; надобно будет ехать более двухсот ли до северного края песчаной полосы, <...> где только и можем найти воду и траву». Учитель спросил: «Что такое урочище белых костей?» Сян гун сказал: «Это древнее место побоища; утомленные воины, доходя сюда, умирали; из десяти не возвратилось ни одного; это поле смерти. Недавно великая найманская сила также была разбита на этом месте. Проходящие днем, в ясную погоду, люди и кони падают от утомления и умирают; только поднявшись вечером и путешествуя ночью, можно пройти половину пустыни, а на другой день, к полудню, дойти до воды и травы».

Прошли и это. Теперь перед путниками кажущиеся неодолимыми небесные хребты Тянь-Шаня (Инь-шаня). «На другой день мы ехали вдоль Инь шань на запад, переездов десять; переехали также песчаную полосу: песок мелок и при ветре пересыпается в виде воздымающихся волн, то собираясь в кучи, то снова рассеиваясь; здесь нет ни былинки растения; телеги вязнут, кони тонут в песке;

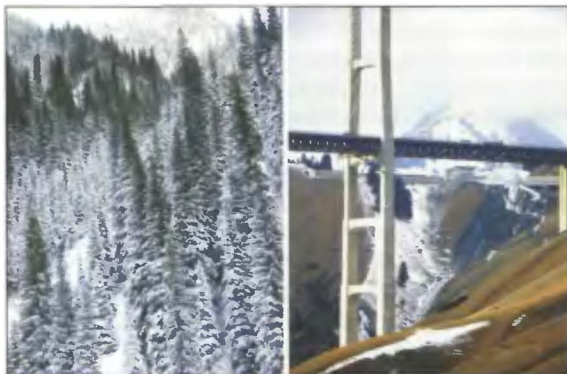
Рис. Пр2.3. Упомянутое Чан-чунем огромное озеро Сайрем-нур подпирает северные склоны Тянь-Шаня

Рис. Пр2.4. Сегодня пересечь северный хребет Тянь-Шаня от Сайрем-нура к долине реки Или возможно лишь через туннель. Видимо, именно здесь и начиналось в 1218 году строительство 48 мостов через эти труднейшие ущелья

Рис. Пр2.5. Поразившие Чан-чуня и его спутников тянь-шаньские ели. Всякий современный мост через глубокие провалы и пропасти этого сложного тянь-шаньского перевала совсем не похож на те, что соорудил восемь столетий назад Чжебейнон со своими воинами

мы вышли из этой степи только через целые сутки... На юг она примыкает к подошве Инь шань. Пройдя пески, мы ехали пять дней и остановились на северной стороне Инь шани. На другой день, ранним утром, мы ехали на юг, по длинному скату, ли 70 или 80, и остановились на ночевье, к вечеру. Воздух был холоден; воды не было. На другой день, рано утром, мы поднялись и поехали на юго-запад; ли через двадцать, мы очутились вдруг у огромного озера, имеющего в окружности около 200 ли; снежные пики, окружая его со всех сторон, отражались в водах озера. Учитель назвал его небесным озером [его современное название Сайрам-нур — см. рис. Пр2.3]. Следуя подле озера, мы спустились прямо на юг; по обе стороны нас стояли отвесные скалы и воздымались пики; густой лес сосен и берез, вышиною более ста футов, в бесчисленном множестве, покрывал горы с вершины до подошвы их [см. рис. Пр2.5]. Потоки воды стремятся в ущелье быстрыми струями и каскадами и извиваются в нем около 60 или 70 ли. Второй царевич [Чагадай?], бывший во время похода с Императором, первый проложил здесь дорогу, пробив скалы, и из нарубленного леса устроил 48 мостов; по мостам могут проехать две телеги рядом. К вечеру мы остановились в ущелье на ночевье. На другой день мы, наконец, выехали из ущелья и вступили в огромную долину, простирающуюся с востока на запад. Здесь воды много, трава богатая; воздух как весной; было немного тутовых деревьев и жужубов. Потом, через один переезд, 9-й луны 27-го числа, мы прибыли в город Алима» [Современный Йинин или Кульджа в старом произношении].

В другом, более привычном мире

За небесными вершинами остались безводные просторы с песчаными холмами и каменистыми россыпями. Почти сразу путников встретил здесь прибывший из ханской ставки посланник с посланием Чингисхана Чан-чуню:

«Святой муж! Ты пришел из страны восхода солнца, пробрался с трудом через горы и долины и утрудил крайне. Теперь я уже возвращаюсь и нетерпеливо желаю слышать толкование Дао; не поленись встретить меня». На имя посланца Чжун лу было следующее повеление: «Ты, с моим повелением, проси его; если ты угодишь моей мысли — после я поставлю тебя на доброй земле». Потом было повеление Чжень хаю: «Ты, сопровождая и оберегая учителя тщательно, заслужил мое благоволение». Вместе с тем, поведено темнику [командующему туменом] с 1 000 латников, сопровождать его при проходе через Железные ворота».

Однако печаль не расстается с Учителем: «Не осуществив стремления к Дао, я весьма боюсь демонов искусителей; на востоке я расстался с приморьем и отправился на запад, где предел течению солнца; не слышал пения петухов и лая собак; на станциях сменялись кони и быки; гор и рек тысячи, и я не знаю, что за места?»

Но вот и первая встреча с Властителем Вселенной:

Хан приветствовал его: «Другие дворы приглашали тебя, но ты отказался; а теперь пришел сюда из-за 10 000 ли; мне это весьма приятно». Учитель отвечал: «Что горный дикарь пришел сюда, по повелению Вашего Величества, то воля неба». Чингис был доволен; он пригласил его сесть и приказал подать ему куша-

ня; потом спросил его: «Святой муж! Ты пришел издалека; какое у тебя есть лекарство для вечной жизни, чтобы снабдить меня им?» Учитель отвечал: «Есть средства хранить свою жизнь, но нет лекарства бессмертия». Чингис хан весьма похвалил его чистосердечие и прямоту».

Однако вряд ли Чингисхан был весьма доволен ответом Чан-чуня, ведь Властителя волновало именно бессмертие в земной жизни. И тем не менее его любезность к монаху не сникла. Может быть, он подозревал в Учителе некую трудно постигаемую тайну: «Переводчик опять пришел с вопросом: «В прежнее время как называли тебя?» Учитель доложил: «Нас было четыре человека, изучавших Дао, под руководством учителя Чун яна; трое уже вознеслись; остался в мире только горный дикарь; люди называли меня Сянь шен». Хан спросил Чжень хая: «Какое дать наименование святому мужу?» Чжень хай отвечал: «Иные, из уважения к кому-нибудь, называют его наставником и святым мужем; другие бессмертным». Император сказал: «С сих пор пусть он будет называться бессмертным»».

Наверное, Чингисхан, повелев именовать монаха «бессмертным», очень желал верить в эту мистическую, но не всем доступную тайну силы Чан-чуня.

Затем Чингисхан отбыл усмирять мятежников. Чан-чунь был вынужден следовать за ним по ущельям знаменитых Железных ворот. Места эти были для него вряд ли были особенно радостными: «На север от реки железные врата еще сносны; но на юг от реки каменное ущелье чрезвычайно страшно. По обеим сторонам возвышаются до небес отвесные утесы, и горный поток стремится холодные волны свои по крутизне. По сторонам дороги разбросаны трупы; прохожие зажимают носы; жалею о длинноухих [ослах], утонувших в потоке. Десять лет, на 10 000 ли, движутся военные орудия; но рано или поздно войска возвратятся и водворятся мир».

Вполне возможно, что Чан-чунь втайне лелеял мечту обретения здесь новой плеяды поклонников учения Дао. Но в этой мусульманской и к тому же сокрушенной монгольским нашествием стране поклонников этого светлого учения не находилось, поэтому в кратком стихе монаха сквозит обида: «Когда учитель жил в подворье, к нему было весьма мало посетителей; он проводил время в чтении книг и прогулках; написал также следующую строфу: «Пришел я из-за Инь шань, за 10 000 с лишком ли, и прошед, на западе, в Дайи, жил полгода. В этих отдаленных странах нравы грубы, трудно толковать им Дао; поэтому я в тихом жилье, на уединенной скале, читаю книги»».

Потом снова были встречи с великим ханом и долгие беседы, когда Чан-чунь пытался просветить Властителя мудростью Дао: «19-го числа, в ясную ночь, Чингисхан позвал его опять; учитель объяснял ему учение. Хан чрезвычайно был доволен. 23-го числа снова пригласил его в палатку, с такими же знаками уважения; он слушал учителя с видимым удовольствием, повелев присутствующим записывать его слова; кроме того, приказал изложить их китайским письмом, для того, чтобы не забыть их. Он сказал присутствовавшим: «Шень сянь три раза объяснял мне средства к поддержанию жизни; я глубоко вложил его слова в сердце; не нужно разглашать их вне». Затем, вслед за ханом, отправились мы на восток; по временам учитель просвещал его учением».

Меня мало убеждает утверждение, что *«Хан чрезвычайно был доволен»*. Это ведь слова принадлежат ученику Чан-чуня, весьма заинтересованному в успехе канонов Дао. Но так или иначе после многомесячного пребывания в едва ли не постоянно меняющей свои места ставке Чингисхана, тот позволил Чан-чуню покинуть его и отбыть на родину.

«Хан сказал: "Я сам пойду на восток; хочешь ли идти вместе?" Учитель сказал: "Лучше мне идти наперед; когда я отправлялся сюда, китайцы спрашивали горного дикаря о времени возвращения; на что я сказал: через три года; теперь все, чего хотел от меня хан, объяснено и кончено"; посему он снова настоятельно просил позволения откланяться. Хан сказал: "Подожди немного, дня три или пять, когда приедут царевици. Когда я пойму то, что осталось непонятым в прежних беседах, тогда ступай"».

Возможно, что решению Властителя отпустить монаха способствовало одно мало-приятное для Чингисхана событие:

«Хан охотился у восточных гор; когда он стрелял в одного большого вепря, лошадь его споткнулась, и он упал с лошади; вепрь остановился вблизи, не смея приблизиться; свитские тотчас подвели ему лошадь; охота прекратилась, и хан возвратился в ставку. Узнав о том, учитель представлялся ему и говорил: «Небо хочет, чтобы мы берегли свою жизнь; теперь у святого лета уже преклонны; надобно поменьше охотиться; падение с лошади есть указание неба; а то, что вепрь не смел подвинуться вперед, есть знак покровительства неба».

Так или иначе, но Чингисхан отпустил Чан-чуня чрезвычайно милостиво, пожаловав ему *«грамоту с императорским указом, с приложением императорской печати. А помощников ему назначил Мэн гу дая и Гэла Бахая, для сопровождения учителя, при возвращении его на восток».*

Встречи с Чан-чунем представляют нам все-таки иной образ Чингисхана. Он совершенно непохож на того, по одному слову которого без малейшего сомнения сокрушают города и предают смерти десятки тысяч неповинных людей...

К озеру Сайрам-нур и через Тянь-Шань восемьсот лет спустя

Обратную дорогу на восток дневник описывает уже весьма скупо. Даже знаменитый тянь-шаньский перевал от реки Или к озеру Сайрам-нур упомянут кратко. Однако вспомним первые впечатления о нем в стихах самого Чан-чуня:

«На востоке Цзинь шань, на западе Инь шань; тысячи отвесов и 10 000 пропастей, их сжимают глубокие потоки; по берегам потоков навалены камни поперек дороги; здесь издревле донине, невозможно было пройти ни колесам, ни коням; но в прежний год, когда возникла война, два царевица устроили дороги, подняли мосты и отвели воду потоков. В нынешнем году, мы, даосы, пробирались на запад и шум от наших телег и топот коней снова раздался в сих местах. Серебряная гора, с железными отвесами, с бесчисленными уступами, с пиками, поднимающимися один выше другого! Прославляю твое спокойное и суровое величие; по восходе солнца, с вершины ее океан кажется близким; при свете луны она воздымается до небесной реки; достигающие до небес сосны, прямые, как черенки

кистей, густые, движущиеся и высокие, поднимаются более чем на сто футов; они в бесчисленном множестве цветут и зеленеют, одна подле другой; ни одна птица не поет; пусто и молчаливо. Горы Янчанские и Мынмынские, превышающие Тайханский хребет, в сравнении с здешними горами, кажутся обыкновенными. Поднимаясь в двух телегах и спускаясь, мы страдали от толчков, — а спереди и сзади нас шли, со страхом, сто всадников; на вершине горы стоит море, — **Небесное озеро**; ровная поверхность его, на сто ли, отражала тысячи видов; придерживая телеги и удерживая лошадей, спускались мы с горы на запад, и через 48 мостов, вниз, спустились на 100 000 футов. На юг от реки и на севере моря [в исконном Китае] и горы бесконечны, виды их беспредельно разнообразны, и общий вид их одинаков; но они не сравнятся с здешними чудными видами, острыми скалами, воздвигнутыми одна над другой, как будто силою духа; когда я был здесь, между 8-й и 9-й лунами, горы покрыты были, с половины вверх, снегом; на южной стороне гор — растения и деревья, весеннее тепло; а на северной, закутавшись в одеяло, чувствуешь холод, как от железа».

Внезапно объявилась одна причина, побудившая меня уделить этому перевалу особое внимание. Спустя восемь столетий после Чан-чуня мне удалось пересечь Тянь-Шань по той же самой «трещине» в небесном барьере «Илийского восточного клина» этой могучей евразийской антиклинали. Здесь сам барьер не столь высок и кажется относительно более доступным, нежели в иных местах. И путешествовал я не в качестве альпиниста, но на прекрасной автомашине по великолепной недавно построенной современной автотрассе. Мы преодолели тот же заснеженный перевал от озера Сайрам-нур к верховьям впадающей в озеро Бахаш реки Или, к ее цветущей долине. Но вот какая странность: я ведь и до этой поездки был неплохо знаком с дневником путешествия Чан-чуня. Однако в голове моей связь между процитированным выше текстом Чан-чуня и неким конкретным перевалом никак не возникала. Тем более, что во время движения через Тянь-Шань по современному — зависающим над бесконечными пропастями и лепившимися к крутым склонам пиков — дорогам (рис. Пр.2.4 и Пр.2.5; см. также главу 2, раздел о Джунгарских воротах), в голове крутилась лишь одна мысль: эти хребты абсолютно непроходимы для кочевников. Но, увы! Я ошибался.

Однако для этого нужно было снова внимательно перечитать дневник путешествия и стих Чан-чуня. Конечно же, именно здесь и находилась та самая «щель» в системе Джунгарских ворот, через которую совершенно неожиданно для Хорезм-шаха в его незащищенный восточный фланг и тыл удалось пробиться отдельным монгольским туменам. Чан-чунь и его спутник слышали, что сооружение этой фантастичной дороги, с ее 48 деревянными мостами из стройных тянь-шаньских елей, по кажущимся неприступными ущельям и почти отвесным склонам, следует приписать «принцам» — то ли Чагатаю, либо Чагатаю с Угэдеем. Но ведь в Сокровенном Сказании в хронике за 1219 год их имена даже не упомянуты. Там речь идет о трех полководцах — Чжебе, Субедее и Тохучаре. А годом ранее этого всеобщего похода на сарталцев Чингисхан повелел Чжебе с одним или двумя туменами двинуться на

последнего представителя враждебных монголам найманов — хана Кучлук — и добить его. Приверженный в те годы несторианству найман Кучлук пытался безуспешно штурмовать мусульманский город Алмалык (нынешние Йинин или же Кульджу), располагавшийся в верхнем бассейне Или. Истоки этой реки локализованы в районе узкого Илийского тянь-шаньского «клина», выдвинувшегося примерно на шесть сотен километров на восток (рис. 2.3; Пр2.1). Так что вполне вероятно, что именно Чжебе со своими отрядами и сооружал эту достойную восхищения трассу...

Но вот еще одно довольно неожиданное и как бы косвенное подтверждение этой догадки можно отыскать в тексте персидского историка Джамала ал-Карши (2005: 105). Генеральное наступление Чингисхана на Хорезм началось в 1219 году. Однако этот смертельный для мусульманских властителей удар, по мнению Джамала ал-Карши, спровоцировало то, «...что между Бузар, ханом Алмалига [Алмалыка], называемым также Тугрил-ханом, и Кучлук-ханом ас-Сагизи была вражда. Расстояние между их странами составляло полумесячный путь или меньше. И Тугрил-хан послал своего сына Сигнак-текина пажом, а дочь Айук-катун — в подарок Чингиз-хану, стремясь к дружбе, братству и прося помощи для борьбы с противником. Между ним и монголами было расстояние в полгода пути или больше. И он сделал свой выбор после того, как посетил Чингиз-хана, оставаясь недалеко от Кучлука. И Кучлук вступил на путь насилия, вытащив меч разногласия и вражды, устроил засаду и, захватив на охоте, растоптал и пролил его кровь. Приложив много терпения и ума, держал в осаде город с конца лета и до поздней осени, но не смог овладеть им, хотя и отчаянно старался. Супруга Тугрил-хана — Селбек-Туркан установила, где только смогла, камнеметательные машины на опорах и повсюду разместила вооруженных воинов и храбрецов, которые оставались до тех пор, пока не рассеяли его (Кучлука) тучи воинов и он не отступил <...>. Чингиз-хан, получив печальную весть о Тугрил-хане, послал командующего войском Тимджан-нуяана [Чжебе-нойон] во главе неустрашимого отряда, где каждый воин был подобен льву, чтобы отомстить Кучлуку за Тугрила. Тимджан-нуян дошел до Алмалига и, не найдя его там, погнался следом за ним в направлении к Кашгару, где и настиг, а войско Кучлука разбежалось во все стороны. Самого Кучлука схватил и убил, и этим искоренил зло» (Джамал ал-Карши 2005: 118).

Любопытно, что перс Джамал ал-Карши — придворный ученый при ханах Чагатайского улуса, поэтому его невообразимая лесть в адрес своих монгольских властителей (см. главу 27) вполне объяснима. По этой причине автор даже не старается замечать абсурда собственного объяснения исходных причин сокрушительного монгольского нашествия на исламский Хорезм. Итак, враг великого хана — найман и приверженец несторианства — Кучлук пытается покорить одно из крайне восточных мусульманских княжеств с центром в Алмалыке (кстати сам ал-Карши родился и вырос в этом городе уже после победы над Хорезм-шахом). Полного успеха, однако, не добивается, хотя ему и удается лишить жизни правителя Алмалыка Тугрил-хана. Местью за издевательство Кучлука над дружественными Чингисхану мусуль-

манами служит победоносный бросок Чжебе-нойона через Небесные горы. Ну а затем, как бы уже по инерции, монголы наказывают и весь огромный Хорезм...

! Впрочем, так ли все было на самом деле, решить сегодня очень трудно...

По возвращении на родину в 1227 году в возрасте 79 лет Чан-чунь скончался. В том же году, так и не дождавшись желанного бессмертия, покинул жизнь земную и сам Властитель Вселенной. Возможно, что это совпадение не лишено любопытства — во всяком случае, для любителей беллетристики.

Приложение 3

Древний Ярославль и Бату-хан

По преданию город Ярославль возник в 1010 году, то есть ранее Москвы. Века 10 и 11 были периодом активного проникновения русских в лесную глубь, занятую народами, объяснявшимися на весьма чуждых для славянского уха языках финно-угорской лингвистической семьи. Видимо, русским первопроходцам приглянулся мыс («стрелка») на левом берегу уже достаточно широкой в этом течении Волги (рис. Прз.1). Именно там и стали возводить оборонительные валы и копать рвы, что было обычной традицией того времени. Город рос, обзаводился церквями, и так продолжалось до февраля 1238 года.

Той злополучной зимой по волжскому льду к городским валам «Рубленого города» подкатились конные отряды Бату-хана, и началась осада города. Нам, однако, неведомо сколь длительным оказался этот штурм, хотя вряд ли битва затянулась: ведь тогда, только в 1238-м феврале, степному воинству Чингис-ханова внука удалось сокрушить 14 древнерусских укрепленных городов и городков. Монголы ворвались в «Рубленный город», и началась та обычная для них бойня, когда истребляли всех. Пожалуй, лишь некоторой части жителей удалось скрыться в окрестных лесах и тем сохранить свои жизни. Затем монголы ушли далее на запад...

Когда обитатели города вернулись к своим руинам, то застали разбросанные повсюду трупы своих родных, близких, соседей. Здесь были останки как мужчин, так женщин и детей (впережку валялись останки разных крупных животных и даже птиц). Вернулись жители не сразу, но, скорее всего, уже весной: трупы успели изрядно разложиться. Не было сил копать могилы и хоронить всех погибших по христианскому обряду. Рыли общие глубокие ямы или же кидали останки людей вместе со скотом в колодцы или сохранившиеся подвалы домов. Затем все братские захоронения были, судя по всему, перекрыты земляной насыпью. Эта столь непохожая на традиционную надмогильная насыпь и скрыла те следы страшной трагедии, что вскоре исчезнут из памяти горожан...

Через некоторое время город стал вновь набирать силы, отстраивался, расширялся. На месте братских могил времен Бату-хановой сечи воздвигались церковные постройки, обустраивались монастырские хозяйства...

...Здесь у ряда читателей вполне может возникнуть вопрос: а почему вдруг именно Ярославль был избран автором в качестве объекта для специального приложения к книге о Степном Поясе? Ведь среди бесконечного ряда истребленных в 13 столетии евразийских городов ничем особенным ярославская бойня не выделяется, — вроде как это было рядовым событием того жестокого века. Все это как будто бы так, но и не совсем так. Внезапные и незапланированные археологические раскопки древ-

нейшей части города преподнесли нам своеобразный сюрприз: от страшной февральской бойни 1238 года уже к нашим дням протянулась отчетливая кровавая нить. И здесь мы опираемся уже не на тексты персидских или же армянских летописцев 13 века, — перед нами возникает новая явь. Впрочем, продолжим наш рассказ...

...Уходили друг за другом долгие столетия, город на Волге продолжал расти. На речной «стрелке Рубленого города» торжественно устанавливали памятники, разбивали скверы и аллеи. Наконец, страна вступила в «эру рыночных отношений», когда вдруг возникла острая нужда в роскошных зданиях, коттеджах, отелях. Именно на том месте, где покоились всеми забытые жертвы трагедии 1238 года, городские власти разрешили возведение супер-отеля под претенциозным наименованием «Мариотт». Перед строительством котлован под отелем должны были тщательно обследовать археологи, что они и проделали в 2007 году, то есть спустя 769 лет после ярославской бойни. Результаты раскопок сразу же предстали несомненной сенсацией.

То, о чем мы вели рассказ, в начале данного приложения, стало очевидным вследствие не только «полевых» раскопок, но также комплексных археологических исследований. Фактически все материалы из раскопок незамедлительно поступили на специальное обследование специалистам разного профиля: палеоантропологам, археозоологам, археоботаникам, дендрологам*. По этой причине, все, что говорилось в начале приложения и о чем пойдет речь далее, основано на весьма тщательном и комплексном изучении всех материалов.

На весьма ограниченной площади котлована отеля «Мариотт» удалось обнаружить и вскрыть лишь три погребальные ямы, одна из которых оказалась колодцем глубиной в 3,2 м. Во всех этих местах удалось обнаружить останки 212 человек. Наиболее впечатляющие находки были извлечены из колодца — 79 человеческих останков (рис. Пр2.2). Кроме тех, сюда же были сброшены разложившиеся туши семи коров и одного теленка, трех свиней, двух собак. Из 212 людских трупов 91 покойный относился к мужским особям; в этой груде удалось различить останки 76 женских тел, а также 45 детей. Археологические раскопки продолжались, расширялась площадь исследований. Подобные скопления человеческих останков были обнаружены в девяти местах (рис. Пр3.2). И число людских скелетов приблизилось к пяти сотням! (Археология древнего Ярославля: 232—265).

Бесспорно, что все эти сотни людей были убиты. Сокрушали кого сабельными ударами, кого палицей или же каким то иным оружием, либо затапывали конями. При чем уничтожали горожан чаще всего в «гоне», то есть ударами сзади. Мужская часть погибших оказалась, по всей вероятности, княжеским дружинниками: их рост превышал среднюю высоту тела у русских мужчин на 5—7 см, достигая 173—175 см. Профессиональное причастие к воинскому ремеслу выдавали также следы заживших старых травм на черепах и на иных костях убитых. Кроме того, мужчины отличались сравнительно молодым возрастом. Многие из них, по-видимому, гибли в сражении,

* Раскопки велись под руководством зам. директора Института археологии РАН А. В. Энговатовой. Лабораторные исследования проводили: А. П. Бужилова (палеоантропология), Ек. Е. Антипина (археозоология), Е. Ю. Лебедева (археоботаника), А. А. Карпунин (дендрохронология).

Рис. Пр3.1. Так выглядит из космоса мыс-стрелка при слиянии Волги и Которосли, где расположена древнейшая часть Ярославля и где строился в последние годы отель «Мариог»

Рис. Пр3.2. Останки жертв завоевания Ярославля отрядом Бату-хана. Они были свалены в котлован древней постройки (вверху) и в колодец (внизу) уже после возвращения в город оставшихся в живых обитателей. Только в колодце антропологи насчитали останки 79 человеческих тел: 53 мужских, 17 женских и 9 детских.

Рис. Пр3.3. Черепа погибших молодых мужчин-защитников Ярославля. Слева — рассеченный сабельным ударом), проломленный ударом тяжелого кистеня — справа

поскольку смертельные удары саблями или палицей приходились на лицевую часть головы (рис. Прз. 3). Однако судьба и храбрецов, и трусов оказалась в равной мере сходной по своему печальному исходу.

Таковой оказалась столь неожиданная, странная и кровавая нить между нашим Бату-ханом и котлованом отеля «Мариотт». Видимо, напрасно армянский летописец Смбат Спарамет, о чем мы уже говорили ранее (глава 28), в 1246 году убавлял себя мыслями, что *«татары — это меч Божий»*, и что *«если бы Господь распорядился иначе и татары, которые таким образом уничтожили язычников, не пришли сюда, все эти народы были бы способны завоевать и заселить эти земли до моря»*. Но вот, оказывается, «меч Божий» уже много западнее Иранских нагорий столь же неистово истреблял братьев Спарамета по христовой вере, и истреблял тех, по сути, тем же, вполне сходным «стилем», который более семи столетий назад с нескрываемым удовлетворением отмечал армянский путешественник на мусульманских землях Ирана и Средней Азии.

Приложение 4

Последний из Чингизидов?

Крымские ханы Гереи, как и почти все вожди тюркоязычных народов Степного Пояса, вели отсчет своих поколений непосредственно от Чингисхана, считая себя безусловными Чингизидами. После присоединения Крыма к России в 1783 году Гереи были вынуждены срочно покинуть Крым. Султан Османской Порты определил ханам и их спутникам по бегству участок земель в Болгарии на склонах Балканских гор с условием оборонять эту область Порты от нападений с севера. В 1970 году автору довелось встретиться в те поры с последним (?) из «наследников и потомков Чингизидов» — Гераев (Гераи — местное произношение). На фотографии сам последний (в тот год) Герай стоит в центре группы с пышной родословной в руках, на которой помечены все многовековые связи его и предков-Гераев с самим Чингисханом. Деревянный дворец (по-тюркски — Сарай) хозяина представлял собой убогое зрелище (действительно весьма похож на сарай), хотя во внутренних покоях сохранились сваленные в кучу великолепные резные деревянные панно — свидетельство давно исчезнувшего величия. Во время моей встречи с этим «наследником мировой славы» невольно вспомнилось впечатление А. С. Пушкина о посещении им легендарной столицы крымских ханов: *«В Бахчисарай приехал я больной. Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана. К** поэтически описывала мне его, называя la fontaine des larmes. Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавелой железной трубки по каплям капала вода. Я обошел дворец с большой досадой на небрежение, в котором он истлевает, и на полугерманские переделки некоторых комнат»*.

Вот уж поистине *sic transit gloria mundi*.

Рис. П.9.1. Герай в окружении посетителей-экскурсантов (фото 1970 г.). Последний ли он из рода «Чингизидов»? Или же эта квази-династия неиссякаема?

Приложение 5

Великий Шелковый Путь и тайная миссия Чокана Валиханова •

Великий Шелковый Путь: от выразительного созвучия двух следующих друг за другом прилагательных невольно можно ожидать широкой, приветливой дороги, очевидного комфорта, ласковых встреч... Но увы, сам путь с его названием абсолютно негармоничен! Пожалуй, вряд ли даже удастся сыскать более жестокого и опасного связующего канала не только в отношении природных условий, но и лабиринта социальных преград. На различных картах Евразии пунктир этого необозримого по своей протяженности шляха чаще всего протягивают на более чем десять тысяч километров — от коренных регионов Китая вплоть до Средиземноморья.

Великий Шелковый путь: его воссозданные для пиара картинки пришлось по вкусу весьма широкому кругу любителей древности. Но сколь трудно доказать жизнеспособность этой идеи! Правда, ее и не стараются особенно аргументировать — ведь гораздо легче начертить воображаемый путь на карте, нежели обосновать его, к примеру, реалиями археологических древностей (об этом мы довольно подробно вели речь в главе 30).

Вообще же, как правило, все стрелки Великого Шелкового пути почти всего упираются в знаменитые и трудноодолимые перевалы поднебесных хребтов Памира, Тянь-Шаня и Куньлуня. В этом плане чрезвычайно любопытно бывает знакомиться с экспозициями буквально всех районных (уездных) музеев Синьцзяна. Там почти обязательно при входе будет указано отношение данного города к какому-либо из трех главных каналов-ответвлений Шелкового Пути — северному, среднему (центральному) или же южному. Первый канал пути ведет на запад через Джунгарские ворота к озеру Балхаш, и мы говорили о нем в главе 2. Второй — через тянь-шаньские перевалы к озеру Иссык-куль и далее к среднеазиатским регионам. Именно этим путем шел караван вместе с нашим *молодым разведчиком* (рис. Пр5.1—5.3). Контур третьего канала, пожалуй, самого малопонятного, ведет через особо сложный высокогорный узел Памира и Куньлуня (рис. Пр5.4) на юг к долинам Инда.

К этим перевалам и в оазисам близ перевалов, как правило, и относятся веками накапливаемые сведения о множестве связанных с Великим Путем событий. Ведь именно по таким трудным высокогорным перевалам и проходила реальная, пусть даже символическая грань между Востоком и Западом. Ведь именно эти проходы и играли роль трудно одолимых «шлюзов» или же «фильтров», которые должны были пропускать торговцев либо мигрантов, направлявшихся с Востока на Запад и обратно. Это были трудные проходы, но ведь буквально рядом протяженные участки горных хребтов становились в реальности практически недоступной преградой для торговых караванов или тем более для крупных групп переселенцев (рис. Пр5.5 и Пр5.6).

Рис. Пр5.1. Чокан Валиханов (слева) перед своим путешествием и Ф. М. Достоевский. Фотография 1858 г. в Семипалатинске, где в то время находился в ссылке великий русский писатель (Wikipedia)

Рис. Пр5.2. Маршрут каравана, в котором принимал участие Чокан Валиханов: от недавно заложенного в те поры пограничного города-крепости Верный до Кашгара и Яркенда

И чем дальше и дальше мы отходим — как на Восток, так и на Запад — от почти легендарных перевалов, тем все более и более расплывчатыми и неясными предстают перед нами воображаемые во многом контуры Шелкового Пути. Наверное, именно поэтому «шлюзы» вместе с прилегающими к ним областями и привлекали пристальное внимание не только государственных чиновников высокого ранга, но даже монархов. С этого, пожалуй, мы и начнем изложение краткой истории знаменитой для России миссии Чокана Валиханова.

28 августа 1857 года военный министр Российской империи генерал-адъютант Н. О. Сухозанет направляет командиру Отдельного сибирского корпуса генералу-от-инфантерии Г. Х. Гасфорту следующее послание:

«Государь Император высочайше повелеть соизволил: Командировать опытного и надежного человека в Кашгар для разузнания о ходе происшедшего там восстания. По взаимному обсуждению моему этого вопроса с министром иностранных дел предполагалось бы: послать доверенное лицо негласным образом, но под видом купца или купеческого приказчика в небольшом караване, составленном из татар или наших ташкентцев. Караван этот должно отправить под военным прикрытием до тех мест, где ему не будет более угрожать опасность от хищников киргизских или кокандских».*

Переписка заработала, и следует ответ Гасфорта Сухозанету:

* Все цитируемые тексты этого Приложения позаимствованы из третьего тома Собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова в пяти томах. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1964.

«По первому предмету честь имею сообщить вашему высокопревосходительству, что со своей стороны я также признаю за лучшее, для собрания сведений, послать в Кашгар при торговом караване доверенного чиновника под видом купца или приказчика, но снаряжение и отправление каравана не может быть предпринято раньше наступления весны будущего года. Притом я не могу быть уверен, что найдутся теперь охотники отправить свои товары в страну, объятую возмущением, опасение подвергнуться разграблению может удержать наших азиатских торговцев от решимости, в которой я не сомневался бы при других обстоятельствах <...>».

Рассчитывая время, которое потребуется для прохода каравана от Семипалатинска до Кашгара и обратно до наших пределов, я нахожу, что если он выступит в первых числах апреля, то нельзя ожидать возвращения его, а следовательно, и получения желаемых сведений раньше конца лета будущего года <...>».

В выборе чиновника для сего поручения я остановился на состоящем при мне для особых поручений поручике Валиханове. Офицер этот сын достойнейшего киргизского султана, полковника Чингиза Валиханова, ныне старшего султана Кокчетавского округа, воспитывался в Сибирском кадетском корпусе, несомненной преданности правительству, с очень хорошими дарованиями и на расторопность его вполне можно положиться. Сверх того, он хорошо ознакомился с историею и нынешним состоянием среднеазиатских владений и, будучи сам мусульманин, скорее русского чиновника может снискать доверие своих единоверцев».

31 декабря 1857 года Гасфорт докладывает об этом деле уже министру иностранных дел Горчакову: «Состоящий при мне поручик султан Валиханов отправлен уже в кочевья диких каменных киргизов для ближайшего наблюдения: о ходе дел в частях Западного Китая, прилежащих к южной нашей границе; о движениях кашгарского восстания; о мерах правительства китайского к подавлению ононого и о духе народонаселения возле городов Кульджи и Аксу, а именно: китайского племени, киргизов и сартов, которые, как известно, все более или менее недовольны маньчжурской династией. Для восполнения поручику Валиханову в собрании этих сведений одновременно с ним послан татарин Файзулла Ногаев к тем же диким каменным киргизам, к манану Буран-баю рода бугу, в коем Ногаев пользуется особым уважением».

Теперь о Чокане Чингизовиче Валиханове. Тогда ему только что исполнилось 22 года, и на фоне своих сверстников он действительно выглядел весьма образованным. Работу разведчика, совмещенную с историко-этнографическими наблюдениями, он выполнял старательно и успешно. Его описания и доклады отличались четкостью и информативностью. Но вот как степной казах (он не киргиз, но казах), горы Чокан переносил с большим трудом. Его родная стихия — неоглядные просторы степи: «Я сам степняк и увлекся степью» — так говорил он о себе.

«После однообразных горных видов, беспрестанно торчащих скал, немолчно шумящих ключей, густо заросших цветов этот дивертисмент [зеленеющее травой плоскогорье] как-то приятно действует на человека. Все нам надоедает: живем на широкой и гладкой Руси — рвемся на Кавказ, где стоит белоснежный Казбек, хочется видеть Альпы, нужны горы, «столпообразные раины» и «звонка

Рис. Пр5.3. Перевал Торгурат, через который проходил Валиханов с караваном

Рис. Пр5.4. Перевал на стыке Тянь-Шаня, Памира и Куньлуня у подножья Муштаг-ата («Отец снегов», высота почти 7,5 тыс. м над у.м.), по которому мог пролегать южный маршрут Великого Шелкового пути

Рис. Пр5.5. Почти непроходимое высокогорье Тянь-Шаня с тяжелыми ледниками. В 1907 году их штурмовал со своими спутниками Карл Густав Маннергейм (Mannerheim: 75)

бегущие ключи», а как бросит судьба в такую местность — сначала восхищаешься, потом все это начинает надоедать, <...> и опять хочется на свободу, на дол, на ровную степь <...>. Там дыхание как-то свободнее и мысли текут шире, там как-то привольнее <...>. Все безгранично, как степь, — и желания и дела. Угрюмые, дикие виды гор, хотя живописные, как-то заботят, отягощают вас: то вас поражает великолепный водопад, вы как-то усиленно напрягаетесь мыслями, то какая-нибудь пропасть устрашает вас своей теснотой, громадные скалы, ревущие реки — все как-то сердито, во всем сказочно, и вы настраиваетесь под этими впечатлениями к какой-то лихорадочной деятельности. Вам все чего-то недостает. Нет возможности жить в горах и быть народом веселым, беззаботным. Только степняк может знать цену золотой лени, он только может жить без горя, без печали, не думая о будущем <...>. В горах могут воспитаться черкесы. Он, рождаясь, борется с природой, каждый шаг его есть риск. Вокруг стоят твердые, угрюмые скалы, внизу пенится, шумит, ревет, ворокает камни какой-нибудь Терек. Вот его учителя. Какие примеры! Какое хищничество в зверях и в птицах гор! Тяжелый гриф терзает окровавленный труп, хищный ястреб нападает на беззащитного фазана, а орел отнимает его добычу. Медведь, тигр наполняют ужасом лес и делают беспрестанные набеги на бедных оленей.

Совсем другой ландшафт, другая природа окружают степняка. Там свобода, счастье и между зверями, и птицами божьими. Широкая река или необъятное озеро тихо струит свои гладкие и светлые воды; утки, гуси, лебеди гордо плавают на водах, поднимают гомон, шум, но все это дружно... Никто никому не мешает. Легкая чайка роскошно купается в лазури небес. Степной жаворонок поет свою песню на высоте и сладко трепещет крылами. Во всем беззаботность и лень. Беспредельная, как море, степь покрыта тысячами разных трав, бедные цветочки, тонкие и мелкие, расстилаются зеленой скатертью. Ветер ли пробежит — ровно заребят и тихо зашумят травы. Всюду жизнь: пчелы, бабочки парят с цветка на цветок».

Прочитав эти строки, начинаешь понимать, с каким трудом Валиханову давалась роль купца-разведчика. Ведь самым тяжким барьером при переходе с Запада на Восток являлись увенчанные снежными вершинами горы Тянь-Шаня — но как же его они угнетали! Но не только ущелья и ревущие потоки отравляли ему жизнь. Он также скверно думал и о Китае, границы которого ему надлежало пересечь. Ведь с ненавистью в душе очень-очень трудно исполнять роль не предубежденного разведчика к тем, кого тебе нужно будет к тому же и понять.

«Китай своей площадной жизнью, своей языческой философией и эгоистическим себялюбием и, наконец, дряхлостью и слабостью своих внутренних сил и осторожной уклончивой политикой мне совершенно напоминает древний Рим в период перед его падением. Читаешь историю Китая и сходство делается еще поразительнее. Варвары теснят Китай. Китай не может противиться и прибегает к хитрости, свойственной бессильным, — задабривает дарами, платит им дань и гордо называет ее жалованием, принимает в службу, одних выставляет против других и льстит их тщеславию, награждая достоинством князей, ванов, гунов, как Рим раздавал титул патрицеев».

Рис. Пр5.6. Отличающиеся фантастическими цветами южные, лишенные растительности хребты Тянь-Шаня обрываются едва ли не вертикальными склонами к плоской пустыне Такла-Макан

Но вместе с тем он чрезвычайно наблюдателен и по своему логичен, подчеркивая различия в идеологических канонах Запада и Востока: *«Римляне были без веры, следовательно, без путеводителя. Не варвары, а христианство разрушило этот железный колосс древнего мира. В Китае было совершенно другое. Здесь вера играет второстепенное значение. Вера может быть у всякого своя. Вот отчего варварам нельзя было не уважать китайскую цивилизацию, ибо им не было причины их ненавидеть и презирать. Народы, покорявшие Китай, были сами веротерпимы. В Европе германцы, как все новокрещенцы, предались новой вере с жаром, с фанатизмом и, видя развратный и безверный народ римский, глубоко возмущались душой, презирали; все римское и языческое образование, несогласное с духом христианства, должно была непременно пасть».*

Но вот 28 сентября 1858 года он на самом пороге китайской границы на всякий случай скрывает в земле свой дневник, чтобы тот не попался в руки китайским дозорным:

«От высоты Теректы до первого китайского пикета Ислыка 60, до Кашгара 135 верст. Тароплюсь: дневник сейчас зарывается в землю и если Бог возвратит нас живыми и здоровыми, не испортит его сырость, мы опять покажем его белому свету. Поручаю тебя Аллаху, до свидания».

От откопал свой дневник почти через полгода — 12 марта следующего года. Стало быть, повезло и ему, и нам — всем его читателям.

Путешествие Валиханова сочли удачным, хотя за время перехода через тяньшаньские «шлюзы» от 101 верблюда исходного каравана до Кашгара осталось лишь 36 совершенно измученных животных. Обратно в город Верный Валиханов вернулся очень больным лишь через 11 месяцев. Его путешествие длилось гораздо короче, чем предполагал генерал Гасфорт. Но и лимит земной жизни Чокана был жестко ограничен — всего 30 лет.

Для более полного представления о тяготах пересечения «фильтров-шлюзов» Тянь-Шаня мы предоставим теперь слово купцу Исаеву, описавшему свои долгие мытарства весьма ярким и своеобразным языком. Если Валиханову удалось, хотя и больным, но относительно быстро вернуться на родину, то купец пробыл в Синьцзяне в плену шесть лет с 1824 по 1830 годы.

Сначала почти пару месяцев караван Исаева добирался до Кульджи (современный город Йинин) на реке Или, долина которой зажата могучими хребтами Восточного тянь-шаньского клина. Купец обладал немалым опытом путешествий подобного рода, и потому он сразу же начал свой путь с одарения хозяев: *«Как уже по их*

обыкновенно есть, от каравана и султанов принимать в подарок лошадей, чтобы лучше и вольнее получить за скот из казны лучшими товарами, за оное их губернатору, жанжуну, привели четырех лучших лошадей».

Начало было вполне удачным: «По принятии нашего подарка был сделан для нас обед, угощали, как следует по их обыкновению». Вскоре добрались до огромного озера Иссык-куль, где их встречали также достаточно дружелюбно, опять-таки благодаря подаркам и письму «от некоего Аблая, чтобы караван приняли и проводили до безопасного места и не было бы воровства, как у них народ к воровству имеет склонность».

Но вот стоило Исаеву со спутниками пересечь реку Кошкал как «вдруг в ночи акинбек Муса и китайский офицер с несколькими военными людьми приехали в караван, как у конского табуна нашего, равно и людей тотчас собрали, сделали счет и поставили строжайший караул, отобрали у нас виды письменные, причины нам еще не объявили, все мы перепугались, не знали, что и начать. После, на рассвете, приказали каравану выучиться и обратили нас с караваном. Наперво пришли мы в крепость китайскую, называемую у них кульбах, товары наши склади в казенный дом, лошадей отдали в руки китайцам, самих нас рассадили по разным местам. Вот нам было тепло и жарко, всего лишились. Причины нам не объясняют, принуждены, как овны, лежать во дворах».

С этого и начались у Исаева едва ли не бесконечные невзгоды и страдания:

«Поутру рано познали нас, как скотов, за каждым человеком шли по четыре с обнаженными саблями солдата или военных китайца, привели нас всех в тот дом, где у них бывает правление и выходит анбу, разоставили нас на камне, которым устлан пол, на колени. Через несколько время вышли анбу и хаким, тут же принесли несколько оков, из числа 67 на 17 человек, положили оковы по приказанию хакима и тогда начали нам, ни в чем невинным, объявлять, что получен от жунтака указ: анжиянов велено всех казнить».

Три года их не выпускали, но затем вышло послабление, и тогда они «купили разных товаров, какие для нас нужны были, изготовили также лошадей и выпросили на проезд письменные виды, с караваном и отправились, и где случилось с нами следующее: на девятый день начали переходить гору, называемую Ншекарт, вдруг набежали на караван человек да двухсот разбойников родов тенемсеит и бузу, все у нас имущество отняли, из числа семи человек уже несколько раненых было, и оставили нас нагих. Тут-то нам жарко было! Кое-как присобрали крепко раненых и пошли в горы, где девять дней странствовали, питались тем, что только могло в горло проходить, а после кое-как призаправились, все были пеши и наги, и думали, как бы дойти до тех народов, которые нас провожали».

Но даже на этом их страдания не завершились — не доходя четырех дней до желанных кочевий «на нас вторительно наехала шайка разбойников поколения саяковцев и разделила нас всех по рукам, дали нам приодеться 21 кошемные кафтаны, тогда и им были рады, что одели, напоследок привезли в свои аулы. И я тогда, в первой нашей баталии, был ранен в ногу и разбит, однако, несмотря на то, что я хром, посылают за дровами, принуждены волю их исполнять: когда судьба велела быть, должно повиноваться».

Рис. Пр5.7. Путь к высокогорным перевалам Шелкового Пути (The ancient culture: Cover)

Как уже говорилось выше, Исаев совершенно больной смог вернуться на родину лишь через шесть лет.

В конце этого Приложения мне хочется обратить особое внимание на то, что 19 столетие было временем, когда две могучие империи — Российская и Китайская Цин почти соприкоснулись своими границами близ «центра» Евразии — Джунгарских ворот. Конечно, близ этих границ с той и другой стороны все было совсем не так спокойно, но ведь империи — каждая, конечно, по своему — стремились к порядку. Любопытно однако предаться здесь некой фантазии: что же творилось на тьяньшаньских перевалах Великого Шелкового пути и близ перевалов, когда здесь царил труднопониимаемый калейдоскоп многообразия враждебных друг к другу племен, улусов, ханств?..

Мои благодарности

Книга эта, равно как и ее предшественница «Степной Пояс Евразии: феномен кочевых культур», не могла бы увидеть свет без помощи моих друзей и коллег. Прежде всего я хотел бы выразить свою искреннюю признательность моей жене Елене Юрьевне Лебедевой, а также нашему стародавнему другу и сотруднице лаборатории Института археологии Любви Болеславовне Орловской, которые самым внимательным образом вычитывали пухлую, многостраничную рукопись книги; делились своими соображениями по поводу тех или иных — порой не очень складно или же логично звучащих отрывков текста; выверяли несоответствия между библиографическими отсылками и текстом, между текстом и соответствующими иллюстрациями...

В книге — на ее обложке, а также в начальных страницах каждой из основных частей — удалось разместить немалое число фотографий удивительных по неповторимой выразительности скульптур талантливейшего бурятского скульптора Даши Намдакова. Его работы оказались поразительно созвучны основной теме книги, и потому я безмерно рад и признателен за его любезное согласие участвовать в этой публикации. Это тематическое и художественное «созвучие» первой заметила Наталья Ивановна Шишлина — и она сразу же приложила немалые усилия по отбору наиболее «созвучных» работ и рисунков Даши Намдакова, а также фотографий для нашей книги. Мой низкий поклон им за это согласие на участие и заботу.

Особую благодарность я хотел бы адресовать руководителям и сотрудникам издательства «Языки славянской культуры» — Алексею Дмитриевичу Кошелеву и Михаилу Ивановичу Козлову, с которыми у нас установились очень теплые и давние коллегиальные отношения и от которых очень часто исходили в мой адрес добрые импульсы-пожелания о желательности продолжения исследований в ранее избранном направлении. Хочу также от всей души поблагодарить Ирину Владимировну Богатыреву и Сергея Александровича Жигалкина за дружеское и внимательное участие при подготовке к печати моей книги.

Библиография (кириллица)

- Аверкиева Ю. П.** Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М.: Наука, 1970.
- Аверкиева Ю. П.** Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М.: Наука, 1974.
- Андросов В. П.** Буддизм Нагарджуны. М.: Восточная литература РАН, 2000.
- Аполлоний Родосский.** Аргонавтика / Пер. Г. Ф. Церетели. Тбилиси: Мецниереба, 1964.
- Аристофан.** Женщины на празднике Фесмофорий // Комедии. Т. II. М.: ГИХЛ, 1954.
- Археология древнего Ярославля.** Загадки и открытия. 2-е изд. М.: ИА РАН, 2012.
- Археологія Української РСР.** Том 2. Скифо-сарматська та антична археологія. Київ: Наукова думка, 1971.
- Барро М. В.** Торквемада. Его жизнь и деятельность в связи с историей инквизиции. Биографический очерк. Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. СПб., 1893.
- Бауло А. В.** Легендарное Нильдинское блюдо // Наука из первых рук. №2 (26). 2009. С. 52—61.
- Бернштам А. И.** Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» // Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф).** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф).** Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии / Сост. Л. Н. Гумилев, М. Ф. Хван. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1960.
- Бичурин Н. (о. Иакинф).** История первых четырех ханов из дома Чингизова // История монголов. М.: Транзиткнига, 2005.
- Болотина Н. Ю.** Князь Потемкин. Герой Екатерины Великой. М.: Вече, 2006.
- Будон Ринчендуб.** История буддизма / Пер. с тибетск. Е. Е. Обермиллера; пер. с англ. А. М. Донца. СПб.: Евразия, 1999.
- Валиханов Ч. Ч.** Собр. соч.: В 5 т. Т. III. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1964.
- Валишевский К.** Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. Первые Романовы. М.: Престиж Бук, 2007.
- Валишевский К.** Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. Роман императрицы. М.: Престиж Бук, 2007.
- Великолепие исчезнувших цивилизаций.** Новое открытие великих культур прошлого. М.: ЗАО «БММ», 2007.

- Витевский В. Н. И. И.** Неплюев и Оренбургский край в его прежнем составе до 1758 г. Вып. 1. Казань, 1889.
- Войтов В. Е.** Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI—VIII вв. М.: Государственный музей Востока, 1996.
- Гаврилюк Н. А.** История экономики Степной Скифии VI—III до н. э. Киев: Институт археологии НАН Украины, 1999.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.** Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I — II. Тбилиси: Тбилисский Гос. Университет, 1984.
- Геннин В.** Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / Сост. М. О. Акишин. Екатеринбург, 1995.
- Герасимова К. М.** Обряды защиты жизни в буддизме Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999.
- Герасимова К. М.** Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006.
- Герберштейн С.** Записки о Московии. М.: Изд-во Московского Университета, 1988.
- Геродот.** История в девяти книгах / Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
- Гесиод.** Труды и дни / Пер. В. Вересаева. М., 1927.
- Горная энциклопедия.** Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1987.
- Граков Б. Н.** Скифы. Научно-популярный очерк. М.: Изд-во Московского Университета, 1971.
- Гроссман В.** Жизнь и судьба. М.: Астрель, 2007.
- Груссе Р.** Чингисхан: покоритель вселенной. Сер. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая Гвардия, 2007.
- Гуляев В. И.** Скифы: расцвет и падение великого царства. М.: Алетея, 2005.
- Гумилев Л. Н.** Этносфера. История людей и история природы. М.: Экспрос, 1993.
- Демиденко С. В.** Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. — III в. н. э.). М.: ЛКИ, 2008.
- Деревянко А. П.** Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Международный симпозиум «Древнейшие миграции человека в Евразии». Махачкала, сентябрь 2009. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2009.
- Деревянко А. П.** Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011.
- Деревянко А. П.** Новые археологические открытия на Алтае и проблема формирования *Homo sapiens*. Лекция памяти профессора Х. Мовиуса, прочитанная в Гарвардском университете. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2012.
- Джапаридзе О. М.** К этнокультурной истории грузинских племен в III тысячелетии до н. э. (раннекурганная культура). Тбилиси: Изд-во Тбилисского Университета, 1998 (на грузинском языке).

- Джувайни.** Чингис-хан. История завоевателя мира, записанная Ала ад-дином Ата-Меликом Джувайни / Пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. М., 2004.
- Доманин А.** Крестовые походы. Под сенью креста. М.: Центрполиграф, 2005.
- Древнее искусство.** Памятники палеолита, неолита, бронзового и железного веков на территории Советского Союза. Собрание Гос. Эрмитажа / Ред. М. И. Артамонов. Л.: Аврора, 1974.
- Духовная культура Китая.** Энциклопедия в пяти томах. Философия. М.: Восточная литература РАН, 2006.
- Езеро.** Раннебронзового селище. София: Издательство на Българската Академия на науките, 1979.
- Енциклопедія Трипильської цивілізації.** Т. I. Книга перша / Гол. редактор М. Ю. Видейко; видп. редактор Н. Б. Бурдо. Київ: ЗАТ «Петроимпекс», 2004.
- Ермаков М. Е.** Династия Хань перед угрозой извне (из докладов Цзя И трону). Введение, переводы, заключение // **Страны и народы Востока.** Вып. XXXII. Дальний Восток. Кн. 4. М.: Восточная литература РАН, 2005. С. 362—382.
- Зуев А. С.** «Немирных чукчей искоренить вовсе...» // Родина. № 1. 1998.
- Ибн ал-Асир.** Ал-Камил фи-т-тарих (Полный свод истории) / Пер. с араб. П. Г. Булгакова; доп. к пер., примеч. и коммент., указатели. Ш. С. Камолиддина. Ташкент: Узбекистан, 2006.
- Ибн Исхак.** Жизнеописание пророка. Великая битва при Бадре / Пер. А. Б. Куделина и Д. В. Фролова. М., 2009.
- Ибн-Фадлан Ахмад.** Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и коммент. А. П. Ковалевского; под ред. И. Ю. Крачковского. М.: Изд-во АН СССР М.; Л. 1939.
- Иессен А. А.** К хронологии «больших» кубанских курганов // Советская археология. XII. М.: 1950. С. 157—200.
- Иллич-Свитыч В. М.** Опыт сравнения ностратических языков. М.: Наука, 1971.
- Ирвинг Вашингтон.** История Нью-Йорка. М.: Наука, 1968.
- Кабо В. Р.** Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М.: Наука, 1969.
- Кабо В. Р.** Тасманийская проблема (К изучению ранних стадий этногенеза и социогенеза народов мира). IX Международный Конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973). М.: Наука, 1973.
- Калевала. Л.: Лениздат, 1984 / Пер. с финн. Л. П. Бельского.**
- Каразин Н. Н.** Две сцены из Хивинского похода // Иллюстрированный журнал «Нива». № 1. 1875.
- Карамзин Н.М.** История государства Российского. Т. 1—12. (1816—1826).
- Каргалы, том I.** Геолого-географические характеристики. История открытий, эксплуатации и исследований. Археологические памятники / Ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2002.

- Каргалы, том II.** Горный — поселение эпохи поздней бронзы. Топография, литология, стратиграфия. Производственно-бытовые и сакральные сооружения. Относительная и абсолютная хронология / Ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Каргалы, том III.** Селище Горный: археологические материалы; технология горно-металлургического производства; археобиологические исследования / Ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Каргалы, том IV.** Некрополи на Каргалах. Население Каргалов: палеоантропологические исследования / Ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Карпини, Плано дель.** История монголов, именуемых татарами // История монголов. М.: Транзиткнига, 2005.
- ал-Карши Джамал.** Ал-Мулхакат би-с-сурах. История Казахстана в персидских источниках. Т. I. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
- Каттанео М., Трифони Ж.** Древние цивилизации. М.: Астрель, 2004.
- Клари Робер де.** Завоевание Константинополя / Пер., статья и коммент. М. А. Заборова; отв. ред. З. В. Удальцова. М.: Наука, 1986.
- Клейн Л. С. 1966.** Археология спорит с физикой // Природа. № 2. С. 51—62; №3. С. 94—107.
- Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.** Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.** Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.
- Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в 234 иллюстрациях Гюстава Доре.** Sankt Petersburg: Symposium, 1997.
- Ковалев А. А.** Чемурчекский культурный феномен: история изучения, датировка, происхождение // Чемурчекский культурный феномен. Исследования последних лет. СПб.: Музей-институт семьи Рерихов, 2012. С. 32—55.
- Королькова Е. Ф.** Властители степей. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006.
- Кореневский С. Н. 2004.** Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.: Наука.
- Кравцова М. Е.** Хрестоматия по литературе Китая. СПб.: Азбука-классика. 2004.
- Краткая история СССР.** Часть первая. 3-е изд., доп. и перераб. Л.: 1978.
- Кук Джемс.** Первое кругосветное плавание капитана Джемса Кука. Плавание на «Индеворе» в 1768—1771 гг. М.: Географгиз, 1960.
- Кюннер И. В.** Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Наука, 1961.
- Ланда, Диего де.** Сообщение о делах в Юкатане. 1566 г. / Пер. со ст.-исп. Ю. В. Кнорозова. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Леон-Портилья М.** Мифология древней Мексики // Мифологии древнего мира. М.: Наука, 1977. С. 432—454.
- Лесков Н. С.** Очарованный странник // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1957.
- Липец Р. С.** Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984.

- Ли Чжи Чан.** Путешествие даосского монаха Чан-чуня на Запад (в пер. с кит. П. И. Кафорова (архимандрита Палладия) // Труды Пекинской духовной миссии. Т. IV. СПб., 1866.
- Ловелл Дж.** Великая Китайская стена. М.: АСТ, 2008.
- Лубсан Данзан.** Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монг. Н. П. Шестиной. М.: Наука, 1973.
- Луcretий Тит Кар.** О природе вещей / Пер. И. Рачинского. М., 1933.
- Макарий.** Православно-догматическое богословие. СПб., 1868.
- Малов С. Е.** Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Малавкин А. Г.** Уйгурские государства IX—XII вв. Новосибирск: Наука, 1983.
- Маргулан А. Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979.
- Марковин В. И.** 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука.
- Марцеллин Аммиан.** Римская история / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сони. М.: АСТ; ЛАДОМИР, 2005.
- Мегаструктура Евразийского мира:** основные этапы формирования. Материалы Всероссийской науч. конф. / Ред. Е. Н. Черных. Москва, Институт археологии РАН, 4—6 декабря 2012 года. М.: Институт археологии РАН, 2012.
- Мейе А.** Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / Пер. с фр. М.; Л.: Соцэкгиз, 1938.
- Мейендорф Е. К.** Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975.
- Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.** Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке. М.: Наука, 1981.
- Миллер Г. Ф.** Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Ч. 1. Санктпетербургская Академия наук, 1750.
- Миняев С. С.** Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам (Забайкалье) // Археология, антропология и этнография Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2 (38). 2009. С. 49—58.
- Миняев С. С., Сахаровская Л. М.** Элитный гуннский курган в пади Царам // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 7. М.: Собрание, 2010. С. 7—17
- Михайлов Н.** Голос хивинских пленных // Иллюстрированный журнал «Нива». № 30. 1873.
- Мозолевський Б. М.** Скіфський степ. Київ: Наукова думка, 1983.
- Молодин В. И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д.** Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М.: ИД Триумф принт, 2012.
- Морган Л. Г.** Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1933.
- Мунчаев Р. М.** Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.

- Мунчаев Р. М., Бобринский А. А.** Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. Вып. 108. М., 1966. С. 14—22.
- Мюллер А.** История ислама. От доисламской истории арабов до Аббасидов. М.: АСТ-Астрель, 2004.
- Над Землей:** ошеломляющие спутниковые снимки Земли. Подборка спутниковых снимков NPA Group / Пер. с англ. М.: ООО «МАГМА», 2005.
- ан-Насави Шихаб ад дин Мухаммад.** Сират ас-султан Джалал ад-дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джала ад-дина Манкбурны) / Пер. с араб. З. М. Буниязова. М., 1996.
- Николаева Н. А.** Этно-культурные процессы на Северном Кавказе в III—II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: МГОУ, 2011.
- Ольговский С. Я.** Социально-экономическая роль Каменского городища // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 48—53.
- Павленко Н. И.** Екатерина Великая. Сер. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2004.
- Пагсам-джонсан.** История и хронология Тибета / Пер. с тибетск., предисл., коммент. Р. Е. Пубаева. Новосибирск: Наука, 1991.
- Панорама Средневековья.** Энциклопедия средневекового искусства / Под ред. Роберта Барлетта; пер. с англ. М.: Интербук-бизнес, 2002.
- Песнь о Роланде.** Библиотека Всемирной литературы. Серия первая. М.: Художественная литература, 1976. С. 27—144.
- Песнь о Сиде.** Библиотека Всемирной литературы. Серия первая. М.: Художественная литература, 1976. С. 259—360.
- Плетнева С. А.** Хазары. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986.
- Полосьмак Н. В.** Система жизнеобеспечения кочевников Центральной Азии (империя хунну) и ее влияние на Китай эпохи Хань // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования. Материалы Всероссийской науч. конф. Москва, Институт археологии РАН, 4—6 декабря 2012 года. М.: 2012. С. 114—117
- Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д.** Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011.
- Потанин Г. Н.** Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. Т. 11. СПб.; М., 1884. С. 31—48.
- Пржевальский Н. М.** Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии / Под ред. и вступит. ст. Э. М. Мурзаева. М.: ОГИЗ, 1946.
- Пржевальский Н. М.** Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки / Под ред. и вступит. ст. Э. М. Мурзаева. М.: ОГИЗ, 1948.
- Проблеми гірничої археології.** Доповіді II-го Міжнародного Картамиського польового археологічного семінару). Алчевск, 2003.

- Пузикова А. И. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М.: Институт археологии РАН, 1997.
- Пряхин А. Д. Мосоловский поселок эпохи поздней бронзы. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1993.
- Пряхин А. Д. Мосоловское поселение металлургов — литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1996.
- Райт Дж. К. Географические представления в эпоху крестовых походов. М.: Наука, 1988.
- Рашид-ад-дин I. Сборник летописей. Т. I / Пер. Л. А. Хетагурова (Кн. 1) и О. И. Смирновой (Кн. 2). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
- Рашид-ад-дин II. Сборник летописей. Т. II / Пер. Ю. П. Верховского. М.; Л.: 1960.
- Рашид-ад-дин III. Сборник летописей. Т. III / Пер. А. К. Арендса. М.; Л.: 1946.
- Резепкин А. Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 2012.
- Ренан Э. История происхождения христианства в семи книгах. Кн. 1: Жизнь Иисуса. М.: Терра, 2009.
- Рерих Ю. Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. М.: Международный центр Рерихов, 1992.
- Рид П. П. Тамплиеры / Пер. с англ. М.: АСТ, 2005.
- Ру Ж.-П. Тамерлан / Пер. с фр. М.: Молодая гвардия, 2007.
- Рубрук, Гильом де. Путешествие в восточные страны // История монголов. М.: Транзиткнига, 2005.
- Рычков П. И. История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, 1896 (первое издание 1759 г.).
- Рычков П. И. Топография Оренбургская то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии: науч. изд.: В 2 т. / Под ред. чл.-корр. РАН А. А. Чибилева. Оренбург, 2010.
- Савинов Д. Г. Минусинская провинция хунну. СПб: ИИМК РАН, СПб ГУ, 2009.
- Саводник В. Краткий курс истории русской словесности. С древнейших времен до конца XVIII века. 3-е изд. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1915.
- Свет Я. Колумб. Сер. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 1973.
- Седов В. В. Этногенез ранних славян. Вестник Российской академии наук. Т. 73. № 7. 2003. С. 594—605.
- Сенкевич Г. Огнем и мечом. М.: Орбита, 1989.
- Сиротенко В. Т. Письменные свидетельства о булгарах IV—VII вв. в свете современных им исторических событий // Славяно-Балканские Исследования. Историография и источниковедение. М.: Наука, 1972. С. 195—218.
- Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1982.
- Слово о полку Игореве. Сборник / Прозаич. пер. Н. А. Мещерского. Л.: Сов. писатель, 1985.

- Словцов П. А.** Историческое обозрение Сибири. Книга первая, с 1585 до 1742 года. М.: В типографии А. Семена при Императорской Медико-Хирургической академии, 1838.
- Соловьев С. М.** История России с древнейших времен. Соч.: В 18 книгах. Т. 1—29. М.: Мысль, 1988—1995.
- Сокровища Трои.** Из раскопок Генриха Шлимана. Каталог выставки. ГМИИ им. А. С. Пушкина — Леонардо Арте. М., 1996.
- Спасский Г.** (сост. и коммент.). Летопись Сибирская, содержащая повествование о взятии Сибирских земель Русскими, при царе Иване Васильевиче Грозном; с кратким изложением предшествовавших оному событий. Издана с рукописи XVII века. СПб.: В типографии Департамента народного просвещения, 1821.
- Старостин С. А.** У человечества был один язык // Знание — Сила. 2003. 8.
- Стоун Ирвинг.** Муки и радости. Роман о Микеланджело. М.: Художественная литература, 1971.
- Страбон.** География в 17 книгах / Пер. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1964.
- Сыма Цянь.** Исторические записки (Ши Цзи). Т. III / Пер. с кит. Р. В. Вяткина. М.: Наука, 1984.
- Толстой А. Н.** Петр Первый. Собр. соч. Т. 7. М.: ГИХЛ, 1959.
- Торчинов Е. А.** Доклады Чао Цо о сюнну // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. Дальний Восток. Кн. 4. М.: Восточная литература, 2005. С. 383—414.
- Феномен алтайских мумий** / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТН СО РАН, 2000.
- Флавий Иосиф.** Иудейские древности. Т. 1 — 2. / Пер. с др.-евр. Г. Г. Генкеля (?). М.: Ладомир, 2003
- Флавий Иосиф.** О древности иудейского народа. Против Апиона // Иудейские древности. Т. 2. М.: Ладомир, 2003. С. 463—543.
- Халфин Н. А.** Егор Казимирович Мейендорф и его путешествие в Бухару // Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975. С. 5—18.
- Черных Е. Н.** История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966.
- Черных Е. Н.** Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.
- Черных Е. Н.** Металл—человек—время. М.: Наука, 1972.
- Черных Е. Н.** Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Изд-во Болгарской Академии наук, 1978.
- Черных Е. Н.** [1978а]. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // Советская археология. 1978. № 4. С. 53—82.
- Черных Е. Н.** Проявления рационального и иррационального в археологической культуре (к постановке проблемы) // Советская археология. 1982. № 4. С. 8—20.
- Черных Е. Н.** Каргалы. Забытый мир. М.: Nox, 1997.

- Черных Е. Н.** Пути и модели развития археометаллургии (Старый и Новый Свет) // Российская археология. № 4. 2005. С. 49—60.
- Черных Е. Н.** Каргалы. Т. V: Каргалы: феномен и парадоксы развития. 2007. М.: Языки славянской культуры. 2007.
- Черных Е. Н.** Древнейший металл в Старом и Новом Свете. Первый металл человечества // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 5. М.: Собрание; Наука, 2008. С. 59—69.
- Черных Е. Н.** Степной Пояс Евразии: феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- Черных Е. Н., Венгеров А. Б.** Нормативная система в структуре древних обществ // Конференция — Причины превращения первобытного общества в рабовладельческое и феодальное: Тез. докл. М.: 1984 С. 61—73.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В.** Древняя металлургии Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1992.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В., Орловская Л. Б.** Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской металлургической провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV—III тыс. до н. э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М.: Институт археологии РАН. 2011. С. 24—62.
- Чеченов И. М.** Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик: 1973.
- Чичуров И. С.** Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: тексты, пер., коммент. М., 1980.
- Шелехов Г.** Рыльского гражданина Григорья Шелехова первое странствование... СПб., 1793.
- Шмидт Р. В.** Металлическое производство в мифе и религии античной Греции // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Т. IX. Вып. 8—10. М.; Л., 1931.
- Эсхил.** Прометей прикованный // Трагедии / Пер. с др.-греч. С. Апта. М.: Художественная литература, 1971.
- Юрченко А. Г.** Историческая география политического мифа. Образ Чингисхана в мировой литературе XIII—XV вв. СПб.: Евразия, 2006.
- Юрченко А. Г., Аксенов С. В.** Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. / Критический текст, пер. с лат. «История Тартар» брата Ц. де Бридиа — С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002.

Bibliography

- The Anatolian Civilisation.** Vol. I. The Council of Europe. XVIII-th European Art Exhibition. Istanbul, May 22 — October 30, 1983.
- The Ancient Culture in Xinjiang along the Silk Road.** Compiled by Qi Xiaoshan and Wang Bo. Urumqi, 2008.
- An Zhimin.** On Early Copper and Bronze Objects in Ancient China // *The Beginnings of Metallurgy in China* / Ed. by K. M. Linduff, H. Rubin, Sun Shuyun. Chinese Studies. Vol. 11. The Edwin Mellen Press, 2000.
- Aruz J. (ed.).** Art of the first cities: the third millenium B.C. from the Mediterranean to the Indus. Catalogue Metropolitan Museum of Art. New York, 2003.
- Aurenche O., Galet P., Régagnon-Caroline E., Évin J.** Proto-Neolithic and Neolithic cultures in the Middle East — the birth of agriculture, livestock raising, and ceramics: a calibrated ^{14}C chronology 12,500—5500 cal BC // *RADIOCARBON*. Vol. 43. No. 3. 2001. P. 1191—1202.
- Bar-Adon P.** The Cave of the Treasure: The Finds from the Caves in Nahal Mishmar. Jerusalem: The Bialik Inst. and the Israel Exploration Society (in Hebrew), 1971.
- Barnard N.** Thoughts on the Emergence of Metallurgy in pre-Shang and Early Shang China, and a Technical Appraisal of Relevant oBronze Artifacts of the Time // *Bulletin of the Metals Museum*. 19. 1993. P. 3—48.
- Bayburtoğlu B, Yildirim S.** Gold and Silver in Anatolia // *Anatolian Metal IV. Der Anschnitt*. Bhft 21. Bochum 2008. P. 43—53.
- Benz M., Coşkun A., Weninger D., Alt K. W., Özkaya V.** Stratigraphy and radiocarbon dates of the PPNA site of Körtik tepe, Diarbakir // 26 Arkeometri sonuclari toplantisi. Istanbul, 24—28 Mayıs 2010 (Ankara 2011). P. 81—100.
- Benz M.** Comments on radiocarbon dates of Epipalaeolithic and Early Neolithic sites of the Near East. http://www.exoriente.org/associated_projects/ppnd.php.
- Bloomfield L.** Language. NY; Chicago: Holt, Rinehart & Winston, 1933.
- Born H., Hansen S.** Helme und Waffen Alteuropas. Bd IX. Sammlung Axel Guttman. Verlag Sammlung Guttman bei Verlag Philipp von Zabern. Berlin, 2001.
- Bowman Sh.** Radiocarbon dating. London: The Trustees of the British Museum, 1990.
- Cheng Te-kun.** Archaeology in China. Vol. 2. Cambridge: Heffer, 1960.
- Černych E. N.** Periodisierung der Frühmetallzeit: allgemein oder regional? Atti del X Simposio Internazionale sulla fine del Neolitico e gli inizi dell'Eta del Bronzo in Europa, 1982. Verona. S. 27—43.

- Chernykh E. N.** Rational and Irrational in Culture (on the problem disintegration of the Copper Age cultures in the Balkans) // XI. Internationales Symposium über das Spätneolithikum und die Bronzezeit. Symposia Thracica. Xanthi. 1982. S. 91—109.
- Chernykh E. N.** Ancient mining and metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge University Press, 1992.
- Chernykh E. N.** Postscript: Russian archaeology after the collapse of the USSR — infrastructural crisis and the resurgence of old and new nationalism // Nationalism, Politics, and the practice of archaeology. Cambridge University Press, 1995. P. 139—148.
- Chernykh E. N.** The “Steppe Belt” of stockbreeding cultures in Eurasia during the Early Metal Age // Trabajos de Prehistoria. 65. No. 2. Julio-Diciembre 2008. P. 73—93.
- Chernykh E. N.** Eurasian Steppe Belt: Radiocarbon Chronology and Metallurgical Province // Anatolian Metal V. Der Anschnitt. Bht 24. Bochum 2011. P. 151—171.
- Chronik der Menschheit.** Dortmund: Chronik-Verlag, 1984.
- Cook James** — The journals of captain James Cook on his voyages of Discovery. The voyage of the Endeavour 1768—1771. Cambridge, 1955.
- Chronicle of Theophanes the Confessor** / Transl. by Cyril Mango and Roger Scott. Oxford: Clarendon Press, 1997.
- Cultural relics.** Cultural relics and archaeological annals. Urumqi, 2011. (In Chinese).
- Di Nocera G. M.** Radicarbon datings from Arslantepe and Norsuntepe: the fourth—third millenium absolute chronology in the upper Euphrates and transcaucasian region // Chronologies des Pays du Caucase et de l’Euphrate aux IVe—IIIe Millenaires / Marro C., Hauptmann H. (eds.). Varia Anatolica XI. 2000. P. 73—93.
- Ecsedy I.** The People of the Pit Grave Cultures in Eastern Hungary. Budapest: Akademiai kiado. Fontes Archaeologica Hungaricae. No. 10. 1979.
- Esin U.** Copper objects from the pre-pottery Neolithic site of Aşikli (Kizilkaya Village, Province of Aksaray, Turkey) // The Beginnings of Metallurgy. Der Anschnitt. Bht 9. Bochum, 1999. P. 23—30.
- The Formation of Chinese Civilization.** An Archaeological Perspective / Ed. by Sarah Allan. C & C Offset Printing Co., Ltd, 2000.
- Frangipane M.** 4th millenium Temple/Palace Complex at Arslantepe-Malatya // North-South Relations and the Formation of Early State Socieies in the Northern Regions of Greater Mesopotamia. Paléorient 23, (1997). P. 45—73.
- Frangipane M.** Centralization Processes in Greater Mesopotamia: Uruk Expansion as the climax of systematic interactions among areas of the greater Mesopotamian region. In: Uruk Mesopotamia and its Neighbors: Cross Cultural. Interactions in the Era of State Formation. Santa Fe: School of American Research Press, 2001.
- Frangipane M. (editor).** Economic Centralization in Formative States. The Archaeological Reconstruction of the Economic System in 4th Millenium Arslantepe. Stidi di Preistoria Orientale. Vol 3. Sapienza Universita di Roma, 2010.

- Frangipane M., Di Nocera G.M., Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieri A., Sadori L., Schultz M., Schmitz-Schultz T.** New Symbols of a New Power in A "Royal" Tomb from 3000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey) // *Paleorient* 27/2. 2001. P. 105—139.
- Im Zeichen des Goldenen Greifen.** Königsgraber der Skythen. München; Berlin; London; New York: Prestel 2008.
- Gadzhiev, M. G., Kohl, P. L., Magomedov, R. G., Stronach, D., Gadzhiev, Sh. L., Lopez, P., Lopez, B., Moreno, M., Morales, A., Moreno, J., Lopez-Sáez, A. and M. Martin.** Daghestan-American Archaeological Investigations in Daghestan, Russia, 1997—1999 // *Eurasia Antiqua*. 6. 2000. P. 47—124.
- Georgien:** Schätze aus dem Land des Goldenen Vlies / Hrsg. I. Gambaschidze, A. Hauptmann, R. Slotta, Ü. Yalçın. Bochum: Dt. Bergbau-Museum, 2001.
- Ghirshman R.** Persia. Protoiranos, Medos, Aquemenidas. Aguilar, S.A. de Ediciones, 1964.
- Govedarica B., Kaiser E.** Die äneolitische abstrakten und zoomorphen Steinzepter Südost- und Osteuropas // *Eurasia Antiqua*. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Bd 2. 1996. Mainz: Verlag Philipp von Zabern.
- A Grand view of Xinjiang's cultural relics and historic sites.** Suntime Techno-Economic Cooperation (Group) Co. Ltd. Urumqi, 1999. (In Chinese).
- Guo Wu.** Archaeological Reserches of the Societies of the Late Prehistory in Xinjiang. Shanghai Gruji Press, 2011 (in Chinese).
- Hauptmann H.** Ein Kultgebäude in Nevalı Cori // Between the Rivers and over the Mountains. *Archaeologica anatolica et mesopotamica Alba Palmieri dedicata* / Eds. M. Frangipane, H. Hauptmann, M. Liverani, P. Matthiae, M. Mellink. Universita di Roma "La Sapienza", 1993. P. 37—70.
- Hess K., Hauptmann A., Wright H. T., Whallon R.** Evidence of fourth millennium BC silver production at Fatmalı-Kalecik, East Anatolia // *Metallurgia Antiqua*. In Honour of Hans-Gert Bachmann and Robert Maddin / Hrsg. Rehren Th., Hauptmann A., Muhly J. D. Der Anschnitt. Bhft 8. Bochum, 1988. P. 57—68.
- Hauptmann A., Palmieri A.** Metal Production in the Eastern Mediterranean at the transition of the 4th/3rd millennium: Case Studies from Arslantepe // *Anatolian Metal I* / Hrsg. Ünsal Yalçın. Der Anschnitt, Bhft 13. Bochum, 2000. S. 75—82.
- Huntingford G. W. D.** Free hunters, serf-tribes and submerged classes in East Africa // *Man*, dec. 1931. Vol. XXXI. № 262.
- Im Zeichen des Goldenen Greifen.** Königsgraber der Skythen. München; Berlin; London; New York: Prestel, 2008.
- Johnson A.** Solving Stonhenge. The New Key to an Ancient Enigma. Thames & Hudson, 2008. P. 288.
- Jovanović B.** Stepska kultura u enolitskom periodu Jugoslavije. In *Praistorija Jugoslavenskih zemalja. Eneolit*. Akademija nauka i umetnosti Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1979. P. 381—396.

- Kaul F.** Der Sonnenwagen von Trundholm // Der geschmiedete Himmel. Die weite Welt im Herzen Europas vor 3600 Jahren / Hrsg. H. Meller. Stuttgart: Theiss, 2006. S. 54—57.
- Kohl Ph.** The Making of Bronze Age Eurasia. Cambridge University Press, 2007.
- Kovalev A. A.** The Great Migration of the Chemurchek People from France to the Altay in the early 3rd Millenium BCE // International Journal of the Eurasian Studies. Vol. 1(11). 2011. P. 1—58.
- Krause R.** Zur Entwicklung der frühbronzezeitlichen Metallurgie nördlich der Alpen // Mensch und Umwelt in der Bronzezeit Europas / Hrsg. B. Hänsel. Kiel: Oetker-Voges Verlag, 1998. S. 163—192.
- Li Chunxiang, Li Hongjie, Cui Yinqiu, Xie Chengzhi, Cai Dawei, Li Wenying, Mair V. H., Xu Zhi, Zhang Quanchao, Abuduresule Idelisi, Jin Li, Zhu Hong, Zhou Hui.** Evidence that a West-East admixed population lived in the Tarim Basin as early as the early Bronze Age // BMC Biol. 2010. 815.
- Lovell Julia.** The Great Wall. China against the World 1000 BC — AD 2000. Atlantic books, 2000.
- Lu Liacheng.** The Eastern Zhou and the Growth of Regionalism // The Formation of Chinese Civilization. P. 203—248.
- Lu Liacheng, Yan Wenming.** Society during the Three Dynasties // The Formation of Chinese Civilization. P. 141—202.
- Maddin R., Muhly J. D., Stech T.** Early metalworking at Çayönü // The Beginnings of Metallurgy. Der Anschnitt. Bht 9. Bochum, 1999. P. 37—44.
- Mair V. H.** Prehistoric Caucasoid corpses of the Tarim Basin. Journal of Indo-European Studies. 23/ 1995. P. 281—307.
- Mair V.** "Priorities" // The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia / Ed. by Victor H. Mair. Institute for the Study of Man Inc. in collaboration with The University of Pennsylvania Museum Publications. 1998. P. 4—44.
- Mannerheim** // Mannerheimin C. G. Valokuvia Aasian-Matkalta 1906—1908 / Ed. by Peter Sandberg. Helsingissä kustannusosakeyhtiö otava. 1990.
- Mei J.** Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang. Its cultural context and relationship with neighbouring regions. BAR International Series 865, 2000.
- Mei J.** Metallurgy in Bronze Age Xinjiang and its Cultural Context // Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River / Ed. by K. M. Linduff. New York, 2004.
- Mei J.** Early metallurgy in China: some challenging issues in current studies // J. Mei & Th. Rehren (eds.). Metallurgy and Civilization: Eurasia and Beyond. Archetype Publ. Ltd. 2009. P. 9—16.
- Mellaart J.** Earliest civilizations of the Near East. London: Thames & Hudson, 1965.
- Mellaart J.** Çatal Hüyük: a Neolithic Town of Anatolia. New York: McGraw-Hill Book Company, 1967.
- Meller H.** Die Himmelsscheibe von Nebra // Der geschmiedete Himmel. Die weite Welt im Herzen Europas vor 3600 Jahren / Hrsg. H. Meller. Stuttgart: Theiss, 2006. S. 22—31.

- Meller H.** Der Körper des Königs // Der geschmiedete Himmel. Die weite Welt im Herzen Europas vor 3600 Jahren / Hrsg. H. Meller. Stuttgart: Theiss, 2006. S. 7. 94—97.
- Menkhaus K.** Bantu ethnic identity in Somalia // *Annales d’Ethiopie*. 2003. Vol. XIX. P. 323—339.
- Miniaev S. S., Sakharovskaia L. M.** Investigation of a Xiongnu Royal Complex in the Tsaruum Valley. Part 2: The Inventory of Barrow No. 7 and the Chronology of the Site // *The Silk Road*. Vol. 5. No. 1. 2007.
- List M., Montero-Ruiz I., Clop X., Rovira S., Guerrero E. and Anfruns J.** New metallurgic finding from the Pre-Pottery Neolithic: Tell Halula (Euphrates valley, Syria) // *Paleorient*. Vol. 35.2. P. 33—48.
- Montelius O.** La civilisation primitive en Europe depuis l’introduction des métaux. Stockholm, 1895.
- Montelius O.** Montelius O. Die chronologie der ältesten Bronzezeit in Norddeutschland und Skandinavien. Stockholm, 1900.
- Muhl A.** Gesegnetes Land & der Grossraum Dieskau im frühbronzezeitlichen Fundmosaik // Der geschmiedete Himmel. Die weite Welt im Herzen Europas vor 3600 Jahren / Hrsg. H. Meller. Stuttgart: Theiss, 2006. S. 100—103.
- Müller-Karpe H.** Das Grab der Fu Hao von Anyang // Beiträge zur Allgemeinen und vergleichenden Archäologie / Hrsg. Müller-Karpe H. Munich: Beck’she Verlagsbuchhandlung, 1979.
- New archaeological finds in China.** Discoveries during the Cultural Revolution. Peking: Foreign Languages Press, 1973.
- Ordos Bronze Wares.** 2006. ISBN 7-5010-1972-X (In Chinese).
- Özdoğan M., Özdoğan A.** Archaeological evidence on the early metallurgy at Çayönü Tepesi // The Beginnings of Metallurgy. Der Anschnitt. Bht 9. Bochum, 1999. P. 13—22.
- Özkaya V., Coşkun A.** Körtik Tepe, a new Pre-Pottery Neolithic A site in south-eastern Anatolia // *Antiquity*. Vol. 83. Issue 320. J. 2009.
- Palmieri Alba 1981.** Excavation at Arslantepe. *Anatolian Studies*, XXXI. P. 101—119.
- Palmieri Alberto, Di Nocera G. M.** The Metal Objects from the “Royal” Tomb at Arslantepe (Malatya-Turkey) and the Metalwork Development in the Early Bronze Age // *Landscapes, Territories, Frontiers and Horizons in the Ancient Near East. Papers presented to the XLIV Rencontre Assyriologique Internationale. Venezia, 7—11 July 1997. Monographs III*, 3. Padova, 1999. P. 179—190.
- Parzinger H.** Die Reiternomaden der Skythenzeit in der Eurasischen Steppe // *Unbekanntes Kasachstan, II. Archäologie im Herzen Asiens* / Hrsg. Th. Stöllner, Z. Samašev. Deutsches Bergbau-Museum Bochum, 2013. S. 539—553.
- Pilipenko A. S., Molodin V. I.** Paleogenetic Analysis in Archaeological Studies // *Russian Journal of Genetics: Applied Research*, 2011. Vol. 1. No. 1. P. 51—72.

- Pilipenko A. S., Romanchenko A. G., Molodin V. I., Parzinger H., Kobzev V. F.** Mithondrial DNA studies of the Pazyryk people (4th to 3rd centuries BC) from northwestern Mongolia // *Archaeol Antropol Sci.* Springer Verlag, 2010.
- Pernicka E., Rehren Th., Schmitt-Strecker S.** Late Uruk silver production by cupellation at Habuba Kabira, Syria // *Metallurgia Antiqua. In Honour of Hans-Gert Bachmann and Robert Maddin* / Hrsg. Rehren Th., Hauptmann A., Muhly J. D. Der Anschnitt. Bht 8. Bochum, 1988. P. 123—134.
- Read Piers Paul.** The Templars. Weidenfeld & Nicolson Ltd. 1999.
- Russell Bertrand.** Has Religion Made Useful Contribution to Civilization? An Examination and a Criticism. London: Watts & Co, 1930.
- Rezepkin A. D.** Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien // *Archäologie in Eurasien.* Bd 10. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2000.
- Rolle R., Murzin V. Ju. Alexeev A. Ju.** Königskurgan Čertomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. Vorchristlichen Jahrhunderts. Teilband II. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1998.
- Schachner A.** Zur Entwicklung der Metallurgie im östlichen Transkaukasien (Azerbaycan und Nahçevan) während des 4. und 3. Jahrtausends // *Anatolian Metal II. Der Anschnitt.* Bht 15. Bochum 2002. P. 115—130.
- Das Schiff von Ulunburun.** Welthandel vor 3000 Jahren. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 15. Juli 2005 bis 16. Juli 2016 / Hrsg. Ü. Yalçin, C. Pulak, R. Šlotta. Bochum, 2005.
- Schmidt Klaus.** Sie bauten die ersten Tempel. Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger. Die Archäologische Sensation am Göbekli Tepe. München: Verlag Beck. 2006.
- Schoop U-D.** Aspects of early metal use in Neolithic Mesopotamia // *The Beginnings of Metallurgy. Der Anschnitt.* Beiheft 9. Bochum, 1999. P. 31—36.
- Silk road Treasures.** Urumqi, 2010 (in Chinese).
- Smith M. E.** The Aztecs. Blackwell Publishers, 1996.
- Steppe.** Steppe. Heavenly Horses. Nomads. A visit to the Ili Kazakh Autonomous Prefecture's Cultural Relics and Historic Sites. (Yining), 2008 (In Chinese & English).
- Stordeur D., Helmer D., Jamous B., Khawam R., Molist M., Willcox G.** Le PPNB de Syrie du Sud à travers les découvertes récentes à tell Aswad // *Hauran V. La Syrie du sud du néolithique à l'Antiquité tardive. Recherches récentes. Actes du colloque de Damas* 2007. Vol. I. Beyrouth, 2010. S. 41—67.
- Stöllner Th., Körlin G.** Der Katalog der Funde // *Streifzüge durch Persien. 5500 Jahre Geschichte in Ton.* Bochum: WAZ-DRUCK GmbH & Co, 2008.
- Stöllner Th., Gambashidze I.** Gold in Georgia II: The Oldest Gold Mine in the World // *Anatolian Metal V. Der Anschnitt.* Bht 24. Bochum, 2011. P. 187—200.
- Strommenger E.** Habuba Kabira. Eine Stadt vor 5000 Jahren. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1980.

Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. Bd I. Bochum, 2013.

Yalçın U. Anfänge der Metallverwendung in Anatolien // Anatolian Metal I. Der Anschnitt, Bhft 13. Bochum, 2000. P. 17—30.

Yalçın U., Pernicka E. Frühneolithische Metallurgie von Aşıklı Höyük // The Beginnings of Metallurgy. Der Anschnitt. Bhft 9. Bochum, 1999. P. 4S—S4.

Yalçın U., Yalçın H. G. Reassessing anthropomorphic metal figurines of Alacahöyük, Anatolia // Near Eastern Archaeology. No. 76: 1, 2013. P. 38—49.

Yang Jianhua. The formation of Northern Chinese frontier belt during the Spring and Autumn and Warring States periods. Aurora Centre for the Study of Ancient Civilizations, Peking University. Publication Series. No. 10. Beijing: Cultural Relics Publishing House, 2004 (In Chinese).

Xu Pingfang. The Formation of the Empire by the Qin and Han Dynasties and the Unification of China // See: The formation of Chinese civilization. P. 249—282.

Zhang Liangren Ancient Society and Metallurgy. A comparative study of Bronze Age societies in Central Eurasia and Northern China. BAR International Series 2328, 2012.

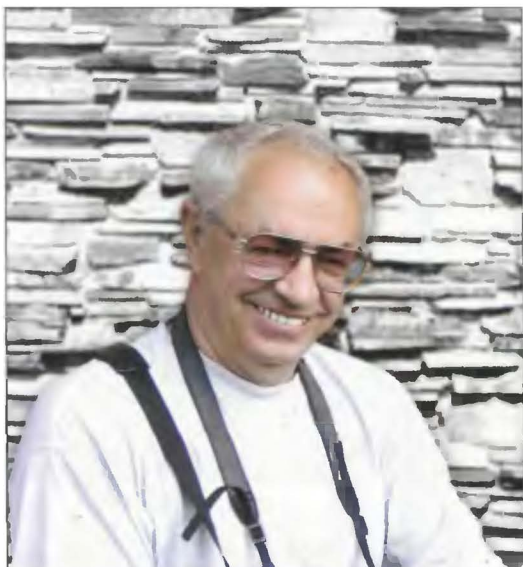
Zweig Stefan. Amerigo: Die Geschichte eines historischen Irrtums. 11. Aufl. Fischer, Frankfurt a. M., 2001.

Waterbolk H. T. The 1959 Carbon-14 Symposium at Groningen // Antiquity, XXXIV. 1960. P. 14—18.

Weisgerber G. Montanarchäologie. Grundzüge einer systematischen Bergbaukunde für Vor- und Frühgeschichte und Antike. Teil I. Der Anschnitt. No. 6. Bochum, 1989.

Wong Jichao. Tomb of Marquis Yi of Zeng in Suixian County and Bronze Chimebells of Marquis Yi of Zeng // Hubei Association for Cultural Exchanges with Foreign Countries. Hubei Provincial Museum. Hubei pictorial. Hong Kong, 1988. P. 19—23.

Wright J. K. The geographical lore of the time of the crusades. A study in the history of medieval science and tradition in Western Europe. N. Y., 1925.

Черных Евгений Николаевич — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук; в течение последних трех десятилетий заведует лабораторией естественнонаучных методов Института археологии РАН. Большая часть жизни автора книги была связана с археологическими экспедициями и путешествиями от Иберийского полуострова на западе Евразии вплоть до Монголии и Синьцзяна на востоке, и от Балкан, Анатолии и Памиро-Тянь-Шаня на юге вплоть до таяжных и приполярных регионов Евразии. Е. Н. Черных автор более четырех сотен статей и двух десятков книг. Фотоискусство уже с юных лет неизменно влечет его, поэтому многие его фотографии — особенно из труднодоступных регионов Евразии — можно встретить и в настоящей книге.

Даши Намдаков — скульптор и художник. Нужны ли какие-то особые слова для представления его столь своеобразного и высокоталантливого искусства? Конечно же, нет. Благодаря многим выставкам, великолепные творения художника известны ныне не только в Российской Федерации, но и за ее далекими пределами. Проводившаяся, например, в 2010 году в Государственном Эрмитаже выставка именовалась как «Ностальгия по истокам. Вселенная кочевников Даши Намдакова». И это справедливо — ведь создаваемая бурятским скульптором Вселенная погружена своими корнями в Восток — именно в Восток Евразии. Западный кочевой мир нашего континента известен нам очень давно и очень хорошо — это Скифский мир первого тысячелетия до новой эры. Не ведать и не восхищаться его неповторимыми и запечатленными в золоте и серебре произведениями искусства ныне вряд ли возможно. Но вот мир кочевников Востока?.. Наши знания о его высоком искусстве обрываются, пожалуй, на знаменитых стелах или же «Оленных камнях» конца II и I тыс. до н. э. На них летящие фигуры оленей опоясывают перетянутые поясом каменные одеяния вождей. А после этих скульптур видимая, хотя и трудно осознаваемая пустота. Но какая разница — ведь скифы буквально все свои богатства копили, чтобы заложить их в могилы для обеспечения себе достойного статуса в вечном, но уже потустороннем мире. Иное дело кочевники Востока: для них весьма желанный материальный мир пресекался с кончиной. С того момента их душа погружалась в мир духовный, где материальные излишества могли лишь извратить суть желанной вечности... Поэтому кажется даже, что Даши Намдаков как бы материализует для нас то, чего не выразили его далекие предки...

Творчество Даши поразительно созвучно содержанию настоящей книги. Поэтому согласие скульптора принять участие в ее оформлении автор воспринял с глубокой благодарностью.

Евгений Николаевич Черных

**КУЛЬТУРЫ НОМАДОВ В МЕГАСТРУКТУРЕ
ЕВРАЗИЙСКОГО МИРА**

Том 2

Корректор О. Сурикова

**Оригинал-макет и художественное
оформление переплета И. Богатыревой**

Подписано в печать 07.10.2013. Формат 70х100/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Calibri.
Усл. печ. л. 34,83. Тираж 700 экз. Заказ № К-12103.

Издательство «Языки славянской культуры»
№ госрегистрации 1037739118449
Phone: 8 (495) 95-95-260 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: 8 (499) 255-77-57, тел.: 8 (499) 793-57-01, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, ул. Бутлерова, д. 17 «Б», офис 313

Отпечатано в ГУП ЧР «ИПК «Чувашия»
Мининформполитики Чувашии,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.